ВЕНЕЦИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

1888

1972

Антология

Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972

«НЛО»

1888–1972

УДК [821.161.1(082.2)«1888/1972»]:(450.341)
ББК 84(2=411.2)6я43

Антология

Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972 /
Антология — «НЛО», 1888–1972

ISBN 978-5-4448-1322-5

Романтический образ Венеции, города снов, мечты и воспоминаний – один из ключевых в русской и мировой культуре. Он слагался из живописных, музыкальных и стиховых отражений. Для поэзии русской – это еще и южный «двойник» Санкт-Петербурга. Книга «Венеция в русской поэзии. 1888–1972» – первый опыт сводной антологии русских стихотворений, посвященных этому городу. Хрестоматийные тексты А. Ахматовой, А. Блока, Н. Гумилева, Н. Заболоцкого, М. Кузмина, О. Мандельштама, Б. Пастернака, В. Ходасевича и многих других соседствуют здесь с сочинениями менее прославленных, а то и вовсе безвестных поэтов, чьи рифмованные венецианские впечатления оставались до сегодняшнего дня не учтенными ни библиографией, ни историей литературы. Стихи сопровождены подробным комментарием и обстоятельными биографическими справками об авторах. Книга предваряется очерком поэтического освоения Венеции и поэтапным описанием практической стороны итальянских путешествий двадцатого века.

УДК [821.161.1(082.2)«1888/1972»]:(450.341)
ББК 84(2=411.2)6я43

ISBN 978-5-4448-1322-5

© Антология, 1888–1972
© НЛО, 1888–1972

Содержание

Уворованная связь и заумный сон 18
Венеция: исторический путеводитель 37
1 37
2 39
3 43
4 46
5 52
6 55
7 60
8 64
9 66
10 71
11 72
12 74
13 77
14 79
15 83
16 87
17 91
18 94
19 99
20 107
21 117
22 125
23 129
24 136
25 141
26 144
27 150
28 155
29 157
30 160
31 164
32 170
33 173
34 175
35 177
36 179
37 181
38 185
39 189
40 193
41 196
42 198
Стихотворения 199
Николай Агнивцев 199

Венецианские кружева 199
Всеволод Азаров 200
Венеция 200
Пока не утро 200
Лидия Алексеева 202
На Адриатике 202
Маргарита Алигер 203
Гондольеры 203
Тинторетто 204
Вадим Андреев 206
«Венеция! Наемный браво…» 206
Посвящение 206
Мария Анисимова 208
Венеция 208
«Венеция вдали, как странный сон…» 208
Вера Аренс 209
Фонтанка 209
Анна Ахматова 210
Венеция 210
Из цикла «В пути» 210
Николай Ашукин 211
Смутное воспоминанье 211
Вадим Баян 213
Венеция 213
Нонна Белавина 214
Венеции 214
Яков Бергер 215
Венеция, 1966 215
«Св. Марк – гондольеры тут грезили…» 215
Николай Бернер 217
«Затихающий голос кварталов…» 217
Сонет 217
Венеция 217
Колдунья в Венеции 218
Александр Блок 219
«Сплетались времена, сплетались страны…» 219
«Мы шли на Лидо в час рассвета…» 219
Венеция 220
Петр Бобринский 222
«Латинским парусом погас…» 222
Torcello 222
Венеция 222
Ольга Бодневская 224
Из Венеции 224
Николай Брандт 225
Венецианская ночь 225
Александр Брумберг 226
«По водам Риальто гондола скользила…» 226
Валерий Брюсов 227

Анатолий в Венеции XVIII в 227
Данте в Венеции 227
Лев святого Марка 228
Венеция 229
Опять в Венеции 230
Екатерина Бунге 231
«Качались гондолы, как черные звери…» 231
Иван Бунин 232
Венеция 232
Венеция 235
Виктор Буренин 236
Венеция 236
<Из поэмы «Бианка Капелло»> 236
Иван Быковский 238
Из воспоминаний о Венеции 238
«Я в Риальто спешу на гондоле…» 238
В. В – С 239
В Венеции 239
Сергей Вавилов 240
Венеция в полдень 240
Константин Вагинов 241
Венеция 241
Сергей Васильев 242
Гондольер поет страданье 242
Владимир Вейдле 247
Баллада о Венеции 247
Riva Degli Schiavoni 249
Нет 249
Там же еще раз 250
Говорит Венеция: 250
Мансур Векилов 252
Дождь в Венеции 252
Дмитрий Вергун 253
В Венеции 253
Александр Вержбицкий 255
Фальеро – дож Венеции 255
Татьяна Вечорка 257
Талисман 257
Карло Гоцци 257
Николай Вильде 258
Венеция 258
Ирина Волобуева 259
«В воде каналов тени от приколов…» 259
Максимилиан Волошин 260
Венеция 260
Вольтерьянец 261
Воспоминание о Венеции 261
Варвара Вольтман 262
Муссолини и шут 262

Анна Волынцева 264
Vorrei baciar’ 264
Анатолий Гейнцельман 265
Сумерки на лагуне 265
Венецейские цехины 265
Школа Сан Рокко 266
Torcello 266
Голуби св. Марка 266
Евгений Геркен 268
В Венеции 268
Эммануил Герман 269
Северная Венеция 269
Казанова 270
Голливуд в Венеции 270
Татьяна Глаголева 272
В Венеции 272
Анна Глебова-Михайловская 273
«Венеции благословенной дожи…» 273
Василиск Гнедов 274
«Перед моим окном Венеция…» 274
Григорий Гнесин 275
Баркарола 275
Венеция 275
Николай Година 277
Венецианский ноктюрн 277
Мурано 277
Мост вздохов 278
Арсений Голенищев-Кутузов 280
На лагунах Венеции 280
Илья Голенищев-Кутузов 281
«Голубая дымка окарино…» 281
Сергей Головачевский 282
Догаресса 282
На разрушение колокольни Св. Марка в Венеции 283
Лев Горнунг 285
Наводнение 285
Сергей Городецкий 286
Венеция ночью 286
Венеция 286
Лев Венеции 287
Ирина Грицкат 289
Марко Поло 289
Леонид Гуляев 291
Венеция 291
Николай Гумилев 292
«Этот город воды, колоннад и мостов…» 292
Венеция 292
Юрий Данцигер 294
Джакомо Казанова 294

Александр Дехтерев 295
Венеция 295
Анатолий Доброхотов 296
Венеция 296
Евгений Долматовский 297
Венеция 297
И. Донской 298
Слова к вальсу «Венеция» 298
Василий Дряхлов 299
Грезы об Италии 299
Михаил Дудин 300
Прощаясь с Венецией 300
Бенедикт Дукельский 301
Bleue-Marine 301
Венецианский герб 302
Венеция 303
Владимир Дукельский 304
Venice, Calif 304
Любимому городу 304
Маргарита Дьяконова 306
Венеция 306
Лев Жданов 307
«За аркой арка на пьяцетте…» 307
Карнавал 307
«Сильфиды сказка днем…» 308
Николай Заболоцкий 309
Венеция 309
Случай на Большом канале 310
Сергей Заяицкий 311
Легенда о венецианском дворце 311
«Спасибо за письмо. Я очень был доволен…» 322
Владимир Злобин 324
«По вечерам гостей толпа…» 324
Воспоминание о Венеции 324
Баллада 325
Из венецианского альбома 326
Венеция 327
Венеция 328
Борис Зубакин 329
Венецианские ночи. Ночь первая 329
Венеция 329
Сергей Зубов 330
«Скукой нежною скучаю…» 330
«На гондоле уплывали…» 330
Вячеслав Иванов 331
Собор Св. Марка 331
Баркарола 331
Колыбельная Баркарола 332
Лагуна 332

Димитрий Иванов 334
«В голубом эфира поле…» 334
Юрий Иваск 335
Святой Марк 335
Венеция 335
Венеция 335
Зеленая живопись Венеции 336
Живопись Франческо Гварди 336
Венеция. «Любовь к трем апельсинам» Карло Гоцци 337
Олег Ильинский 338
Музеи 338
Венецианские полотна 339
Венецианская тема 339
Вера Инбер 340
Венеция 340
Л. И. И-ст-м 341
Венеция 341
Опять Венеция 341
Еще Венеция 342
Вивиан Итин 343
Догаресса (подражание Пушкину) 343
Михаил Казмичев 344
Гоцци 344
Василий Каменский 345
Венеция (глава из поэмы «Иван Болотников») 345
Федор Касаткин-Ростовский 360
Звезда лагун 360
Борис Каховский 365
Венеция 365
Софья Киндякова 366
«Черны, как ночь, на землю пали тени…» 366
В гондоле 367
Семен Кирсанов 368
Дорога в Венецию 368
Большой канал 369
«Флориан» 370
Рассвет в Венеции 372
Флаги 373
Палаццо Дожей 374
Долгий дождь 375
Александр Китаев 377
Отъезд в Венецию 377
Дмитрий Кобяков 378
«Фонарных решеток узоры на стенах…» 378
Борис Ковынев 379
Песня гондольера [568] 379
Сергей Козеко 380
Венеция 380
Венеция 380

Лидия Кологривова 381
«Под тихий плеск каналов…» 381
Венеция 382
Василий Комаровский 384
«Пылают лестницы и мраморы нагреты…» 384
Мария Комиссарова 385
Венеция 385
Александр Кондратьев 386
Венеция (из путевого альбома) 386
Наталья Кончаловская 387
Стеклодувы в Мурано 387
Пьяцетта 388
Лестница Гигантов 388
Юрий Кос 391
Венеция 391
Александра Костомарова 392
Путешествие в Венецию в 1895 г 392
Догаресса 392
Константин Краевский 394
В Венеции 394
Александр Красносельский 395
Сан-Марко 395
Дмитрий Крачковский 396
Венеция 396
«Для ваз, тончайших ваз чудесного Челлини…» 396
«Асимметрия окон во дворце…» 397
«Те очень нежные слова…» 397
Кристина Кроткова 399
В Венеции 399
Ночь в Венеции 399
Михаил Кузмин 401
Новый Ролла (неоконченный роман в отрывках) (фрагмент) 401
Св<ятой> Марко 405
Венеция 406
Сны 406
Венецианская Луна 407
Иван Кукарников 408
Серенада 408
Александр Кушнер 409
Венеция 409
Лидия Лебедева 410
Венеция 410
Борис Лейтин 411
Весна 411
Владимир Лехно 412
Венеция 412
Оскар Лещинский 414
Венеция 414

Магда Ливен 415
Баркаролла 415
Константин Липскеров 416
Воришка 416
Венеция 416
Венеция 416
Серенада о Луне 417
Марк Лисянский 419
Венеция 419
На площади Святого Марка 420
Николай Лихтерман 422
Венеция (фантазия) 422
Павел Ловинский 423
Баркаролла 423
Алексей Лозина-Лозинский 424
В Венеции 424
Михаил Лопатто 425
«Две тени мы души одной…» 425
Венеция 425
«Голубки Марка, вечер осиян…» 426
Байрон в Венеции 426
«Густое черное вино…» 427
Яков Лурье 428
<Пародия> на Гумилева 428
Павел Лыжин 429
Закат Казановы 429
Константин Льдов 432
«И мне сверкали вы бывало…» 432
Сергей Маковский 433
Венецианские ночи (сонеты) 433
«Неверия и веры слепота…» 434
«На веницейском кладбище когда-то…» 434
Варвара Малахиева-Мирович 436
«На мраморную балюстраду…» 436
«Цикламена бабочки застыли на столе…» 436
Сергей Мамонтов 438
Жемчужина морей 438
Осип Мандельштам 440
«Веницейской жизни мрачной и бесплодной…» 440
Нина Манухина 441
L’heure mauve à Venise 441
Мария Мара 442
Баркаролла 442
Владимир Марков 443
Мост вздохов 443
«Трудно пробыть полчаса в церкви Scalza на Grande Canale…» 443
«Рада гондола, покинув каналов сырых паутину…» 444
Мальвина Марьянова 445

«Венеция влечет твои взоры…» 445
Алексей Масаинов 446
Венеция 446
Франческа 447
Дмитрий Мережковский 449
Венеция 449
Николай Митрофанов 450
Венеция 450
Ольга Можайская 451
Венеция 451
Александр Моргулис 453
«А если ты жгла меня…» 453
Андрей Муравьев 454
Муравиада (отрывок из моей биографии) 454
Людмила Мухина 455
Венеция 455
Владимир Мятлев 457
Гондолонера 457
Баркаролла 457
Владимир Набоков 459
Итальянке 459
Евдокия Нагродская 460
«Лагуна спит, ночь дышит томной лаской…» 460
Неизвестный 461
«Плывя по каналам молчащих Венеций…» 461
Максим Нетропов 462
Венецианская ночь 462
Александр Никитин 464
Под звуки баркароллы 464
Лев Никулин 465
В Венеции 465
Венеция 466
Иван Новиков 467
Монастырь в Венеции 467
Венецианский бокал 467
Ирина Одоевцева 469
«Ни дни, ни часы, а столетья…» 469
Владимир Орлов 470
Венеция 470
Алексей Охрименко 472
Отелло 472
Николай Павлов 474
«Слышишь, играет виола…» 474
Валентин Парнах 475
«Иду в улыбки и в толпу беспечных…» 475
«Аравитянки иль индуски…» 475
София Парнок 476
«Я не люблю церквей, где зодчий…» 476
Борис Пастернак 478

Piazza S. Marco 478
Венеция <редакция 1913 г.> 478
Венеция <редакция 1928 г.> 479
Петр Перцов 481
Венеция 481
Венеция. Дворец дожей ночью 481
Дмитрий Петровский 483
Венеция в природе 483
Нестор Петровский 488
Pax Tibi Marce! 488
Сергей Поварнин 490
Дандоло 490
Константин Подревский 491
Чичисбей 491
Кирилл Померанцев 492
Опять на дорогах Италии 492
Венеция 492
Александр Попов 494
В Венеции 494
Борис Попов 495
Догаресса [571] 495
Петр Потемкин 498
Песнь Казановы 498
Николай Поярков 499
Венеция 499
Софья Прегель 501
Венеция 501
«Смолистый воздух и тяжелый…» 501
Александр Радченко 503
В Венеции 503
На Лидо 503
Всеволод Рождественский 505
Венеция 505
Лунатик (фрагмент) 506
Роберт Рождественский 509
Венеция 509
Александр Ротштейн 511
В гондоле 511
Догаресса 511
Венецианский хрусталь 512
Неол Рубин 513
Преступление [572] 513
Алина Рубинская 514
Венеция 514
Иван Рукавишников 516
Ponte Dei Sospiri 516
San Marco (отрывок) 517
Владимир Саводник 519
Гондольер (фантазия) 519

Глеб Сазонов 522
Пиранези 522
Марк Самаев 523
«Где-то с детства Венеция есть…» 523
Сергей Сафонов 524
«Странно на душе, тоскливо отчего-то…» 524
Венецианские грезы 524
Из «венецианского альбома» 525
«Создана наша ночь не для радостных встреч…» 525
«Вчера я до зари не мог забыться сном…» 526
Виссарион Саянов 527
Венеция 527
М. Свентицкая 528
Венеция 528
Владимир Святловский 529
Венеция 529
Вальс «Венеция» (весенний сон) 529
Дмитрий Святополк-Мирский 533
Венеция 533
Игорь Северянин 534
«Где грацией блещут гондолы…» 534
Анатолий Секретев 535
Венеция 535
Н. Селиванов 536
Венеция 536
Александр Семенов-Тян-Шанский 537
Венецианские строфы 537
Нина Серпинская 545
О чудесном 545
Алексей Сидоров 546
Венецианский сонет 546
«Нет луны на свете яркой…» 546
«Венеция, звезда морей…» 546
Моисей Скороходов 548
Баркаролла 548
Максим Славинский 549
Догаресса 549
В. Сладкопевцев 552
Венецианское предание 552
Борис Смиренский 553
«Свернулись синие волокна…» 553
Владимир Смиренский 554
Казанова 554
Алексей Смирнов 556
В альбом Э. Ю<ргенсону> 556
«Садик бедной траттории на Джюдекке отдаленной…» 556
Ирина Снегова 557
«Я слыхала, что упорно и давно…» 557
Леонид Собинов 558

Венеция (в закоулках) 558
Венеция (на площади) 558
Николай Соколов 560
«В сумрак безмолвной лагуны…» 560
Сергей Соловьев 561
Венеция 561
Венеция 563
Валентин Сонгайлло 565
Баркаролла (песнь венецианских лодочников) 565
А. Степной 567
На венецианском канале 567
Виктор Стражев 568
«Мерной зыбью закачала…» 568
Венецианские ночи 568
Василий Сумбатов 571
Венецийский вечер 571
Голуби Св. Марка 572
Мост вздохов 572
Алексей Сурков 574
Венеция 574
П. Тайна 575
Венеция 575
Михаил Тамаров 576
«Ты помнишь, как плыли в гондоле с тобою…» 576
Владимир Торопыгин 577
«Вода вдоль колоннады немо…» 577
Александра Тулунова 578
Венеция 578
Петр Успенский 579
Венеция (из путевых набросков) 579
Александр Федоров 581
Венеция 581
Татьяна Филановская 582
Осенняя Венеция 582
Борис Филиппов 583
«Тиной и рыбой несет от каналов…» 583
«Глоток вина, горбушка хлеба, винограда кисть…» 583
Нина Харкевич 585
«Венеция, видавшая все виды…» 585
Владислав Ходасевич 586
«„Вот в этом палаццо жила Дездемона…“» 586
Полдень 586
Встреча 587
«Брента, рыжая речонка…» 588
«Интриги бирж, потуги наций…» 589
Романс [576] 590
«Нет ничего прекрасней и привольней…» 591
Варвара Холодковская 592
Ночь в Венеции 592

Гурий Хронусов 594
Венецианская мелодия 594
Георгий Цагарели 595
Венеция 595
На закате 595
Николай Цветков 596
Ночью в Венеции 596
Лидия Чарская 597
Дож и Адриатика 597
Степан Чахотин 599
«Мне снится вновь и призрачность каналов…» 599
«Позднею ночью, при белой луне…» 599
«Кружится сладко голова…» 600
«Тобою я не встречен…» 601
«Miracoli! с высокого дворца…» 601
«Последний день приходит карнавала…» 602
«Опять в palazzo Morosini…» 602
Венеция 603
Федор Червинский 605
В Венеции 605
Колау Чернявский 606
Удине 606
Игорь Чиннов 607
«Задуматься, забыться, замечтаться…» 607
«И по Дворцу венецианских дожей…» 607
Георгий Чулков 608
Сон в Венеции 608
Венеция 609
Воспоминание 610
Ада Чумаченко 611
Венеция 611
Николай Шатров 612
«Я положил себе за правило…» 612
Дмитрий Шаховской 613
Венеция 613
Георгий Шенгели 614
«В голубом эфира поле…» 614
Вячеслав Шене 615
«Прядут безжалостные Парки…» 615
Сергей Шервинский 617
Венеция 617
В Венеции 618
Четыре города 619
Гондола 620
Язык Венеции 621
К сторожу церкви Сан-Джорджо Дэи Скьявони 621
Венецианская дева 622
У моста вздохов 624
Дитя Венеции 624

Байрон в Венеции 626
Анатолий Штейгер 627
«Здесь мы могли бродить с тобою вместе…» 627
Абрам Штейнберг 628
Венецианский дож 628
Конец ознакомительного фрагмента. 629

Александр Соболев, Роман Тименчик
Венеция в русской поэзии
Опыт антологии 1888—1972

Уворованная связь и заумный сон

Как-то Иннокентий Анненский, один из отцов постсимволистской поэзии, поставил к своему шутливому перепеву эпиграф – «Крадущий у крадущего не подлежит осуждению. Талмуд»[1]. Созерцание приключений перепохищенной дубинки давно удивляет и умиляет литературоведов-венециеведов, высаживающих генеалогические деревья с чередующимися ветвями то книжных впечатлений, то наблюдений на местности, переплетающихся друг с другом.

Как-то: британская писательница-мемуаристка Эстер Линч Пиоцци (1741–1821) описала город на лагуне в «Наблюдениях и размышлениях во время путешествия по Франции, Италии, Германии» (1789) – например, собор Святого Марка, освещенный по вечерам, украшенный всеми совершенствами людского искусства, море, подмывающее его стены, и танец лунных лучей на усмиренных волнах, шутки и смех, доносящиеся из кофеен, девушек с гитарами, приплясывающих на площади, людей в масках, весельчаков, распевающих, проходя мимо вас, барку с оркестром, слышимым издалека над водой.

> Кто бы ни был внезапно привлечен этой сценой круглогодичного, судя по всему, веселья, будет близок к тому, чтобы выкрикнуть в Венеции то, что Ева говорит Адаму у Мильтона:
>
> Близ тебя
> Не замечаю времени; равно
> Все перемены суток, все часы
> Мне сладостны[2].

Анна Радклифф, автор бестселлеров как английского, так и русского книжного рынка, сама никогда в Венеции не бывавшая, попользовалась описаниями госпожи Пиоцци для своих «Удольфских тайн»:

> Удивление Эмилии было чрезвычайно, когда она увидела Венецию, ее острова, ее домы, ее башни, которые все вместе возвышались из моря и отражали свои краски на его светлую и дрожащую поверхность. Заходящее солнце покрывало волны, возвышенные Фриульские горы, преграждающие

---

[1] «Укравший у укравшего не подлежит никакому денежному обложению» (Бава кама, 7а). Неизбежные повторения и невольные похищения отражаются в зеркале историографии венецианской темы – и настоящий краткий очерк написан после чтения ряда добротных сочинений коллег, из коих назовем первыми: Jan Paul Hinrichs. In search of another St. Petersburg: Venice in Russian poetry (1823–1997). München, 1997; Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999; Pascal Cziborra. Lagunenlyrik – Venedig im Spiegel der Dichtung: Eine Studie zur europäischen Literaturgeschichte. Hamburg, 2009; Ревзина О. Г. Русская поэтическая венециана // Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 9–11 июня 2011 г.). М., 2013. С. 201–215. В поисках некоторых дополнительных деталей отошлем читателя к статье «Три этюда о русской стиховой венециане» (Тименчик Р. Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 584–632. Ср. также: Головачева А. «Плывя в таинственной гондоле…» («Сны» о Венеции в русской литературе золотого и серебряного веков) // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 157–178).

[2] Mrs Piozzi. Glimpses of Italian Society. London, 1852. P. 135; цитируется Мильтонов «Потерянный рай». Кн. 4. Стих 639 и далее.

к северу Адриатическое море, легким шафрановым цветом. Мраморные портики и колонны Св. Марка были облечены богатыми оттенками и вечерним сумраком. Между тем, как они плыли, великие черты сего города изображались с большею ясностию. Его террасы, на коих возвышались здания воздушные, однако ж величественные, освещаемые, как и действительно они тогда сияли, последними лучами солнца, представлялись более извлеченными из моря жезлом волшебника, нежели построенными рукою смертного.

Солнце наконец исчезло, и тень постепенно распространялась по волнам и горам; она погасила последние его огни, позлащавшие их вершины, и виолетовый <так!> меланхолический цвет вечера распростерся подобно покрову. Сколь была глубока, сколь была прекрасна тишина, окружавшая сцену! Натура, казалось, погружалась в покое. Единые токмо сладчайшие движения сердца возбуждались в душе. Очи Эмилии наполнились слезами; она ощущала восторги высокого благоговения, простирая взоры свои к небесному своду, между тем как трогательная музыка сопровождала журчание вод. Она слушала ее в безмолвном восхищении, и ничто не возмущало тишины. Звуки, казалось, колебались в воздухе. Лодка подавалась с таким слабым движением, что едва можно было слышать ее шум; и блестящий город, казалось, сам приближался для принятия чужестранцев[3].

Книга Радклифф была одной из тех, над страницами которой Джордж Гордон Байрон увлекся городом «единых токмо сладчайших движений сердца»:

Волшебный город сердца! С детских дней
Ты дорог мне; богатство, радость мира —
Как ряд колонн, встаешь ты из морей.
Ратклифф, Отвэя[4], Шиллера, Шекспира
Созданьями навек в душе моей
Запечатлен твой светлый образ живо.

(Перевод О. Н. Чюминой)

На двадцать девятый год своей жизни он впервые оказался во всепетом городе, и в четвертой песне «Чайльд-Гарольда» читатели двух полушарий ровно 200 лет тому впервые прочитали: «I stood in Venice, on the Bridge of Sighs», потом «Ainsi toujours errant, me voici dans Venise sur le pont des Soupirs» и т. д., вплоть до русского:

Взошел на Мост я Вздохов, где видны
По сторонам его дворец с темницей
И, крыльями веков осенены,
Вздымаются громады из волны,
Как бы волшебной вызваны десницей.
Улыбкой славы мертвой озарен
Здесь ряд веков; тогда с морской царицей,
На сотне островов воздвигшей трон, —
Крылатый Лев царил в тени своих колонн.
…

[3] Таинства Удольфския. Сочинение Радклиф / Перевел с французского С. Ф. З. <Ф. А. Загорский>. Ч. 2. М., 1802. С. 33–35. См. об этой цепочке заимствований: Tony Tanner. Venice Desired. Harvard University Press, 1992. P. 15–26.

[4] Трагедия Томаса Отуэя «Спасенная Венеция» (1682).

В Венеции замолкла песнь Торквато,
Безмолвно правит гондольер веслом,
Здесь в разрушенье – не одна палата,
Нет песен неумолчных, как в былом,
Искусство, троны – гибнут без возврата.
Живет природа, красота – жива…

(Перевод О. Н. Чюминой)

Избитой тропой потянулись сюда британские туристы, норовя произнести перформативный стих «Венеция. Мост Вздохов. Я стоял…» (эти строфы побывали в эпиграфе к роману Фенимора Купера «Браво»), и сатирический комикс о глоб-троттерах среднего класса содержал подпись под картинкой:

> Робинсон (соло): «I stood in Venice…,» и т. д.
>
> Джонс и Браун, уже слышавшие раньше что-то похожее, отошли на некоторое расстояние.
>
> Размышление Брауна: «Почему люди, когда они повторяют стихи, выглядят несчастными?» [5]

Эта точка маршрута, где стоял Чайльд-Гарольд, стала на целый век главным аттракционом города. Обыгрывая английские омофоны sighs и size, «вздохи» и «объем», Артур Скетчли заставляет своего сатирического персонажа, обобщенную миссис Браун, пожимать плечами: «А этот Объемный мост, вокруг которого столько шумихи, да почему, в нем же совсем нет никакого объема…»[6]

На этом месте оказалась и мятлевская любимица – «рюс из города Тамбова, барыня пропиетер» Акулина Курдюкова:

Тут в безмолвье, в темноте
Заседала инквизицья,
Преужасная полицья!
Десять аргусов таких,
Что не скроешься от них.
Тут *иль Понте дей соспири*,
Где в тумане и в эфире
Исчезали вздохи тех
Жертв несчастных, что на грех
Инквизицьи попадались
И в мешки ей зашивались
И бросалися в канал.

Эти строфы Байрона были долго рекордсменами индекса цитирования, и даже философ Иван Ильин, не чуждый стиховных стремлений, сто лет спустя описывал в поэме «Наше жилище» висящую на стене фотооткрытку:

Посмотри – в час летних грёз
«Вздохов мост» свой вздох вознес,

[5] Richard Doyle. The foreign tour of Messrs. Brown, Jones and Robinson: being the history of what they saw and did in Belgium, Germany, Switzerland, & Italy. London, 1855. P. 65; James Buzard. The Beaten Track: European Tourism, Literature, and the Ways to «Culture», 1800–1918. Oxford, 1993. P. 115.

[6] Arthur Sketchley. Mrs. Brown on the grand tour. London, 1870. P. 133; James Buzard. The Beaten Track. P. 117.

И Венеции старинной
(Где всегда страдал невинный!)
Темный угол озарен,
Возвеличен и пронзен:
Все, что было рокового,
Все, что здесь и вздох, и стон —
Тайна казни, сумрак злого
Божий луч простил и снял!
Улетела скорбь былого…
Свет всю тень в себя вобрал…
И от неба голубого
Взголубел прямой канал!..[7]

Монолог на мосту, соединяющем Дворец дожей (и залу суда в нем) с тюрьмой, долго еще стоял в ушах российских пассажиров на гондолах Большого канала:

> Воображение работало и много знакомых теней проносило на своем лету. Вот поднимается тень несчастного Bravo, описанного мастерскою рукою Купера, вот Marino Faliero, пробирающийся на ночное собрание заговорщиков, вот и исхудалая, измученная тень молодого Foscari, вырванного из объятий любимой женщины для того, чтобы быть брошенным в подземелье, вот наконец и сама бледная тень Чайльд-Гаральда, грустно стоящего на «мосту вздохов» и думающего о задавленной Венеции… Гондола остановилась, и я с радостью вспомнил, что моя Венеция освобождена![8]

На петербургского юриста, может быть, повлияли диккенсовские «Картины Италии»:[9]

> И здесь в стремительной смене картин, мелькавших в моем сновидении, я увидел старого Шейлока, который прохаживался по мосту <…>; в какой-то женщине <…> мне почудилась Дездемона, и казалось, будто дух самого Шекспира витает над водой и над городом, —

где надводность города вызывает картину из книги Бытия «…и Дух Божий носился над водой», почти эксплицируя тот концепт первозданности, изначальности, нерукотворности этого города, который составляет одну из семантических подоснов венецианского текста, дополняясь, коррелируя и контрастируя с другой – тавтологической клишированной вербализованностью и восхищением выделкой человеческих рук.

А к мосту Вздохов в середине XX века подвели перемещенное лицо, бывшего ленинградского студента-филолога, будущего калифорнийского профессора Владимира Маркова, и он на этом месте набросал стихотворение, что-то вроде «крика души» (явно показавшегося ему потом неудачным, напечатанного под инициалами в газете и не включавшегося в авторские сборники) человека, памятующего о годе ежовщины, затмившей пресловутые венецианские зверства.

По поводу фотографии, висевшей у И. А. Ильина[10], заметим, что, как известно, наэлектризованные соседством с Венецией открытки, безделушки, маски, настольные гондолы[11], бусы

---

[7] Поэзия Московского университета. Кн. 5. М., 2010. С. 163–164.

[8] Е. О. [Утин Е. И.] Корреспонденция из Венеции // Вестник Европы. 1866. № 4. С. 77 (паг. 2-я); «Двое Фоскари» – трагедия Байрона, события которой происходят в Венеции в XV веке.

[9] Диккенс был в Венеции в 1844 году и признавался: «Я никогда раньше не видел такой вещи, чтоб так боялся ее описывать». Очерк о ней он написал в виде сна.

[10] См. воспоминания об открытках из петербургского детства 1890-х годов: «Ну, что ж, тогда еще не умели печатать ясных глубоких снимков. Все было вытаращенным. И гондола, и столбы-сваи, и мост Риальто – все было резко-дешевым.

и другие сувениры, материальные и, что существеннее для предмета нашей книги, нематериальные, капсулируют город с его ведутами и фонограммой. Признавался английский поэт Стивен Спендер:

> Произведения искусства, связанные с образами Венеции, стремятся прижиться в моем сознании и вызывают в памяти ее атмосферу и архитектуру. После того, как я увидел висконтиевскую «Смерть в Венеции» по рассказу Томаса Манна, теперь, когда б я ни услышал адажиетто из малеровской пятой симфонии, которое сопровождает кадры лагуны на рассвете в начале фильма, я неизбежно увижу перед собой картинку входа в Большой канал с островом Сан-Джорджо Маджоре и куполами Санта Мариа Салюте. И прочитав, что Вагнер писал второй акт «Тристана» в Венеции и что меланхолическая мелодия, исполняемая пастухом в начале третьего акта, была подсказана криками гондольера ночью на темном канале, я всегда буду видеть Венецию в этой музыке[12].

Спендер отсылает к рассказу Рихарда Вагнера:

> Раз я возвращался домой поздно ночью по мрачному Каналу. Вдруг на небе появилась луна. Одновременно с дворцами неописуемой красоты она осветила гондольера, медленно гребущего огромным веслом, сидящего на высокой кормовой части. Из его груди вырвался жалобный вопль, ничем почти не отличающийся от звериного воя. После протяжного «О!» вопль излился в чрезвычайно простом музыкальном восклицании «Venezia!». За ним последовал еще вопль, который не сохранился в моей памяти: слишком сильно было волнение, какое я тогда испытал. Эти впечатления, это пение гондольеров – вот, на мой взгляд, характеристика Венеции. Они жили в моей душе вплоть до завершения второго акта «Тристана». Может быть, они и внушили мне намеченные тут же, в Венеции, длинно-протяжные жалобные напевы пастушьего рожка в начале третьего акта[13].

Этот английский рожок венециеман Михаил Кузмин выделял из всего не очень любимого им немецкого композитора:

> – Ново? Ново. Да, да, необычайно, и еще Римский-Корсаков мне насчет этой гениальной новизны все уши прожужжал. Но бесчеловечно. И я задыхаюсь от скуки. Кое-что, кое-где в «Тристане»… Да, да, вот именно, совершенно верно, этот английский рожок у пастуха… Да, незабываемо. Но в целом бесчеловечно. Как будто вечный какой-то солдатский парад на Кайзерплаце[14].

Канале Гранде есть и на стене. Пожалуйста, вот здесь. Овальная штучка. Металлическая, раскрашенная. И луна. Видите, как отражается на воде мазочками?» (Горный С. [Оцуп А. А.] Альбом памяти / Сост., вступит. ст. и коммент. А. М. Конечного. СПб., 2011. С. 82).

[11] Ср.: «Глянцевые легкие гондолы / Реют над старинным шифоньером» (Аксельрод Е. Меж двух пожаров. Стихи разных лет. М., 2010. С. 108).

[12] Venice. With 182 photographs in full colour by Fulvio Roiter. Introduction by Stephen Spender. London, 1979. P. 8. Ср.: «Сквозь протекшие годы нередко вновь возникает живое чувство Венеции. Не только попавшаяся в руки фотография может дать к тому повод. Тембр колокольного звона под вечер, звонкий крик стрижа, рассекшего случайно яркую полосу закатных лучей, способны иногда – редко, но с удивительной непосредственностью перенести воображение в венецианскую комнату. Не Венеция ли за окном?» (Грифцов Б. Эстетика Венеции // Среди коллекционеров. 1921. № 10. С. 29).

[13] Вагнер Р. Моя жизнь: Мемуары / Пер. Г. А. Эфрона под ред. А. Л. Волынского: В 4 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 136–137.

[14] Адамович Г. Кузмин // Последние новости. 1936. № 5538. 22 мая. С. 3.

К концу века гидом русских читателей по Венеции, сменившим Радклифф, Байрона, Купера, Шиллера, стал Джон Рёскин, с которым иные путешественники были и несогласны – мемуарист пересказывал по памяти монолог Д. В. Григоровича:

> – Разве можно о Венеции строить такие пятиэтажные периоды. Ее передашь только музыкой, тихой, нежной и печальной. Молчание лагун и царственное величие умирающих дворцов. А черные гондолы, беззвучно скользящие вдоль безлюдных мраморных фасадов. А на белых высоких мостах завернувшиеся в черные шали стройные и гибкие бледные красноустные кружевницы и «златокузницы», как назвал бы их Лесков. Вы посмотрите, какие у них изящные руки. Тонкие… с длинными пальцами. Вот порода, которую десятки лет австрийского владычества и вечные паломничества немецких трехполенных лейтенантов испортить не могли. Удивительно, что за последнюю четверть века Венеция не дала ни одного своего поэта, который только ее ценил бы… а дали ее каналов, а на этом ясном небе силуэты изумительных труб![15]

К этому времени мифология венецианской истории окончательно сложилась. Как констатирует беспристрастный и безгневный историк:

> Мифы скучиваются вокруг Венеции, услаждая и политиков, и поэтов. Некоторые касаются исторических личностей, и они весьма живописны. Другие по содержанию относятся к социальной истории и приписывают Венеции абсолютную свободу, мудрость и добродетельность, а в другие периоды – крайнюю степень тирании, коварство и пороки[16].

Для стихового нарратива к концу позапрошлого века окончательно утвердились прописи, которые зафиксированы, например, в одном из рассказов, напечатанных в первый год века двадцатого:

> – Неужели вы ничего не напишете о моей Венеции? <…>
> – Не хотите ли импровизацию?
> – Разве вы можете и это?
> – Я все могу, если только захочу, – говорит он полушутя, но довольно победоносно. И он закручивает усы, поправляет цветок в петличке, меняет позу и, подняв голову, короткими, легкими стихами начинает говорить о Венеции, о ее прошлом, о дожах, о Совете десяти, об убийствах, казнях и карнавалах, о Буцентавре и обряде обручения с морем. Он сравнивает Венецию с Неаполем и Флоренцией, и, отдавая должное красоте этих двух городов, все же признает ее *единственною*…[17]

Эпоха т. н. Серебряного века поневоле унаследовала праздничный набор из эпохи т. н. поэтического «безвременья»:

> ВОДА И ТО, ЧТО С НЕЙ СВЯЗАНО
> вода, волна, море, лагуна, канал, гондола, лодка
> ТВЕРДЬ
> набережные, мосты, камень, мрамор
> ТОПОНИМЫ, НАЗВАНИЯ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ

---

[15] Немирович-Данченко Вас. «Перерепенко» и «Довгочхун» в Венеции (Из воспоминаний) // Сегодня. Рига. 1923. № 78. 15 апреля. С. 3.

[16] Frederic C. Lane. Venice: A Maritime Republic. Baltimore, 1973. P. V.

[17] Микулич В. В Венеции: Рассказ // Вестник Европы. 1901. № 7. С. 474–475.

Адриатика, Большой канал, Риальто, Лидо, площадь Святого Марка, Пьяцетта, ponte dei Sospiri

АРХИТЕКТУРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ПАМЯТНИКИ

здания – дворцы – палаццо, «львиный столб», башня с часами, Дворец дожей, собор Св. Марка, Casa d'Oro

КАРТИНЫ / ХУДОЖНИКИ

мозаика, иконостас в соборе Св. Марка; Беллини, Веронезе, Тинторетто, Тициан

ПЕРСОНАЖИ

дож, гондольер/лодочник, купец, рыбак

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ И/ИЛИ АРТЕФАКТЫ

карнавал; стекло, зеркало, кружево, маска (баутта)

МУЗЫКА

канцона, баркарола, мандолина, гитара

ЦВЕТА, ЭПИТЕТЫ

зеленый, голубой, черный, золотой; кружевной, узорный, стеклянный

Интересно, что венецианские артефакты – стекло и зеркало, кружева – перешли в пространственные сигнатуры: вода (зеркало, стекло воды) и архитектура (кружевные, узорные фасады дворцов)[18].

При этом согласно ощущению исследователя по завершении XX века

> временные и пространственные смысловые объемы, в которых «купается» Венеция, то безмерно расширяются (как у Брюсова, Блока), то сужаются до размеров венецианской лавки (как у Ахматовой), бывая время от времени и равными самим себе (как <…> у Бунина), сквозные мотивы сна, воспоминания, «города под водой», любви и смерти, красоты и жалкости, величия и падения, живописи и скульптуры, толпы и одиночества, звука и трагической либо умиротворяющей тишины, тленья и темноты, праздника и похорон, дня и солнца, ночи и луны, здоровья и болезни, «вечного возвращения» пронизывают русский венецианский текст[19].

Размещение «венецизмов» в рифменных позициях превращает стихосложение в род буриме, пейзаж подбирается под созвучия: лагуны – уснувшей шхуны – будущего гунна – перил чугунных – облаков седеющие руна – разбившиеся луны – ветра рвущиеся струны – рог Фортуны (Христина Кроткова); лагун – Венеции я ворожу, вещун, – камни, как чугун – головы отрубленные лун (Сергей Маковский); жарко – арка – ярко – Сан-Марко (Александр Федоров); лев Святого Марка – солнце ласково, не ярко (Григорий Гнесин); Сан-Марко – когда жарко (Нина Берберова); Сан-Марко – будет жарко, гондольеры на Пьяцетте – как птицы на рассвете – возятся, как дети, вапоретто – не оперетта – догорает лето – как сигарета (Маргарита Алигер); пьяцетте – парапете (Л. Л. Жданов); Чимароза – чертоза – роза (Вера Инбер); San Giorgio Maggiore – не так далеко море (Сергей Зубов); Торчелло – вечерело – сердце сиротело (Александр Тян-Шанский); мостом «Дэи соспири» – лазурь лагунной шири (Сергей Шервинский); Коллеоне – на изумрудном фоне (Владимир Святловский); гондолы присмирели – роскошный

---

[18] Цивьян Т. В. «Золотая голубятня у воды…»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 40–50.

[19] Ревзина О. Г. Венеция в русском поэтическом дискурсе // Имя: Внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тезисы международной научной конференции. Ч. 2. М., 2001. С. 186. См. подробнее: Ревзина О. Г. Русская поэтическая венециана // Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 9–11 июня 2011 г.). М., 2013. С. 201–215.

Даниэли (Сергей Шервинский); Тинторетто – стук кареты (Олег Ильинский); на водном ложе – Вздохов мост, Палаццо дожей (Софья Киндякова) и т. д. Усталость европейской культуры от ноши семантических нагрузок, висящих на каждой из этих глосс, привела к тому, что к концу XX века появился роман о смерти в Венеции («Утешение странствующих», «The Comfort of Strangers», Иэна Макьюэна), в котором нет ни одного элемента местной ономастики и локальной языковой конкретики.

В эпоху, с которой начинается действие нашей антологии (а заканчивается оно в 1972 году, аккурат перед первым приездом Иосифа Бродского, условно обозначившим, на наш взгляд, смену манеры в русской стиховой венециане), воспаленное внимание к «городу воды, колоннад и мостов» (Н. Гумилев) прививали русским читателям новомодные иностранцы рубежа веков. В нашумевшем романе Оскара Уайльда Дориан Грей читал «Эмали и камеи» Готье в роскошном издании на японской бумаге в переплете из лимонно-желтой кожи.

…дошел до стихов о Венеции:

В хроматической гамме
И с грудью, струящейся жемчугом,
Венера Адриатики
Воздымает из вод свое тело розово-белое.
Купола, на лазурных волнах,
Словно фраза с чеканным контуром,
Выступают, как груди полные,
Колеблемы вздохом любви[20].
Гондола моя причалила
Тихо к колонне,
Пред фасадом розовым
У мраморной лестницы.

Как волшебны эти стихи. Читаешь их, кажется, будто плывешь по водным зеленым дорогам розово-жемчужного города, лежа в черной гондоле с серебряной кормой и спущенным пологом. Эти строки, казалось ему, походили на те прямые бирюзово-голубые полосы, что извиваются за вами, когда вы тихо плывете по Лидо. Внезапные вспышки красок напоминали ему блеск птиц с опалово-ирисовыми шеями, что летают вокруг высокой, подобно медовому соту, колокольни или расхаживают с такой величавой грацией вдоль темных аркад. Откинувшись назад, с полузакрытыми глазами, он повторял про себя:

Пред фасадом розовым
У мраморной лестницы.

Вся Венеция была в этих двух строках. Он вспоминал осень, проведенную им там, и сказочную любовь, что побуждала его к восхитительным, невероятным безумствам. Поэзия разлита везде. Но Венеция и Оксфорд остаются основным фоном поэзии, а ведь фон, это – все[21].

[20] В переводе Н. Гумилева: Соборы средь морских безлюдий / В теченьи музыкальных фраз / Поднялись, как девичьи груди, / Когда волнует их экстаз.

[21] Уайльд О. Портрет Дориана Грэя / Пер. А. Минцловой. М., 1906. С. 136.

Сам же Теофиль Готье написал «Вариации на тему венецианского карнавала» до того, как он увидел град розовых фасадов и мраморных лестниц. В книге о путешествии в Италию, состоявшемся через год после публикации вариаций, он вспоминал о своем предзнании Венеции, всплывшем в памяти во время первой ночной поездки на гондоле – предзнании из романа тоже заочно знакомого с Венецией Генриха Цшокке «Абеллино, великий разбойник» (1794)[22] и из монолога Малипьери в драме Виктора Гюго «Анджело, тиран Падуанский» (1835):

> Венеция – это государственная инквизиция, это Совет Десяти. О, Совет Десяти! Будем говорить о нем тихо: он, может быть, где-то здесь и слушает нас. Люди, которых никто из нас не знает и которые знают нас всех, люди, которых не видишь ни на одном торжестве и которых видишь в каждом эшафоте, люди, которые держат в своих руках все головы – вашу, мою, голову дожа, – которые не носят ни тоги, ни столы, ни короны, ничего, что позволяло бы их узнать, что позволяло бы сказать: «Это один из них!» – только таинственный знак под одеждой; и всюду ставленники, всюду сбиры, всюду палачи; люди, которые никогда не показывают народу Венеции другого вида, кроме этих угрюмых, всегда разверстых бронзовых ртов под дверными сводами Святого Марка, роковых ртов, которые толпа считает немыми, но которые, однакоже, говорят голосом громким и страшным, потому что они взывают к прохожим: «Доносите!» На кого донесли, тот схвачен; а кто схвачен, тот погиб. В Венеции все совершается тайно, скрытно, безошибочно. Осужден, казнен; никто не видел, никто не скажет; ничего не услышать, ничего не разглядеть; у жертвы кляп во рту, на палаче маска. Что это я вам говорил об эшафоте? Я ошибся. В Венеции не умирают на эшафоте, там исчезают. Вдруг в семье недосчитываются человека. Что с ним случилось? То знают свинцовая тюрьма, колодцы, канал Орфано. Иной раз ночью слышно, как что-то падает в воду. Тогда быстрее проходите мимо. А в остальном – балы, пиры, свечи, музыка, гондолы, театры, пятимесячный карнавал – вот Венеция[23].

Венеция, которая встретила Теофиля Готье в 1850 году, была Венеция ночная и грозная:

> Прибыть среди ночи в город, о котором мечтал долгие годы, – это случай в путешествиях вполне заурядный, но предназначенный для того, чтобы довести любопытство до крайней степени досады. Входить в жилище своей мечты с завязанными глазами – это самая раздражающая вещь на свете; я уже испытал это в Гренаде, куда дилижанс доставил нас во втором часу утра в сводящую с ума темень.
>
> Лодка следовала вдоль широкого канала, на берегах которого неясно вырисовывались темные здания, украшенные несколькими освещенными окошками и фонарями, которые бросали золотые дорожки на черную, подрагивающую воду; затем она вошла в извилистые водные проходы с необычайно сложными поворотами. Гроза, которая уже уходила, все еще освещала небеса синеватыми вспышками, которые позволили мне мельком увидеть дальние панорамы и странные контуры неизвестных дворцов. Мы проходили под мостами, два конца которых обозначали цезуру в сплошной темной массе домов. На иных углах слабый огонь лампы трепетал перед Мадонной. Необычные гортанные крики звучали на поворотах каналов;

[22] См.: Шиллер Ф. Духовидец. Карл Гроссе. Гений. Генрих Цшокке. Абеллино, великий разбойник / Изд. подгот. Р. Ю. Данилевский, С. С. Шик. М., 2009. С. 395–448.

[23] Гюго В. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4. М., 1954. С. 100–101 (перевод М. Лозинского).

> скользящий гроб со склоненной тенью на корме быстро проплывал мимо; низкое окно, вблизи которого мы пронеслись, одарило нас видением интерьера, освещенного лампой или отраженным светом, напоминая гравюры Рембрандта; двери, на порогах которых плескалась вода, предоставляли выход таинственным фигурам, которые сразу же исчезали; лестницы окунались в канал и, казалось, взбирались сквозь темень к таинственным вавилонским башням; полосатые стояки, к которым крепились гондолы перед мрачными фасадами, выглядели как привидения. На мостах смутные людские контуры, как блеклые фигуры во сне, смотрели на то, как мы проплываем. Иногда всякий свет исчезал, и мы двигались зловещим образом среди четырех видов темноты: маслянистой, влажной, глубокой темноты вод, бурной темноты ночного неба и непроницаемой темноты двух стен, на одну из которых фонарь гондолы бросал красноватые проблески, которые высвечивали подножия и стержни колонн, портики, решетки, которые тут же и исчезали. Каждый предмет, на который в этой темноте падал шальной луч, приобретал таинственные, фантастические, ужасающие и преувеличенные пропорции. Вода, всегда внушающая страх по ночам, усиливала эффект своей слабой рябью, своей повсюдностью и беспокойностью. Слабый свет редких фонарей оставлял длинные, как бы кровавые следы на ней, и ее густая толща, черная, как Коцит, казалось, набрасывала свой услужливый плащ на нерасказанные преступления. Меня бы не удивило падение мертвого тела, сброшенного с балкона или из полуоткрытой двери. <…> Темнота восстанавливает тайну, которую Венеция теряет при дневном свете, нацепляет на ее безликих жителей маски и домино прежних дней и наделяет самые обыденные жизненные проявления обличьем интриги и преступления. Каждая дверь, открытая наполовину, кажется, предназначена для выхода любовника или наемного убийцы, каждая гондола, которая бесшумно скользит мимо, конечно же, должна уносить пару влюбленных или мертвое тело со сломанным стилетом, всаженным в его сердце[24].

Весьма вероятно, что французский парнасец с его городом путеводного страшного приключенческого сна воспитал ожидания Венеции у своего преданного поклонника Николая Гумилева, которые отлились уже после визита на местность в двух опытах полубаллады о леденящем ночном всплеске и замываемой шпаге убийцы – обращение к этим истертым штампам[25] было санкционировано ассоциациями «непогрешимого поэта», как называли Готье.

Вожатым русских венециеманов в эту эпоху был и Габриеле Д'Аннунцио:

> – Знаете ли вы, Пердита, – спросил вдруг Стелио, – знаете ли вы в целом мире другое место, подобно Венеции, обладающее силой в известные моменты возбуждать энергию человеческой жизни, воспламеняя желания до горячечного бреда. Знаете ли вы более опасную искусительницу?[26]

---

[24] Théophile Gautier. Italia. Paris, 1852. P. 76–77. И композитор Шарль Гуно писал в 1841 году о ночной Венеции: «Со своей спящей водой, плещущей в угрюмой тишине у стен старинных дворцов, и с мрачными тенями, когда кажется, что проносится стон убитого аристократа, Венеция являет собой город ужаса» (Russell Green. Dreamers in Venice. London, 1936. P. 8).

[25] Возьмем пример совсем наугад: Гондола тайная, одна, во тьме скользит; / А близь лагун рукой нетерпеливой / Сжимается кинжал… Кинжал ревнивый! / Он, в злобной радости, две жертвы сторожит / Там, под окном красавицы безвестной, / Влюбленный юноша ей шепчет про любовь… (Сушков Д. Стихотворения. СПб., 1858. С. 87).

[26] Д'Аннунцио Г. Собрание сочинений: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 218.

Может быть, Михаил Кузмин, который одно время «только и бредил D'Annunzio» и надолго оставался наполненным «старой любовью к этому пламенному мастеру»[27], взял свой «венецианский треугольник» – обезьяна – Нинетта – баута – из отмеченного шекспировским именем пассажа итальянского властителя дум:

> – Взгляните-ка, – сказала она, указывая Стелио на балкон дворца Дездемоны. – Вот красавица Нинетта слушает серенаду в обществе своей обезьянки и пуделя.
>
> – А! Красавица Нинетта! – вскричал Стелио, взглянув на смеющийся балкон, и, далеко отбросив свои мрачные мысли, любезно раскланялся с миниатюрной женщиной, слушавшей серенаду при свете двух серебряных канделябров, увешанных гирляндами роз. – А я ее еще не видел с тех пор. Вот самое трогательное и грациозное животное. <…> Широкая гондола, вся увешанная разноцветными фонариками и переполненная музыкантами, причалила к подножию дворца Дездемоны. Тихо неслась старинная песенка о преходящей молодости и мимолетной красоте по направлению к маленькой женщине, слушавшей серенаду с детски невинной улыбкой на лице, в обществе своей обезьянки и пуделя, похожая на эстамп Пиетро Лонги[28].

Среди насадителей венецианской блажи в начале прошлого века[29] нельзя пропустить Анри де Ренье, который помянут в импровизации на венецианские темы Всеволодом Рождественским. Он привил к дереву венецианской традиции миф о лабиринте[30], описывая один из венецианских страхов —

> оказаться снова на прежнем месте, как это слишком часто случается среди улиц и каналов Венеции, извилины которых в конце концов приводят нас, помимо нашего желания, на то же самое место, откуда мы вышли, так что в итоге круженья по ним кажется, что встречаешься с самим собою[31].

Полная ночных страхов Венеция от одного все-таки страха пишущих освобождает – от достославного и вездесущего страха влияния. Мириады восклицаний и вздохов самим своим количеством обесценивают упрек в заимствовании. Стивен Спендер наставлял:

> Венеция – это не просто Венеция. Больше, чем любой другой город прошлого, кроме, возможно, пламенной Византии поздней поэзии Йейтса, она была преображена воображением художников: живописцев, поэтов, прозаиков. Но, в отличие от Византии, выродившейся в современный Стамбул, она остается во многом такой же, какой была на высоте своих величайших

---

[27] Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / Пред., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 272, 387.

[28] Д'Аннунцио Г. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. С. 258.

[29] См. об этом явлении европейской культуры: Sophie Basch. Paris-Venise, 1887–1932: La «folie vénitienne» dans le roman français de Paul Bourget a Maurice Dekobra. Paris, 2000; сам мем «венецианское безумие» введен Жюлем Берто в 1910 году и, возможно, отразился в названии пьесы Михаила Кузмина «Венецианские безумцы».

[30] Разумеется, само это слово приходит на ум едва ли не каждому посетителю «жемчужины Адриатики»: «Прежде всего поражает она своим планом или расположением, которому, без сомнения, нет подобного в мире. Это водяной лабиринт или лучше морской шахмат, пересекаемый четырьмя стами каналов…» (Глаголев А. Записки русского путешественника, с 1823 по 1827 год. Ч. 3: Женева. Савоия, Верхняя Италия. СПб., 1837. С. 293). В европейской поэзии надо назвать в первую очередь венецианские сонеты Августа фон Платена (небезразличные из русских поэтов, видимо, для Кузмина, Потемкина, Цветаевой) о лабиринте мостов и улиц (Dies Labyrinth von Brücken und von Gassen). О том, как на мифологии лабиринта построены романы о Венеции конца XX века, см.: George B. von der Lippe, Death in Venice in Literature and Film: Six Twentieth-Century Versions // Mosaic. Vol. 32. 1999. № 1. March. P. 35–54.

[31] Ренье А., де. Краткая жизнь Бальтазара Альдрамина, венецианца / Пер. Вс. Рождественского и А. Смирнова // Собр. соч.: В 17 [19] т. Т. 3. Л., 1925. С. 155.

> достижений во времена Ренессанса. Мы можем поставить Венецию больших итальянских художников и тернеровского уникального мировидения рядом с ныне живущей Венецией и сравнить обеих. Или на нас так влияет видение гениев, что мы не можем видеть реальное место перед собой своими глазами? <…> Уже довольно рано, в 1882 г., Генри Джеймс заметил, что наиболее очевидная вещь, которую следует сказать о Венеции, это то, что ничего не осталось из того, что надо сказать[32].

Американская писательница Мэри Маккарти, предостерегая от мудрствования, выворачивания, парадоксов, попыток разойтись с общим мнением на этой территории и акватории, отрезала:

> Здесь ничего (включая и это утверждение) не может быть сказано такого, что не было бы сказано раньше. Часто слышишь, как Пьяццу называют салоном под открытым небом; это наблюдение восходит к Наполеону, который назвал ее «лучшей гостиной Европы». Приятель сравнивает орнаментальную облицовку Св. Марка с морской пеной, но первым придумал это Рёскин: «…пока наконец гребни арок, словно в экстазе, не разбиваются мраморной пеной, взметнувшись в небесную синь искорками и завитками скульптурных брызг…» Другой друг замечает, что гондолы похожи на гробы; я была поражена свежестью воображения, пока я не нашла этого два дня спустя у Шелли: «эта погребальная лодка». Теперь я нахожу это повсюду. Юноша, садящийся в вапоретто, вздыхает, что «Венеция так урбанистична», замечание, которое по крайней мере звучит как оригинальное, каким оно, несомненно, было, когда Пруст говорил об «отвеку урбанистическом впечатлении», производимом Венецией посреди открытого моря. Хуже всего то, что почти все эти клише суть правда. Правда, например, что Св. Марк по ночам выглядит как раскрашенный театральный задник; это факт, который замечает каждый и про который каждый думает, что он его открыл для себя. Я краснею, вспоминая звук собственного голоса, явно собой довольного, провозглашающего это утверждение девять лет назад.
>
> «Завидую Вам, что Вы пишете о Венеции», – говорит неофит. «Жаль мне Вас», – говорит тертый калач[33].

Счастливые или огорчительные находки американской писательницы комментировал канадский англист.

> Венецианские образы не начинаются, они просто продолжаются. Даже когда поддающееся обнаружению начало реально существует, трудно поверить, что вы действительно его засекли.

И Милтон Уилсон приводит как пример историю гондолы, у которой кладбищенский ореол появился только в середине XVIII века. По его сведениям, первым автором концепта «гондола-гроб» был немецкий историк и путешественник Иоганн Георг Крайслер, травелог которого 1741 года был через 15 лет переведен на английский[34]. В 1790 году его ввел в свои «Венецианские эпиграммы» Гете:

---

[32] Venice. With 182 photographs in full colour by Fulvio Roiter. Introduction by Stephen Spender. London, 1979. P. 7.

[33] Mary McCarthy. Venice observed. Paris-Lausanne, 1956. P. 20. Перевод цитаты из Д. Рёскина – Л. Н. Житковой: Рёскин Д. Камни Венеции. СПб., 2009. С. 88; строка П. Б. Шелли в поэме «Юлиан и Маддоло»: «and from that funeral bark I leaned» – «… перегибаясь, за черный край той траурной ладьи» (Шелли. Полное собрание сочинений в переводе К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное издание. Т. 2. СПб., 1904. С. 307).

[34] Milton Wilson. Travellers' Venice: Some Images for Byron and Shelley // University of Toronto Quarterly January 1974. Vol. 43. № 2. P. 93–120. Тут уже все стали замечать траурную изнанку ладьи, и Денис Фонвизин писал сестре в 1785 году: «Разъезжая

Эту гондолу сравню с колыбелью, качаемой мерно,
Делает низкий навес лодку похожей на гроб.
Истинно так! По Большому каналу от люльки до гроба
Мы без забот через жизнь, мерно качаясь, скользим.

(Перевод С. Ошерова)

В «Беппо» Байрона – «Just like a coffin clapt in a canoe» («Ну точно в лодке гроб какой!» – перевод В. Любича-Романовича[35]). С тех пор воздержание от этого сравнения становится для пишущих нестерпимым (среди прочих – для Бунина и Блока)[36].

А ведь кроме области заимствований есть, как поучал Ахматову Владимир Шилейко, гораздо более обширная область совпадений, и Венеция является стольным градом этой области, почему и говорил автор «Смерти в Венеции» в эссе «Август фон Платен. Неведомый классик» о «сопряженных с Венецией неслучайных сходствах и совпадениях»[37].

Обреченность на складывание чужих песен и произнесение их как своих в этом городе становится почти абсолютной. В 1982 году русский поэт начинает свои «Венецианские строфы» приложением, как говорил Аристотель, «к одной вещи имени, принадлежащего другой»:

Скрипичные грифы гондол покачиваются, издавая вразнобой тишину.

Он, не ведая того, повторяет впечатление русского драматурга за 57 лет до того: «Но самое прекрасное – это гондолы, мне почему-то они больше всего напоминают скрипку, хотя на нее совсем не похожи»[38].

А может быть, и читанного Кирсанова:[39]

Вздымает вверх скрипичный гриф
ладья резного дерева.

Но главное – бессчетные восторги многоязычного туристического корпуса. Констанс Фенимор Вулсон (внучатая племянница упомянутого выше Фенимора Купера, автора

по Венеции, представляешь погребение, тем наипаче, что сии гондолы на гроб походят и итальянцы ездят в них лежа. Жары, соединясь с престрашною вонью из каналов, так несносны, что мы больше двух дней еще здесь не пробудем». Эту цитату, как и весь обязательный первоначальный набор суждений россиян, см.: Кара-Мурза А. Знаменитые русские о Венеции. М., 2001.

[35] Сын Отечества. 1842. № 4. Отд. 4. С. 7. Дошло и до Марка Твена: «И это – прославленная гондола? И это – пышно одетый гондольер? Порыжелая старая пирога чернильного цвета с траурным балдахином, прилаженным посредине, и босой чесоточный оборвыш, выставляющий напоказ некогда белую часть своего туалета, которую не следовало бы открывать святотатственным взорам посторонних. Не прошло и нескольких минут, как, обогнув угол и повернув свой катафалк в унылую канаву, зажатую между двумя рядами высоченных необитаемых домов, веселый гондольер, следуя традициям своего племени, начал петь» (1869).

[36] Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. М., 2009. Т. 1. С. 729.

[37] Иностранная литература. 1998. № 4. С. 205 (пер. И. Эбаноидзе).

[38] Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 235.

[39] Семен Кирсанов, новатор par excellence, предлагает свои инвенции в венецианской топике, но по неизбежности принужден повторять зады – «но мне причудилось: дома / привязаны к причалам. / И эти – рядом, на мели, / дворцовые громады – / в действительности корабли / таинственной армады» вторит кажимостям вековой давности: «громадные дворцы, которые, казалось, плыли вместе с берегами» (Клюшников В. Марево // Русский вестник. 1864. № 3. С. 263). Да еще Ганс Христиан Андерсен в «Импровизаторе» писал: «Утром я завидел ее белые дома и башни, казавшиеся издали стаей кораблей с распущенными парусами».

«Браво») протоколировала один из венецианских разговоров (а собеседниками ее в этом городе были Генри Джеймс и Уильям Дин Хоуэлс) в рассказе «В Венеции» (1882):

> – Мы обсуждали форму носа гондолы, – сказала миссис Марси, когда они приблизились. – По мне, он выглядит, как лебединая шея[40]. Миссис Марси никогда не искала новизны в выражениях; и если старые были поэтичны – а она была приверженцем этого, – она беспрекословно пользовалась ими. Мистер Блейк, который всегда задавал тон в любом разговоре, в который был вовлечен, предложил столь же маститое сравнение с грифом скрипки. «Это блистательный клинок святого Теодора, покровителя гондол», – предположила Клавдия[41]. «А для меня он весьма похож на прижим швейной машинки», – весело заметила миссис Ленокс. Это было так точно, что все не могли не рассмеяться. «Но это не годится, миссис Ленокс, – сказал Блейк, – вы разрушите всю нашу столь тщательно создававшуюся атмосферу вашими новинками»[42].

То же сравнение-ветеран мы встретим и у Готье: «Нос снабжен гладким отшлифованным куском железа, который несет отдаленное сходство с лебяжьей шеей или скорее со скрипичным грифом и его колком»[43].

Да и до приезда в Венецию Готье уже писал в стихотворении «На лагунах»:

…Что в голубых волнах бегут
Гондолы, плавно колыхая
Свой нос, как шейка скрипки, гнут.

(Перевод Н. Гумилева)

Попытки уклониться от клише ждут, не сомневаемся, установления своих, может статься, и неведомых авторам предшественников: форсированный акмеистический натурализм Сергея Городецкого – «Бьются гондолы о камень / И стучат, как скорлупа», деланно простецкий антропоморфизм Христины Кротковой – «Чуть спотыкаясь в медленных волнах, / Гондола около колышет воды», уединенный идиостиль Анатолия Гейнцельмана: «Черные гондолы пашут луг[44], с длинных весел капает алмаз».

Поэты, умыкающие из общего фонда метафоры и сравнения, могли бы в просьбах об отсрочке взыскания ссылаться на самое Светлейшую, которой

…на галерах и фрегатах
Сокровищниц початки и ключи
В дарохранительный ковчежец Божий
Вселенная несет, служа жезлам
Фригийскою скуфьей венчанных дожей,
По изумрудным Адрии валам…

---

[40] См. в нашей антологии: «Словно черные лебеди горя и зол / Отуманены образы мрачных гондол…» (С. Головачевский), «Как черный лебедь, движется гондола, / Послушная неслышному веслу» (В. Эльснер), «Черным лебедем скользит гондола» (О. Можайская) и др.

[41] Ср. в нашей антологии о железном гребне, ferro: «Гондолы рубили привязь, / Точа о пристань тесаки» (Б. Пастернак), «подняв большие горловины, / Зубчатые и острые, как нож» (Н. Заболоцкий).

[42] Constance Fenimore Woolson. Arranged and edited by Clare Benedict. London, 1930. P. 276.

[43] Théophile Gautier. Italia. Paris, 1852. P. 80.

[44] Самый ленивый поиск показывает, например, что в лондонской музыкальной мелодраме 1828 года «Чертенок в бутыле» хор гондольеров поет: «Гондольер, гондольер, мягко борозди зыбкую зябь…»

(Вяч. Иванов[45])

Именно в этой дарохранительнице Сан-Марко вспоминал о полукраденом добре Василий Розанов:

> Пираты Адриатики, так напоминающие наших запорожцев, потащили сюда все, притащили даже две колонны из Соломонова храма, когда-то перевезенные в Константинополь; <…> По понятному чувству я особенно рассматривал колонны из Соломонова храма[46].

Задержимся у этой достопримечательности, отмеченной персонажами нашей антологии – Н. Шутлевортом («Из храма Соломона он / Имеет несколько колонн»), Н. Заболоцким («Покинув собор Соломона, / Египет и пышный Царьград, / С тех пор за колонной колонна / На цоколях этих стоят»). Миф о колоннах Первого храма поддерживался многими поколениями гидов – эти псевдоуроженцы Иерусалима соседствовали с гигантским зубом Голиафа и автографом Евангелия от Марка; в XVII веке там наряду с пальцем Магдалины показывали фрагмент колонны, к которой Христос был привязан во время бичевания[47]. Валерий Брюсов с его пафосом панхронности воспел витые колонны в базилике (выполненные в подражание спиральным колоннам в римском соборе Св. Петра, которые, по преданию эпохи позднего Средневековья, стояли в Иерусалимском храме) в одном из последних своих стихотворений:

…Вся ярость, хлынула в века.
Чтоб в наши дни, врываясь ярко,
Нас спрашивать, нам отвечать,
Горя сквозь вязь колонн San Marco
На Соломонову печать[48].

Соломонову ярь в штопорообразных венецианских столпах величало эротическое стихотворение седеющего Брюсова, любившего в ту пору сопрягать древлесоветскую символику с перечнем всех тех богатств, которые выработало человечество, – стихотворение «Кто? – мы? Иль там…», увидевшее в крученых колоннах сплетающее тела либидо легендарного автора Песни Песней, датировано 8 марта 1922 года как подношение к Международному женскому дню:

Моя рука – к твоей святыне,
На дрожь мою – ладонь твоя;
Сан-Марко два жгута витые
Колени жгут, мечту двоя[49].

---

[45] Как указывает Джон Малмстад, при «прямом» синтаксисе это должно читаться так: «Вселенная, служа жезлам дожей, венчанных фригийской скуфьей, несет на галерах и фрегатах по изумрудным валам Адрии початки и ключи сокровищниц в дарохранительный ковчежец Божий».

[46] Розанов В. Итальянские впечатления. СПб., 1909. С. 225, 228. Ср. у Теофиля Готье о четырех черно-белых мраморных колоннах, которых традиция считает частью Соломонова храма. «Несомненно строитель храма Хирам не нашел бы их неуместными в Сан-Марко» (Théophile Gautier. Italia. Paris, 1852. P. 114–115). О «Соломонических аналогиях» в архитектуре как одной из составляющей концепции «Венеция – Новый Иерусалим» см.: Iain Fenlon. The Ceremonial City: History, Memory and Myth in Renaissance Venice. New Haven, 2008. P. 86–88.

[47] Robert C. Davis, Garry R. Marvin. Venice, the Tourist Maze: A Cultural Critique of the World's Most Touristed City. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 20, 34.

[48] Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. М., 1974. С. 435.

[49] Там же. С. 146.

Так преломлялось пространство города на воде, в нем просвечивали Константинополь и безводный Иерусалим. Может, его «всемирная отзывчивость» подталкивала к созданию междугородных коллажей, вроде «Каприччо: собор Св. Павла и венецианский канал», архитектурная фантазия (1795) английского пейзажиста Уильяма Марлоу (в галерее Тейт) – подражатель Каналетто «о Венеции подумал и о Лондоне зараз», как в стихотворении Ахматовой[50]. Сам Каналетто создал архитектурное каприччо с мостом Риальто, соседствующим с палладиевскими зданиями в Виченце. Стихотворное каприччо, создающее синтетический образ всеевропейского «мертвого города» с участием Венеции и, наверное, столицы мертвых городов – Брюгге[51], создал поэт из одного из самых живых городов России:

Уходя в ночные дали,
Плещет крыльями весна,
И разбрызгана в канале
Черным золотом луна.

Я заброшен в дымный вечер
Всплеском тяжкого весла,
Мертвый город нем и вечен,
Овечерив купола.

Посеревший старый мрамор
Разузорен у крыльца,
И, пронзая небо, замер
Шпиль печального дворца.

И безмолвные лагуны,
Как стеклянный саркофаг,
Отражают столб чугунный,
Наклонившийся во мрак.

И не слышно снова чуда
За стеной монастыря,
Лишь качается Иуда
В темной нише фонаря.

И колеблется визгливо
Цепь на согнутом крюке,
Волны в пене у залива
На забрызганном песке.

Бродят грязные инкубы,
Светит ржавая луна,
И целует жадно в губы
Подошедшая весна.

[50] См. подробнее: Erik Forssman. Venedig in der Kunst und im Kunsturteil des 19. Jahrhunderts (Acta Universitatis Stockholmiensis XXII). Stockholm, 1971. S. 104–106.

[51] О Брюгге, Толедо, Венеции, Равенне, Пизе и других «мертвых городах» см.: Hans Hinterhäuser. Fin de siècle: Gestalten und Mythen. München, 1977. S. 45–76.

И за мной, за мною тоже
Гонит дикого коня,
Он – до ужаса похожий
На умершего меня[52].

Мысль конца прошлого века предлагала еще более решительную телепортацию – в «мир неземного благого одиночества»:

Будут тени, в бархаты одетые,
В узких лодках проплывать,
Будто серебристыми стилетами
Резать меркнущую гладь.

И на бледные немые тени я
В той Венеции – другой —
В голубом четвертом измерении
Погляжу, мой дорогой[53].

Но и время венецианское подвержено метаморфозам[54]. Как пересказывал блоковское стихотворение «Холодный ветер от лагуны…» один из блоковедов,

> «Путешественник» здесь перевоплощается не в персонаж истории, не в возможного на этом же месте человека прошлого <…> но в персонаж, уже изображенный, претворенный культурой: в мифологического героя, участвовавшего в сюжете культуры – живописи, скажем. В произведении получается как бы несколько пластов: мифологический герой, отражавший некие черты жизни, уже в мифе получал исторически определенное обобщение, идейную обработку. Далее миф использовался культурой другой эпохи, итальянским Возрождением. Наконец, есть третье, сегодняшнее его восприятие: современным человеком, который, как пояснял Блок в прозе, принес с собой, в своем восприятии другую страну и другую историю, Россию эпохи черной реакции после первой русской революции. Необычайной смелостью отличается здесь художественный «ход» Блока: «проходящее лицо», «путешественник» перевоплощается тут в героя того жизненного сюжета, который находится в «начале начал», переходит в «жизненное ядро», лежащее где-то еще за гранями даже самого мифа. Далее следует, в порядке истории, сначала эпоха мифа, потом Ренессанс, потом современность. Блок как бы крутит киноленту, зафиксировавшую все эти этапы истории, с конца к началу, обратным ходом, самым простым и откровенным образом отождествив лирическое «я» с мифологическим Иоканааном[55].

Чаяние «мирсконца», реверсивного времени (как и метемпсихоза – в третьем блоковском стихотворении из цикла «Венеции») – признак русской культуры 1910-х годов. «Все шло

---

[52] Бобович И. Мертвый город // Южная мысль. Одесса, 1914. 6 апреля. Об Исидоре Вульфовиче Бобовиче (1894–1979) см. справку Сергея Лущика: Лущик С. З. Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публикаций. Вып. 3. Ч. 1. Одесса, 2004. С. 210.

[53] Чиннов И. Пасторали. Париж, 1976. С. 57.

[54] См., например, о клише «остановившееся время»: Смирнов Г. «Венецию любят только иностранцы» // Известия. 2003. 10 сентября.

[55] Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 362–363.

обратно, как всегда бывает во сне», – говорится в прозе Мандельштама о Северной Венеции, в «Египетской марке», и этим слово найдено.

Встает туманный град в дали завороженной,
Как гордой памяти неусыпимый сон… —

говорит Вячеслав Иванов. И Константин Бальмонт, побывавший в Венеции в 1897 году и видавший там такое, что иному поэту, которому по-некрасовски «мерещится всюду драма», послужило бы материалом для стихов[56], специальных стихотворений в Венеции, насколько нам известно, не написал, предпочитая встречи с ней во снах:

В окутанной снегом пленительной Швеции
На зимние стекла я молча глядел,
И ярко мне снились каналы Венеции,
Мне снился далекий забытый предел.
<…>
И снова, как прежде, звеня отголосками,
Волна сладкозвучно росла за волной,
И светлые тени, подъятые всплесками,
На гондолах плыли под бледной Луной[57].

Тут нельзя не вспомнить о сомнамбулизме венецианской живописи[58] и о том, сколько раз тема сна, снящегося города и спящего города появится на страницах нашей антологии, доходя до заумного лепета, в котором «плы-сонно-лыли в ка-глубоналах Веневодеции» читатели эпохи футуризма[59]. Вот и Блок, выслушав мандельштамовскую «Веницейскую жизнь», решил: «Его стихи возникают из снов – очень своеобразных, лежащих в областях искусства только». Два сна, сон беспечный и сон дурной, хранятся в кладовой памяти читателей, чтобы столкнуться в момент встречи русского стиха со сновидческим городом:

И вот Венеция:
не тысячью огней
и не зеркальным львом,
а поворотом
канала черного,

[56] Например, он отправился на Сан Серволо к сумасшедшему дому, описанному в поэме Шелли: «…я приплыл в гондоле, взглянуть на это убежище живых, выброшенных из жизни, лицо, более всех поразившее меня, было исступленное лицо молодой красивой итальянки, которая, стоя на решетчатом окне, с бешенством без конца выкрикивала повесть, как он ее бросил» (Шелли. Полное собрание сочинений в переводе К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное издание. Т. 2. СПб., 1904. С. 581–582).

[57] Бальмонт К. Тишина. Лирические поэмы. СПб., 1898. С. 35. Впрочем, в обзорном сонете «Италия» упоминаются в перечислении «Неаполь, шабаш солнца неизменный, / Флоренция, лазурный серафим, / Венеция, где страстью дух палим, / А живопись – цвет золота нетленный» (Бальмонт К. Два сонета к Италии // Утро России. 1917. № 24. 24 января. С. 2).

[58] Millard Meiss. Sleep in Venice. Ancient Myths and Renaissance Proclivities // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 110. №. 5 (1966), P. 348–382; Ипполитов А. Только Венеция: Образы Италии XXI. М., 2014. С. 201–202.

[59] «Венеция» попадает в рекламную глоссолалию «железобетонной поэмы» Василия Каменского «Цирк», чистоту «венецианского лазория, морями и солнцами омытого сразу» поминал Маяковский. Итальянские же футуристы не любили пассеистскую Венецию, прославляли будущее ее затопление – в «Футуристской речи венецианцам» Маринетти выкрикивал: «Так именно, о, венецианцы, мы пели, плясали и смеялись перед агонией острова Филы, погибшего, как старая крыса, благодаря Ассуанской плотине, этой мышеловке с электрическими дверцами, посредством которой футуристский гений Англии овладевает священными бегущими водами Нила». Продолжением футуристической атаки явилась к концу века книга друга Че Гевары, левого французского философа Режиса Дебре: Régis Debray. Against Venice. Translated from the French by John Howe. London, 2002.

и ни одно окно
не светится в ночи,
и рядом – ни души.

Сон давнишний какой-то,
сон неуютный, недужный,
хищно внедрившийся
в сон искрометный,
жемчужный[60].

[60] Стратановский С. Стихи, написанные в Италии // Звезда. 2001. № 6. С. 54.

Венеция: исторический путеводитель

Поедем, я готов.
Пушкин

Не развалится твоя Венеция в два-то дня.
Достоевский

Остановились над рекой и поглядели
на лунную полосу и лодку с балалайкой:
– Венеция, – прошептала Козлова.
– «Венеция э Наполи», – ответила Суслова и, помолчав, сказала тихо и мечтательно:
– Когда горел кооператив, загорелись духи, и так хорошо пахло…
Добычин

Когда я был в Венеции, в день святого Марка, – захотелось мне посмотреть на гребные гонки. И так мне грустно было от этих гонок!
Вен. Ерофеев

1

Расстояние между Санкт-Петербургом и Венецией составляет по прямой 2004 километра; между Москвой и Венецией – 2104 километра; за время, на которое падает действие нашей антологии, между 1880-ми и 1970-ми годами, оно оставалось в принципе неизменным (если не считать возможной утруски – в прямом смысле – на несколько сантиметров из-за сейсмической активности в Ломбардии и Трентино). Между тем подвижные препоны, воздвигавшиеся на этом пути за сто без малого лет, меняли статус дороги от легкой комфортной прогулки до почти непреодолимого, исполненного тревог и трудностей путешествия. Классический маршрут русского экскурсанта в Венецию лежал через Варшаву и Вену по железной дороге (он не утратил значения и поныне), но он был не единственным: как мы увидим далее, сюда прибывали и круизным лайнером, и на мотоциклетке, а со второй половины XX века и по воздуху. Поездка требовала подготовки: надобно было получить паспорт, приобрести билет, собрать багаж; в какой-то момент прочие хлопоты были заслонены изобилием требовавшихся разрешений и виз (число которых колебалось от нуля до шести по мере отвердевания разделяющих нас государственных границ); по независящим от вояжеров обстоятельствам суша делалась вдруг непроницаемой, отчего последняя возможная дорога, как в доисторические времена, проходила по морю. В доставке имярека из Северной Венеции в Единственную участвовали – без преувеличения – сотни людей, от железнодорожной обслуги до менялы на пограничной станции. Сцепление этих самосовершенствовавшихся, но склонных к сбою механизмов, стоящих между зарождением мечты о путешествии и прощальным бокалом кьянти на Stazione di Venezia Santa Lucia, и составляет предмет нашего рассказа. Иные из этапов этого пути документированы куда как скупо; другие, напротив, известны нам в деталях почти чрезмерных; все это поневоле лишит повествование плавности. Впрочем, как писал родоначальник жанра, «для чего же и Путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей? Человек в дорожном платье, с посохом в руке, с котомкою за плечами не обязан говорить с

осторожною разборчивостью какого-нибудь Придворного, окруженного такими же Придворными, или Профессора, сидящего в Шпанском парике на больших, ученых креслах»[61].

[61] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 393.

2

Как и многие другие сюжеты русской жизни, поездка за рубеж начиналась с визита в полицейский участок. Желающий получить заграничный паспорт должен был представить туда прошение, исполненное по следующей форме:

> В (такое-то) Полицейское Управление, такого-то (звание, имя, отчество, фамилия и полный адрес просителя).
>
> **ПРОШЕНИЕ**
>
> Имея намерение выехать за границу и представляя при сем 1) вид на жительство 2) …… покорнейше прошу выдать мне установленное ст. 165 уст. о пасп. (изд. 1903 г.) удостоверение о неимении со стороны полиции препятствий к выдаче мне заграничного паспорта 19… года… дня.
>
> **(Подпись)**[62]

На бланк прошения нужно было приклеить две марки гербового сбора по 75 копеек (тариф менялся, но незначительно) – это был обычный для России способ взимания государственной пошлины. Для некоторых категорий граждан требовалось представить дополнительные бумаги, но, в принципе, этот этап был, по сути, простой формальностью: если податель не находился в розыске или не был обременен участием в значительной тяжбе, то разрешение он получал. Простота этой процедуры вызывала даже некоторое недоумение у политически небезупречных соискателей: «Я был удивлен, как легко было получить заграничный паспорт. Утром я сделал заявление о выдаче мне паспорта в полицейском участке, где был прописан. Сначала мне было сказано, чтобы я пришел за паспортом вечером, но когда вынули мою регистрационную карточку, то она оказалась красного цвета. Тогда мне предложили зайти на другой день»[63]. В крупных городах лицо, постоянно проживающее по одному адресу, могло послать в участок дворника (который заодно и свидетельствовал его личность), что требовало небольшой мзды, но экономило время. Полученное свидетельство об условной благонадежности было действительно от трех до семи дней (в разных губерниях по-разному), отчего надо было, не мешкая, переходить собственно к получению паспорта.

Он выдавался в канцелярии губернатора (формально это была прерогатива генерал-губернаторов, но на практике это никогда не выполнялось), причем гражданин имел право затребовать его не только там, где был прописан, но и в любой губернии, в которой имел право жительства – более того, для совсем уж рассеянных пассажиров, обнаруживших при приближении к порту в Либаве, что они забыли выправить паспорт, его можно было получить прямо там на месте (впрочем, это было единственным таким пунктом в империи). На получение паспорта имели право все граждане, но в определенных случаях возникали дополнительные обременения: так, не поощрялся выезд лиц, не достигших двадцати лет (за исключением юношей купеческого звания, отправляющихся ради практики в заграничные коммерческие учреждения): на самом деле простой справки о необходимости лечения или желательном образовании

---

[62] О паспортах заграничных, пропуске через границу и пограничных сообщениях. Раздел второй устава о паспортах. Составил Л. М. Роговин. СПб., 1909. С. 61. Вся формальная сторона вопроса излагается в этой главе по настоящему источнику.

[63] Постников С. П. Мои литературные воспоминания (К истории одного журнала) // Дойков Ю. С. П. Постников. Материалы к биографии (1883–1965). Архангельск, 2010. С. 11.

было достаточно, чтобы трудность эту преодолеть, – но нужно было нотариально заверенное разрешение от родителей. По особой форме паспорта оформлялись паломникам, следующим в Иерусалим или на Афон. Отдельно рассматривались бумаги жителей приграничных мест, многократно пересекающих границу по служебным или семейным надобностям. Военнослужащим требовалось особенное разрешение от собственного начальства.

Все прочие лица должны были обратиться в канцелярию губернатора, имея при себе следующие бумаги:

1. Внутренний паспорт (он обычно оставался на хранении в канцелярии до возвращения путешественника из-за границы).

2. Справку, полученную в полицейском участке.

3. Прошение, украшенное одной 75-копеечной маркой гербового сбора.

Если дети не были вписаны во внутренний паспорт, но должны были отправляться за границу вместе с просителем, нужно было взять с собой их метрические свидетельства.

Заграничные паспорта выдавались бесплатно лишь трем категориям граждан, очерченным довольно причудливо: а) едущим за границу по правительственному заданию; б) выпускникам русских училищ торгового мореплавания, отплывающим на коммерческих судах; в) членам Императорского Санкт-Петербургского и Невского яхт-клубов, а также членам экипажей их яхт. Всем остальным надлежало оплатить за каждый паспорт три раздельных сбора: 50 копеек в доход казны за печатание бланка паспорта (по странной прихотливости российского устройства от этого платежа были избавлены калмыки, трухмены и «сибирские инородцы», каковых, впрочем, в Венецию ездило немного); 9 рублей 50 копеек на пополнение «инвалидного капитала» (т. е. в доход комитета, пекущегося об увечных военнослужащих и членах семей убитых на войне) и 5 рублей в пользу российского общества Красного Креста.

Таким образом, заграничный паспорт на всю семью (супруги, путешествующие вместе, могли обойтись одним документом) обходился в 17 рублей 25 копеек – не слишком значительная сумма на фоне прочих расходов на путешествие. В сложных и сомнительных случаях можно было прибегнуть к услугам ходатая, который брал 35–40 рублей за паспорт, но избавлял от необходимости личного присутствия и гарантировал сугубую лояльность проверяющих. Впрочем, многие обходились без паспорта вовсе – по статистике 1909 года[64], существенная часть эмигрантов, покидающих Россию, делала это нелегально, не уведомляя государство вовсе – благодаря исключительной, даже по меркам начала XX века, проницаемости его границ. Способствовал этому и размер штрафа за незаконное пересечение границы, составлявший более чем скромные 15 рублей.

Другим, вполне процветавшим, способом обойти формальности были поездки по чужому паспорту: поскольку фотография еще не вошла в бюрократический обиход, для путешественника важно было примерно соответствовать возрасту (и, конечно, полу) владельца документа, чтобы беспрепятственно им воспользоваться. Так, М. О. Гершензон, собиравшийся ради ученых занятий в Германию и призывавший к себе мать из Одессы, советовал:

> Теперь, мамаша, Вы должны начать хлопоты насчет паспорта. Я уеду за границу конечно до 1-го июня, а Вы можете приехать ко мне когда захотите, т. е. и до отъезда детей на лиман. От заезда теперь домой удерживают меня как климатические, так и материальные условия. Я думаю проехать прямо в Берлин и, пробыв там недолго, отправиться куда-нибудь на юг, вероятно в Гейдельберг; потом я выеду Вам навстречу, мамаша, до русской границы, а осенью отвезу Вас домой и останусь на время в Одессе. Во всяком случае, Вы должны теперь же начать дело о паспорте. [Не пожалейте нескольких рублей и

[64] Ю. А. Н. Иммиграция в С.-А. Соединенные Штаты в 1908 г. и эмиграция из России // Вестник финансов. 1909. № 16. С. 119.

> съездите в Бендеры.] Я думаю, что лучше всего было бы сделать так. В Одессе наверное есть какой-нибудь еврей – специалист по паспортной части; пусть дядя Иось отыщет такого человека, и Вы условьтесь с ним, чтобы он добыл Вам вид на жительство. Это обойдется рублей в 25, но Вы будете избавлены от большой возни[65].

Позже, когда предложенные траты показались его экономной матери чрезмерными, он придумал еще более остроумный способ:

> Насчет паспорта – имейте в виду, мамаша, что он будет Вам нужен всего на несколько минут – при проезде через границу туда и назад. Поэтому если Вам не удастся в скором времени получить свой паспорт, – возьмите паспорт матери тети Фанни; не все ли равно![66]

На законные же ее возражения отвечал:

> Прежде всего, насчет Вашего паспорта, мамаша. Повторяю, чтó уже писал Вам: паспорт будет Вам нужен одну минуту – на границе; поэтому можете спокойно ехать с паспортом тети Фанни или ее матери (впрочем, годы должны быть подходящие). Во всяком случае, это отнюдь не должно служить препятствием для нашей поездки[67].

Сам паспорт представлял собой сшитую тетрадку из 24 страниц в глухой обложке зеленого коленкора, размером с нынешний, со скругленными углами[68]. Заполнялся он на русском, немецком и французском языках. На первой странице значилось имя владельца (записанное им собственноручно), на следующей типографски было оттиснуто «Предъявитель сего» – далее следовали титулы и имя владельца, заполненные в канцелярии, потом опять типографски «во свидетельство чего и для свободного проезда дан сей паспорт с приложением печати»: подпись, дата, печать. На с. 4–5 все это повторялось по-немецки и по-французски. Далее (с. 6) ставилась печать об уплате пошлины. Страницы 7–14 предназначались для виз, если таковые требовались по условиям маршрута. На с. 15–16 ставились штампы о пересечении российской границы – квадратный о выезде, круглый о возвращении. Следующие два листа (с. 17–20) были снабжены перфорацией, и по правилам их должны были отрывать на границе и оставлять в архиве Отдельного корпуса пограничной стражи. На последних четырех страницах помещались выдержки из «Постановления о заграничных паспортах» и «Правил о пассажирских вещах».

Получивший паспорт гражданин должен был выехать за пределы России в течение трех месяцев (для приграничных районов – в течение трех недель); если он не успевал, то нужно было получить новый документ. Срок годности паспорта составлял пять лет; продлить его можно было в ближайшем консульстве или просто оплатить при возвращении штраф прямо на границе. Если лица, выехав в Россию по одному паспорту, намеревались возвращаться порознь, то консульство в стране назначения могло выдать им особенный вид для обратного пересечения границы.

---

[65] Письмо М. О. Гершензона к матери от 24 марта 1897 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 18. Л. 25. *Дядя Иось* – И. Я. Цысин, одесский негоциант. Здесь и далее для документов до 1917 года принят по умолчанию старый стиль летоисчисления; иные случаи оговариваются.

[66] Письмо М. О. Гершензона к матери от 5 мая 1897 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 19. Л. 3 об. При этом следует отметить, что заграничный паспорт давался исключительно на одну поездку, так что тетя Фанни (Фаина Львовна Цысина) должна была получить ради такого случая новый документ.

[67] Письмо М. О. Гершензона к матери от 9 мая 1897 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 19. Л. 7.

[68] Заграничные паспорта образцов 1890–1910-х годов весьма редки в обычных архивах, поскольку по возвращении из-за границы их нужно было сдавать в канцелярию губернатора, но тот же самый Гершензон неизвестным способом свой сберег (РГБ. Ф. 746. Карт. 13. Ед. хр. 46): далее мы описываем именно этот экземпляр.

Дополнительно к указанным выше расходам нужно было оплатить сбор с выезжающих за границу: за каждый паспорт, невзирая на число поименованных в нем лиц, вносилось по 10 рублей за каждое полугодие предполагаемого пребывания их за границей; естественно, большинство путешественников укладывались в минимальный срок.

3

Источниковедение, касающееся обыденной жизни партикулярных лиц, устроено парадоксально: лучше всего документированы обстоятельства встречи личности с государством – от регистрации новорожденного до полицейской слежки (так что главнейшим союзником грядущего историка становится жандарм). Эпизоды, составляющие собственно частную жизнь, делаются достоянием эпистолярия или мемуаров в том количестве, в каком позволяет это установившаяся иерархия их значимости, из-за чего обширнейшие области бытия оказываются незафиксированными. Из нескольких десятков, если не сотен исторических лиц, чьи поездки в Италию известны нам в больших или меньших деталях, практически все переживали обязательную процедуру сборов в дорогу; вероятно, многие из них, движимые педантизмом, составляли списки необходимых вещей, но лишь один из этих перечней дошел до нас в неповрежденном виде.

19 марта 1890 года И. Ф. Анненский обратился к директору санкт-петербургской гимназии Гуревича, где он тогда преподавал, с ходатайством о предоставлении отпуска «на заграничную поездку сроком по 1-ое Сентября 1890 года»[69]. 18 апреля разрешение было получено; 23 мая ему был выдан заграничный паспорт. Вероятно, одним из последних дней мая должен быть датирован следующий документ:

Инвентарь
Пальто 2
Шляпы 2
Пары платья (без жил<ета>) 2
Белый жилет 1
Кальсонов 4 пары
Чулок 6
Пиджак шелковый 1
Рубашек (всего) 6
Платков 6
Кашнэ 1
Галстухов 3
Шнуров 3
Сапоги 1
Туфли 1
Воротничков 5
Манжет 5 пар
Запонок 2
Полотенец 3
Зонтик 1
Перчатки 1
Ножницы 1
Чернильницы 1
Щетка платейная 1
– головная 1
– зубная 1
Компресс 1 (свив<альник>, фл<анель>, вата, клеенка, плат<ок>)
Коробочка с мелочью 1

[69] См.: Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905. СПб., 2007. С. 62–63 (коммент. А. И. Червякова).

Свечей короб<ки> 3
Сумка 2
Гребеночка 1
Фляжка 1
Подушка 1
Книжки 2
Notes 4
Карандашей 4
Бумажник 2
Портмоне 1
Часы 1
Цеп<очка> 1
Паспорт 2
Свидет<ельство> по воинск<ой> пов<инности> 1
Стаканчик 1
Лекарства баул <?> 2
Оберток 2[70].

Жена его, Надежда Валентиновна (Дина), сделала к этому перечню (не нуждающемуся, кажется, в комментариях) приписку: «Главная вещь ты сам привези назад здоровым и веселым и неиспорченным. Дина».

Исходя из общепринятого факта о дешевизне заграничной жизни в сравнении с русской[71], авторы путеводителей и руководств обычно не советовали брать с собой значительный скарб. Иногда, особенно в случае организованных групповых поездок (о чем см. далее), объем его заранее регламентировался: «Багаж должен быть ограничен самым необходимым – не более одной корзины или одного чемодана, который турист берет с собою в вагон. Багаж сверх указанного будет перевозиться за счет туриста. На чемодане написать имя и адрес, чтобы легче было его найти в случае, если он потеряется»[72]. Впрочем, популярный путеводитель Н. М. Лагова советовал не забывать о верхней одежде:

> Хотя в Италии такой, как в России, зимы и не бывает, тем не менее теплое, в особенности шерстяное платье необходимо. Так как музеи и храмы не отапливаются, то в них бывает холоднее и сырее, чем на открытом воздухе. Зимой на солнце в полдень свободно можно оставаться в комнатном одеянии, но, входя с улицы в какое-нибудь общественное здание, благоразумнее надеть пальто. В особенности следует остерегаться входить в испарине. Что касается лета, то не следует слишком много оставаться на солнце, и для глаз полезно обзавестись дымчатыми очками[73].

Солидарен с ним был и руководитель организованных экскурсий, преподаватель французского одной из московских гимназий Анжель Лукьянович Турнье: «Запасаться надо легким платьем, но в то же время необходимо взять и пальто или теплый костюм, чтобы защищать

---

[70] РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 1–2. Замечание про два паспорта нам неясно – значит ли это, что у него не изъяли внутренний?

[71] Из множества заключений приводим на выборку: «Собираю теперь потребные справки о Риме; говорят, что жизнь гораздо дешевле, чем в Москве» (письмо М. О. Гершензона к родным от 5 апреля 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 13. Л. 15 об.).

[72] Турнье А. Л. Образовательное путешествие для лиц обоего пола по Франции, Италии и Бельгии // Русский турист. 1910. № 5/6. С. 41.

[73] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. СПб., 1911. С. 2.

себя от перемен температуры. Непромокаемый плащ предпочтительнее, чем зонт, в смысле защиты от дождя. Калоши бесполезны»[74].

Изобилие багажа (среди которого у иных наших героев выделялся габаритами и весом главный писательский инструмент – пишущая машинка) превращало порою сборы в трудную и нервическую процедуру:

> Сейчас, проклиная существующий порядок вещей и ругаясь почти по-испански – укладывал обратно в ящик машину; всаживал в живот ей гвозди и ввинчивал в самую задницу винты. Тут мало того, что с истечением всех сил работаешь на машине, а потом еще самую должен прятать и отправлять по жел. дороге, как убийца труп своей жертвы.
>
> И вообще сейчас идет укладка. Подгоняемая шпорами моего благоразумия, Анна скачет с легкостью трехгодовалого слоненка и в то же время предается изнеженности: ловит блох, гоняясь за ними по всей комнате. Из соседней комнаты впечатление такое, будто она танцует танго; вблизи впечатление меняется.
>
> *Через час*. – Сейчас из самой пасти Анны вырвал мои единственные брюки, которые она хотела отправить малой скоростью. На вопрос: а как же я буду без них – Анна с видом долголетней чахоточной смутно пояснила, что скорость очень малая и если я буду идти быстро, то попаду в них или даже они сами наскочут на меня, так как скорость очень малая. А впрочем, она не возражает, так как и сама все понимает, и все это от того, что она не понимает, почему, собственно, я так вцепился в какие-то брюки[75].

Этот же автор через четыре дня сборов – и уже накануне собственно отъезда в Венецию резюмировал:

> Господи, но сколько укладки. Наши вещи оказались способными к деторождению и столько развели за это время других вещей, что некуда класть. У моей коричневой пары оказалось пятеро детей, а бархатная куртка вчера ночью неожиданно родила бархатную жилетку, такую маленькую, что приходится кормить ее соской. Аничкины шляпы так расшляпились, что приходится подкидывать, а мои рубашки разрубашкились до неприличия, и сапоги разбашмачились[76].

---

[74] Турнье А. Л. Образовательное путешествие для лиц обоего пола по Франции, Италии и Бельгии // Русский турист. 1910. № 5/6. С. 41.

[75] Письмо Л. Н. Андреева к матери от 20 апреля 1914 г. – «Верная, неизменная, единственная…» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь – май 1914 г.). Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Н. Кен и А. С. Вагина // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М., 2000. С. 123.

[76] Письмо Л. Н. Андреева к матери от 23–24 апреля 1914 г. // Там же. С. 125.

4

Отдельное место в багаже занимали путеводители и разговорники. Бедность русской литературы практических путешествий до определенного момента смягчалась тем обстоятельством, что значительная часть экскурсантов, принадлежа к обеспеченным слоям общества, имела классическое образование. Это делало излишним перевод и адаптацию распространившихся на Западе классиков жанра – прежде всего путеводителей, изданных под маркою Бедекера и, в меньшей степени, его не столь удачливых конкурентов. Собственно, бедекер (сделавшийся именем нарицательным) был почти непременным спутником русского экскурсанта, принимавшим на свои страницы его недоуменные и восторженные пометы[77], а между ними – образцы местной флоры, служившие одновременно и закладками, и напоминаниями. В библиотеке Блока, например, сохранилось 11 бедекеровских путеводителей на французском – по Германии, Испании и Португалии, Центральной Италии (квалифицированное описание маргиналий в котором занимает 16 страниц убористого шрифта), Южной Италии (с Сардинией, Тунисом и Корфу), Северной Италии, Лондону, северу Франции (со вложенными в него засушенным листком и открыткой), Парижу, югу Франции, Швеции с Норвегией и Швейцарии (вряд ли стоит напоминать, что в значительной части этих мест поэт не побывал ни разу)[78].

Однако по мере удешевления заграничных поездок существенную долю среди экскурсантов заняли лица, не знавшие языков и не обладавшие достаточными средствами, чтобы пользоваться услугами постоянного русскоговорящего проводника. Один из самостоятельных путешественников, артиллерийский штабс-капитан из Карсской крепости, сетовал:

> При современном общении народов как должно быть тяжело, досадно и обидно, когда люди, имея между собой много общего, не понимают друг друга по незнанию языка! Теперь даже стремятся разгадать язык животных и птиц, чтобы понимать их. И как, в сущности, мало еще осуществлена идея всеобщего, международного языка! Между тем, она так же полезна человечеству, как, напр., идея всеобщего мира, единения и братства между людьми. Разница лишь та, что идея международного языка скорее и легче осуществима, чем остальные. Стоит лишь придти к международному соглашению и поработать искренно на благо человечества, создав новый и легкий язык и сделав его повсюду «общеобязательным» со школьной скамьи. Если бы конференция признала языки эсперанто или французский пригодными для этой цели, то можно было бы остановиться на них. Нельзя, впрочем, не заметить, что хотя французский язык и красив, но в произношении и письме он очень труден.
>
> Теперь же невольно приходится изучать многие языки, что, конечно, и очень трудно и на это идет масса времени. Очевидная польза «общего языка» – вне всякого сомнения. Поэтому, я думаю, людям прежде всего надо об этом сговориться. Ведь многое и не клеится потому, что люди часто говорят на разных языках, не понимая друг друга, подобно людям

[77] Ср., кстати, классический пример обстоятельной подготовки к поездке: «<…> задолго до отъезда мы стали читать книги по истории Италии и ее искусству, а я – заносить в особую тетрадь разные заметки и выдержки из читаемого, составлять нужный нам своего рода путеводитель Бедекера: в городах, где мы наметили останавливаться, я отмечал то, на что надо обратить особое внимание, на какие мозаики и статуи, кто автор того или иного памятника, время создания его, и пр. и пр.». (Остроухов И. Посещение Вены и путешествие по Италии в 1887 году // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 244).

[78] Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 3. Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Под редакцией К. П. Лукирской. Л., 1986. С. 10–31.

> при «вавилонском столпотворении»… Итак, к сожалению, за неимением пока одного общепринятого, общеобязательного и общераспространенного языка, русскому путешественнику, едущему за границу, необходимо помнить следующее: I. Знание по крайней мере одного европейского языка: французского, немецкого или английского – обязательно, особенно первого, иначе без проводника не обойтись. II. В случае незнания языка данной страны необходимо иметь при себе карманные, дорожные справочники-словари, при том, чтобы слова и фразы были бы написаны русскими буквами. Наприм., руководства «русские за границей», издания С.-Петерб. Учебного магазина, стоящие по 30 коп. каждое. Жаль только, что они несколько велики и не во всякий влезают карман. III. Крайне необходимы всем справочники-путеводители последних изданий, наприм.: Спутник туриста Филиппова или Бедекера – на русском языке. IV. В больших городах, чтобы лучше ориентироваться, хорошо покупать планы городов, которые продаются в книжных магазинах или у разносчиков. V. При кратковременном посещении города также хорошо в самом начале купить альбом города, чтобы рассматривая его, не пропустить какой-нибудь достопримечательности[79].

Упомянутые тридцатикопеечные руководства выпускались под типовыми названиями («Русский в Италии», «Русский в Германии», «Русский во Франции» и т. п.) несколькими конкурирующими книгоиздательствами. Часть из них ограничивалась исключительно в меру подробным разговорником, содержащим тематически распределенные фразы, записанные трижды – на русском, избранном иностранном и в транскрипции. Такова, например, брошюра «Русский в Италии», выпущенная московским издательством «Союз» за именем «Дж. Иованни» (за которым вполне мог скрываться, скажем, Евгений Иванов) с подзаголовком «Руководство для быстрого ознакомления с итальянским языком, дающее возможности лицам, не знающим итальянского языка, ориентироваться в Италии»[80].

Первая ее страница занята итальянской азбукой и лапидарным очерком итальянской фонетики, после чего следует перечень числительных от нуля до миллиона (il milionesimo) – с пропусками, конечно. Далее идет набор фраз, теоретически охватывающий все возможные потребности вояжера, распределенных по следующим темам: «Деньги», «Разговор общего характера», «Время», «Погода», «Здоровье», «Путешествие», «В гостинице», «В ресторане», «Осмотр города», «Прачка», «Парикмахер», «В галантерейном магазине», «В книжном и писчебумажном магазине», «В бакалейной лавке», «У портного», «У портнихи» – и на этом область интересов потенциального пользователя вокабуляра оказывается охваченной полностью. В пунктирном виде путь его по Италии может быть представлен чередой следующих реплик: «Я вижу, что вы мне больше не верите», «Плохо, я болен, у меня болит голова», «У меня болит голова, глаз, нос, уши, зубы, горло, сердце, желудок, легкие, рука, нога», «Сколько стоит билет первого класса до Венеции?», «Принесите мне лампу, спички, графин холодной воды, чистый стакан, щетку для платья», «Дайте мне стакан красного вина», «Принесите бутылку пива», «Дайте мне две дюжины устриц», «Вам не больно», «Это платье больше не в моде»[81].

---

[79] Нацвалов Л. Г. Рассказ о путешествии по Западной Европе, Египту и Палестине в конце 1912 года. Тифлис, 1913. С. 100–102.

[80] Иованни Дж. Русский в Италии. М., 1913. Надо напомнить, что любые издания остропрактической направленности (от учебников до сонников) плохо сохраняются и еще хуже учитываются библиографией, особенно ретроспективной, так что следующий очерк ни в коем случае не претендует на полноту.

[81] Несмотря на неискоренимую водевильность подобного рода разговорников, составители их действительно умели собрать наиболее важные в обиходе фразы; ср. изумление И. Грабаря: «Первый итальянский диалог я имел с facchino <носильщик>. Оказалось, что весь запас взятых мной у моего словаря фраз гениальным образом подошел под все нужные мне случаи,

Гораздо более жовиальным представлялся автору будущий покупатель одноименной брошюры, напечатанной столичным издательством «Сотрудник» с подзаголовком «Самая простая и легкая метода для скорого изучения итальянского языка с помощью хорошего произношения. Содержит все необходимое для обыденной жизни и в путешествии»[82]. Начавшись той же азбукой и перенеся в конец книги памятку по числительным, разговорник предлагает иной набор тематических гнезд: «Железная дорога», «Таможня», «Извозчик», «Ресторан», «Отель», «Меблированная комната», «Кофейня», «Винная торговля», «Цирюльник», «Табачный магазин», «Почта», «Прачка», «Врач», «Аптека», «Колониальные товары», «Меняльная контора», «Город», «Время, погода», «Театр», «Музыка, пение», «Музыкальные фразы», «Мужские и дамские платья», «Магазины», «Итальянский язык». Иным, соответственно, будет и составленный из выбранных наугад фраз монолог: «Извините, за эти мелочи я должен платить пошлину?», «Ну так я другого извозчика возьму», «Дайте мне бутылку вина», «Я хочу говорить с хозяином отеля», «Моя жена должна иметь горничную около себя», «Как вас зовут?» «Меня зовут Юлией» (Giulietta, естественно). «Кто-то стучит в двери», «Где клозет?», «Дайте мне рюмку туринского вермута», «Рюмку водки», «Рюмку ликера», «Выпьем еще по стакану?», «Устрицы свежие?», «Мои нервы очень возбуждены», «Выдайте мне ссуду», «Поезжайте на кладбище», «Хотите меня проводить?», «Целую ночь падал снег», «Во время антракта мы пойдем выпить стакан пива или бутылку вина», «Поете ли, мадемуазель?», «У вас прелестный голос».

Под тем же названием было выпущено и гораздо более внушительное пособие для путешественников – на этот раз оно имеет подзаголовок «Легчайший и скорейший способ научиться правильно говорить по-итальянски и знакомиться со страной. Руководитель в пути и в обществе» и вполне опознаваемого автора – исторического романиста Л. Г. Жданова[83]. Книга открывалась предисловием, в первых строках которого фиксировалась отмена имущественного и социального ценза для выезжающих:

> Быстрота и дешевизна сообщений за последнее время сделали поездку за границу настолько же легкоосуществимою и удобною, насколько раньше это было сопряжено с расходами и неудобствами. Самое главное затруднение: как устроиться в чужой стране, не зная ее языка? На помощь подобному затруднению явилось множество путеводителей, самоучителей и др. пособий на всевозможных языках. Отличаясь, каждое в отдельности, известными достоинствами, они не лишены и многих пробелов, недочетов, вдаваться в разбор которых здесь не место. При составлении настоящего руководства приложено старание избежать крупнейших промахов и недостатков существующих уже руководителей и самоучителей и дать возможно полное и целесообразное пособие как для путешественника, так и просто для человека, желающего изучить обиходную речь и главные достопримечательности любой страны. Таково намерение. Насколько удалось его осуществить – решит публика. Не давая, конечно, глубоких познаний данного языка, каждая, выпускаемая нами, книжка представляет возможность в 3–4 недели узнать его настолько, чтобы не быть беспомощным, являясь в чужую страну, и обходиться без содействия дорогостоящих проводников, гидов, или без счастливых встреч

и мне никто ни разу не ответил по-немецки, хотя они, по-видимому, понимают язык» (письмо к В. Э. Грабарю от 29 августа 1895 г. // Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 49–50).

[82] Русский в Италии. СПб. Б. г.

[83] Жданов Л. Г. Русский в Италии. М., 1900 (брошюра входит в серию «Космополит»).

с любезным соотечественником, который путешествует случайно по одному направлению с вами и обладает знанием языков[84].

Это издание представляло собой промежуточную форму между разговорником и полноценным путеводителем: в нем приводятся краткие сведения, касающиеся практических вопросов путешествия: специальные главы посвящены железнодорожным билетам, таможенным правилам, технологиям пересечения границ; отдельно в кратких справках перечислены важнейшие достопримечательности итальянских городов.

Каждый из этих пунктов делался предметом обстоятельного рассмотрения в подробных путеводителях, построенных по образцу родоначальников жанра (примерно эту же структуру они сохранили и до сегодняшнего дня)[85]. Популярнейшим из них было карманное (в 16-ю долю листа) руководство С. Н. Филиппова «Западная Европа» (с подзаголовком «Спутник туриста»), выдержавшее между 1900 и 1912 годами шесть изданий и вышедшее общим тиражом более 30 тысяч экземпляров[86]. Эта книга, даже внешностью своей (красный почти квадратный томик в 600 страниц) напоминавшая о бедекере, в точности копировала его структуру: сначала, на 40 примерно страницах, содержались общие указания (перечни маршрутов, краткие сведения о паспортах, свидетельства о европейских валютах, подробности железнодорожного сообщения и пр.); далее шли очерки отдельных стран, построенные по одной и той же схеме: общие сведения, полезные советы и главные достопримечательности. В большом количестве прилагались к книге карты и схемы городов, а разговорник, напротив, был уменьшен в объеме до полутора десятков страниц.

Естественно, по мере развития индустрии путешествий печаталось все больше путеводителей по отдельным странам – и тут немногочисленным русским переводам Бедекера[87] (вопрос о легальности которых мы оставим на совести покойных издателей) составляли конкуренцию изделия местных мастеров, среди которых (применительно к Италии) выделялось названное выше сочинение Н. М. Лагова, к которому нам не раз еще предстоит вернуться.

В списке русской практической литературы путешествий по Италии особняком стоят два сочинения, почти лишенные прикладных советов, но вместе с тем регулярно занимавшие свое место в багаже экскурсантов. Первая из них – «Венеция» П. П. Перцова, начатая автором во время продолжительной итальянской поездки лета 1897 года[88]. Жанр ее явно восходит к популярным в Европе и России культурологическим путевым очеркам Ипполита Тэна (Перцов, в

---

[84] Там же. С. III–V.

[85] Надо отметить, что чрезмерное увлечение мудростью путеводителей обычно порицалось в отечественных травелогах, ср.: «Группами, парами и в одиночку прохаживались богатые американские старухи – уже не первую сотню лет гуляют они по этой площади, держа в руках путеводители…» (Ильина Н. Дороги и судьбы. Автобиографическая проза. М., 1985. С. 413); «Я вообразила себе дам, щебечущих об Италии за чайным столом в своем дамском клубе, причем одна, наиболее бойкая и памятливая, начитавшись путеводителей, всех заткнула за пояс, рассуждая об оттенках розового цвета у Тициана и голубого у Тинторетто, нахально выдавая эти сведения за собственные наблюдения…» (Там же. С. 414); «И тогда раздаются над вами слова гида, ужаснее и жесточе ударов палачей. <…> И мы прислушиваемся к его словам и с жадным любопытством смотрим на все это, равнодушно глядя в красный Бедекер, торопясь еще куда-то отсюда» (Дейч А. Сны наяву (Открытки с пути) // Музы. 1913. № 1. С. 5).

[86] Его колоритный автор, театральный критик Сергей Никитич Филиппов (1863–1910), заслуживал бы отдельного рассказа, зачином для которого подошел бы эпизод из дневника Ф. Фидлера: «Он (Филиппов), казалось, только и ждал, что я начну у него допытываться – почему он постоянно путешествует, почему так мало пишет и т. д.; но я чувствовал, что, сделав это, допущу бестактность. Он обнял меня и поцеловал: „Я чувствую, как Вы деликатны, но перед Вами однажды я изолью душу!“… Должен подчеркнуть, что мы не выпили ни капли; он и вообще пьет чрезвычайно мало» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Издание подготовил К. Азадовский. М., 2008. С. 378).

[87] Под собственным именем Карл Бедекер были изданы по-русски всего две книги: «Путеводитель по Ривьере от Марселя до Генуи» (СПб., 1899) и «Царство Польское» (СПб., 1913–1914). Еще две книги («О Палестине и Святой земле». Уфа, 1916) и «Путеводитель по Парижу» (М., 1902) издавались с обтекаемыми подзаголовками «Сост. по Бедекеру» и «По Бедекеру». Отдельно стоит серия «Русский Бедекер», в которой нам известно шесть книг – путеводители по Волге, Санкт-Петербургу, Вене, Парижу, Берлину и Швейцарии, но связь их с материнской торговой маркой кажется нам скорее номинальной.

[88] Подробнее см. с. 850–852 настоящего издания.

частности, переводил его «Путешествие по Италии»), в которых на естественный сюжет травелога нанизываются обширные экскурсы автора, касающиеся замеченных им предметов.

Книгу сходного типа задумывал один из крупнейших русских знатоков Италии, многократно в ней бывавший (в том числе в качестве руководителя студенческих экскурсий) И. М. Гревс. Начиная свой цикл «Научные прогулки по историческим центрам Италии», он писал:

> Литература путешествий – огромная; но мало можно назвать среди книг, статей и брошюр, из которых она составляется, таких сочинений, которые могли бы служить надежными идейными путеводителями для странника, ищущего серьезного образования. Надобно выработать такие руководства и в них попутно указывать то, что находится подходящего и ценного в числе имеющихся описаний. «Очерки», из которых здесь дается ряд отрывков, должны служить опытом подобного рода научных руководящих пособий при изучении памятников исторической и художественной старины[89].

Развитием этой манеры были обретшие исключительную (и не исчерпанную до наших дней) популярность «Образы Италии» П. П. Муратова. В одной из первых посвященных муратовскому opus magnum рецензий была особенно отмечена двойственность его жанровой природы:

> Среди множества книг об Италии, часто повторяющих друг друга с утомительным однообразием, среди этих поверхностных впечатлений, точно записанных со слов гида, «Образы Италии» – это ценный труд, соединяющий в себе все достоинства беллетристической вещи и интерес художественно-исторического исследования. Перед читателем, лишенным возможности быть в Италии и отдаться ее непосредственному очарованию, перед читателем, создающим ее образ лишь по образцам описательной литературы, в книге П. Муратова предстанет живой и одухотворенный облик страны, начертанный кистью художника, обладающего тонким и воспитанным вкусом. Форма описания – легкость скользящих образов и впечатлений, быстрая смена самых разнообразных восприятий – совершенно освобождена от томительной тяжеловесности всяких «путевых заметок» и «воспоминаний», написанных большею частью неопытной рукой туриста-дилетанта. Но под нежностью акварельных рисунков, под воздушными красками описаний природы, жизни и искусства чувствуется настоящий твердый фундамент систематического и всестороннего изучения страны и ее сокровищ[90].

В практическом смысле этот путеводитель делался уже отчасти эрзацем самого путешествия, избавляя читателя от связанных с перемещением в пространстве невзгод и расходов, но преподнося ему все могущие быть полученными впечатления уже в удобоваримом виде.

Впрочем, по мнению другого современника, напротив, «Образы Италии» служили скорее побудительным мотивом к поездке:

> Этот двухтомник был не только увлекательным чтением и свидетельством глубокой эрудиции их автора, но в придачу он сыграл немалую роль в деле русско-итальянского культурного сближения. Под его влиянием тысячи русских экскурсантов – студентов, учителей, людей

---

[89] Гревс И. М. Научные прогулки по историческим центрам Италии // Научное слово. 1903. № 3. С. 53. В результате «очерки», периодически печатавшиеся в журнале, так и не вышли отдельным изданием (за исключением малого числа специально изготовленных оттисков) и своего назначения не оправдали.

[90] Петровская Н. Разбитое зеркало. М., 2014. С. 605–606.

самого скромного достатка – по смехотворно удешевленным тарифам ездили обозревать памятники итальянского Возрождения, бродили не только по Риму или Флоренции, но и бороздили городки Умбрии и Тосканы, о которых услышали впервые от Муратова[91].

[91] Бахрах А. По памяти, по записям. Париж, 1980. С. 38.

5

Если положение с путеводителями сто лет назад было отчасти сопоставимо с нынешним (тот же выбор оптимального соотношения веса, подробности, практической пользы и цены), то три других компонента, весьма чувствительные для сегодняшнего путешественника, были почти незнакомы его духовному прапрадедушке. Речь идет о визах, страховке и конвертации денежных средств.

Для классического венецианского маршрута в довоенное время могла понадобиться одна-единственная виза – австрийская, причем вводили ее и отменяли исходя, вероятно, из каких-то внутриполитических соображений: так, в памятке 1900 года значится:

> *Визировка* (отметка) паспортов в России, до отъезда, нужна только в *Австрийском* консульстве. В противном случае могут через границу не пропустить: при дальнейших же переездах из Австрии предъявление паспортов нигде не требуется, и они нужны лишь для удостоверения личности и для получения всякого рода корреспонденции, а также денег по переводам[92].

Путеводитель 1907 года напоминает, что «требовавшееся от едущих через Австрию визирование заграничн<ых> паспортов в австро-венгерск<ом> консульстве отменено в феврале 1903 г.»[93], но изданная двумя годами позже книга, напротив, сообщает: «Австро-венгерское генеральное консульство в С.-Петербурге циркулярно сообщило о восстановлении австро-венгерским правительством с 21 апреля / 4 мая 1905 г. обязательной визировки паспортов русских подданных, переезжающих через австрийскую границу»[94]. Обстоятельный Лагов повторяет тезис о необходимости визы и называет ее цену: «Ввиду поездки через Австрию необходимо с заграничным паспортом явиться в Австрийское консульство для визированья, за что взимается определенная плата в 2 р. 25 к.»[95]

Еще меньше было развито страхование путешествующих: из всех крупных фирм готовое предложение для туристов имелось только у компании «Россия». Суть его подробно была разъяснена в путеводителе Филиппова:

> Несмотря на принимаемые меры предосторожности на железных дорогах, невозможно избегнуть несчастий с поездами железных дорог, которые влекут часто за собою также более или менее серьезные повреждения, делающие потерпевшего неспособным к труду, и причиняют даже смерть пассажирам. Чтобы оградить путешествующих хотя бы от материальных потерь, могущих явиться как последствие железнодорожных несчастий с пассажирами, явилась мысль застраховывать туриста от случайностей, могущих приключиться с ним на железных дорогах, паровых, электрических и конных трамваях всего мира. Такое страхование, широко распространенное на Западе, практикуется у нас страховым обществом «Россия», которое, за небольшой *единовременный* взнос, принимает на себя *пожизненное* страхование туриста, гарантируя ему: капитал – на случай смерти, пенсию – на случай инвалидности и суточное вознаграждение – на случай временной неспособности к труду. Подробности по этого рода страхованию сообщаются

[92] Жданов Л. Г. Русский в Италии. М., 1900. С. 14.

[93] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. Четвертое издание. М., 1907. С. XXV.

[94] О паспортах заграничных, пропуске через границу и пограничных сообщениях. Раздел второй устава о паспортах. Составил Л. М. Роговин. СПб., 1909. С. 24.

[95] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. СПб., 1911. С. 5.

> в правлении общества «Россия» (С.-Петербург, Морская, д. № 37), во всех его отделениях, а также у агентов в городах империи и в особых киосках на всех главных станциях русских ж. д. и в книжно-газетных шкапах[96].

Здесь же приводилась краткая таблица страховых расценок – так, при единоразовом взносе в 10 рублей турист мог утешать себя мыслью о возможном (в самом крайнем случае) пополнении капитала наследников на 3 тысячи, трехсотрублевой пенсии на случай инвалидности (вероятно, вручаемой единожды) и компенсации временной нетрудоспособности из расчета рубль в сутки.

Денежная система (а особенно практика) Италии начала века была довольно запутанной, так что разумное устройство финансового быта путешественника требовало некоторой предприимчивости и значительных познаний. Юридически Италия входила в латинский монетный союз, так что ее денежная система была унифицирована с принятыми во Франции, Бельгии, Швейцарии и Греции, отличаясь лишь в номинативной части. Основной денежной единицей была лира (lira), ее сотая часть – чентезимо (centesimo), для мелких сумм и в некоторых обстоятельствах счет обычно шел на сольди (soldi) – 5 чентезимо; так, цена вина в дешевых остериях номинировалась по умолчанию в сольди за половину литра. В ходу были золотые монеты в 10 и 20 лир и серебряные в 5 лир, при этом в обороте свободно находились монеты крупных номиналов всех стран латинского союза – с одинаковым успехом можно было расплачиваться монетой и в 10 франков, и в 10 лир. Дотошный путешественник отмечал по этому поводу: «Французское золото в 10 и 20 франков везде принимают охотно, особенно т<ак> называемые „наполеондоры“ с изображением императора Наполеона. Новые золотые монеты – с изображением петуха. Английское и русское золото – также принимается, но оно не так распространено, и в некоторых случаях при размене или уплате могут быть заминки»[97].

Напротив, мелкая монета в ходу была только национальная: серебряные 2, 1 и ½ лиры, никелевые 20 и 25 чентезимо и медные 10, 5, 2 и 1 чентезимо. Монеты, отчеканенные до 1863 года (которыми регулярно пытались дать сдачу простоватому туристу), были выведены из обращения; кроме того, в обиходе было довольно много фальшивых монет, которые предлагалось отличить по их «тусклому (свинцовому) виду и мыльности на ощупь»[98]. В ходу были также государственные кредитные билеты в 5, 10 и 25 лир, печатавшиеся в Италии тремя банками – Banca d'Italia, неаполитанским и сицилийским; продукция двух последних была в основном распространена на юге страны и широкого хождения не имела. При размене золотых монет (вне зависимости от страны их происхождения) на местные купюры к номиналу полагалась премия в 6 %.

Курс российского рубля между 1890 и 1914 годами был исключительно стабилен и незначительно колебался вокруг значения 35–37 копеек за лиру[99] (впрочем, в справочнике 1898 года приведена таблица, учитывающая волатильность от 30 до 50 копеек [100], что, возможно, отражает отложенную дальновидность составителя). Варианты транспортировки денежных средств, вставшие перед пассажиром, выглядели так:

> Конечно, можно брать с собою русские деньги, меняя их за границей, или покупать иностранные в России, или, наконец, запастись чеком на данный город. Однако, первое небезопасно, принимая во внимание дорожные

---

[96] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XLI–XLII.

[97] Нацвалов Л. Г. Рассказ о путешествии по Западной Европе, Египту и Палестине в конце 1912 года. С. 111–112.

[98] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 4.

[99] Первое значение называет, в частности, Гершензон в письме из Рима: «Раз навсегда знайте, что лира теперь равна 35 ½ рус. коп.» (письмо родным от 6 мая (24 апреля) 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 1. Л. 22–22 об.); второе зафиксировано во множестве источников.

[100] Беккер А. В. Пассажирские пограничные таможенные правила России, Германии и Франции. СПб., 1898. С. 24–25.

> случайности, возможность потери и пр. А главное – это не всегда выгодно при разменах. Покупка же иностранных денег в России прямо убыточна, в виду неизбежных, иногда значительных, потерь против курсовой стоимости. Третий способ – чеки – вообще довольно стеснителен, напр. хотя бы при изменении маршрута[101].

Далее автор предлагает в качестве идеального варианта банковский аккредитив, номинированный во франках, марках, гульденах и фунтах стерлингов, выданный на срок от месяца до года. Иной точки зрения придерживался путешественник-практик:

> Если приходится проезжать и останавливаться в нескольких государствах – лучше иметь у себя русские кредитные билеты – 25-ти, 50-ти и 100 рублевого достоинства, и менять их по мере надобности на иностранные деньги. 100 рублевые билеты охотнее меняют и дают за них больше по курсу, чем на меньшие деньги[102].

Впрочем, по скромности своих расходов он не знал (или не счел нужным упомянуть), что вывоз из России наличных на сумму более 3 тысяч рублей облагался налогом – небольшим (одна копейка со 100 рублей), но скрупулезно взимаемым; при утаивании крупных средств налагался штраф в четверть скрытой суммы[103]. Насколько мы можем судить (денежная тема традиционно не пользуется вниманием мемуаристов), большинство туристов везли с собой наличные рубли, меняя их в итальянских банках по мере надобности.

---

[101] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XXVI.

[102] Нацвалов Л. Г. Рассказ о путешествии по Западной Европе, Египту и Палестине в конце 1912 года. С. 112.

[103] Жданов Л. Г. Русский в Италии. С. 15.

6

Следующей заботой путешественников было приобретение билетов, но описание этой нехитрой процедуры потребует обширного экскурса в мир российских и европейских железных дорог. Первый этап маршрута для путешествующих из России в Венецию был Москва – Варшава или Санкт-Петербург – Варшава; следующие в Италию жители Южной России направлялись в ту же Варшаву отдельным путем через ст. Казатин или даже, минуя Варшаву, двигались сразу на Лемберг (нынешний Львов) через Волочиск, но эти направления по их сравнительной непопулярности мы рассматривать почти не будем.

Из Санкт-Петербурга в направлении на Варшаву ежедневно отходили три поезда[104]: № 15 (скорый) отправлением в 19.00; № 8 (почтовый) отправлением в 11.00; № 17 (пассажирский) отправлением в 11.45. Проследим путь и остановки первого из них:

Санкт-Петербург. Варшавский вокзал. Отпр.: 19.00
Гатчина. Приб.: 19.40. Отпр.: 19.43.
Луга. Приб.: 20.50. Отпр.: 20.58.
Псков. Приб.: 22.49. Отпр. 22.57.
Двинск. Приб.: 2.59. Отпр. 3.07.
Вильна. Приб.: 5.48. Отпр.: 5.56.
Гродно. Приб.: 8.16. Отпр.: 8.24.
Белосток. Приб.: 9.46. Отпр.: 9.48.
Варшава. Петербургский вокзал. Приб.: 12.45.

Прибыв в Варшаву, поезд оставался там на долгую трехчасовую стоянку, после чего в 15.52 отправлялся в направлении пограничного городка с тавтологическим названием Граница (Бендинского уезда Петроковской губернии; ныне Sosnowiec Maczki), куда прибывал в 21.42 и где заканчивалась колея российского стандарта: здесь пассажирам предстояла пересадка на поезд австрийских железных дорог. Впрочем, этот путь был не единственным возможным: зачастую пересадку делали в Варшаве, заодно совершив краткую экскурсию по городу. Таким образом, общее время пути от Петербурга до Варшавы составляло 17 часов 25 минут, а до российско-австрийской границы (с учетом трехчасовой стоянки) – чуть менее 27 часов.

Пассажирский поезд № 17, делая те же остановки, добирался до Варшавы за 20 часов 30 минут, но отчего-то стоял там всего полчаса, после чего примерно за 9 часов добирался до Границы. Почтовый № 8 ожидаемо ехал еще медленнее, тратя на дорогу до Варшавы 21 час 45 минут, стоя там 3 с небольшим часа и довольно быстро, за 6 с лишним часов, достигая Границы.

По отдельному расписанию следовал состав Международного общества спальных вагонов и скорых поездов (о котором см. далее) сообщением Санкт-Петербург – Варшава:

Санкт-Петербург. Варшавский вокзал. Отпр.: 21.30.
Гатчина. Приб.: 22.21. Отпр.: 22.31.
Луга. Приб.: 24.09. Отпр.: 24.17.
Псков. Приб.: 2.53. Отпр.: 3.01.
Режица. Приб.: 6.17. Отпр.: 6.25.
Двинск. Приб.: 8.00. Отпр.: 8.15.

[104] Железнодорожное расписание – вещь прихотливая и реконструируемая не без труда, чему сильно способствует слабая сохранность источников: как и всякие эфемериды, особенно практического свойства, в библиотеках брошюры расписаний встречаются более чем выборочно. С другой стороны, для создания общей картины достаточно и обрывочных сведений, без учета годовых трансформаций времени отправления и прибытия. Далее (до следующей сноски) мы пользуемся расписанием, приведенным в книге: Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 6–7.

Свенцяны. Приб.: 9.59. Отпр.: 10.07.
Вилейка. Приб.: 11.20. Отпр.: 11.30.
Вильно. Приб. 11.44. Отпр.: 11.58.
Ландварово. Приб.: 12.23. Отпр. 12.25.
Ораны. Приб.: 13.37. Отпр.: 13.47.
Гродно. Приб.: 15.25. Отпр.: 15.37.
Белосток. Приб.: 17.25. Отпр.: 17.40.
Лапы. Приб.: 18.11. Отпр.: 18.21.
Малкин. Приб. 19.45. Отпр.: 19.57.
Варшава. Петербургский вокзал. Приб.: 21.32[105].

В Варшаве же предполагалась стыковка со следующим поездом того же общества, о чем впредь. Но прежде чем перейти к описанию маршрутов, соединяющих с Варшавой Москву, следует оговорить одну не слишком известную, но важную для темы путешествий деталь. Дело в том, что в России до 1917 года существовала исключительно сложная система местного времени, лишенная привычного нам понятия часовых поясов: буквально каждый сколько-нибудь крупный населенный пункт жил по своему собственному времени, отстающему или спешащему по отношению к ближайшему соседу на некруглое число минут. Так, полдень в Санкт-Петербурге соответствовал 12.30 в Москве, 12.32 на станции Узловая, 12.45 в Моршанске и т. д. Столь же причудливы были и международные соотношения: так, полдень в Италии (жившей вместе с Германией, Австро-Венгрией и Сербией по так называемому среднеевропейскому времени) означал 11.05 в Париже, 10.20 в Мадриде и Лиссабоне, 13.13 в Санкт-Петербурге и Константинополе и 18.02 в Иркутске[106]. Не стоит, конечно, забывать и о разнице в летоисчислениях: пассажир начала XX века при пересечении границы сразу менял и число, перебираясь на 13 дней вперед.

Из Москвы в сторону Варшавы ежедневно отправлялось пять поездов: четыре казенных и один – Международного общества спальных вагонов. Самый быстрый из них – № 29 (курьерский), состоявший лишь из вагонов первого класса. Вот его расписание:

Москва. Брестский вокзал. Отпр.: 21.25.
Вязьма. Приб.: 2.53. Отпр.: 2.59.
Смоленск. Приб.: 5.52. Отпр.: 5.58.
Минск. Приб.: 11.43. Отпр.: 11.57.
Брест. Приб.: 18.43. Отпр.: 18.55.
Варшава. Приб.: 22.58.

Еще один курьерский (№ 1) отправлялся в 14.25 и двигался с сопоставимой скоростью; в нем были вагоны первого и второго класса. В 20.30 отправлялся пассажирский № 5 (в дороге – те же 25 часов), в 22.15 – почтовый № 3, шедший значительно медленнее и добиравшийся до цели более чем за 30 часов. Два последних поезда, как и все петербургские, конечным пунктом имели станцию Граница.

Поезд Международного общества отправлялся в 16.00 и имел не совпадающие с остальными составами остановки:

Москва. Брестский вокзал. Отпр.: 16.00.

---

[105] Международное общество спальных вагонов и скорых поездов. Зимнее движение, ноябрь 1904 г. <СПб., 1904.> С. 121. Печатные справочники Общества сохранились в очень скромном количестве: в РГБ наличествуют, помимо этого, экземпляры расписания летнего движения на 1905 и 1907 годы. В РНБ комплект более представителен, но все равно неполон.

[106] Таблица разности между С.-Петербургом и местным временем; Часы Европы, Сибири и Дальнего Востока // Международное общество спальных вагонов и скорых поездов. Летнее движение, октябрь <sic> 1907 г. <СПб., 1907.> С. 14, 15. Как часто бывает на практике, эти сведения, более чем очевидные для современника, мало где зафиксированы за пределами служебных документов.

Кубинка. Приб.: 17.18. Отпр.: 17.26.
Можайск. Приб.: 18.21. Отпр.: 18.29.
Гжатск. Приб.: 19.52. Отпр.: 20.02.
Вязьма. Приб.: 21.16. Отпр.: 21.24.
Дорогобуж. Приб.: 22.49. Отпр.: 22.57.
Смоленск. Приб.: 1.01. Отпр.: 1.11.
Орша. Приб.: 3.57. Отпр.: 4.05.
Минск. Приб.: 9.04. Отпр.: 9.14.
Барановичи. Приб.: 12.32. Отпр.: 12.42.
Брест. Приб.: 17.10. Отпр.: 17.30.
Луков. Приб.: 19.07. Отпр.: 19.19.
Седлец.: Приб.: 19.47. Отпр.: 19.50.
Варшава. Приб.: 21.21.

Все перечисленные поезда (за исключением московских № 1 и 29, а также составов Общества) имели вагоны первого, второго и третьего класса, значительно отличавшиеся внешностью, внутренним убранством, комфортом и населением.

Вагоны первого класса – окрашенные в синий цвет, с мягкими бархатными диванами, хорошо освещенные, с сетками (а не полками) для багажа.

> Он <вагон> имеет 4 парных окна и 3 одиночных обычного размера. Против каждой пары окон имеется одно отделение, перегороженное пополам перегородкой, приходящейся против промежутка сближенных окон. Перегородка делит отделение на два малых купе с самостоятельной дверью из каждого в продольный коридор. В малых купе имеется по одному мягкому дивану с подъемной спинкой и подвижной столик, могущий служить лестницей для входа пассажира на верхнее спальное место. В перегородке между двумя купе сделана легкая раздвижная дверь, так что по желанию пассажиров два малых двухместных купе могут быть временно обращены в одно большое четырехместное. В вагоне имеются две уборные с умывальниками и отделение для проводника. Вагон отлично отделан и имеет 16 спальных мест[107].

Билеты были без обозначения места, лишь с показанием класса вагона; соответственно, пассажир мог занимать любое понравившееся ему купе (на некоторых направлениях отдельно обозначались купе для дам и для некурящих; по умолчанию курить разрешалось везде); за некоторую мзду кондуктор мог подыскать незанятое купе и в дальнейшем стараться охранять покой, по возможности не допуская других пассажиров[108]. С какого-то момента в обиход начала входить так называемая плацкарта – приобретаемый отдельно добавочный билет, гарантирующий пассажиру место для ночного сна. Не имея плацкарты, спать можно было лишь сидя или в тех случаях (для первого класса нередких), когда заполнены были не все места. Багаж сюда (за исключением ручной клади, определяемой приблизительно как в сегодняшнем самолете) не допускался.

Вагоны второго класса (желтого цвета) строились двух типов – разделенные на купе и с единым пространством.

---

[107] Мокршицкий Е. И. История вагонного парка железных дорог СССР. М., 1946. С. 159–160. Здесь описан самый популярный, но отнюдь не единственный тип вагона первого класса; одновременно с ним продолжали функционировать и более старые экземпляры – с четырехместными купе, без верхних полок и т. д.

[108] Этим, впрочем, не брезговали и в следующем классе: «Ян <И. Бунин> оказался прав: вагон второго класса был почти пуст, и мы имели отдельное купе, дав на чай кондуктору» (Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 2007. С. 426).

> В купейных вагонах, предназначавшихся для дальних сообщений, с одной стороны помещался продольный коридор, а с другой имелось шесть больших четырехместных купе с двумя диванами на два места каждый. Таким образом, в вагонах имелось 24 спальных места. <…> В вагонах II класса без купе, предназначавшихся для более коротких сообщений, продольный коридор занимал 1/5 ширины вагона. По сторонам его имелось 12 длинных двухместных диванов и 12 коротких одноместных скамей. Поперечными переборками вагон делился на отделения для курящих и некурящих. Всего в нем имелось 36 мест, все с подъемными спинками, образующими столько же спальных мест. Вагон оборудовался двумя уборными с умывальниками и отделением для проводника[109].

При этом главным отличием от вагонов первого класса было ощутимое снижение общего градуса роскоши. Бархат здесь был заменен полосатыми чехлами («Прямо в одурь диванов / в полосатые тики!..»[110]). Благодаря обстоятельной критике одного из пассажиров (и по совместительству – возможно, автора нашей антологии[111]) мы можем привести некоторые дополнительные подробности их устройства:

> Когда русский человек пишет свои путевые впечатления, то он обыкновенно начинает с реприманд по адресу железных дорог, причем обыкновенно речь кончается замечанием, что нам до «заграницы» далеко. Хотя заграничные дороги в действительности очень далеки от совершенства, а сравнительно с нашими их тариф страшно высок, но нельзя отрицать, что в наших железнодорожных порядках немало неустройств: например, изобрели плацкарты, дающие возможность каждому пассажиру иметь возможность лежать ночью. Казалось бы, чего лучше; но, во-первых, с вас взыскивают за плацкарту, когда вы едете несколько станций днем, когда запрещено поднимать диван для лежания, и, во-вторых, на каждые шесть мест второго класса есть два, на которых спать могут разве только маленькие дети, – до того они узки, и кроме того диваны нижнего места не сдвигаются вплотную, образуя две горки с отверстием на средине. Это – какое-то орудие пытки, а совсем не постель, и платить за пользование им 4 руб. 50 к. (до Одессы) едва ли кому-либо может доставить удовольствие. Затем пассажирам 2-го класса не разрешается пользоваться постельным бельем за отдельную плату. Почему это привилегия одних пассажиров 1-го класса – это тайна железнодорожной администрации. Положим, это – мелочи, но, при непрерывном двухсуточном путешествии, они причиняют крупные неприятности. К больным местам наших железных дорог относится также медленность движения, отвратительные буфеты на станциях и отсутствие вентиляции в вагонах; но об этом столько писалось и говорилось, что повторять вновь – скучно[112].

---

[109] Мокршицкий Е. И. История вагонного парка железных дорог СССР. С. 160–161.

[110] В комментариях к этому стихотворению регулярно указывается, что полосатые чехлы – примета первого класса (Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 572), но ср., например: «Впервые в жизни я вошла в вагон второго класса! Четырехместное купе с традиционными полосатыми чехлами сомнительной чистоты показалось мне верхом роскоши» (Коонен А. Страницы жизни. М., 1985. С. 156); «С обитого полосатым тиком дивана вскочил усатый и мордатый в котелке, сделал несколько шагов в сторону слепого и гневно, словно его только что оскорбили, проговорил:– Пройдите в следующий вагон! Вы не туда попали, здесь вагон второго класса!» (Борисов Л. Жестокий воспитатель. Л., 1961. С. 197).

[111] О коллизии с атрибуцией см. с. 921 наст. изд.

[112] Селиванов Н. Ф. Монашеская республика. СПб., 1900. С. 12–13.

Время от времени встречались вагоны-микст, у которых половина купе была первого класса, а половина – второго[113]; в таком случае красились они в два цвета, желтый и синий.

Еще проще были устроены вагоны третьего класса (зеленые снаружи) – жестковатые полки, причем зачастую – на трех уровнях. Здешние пассажиры редко сдавали багаж в соответствующее отделение, отчего чрезмерная населенность вагонов только усугублялась. В вагоне третьего класса начинала свое венецианское путешествие Н. Я. Серпинская:

> Нам дали отдельный жесткий дачный вагон с такими короткими лавками, что у высоких ноги торчали через весь коридор. Ни матрацев, ни резиновых подушек, ни проводников, ни кондукторов, которым можно дать «на чай» за услуги. Бедные, некрасивые или потерявшие от тяжелой жизни всякую красоту учительницы, – съехавшиеся из разных «медвежьих углов» Урала, Сибири или поволжских городов, откладывавшие по 25 руб. в год, чтоб собрать 150 руб. «на заграницу», которой они никогда не видали, но куда всю жизнь мечтали попасть, – на каждой станции с буфетами бегали сами за кипятком и без конца пили чай с хлебом и чайной колбасой. На ночь мои спутники постелили мне два пальто и бурку, но спать было жестко, да мы все и не спали почти[114].

Стоимость билетов в 1907 году составляла[115]:

	Скорый			Пассажирский		
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.
Санкт-Петербург–Варшава–Граница	34.55	20.70	–	–	15.30	10.20
Москва–Варшава–Граница	37.15	23.70	–	–	16.50	11.00

Прочерк означает отсутствие сведений. За плацкарту нужно было доплатить при следовании из Санкт-Петербурга 17,46 рубля в первом классе и 14,54 во втором. Из Москвы – 18,57 рубля за первый класс и 14,54 за второй.

[113] См. подробное описание: Мокршицкий Е. И. История вагонного парка железных дорог СССР. С. 161.

[114] Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 68.

[115] По книге: Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XVIII.

7

На противоположном полюсе в рассуждении комфорта и роскоши находились уже упоминавшиеся выше составы Международного общества спальных вагонов и скорых поездов. Их иллюстрированный буклет вкрадчиво сообщал: «Международное общество спальных вагонов предоставляет возможность пассажирам нижеуказанных скорых поездов пользоваться вагонами, конструкция которых в смысле изящества и удобства не оставляет желать лучшего», останавливая внимание читателя лишь на самом беглом очерке их внутреннего устройства: «В вагонах этих имеются кровати с простынями и одеялами, клозеты, уборные, отделения для дам и для семейств»[116].

Благодаря реликтам сословного характера нашей литературы сохранилось немало описаний поездов этого типа, среди которых известнейшее, вероятно, то, что изображает не сам состав, но его уменьшенное подобие:

> В железнодорожном агентстве на Невском была выставлена двухаршинная модель коричневого спального вагона: международные составы того времени красились под дубовую обшивку, и эта дивная, тяжелая с виду вещь с медной надписью над окнами далеко превосходила в подробном правдоподобии все мои, хорошие, но явно жестяные и обобщенные, заводные поезда. Мать пробовала ее купить; увы, бельгиец-служащий был неумолим. Во время утренней прогулки с гувернанткой или воспитателем я всегда останавливался и молился на нее. Иметь в таком портативном виде, держать в руках так запросто вагон, который почти каждую осень нас уносил за границу, почти равнялось тому, чтобы быть и машинистом, и пассажиром, и цветными огнями, и пролетающей станцией с неподвижными фигурами, и отшлифованными до шелковистости рельсами, и туннелем в горах. Снаружи сквозь витрину модель была доступнее влюбленному взгляду, чем изнутри магазина, где мешали какие-то плакаты… Можно было разглядеть в проймах ее окон голубую обивку диванчиков, красноватую шлифовку и тисненую кожу внутренних стенок, вделанные в них зеркала, тюльпанообразные лампочки… Широкие окна чередовались с более узкими, то одиночными, то парными. В некоторых отделениях уже были сделаны на ночь постели[117].

Благодаря обстоятельности Общества мы можем составить исключительно полное представление о внутреннем устройстве, быте, функциях и персонале его поездов: дело в том, что все его служебные инструкции выходили отдельными брошюрами, педантично подававшимися в цензуру (пока она была) и, следовательно, откладывавшимися в библиотеках. Среди них – «Инструкция буфетчикам» (СПб., 1901), «Инструкция для содержания и ведения кухни при вагонах-ресторанах и вагонах-буфетах» (СПб., 1912), «Общая инструкция для агентов, которым поручено содержание освещения системы „Стон“» (СПб., 1899), «Общие технические условия на постройку вагонов для России» (Тверь, 1912), «Правила для начальников поездов или бригад и для ресеверов» (СПб., 1911), «Правила для чистильщиков» (СПб., 1911), «Правила подъемки и ревизии вагонов Международного общества, приписанных к парку русских железных дорог» (СПб., 1910) и др.

Каждое из них, естественно, представляет свой особенный ракурс для взгляда на вверенное адресату транспортное средство. Так, например, заповеди чистильщика (который, согласно

---

[116] Международное общество спальных вагонов и скорых поездов. Летнее движение, октябрь 1907 г. С. 7.

[117] Набоков В. Собрание сочинений русского периода. <Т. 5.> СПб., 2008. С. 234.

правилам общества, должен быть не моложе 21 и не старше 35 лет, «грамотным, т. е. уметь читать, писать и считать, иметь удостоверение о хорошем поведении и паспорт»[118]) более чем выпукло рисуют детали вагонного убранства:

> Медные и бронзовые предметы чистятся сначала алкофиелином, если они очень загрязнены, затем старательно полировочной мазью, чтобы не задевать деревянных частей.
>
> С лакированной меди и бронзы стирается пыль, никелевые вещи вытираются досуха замшей и белилами.
>
> Чашки в умывальниках из посеребренного металла, все металлические части в уборной чистятся белилами, разведенными водой. Шагреневая бумага, инкруста и граненые предметы обтираются влажной тряпкой или губкой, но не настолько, чтобы с них текла вода, затем все эти предметы вытираются сухой тряпкой. Если инкруста настолько загрязнена, что не очищается от произведенного мытья, чистильщик должен доложить об этом своему контролеру, который примет на этот предмет соответствующие меры.
>
> Лакированные деревянные предметы, которые не очень загрязнены, вытираются сухой тряпкой, преимущественно суконкой. Чистильщик должен стараться вычистить от пыли все щели в украшениях, все углы, которые образуются в плоскостях, и фризы, для этой цели чистильщик должен иметь тонкую палочку с намотанной тряпкой.
>
> Если лакированное дерево и граненые предметы очень потускнеют и очень загрязнятся, призывается лакировщик и маляр. Безусловно воспрещается чистильщику употреблять другие материалы, кроме переданных ему контролером для чистки деревянных и граненых предметов. Потолки просто обтираются пуховкой (метелкой из перьев). Мытье потолков хотя бы простой водой, требующее специальных знаний, чистильщику строго воспрещается.
>
> Зеркала и стекла в окнах чистятся с помощью белил, разведенных водой: чтобы хорошенько вычистить все отверстия и щели, пользуются щепочкой с намотанной тряпкой, которую иногда смачивают спиртом, в случае если остались следы от лака[119].

Далее с тою же степенью подробности излагаются действия чистильщика при прибытии поезда на конечную станцию: по поиску (и тщательному пересчету) забытых вещей («на чистильщика, который этого не исполнит, падет подозрение в бесчестности»), по проверке инвентаря и пересчету постельного белья, пополнению запаса напитков, которые должны быть в вагоне, пользованию пылесосом («аппарат Vacuum Cleaner»), чистке отхожих мест и ночных горшков, имеющихся в каждом купе, полировке плевательниц и пепельниц, техническому обслуживанию ламп (масляных, газовых и электрических – сосуществовали ли они в пределах одного вагона?) и уходу за отоплением – водяным или паровым. Последний штрих – «перед отъездом он должен наблюдать, чтобы путеводители О<бщест>ва были чисты и лежали в шкапу на видном месте, и от времени до времени заменять печатные объявления новыми в отделениях спального вагона. <…> После сдачи вагона, чистильщик находится в распоряжении контролера и помогает, если нужно вносить в вагоны ручной багаж пассажиров, но ему строго воспрещается приставать к пассажирам для получения „на чай“ за эту услугу.

---

[118] Правила для чистильщиков. СПб., 1911. С. 4.

[119] Там же. С. 14–16.

После отхода поезда он ожидает распоряжения контролера и, если получает разрешение уйти, удаляется с поклоном»[120].

Особенно информативны в этом смысле «Правила для начальников поездов», в которых среди прочего перечисляется персональный состав бригады, обслуживающей состав в дороге:

> 1) Кондуктора, сопровождающие спальные вагоны или салоны.
>
> 2) Багажисты, которым поручена укладка и выдача багажа в дороге, когда это предписано специальными инструкциями для поездов «Люкс», при которых они находятся.
>
> 3) Повара и их помощники.
>
> 4) Ресторанные официанты и их помощники.
>
> 5) Электротехники и их помощники, а также рабочие, если таковые состоят при поезде[121].

Далее эта немаленькая книга (отпечатанная в русском и французском вариантах на превосходной бумаге) предусматривает, входя в мельчайшие детали, все возможные ситуации, могущие возникнуть в практике начальника поезда – от цвета перчаток обслуживающего персонала (у официантов белые, у прочих черные) до провоза собак: «Хозяин собаки должен иметь железнодорожный билет для собаки и, кроме того, письменное разрешение от одного из агентств Общества или дежурного контролера при отходе поезда»[122]. Рискуя наскучить читателю (ибо наш умозрительный состав до сих пор так и не двинулся в сторону Адриатики), мы не будем вдаваться в подробности внутреннего устройства поездного быта, каким он видится из под форменной фуражки, ограничившись перечислением глав этих монументальных правил: «Несение службы перед отходом поезда и вагона ресторана», «Вагоны-рестораны», «Спальные вагоны, прицепленные к поездам „Люкс“», «О приемке продовольственных товаров», «О приеме белья и напитков», «Составление меню; извещение пассажиров о существовании вагона-ресторана в составе поезда; раздача билетов для вагона-ресторана», «Общие предписания об обязанностях перед отходом поезда», «Несение службы в пути при вагоне-ресторане» – и т. д.

Впрочем, о вагоне-ресторане все-таки следует сказать особо: в Международном обществе особенно гордились тем, что пассажиры на всем протяжении дороги, а не только на станциях могут быть обеспечены полноценным питанием. К поезду Санкт-Петербург – Варшава вагон-ресторан прицепляли (а на обратном пути отцепляли) в Режице, чтобы избежать его малоосмысленного ночного пробега; впрочем, в составе московского поезда он присутствовал постоянно. В воспоминаниях его памятливого пассажира остались «пропеллер вентилятора на потолке, и деревянные болванки швейцарского шоколада в лиловых обертках у приборов, и даже запах и зыбь глазчатого бульона в толстогубых чашках»[123]; благодаря многочисленным правилам и инструкциям мы прекрасно знаем высочайшие принятые там требования к гигиене и дисциплине, но, увы, ни одного образца меню нам раздобыть так и не удалось[124].

После всего сказанного выше может показаться удивительным, что цены на проезд в поездах общества не слишком отличались от тарифов обычных поездов, а порой бывали и ниже. Так, проезд первым классом в поезде Международного общества от Москвы до Варшавы стоил 39 рублей 18 копеек, из которых 23,5 составляла собственно цена билета, 8,3 – надбавка за скорость, а 7,38 – цена спального места[125]. Таким образом, дорога обходилась всего

---

[120] Там же. С. 70.

[121] Правила для начальников поездов или бригад и для ресеверов. СПб., 1911. С. 30.

[122] Там же. С. 156.

[123] Набоков В. Собрание сочинений русского периода. <Т. 5.> СПб., 2008. С. 237.

[124] В частности, они отсутствуют в архиве общества (РГИА. Ф. 341), аккумулирующем по преимуществу дела закатного 1919 года.

[125] Международное общество спальных вагонов и скорых поездов. Зимнее движение, ноябрь 1904 г. <СПб., 1904.> С. 108.

на 2 рубля дороже, чем путь в первом классе скорого поезда, – и то если не покупать в последнем плацкарту, а надеяться на свободное место.

8

Как ни странно это звучит при взгляде из сегодняшнего дня, в России не было практики предварительной продажи железнодорожных билетов – их покупали непосредственно перед поездкой. Впервые она была заведена лишь с появлением Общества спальных вагонов, которое с обычным для него размахом открыло роскошно обставленные агентства в главных российских городах. В Санкт-Петербурге адрес его был «Невский, 5» (позже переменившийся на «Невский, 22»); в Москве агентство арендовало комнаты в гостинице «Метрополь» (по соседству с издательством «Скорпион»), в Варшаве – в гостинице «Бристоль», в Киеве – в отеле «Континенталь». Открыты были также отделения в Харькове, Севастополе, Ростове, Риге, Иркутске, Нижнем Новгороде и несколько выбивающемся из этого ряда Вержболове – вероятно, на правах пограничной станции.

При этом, принимая во внимание заграничную часть поездки, предварительная покупка могла оказаться весьма выгодной, поскольку в Европе к концу века получили распространение так называемые круговые билеты, позволявшие значительно, как минимум на четверть, сократить транспортные расходы.

Круговой билет представлял собой купонную книжку, на манер чековой, состоящую из набора перфорированных у линии сшива купонов, каждый из которых покрывал один участок будущей поездки. Главным требованием было – заранее тщательно продумать маршрут следования и его промежуточные пункты; при этом пассажир не был обязан непременно его замыкать, возвращаясь в точку отбытия. Круговой билет выдавался в случае, если общая протяженность поездки превышала 600 километров (что при выезде из России получалось автоматически); в случае, когда общая длина маршрута составляла от 600 до 2 тысяч километров, то срок действия купонной книжки определялся в 45 дней; при длине от 2 до 3 тысяч километров – 60 дней, а для маршрутов более 3 тысяч километров назначался 90-дневный срок.

Желающий приобрести билет такого рода подавал письменную заявку на фирменном бланке в ближайшее агентство Международного общества спальных вагонов или в Бюро заграничных поездок при Финляндской железной дороге[126] и уплачивал 3 марки (немецких или финских соответственно) комиссионных; после чего за день-два, в зависимости от сложности маршрута, купонная книжка была готова и он мог отправляться в путь. В дороге обладатель ее имел право пользоваться любыми поездами (но скорыми и курьерскими – только с доплатой и при наличии свободных мест); на каждом участке пути кондуктор отрывал соответствующую страничку в книжке; важным было лишь соблюдать класс вагона. При этом в разных странах смотрели по-разному на внезапно возникшее желание пассажира разбить один из первоначально намеченных участков пути на два, то есть, условно говоря, следуя из Мюнхена в Венецию, вдруг выйти и задержаться на несколько дней в Вероне. Особенно этого отчего-то не терпели в Венгрии; в иных странах позволяли при наличии особенного разрешения начальника соответствующей станции, а в Швейцарии зато позволяли просто так, без всяких уведомлений.

Круговыми билетами пользовались многие из русских путешественников, чьи маршруты мы можем проследить: например, Анненский («Я взял circolare, т<о> е<сть> билет из Венеции по всей Италии и обратно кругом: это стоит 40 рублей с небольшим во 2-м классе»[127]) или Брюсов («Это – последнее письмо из Венеции. Зажились здесь благодаря строгой экономии. Теперь нужны круговые билеты: Болонья, Флоренция, Генуя, Милан, Брешия, Венеция,

---

[126] Сведения по: Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XX–XXI. Другой источник прибавляет адреса: Городская станция железных дорог (Санкт-Петербург, Б. Садовая, д. 18) и Станция в Новых рядах (Москва) (Жданов Л. Г. Русский в Италии. С. 7).

[127] Письмо к Н. В. Анненской от 14/26 июня 1890 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 72.

II класса, с человека 66 fr.»[128]). Младший брат последнего несколько лет спустя рапортовал из приграничного австрийского Villah, где был остановлен снегопадами: «Взяли круговые билеты – дешево до глумления. Вена – Венеция – Флоренция – Рим – Анкона – Фиуме – Буда – Пешт – Вена второго класса 145 крон; удобно и на душе спокойно, билеты в кармане»[129].

Свои собственные круговые билеты предлагало также международное агентство путешествий Кука, часто объединяя их с купонными книжками на отели, позволявшими с изрядным дисконтом получить номера выбранной категории, не связывая себя заранее необходимостью назначения точной даты. В России представительства Кука не было, так что русские клиенты обычно заказывали себе заранее купонную книжку в венском или берлинском представительстве и выкупали ее по прибытии в один из этих городов. Вот типовой (из самых кратких) маршрут по Италии, предлагавшийся агентством: Вена – Венеция – Верона – Милан – Пиаченца – Болонья – Флоренция – Болонья – Падуя – Венеция – Вена. Рассчитан он был на 35 дней и обходился (только переезды; в расчете на одного человека) в 217,85 франка при передвижении первым классом и 156,9 франка – вторым[130]. При курсе в 37 копеек за франк при пересчета на рубли цены выходили весьма привлекательными.

Приобретя купонную книжку в венском представительстве Кука, важно было поставить на австрийско-итальянской границе в нее специальный штамп, о чем многие, увлекшись заоконными видами, забывали: «В Удино мне пришлось разыскивать начальника станции и объясняться с ним волею-неволею по-итальянски, чтобы поправить свое неуместное упущение. По железнодорожным правилам я должен был при самом въезде в Италию, еще в Понтеббе, предъявить наши билеты кругового путешествия, купленные нами в Вене у известной компании Кука, и проштемпелевать их печатью станции, без чего билеты эти не имеют силы. Но я, по русскому обычаю, прозевал Понтеббу…»[131]

[128] Письмо к Я. К. Брюсову от 9/22 июня 1902 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 142. Ед. хр. 8. Л. 40.

[129] Письмо А. Я. Брюсова к В. Я. Брюсову конца февраля 1909 г. // Russian literature. V. 83/84. 2016. P. 266.

[130] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XXIII. Впрочем, супруги Мережковские остались не слишком довольны опытом общения с агентством: «Вчера мы приехали в Вену. Мерзкий город! Какое здесь все отвратительное! Холодно до безобразия, хотя солнце и сухо. К довершению удовольствия у Кука нас надули ровно на сто франков. Положим, сегодня утром пришли и отдали эти 100 фр. с извинениями, но все-таки мы терзались всю ночь» (письмо З. Н. Гиппиус к Н. М. Минскому от 5 марта 1892 г. // Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским / Вступ. статья, примеч. С. В. Сапожкова. Сост. и подгот. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Литературное наследство. Т. 106. Эпистолярное наследство З. Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018. С. 182.

[131] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу // ВЕ. 1903. № 1. С. 221.

9

Отсутствие в России представительства агентства Кука (которое, по обидчивому замечанию современника, работало «во всех городах Европы (за исключением России), в Америке, Азии, Африке и Австралии»[132]), вряд ли было обеспечено лишь личной идиосинкразией владельца: дело в том, что у нас была очень слабо развита традиция организованных заграничных путешествий. Первая венецианская коллективная экскурсия, сведения о которой нам удалось разыскать, относится к 1907 году, когда И. М. Гревс сопровождал по Италии участников своего семинария, среди которых были Л. П. Карсавин, Н. П. Оттокар, П. Б. Шаскольский, Б. П. Брюллов: об этой поездке вскользь упоминает семинарист следующего призыва[133]; сам же организатор обобщил свои взгляды на необходимость просветительских путешествий в серии специальных очерков[134], увенчав их отчетом о поездке[135].

Согласно этому отчету, в экскурсии принимало участие 16 человек (двое из которых присоединились уже в Риме), путешествие обошлось примерно в 250 рублей на каждого. Выехали из Петербурга 21 мая, в вагоне третьего класса, через Границу и Вену, где пробыли один день. Венеция была первой итальянской остановкой:

> Венеция должна была сыграть в нашем деле важную функцию: ввести нас в реальное познание различных элементов итальянской культуры, а рядом показать на первом опыте способность нашей группы к напряженному труду, который требуется, как говорят натуралисты, от «исследователя в поле». – Последний вопрос разрешился в нашу пользу: экскурсанты сразу втянулись в страду, обнаружили пылкий entrain, усиленное рвение, так что день давал высокий максимум труда. Самые рьяные начинали работу с 6 час. утра. Между 6 и 8 ½ ч. мы с наиболее деятельными и стойкими еще натощак бегали по церквам, знакомясь попутно с изумительно «историческою» физиономиею венецианских улиц и именно с колоритными переживаниями даже в нравах современных обитателей города. <…> К 8 ½ час. все собирались на площадь св. Марка для утренней трапезы: эта удивительная площадь-зала всех вообще объединяет в Венеции, это – центр тяготения, куда все течет. С 9–9 ½ ч. уже коллективно изучались основные памятники и музеи до 1 ч., иногда и позже. Затем назначался обед и отдых. Потом до темноты опять посещались церкви, дворцы и улицы. Часов в 7–8 за ужином обсуждалось сделанное и пережитое[136].

Следующая экскурсия, организованная им весной 1912 года, нашла своего летописца:

> Мы знакомились с картами Италии, на которых И. М. Гревс демонстрировал нам маршрут, глубоко им продуманный. Вступлением в Италию намечалась Венеция, Venezia la bella, заключением – Рим, Aurea Roma. Из Венеции мы должны были проехать в Падую, далее – в Равенну

---

[132] Жданов Л. Г. Русский в Италии. С. 12.

[133] Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 279. Педантизма ради упомянем здесь и экскурсию семнадцати житомирских гимназистов, в 1897 году посетивших Венецию во время организованной поездки по Италии: Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988. С. 51.

[134] Гревс И. М. Научные прогулки по историческим центрам Италии // Научное слово. 1903. № 4. С. 50–81; № 5. С. 54–83; 1905. № 7. С. 81–122.

[135] Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как научного изучения истории в университетах // Журнал министерства народного просвещения. 1910. № 7. Паг. IV. С. 21–64. Она существует и в виде отдельного оттиска.

[136] Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий»… С. 34.

(место изгнания и смерти Данте). Основной город нашего путешествия, его кульминационный пункт – Флоренция. Здесь мы должны были прожить две недели с выездом в Валамброзу и Альверно (гора, где получил стигматы Франциск Ассизский). После Флоренции намечалась Пиза, Сан-Джиминьяно, Сьена, Перуджа и затем паломничество пешком в заветный Ассизи. <…>

К сожалению, не все участники семинария могли ехать. Хотя взнос был невелик (на все про все 200 рублей за два месяца), но даже и эта скромная сумма не для всех была посильна. Многие не могли примкнуть к нам и по семейным обстоятельствам. <…>

Наш отъезд был назначен на 20 мая. В зале Варшавского вокзала я с радостью увидел группу своих товарищей. В центре – Иван Михайлович. Он уже был на месте, как всегда один из первых. Через плечо на длинном ремне бинокль. Девушки наши, одетые по-дорожному, какие-то непривычные. Шляпы с неимоверными полями некоторых из них придавали нашей группе недемократический вид. Поразило меня количество и величина чемоданов самой модной из девушек, ученицы Н. И. Кареева – К. П. Матафтиной.

Вот мы в вагоне. В одном из отделений поместились: Иван Михайлович, Александр Иванович <Анисимов> и Владимир Александрович <Головань>. С ними решились сесть несколько девушек. Мы, три студента, «три мальчика» (как прозвали нас спутницы), где-то робко уселись подальше. Иван Михайлович подозвал меня, как самого общительного, и шепнул: «Не уединяйтесь, идите к девушкам. Надо сближаться со своими товарищами». Я передал <А. П.> Смирнову и <Г. Э.> Петри просьбу padre, и мы робко начали «сближаться»[137].

В 1910 году начала свою работу Комиссия по организации образовательных экскурсий, в репертуаре которой были и заграничные маршруты. Один из воспользовавшихся ее услугами вспоминал: «Целью экскурсии, в которую я записался в этой комиссии, была Италия; по пути мы должны были осмотреть Константинополь, Афины, Средиземное море и возвратиться через Вену.

В середине июня, в назначенное время, прибываю на Брянский вокзал. Экскурсанты со всех сторон торопятся со своими вещами. И вот, плавно колыхаясь, поезд понес нас к югу, вдаль от серой, сумрачной, но милой, дорогой Москвы…»[138]

Центральной задачей комиссии была организация знакомства работников народного образования с западноевропейской культурой. С первого года существования комиссия издавала сборник «Русские учителя за границей», где печатались отчеты экскурсантов, статьи экскурсоводов (среди которых, в частности, был наш автор В. Стражев и еще несколько известных писателей) и анонсировались маршруты на следующий год. Классический их клиент оказывался за границей впервые (и, учитывая дальнейший ход истории, зачастую в последний раз), что обеспечивало некоторую особенную свежесть напечатанных анонимно травелогов:

Когда я узнала в Комиссии об условиях нашего пути, то одна сторона вопроса, очень важная для путешествия с экскурсией, оставалась для меня неясной, так как она не поддается определению заранее. Я говорю о составе

---

[137] Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 279. С. 281.

[138] Цветаев В. Из заметок экскурсанта в Италию // Прекрасное далеко. 1912. № 2. С. 20. Вероятно, это – Владимир Дмитриевич Цветаев (1891–1937) – архитектор. По поводу работы «комиссии» см. также общий очерк: Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988. С. 47–60. За шесть лет работы с ее помощью Венецию посетили 4 872 человека (1909 год – 530, 1910 – 939, 1911 – 842, 1912 – 691, 1913 – 891, 1914 – 979), см.: В. К. Состав экскурсантов в 1914 г. // Русские учителя за границей (возвращение домой). Год шестой. М., 1915. С. 15.

> экскурсантов. Теперь, уже после пути, я вполне ясно сознаю, насколько важно, с какими людьми приходится столкнуться, какой громадный плюс или минус это может внести в поездку. Сорок дней приходится неразлучно быть вместе и притом не только вместе ехать и совершать осмотры, но и вместе жить, составлять одно общество, с общими интересами и делами, исполнение которых возлагается на избираемых экскурсантами старост. И все эти общие дела, конечно, могут идти гладко лишь при условии хороших отношений в среде группы, при условии солидарности между группой и старостами. Все дорожные недоразумения и неудачи, которых всегда много у русских за границей, могут сглаживаться в дружеском обществе и обостряться в среде, разбитой на чуждые друг другу, обособленные кружки. С этой точки зрения должна сказать, что группа наша подобралась необычайно удачно и много приятного элемента было внесено в путешествие именно благодаря этому. В первый раз мы встретились в Комиссии, и здесь выяснилось, что набралась все публика молодая, преимущественно учащиеся или же недавно окончившие учебные заведения, все почти бодрые, веселые, желающие как можно больше получить от поездки[139].

Совсем иное впечатление социальный состав экскурсантов произвел на поневоле сопутствовавшую им Н. Я. Серпинскую:

> В учительском бюро, где собрались экскурсанты перед отъездом, царил невообразимый хаос. Наш маршрут назывался «отдыхающий», то есть с продолжительным пребыванием на одном месте, а не с переездами из одного города в другой. Но не знаю, как можно было отдохнуть при таком начале. Несколько женщин, как казалось, пожилых, плакали в сторонке – они не получили заграничного паспорта из-за политической неблагонадежности и не могли ехать. Остальные 50–60 человек учителей и учительниц, кто сидя на своем чемодане, кто стоя у стола, кричали, пытаясь перекричать друг друга и что-то выяснить. Боже мой, что это был за несчастный народ! Большинство – в войлочных шляпах, мужчины – в косоворотках, женщины – в неуклюжих кофтах и юбках, обесполенные, замызганные усталостью и трудом. У всех дорожные мешки за плечами, жестяные чайники, грубые башмаки с гвоздями и палки. С собой разрешалось взять только один ручной чемодан, и мне пришлось огромную, как колесо, шляпу из итальянской соломы надеть на голову[140].

Одновременно с этим масштабным предприятием действовали и частные экскурсоводы. Один из них, уже известный нам А. Л. Турнье, набирал группу для путешествия, публикуя рекламные статьи в профильном журнале:

> Поездки за границу, которые стали в наше время постоянным явлением, часто бывают трудноисполнимы для тех, кто путешествует один или не знает другого языка, кроме родного: приехавши в чужой город, такой путешественник совершенно беспомощен и не знает ни того, что ему нужно посмотреть, ни как распределить время.
>
> Путешествия группами, которые я организую и которыми руковожу в течение 6 лет, дают туристам возможность избежать всех этих неудобств.

---

[139] Евг. П-к. Поездка в Италию // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. С. 242–243. Маршрут поездки включал Вену, Будапешт, Рим, Неаполь, Флоренцию и Венецию.

[140] Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 67–68.

> Руководимые по заранее составленному плану, путешественники без напрасной траты времени видят в каждой стране все достойное внимания, сохраняя при этом полную свободу.
>
> Экономия, быстрота, удобство, удовольствие, интерес – все это делает такой способ путешествия одним из серьезных условий прогресса нашего времени[141].

Далее Турнье описывал подробный маршрут поездки на 38 дней по трем странам, назначенной на июнь 1910 года; стоимость экскурсии (включавшая в себя все билеты, отели, питание, посещение театра, три ванны за время поездки и бутылку вина или пива за каждым завтраком и обедом (!)) составляла 390 рублей с человека.

В 1913 году была издана брошюра, предлагающая некоторый компромисс между прелестями коллективной экскурсии и тягой к уединению: она представляла собой путеводитель по конкретному круговому маршруту, состоящий из буквально пошаговых рекомендаций, разбитых на 28 дней, причем для каждого дня предусматривалась утренняя, дневная и вечерняя экскурсии[142]. Маршрут ограничивался девятью итальянскими городами: Венеция, Падуя, Болонья, Флоренция, Рим, Неаполь, Бари, Анкона, Равенна. К подробнейшим инструкциям по осмотру достопримечательностей прилагались краткие практические рекомендации: смета дорожных расходов (которые при скрупулезном следовании советам автора должны были составить от 280 до 525 лир), списки отелей, пансионов, ресторанов и кафе по всему маршруту, адреса почтовых отделений, банков и магазинов, тарифы извозчиков и маленький разговорник.

Эта провиденциальная странническая активность 1910–1914 годов заставила говорить об особенном феномене русских экскурсионных групп в Италии:

> Не первый год в летние месяцы, когда исчезают другие иностранцы – англичане, французы, немцы – в итальянских городах появляются русские. Конечно, русских немало и зимой. Но это почти исключительно праздные и богатые люди, которые по общему тону сливаются с другими иностранцами. Между тем летние пришельцы – это масса демократическая; отдельные «исключения» только подтверждают в этом случае правило. Костюмы ре<дко> отличаются изысканностью; жажда впечатлений создает подвижность и развязность, не всегда укладывающиеся в тесные рамки «хорошего тона». Летние русские путешественники гораздо резче бросаются в глаза, чем зимние; в Риме они образуют заметный и чуждый элемент.
>
> Рим составляет только один из этапов организованных «учебным отделом общества распространения технических знаний» итальянских экскурсий. После Флоренции группы одна за другой направляются в Неаполь и на Капри, затем возвращаются в Рим и через Венецию после четырех недель бродячей жизни едут обратно в Россию. Путешествие очень утомительно. Ехать – часто по ночам – приходится в третьем классе. Днем изнуряет невыносимая жара. Только умелая организация передвижений и любезность итальянских железнодорожных властей (в распоряжении экскурсантов отдельные вагоны) смягчают несколько невзгоды[143].

Здесь же приводится обобщенный портрет русского экскурсанта:

---

[141] Турнье А. Л. Образовательное путешествие для лиц обоего пола по Франции, Италии и Бельгии // Русский турист. 1910. № 5/6. С. 40.

[142] В. М. С. Первая экскурсия в Италию с маршрутом на 28 дней, записью практических сведений и дорожным словарем. СПб., 1913. Перу этого же автора принадлежит книга: В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. СПб., 1913. К ней мы еще вернемся.

[143] К. В. <Осоргин М. О.> Русские экскурсанты в Италии // Русские ведомости. 1914. № 181. 8 августа. С. 5.

В текущем году народные учителя составляют всего 23 %. Больше группа учителей средних учебных заведений – 30 %. Меньше всего учащихся: студентов и курсисток; их только 15 %. Правда, самую значительную группу – по данным римских руководителей составляют «остальные»: 32 %. Среди «остальных» при более детальной разработке статистических данных могло бы оказаться несколько самостоятельных групп, и тогда учительские группы выдвинулись бы на первое место. Однако народные учителя все же составляют только неполную четверть общего числа экскурсантов, и первоначальная цель всей организации достигается таким образом лишь в незначительной степени[144].

[144] К. В. <Осоргин М. О.> Русские экскурсанты в Италии. С. 5.

10

Итак, паспорт получен, австрийская виза проставлена, аккредитив приготовлен, разговорник запасен. Приобретен билет. Сдан багаж (пассажирам первых двух классов никогда не приходилось притрагиваться к собственным чемоданам: все делали носильщики). Путешествующие входят в вагон и занимают места по указанию кондуктора. Звенит звонок, возвещающий об отправлении (то, что на европейских дорогах звонков в обиходе не было, не раз приводило к досадным недоразумениям, о чем регулярно предупреждают путеводители). Здесь, как и в других местах, где это возможно, при описании общих переживаний мы по-толстовски будем использовать свидетельства юных, в данном случае – семнадцатилетней М. А. Пожаровой, будущей (а отчасти уже и сущей) писательницы, которая в сопровождении матери 22 сентября 1902 года села в варшавский состав.

> Поезд тронулся. На душе какое-то недоумение, какая-то оцепенелая грусть после прощания с сестрами, с няней и с дорогим моим зайкой. Родные лица, родные места – все остается позади; чувствуешь, что бросаешься в глубину неизведанного, отдаешься какому-то огромному, новому течению. Мерный и убаюкивающий шум поезда врывается в шумную тишину ночи. В окне клубится мгла, прорезаемая огненными линиями искр, дождем летящих от локомотива и описывающих ослепительно яркие ломаные зигзаги. Точно красный сверкающий узор, рассыпанный по черному бархату.
>
> Я уступаю толстой даме свое место на диване и влезаю спать наверх. Мягко, покойно; стук колес и мерное покачивание вагона как будто подзывают сон: иди, успокой, обласкай, а мы споем колыбельную песню усталой голове и тревожному сердцу. Но мысли бродят, обгоняют друг друга и испуганные думы раскрывают пытливые глаза на безответное будущее. Сна нет, какое-то смутное томление.
>
> Целый день в вагоне. Скучные разговоры соседок. Я то сплю, то ласкаюсь к маме, то смотрю в окно. Больше всего меня занимают разлетающиеся искры и клубы дыма от поезда. <…>.
>
> В 10 ч. вечера мы в Варшаве и едем в фиакре на Венский вокзал. Усталый ум едва воспринимает впечатления. Я вижу довольно красивый город, но приглядываться к нему не в силах. Там и сям на панелях свет фонаря озаряет пикантную фигуру варшавянки, выставляющей напоказ изящно обутые ножки из-под кокетливо поднятой юбки.
>
> В 12-том часу отходит поезд в Вену, а в 6 ч. утра пересадка. Затем границы и австрийская таможня[145].

По поводу заоконных видов один из остроумных путешественников (ехавший из Москвы в Вену классическим маршрутом, но далее принявший к северу) писал в путевых заметках: «За Можайском было то же, что до Можайска, т. е. та же однообразная картина, то же отсутствие жилых центров, те же поля и леса. Вплоть до самой Варшавы не встречается ни одного сколько-нибудь заметного города, кроме Смоленска, красиво расположенного на горе»[146].

---

[145] ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 217. Л. 3.

[146] Джаншиев Гр. В Европе. Впечатления и мысли туриста. М., 1888. С. 6.

11

В Варшаве путешественники по большей части не задерживались; среди тех, за движением которых мы можем наблюдать в деталях, исключением был Анненский, но его польское письмо пропало – и лишь в следующем он мимоходом упоминает: «Я писал тебе из Скерневиц (по дороге к границе), и ты знаешь, что мы осмотрели Варшаву, были даже в театре и пешком исходили все Лазенки. В каком запустении пруды – ужас»[147]. Насколько можно понять из сопоставления расписаний, пассажиры, прибывшие поездами Министерства путей сообщения, обычно следовали в них же до пограничной станции Граница; те же, кто пользовался услугами Международного общества спальных вагонов, должны были переехать с Петербургского вокзала на Венский (оба до наших дней не сохранились), где и оставаться в ожидании следующего рейса.

М. А. Пожарова с матерью явно принадлежали ко второй категории, поскольку единственным поездом, приходившим из Петербурга в Варшаву около 10 вечера, был именно поезд общества (прибытие – 21.32). Стыковка (со сменой вокзала) занимала ровно 3 часа.

Варшава. Отпр.: 0.32.
Скерневицы. Приб.: 1.35. Отпр.: 1.43.
Колюшки. Приб.: 2.28. Отпр.: 2.32.
Петроков. Приб.: 3.12. Отпр.: 3.18.
Зомбковицы. Приб.: 6.13. Отпр.: 6.28.
Граница. Приб.: 6.47 (по петербургскому времени). Отпр.: 6.55 (по местному).
Трзебиния. Приб.: 7.59. Отпр.: 8.13.
Одерберг. Приб.: 10.02. Отпр.: 10.20.
Прерау. Приб.: 12.10. Отпр.: 12.18.
Вена. Приб.: 15.37[148].

На станции Граница пассажирам приходилось помимо таможенных формальностей (о которых см. далее) переменить состав на точно такой же, принадлежащий тому же обществу, но рассчитанный на европейскую ширину колеи.

Иначе выглядели действия тех, кто ехал на поезде МПС, – конечным пунктом их состава была Граница, где они пересаживались на австрийские поезда, точно подогнанные по времени к прибытию российских. По маршруту Граница – Вена в день ходили три состава – отправлением в 6.05 (стыкующийся с пассажирским № 17 из Санкт-Петербурга), в 6.27 (парный к почтовому № 3 из Москвы) и в 9.32 (объединяющий пассажиров скорого № 15 из столицы и пассажирского № 5 из Москвы)[149]. Все они добирались до Вены примерно за 9 часов с остановками в Тржебиня и Адерберге[150].

Билет от Варшавы до Вены на поезд общества стоил 38,75 рубля в первом классе и 25,51 во втором. Билеты от Границы до Вены на австрийский поезд стоили (в австрийских же кронах[151]):

---

[147] Письмо к Н. В. Анненской от 5/17 июня 1890 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 61.

[148] Международное общество спальных вагонов и скорых поездов. Зимнее движение, ноябрь 1904 г. <СПб., 1904.> С. 133.

[149] Не исключено, что этот рейс тоже принадлежал (или был взят в аренду) Обществом спальных вагонов, поскольку значится и в их расписании (Международное общество спальных вагонов и скорых поездов. Зимнее движение, ноябрь 1904 г. <СПб., 1904.> С. 121).

[150] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 7.

[151] Курс австрийской кроны составлял примерно 65 копеек. Далее читателю встретятся, среди прочего, австрийские цены до монетной реформы 1892 года, для мысленной конвертации которых можно пользоваться примерным курсом в 75 копеек

	Скорый			Пассажирский		
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.
Граница — Вена	36.00	24.00	12.00	–	16.00	8.00

за гульден.

12

Таможня Российской империи всегда была гораздо более озабочена вопросами ввоза, нежели вывоза, причем именно пост в Границе считался одним из самых свирепых. М. О. Гершензон, возвращавшийся из Италии летом 1896 года, пережил там несколько исключительно неприятных минут:

> В Границу приехал сегодня в 7 час. утра. Недаром ее называют худшей из таможен; я перенес здесь немало волнений. Я боялся за свое новое платье, а на него не обратили никакого внимания. Набросились исключительно на книги. Прежде всего жандармский офицер заявил мне, что у него нет времени просматривать их и что он все отправит в цензуру. Я потребовал, чтобы мне выдали те мои книги, которые изданы в России и носят цензурное дозволение, а также словари и проч., относительно которых не может быть сомнения. В этом они не могли отказать и выдали мне все мои книги, за исключением 7 на итал., англ., франц. и нем. яз., которые будут отправлены в московскую цензуру. Цензура конечно посмеется, потому что книги совершенно невинные (один итал. роман, биография Линкольна, Сартор Резартус Карлейля, остальное по греч. истории). Между прочим отобрали и оригинал Белоха, который мне необходим в первый же день приезда для проверки корректур. Я объяснил это и сказал, что этой книги ни в каком случае не могу оставить, а если им угодно, пусть отправят в цензуру заглавный листок, по которому цензура может судить о характере книги, и если она окажется запрещенной, то ведь с меня всегда смогут взыскать. Это подействовало, и книгу мне отдали, даже не списав заглавия. Вообще произвол невероятный. За пересылку книг в цензуру с меня содрали 1 р. 30 коп.
>
> Вообще, эта дорога гораздо дешевле той, которою я ехал в Рим, но за то она и гораздо утомительнее[152].

Сама процедура прохождения таможни при всем ее формальном характере выглядела довольно внушительно. Начиналась она с оцепления прибывающего поезда кольцом вооруженных людей:

> 1. Досмотрщики, назначаемые для встречи заграничного поезда, должны заблаговременно занять места по линии железной дороги от черты границы до бангофа и при следовании поезда наблюдать, чтобы не было чего-либо спущено на пути.
>
> 2. Досмотрщики, высылаемые на встречу поезда, оцепляют его по прибытии на станцию со стороны, противоположной бангофу, и наблюдают, чтобы никто не мог пройти или чего-либо передать мимо Таможни[153] – и т. д.

В нашем распоряжении нет инструкций и описаний процедуры прохождения таможни при центробежном движении; можно предположить, что в общих чертах она соответствовала той, что действовала при центростремительной:

> Досмотр производится таможенными чиновниками в особом, так называемом ревизионном зале (или на пароходе в общей кают-компании), куда и приглашаются все пассажиры вместе со своим ручным багажом, причем

[152] Письмо к родным от 5 июля 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 14. Л. 38 об. – 39.

[153] Арватов И. Памятная книжка для таможенных досмотрщиков. Либава, 1903. С. 20.

> при входе в зал жандармская полиция отбирает паспорта для визы. В течение 10–12 минут визировки паспортов и выгрузки багажа пассажирам следует приготовить свой ручной багаж к досмотру, т. е. открыть чемоданы, несессеры, саквояжи, картонки, ремни и т. п., а также приготовить багажную квитанцию и ключи от большого багажа. Получив паспорта, таможенные чиновники приступают к досмотру пассажиров, вызывая их по фамилиям[154].

При этом у выезжающих пассажиров имело смысл искать лишь сокрытые от налогообложения суммы наличных; все остальное, напротив, было в их интересах задекларировать, чтобы избежать разорительных пошлин при возвращении. Паспортный контроль иногда затягивался при выезде дольше таможенного, так что пассажиру приходилось возвращаться в поезд без документов: «На станции Граница жандарм взял у меня заграничный паспорт и только в вагоне вернул его обратно»[155].

Кстати сказать, Общество спальных вагонов особенно кичилось тем, что его пассажиров подвергают таможенным процедурам не в общем зале, а непосредственно в поезде: «Для большинства интернациональных поездов „Люкс“ осмотр ручного багажа производится в вагонах таможенными служащими, которые и сопровождают поезд до ближайшей от границы станции. Кондуктора обязаны предупредить пассажиров о том, что будут осматривать багаж и, в случае надобности, служить переводчиком между таможенными чиновниками и пассажирами»[156]. У нас нет возможности установить, в каком из поездов (до перемены состава или после) осуществлялись эти процедуры – или же для польско-австрийской границы эта возможность не действовала. Не проясняет этот вопрос и описание, сделанное одним из пассажиров: «От самой Варшавы до границы природа и люди постепенно теряли свой родной вид. За станцию до Границы начали появляться австрийские солдаты. Затем в Границе нас заперли в вагоне (вагоны неудобные и запираются с боков), и жандармский офицер отобрал наши паспорта и спустя немного их нам возвратил. Офицер с олимпийским видом осмотрел нас, все оказалось в порядке, и мы были переданы австрийским кондукторам (здоровые ребята в голубых пиджаках)»[157].

Почти без перерыва (между Границей и первой австрийской станцией Щаково (Schakowa, ныне Jaworzno Szczakowa) меньше 5 км) пассажиры попадали в зону ответственности австрийской таможни, не в пример более обстоятельной:

> Первое время австрийцы оставляют на меня очень неприятное впечатление. Из-под высоких фуражек на льняных волосах выглядывают совершенно чуждые нам по духу физиономии. Какая-то холодная самоуверенность написана на этих белых, как молоко, лицах, охваченных ярким румянцем, из которого готова брызнуть кровь; голубовато-серые глаза медленно останавливают на вас равнодушные, замораживающие взгляды; огромные, неимоверно вздернутые усы почти достигают до носа своими закрученными концами, которые шевелятся друг против друга.
>
> (Я не могу без отвращения вспоминать кучера, кот<орый> привез нас с вокзала в гостиницу в Вене, – это было что-то расплывшееся, лоснящееся,

---

[154] Беккер А. В. Пассажирские пограничные таможенные правила России, Германии и Франции. СПб., 1898. С. 5. При этом в официальных документах подчеркивается, что при поездке за границу досмотр не носит тотального характера: «Что же касается до лиц, отъезжающих за границу, то они и находящееся при них имущество подвергаются таможенному досмотру только в тех случаях, когда таможни будут иметь достаточный повод к подозрению, что вывозятся за границу товары, обложенные отпускною пошлиною, или к вывозу за границу воспрещенные» (О паспортах заграничных, пропуске через границу и пограничных сообщениях. С. 77).

[155] Дневниковая запись С. Н. Южанина // Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. Самара, 2009. С. 39.

[156] Правила для начальников поездов или бригад и для ресеверов. С. 160.

[157] Письмо М. В. Нестерова родным от 16/28 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 23.

> кровавый ростбиф, вывалянный в муке.) Впрочем, когда поживешь с австрийцами, то на первый план выступает их корректность и вежливость в обращении, – это отчасти сглаживает первое, невыгодное впечатление.
>
> Вернусь к австрийской таможне. Нам попался удивительно равнодушный надсмотрщик. Он метнул беглый взгляд на чемодан, слегка дотронулся холеным пальцем до картонки и отправился прочь, не обратив никакого внимания на мамино робкое замечание о том, что она везет пакет чая. Кстати, мы, ничего не подозревая, провезли запрещенную вещь, – коробку конфект, а одной барышне тут же рядом чуть-чуть не составили протокол из-за карамели. В Вене конфекты очень дороги[158].

Сходное ощущение поверхностного досмотра возникло и у С. Н. Южанина:

> На станции Щаково был таможенный осмотр. Я имел при себе чемодан и футляр от фотографического аппарата с положенной в него разной мелочью. Меня попросили их отпереть, и чиновник, осмотревши всё, спросил, нет ли недозволенного, наклеил марки на чемодан и футляр, что означало пропуск. Вагон попал сравнительно удобный с поперечными проходами и несколькими дверями в одну и другую стороны. Мой чемодан свободно поместился под лавкой, хотя на станции Граница кондуктор не хотел пропускать его в вагон[159].

Общие правила заграничных таможен были сформулированы Филипповым (к особенностям итальянской мы еще вернемся, добравшись до соответствующей станции) – и почему-то поначалу ритмической прозой: «Табак, сигары и папиросы, вино и спиртные напитки и новые вещи не разрешается провозить. За все эти предметы взыскивается *очень высокая* пошлина. При таможенном досмотре необходимо *присутствовать лично*, а о *сомнительных вещах* лучше заранее объявлять. Везде в заграничных таможнях *не лишнее – быть полюбезнее с таможенными досмотрщиками, и везде одинаково хорошо действует „на чай“*»[160]. Германия (чьи официальные правила в большинстве случаев весьма напоминают австрийские) дополнительно ограничивала ввоз следующих товаров: «сахар, конфеты и всякие вообще сласти, печения, серебряные, золотые и ювелирные вещи» и полностью запрещала: «игральные карты, спички, взрывчатые вещества»[161].

---

[158] Дневник М. А. Пожаровой // ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 217. Л. 3–4.

[159] Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. Самара, 2009. С. 39–40.

[160] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XXXIX.

[161] Беккер А. В. Пассажирские пограничные таможенные правила России, Германии и Франции. С. 19.

13

Пассажиры поездов общества продолжали дорогу до Вены в привычных интерьерах, хотя места, занимавшиеся ими в поезде от Варшавы, после границы не сохранялись:

> Опять пересадка и случайное общество в вагоне. Рыжеволосая немка и болтливая русская барышня развлекали маму своими автобиографиями и бесконечными советами по поводу путешествия.
>
> Пробовали запускать свое жало и в меня, но я его выдергивала сухими ответами.
>
> Я смотрю в окно. Природа постепенно меняется. Навстречу бегут длинные аллеи пирамидальных тополей и островерхих елочек, прореживая своими стройными рядами разноцветные полосы полей. <…> Обед в вагоне. Короткие остановки на станциях и непривычное для нас отсутствие звонков, предупреждающих отход поезда. Страшная усталость и разбитые члены.
>
> Слава Богу, вот и Вена![162]

Совсем иное впечатление ожидало тех, кто пересаживался на поезда австрийских железных дорог. Вообще устройство их, в целом схожее (впрочем, как известно, все поезда похожи друг на друга), отличалось от привычного (как и железнодорожный быт вообще) в деталях, подчас довольно значительных. В частности, за границей были еще в ходу (хотя постепенно выводились из употребления) архаичные вагоны без общего коридора, где наружу открывалось каждое купе. Поезда, как и у нас, делились на пассажирские, скорые и курьерские; в последних двух были вагоны первого и второго класса; в пассажирских – только второго и третьего. На платформу железнодорожного вокзала провожающему можно было попасть, только приобретя перронный билет в специальном автомате. К отправлению поезда сигнал подавался не звонком, как в России, а криком кондуктора (в Австрии – «fertig!»). Остановки отличались от привычных своей чрезмерной краткостью (обычно 3–5 минут), так что русский турист, любивший подкрепляться на станциях, рисковал отстать: рекомендовалось заказывать у кондуктора обед, который доставляли прямо в купе, либо покупать снедь у торговцев, встречавших каждый поезд. Отдельно советовали не доверять железнодорожной обслуге крупных купюр, чтобы не остаться без сдачи.

Особые предостережения касались багажа: на австрийской стороне крайне суровы были правила, касающиеся ручной клади, так что сдавать приходилось даже то, на что русский кондуктор смотрел снисходительно. Специально оговаривалось: «*Никогда не следует класть в багажные сундуки и чемоданы денег и ценностей*. <…> *Вообще следует принимать во внимание, что провоз багажа по заграничным дорогам везде настолько дорог*, что, по общей сложности, при продолжительной поездке, эта статья расхода является очень крупной и всегда очень чувствительной»[163].

Отдельные неудобства могла доставлять и смена прежнего состава пассажиров:

> До Вены ехали так себе до границы от Варшавы, там надо дважды пересаживаться, и попадаешь сразу из России к австрийцам. Представь себе дождь, холод, ночь – глаз выколи, на станции, где поезд стоит две минуты, нас втискивают в вагон 3-го класса, он битком буквально набит жидами, да какими: они здесь с пейсами, наглые, запах такой, что я взвыл. Говорю кондуктору (похожему на офицера): «Здесь нет мест». Он меня во второй

[162] Дневник М. А. Пожаровой // ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 217. Л. 4.

[163] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. XXXVIII–XXXIX.

> класс: здесь было хоть и тесно, и тоже жиды были, но лучше. Дал я ему за это удовольствие 75 крейцеров, то е<сть> 55 коп., и прекрасно доехал до Вены[164].

Другие пассажиры, менее придирчивые (или просто ехавшие первым классом), отмечали по преимуществу изменившиеся пейзажи: «Дорога от границы до Вены была чудо какая живописная! Стоило терпеть три дня тяжелой скуки из-за такой прелести. Все время из вагона видны были громадные горы, всюду зелень, солнце… чудо как хорошо, и я несколько отдохнул душой. Из России в Австрию переезжаешь точно из каменного века»[165]. «С Границы начинают тянуться по левую руку Карпаты, и вся земля там обработана, как у нас и сады не обрабатываются, все окопано, прочищено, словом – любо смотреть. Все, что казалось на картинах так сентиментально и подчищено, на самом деле еще более чисто и гладко. На станциях начинает попадаться австрийское воинство, бравые ребята. Хотя на границе везде и у русских выставлены великаны – „на страх врага“»[166].

---

[164] Письмо И. Ф. Анненского к Н. В. Анненской от 5/17 июня 1900 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 61. Характерно, что почти в тех же выражениях на дорогу от русской границы (которую он пересек в Волочиске) до Вены жаловался и Гершензон, который даже теоретически не мог быть заподозрен в юдофобии: «До Волочиска ехал я отлично; всю ночь спал. От Подволочиска до Вены была худшая часть моей дороги: вагоны отвратительные и битком набиты народом, особенно галицийскими евреями; все курят крепкие грошевые сигары, и в вагоне нечем дышать» (письмо к родным от 6 мая (24 апреля) 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 13. Л. 23).

[165] Письмо В. М. Васнецова к А. В. Васнецовой от мая 1885 г. // Виктор Михайлович Васнецов. М., 1987. С. 62.

[166] Письмо М. В. Нестерова к родным от 16/28 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 23.

14

Вена была первым иностранным городом на пути, вследствие чего пассажиры обычно делали тут продолжительную остановку, причем иногда это получалось против их воли, как у С. Н. Южанина:

> 9 декабря в Вене снегу ни капли, но слякоть. Я переехал с одного вокзала на другой для дальнейшей поездки в Рим. Взял билеты 2-го класса, за что заплатил 52 гульдена, но мой чемодан не позволили брать с собой в вагон. Не зная языка и не понимая, в чем дело, я объяснялся с ними пантомимой. В это время поезд ушел, и мне пришлось ночевать в гостинице, заплатив 2 гульдена. Спал плохо благодаря соседу, неспокойно ведущему себя почти всю ночь, да и холод давал себя чувствовать, несмотря на пуховую перину, которой, по немецкому обычаю, надо было укрываться вместо одеяла[167].

Большинство же сразу настраивалось на экскурсию, хотя бы однодневную: некоторым нужно было приобрести билеты для дальнейшего путешествия, иные собирались обновить запасы одежды или встретиться со знакомыми:

> Под Веною нас захватил ливень; к счастью, калоши оказались в чемодане, и я одел их, иначе, наверное, простудился бы в Вене. В Вене до двух часов дня шел дождь и холод пронизывал насквозь; может быть благодаря этому, а еще больше потому, что я видел сначала только худшую часть города, но в первые часы он произвел на меня дурное впечатление. Как я провел этот день, вы знаете. Прежде всего, мы с Поляком отправились в Reize-Bureau, где мне подробно объяснили маршрут и где я взял билет. Потом Поляк отправился на урок, а я пока выпил в кофейной чудесный венский кофе (Mélange) и почитал газеты, потом погулял, нашел книжный магазин и купил Baedeker для Рима.
>
> В час мы встретились с Поляком в условленном месте, и пошли обедать в столовую, где он обедает. С 2-х часов и до 6 он показал мне всю лучшую часть города. Я был поражен красотою улиц, площадей, зданий, скверов. К этому времени прояснилось, солнце ярко осветило сочную зелень, улицы быстро высохли. Это была одна из красивейших картин, какие я когда-нибудь видел; я совсем забыл усталость. Видел я все, конечно, только снаружи; только Университет осмотрел подробно внутри. Однако к 6 часам я уже был не в силах двигаться, отправился на вокзал и там ждал до 9, когда уходит поезд; Поляк вечером был занят и не провожал меня. Пальто я не купил в Вене по двум причинам: 1) потому что был очень утомлен и купил бы дрянь, 2) потому что мне сказали, что на итал<ьянской> границе часто платят пошлины и за ношенное платье, не только за новое[168].

Иные останавливались на два-три дня:

> Мы поселились в отеле Триест <…>, откуда посредством электрических конок и омнибусов – прекрасное сообщение со всеми частями города. (Вообще электр<ические> конки вытесняют здесь извощиков и можно вполне безопасно переходить через улицы, осторожно следя только за движением вагонов. Какой-нибудь одинокий фиакр не страшен – его даже не замечаешь.

---

[167] Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. Самара, 2009. С. 40.

[168] Письмо М. О. Гершензона к родным от 6 мая (24 апреля) 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 13. Л. 23–23 об. *Поляк* – неустановленное лицо.

Невольно ужасаешься, вспоминая бесконечные вереницы извощиков, которые тащатся по нашим петербургс<ким> улицам.)[169]

Общее впечатление от Вены визитеров, принадлежавших к астрономически отстоящим друг от друга социальным кругам, было весьма сходным:

Вена опять какой прелестный город. Горожане и горожанки одеваются решительно красивее парижан. Какие красивые солдатики, просто залюбуешься, и синие, и голубые, и зеленые, и черные, ну, право, точно в театре, даже есть солдатики в трико. И убивать-то на войне таких жалко[170].

А мы, в своей российской наивности, были просто подавлены богатством, роскошью и шумною жизнью старой австрийской столицы, налюбовавшись на тысячи щегольских экипажей и упряжек ее роскошных гуляний в чудном парке Пратера, потолкавшись в ее обильных и изящных магазинах, насмотревшись на великолепные дома, отели, дворцы, музеи, академии, театры ее всевозможных Рингов…[171]

Правда, нарядная, веселая, летняя Вена ничем не напоминала ни тяжеловесного зимнего Берлина моей «заграничной ссылки», ни нашей белокаменной «матушки-Москвы». Наша серая, измученная группа экскурсантов совершенно не подходила к этим сверкающим витринам, изящным кафе на площадях, беззаботной толпе туристов, которыми щеголяли на главных улицах, осматриваемых приезжими, западные города. Иногда австрийские мальчишки, пораженные нашим видом, бежали вслед и желали «хорошего пастбища», «стойла» и т. д., что приводило в бешенство наших мужчин[172].

Первой нашей остановкой была Вена. Она привела в неистовый восторг. Ослепляли и ее нарядные улицы своей непривычно-европейскою внешностью, и магазины своей роскошью, и громадные здания, и особенно, конечно, картины и памятники. Но уже через четыре дня желание видеть еще большее и лучшее потянуло дальше в Венецию[173].

Сходными были и маршруты экскурсий:

В 6 часов мы приехали в Вену. Город просыпается в 5 часов. Я остановился в гостинице «Метрополь» на четвертом этаже в № 310. Затем после «отчаянного» разговора мне дали переводчика за 3½ руб. в день, и я пустился в странствование. В это время (7 ч. утра) император возвращался с войсками с парада, его я не видал, а видел его хвост и войска.

Затем мы попали в «Бельведер», императорский дворец, где сосредоточено все лучшее, что есть по части искусства в Австрии. Правда, есть дивные вещи, описывать их не стану, не поймете. Из современных заслуживает великого уважения Ян Матейко. Затем, закусив, мы отправились в замок Лихтенштейн. Это здешний магнат, который имеет дивную галерею старинных мастеров. Затем попали на выставку «Отверженных» (этих господ не приняли на «Передвижную», да и не за что).

---

[169] Дневник М. А. Пожаровой // ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 217. Л. 4 об.

[170] Письмо В. М. Васнецова к А. В. Васнецовой от первой половины мая 1885 г. // Виктор Михайлович Васнецов. М., 1987. С. 62.

[171] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 217–218.

[172] Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 69.

[173] Письмо М. А. Волошина к И. Х. Озерову от 26 октября / 7 ноября 1899 г. // Волошин М. Собрание сочинений. Том восьмой. Письма 1893–1902. М., 2009. С. 268.

По дороге видим здания парламента, ратуши, университета, собора Вотив, Национального музея, часовню на мосту, Ринг-театр, оперный театр, драматический. В общем же Вена отличается необыкновенным порядком, а здания в десять раз лучше, чем в Питере. Какие парки, памятники: Марии Терезии, Бетховену, Шиллеру (против Академии художеств, в которой тоже были).

Были в соборе св. Стефана. Это необыкновенное сооружение, в готическом стиле, стоит много веков, снаружи оно так же великолепно, как и внутри[174].

Приезжаем: дождь, ветер, 12°, однако все-таки, пользуясь светлыми промежутками, мы рыскаем весь день до 12 час<ов> ночи. Вена подавляет своими зданиями: думаешь – это дворец, а это отель. Особенно мне понравился старинный (13-го века) собор Св<ятого> Стефана в готич<еском> стиле с ажурными высочайшими башнями и крышей, которая точно вышита бисером. Внутри множество капелл – свету почти нет: он проходит скупо в окна, хотя огромные, но сплошь расписанные по стеклу арабесками и сценами на библейские сюжеты; то там, то сям служат, цветы, свечи, молящиеся фигуры в темных нишах у решеток, звон колокольчиков, и все-таки церковь так велика, что кажется тихо. Видел вчера еще Вахт-парад – во дворе Hofburg'a и видел императора в окне: гвардия в киверах, коротких мундирах с короткими скорострелками и в штиблетах. Вена поражает еще движением: извозчиков не так много, но все в шорах, дорогие, сами с пледами в фетровых шляпах, с бичами, но, главное, конки без верхних мест, не большие, звонят постоянно; омнибусы, огромные фуры с гигантскими лошадьми и тележки, запряженные собаками. Но несносно видеть повсюду рестораны, кафе, вейнштубе, павильоны, где продают лимонады и мороженое. Кажется, Вена только и делает, что всегда торгует. Магазинов множество невообразимое. Купил себе вчера плед и обертку для него, куда можно за ремни положить хоть целый чемодан: плед чудный – мягкий, большой, теплый и стоит 33 гульдена (гульд<ен> 75 коп.). Бинокля пока не покупаю. Сегодня осматривал галлереи в Бельведере (то же, что наш Эрмитаж) и купил себе несколько фотографий (довольно дорого это). Чего-чего мы только не осматриваем. Вчера были на интересной промышленной выставке. По дороге (мы все ходим или вскакиваем на конку) смотрели разные балаганы (интересные карусели в виде качающихся кораблей или лошади в настоящую величину). Зашли мы также в павильон, где делают мгновенные фотографии: за 40 крейцеров в 3 минуты с нас сняли две группы, приготовили и вложили в бумажные рамки. Смешит меня в Вене это, что за все платят: на чай зайдешь – платишь 5 крейц<еров> за первый класс, присядешь на улице на стуле – подходит немка с сумочкой: плати 2 крейцера[175].

Другой набор ассоциаций вызвал тот же венский дождь (но много лет спустя) у юного А. Дейча, следующего из Киева в Венецию:

Дождь повис над огромным городом, обвил его своей прозрачной сеткой, посеребрил гладкие плиты мостовой, обновил крыши трамваев и омнибусов и заставил раскрыть целый миллион зонтов.

---

[174] Письмо М. В. Нестерова к родным от 16/28 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 23.

[175] Письмо И. Ф. Анненского к Н. В. Анненской от 5/17 июня 1900 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 61–62.

Снуют по улице люди в непромокаемых, серых пальто, такие тоже серые и невзрачные.

Точь-в-точь как грибы под шапочкой, эти людишки под зонтами.

Вот прошел солидный господин под черным зонтом, такой важный. Кажется ни одного шага не сделает, не подумавши, и будто от этого равновесие Европы зависит.

Ну этот – прямо боровик.

Вот мелькают низкие, приземистые господинчики – дельцы разные, служащие в бюро и конторах – мелкие сыроежки.

А вот под нарядным, красным с крапинками зонтом, накрашенная особа – мухомор ядовитый в саду страстей.

И много еще всяких людей-грибов скользит по улице.

И я среди них тоже, грибок, случайно попавший в этот сырой огород, грибок, желчный и ехидный, зараженный скукой дождя[176].

[176] Дейч А. Сны наяву (Открытки с пути) // Музы. 1913. № 1. С. 4.

15

В Вене в начале XX века было семь вокзалов – едва ли не рекорд для европейской столицы. Поезда в Венецию следовали с Южного (он сохранился и сейчас, изменилось только здание); обычных, т. е. пассажирских, скорых и курьерских отходило по нескольку в день, а Общество спальных вагонов, напротив, отправляло один-единственный состав направлением Вена – Рим, двигавшийся через Венецию.

Вена. Отпр.: 21.00.
Амстеттен. Приб.: 23.12. Отпр.: 23.17.
Понтафель. Приб.: 9.06. Отпр.: 9.28.
Венеция. Приб.: 14.15.

Дорога из Вены до Венеции в первом классе стоила 94 франка и 15 сантимов, во втором – 53 франка и 83 сантима.

Насколько мы можем судить по многочисленным мемуарам, большинство путешественников предпочитали дневные поезда, выходившие из Вены ранним утром и прибывавшие в Венецию ночью. Многоголосым был и хор пассажиров, возмущенных австрийскими железными дорогами, но даже в нем выделялся баритон Евгения Львовича Маркова, этнографа, банкира и гимназического преподавателя:

> Зато поезда цивилизованных австрийцев – избави Бог какие! Русские вагоны приучили нас к изрядной тряске, но все-таки, как говорится, в меру, по-божьи. На здешних же дорогах, из Вены через Амстетен на Понтеббу, Удино и Венецию, – не только трясет немилосердным образом, так что рискуешь проглотить собственный язык и зубы, но кроме того еще безбожно кидает вас из стороны в сторону, и вагоны все время прыгают точно по косогору, опускаясь то одним, то другим плечом и стуча своими железными костяками будто под ударами огромного кузнечного молота, так что ежеминутно ожидаешь, что вот-вот эта отчаянная морская качка и эта оглушающая вас зловещая стукотня вышвырнут безумно несущийся вагон из рельсов, и вагоны ваши начнут взлетать друг на друга и разбиваться друг о друга, как пасхальные яйца[177].

Похожие чувства вызвал этот участок дороги у во всем прочем несходной с ним Зинаиды Гиппиус:

> Едва ли можно здесь писать, трясет небывало и к тому же (остановка) качает с боку на бок, точно в каюте в дурную погоду. Я никогда так не ездила. Курьерский поезд через Земмеринг, ночью, можете представить, что это такое. Каждую минуту мы боялись катастрофы, почти не спали, хотя едем царски, одни во всем поезде, в громадном купе и можно было раздеваться до тла, а это для меня главное. Сейчас поедем, опять начнутся каракули[178].

Другой, более склонный к анализу путешественник, уже знакомый читателю грузинский артиллерист Нацвалов, больше обращал внимание на различия общекультурного характера: похвалив конструкцию вагона с боковыми дверями, открывающимися прямо из купе (за то, что дают возможность «скорее выйти из вагона, особенно с багажом и нет той давки, как

[177] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 218.

[178] Письмо к Н. М. Минскому от 6 марта 1892 г. // Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским. С. 183.

у нас»[179]), он с удовольствием отметил возможность управления внутрипоездным климатом, наличие освещения (иногда даже электрического), высокую скорость поездов (от 60 до 100 верст в час) и редкость встреч с контролерами. Отличался и общий ритуал проверки билетов: сначала их предъявляли при входе на вокзал, затем – уже в вагоне – их осматривал кондуктор, и после, при выходе с перрона, их отбирали уже безвозвратно. Еще одна деталь, непривычная русскому путешественнику, – при покупке билета в городской кассе, при входе на вокзал на него нужно поставить специальный штемпель – и заплатить за это символическую, но обязательную мзду[180]. Еще дополнительно сократившиеся по сравнению с предыдущим участком пути остановки делались порой (совершенно как в рассказе Чехова[181]) предметом театральных недоразумений:

> Приехал в Венецию вчера в 1 час пополудни, мог приехать ранее – третьего дня ночью 11½ часов, но со мной случилась маленькая история, задержавшая меня в дороге на 12 ч<асов>, причина та же – незнание языка. Я попал на одной станции на поезд, идущий обратно в Вену, провезли меня лишка станцию, я ждал обратного поезда на этой станции 2 ча<са> с лишком. <…> Билет до станции остался действителен, поэтому я проиграл немного[182].

Те же, кому удалось справиться с трудностями, налагаемыми железными дорогами, по преимуществу любовались пейзажами: таким путь запомнился И. И. Попову – журналисту, педагогу (между прочим, бывшему однокашнику Ф. Сологуба по Учительскому институту), путешественнику, политическому ссыльному:

> Rapide с головокружительной быстротой мчал нас к югу. Вена быстро исчезла в утреннем тумане, и мы неслись среди равнины. Пирамидальные тополя с опавшею листвою, виноградники, окутанные на зиму соломой, фруктовые сады, белые, желтые и оранжевые здания, покрытые красной черепичной крышей, фабричные трубы, дачные виллы мелькали перед нашими окнами. Пробежав часа полтора, мы почти внезапно въехали в живописную местность, прорезав растянувшийся на несколько километров сосновый лес.
>
> Картина благодаря выпавшему снегу нам живо напомнила родину; чем дальше мы подвигались к югу и поднимались на горный хребет, тем снег становился все больше и больше, и за Леобеном перед нами развернулась картина настоящей сибирской зимы, с сугробами снега, обсыпанными инеем соснами и елями, с замерзшими небольшими озерами, с санями, лыжами, на которых бегают альпийские охотники и пр. Мы жадно вдыхали морозный воздух и задавались вопросом, чем-то нас встретит Венеция[183].

---

[179] Нацвалов Л. Г. Рассказ о путешествии по Западной Европе, Египту и Палестине в конце 1912 года. Тифлис, 1913. С. 109. Ср., кстати, противоположное мнение путешественника, ехавшего в Венецию со стороны Берлина: «В Ala вы пересаживаетесь в вагоны итальянской железной дороги; они не представляют ничего нового: все та же неудобная система поперечных купе, какие существуют в Баварии, Австрии и Бельгии, с тем только различием, что купе эти не отапливаются и что в них горят вместо газа претусклые масляные лампы» (Васильев С. Картинки Италии. Письма из Рима и Флоренции. М., 1894. С. 26–27).

[180] Об этом, впрочем, рассказывает нам единственный респондент: Жданов Л. Г. Русский в Италии. С. 44.

[181] Который сам, кстати, к этой части пути отнесся более чем скептически: «От Вены до Венеции ведет красивая дорога, о которой раньше мне много говорили. Но я разочаровался в этой дороге. Горы, пропасти и снеговые вершины, которые я видел на Кавказе и на Цейлоне, гораздо внушительнее, чем здесь» (письмо родным от 25 марта (6 апреля) 1891 г.) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 22. М., 1976. С. 204).

[182] Письмо В. М. Васнецова к А. В. Васнецовой от 16(4) мая 1885 г. // Виктор Михайлович Васнецов. М., 1987. С. 63.

[183] Попов И. В Италию // Женское дело. 1911. № 9. С. 13–14. Год спустя этот мемуар был (с некоторыми изменениями) перепечатан в книге: Попов И. И. Великая могила прошлого. М., 1912. Позже был опубликован еще один вариант его итальянского травелога, где он возвращается к тому же железнодорожному перегону: «Веной остались довольны. Рано утром через Земмеринг выехали в Венецию, чтобы быть там в тот же день вечером. Дорога необыкновенной красоты, тирольцы в

Это внешнее сходство с покинутой родиной дорого обошлось другому завзятому путешественнику, А. Я. Брюсову, который вместе с молодой женой (сестрой одного автора нашей антологии и будущей супругой другого) переваливал через Альпы в феврале 1909 года и застрял в Филлахе:

> Снежный занос! Лавины! Поезд отправляется может быть завтра, может быть послезавтра, может быть через неделю. 61 километр заносов! Отели переполнены. Станция заставлена поездами. Австрияки потеряли голову и не знают, что им делать со снегом; лопаты неприспособлены, руки не привыкли, работают на расчистке так, что московские дворники, увидав, умерли бы от смеха. Пока смешно и смеемся до колик в желудке. All-right – посидим в Villah'e. На станции кутерьма, служащие, начиная с начальника станции и кончая последним мальчиком, мечутся, как угорелые, под градом ругательств и укоризн. Вот те и чорт. Поехали в теплые страны, а попали в снежную мятель. Плевать! Сейчас получили известие, что пробудем здесь три дня minimum. А maximum? Гостиница великолепная, номер чист и светел. Все в аккурате. Нюрка довольна и весела. Вот тебе и путь через Понтеббу, вот тебе и солнце Италии. А в Венеции, говорят, на коньках по каналам катаются, во Флоренции, как тоже говорят, в снежки играют. Чем южнее, тем холоднее – двадцать два несчастья. О Рим, Рим, не все дороги в тебя ведут. От ужаса даже я по-немецки заговорил. Они-то, голопятые немцы, понимают меня, а вот я плохо соображаю, что мне отвечают. Тож на тож выходит, как если бы и не знал ни слова по-немецки. Однако пока все идет как по маслу. Вспоминаю Восточно-Китайское море, когда тайфун загнал нас в Натранга, место глухое и дикое: так и теперь приходится ознакомиться с Villah'ом[184].

Благосклоннее судьба оказалась к С. Н. Южанину, ехавшему тем же маршрутом в начале зимы:

> 10 декабря в поезде поднимаюсь на Альпы. Что за чудная картина! Вот еду в облаках, вот проехали четыре туннеля, взбираемся всё выше, облака видны уже внизу, вот пятый туннель.
>
> Поезд остановился на горах у станции Klamon. Простоявши три минуты, он пошел вперед и делает крутой поворот; я вижу, как вагоны ползут в гору, опять туннель, мост над громаднейшим обрывом, изредка встречаются станционные будки, выложенные из дикого камня, второй мост и крутой поворот; туннель гораздо длиннее предыдущего, с небольшими просветами; опять туман. Снег большими слоями; мост малый, мост, туннель, мост большой, туннель большой, мост и крутой поворот; всё залито туманом и ничего не видно, что делается внизу… снегу много.

шляпах зеленоватого отлива, обязательно с пером, лыжи, местами сани, в которые впряжена лошадь с султаном, девушки в красочных платьях – все привлекало внимание моих спутников. Пассажирами они мало интересовались и не разговаривали с ними, но я не мог молчать, если кто-нибудь сидел с нами в купе. Вблизи итальянской границы к нам сел какой-то милостивый государь, по внешнему виду напоминающий тирольца. Я заговорил с ним, но мы не могли понять друг друга. Пассажир говорил только на своем родном языке, в котором слышалось много славянских корней и были даже русские слова, перемешанные с латинскими. Мы стали показывать друг другу разные вещи, части костюма, белья и тела, называя их – я по-русски, а пассажир на своем родном языке. Нашлось немало общих и очень похожих наименований. В счете было много одних и тех же названий чисел. В конце концов мы разговорились. Незнакомец оказался, кажется, словаком» (Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 182–183).

[184] Письмо А. Я. Брюсова к В. Я. Брюсову от февраля 1909 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 78. Ед. хр. 20. Л. 5–5 об. *Нюрка* – Анна Ивановна Ходасевич (урожд. Чулкова; в первом браке: Гренцион; во втором: Брюсова; 1887 или 1886–1964). *Натранг* (вьетн.: Nha Trang; сейчас обычно произносится Нячанг): порт в Индо-Китае. О путешествиях А. Я. Брюсова см. предисловие к публикации его переписки с В. Ф. Ходасевичем (Russian literature. 2016. Vol. 83/84. P. 264–267).

> Остановка у станции Zemmiring. Поезд, постояв минуты две, двинулся дальше. Еще большой туннель; много снегу, и почти выехали на вершину гор; всюду растительность, и исключительно ель; какое-то селение из каменных построек, протекает какая-то река…
>
> Начинается спуск. Всего проехали при подъеме на горы 15 туннелей. Остановка, станция Murzzoschlag. 10.30 утра. Большой город; масса заводов, протекает довольно быстрая, но неширокая река… Поезд мчится, я еще никогда не ездил с такой быстротой.
>
> Проезжаем место, где положительно зима; много снегу, холодно. Поезд идет у подножия гор, и вершины, по которым только что ехали, как бы врезались в облака. Картина чудесная! Я готов выскочить из вагона, чтобы написать здесь сотню этюдов.
>
> 4 ч. 20 м., станция Виллах. Зима настоящая, сугробы снега[185].

Иные оттенки пейзажа достались путешествующему летом И. Ф. Анненскому:

> Дорога от Вены до Венеции – это что-то волшебное. Поезд выезжает в 7 часов утра, а уже в 8 он в горах, среди ущелий. Какие горы. – Когда на них смотришь, то глаза невольно расширяются, хочется больше захватить взглядом. На меня вообще природа действует не сильно; но здесь точно все видишь во сне. Представь себе, что поезд летит в горах, лепится по горам, пропадает в ущельях, гремит по мостам. Ты видишь где-нибудь в стороне черную дыру в горе, и вдруг поезд непонятным и невидным зигзагом влетает в туннель. До итальянской границы 15 туннелей: самый большой в 1½ минуты. Земмеринг – это станция на высшей точке поднятия дороги. Вокруг ее горы, крытые лесом, по большей части хвойным, кое-где лежит белая полоска – это снег, или вершина закутана в туман, кое-где бежит серебряная струйка – это горный поток.
>
> Но вот приезжаешь на итальянскую границу Pontebba: изменяется население, порядки, и природа новая, по-моему, еще прекраснее. Первая итальянка, которую я видел, торговала вишнями и была прехорошенькая, после я не видел ни одной настояще красивой, но стройны и грациозны почти все молодые; кокетливы даже дети, а старухи – это такие ведьмы, каких я себе и не представлял никогда[186].

Это же наблюдение над связью пейзажа и женской красоты на том же материале сделал и М. В. Нестеров:

> Целых пять минут поезд несся по туннелю. Жутко, трудно дышать. Но вот блеснул свет, и мы очутились в Италии. Все сразу переменилось, и горы, и селения – все другое. До туннеля было все сурово, густые облака стелились по вершинам гор, тут же все ясно и приветливо. Начинают попадаться итальянки – красавицы почти поголовно, даже и в безобразии своем интересные[187].

---

[185] Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. Самара, 2009. С. 40 (дневниковая запись 1906 года, описывающая путешествие, совершенное за десять лет до этого).

[186] Письмо Н. В. Анненской от 7 июня 1890 (н. ст.) // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 66.

[187] Письмо родным от 19/31 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 24.

16

В Понтеббе пассажиров ожидало последнее перед Венецией пересечение границы и очередная таможня: она, в свою очередь, последней отнюдь не была, поскольку в Италии было заведено иметь по отдельному таможенному посту (ostroi) перед каждым достаточно крупным населенным пунктом. Главным объектом внимания итальянских таможенников был табак и сигары, которых можно было беспошлинно провезти по 10 штук на человека. За килограмм табака (сверх нормы) взималась пошлина в 26 франков. Нельзя было провозить также игральные карты (государственная монополия!), спички, чай и оружие всякого рода. Городские таможни были менее придирчивы, занимаясь по преимуществу местными жителями, а к путешествующим иностранцам благоволя[188].

Впрочем, предприимчивый русский турист старался обойти и эти ограничения. Вот довольно характерный отрывок, принадлежащий перу неизвестного нам лица; история этого документа по-своему замечательна. В архиве скрипача Л. С. Ауэра сохранились записки неопознанной московской барышни, названные строчкой романса «Connais-tu le pays ou fleurit l'oranger?»; в них подробно описывается путешествие в Италию, совершенное в 1896 году самой барышней, ее братом и его молодой женой (Татьяной Михайловной). По многочисленным упомянутым там лицам (она накоротке с О. С. и М. С. Соловьевыми, хорошо знакома с семьей Ауэров и т. п.) возникает ложное чувство близости узнавания, но вотще – определить автора не удалось. Записки начинаются с отъезда из Вены:

> Весь длинный день с тех пор, как мы сели в Вене в поезд, я не отрывалась от окна, боясь потерять мимолетные видения покрытых снегом гор, глубоких долин с живописными опрятными селениями, темных лесов, проносившихся мимо меня в то время, как поезд, извиваясь, карабкался на вершину Земмеринга или нырял в черноту тоннелей. Было по-зимнему холодно, и только к вечеру, спустившись в долину, мы открыли окно, и на нас пахнуло мягким южным воздухом и ласково потянуло вдаль. На итальянскую границу мы приехали вечером и, растерявшись, вели себя на таможне вроде «русских за границей» Лейкина.
>
> Началось с того, что еще в поезде, перед границей, мы принялись вынимать из ручного багажа и засовывать во все карманы папиросы брата, а вез он их в изрядном количестве, так как советы бывалых людей еще в Москве его убедили, что у русских слишком тонкий вкус, чтобы курить ту дрянь, которою довольствуются все без исключения курящие за границей. Перед отъездом, еще в Москве, он заказал себе огромное количество коробок с папиросами для продолжительного путешествия по Италии. Наибольшая часть этих коробок была тщательно спрятана в наших сундуках, часть же мы везли в нашем ручном багаже. Приехав в Понтеббу, мы отправились в таможенный зал с оттопыренными от папирос карманами, с решительным и отважным видом – моя belle-soeur впереди, мой брат и я за ней. Первое, что, по-видимому, раздражило итальянских чиновников, было то, что мой брат, перепутав ключи, долго не мог открыть наши сундуки. Уже в этом они увидели известную преднамеренность с его стороны и пришли

[188] Не такова, впрочем, была собственная венецианская таможня, доставившая несколько неприятных минут одному из вкладчиков нашей антологии, приплывшему из Триеста: «Но наше прекрасное настроение снова было омрачено очень придирчивой венецианской таможней (кроме пограничных, в Италии существуют еще и городские „ostroi“ при въезде в каждый город или местечко); снова теребили наш багаж, снова опрашивали, нет ли у нас табаку, вина, чаю» (Путешествие по Юго-Западной Европе Ж. Альфреда. Путевые заметки. <М., 1901.> С. 66–67).

в неистовство, а когда наконец сундуки были открыты, то набросились на них с ожесточением и из-под кружевных юбок и модных платьев моей belle-soeur Т. М., комкая их ужасно, вытащили все коробки с папиросами и тут же со злорадством их конфисковали. Итальянские чиновники были так невежливы и грубы, что нарочно делали вид, что не понимают негодующих протестов Татьяны Михайловны, когда она, пустив в ход все известные ей итальянские слова, приходившие ей на память, старалась доказать им всю несправедливость их поступков. Они только махали руками и, в свою очередь, болтали на непонятном языке. Вообще они вели себя так угрожающе, что мы почувствовали себя точно среди бандитов. Наконец, совершенно разбитые, мы вырвались из их рук и стремглав побежали к нашему поезду, уже проявлявшему намерение отправиться в дальнейший путь без нас. И тут-то мой брат, лишенный большей части своих папирос, с разочарованным жестом бросил куда-то в пространство вместе с пустой папиросной коробкой и квитанцию от нашего багажа. Пропажу квитанции мы обнаружили только тогда, когда уже сидели в купе и поезд мчал нас в темноту, издавая поминутно пронзительные вопли и немилосердно бросая нас из стороны в сторону.

Юркие, суетящиеся, бестолковые итальянцы после аккуратных, методичных австрийцев не внушали нам никакого доверия[189], и нам стало не по себе одним в нашем купе; мы не чувствовали себя в безопасности, нам казалось даже, что поезд, никем не управляемый, летит во мраке по собственной прихоти и испускает пронзительные вопли отчаяния, как бы предчувствуя неминуемую гибель.

Мы сидели усталые, раздраженные, не в духе, и наконец, после ряда горьких упреков по адресу брата, Т. М. по-детски опустила кончики рта и неудержимо разрыдалась, представив себе пропажу всех наших сундуков и вместе с ними всех ее туалетов, которые она с таким увлечением заказывала в лучших магазинах Вены. А поезд все летел и летел, неистово крича и подбрасывая нас так, что наши дорожные вещи ежеминутно грозили вывалиться из сеток прямо нам на головы. Со всех сторон нависали снеговые громады, отверзались бездонные пропасти с мелькавшими где-то внизу красными огоньками, сотрясаясь гремели железные мосты, а поезд летел в кромешную тьму беспорядочной, бешеной скачкой, своим ритмом напоминая страшную балладу «Ленору»[190].

Другим нашим путешественникам преодоление последнего барьера далось легче – впрочем, часть их предусмотрительно пересекала границу Италии через пост в Ala, славившийся своим дружелюбием:

Сверх всякого ожидания, осмотр вещей был самый поверхностный и спешный. Мне почему-то показалось, что таможенные итальянские чиновники делали это исключительно с тою целью, чтобы не нарушать у туристов общего торжественного настроения, вызываемого их родной природой. На мой взгляд, они с какой-то особой любезностью и предупредительной заботливостью

[189] Ср., кстати, наблюдение И. С. Остроухова: «Удивительны все въезды в Италию, и самый трогательный (для меня по крайней мере) это въезд через Понтебба.Как-то сразу попадаешь из дисциплинированной жизни, порядка, чистоты, довольства и даже мишуры богатства в итальянскую сутолоку, нищету и грязцу» (Остроухов И. Посещение Вены и путешествие по Италии в 1887 году // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 249).

[190] «Connais-tu le pays ou fleurit l'oranger». Воспоминания юной барышни, путешествовавшей по Италии. Публикация И. Л. Решетниковой // Встречи с прошлым. Вып. 11. М., 2011. С. 20–21.

торопились пропустить через свою границу дорогих гостей, широко и радушно распахнув перед ними дверь в свою благословенную страну[191];

Осмотр на австрийской и итальянской границах не что иное как формальность, оканчивающаяся в две минуты: вы открываете ваш сундук; досмотрщик, ничего не перебирая, кладет руку на то, что лежит у вас сверху, и спрашивает: нет ли у вас с собою табака или сигар. Тем дело и оканчивается[192].

Трудности (впрочем, легко преодоленные) возникли только у И. Грабаря, приближавшегося к Венеции со стороны Инсбрука, – и то из-за своеобразного багажа:

Таможенные досмотрщики представили мне первый образчик итальянского, пока, я надеюсь, только обер-итальянского остроумия. Когда они увидали мой чемодан, то разразились страшным хохотом, осматривая его со всех сторон, и все повторяли «armonica, signore, armonica», и хохот снова. Потом они, по-видимому, сказали несколько чрезвычайно остроумных вещей, потому что пришли все сторожа и тоже очень весело смеялись, и в заключение сказали мне несколько лестных слов. Но я не понял ни того, ни другого. При слове sigari мое самочувствие вернулось ко мне снова, и я великодушно протянул им пачку в 20 штук, которую благополучно спрятал снова. Чемодана не осматривали, но зато заинтересовались ящиком с красками, который я и открыл. Они перебрали все краски и остались, по-видимому, очень довольны, когда я им объяснил, что это, собственно говоря, pittura, а я ни больше, ни меньше, как pittore. Отсюда я был вправе сделать следующий вывод: народ очень веселый, очень великодушный и очень любознательный. Спустя несколько станций я умственно присоединил к этим глубокомысленным выводам еще один: не очень быстрый народ. Тут звонки, тут по 15 мин., даже по 20 на станциях сидят, и везде буфеты: совсем юго-зап<адной> ж<елезной> дороги[193].

М. О. Гершензон, пересекавший границу в Понтеббе, был даже почти разочарован тем, насколько безболезненной оказалась процедура:

– Сегодня в 2 часа переехал через итал<ьянскую> границу; багаж осмотрели поверхностно, и пошлины не взяли, даже за чай. Все эти осмотры, пересадки и вообще дорога вовсе не так страшны, как мне казалось раньше. За Веною познакомился в вагоне с молодым иезуитом, к<о>т<орый> знает и нем<ецкий>, и итал<ьянский> яз<ык> и тоже едет в Рим; теперь едем вместе; и он выручает меня, где нужно. Впрочем, и я сам смело говорю по-итал<ьянски> и, оказывается, могу объяснить все, что мне нужно, даже комплименты выслушиваю[194].

Наступил последний участок пути:

Начиная от Понтеббы, где таможенные чиновники даже не осматривали багажа, а только открыли чемоданы и поставили кресты мелом, вместо чистых немецких построек пошли дома с обвалившейся штукатуркой, в живописных позах спящие итальянцы, виноградники, грязь, красивые дети. Кондукторы на станции не звонят, а кричат: один partenza, а другой pronti (готово). Но

[191] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. СПб., 1913. С. 4.

[192] Васильев С. Картинки Италии. Письма из Рима и Флоренции. М., 1894. С. 26–27.

[193] Письмо В. Э. Грабарю от 29 августа 1895 г. // Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 50.

[194] Письмо родным от 23 апреля 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 13. Л. 20.

природа лучше всякой попытки вообразить красивое место. Горы становятся диче, огромнее, между ними бегут быстрые потоки голубые, с розовой полосой посередине, от каменистого дна. Первое время просто дуреешь: 26 туннелей сразу, на секунду выскочишь, увидишь спереди красноватые желтые горы с туманными шапками, сзади розовые, воздушные, которые невольно принимаешь за облака, только неподвижные, – и вот опять в темный туннель, где мигают по сторонам какие-то огоньки (факелы, что ли). Но вот кончились туннели, горы расступаются шире и шире (день был серый, краски заката пропали), и наконец мы в долине, мелькают живописные городки и деревни, и наконец, чтобы дать покой утомившимся глазам, спадает южная ночь, без звезд и луны, но не наша белая, а темно-темно-серая. Перед самой Венецией с полчаса поезд идет по дамбе, с обеих сторон море[195].

[195] Письмо И. Ф. Анненского к Н. В. Анненской от 7/19 июня 1890 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905. С. 66–67.

17

Железнодорожный мост Ponte della Liberta (3850 метров и 222 арки) – на момент строительства – длиннейший в мире – первое из венецианских чудес («колоссальное сооружение во вкусе древнего Рима»[196]), которые видел прибывающий в город путешественник, так что без его описания не обходится почти ни один прозаический травелог. Выехавшие из Вены ранним утром прибывали к пункту назначения при свете луны, что дополнительно украшало картину: «Сразу за Веной начались дикие горы, как в Тироле: стало холодно, грозно, туманно; на одной станции вышли гулять; весь день тянулись горы; вечером очутились в Италии: стало тепло; а когда блеснуло по обоим сторонам поезда бирюзовое, освещенное луной сквозь туман Адриатическое море, то стало радостно; показались огни Венеции»[197].

Последние километры пути произвели особенное впечатление на сестру любителя беспошлинных папирос: «Я посмотрела в окно и, пораженная, воскликнула: „Что это?“ Поезд мчался будто по воде, и с той и с другой стороны его была вода, он как бы рассекал широкую, тихую лагуну. Луна из-за туч озаряла ее нежизненным серым светом, серебрилась вода, серебрилось небо, и даль терялась в серебряной мгле…»[198]

Совсем по-другому восприняла их другая наша свидетельница, Вера Леонидовна Андреева, дочь Леонида Андреева. Юная героиня ее полуромана-полумемуаров в сопровождении брата и сестры едет из Рима в Прагу через Флоренцию и Венецию:

> Поезд шел по сероватой, покрытой предрассветным туманом равнине; сквозь волны низко стелющегося тумана были неясно видны силуэты бесплотных деревьев, их верхушки, как паруса призрачных кораблей, кругловращательным <так> движением плыли по волнам, не рассекая их, а двигаясь как бы вместе с ними к каким-то неведомым берегам. На фоне туманной стены были отчетливо видны только телефонные столбы с проводами – столбы стояли близко к железнодорожной насыпи, и было видно, как провода все разом слегка спускались вниз и потом стремительно возносились вверх к столбам и те ударяли по ним с какой-то злорадной силой, как бы пресекая их вдохновенный порыв и бросая обратно на скучную землю. Постепенно туман стал похожим на прозрачную кисею, сквозь которую проступали и предметы, более удаленные от железнодорожной насыпи. Все видимое стало понемногу окрашиваться в розовый цвет, розовым блеском засверкала роса на траве, порозовели поверхность пруда и легкая завеса колышущегося тумана, а в зеркальной поверхности воды отразилось длинное алое облачко, неподвижно стоящее в розовом небе. И вдруг длинные лучи, как красные стрелы, брызнули откуда-то слева – и я поняла, что взошло солнце.
>
> Довольно бесцеремонно я растолкала Тина, и мы спустили тяжелую раму – свежий холодный воздух упруго ударил по лицам и как бы обмыл их ледяной водой. Ослушавшись строгого приказа железнодорожного бога, мы высунули головы из окна. Всего одно мгновение смотрела я вперед, но этого мгновения было достаточно: я запомнила – поезд мчится прямо на восток, в клубах белого дыма от паровоза встает огромное багровое солнце, а впереди до самого

[196] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 223.

[197] Письмо Андрея Белого к матери от 17 декабря 1910 г. (н. с.) // «Люблю Тебя нежно…» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Сост. С. Д. Воронин. М., 2013. С. 112.

[198] «Connais-tu le pays ou fleurit l’oranger» Воспоминания юной барышни, путешествовавшей по Италии. Публикация И. Л. Решетниковой // Встречи с прошлым. Вып. 11. М., 2011. С. 26.

горизонта простирается бесконечно широкая гладь воды… Я оглянулась на Тина и увидела его широко открытые глаза: казалось он видел мираж, чудо, которое нельзя осознать, которому нельзя верить…

– Ты видел? – прошептала я. – Это же море!..

– Море! – как эхо повторил он. – И мы летим прямо в море!..

Действительно, уже не оставалось сомнения, что безумный поезд сейчас будет поглощен волнами. Сзади оставалась только узкая полоска суши, еще мгновение – и синяя гладь раскинулась под окном и закрыла землю… Как же так – поезд не погружается в воду, а летит дальше – и колеса все так же мерно перестукивают по рельсам над самой ее поверхностью… Мы кинулись в коридор, к противоположному окну, но и там было море, а берег едва различимой полоской виднелся позади. На наших лицах так красноречиво было написано наше недоумение, что пожилой итальянец, стоявший у окна, усмехнулся и сказал:

– Чего вы удивляетесь? Мы едем по насыпи, специально сооруженной через Венецианскую лагуну для проезда поездов в Венецию. Скоро вы увидите город! – и он махнул рукой куда-то в глубь моря.

Чуда никакого не оказалось, но все-таки было очень странно, что вокруг поезда вода, к этому нельзя было привыкнуть. Прозрачная голубоватая вода не была глубокой. Было даже видно главное песчаное дно.

– Метра три-четыре, – сказал Тин.

Я снова высунулась из окна и посмотрела вперед – и увидела поднимавшиеся прямо из воды купола, башни и дома большого города. Без признака земли, без кромки берега, без растительности выросли из воды золотистые стены домов, хаос низких и высоких, плоских и островерхих красноватых крыш, белые мраморные дворцы, ажурные арки, зеленоватые купола, а поезд все шел, золотисто-розовый город приближался и вскоре занял все видимое пространство. Через несколько минут поезд замедлил ход, и мы въехали под темные своды вокзала – самого обыкновенного вокзала с перронами, с киосками, с шарканьем многочисленных ног, с шипением паровозного пара, с возгласами носильщиков, с приветственными объятиями и поцелуями встречающих. Было дико думать, что мы только что мчались среди голубой теплой воды…[199]

При ярком дневном свете подъезжал к Венеции будущий автор подробного итальянского путеводителя, скрывший свое имя за псевдонимом В. М. С.:

Наш путь лежал через огромный мост, считающийся одним из замечательных в мире. Он переброшен через лагуну всего 60 лет тому назад, состоит из 222 арок и имеет в длину 3½ килом., служа искусственным перешейком, соединяющим с материком этот удивительный и, в своем роде, единственный по своему местоположению город. В самом деле, где же во всем мире можно найти двойник Венеции? Для глаза как-то непривычно было видеть посередине воды человеческое жилье и, тем более, целый город, окруженный предместьями, проливами, мелями и широким поясом моря. Издали представлялся он каким-то огромным чудовищем, которое выплыло из морской глубины погреться и понежиться с семьей своих детенышей на теплом южном солнышке. Воздух был влажен и сливался с бледно-голубым

[199] Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 242–244.

> морем. Казалось, что чешуя чудовища тонула где-то в голубом просторе. На безоблачном небе ярко и весело сияло солнце, мягко озаряя тихую гладь лагун, среди которых, по бесконечно длинному мосту, быстро несся наш поезд. Там и сям на зеркальных лагунах виднелись рыбачьи лодки и баркасы для перевозки тяжестей с характерными венецианскими парусами. Чем ближе к городу, тем число судов разного типа увеличивается. Вот уже в золотистой мгле воздуха стали нежно вырисовываться мягкие очертания морской красавицы и прежней гордой и непобедимой царицы Адриатики. Казалось, что мы приближались к ее сказочному царству, отрезанному от всего мира, где все должно быть так фантастично и призрачно, полно самого живого и захватывающего интереса. Я сгорал нетерпением поскорее ознакомиться с этим волшебным царством[200].

Впрочем, иным путешественникам удавалось устоять и перед очарованием дороги, и перед необычностью моста, хотя и их беспристрастность пасовала перед конечным пунктом путешествия:

> Из расхваленной и неописуемой красоты итальянских пейзажей, признаться, я ничего за целый день езды не увидел, кроме станционных будничных зданий и пыльных участков земли с деревьями, перевитыми гирляндами дикого винограда. Несмотря на усталость я жадно вглядывался в эти участки, ища обещанных апельсиновых рощ и зреющих лимонов, – увы, напрасно! Все те же станционные сараи и тощие запыленные деревья, обвитые серым плющом.
>
> Но вот – какая-то дамба, мы едем по ней; справа и слева – вода; начинается что-то вроде сна[201].

[200] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. С. 5–6.

[201] Пастернак Л. Записи разных лет. М., 1975. С. 67.

18

Обычно путеводители рекомендовали путешественнику оставить багаж на станции за символическую плату (10–15 чентезимо с единицы) и, не торопясь, выбрать себе гостиницу, а уже потом послать за пожитками, – но в Венеции план действий был другой. Некоторая доля прибывающих бронировала номера заранее по телеграфу, поскольку в сезон можно было столкнуться с нехваткой мест: так, сюжет рассказа банкира-мистика В. К. Келлера «Призраки Венеции» завязывается благодаря тому, что для визитера не находится комнаты в отелях и он вынужден пользоваться гостеприимством гондольера[202]. Некоторая доля независимых странников садилась на пароход-вапоретто, ходивший по Большому Каналу до Giardini с раннего утра до полуночи (интервал движения – 15 минут, билет – 10 чентезимо, багаж бесплатно)[203]. Но основным транспортом для поездки от вокзала до отеля была гондола.

У перрона прибывающий поезд встречали комиссионеры всех крупных венецианских отелей – те, у кого были заранее забронированы номера, просто передавали им багажные квитанции и садились в гондолу; прочие могли выбрать между конкурирующими предложениями гостиниц. Непосредственно в процедуре препровождения пассажиров в гондолу принимало участие несколько лиц – facchino (ведающий багажом носильщик), rampino – старичок с багром, придерживающий лодку[204] в небезосновательной надежде на два сольди, комиссионер-распорядитель и сам гондольер. Смена земной стихии на водную и первые минуты пути между вокзалом и гостиницей – один из центральных пунктов любого венецианского травелога. Приведем первым отрывок из воспоминаний М. Де-Витта, чей единственный известный нам вклад в литературу – публикация мемуарного отрывка в сборнике, издававшемся учениками Уманского среднего строительно-технического училища. В момент путешествия ему было семь лет:

> В Венецию мы прибыли поздно, часов в 12 ночи. Пройдя вокзал, мы вышли на другую сторону здания. К моему удивлению, вместо улицы я увидел большой, широкий канал, наполненный водою, который, как мы потом узнали, называется «Канал Гранд»; он заменяет в Венеции главную улицу: вместо извозчика нам подали «гондолу» – род лодки, окрашенной в черный цвет. На гондоле помещается будка, обтянутая снаружи и внутри темным сукном. Руля гондола не имеет, лодочник, или как он там называется «гондольер», стоит на корме лодки-гондолы лицом к ее носу и гребет одним веслом.

---

[202] «– Теперь сезон; комнаты надо заказывать заблаговременно телеграммой.– Да вы, вероятно, полагаете, что я сам деньги делаю? Телеграммой заказывать комнату. А! Подумаешь, принц путешествует» (Келлер В. Глаза зверя. Пг., 1916. С. 248).

[203] Ср. афористическое описание транспортной дилеммы: «<…> vaporetti зато – шумные и веселые, и на них можно узнать много любопытных вещей. Они были бы, пожалуй, вполне терпимы, если бы эти милые бывшие республиканцы курили менее демократический табак и если бы собаки капитана не клали тебе на колени свои мокрые лапы» (Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 150). Впрочем, уже в начале века технический прогресс, воплощаемый вапоретто, иным казался несовместимым с Венецией: «И как ко всей этой поэме не подходят наши пароходики, которые снуют по каналу, свистят и шипят и волнуют тихие воды. Впрочем, эти пароходики очень удобная и дешевая штука, можно по всему каналу взад и вперед ездить любоваться дворцами – и это удовольствие стоит гроши» (письмо К. Ф. Богаевского К. В. Кандаурову от 29 января 1909 г. // Панорама искусств. Т. 4. М., 1981. С. 150).

[204] Об этом характернейшем венецианском типаже вспоминают многие мемуаристы: «Гондола наша приблизилась к берегу, и перед нами тотчас выросла худая, небритая фигура в характерной шляпе и плаще итальянского пролетария, с багром в руке, которым он живо притянул нас вплотную к ступеням пристани. Это тоже промысел своего рода, которым бедняки набирают себе несколько десятков сантимов в день на стакан вина и кусок хлеба. Сеньор этот будет ждать нас до выхода из церкви, кликнет, когда нужно, гондольера, расположившегося, в ожидании своих пассажиров, отдыхать или завтракать, и опять поможет нам сесть в гондолу, как помогал сейчас выйти из нее» (Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 260).

> В эту гондолу да еще и ночью было довольно жутко садиться при слабом вообще освещении Венеции. Когда мы сели в гондолу, то она погрузилась в воду почти до краев, и я, имея от роду 7 лет, испугался не на шутку… Мы ехали долго, около часу до гостиницы[205].

Совсем другим было впечатление у семнадцатилетней М. А. Пожаровой, с чьими путевыми заметками мы уже встречались:

> Поезд прошел через лагуны. Мы в Венеции.
>
> Когда я вышла с вокзала и стала в гондолу, передо мной развернулись очарованные берега сказки и сама я стала играть роль заблудившейся странницы, попавшей в фантастический город.
>
> Лунная ночь задумчиво ласкала трепетную воду осеребренного, убегавшего в смутную даль канала; длинные красноватые отражения фонарей дробились в мерцающей зыби, а ряд темных зданий, погруженных в сонное безмолвие, отбрасывали, как траурные вуали, мглистые полосы холодных теней. Я смотрела едва дыша, охваченная оцепенением, вся во власти нового, неизведанного чувства, которое постепенно спускалось в душу глубокой и таинственной истомой.
>
> Длинная и тонкая гондола легко и спокойно скользила вперед, под убаюкивающие всплески весел, и чудилось, что это черный лебедь несет тебя по волшебной стране. Вот тусклая линия маленького канала выбегает из сумрака зеленоватой лентой – и быстрым, почти неощутимым поворотом мы въезжаем в чужое пространство воды, сдавленное почерневшими, местами облупившимися, стенами. Два-три одинокие огонька мерцают рубиновыми точками, старый мост перекинулся изогнутой аркой, как единственное звено между этими мрачными домами, загадочно выплывающими из его водной глубины. И чувствуешь, что ты – в средневековой легенде, и спрашиваешь себя, наяву ты или во сне. Фантазия растет с каждым мгновением, пополняя таинственными образами эту удивительную, невообразимую действительность. Невольно вздрагиваешь от звука шагов по мосту, представляя себе нагнувшуюся к перилам сумрачную фигуру в атласном плаще, с надвинутой на лицо шляпой. Еще несколько маленьких улиц – и перед вами развертывается Большой канал, весь светлый от лунного блеска и от горящих фонарей, весь серебристо-зеленоватый, с широким горизонтом вдали, с ласкающей красотой своих мраморных палаццо, которых не успеваешь разглядеть, но уже чувствуешь все обаяние их тонкой и прихотливой прелести. Последний поворот, последние взмахи весла, разбивающие искристую воду. Ошеломленные всем увиденным, озадаченные до глубины души, чувствуя, что этот странный город перевернул все мои прежние понятия, я схожу на берег и бросаю последний взгляд на рассеянную вокруг загадочную красоту[206].

Уже хорошо знакомая нам семья, неудачно прятавшая папиросы перед итальянской таможней, была избавлена от хлопот с потерянной багажной квитанцией (легковерным итальянским носильщикам оказалось достаточно того, что ключи пассажира подошли к замкам сундуков), но не без труда поместилась в неустойчивое транспортное средство:

---

[205] Де-Витт М. Воспоминания о Венеции // Сборник «Литературный путь» / Сост. под руков. препод. В. А. Зыкова. Умань, 1916. С. 8.

[206] ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 217. Л. 11–12.

Действительно, мы были in dreamy-land. Час был поздний, тот час, когда верится, что призраки оживают на земле, и перед нами призрачно и пустынно простиралась вода, а анфилада дворцов, опрокинувшись в серебристую струю, будто догорала в глубине ее огнями давно минувших праздников. Все было безмолвно, и как во сне отсутствовал звук. У широких ступеней, таинственно закрытая, вся черная, ждала нас гондола с молчаливым гондольером на корме. Наш спутник, закутавшись в плащ, с учтивостью и вежливостью какой-то давно прошедшей эпохи подал нам руку, чтобы спуститься в гондолу, но вряд ли мы проявили подобающую грацию знатных дам былых времен; помнится мне, что мы скорее проявили некоторую неловкую робость, и Т. М., высокая и полная дама, так ухватилась за своего мужа, что едва не повалила его в воду. Этот инцидент вызвал едва заметную улыбку у нашего элегантного спутника, но зато, когда мы все вчетвером втиснулись в низкую закрытую гондолу, стало совершенно весело.

Мы плыли по Canale Grande, и, как все итальянцы, с любовью и гордостью относящиеся к своей стране, молодой офицер рассказывал нам историю каждого знаменитого палаццо, мимо которого мы проплывали. И неудивительно, что мне, слушая его, начинало казаться, что мы не прозаичные русские путешественники, мчавшиеся весь день в поезде в сутолоке современной жизни 19-го столетия, а что-то вроде призраков 15-го века, в апогее славы Венецианской республики, и плывем на блестящий маскарад или какой-нибудь торжественный морской праздник. В темноте гондолы кто-то, близко наклонившись, произносил певучие слова, и черные глаза сверкали из-под низко надвинутого головного убора. Два-три раза, пока мы плыли, наш гондольер протяжно прокричал: «Sta-ii», и звук застывал в темных волнах, и в ответ ему раздавался другой возглас отдаленный, как эхо: «Fre-nii», и такая же, вся черная, таинственная гондола, тихо мерцая огоньком, как блуждающий дух, тихо проплывала мимо нас[207].

Почти всегда основная часть плавания проходила по Canale Grande, на который, собственно, выходили парадные подъезды главных венецианских отелей (о чем см. далее), но гондольер, нанятый О. А. Израэльсоном (выступавшим в печати под мимикрирующим псевдонимом Осип Волжанин), решил срезать путь и повез своего седока короткой дорогой:

– Venezia, signore!

Поезд остановился, и пассажиры стали выходить из вагонов. Вслед за другими вышел и я. Длинный дебаркадер был плохо освещен; мелькали желтые огни одиноких электрических фонарей. Скоро мы достигли площадки перед выходом с вокзала. Кругом чернела масса воды, все тонуло во мраке ночи. Смутно выступали стоящие прямо в воде ряды белых зданий. Как раз перед вокзалом высилось здание, увенчанное большим куполом, по-видимому, церковь. Это было очень оригинально и необычно и сразу давало представление о своеобразной, единственной внешности города на воде. Около вокзала в темноте копошились длинные гондолы.

Публика мало-помалу стала усаживаться в них, как у нас усаживаются с вокзалов на извозчичьи пролетки, вместе с багажом и уплывала бесшумно в темноту, к смутно белеющим зданиям.

---

[207] «Connais-tu le pays ou fleurit l'oranger». Воспоминания юной барышни, путешествовавшей по Италии. Публикация И. Л. Решетниковой // Встречи с прошлым. Вып. 11. М., 2011. С. 27.

Сначала мы плыли широким каналом, потом завернули в какой-то узенький коридорчик, с домами, стоявшими с двух сторон так близко, что можно было дотронуться до них. Из этого коридорчика завернули в другой, третий и проплыли их целый ряд; иногда над нашими головами темнели небольшие узкие мостики. Через эти мостики изредка проходили одинокие путники, и шаги их странно-гулко звучали в тишине и безмолвии ночи. Каждый раз, перед тем, как завернуть в новый коридорчик, гондольер наш в довольно широкополой, по-видимому, традиционной шляпе что-то резко кричал, иногда ему в ответ откликались, и тогда навстречу нам неожиданно выползала такая же гондола и как-то удивительно легко пролетала мимо нас, точно это была не лодка, а черная, странная, загадочная птица.

Проблуждав по целому лабиринту узких, темных коридорчиков, мы снова выплыли на широкий канал, – это был Canal Grande, – с рядами больших зданий и освещенных окон в них. Где-то подле них в нескольких местах маячили желтые огоньки. Это встречали с фонарями в руках у отелей приплывающие лодки с туристами. К одному из этих зданий с блуждающими огоньками внизу направились и мы[208].

Классическим путем везли Андрея Белого и А. А. Тургеневу: их венецианская поездка представляется среди всех писательских едва ли не рекордной по соотношению проведенного в Венеции времени и объема итогового травелога: Белый описывал ее трижды, каждый раз наособицу, в трех больших очерках[209] (не считая писем с пути и упоминания в мемуарах):

Помню, как встала из моря Венеция стаями дальних домов, открывавших пунцовые и золотые огромные очи; на нас поглядела очами; и к нам приплывала домами; втянула в вокзал, переполненный гомоном, рыком и свистом:

– «Facchino!..»

И он – появился, схватив наши вещи; мы мчались куда-то за ним сквозь вокзал мимо касс, обвисающих черными, петушиными перьями бравых жандармов с такими усами, что – ооо!

Оказались у берега, в берег, живее, плескали яснейшие воды канала; и то – «Canal Grande»; он весь – в диадеме огней, раздробляемых, пляшущих змеями; тихо плывут, подплывая, какие-то черные лебеди; ближе – и нет: катафалки. Подплыли: гондолы!

Изогнутым носом одна закачалась у ног; задрожала корма под ногою у Аси; когда гондольер протянул свою руку; другою вцепившись в весло, им отталкивал нас; полетели по ясной воде; диадемы огней зализали гондолу, перебегая от дальнего берега: встретились с грезой своей, в ней зажили; а прошлое: Вена, Варшава, Москва – отплывали. <…>

Я помню тот миг: гондольер, повернувшийся к нам, показуя куда-то веслом, говорил:

– «Дворец Ферри!»

Пятнадцатый век обставал; вот – Риальто; и вот – Джакометто; и некогда тут проходили суда, нагруженные винами; тут от Риальто до Марка шли линии ароматических лавок.

---

[208] Волжанин О. Венеция // Русская иллюстрация. 1915. № 18. С. 15.

[209] Белый А. Путевые заметки. I. Венеция // Речь. 1911. № 24. 25 января. С. 3; Белый А. Офейра. Путевые заметки. Часть первая. М., <1921; на обл.: 1922>. С. 11–25; Белый А. Путевые заметки. 1. Сицилия и Тунис. М., 1922. С. 20–40.

Смежили глаза; и – бесшумно скользили куда-то; открыли: все – пусто; ни звука, ни тени; пожалуй, есть звук переплеска подъездов (подъезды ступенями сходят в зеленую воду); пожалуй есть тени домов: косяки, как платки, на луне; и – канал проходил за каналом.

Площадь размерами с комнату изредка справа и слева порой открывалась; от серого, тусклого бока палаццо над ней изгибался, тусклейший фонарь, освещая резное, какое-то неживое пространство; и призрак гондолы чернеющим клювом скользнул мимо нас.

Поворот: и вот – мостик; под ним проезжаем; по мостику сверху бегут: топотня голосов и шагов; края модного магазинчика бросили ярко в канал светоглазые окна; и светопись, переливаясь рыбёшками, пробриллиантилась в мутно-зеленой воде; и опять – никого; тихо плакало в сумрак весло под немыми палаццами; тихо мелькнула своим катафалком гондола; и тихое тренье гондол; громкий окрик, и – лебедь иль гроб (я не знаю) такой теневой, такой черный, изрезанным клювом – прошел в темноту[210].

[210] Белый А. Офейра. Путевые заметки. Часть первая. М., <1921; на обл.: 1922>. С. 17–19.

19

Пассажирские гондолы были двух типов (вероятно, свободно трансформируемые из одного в другой) – с кабиной, обитой мягкой черной тканью, и полностью открытые; первые обходились немного дороже[211]. Для русской читающей публики рубежа XIX и XX веков, благодаря многолетним усилиям иллюстрированных журналов[212], внешний вид и устройство гондолы давно не были секретом, так что подробные ее описания в мемуарной литературе немногочисленны:

> Мы великолепно уселись на мягких кожаных сиденьях, с откидными и весьма удобными спинками, тихо отчалили от берега и предались «*полному кейфу*» и новым впечатлениям.
>
> Старик гондольер, хриплым голосом, с каким-то особым акцентом, пытался завязать с нами разговор, очевидно желая дать нам те или другие разъяснения и быть нашим «cicerone», чтобы заработать на «чаек», до которого итальянцы большие охотники. Мне же так хотелось сосредоточиться на всем виденном, ничего не пропустить, все схватить, запомнить, осмыслить, пережить и перечувствовать… Я весь превратился в зрение и слух, отдавшись всецело новым настроениям, сразу охватившим душу и сердце. Медленно и плавно скользила наша гондола. Меня чрезвычайно заинтересовало ее устройство. Нигде во всем свете, кроме Венеции, нет такой гондолы. Это в высшей степени своеобразное сооружение, напоминающее своим видом сигару. Приблизительная длина гондолы около 15 аршин, а ширина от полутора аршин и более, смотря по надобности. На передней части ее, крытой деревом, находится красиво выгнутый металлический гребень, с несколькими горизонтальными зубцами, окрашенный в один цвет с гондолой. При плавном и ровном ходе ее чрезвычайно грациозный гребень удивительно похож на красиво изогнутую шею лебедя. Венецианцы называют это оригинальное украшение «il ferro della gondola» (железо гондолы). В подражание такому характерному предмету они делают «ricordo da Venezia», – «на память о Венеции», разные мозаичные безделушки: ручки, ножи для бумаги, брошки, брелоки и пр. Около задней части гондолы, также плоской и крытой, оканчивающейся острым крючком, обычно помещается гондольер на особой подставке, или палубке, называемой «рóрра». Он гребет всегда стоя, действуя

---

[211] Письмо И. Ф. Анненского к Н. В. Анненской от 7/19 июня 1890 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905. С. 67. Ср. в его венецианских дневниковых записях: «Гондолы закрыт<ые> и открыт<ые>. Нет глупого любопытства. Важное спокойств<ие> вот характ<ерная> ч<ерта>. Каждый самостоятелен» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 57).

[212] Вот для примера предварительный каталог венецианских изобразительных материалов, по большей части с прозаическими пояснениями, помещенных лишь в одном из них (правда, зато, в самом популярном) – в «Ниве»: Венецианка XVI века // 1879. № 9. С. 168–169; Вечер в Венеции // 1880. № 1. С. 4–5; Венецианка // 1880. № 32. С. 641; Венецианка у колодца // 1887. № 8. С. 200, 212; Последние минуты венецианского дожа Марино Фальери // 1887. № 28. С. 701–703; Венецианский рыбачок // 1887. № 32. С. 789, 796; На празднестве в Венеции // 1887. № 37. С. 909, 915–916; У венецианского мастера // 1889. № 18. С 453, 470; Венецианская рыбачка // 1890. № 3. С. 73, 82; Голуби Сан-Марко в Венеции // 1891. № 4. С. 73, 88; Перед Советом Трех в Венеции // 1891. № 40. С. 860–861, 872; Венецианские разносчики // 1893. № 20. С. 473, 476; Карнавал в Венеции // 1894. № 8. С. 172–173, 178; Вербное воскресенье в Венеции // 1894. № 15. С. 340–341, 352; Б. п. Мост чудес. Венецианское предание // 1894. № 39. С. 927–928; Праздник цветов в Венеции // 1896. № 36. С. 903, 905; На Риальто в Венеции // 1898. № 20. С. 385, 396; Венецианка. Карт. Цеццос // 1900. № 3. С. 45; Венецианка. Карт. Блааза // 1900. № 17. С. 333, 339; Венеция. На Canale Grande // 1900. № 35. С. 685, 699; Объявление эдикта в Венеции в XV веке // 1900. № 47. С. 936, 940; В Венеции. Карт. Барисона // 1901. № 7. С. 125, 135–134; Падение колокольни Св. Марка // 1902. № 28. С. 562; № 29. С. 579–581; Венецианка. Картина Кржежа // 1903. № 35. С. 697; В Венеции в XV столетии // 1904. № 34. С. 668; Венецианские купцы-грабители. Карт. И. Мясоедова // 1910. № 12. С. 225; Вельц И. В лагунах Венеции // 1914. № 32. С. 624.

> чрезвычайно ловко и быстро одним веслом, вставленным в особого рода уключину. Посредине гондолы устроен великолепный кожаный диванчик, в два сиденья, с высокими, мягкими и откидными спинками, а по сторонам его, с такими же мягкими и удобными сиденьями и спинками, скамеечки и подвижный стул. Для жарких, солнечных дней гондола снабжена прекрасным паланкином, а для холодной и ненастной погоды деревянной будочкой, с дверцами и оконцами, вполне заменяющими нашу карету, только с гораздо большими удобствами и комфортом[213].

Твердого тарифа на поездки не было, так что сведения о ценах значительно разнятся – в 1900 году путеводитель советует платить за гондолу с одним гребцом – одну лиру в час, с двумя гребцами – две (последним вариантом почти никогда не пользовались[214], за исключением поездок на Лидо, о чем см. далее); перевозка багажа стоила 15 чентезимо за место[215]. В путеводителе 1911 года указано:

> 4- и 6-местные гондолы с их кожаными, набитыми перьями, подушками, в Венеции заменяют извозчиков. На больших каналах с ними конкурируют пароходы, но на малых – они составляют единственное средство сообщения, если не идти пешком. В черте города им по часам платят за 1 или 2 пассажиров по 1 лире; за 3 или 4–1½ л.; за 5 или 6–2 л. За каждые полчаса дальше – половина этого тарифа. За город на 50 чент. в час больше. С начала зажигания фонарей на улицах на 30 чент. дороже. На чай дается 50 чент. и за многочасовую поездку 1 л. О цене всегда нужно уговориться заранее. При найме по часам нужно показать гондольеру который час, сказав Allora. Для небольших концов всегда можно предложить цену ниже тарифа. При посадке на берег непременно является «rampino», помогающий держать гондолу. Ему достаточно дать 5 чент. Остерегаться поскользнуться на мокрых ступенях[216].

В 1913 году рекомендуется платить полторы лиры в час при одном-двух пассажирах и две при трех-четырех[217]. В путеводителе Филиппова советуют платить 1 лиру за час днем и полторы ночью, не оговаривая число пассажиров, но упоминая возможность вдвое ускорить путь, наняв гондолу с двумя гребцами за двойной тариф[218]. О возможности уменьшить первоначально заявленную цену свидетельствуют и многие путешественники: «А на самом деле с гондольерами торгуются, как с извозчиками. И ругаются они друг с другом, как извозчики, крича на венецианском диалекте: „Подойди, подойди – я тебе вырву и съем сердце!“»[219]

---

[213] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. С. 116–117. Ср. развитие этого же сопоставления в травелоге военного инженера А. Н. Маслова-Бежецкого: «Гондола, в которую я уселся вместе со своим чемоданом, была длинная, черного цвета лодка с высоким носом, украшенным чем-то в роде алебарды, и, не знаю почему, напомнила мне петербургские дрожки. Посередине устроено что-то такое среднее между каютой и балдахином, тоже черного цвета» (Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. СПб., 1897. С. 256).

[214] Отрадным исключением из этого правила был профессор А. Н. Веселовский, пробывший в Венеции один день в 1861 году: «Вам кажется плавучим гробом эта гондола с тесною каютой посредине, вся закрашенная в черный цвет. Вы просто недовольны; но мало-помалу глаз приучается, и вы скажете, что ничего не видали изящнее той же самой гондолы, когда, высоко подняв окованную железным гребнем шею, она неслышно скользит по лагуне. С ней сравнится разве только константинопольский каик, но каика я не видал. Вода не шелохнется; из ее глубокого зеркала смотрят на вас, по обеим сторонам лодки, два смуглых лица: это гондольеры свесились и гребут так тихо, что едва слышны всплески» (Веселовский А. Один день в Венеции (1861) // Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 4. Вып. 2. СПб. 1911. С. 14–15).

[215] Жданов Л. Г. Русский в Италии. С. 54.

[216] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 65.

[217] В. М. С. Первая экскурсия в Италию с маршрутом на 28 дней, записью практических сведений и дорожным словарем. С. 279.

[218] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. 87.

[219] Страхова С. Венеция // Журнал Содружества (Выборг). 1937. № 6. С. 9.

В венецианской ночной тишине, степень непроницаемости которой была невообразима для жителей больших городов, особенно запоминались таинственные возгласы, которыми гондольеры обменивались друг с другом:

> Странно сразу действует в Венеции тишина и бесшумность, и в этом есть что-то удивительно успокаивающее. Даже предложения услуг делаются с особой дискретностью… Не спеша носильщики-факины уложили наши (довольно многочисленные) чемоданы, и вот мы уже плывем, сначала мимо не очень казистых построек, мимо барочной церкви Скальцо (в которой тогда еще развертывался божественный плафон Тьеполо, погубленный в первую мировую войну), а там, после мягкого поворота, появляются один за другим чудесные мраморные дворцы, из которых иные мне кажутся старинными знакомыми. Вот Labia, вот Vendramin Callergi, вот Ca'd'Oro, вот и «родной» мост Риальто. У грандиозного почерневшего мраморного палаццо Гримани гондольер сворачивает в боковой, узкий и темный канал. То и дело теперь подплываешь под небольшие мосты, по которым тянутся в том и другом направлении вереницы прохожих; шаги их отчетливо слышатся в общей тишине. Это тоже мне представляется чем-то *родным*… И еще каким-то «воспоминанием» представляется мне крик «поппэ!», которым гондольер дает о себе знать, подплывая к какому-либо повороту или к перекрестку[220].

Части наблюдателей они казались вовсе нечленораздельными: «Особым криком какой-то хищной птицы предупреждают они при поворотах каналов идущие навстречу лодки, и мне не случалось видеть, чтобы при самых неожиданных встречах быстро выплывающих из-за угла гондол они хотя бы раз столкнулись друг с другом»[221]; «Гондольер плавно, бережно и молча скользит в узких каналах, и вдруг, как крик совы, из тишины ночи вылетает окрик его, чтобы легче разъехаться на углах канала»[222]; «Протяжно кричит гондольер, – и вы сворачиваете в маленький канал, тесный и темный»[223]; «При поворотах гондольер издает очень характерный предостерегающий возглас»[224]; «Но вот гондольеры обменялись какими-то гортанными криками, не то приветствиями, не то предостережениями, и мимо борта нашей гондолы промелькнула, как тень, не прикоснувшись к нам, другая гондола»[225]; «Снова заблестела вода и на ней целый ряд черных гондол с фонариками на носу. Гондолы ужасно длинные – сажень шесть; сидеть в них очень удобно; гондольер стоит сзади и управляет одним веслом.

Мы тронулись; каналы узки, темны, на поворотах гондольер как-то особенно рычит»[226].

В большинстве же случаев путешественники старались разобрать слова, из которых состояли эти взаимные предостережения, хотя и звуки, и значения им слышались разные: «Мы долго плыли темными, узкими каналами „rii“, как они тут называются; театрально и нереально извивались они между мрачными домами, кое-где тускло освещенными, и нашему гондольеру постоянно приходилось певуче и протяжно выкрикивать предупредительное „sta-ii“»[227]; «Джа-э! (вот) громко выкрикивает гондольер при каждом повороте, этим криком предупреждая дру-

---

[220] Бенуа А. Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги четвертая, пятая. М., 1980. С. 40.

[221] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 224.

[222] Пастернак Л. Записи разных лет. С. 67.

[223] Ходасевич В. Город разлук. В Венеции // Московская газета. 1911. № 114. 23 сентября. С. 1.

[224] Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М., 2003. С. 296.

[225] Богданович Т. Повесть моей жизни. Воспоминания. 1880–1909. Новосибирск, 2007. С. 224.

[226] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 136.

[227] «Connais-tu le pays ou fleurit l'oranger». Воспоминания юной барышни, путешествовавшей по Италии. Публикация И. Л. Решетниковой // Встречи с прошлым. Вып. 11. М., 2011. С. 30.

гого гондольера, могущего вылететь ему навстречу из-за угла»[228]; «С Большого канала гондольер сворачивает в боковые каналы. Здесь в некоторых местах так узко, что две гондолы с трудом разъезжаются. При поворотах из предосторожности, чтобы не столкнуться со встречными, гондольер кричит: a-oel! (слушай), sia stali! (вправо), sia premi! (влево), sia di lungo! (прямо)»[229]; «На каналах еще можно слышать старинные окрики: „a-oel! poppe!“ хотя в голосе гондольеров слышится порой шутка…»[230]; «Совсем другое дело, когда poppe, задевая носом гондолы о старый мрамор и сваи, кричит на поворотах каналов: gia-é premé! Это уже, во всяком случае, по-венециански»[231]; «Сажусь в черную гондолу у качающейся воды канала. В удивлении смотрю на высокого гондольера, как, стоя, нагибается он над веслом. На повороте темного канала он говорит:

– Оэээ… берегись….

Соседняя гондола тихо проходит мимо нас»[232].

Подробно (хотя, может быть, и не вполне безошибочно) сигнальная система гондольеров была разобрана путешественником, известным нам под инициалами В. М. С.:

> Вся сигнализация состоит в постоянных и характерных «окриках», которыми обмениваются между собой гондольеры. Эти своеобразные окрики являются как бы особым языком, понятным и свойственным одним гондольерам. Это их специфическая область и своего рода тайна, проникнуть в которую стороннему и любознательному человеку очень интересно. Всех условных окриков на языке гондольеров очень много, но главных из них три: prémi! stáli! и sciar!
>
> Первый оклик означает приказ встречному гондольеру идти *налево*, а второй – *направо*. Преимущество, или честь приказа, всегда остается за той гондолой, которая дает первая о себе знать. Пользуясь правом предупреждения, первый гондольер громко и отчетливо выкрикивает название направления своей гондолы с тем расчетом, чтобы встречная гондола, зная о его курсе, держалась противоположной стороны.
>
> Так, когда первый кричит: «prémi-é», это значит, что *его* гондола держится *левой* стороны, а встречная должна держаться противоположной, т. е. *правой* и обратно: при окрике «stáli-é» дается понять, что *он* держится *правой* стороны, а встречная гондола обязана повернуть *налево*. Вот почему весьма часто туристам не разобраться в этих окриках и они всегда почти смешивают совершенно своеобразные понятия, «направо» и «налево», на языке гондольеров.
>
> Что же касается третьего окрика: «sciar», то он означает приказ встречному гондольеру *сразу* остановить свою гондолу. Такой окрик считается «тревожным» и указывает на то, что, вследствие каких-то случайностей, гондольер попал в какое-то опасное положение и ему нужно некоторое время, чтобы выйти из него, поэтому встречный гондольер должен непременно выждать известный момент для предупреждения неизбежной катастрофы[233].

По некоторым подсчетам, в Венеции начала века было около 825 гондол, из них большая часть (около 600) находилась в муниципальной собственности, а остальные принадлежали

---

[228] Лаврентьева С. И. По белу свету. Путешествие Вани и Сони заграницу. Изд. 3-е. <М., 1915.> С. 380.

[229] Новоселов Ю. Венеция. <СПб., 1907.> С. 8.

[230] Брюсов В. Венеция (От нашего корреспондента) // Русский листок. 1902. № 149. 2 июня. С. 3 (подп.: Аврелий).

[231] Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 171–172.

[232] Константин Коровин вспоминает… М., 1990. С. 324.

[233] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. С. 159–160.

частным лицам. Не все они использовались исключительно для пассажирских перевозок, а часть отдавалась внаем. Одним из постоянных арендаторов был русский художник С. Н. Южанин, подолгу живший в Венеции и испытывавший печальную слабость к одиноким путешествиям по водам лагуны. Благодаря особенностям личности он регулярно попадал в удивительные ситуации и делал об этом долгие записи в дневнике:

> Очень неприятная история произошла со мной 5-го сентября.
>
> На стороне Джудекки я писал берег со старыми деревянными мостиками. Моя гондола находилась в нескольких саженях от берега, на довольно глубоком месте. Устанавливал я ее при помощи веревки, на конце которой привязывал большой камень. Когда по окончании работы я стал собираться домой и вытаскивал камень, то он соскользнул с петли, и я спиной упал в воду. К счастью, я перед этим почти месяц купался в лагуне и наупражнялся в плавании, так что нырнув в полном костюме в воду, я вынырнул и осмотрелся, гондола плыла по течению, и мне надо было ее догнать. Погода стояла довольно теплая, и я не прозяб, но пострадали мои часы, они наполнились водой. После трех дней я понес их часовщику, но их уже нельзя было поправить. Я купил кой-какой инструмент и хотел их поправить сам, разобрал до основания, но собрать не имел времени, и до сих пор они лежат несобранными, и я без часов.
>
> В прошлом году, кажется в декабре или же ноябре, со мной произошел следующий небезынтересный случай: часа в 2.30 дня я поехал в гондоле в лагуны. За стороной Джудекки я хотел поехать к своему пункту не каналом, которым пришлось бы сделать острый угол <…>, а по диагонали. Вода на этом месте невысоко стояла над землею и я поехал в то время, когда она убывала. Мне казалось, что я успею переехать это место, и греб усиленно, но вот гондола стала плохо двигаться вперед. Упираясь в землю веслами, я двигал еще несколько свою лодку, но потом она стала; а до места оставалось саженей 20; я повернул ее назад, но и назад она уже не двигалась. И я застрял на месте. Пункт, где я застрял, был неинтересный, и я написал только облака, озаренные заходящим солнцем и как в зеркале отражавшиеся в воде. Когда вода прибудет, когда я сдвину свою лодку – не знаю, и в тоске ожидал этой минуты.
>
> Пробило 8 часов вечера, проигралась солдатская обычная заря и с каждой минутой всё больше и больше природа замирала. Утих шум людских голосов, доносившихся до меня со стороны Джудекки и набережной Скьявони, протянулись на ночлег запоздавшие барки. А я стоял совсем один. Светила луна и настолько, что я сделал набросок красками, но вот и луну заволокло ползущими облаками. В 10 ч. вечера подул холодный ветер, опустился туман. Туман был сильный, и я сидел как в молоке: то укутавшись в пальто садился на нос лодки и начинал дремать, то вставал и бегал по ней, чтобы несколько согреть зябнувшие члены, то брался за весло и тщетно старался хоть немного пошевелить лодку. Как налитая свинцом она стояла на месте, а весло наполовину уходило в мокрую землю. Минутами казалось, что сойду с ума. К великому счастью, я имел свое теплое пальто, иначе бы я заполучил смертельную простуду.
>
> На некоторое время мне доставили развлечение светящиеся моллюски. Я делал дуги веслом, и они, как бриллианты, сверкали над ним. Кажется, в 11 часов вода стала прибывать. Я следил за приходящими наполнениями, как коршун за своей добычей, и со страшным восторгом схватился за весла, когда под моей лодкой образовалась лужа. Долгое время лодку можно было только вертеть на одном месте, но наконец она сдвинулась. Однако всё же я находился

в безвыходном положении, так как всё было застлано туманом, и я видел только то черное, казавшееся бездонными пропастями, то белые плешины под лодкой. Я направил лодку на бой часов. В Венеции все башни выколачивают часы, и бой их слышится то спереди, то сзади, и я вертелся на своей лодке. В полночь на стороне Джудекки завизжали свиньи, и я направил свою лодку туда. Я слышал и различал звуки и с их помощью добрался до забора и вдруг около него поплыл в Джудекку.

В проезде между Джудеккой и заводами, где поправляют пароходы, я вдруг заметил с правой стороны от себя громадную фигуру, едущую также в гондоле без малейшего шума. Я остановился и фигура тоже остановилась, я присел и фигура присела, тогда я сообразил, что это был мираж, и стал усердно грести, и то же повторяла фигура. Убедившись окончательно, я поехал дальше, держась стороны Джудекки. Фонари были видны только на близком расстоянии, был уже первый час ночи. Вдали раздавался свист парохода, кругом ни души, и только одна гондола быстро проехала мимо меня. Меня очень испугал свет фонаря на стороне Венеции, когда я поехал к Сан-Травазо, мне показалось, что на меня падает пароход, моя гондола была без фонаря, и я мог бы совершенно пропасть. Добравшись наконец домой, я сбросил свое пальто и в одежде повалился на кровать, до такой степени был измучен[234].

Даже с поправкой на известное своеобразие гребца, такое использование гондолы все-таки было нетипичным и большая их часть функционировала в режиме извозчика или таксомотора. Стоянки гондол (каждой из которых руководил специальный распорядитель – gastaldo) были у пьяцетты, рядом с мостом Риальто, у вокзала – и у нескольких главных отелей:

Стоит только показаться иностранцу, как поднимается неимоверный крик десятков хриплых глоток:

– Го́ндола, го́ндола, го́ндола!

Выйдя из гостиницы (тут же на пьяцетте), я подхожу к берегу и делаю знак. С радостным воем гондольер прыгает в гондолу и, как птица, подлетает ко мне. Сейчас же откуда-то из-за угла дома вылетают: 1) здоровенный парень, роль которого – подсадить меня, поддержав двумя пальцами под локоть; 2) другой здоровенный парень, по профессии придерживатель гондолы у берега какой-то палочкой, – хотя гондола и сама знает, как вести себя в этом случае; 3) нищий – по профессии пожелатель доброго пути, и 4) мальчишка зритель, который вместе с остальными тремя потребует у вас сольди за то, что вы привлекли этой церемонией его внимание.

Я сажусь; поднимается радостный вой, махание шапками и пожелания счастья, будто бы я уезжаю в Африку охотиться на слонов, а не в ресторанчик через две улицы.

При этом, все изнемогают от работы: парень, который подсаживал меня двумя пальцами, утирает пот с лица, охает и, тяжело дыша, придерживает рукой готовое разорваться сердце; парень, уцепившийся крохотной палочкой за борт гондолы, стонет от натуги, кряхтит и всем своим видом показывает, что если в Италии и существуют каторжные работы, то только здесь, в этом месте; нищий желает вам таких благ и рассыпается в таких изысканных комплиментах, что не дать ему – преступно; а ротозей-мальчишка вдруг бросается в самую середину этого каторжного труда и немедленно принимает

[234] Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. С. 68–69.

в нем деятельное участие: поддерживает под локоть того парня, который поддерживал меня.

Если вдуматься в происшествие, то только всего и случилось, что я сел в лодку… Но сколько потрачено энергии, слов, споров, советов и пожеланий. Четыре руки с четырьмя шляпами протягиваются ко мне и четверо тружеников, получив деньги, дают клятвенное уверение, что теперь, после моего благородного поступка, обо мне позаботятся и Святая Мария, и Петр, и Варфоломей!

Я говорю гондольеру адрес, мы отчаливаем, тихо скользим по густой воде и, после получасовой езды, подплываем к самому ресторану. Кто-то на берегу приветствует меня радостными кликами. Кто это? Ба! Уже знакомые мне: придерживатель гондолы, подсаживатель под руку, пожелатель счастья и мальчишка поддерживатель поддерживателя под руку.

Они объясняют мне, что слышали сказанный мною гондольеру адрес и почли долгом придти сюда, чтобы не оставить доброго синьора в безвыходном положении. Опять кипит работа: один придерживает гондолу, другой суетливо призывает благословение на мою голову, третий меня поддерживает под руку, а четвертый поддерживает третьего[235].

Сходное впечатление от действия добровольных помощников осталось и у петербургского балетоведа и балетомана В. Я. Светлова:

Какие-то оборванцы наперерыв стараются услужить вам: один поддерживает вас для чего-то особенно бережно под руку, другой выхватывает из ваших рук картонку, третий подсаживает в гондолу, четвертый держит ее за борт, уцепившись за него длинною палкой, на конце которой приделан крючочек. И все это делается с такою предупредительной любезностью, с такой ласковостью, что вам становится совестно предложить этим услужливым господам cinque centesime за их страдания. Однако если вы не догадаетесь этого сделать, то ласковость быстро сменится наглостью, и с вас прямо потребуют дань, ради которой собственно и старается весь этот люд[236].

Столь же соборным действием было и прибытие постояльца в отель:

Гондола тихо подплывает к мраморным ступеням, купающимся в воде. Толпа лакеев наверху уже высматривает жертву.

– Синьору конте угодно номер?..

– Номер для принципе! – кричат вверху.

– Апартаменты для его светлости! – подхватывается там и тонет под аркадами старого палаццо, обращенного в современный Отель, с буржуазным комфортом, против которого, кажется, протестует каждый камень этого дома.

Крайне смущенный всеми неожиданно обрушившимися на мою скромную голову титулами, выхожу из гондолы, но меня моментально подхватывает под руки швейцар и, точно стеклянную посуду, предает в другие руки…

– Я сам… сам пойду.

– Помилуйте… как можно… Господину графу отдохнуть нужно.

– Я вовсе не граф! – оправдываетесь вы.

---

[235] Аверченко А. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южанина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. Пг., 1915. С. 72–74.

[236] Светлов В. Венецианские рассказы. СПб., 1900. С. 469–470.

– Виноват… Я не узнал принца… Готовы ли комнаты синьору принчипе? – кричит он.

– Помещение для его светлости во втором этаже! – отзываются оттуда[237].

[237] Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 56. Немирович-Данченко, не раз бывавший в Венеции и много про нее писавший (ср., кстати: «<…> я был здесь пятнадцать раз и каждый раз подолгу!» – Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 69), был замечен на Лидо одной из наших свидетельниц: «Там мы встретили представительного, с бакенбардами, похожего на русских помещиков конца XIX века, как они изображались в Художественном театре, известного журналиста „Русского слова“ Василия Ивановича Немировича-Данченко. Он жаловался, что, несмотря на отчаянную жару, должен был переодеваться, по законам хорошего тона table d'hot'ов, четыре раза в день. К утреннему завтраку разрешалась пижама, ко второму завтраку – летний костюм, к обеду – визитка или смокинг и вечером, для ужина, казино, café-concerts, балов – фрак. При его плотной комплекции это было трудной службой. Он завидовал нашей демократической свободе от всяких душных повинностей света, нашей, обросшей корой грязи и нищеты, старинной, чудесной, умирающей Венеции. Надевал спортивную рубашку и теннисные фланелевые брюки и ехал с нами вечером посидеть в разных trattoria на маленьких площадях» (Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 72; ср. также краткое упоминание в письме И. Грабаря: «Я встретил тут Немировича-Данченко, он живет на Лидо, – куда я ездил уже раз 6 купаться». – Письмо к В. Э. Грабарю от 29 августа 1895 г. // Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 48–49).

20

Как и в других туристических городах Европы, венецианское гостиничное хозяйство делилось на три неравные части: крупные роскошные отели, преимущественно расположенные во дворцах, выходящих на Большой Канал; небольшие гостиницы, разбросанные по всему городу, и меблированные комнаты, сдающиеся посуточно – иногда с дополнительным пансионом. Последние опознавались обычно по небольшим белым запискам, выставленным в окнах; кроме того, особенно удачные варианты передавались через рекомендации знакомых[238].

При этом вообще итальянские гостиницы смотрелись не слишком выигрышно на фоне отелей в других европейских странах. В общем обзоре С. Н. Филиппов констатировал:

> *Гостиницы*. В больших городах первоклассные, как и везде в Европе, хорошо устроены, но не отличаются особой чистотой. *Второклассные* прямо *грязны*. В общем, и те и другие скорее недороги. Комнаты везде можно иметь от 2–3 лир. Пансион: 5, 6, 7 до 10 л. Следует уговариваться *заранее* обо всем и тщательно проверять подаваемые счета. Служат: официант, девушка и коридорный, или *факкино*.
>
> «*Чай*». Нужно помнить, что «на-чай» играет в И<талии> большую роль *всегда и везде*. 20–50 чентезими открывают часто двери, которые, кажется, не отворяются. Этого не следует забывать[239].

В отличие от многих других городов в Венеции не было специфических русских отелей (за единственным исключением, о котором ниже): список рекомендаций европейского Бедекера и его русского аналога совпадает практически в деталях. Оба они начинаются с Hotel Royal Danieli (Riva degli Schiavoni). Наш путеводитель описывает его так: «Близ дворца Дожей. Свое почтовое отделение и железнодорожная касса. №№ от 5 до 20 л. Стол: 1½, 4 и 6 л.»[240] (в последнем случае предполагается отдельная стоимость завтрака, обеда и ужина). Здесь, например, останавливались памятные нам путешественники, сперва неудачно прятавшие папиросы от таможенников, а позже едва не свалившиеся в воду на вокзальной пристани:

> Мы причалили немного ниже Пьяцетты, где лев св. Марка блестел в туманной вышине, в то время как на часовой башне большие чугунные мастеровые из венецианского цеха, как и в старину, выбивали молотами в большой колокол три часа ночи, и весь изумительный фасад палаццо Дожей еще вычурнее, еще фантастичнее в ночной тишине вырисовывался перед нами. В тускло освещенном вестибюле отеля, бывшего когда-то роскошным дворцом, где дежурный консьерж устало дремал, мы, горячо поблагодарив за внимание, расстались с нашим любезным спутником[241].

---

[238] Так, например, разыскивал себе жилье К. С. Петров-Водкин, собиравшийся идти в Венецию пешком и вообще державшийся в быту провозглашенного им принципа «с деньгами с большими и дурак за границей побывает». В первом же отчете он писал: «Наконец-то я в Венеции. Этот город выстроен на воде и ужасно странно кажется – улицы – это каналы, гондолы – это извозчики. Камень и вода, но зато нет шума колес – ни одной ведь лошади во всей Венеции. Много я здесь насмотрелся и навидался – эти дворцы, храмы, плещущиеся в воде. Ночью вода блестит, отражая огни. Поселился в комнате (мне везет – случайно получил один адрес в Константинополе). Хозяин даже по-русски говорит. Но погодка не балует – дожди, холодно, а они подлецы не имеют печей – в комнате пар от дыхания, но зато как только солнце, так почти жарко на воздухе» (письмо А. П. Петровой-Водкиной от 1/13 <так в источнике> ноября 1905 г. // Петров-Водкин К. С. Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991. С. 80).

[239] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. 47.

[240] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 64. Далее до конца главы выписки из этого источника приводятся без сносок.

[241] «Connais-tu le pays ou fleurit l'oranger». Воспоминания юной барышни, путешествовавшей по Италии. Публикация

Здесь же селились официальные лица – так, дипломат и коллекционер М. С. Щекин, прибывший в Венецию в поисках старинных картин, но не манкировавший и службой, сообщал своему приятелю: «<…> завтра приезжает сюда Посол, провожая семью в Карлсбад и остановится, кажется на несколько дней в Danielli, куда он мне сказал зайти к нему в Субботу»[242]. Отель «Даниэли» был единственным, который смог припомнить Вячеслав Иванов (никогда в нем, кажется, не живший), когда в 1924 году, чудом вырвавшись из СССР, он добрался с двумя детьми до Венеции: «Единственная гостиница, которую помнил отец, – „Даниэли“, роскошный отель, поселиться там было бы крайне неразумно. Но, к счастью, свободных мест не оказалось. Нас направили в маленький пансион по соседству, там нам удалось снять номер, да еще и под окнами нашими спели серенаду. Словом, началась новая жизнь. <…> В Венеции мы пробыли несколько дней, потом уехали в Рим»[243].

Здесь же в 1946 году останавливалась З. Шаховская:

> Десять дней отдыха в Венеции. Англичане поселили меня в блестевшем золотом отеле «Даниэли», в котором останавливались Жорж Санд и Шопен. На Лидо, в роскошном дворце пианист, князь Чавчавадзе, муж Елизаветы де Бретей, давал концерт. Собралось общество, о котором после 1940 года, казалось, уже забыли. Дамы в длинных платьях, сияние драгоценных украшений. Среди них я в поношенной военной форме, напоминавшей об увиденных за последние годы несчастиях и страданиях, чувствовала себя неловко… Ничто не способно изменить мир, но иногда жизнь оставляет приятное впечатление…[244]

Сопоставимым с ним по роскоши и цене был Hotel de l'Europe: «Дворец Giustiniani на Больш. Канале, близ Calle del Ridotto. №№ от 5 до 8 л. Стол 1½, 4 и 6 л.». Эта гостиница была не слишком популярна среди русских путешественников (по крайней мере тех, кто брался после за мемуары). В 1913 году здесь останавливался Л. С. Бакст[245], в 1925-м – В. Э. Мейерхольд (отсюда он писал Вяч. Иванову на фирменном бланке отеля: «Дорогой Вячеслав Иванович, вот и мы в Италии (приехали сюда 10-VII). Напишите нам (*Venezia fermo in posta, V. Meyerhold-Reich*) как Вы поживаете, долго ли пробудете в Риме? Мы будем в Риме в двадцатых числах этого месяца. Застанем ли мы Вас в Риме? Нам бы очень хотелось с Вами повидаться»[246]).

«Grand Hotel. Дворец Ferro. На Больш. Кан. №№ от 5 л. Стол: 1½, 3½ и 5 л. Пансион от 12 л.» Здесь в 1902 году жили С. В. Рахманинов с молодой женой, которая много лет спустя вспоминала: «Приехав в 11 часов вечера в Венецию, я была поражена тем, что, выйдя из вагона и пройдя вокзал, мы прямо сели в гондолу. Остановились мы очень шикарно в Гранд-Отеле на Канале Гранде. Боже мой, как все это было хорошо и красиво. Луна, пение, раздававшееся с гондол. Как хорошо поют итальянцы! Я была в восторге»[247]. Здесь же Тэффи поселила героиню своей венецианской юморески: «Извините, вы, кажется, русская, так скажите, пожалуйста, как дешевле проехать в Гранд-д'отель – тудою или сюдою, потому что мы с мужем приехали из Житомира и ничего себе не понимаем»[248].

И. Л. Решетниковой // Встречи с прошлым. Вып. 11. М., 2011. С. 28.

[242] Письмо к П. Л. Вакселю от 1/14 июня 1906 г. // РНБ. Ф. 123. Ед. хр. 474. Л. 73.

[243] Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 58–59. Подробнее см. на с. 681–682 наст. изд.

[244] Шаховская З. Таков мой век. М., 2008. С. 620.

[245] См. его письмо к С. К. Маковскому, написанное на почтовой бумаге отеля: Лев Бакст. Письма из Венеции. Публ. Ю. Демиденко // Русско-итальянский архив VII. Салерно, 2011. С. 113.

[246] Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925–1926). Публикация Н. В. Котрелева и Ф. Малкоовати // НЛО. 1994. № 10. С. 262.

[247] Рахманинова Н. А. С. В. Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове. Т. 2. М., 1988. С. 293.

[248] Тэффи. Заметки путевые и непутевые. СПб., 1912. С. 15.

В Grand Hotel Britannia («Двор. Tiepolo. На Больш. Кан. №№ от 5 л. Ст.: 1¾, 3½ и 5–7 л. Панс. без комн. 9 л.») останавливалась польская писательница М. Конопницкая, запечатлевшая выразительную картину чекаута:

> Была еще ночь, ветреная, бурная ночь, когда мы покидали «Отель Британия», его лифт, который никогда не работал, его жареные сардинки, его неопределенные супы и заставлявшие призадуматься счета.
>
> Я никак не представляла себе, что столько достойных людей беспокоятся, заботятся здесь о нас, жертвуя собой для нашего блага.
>
> Только сейчас, увидев на лестнице весь штаб служащих отеля и целую армию факино с смело или более робко протянутой за чаевыми рукой, я поняла свою неблагодарность и неопытность.
>
> Время было самое подходящее, чтобы реабилитировать себя и признать великодушие этих людей.
>
> Вот швейцар, которого, что бы о нем ни говорили, можно было видеть трезвым между восемью и девятью утра. Вот номерной, он ботинок моих, правда, не чистил никогда, но зато каждое утро вертел их в руках, улыбаясь и покачивая головой. Вот пожилой гарсон с салфеткой, на блюде у которого лежали всегда какие-то четвероногие и безгрудые цыплята, а вот и второй, который не далее как вчера щедро облил меня соусом.
>
> Вот почтенный факино, спавший обычно в воротах на солнце, а вот его коллега, который видел меня всегда, когда я выходила и возвращалась, вот еще слуга, глядевший как-то раз на меня, посвистывая, когда я не могла открыть ключом дверь, и еще один, который неделю тому назад объявил мне, что будет дождь. Как не одарить их всех, как не наградить за услуги?
>
> И я одаривала их, и в порыве чувств протянула руку даже к деревянному негру, который стоял на повороте лестницы и держал над головой лампу.
>
> К чести рода человеческого я должна сказать, что негр этот оказался бескорыстным и, ничего не взяв, продолжал улыбаться мне, обнажая коренные зубы[249].

Здесь же, впрочем (что хорошо иллюстрирует местный демократический дух), останавливался представитель правящей династии России, давний и преданный поклонник Венеции, поэт К. Р.[250]: «Проведя здесь в Мюнхене дня два, мы на такой же срок съездим в Гмунден к старушке Королеве Ган<н>оверской, сестре моей матери; сын Королевы женат на сестре нашей Императрицы. Это милейшее семейство. В первых числах октября думаем быть в Венеции (Albergo Britannia) и проживем там дней пять, приблизительно числа до 10-го»[251].

Гораздо большей известностью пользовался отель Bauer-Grünwald (на некоторое время принимавший имя Grand Hotel d'Italie-Bauer: «На Campo S. Moise. Больш. Кан. Новая Готич. постройка с садом, рестораном и террасой. №№ от 3½ л. Ст.: 1½, 3½ и 5 л. Панс. от 10 л.». В частности, весной 1891 года здесь останавливались А. П. Чехов и А. С. Суворин. Название отеля было упомянуто лишь в чеховской записной книжке («22-го вечером приехали в Венецию Hotel Bauer»[252]) – сами же его реляции в письмах, непривычно восторженные, посвящены почти исключительно городу.

---

[249] Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 176–177.

[250] Его обширный венецианский стихотворный цикл по хронологическим причинам остался за границами нашей антологии.

[251] Письмо к Л. Н. Майкову от 26 сентября / 8 октября 1894 г. // К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 482.

[252] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 17. М., 1987. С. 8.

Интерьеры отеля мельком упоминает навещавший там Чехова Д. С. Мережковский: «В отделе Бауер, в длинном Суворинском салоне с зеркалами без рам и с обычными венецианскими люстрами, мы пытались пить невкусный чай. Но скоро переходили на золотистое фалерно»[253]. В один из этих визитов произошел пустяковый диалог, неожиданно запечатлевшийся в истории: 25 марта (ст. ст.) Чехов, описывая прелести венецианской жизни, сообщал родным: «Одним словом, дурак тот, кто не едет в Венецию. Жизнь здесь дешева. Квартира и стол в неделю стоят 18 франков, т. е. 6 рублей с человека, а в месяц 25 р., гондольер за час берет 1 франк, т. е. 30 коп. В музеи, академию и проч. пускают даром. В десять раз дешевле Крыма, а ведь Крым перед Венецией – это каракатица и кит»[254]. На следующий день он поправлялся: «Вчера, описывая дешевизну венецианской жизни, я немножко хватил через край. Виновата в этом г-жа Мережковская, которая сказала мне, что она с мужем платит столько-то франков в неделю. Но вместо неделю читай в день. Все-таки здесь дешево. Здешний франк здесь то же, что в России рубль»[255]. Б. Зайцев, хорошо знавший Мережковских, комментировал много лет спустя:

> На почве восторга Чехов в одном письме даже занесся, но не по своей вине. Сбила его Зинаида Николаевна Мережковская. Видимо, в юности она так же все путала, как и в старости, в Париже.
>
> Ясно видишь, как она, ленивая и слегка насмешливая, со своими загадочно-русалочными глазами, покуривая папироску, вяло тянет:
>
> – Да, здесь все дешево… Мы за квартиру и стол с Дмитрием платим… Дмитрий, сколько мы платим?
>
> – Зи-и-на, восемнад-цать франков!
>
> – Слышите, Чехов… Ну, вот вам. Восемнадцать франков. Разве это дорого?
>
> Возможно, Мережковский разговаривает в это время с Суворинym и не слышит, как она добавляет Чехову, которого считает немножко тюфяком и провинциалом:
>
> – Восемнадцать франков в неделю… совсем недорого. Чехов поверил, и хотя сам платил вовсе недешево, отписал в таком духе сестре в Москву. Но на другой день пришлось поправлять[256].

Парадокс заключается в том, что Мережковские, на тот момент крайне стесненные в средствах, вполне могли обходиться 18 лирами в неделю (конечно, без пансиона[257]) и на фоне их быта размашистое житье Чехова и Суворина смотрелось более чем импозантно. «А хорошо было тогда, в отеле Бауер, за фалерно! С какой радостью я вспоминаю то время!» – писала Гиппиус последнему три года спустя[258]. В этом же отеле Чехов поселил героев своего рассказа, начатого еще до поездки и законченного к 1893 году[259].

---

[253] Мережковский Д. С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 248.

[254] Письмо от 25 марта / 6 апреля 1891 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 4. М., 1976. С. 204.

[255] Письмо от 26 марта / 7 апреля 1891 г. // Там же. С. 206.

[256] Зайцев Б. Отдых (глава из книги «Чехов») // Опыты. 1953. № 2. С. 26–27.

[257] Ср. опыт вполне взыскательного Л. Г. Нацвалова, который остановился в неназванном отеле недалеко от пьяццы за 2 лиры в сутки (Нацвалов Л. Рассказ о моем первом заграничном путешествии. Тифлис, 1916. С. 79), причем в 1911 году, когда цены были хоть ненамного, но выше.

[258] Письмо З. Н. Гиппиус к А. С. Суворину от 24 апреля 1894 г. (н. ст.) // Письма З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского к А. С. Суворину / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Н. А. Богомолова // Литературное наследство. Т. 106. Эпистолярное наследство З. Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018. С. 35.

[259] «Рассказ неизвестного человека». В тексте его нет описания отеля, только упоминание («В Венеции у меня начались плевритические боли. Вероятно, я простудился вечером, когда мы с вокзала плыли в Hôtel Bauer». – Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 8. М., 1977. С. 197).

В том же «Бауэре» останавливались Е. Марков[260], М. С. и О. С. Соловьевы с сыном, И. Бунин, В. Злобин, З. Шаховская (во время второй поездки в Венецию) и др.[261] Местный ресторан осуждал герой повести В. Немировича-Данченко «Русский художник в Венеции»: «Ресторан Бауэра в Венеции тогда считался лучшим и, во всяком случае, самым громадным. Теперь я никому не посоветую там есть: долго, дорого и не важно. Лакеи – министры. Не подают, а милости оказывают, и притом на три четверти немцы. Стоит для этого ехать в Венецию!»[262]

Сам протагонист этой повести жил в Grand Canal Hotel et Monaco – «На Больш. Кан., вход с Calla Vallaresco, близ пароход. прист. Св. Марка. №№ от 3½ – 4 л. до 10 л. Ст.: 1, 3½ и 5 л. Панс. от 10 до 20 л.». Там же останавливалась в один из венецианских визитов врач, писательница и покровительница русских эмигрантов О. Ресневич-Синьорелли, хотя позже предпочитала ему более экономичную альтернативу: «Венецию я знаю мало. Она дороговата. Я когда-то остановилась две ночи в Hotel della Stazione. Два года тому назад была две недели в Hotel Monaco, около S. Marco, на Canal Grande, и платила за комнату 25 лир. Hotel della Stazione, конечно, гораздо дешевле и удобен тем, что на двух шагах от станции и у остановки парохода по Canal Grande»[263]. Этот же отель указывал в качестве обратного адреса один из представителей «русской колонии» в Венеции П. Л. Ваксель[264] – выдающийся коллекционер и полиглот.

Не значился в основных путеводителях, но был популярен у русских путешественников отель «Виктория» («Pal. Molin, in the heart of the city», – локализует его Бедекер[265]). В частности, там поселились А. Белый с А. А. Тургеневой: «Скоро мы закачались в гондоле; остановились в отеле Виктория; открыли окно и любовались долго картиной из окна <…>»[266]. И он же – в мемуарном отрывке:

> У подъезда отеля: под старой, резною, изогнутой дугами дверью; и дверь – распахнулась; канал ослепительно вспыхнул рыбёшками света; стоял на пороге отеля лакей в синем фраке и в белых перчатках; повел коридором по мягким коврам, по холодной, цветущей мозаике камня:
>
> – «Вам комнату?»
>
> – «Комнату».
>
> Край ослепительно белой смеющейся залы мелькнул завитушчатым потолком и чернеющей мебелью стиля барокко; мы смутно увидели: столики, столики; и за одним, точно палка, застыл седоусый француз. Нам открыли дверь комнаты стиля ампир.
>
> Принесены чемоданы; на столике в чистых салфетках горит серебром «Thé complet». Мы подходим к окошку, открыв доходящие до полу двери, и – ночь пролилась из лагун: янтареющим месяцем; в месяце встали узоры домов и бока неживого палаццо.

---

[260] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 225.

[261] См. с. 952, 574 и 671 наст. изд.

[262] Немирович-Данченко В. И. Волны. <М., 1907.> С. 256. Ср., кстати, примечание бедекера относительно отеля: «patronized by Germans» (Baedeker K. Italy. First part: Northern Italy. Leipsig, 1899. P. 242).

[263] Письмо Е. Д. Шору от 24 августа 1933 г. – «Я же знаю, какой Вы духовный режиссер!»: Переписка О. И. Ресневич-Синьорелли и Е. Д. Шора. Публ. Д. Сегала и Н. Сегал (Рудник) // Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция. Переписка. Т. 2. Салерно, 2011. С. 435.

[264] См., напр., адресованное ему письмо И. А. Персиани от 10 сентября 1912 г. // РНБ. Ф. 123. Ед. хр. 351. Л. 3.

[265] Baedeker K. Italy. First part: Northern Italy. P. 242.

[266] Письмо А. Белого к матери от 17 декабря 1910 г. // «Люблю Тебя нежно…» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922. М., 2013. С. 112.

> Мы долго и молча стояли, просунувшись в месяц, ходивший за тихой стеной над… пятнадцатым веком[267].

Гораздо больше хлопот, судя по всему, доставил персоналу той же гостиницы другой визитер, И. К. Альфред-Быковский:

> Нам рекомендован был роскошный Hotel «Victoria», к которому мы подъехали на гондоле (лодка). <…>
>
> В воздухе моросило; с неба падала какая-то пронизывающая нас жидкость.
>
> Было холодно и в номере «Victoria».
>
> Моему спутнику нездоровилось, и я позвал слугу (факкино, facchino), который затопил камин ветками апельсинного дерева; он принес несколько веток…
>
> Камин задымил; минуты три спустя комната наполнилась едким и удушливым дымом; мы выражали, как могли, свое негодование; факкино (facchino) уверял нас, что «все это» пройдет, но «все это» не только не проходило, но продолжало увеличиваться; тогда мы, послав ему вдогонку несколько коротких, но крепких слов, которыми так богат наш великолепный русский язык, бежали из номера, и только в читальне несколько успокоили свои расходившиеся нервы[268].

Здесь же в свой приезд в Венецию останавливался В. Я. Брюсов[269]. Нет в путеводителях (кроме всезнающего Бедекера) и упоминаний об отеле «Кавалетто» (рядом с пьяццей Сан-Марко, комната от 2 лир, пансион от семи) – между тем, как минимум двое из наших информантов прожили там по нескольку дней:

> Я в Венеции! Я со своей возлюбленной Атей – в Венеции! Атя четыре года назад уже побывала здесь, но то было в обществе своей сестры и в атмосфере какого-то взбалмошного пикника. Теперь же по ее сияющему лицу я вижу, до чего она сознательно все воспринимает, до чего в унисон бьются от восторга наши сердца…
>
> Остановились мы по рекомендации наших родных в «antico Albergo Cavaletto», стоящем на берегу небольшой водяной площади (бассейна) как бы в кулисах самой Пьяццы Сан Марко.
>
> Как только наши вещи были внесены в номер, так мы, ничего не распаковав, побежали на эту площадь[270].

За несколько лет до этого в том же отеле жил М. В. Нестеров, познакомившийся по пути в Венецию при комических обстоятельствах с харьковским помещиком и его дочерью:

> Вещи наши вынесли, уложили в гондолу, и мы каналами поехали в другой конец города, где помещается избранный нами отель «Кавалетто».
>
> Наш гондольер не был молодой гондольер, он не был весел и не пел, тем не менее мы чувствовали себя прекрасно. Была тихая южная ночь, и звезды, и месяц, и тихие улицы, еле освещенные фонарями, бесчисленные мосты – все это было ново и поэтично. Чувствуешь себя, как в опере. Впечатление это еще более усиливается, когда в тишине где-то послышалась серенада. На мосту

---

[267] Белый А. Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. М., <1921; на обл: 1922>. С. 19.

[268] Путешествие по юго-западной Европе Ж. Альфреда. Путевые заметки. С. 67, 68–69.

[269] См. с. 567 наст. изд.

[270] Бенуа А. Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги четвертая, пятая. М., 1980. С. 40.

покажутся тени, затем снова звуки, приятный тенор кому-то не дает крепко уснуть. Хорошо…

Наконец «Кавалетто». Нас встретили, проводили по комнатам, я поместился с папашей своей дочки, а дочка поместилась номера через три.

Утром, напившись кофе, пошли на пьяцца (площадь) Сан-Марко, которая почти рядом[271].

Одним из самых популярных среди туристов из России был Grand-Hotel Luna, также располагавшийся недалеко от пьяццы («№№ от 3½ до 6 л. Ст.: 1½, 3–4 и 5–7 л. Панс. от 10 л.»). В рассказе З. Гиппиус «Луна» вскользь описываются интерьеры его номеров: «В „Luna“ Степана Марковича провели к лифту и подняли чуть не к небесам. <…> Войдя в первую комнату – салон, – Вальцев невольно съежился, он дня не мог бы тут прожить – везде золото, дешевая, видная роскошь, неуютно, неприятно и, должно быть, очень дорого. Только из окон был, вероятно, хороший вид с высоты»[272].

Из участников нашей антологии там жили И. Н. Донской-Болотников («Отель „де ла Луна“ принял нас в свои объятия, и, поужинавши, мы уснули крепким сном»[273]), С. Заяицкий, П. Перцов, С. Соловьев («В отеле Luna / И днем всё тихо и темно, / Как под водой»)[274]. Впрочем, несколько его постояльцев (путешествовавших вместе) остались им не слишком довольны:

Гостиница Hotel Luna мне еще незнакомая (рекомендовали в Москве Поленовы). Взяли две комнаты. Спустились вниз в столовую. Пусто. Только в углу какой-то долговязый господин кончает ужин. Батюшки, знакомый – синьор Рота, наш знаменитый московский баритон.

Он тоже очень похвалил отель. Поужинали, Рота пошел скоро спать, а мы, конечно, неудержно побежали к св. Марку, тут же рядом, только шмыгнуть под арку Прокураций. И долго-долго блуждаем по Piazza и Piazzetta, любуемся в полутьме Марком, лоджеттой, porta della Carta…

Сильно устали и пришли спать, но – боже! – что за номера! Сырость отчаянная. Все мы были непривередливы, но белье было буквально насквозь мокрое, и мы не знали, как лечь в эти болота-постели. Мы всю ночь полуспали, утром пошли искать другую гостиницу.

У Даниеля, к сожалению, подходящих номеров не нашли. Пошли дальше по Riva и тут облюбовали простенький Hotel Sandwirtt (позднее, «Аврора»). Хозяин гостиницы был очень симпатичный старичок-тиролец, Herr Sandwirtt, он очень нам понравился, и мы сразу подружились. Он отвел нам прекрасные комнаты в бельэтаже с балконом на Riva (с этого балкона Серов написал свой превосходный этюд Венеции, который в моем собрании)[275].

---

[271] Письмо родным от 19/31 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 24.

[272] Гиппиус З. Н. Зеркала. Вторая книга рассказов. СПб., 1898. С. 259–260.

[273] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 135–136.

[274] См. с. 667, 850 и 392 наст. изд. Там же жил уже известный читателю М. С. Щекин: «В Венецию приехал во Вторник 30 Мая вечером в грозу и дождь, было северно, вообще все это время прохладно и дождливо, а по дороге в Рим из России прямо было холодно. В гостинице, куда я телеграфировал из Рима, получил прекрасную комнату в 1 этаже № 61, прямо на сад Королевского Дворца, за скромные 12 фр. в день с полным пансионом, которым я пока вполне доволен» (письмо П. Л. Вакселю на бланке Grand Hotel Luna от 1/14 июня 1906 г. // РНБ. Ф. 123. Ед. хр. 474. Л. 72). Здесь же останавливался Н. А. Бруни (дневниковая запись от 25 апреля / 7 мая 1889 г. // ГРМ. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 9; расшифровка (впрочем, с неточностями) – на сайте http://prozhito.org). В следующей записи он уточняет: «Придя домой в Allergo di Luna, где я на пансионе 10 fr в день все, дороговато, но очень очень хорошо. По крайней мере будешь и сыт и есть комната и нет больше забот, точно дома, да если-бы я мог быть дома и все рассказать» (Там же. Л. 10).

[275] Остроухов И. Посещение Вены и путешествие по Италии в 1887 году // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 250–251. Ср. в письме И. Остроухова к Е. Г. Мамонтовой от 29 мая 1887 г. (н. ст.): «Хотели мы пробыть в Венеции три дня, а вот доживаем седьмой. Трудно вырваться отсюда. Устроились мы к тому

Венецианская гостиница, специализировавшаяся на обслуживании русских путешественников, называлась Hotel Bellevue et de Russie: путеводитель Филиппова, наскоро перечислив все, названные нами выше, около нее одной делает пометку: «Единственная, находящ. на площади С. Марко, – Бельвю, недорогая и порядочная»[276]. Вряд ли с ним бы согласился ее прихотливый постоялец, уже знакомый нам А. Н. Маслов-Бежецкий:

> Гостиница «Belle vue» была устроена по общепринятому образцу. Вход, оснащенный электрическим шаром, и выходящий на сравнительно широкую улицу, т. е. около трех сажен ширины. Швейцар в какой-то ливрее, с голодным и тоскующим взглядом; узкая деревянная лестница, бюро отеля в квадратную сажень с исхудалым молодым секретарем и торчащим около него мальчиком в жокейской шапке; «salon de lecture», тоже ничтожных размеров с разбитым пианино и с небольшим столом, на котором разбросаны газеты и несколько старых путеводителей; наконец, горничные в белых передниках и чепчиках… Одним словом, все то, что вы встречаете повсюду за границей.
>
> Какую бы вы маленькую комнату ни наняли, как бы скромны ни были ваши требования, вам все равно будут служить трое: лакей во фраке, коридорный в неопределенном костюме и горничная в белом чепчике. Только что вы вошли в ваш номер – швейцар и еще какой-то человек без названия с здоровыми мускулами и в бедной одежде втаскивают ваши вещи; оба они страшно суетятся над развязыванием и установкой вашего чемодана или сундука. Потом входит лакей во фраке и спрашивает вас: «не угодно ли вам чего-нибудь», потом коридорный вырывает у вас какую-нибудь часть вашего платья; иногда даже срывает насильно с вас брюки и тащит их чистить; потом лезет горничная со всякой посудой; все вас спрашивают «не надо ли вам чего-нибудь», хотя это «им» надо «что-нибудь», а не вам; все вам желают доброй ночи или чорта в ступе и уходят от вас с такой очаровательной улыбкой, что вы непременно должны им дать что-нибудь на чай. Одним словом, это какой-то ходячий, живой «чайный прибор» (?). Я поставил вопросительный знак, потому что, право, сам не знаю, удачно ли это сравнение. Но дело не в сравнении, а в том, что нищенское вымогательство все более и более развивается в больших городах западной Европы, и скоро сами хозяева отелей будут просить на водку у своих клиентов. В особенности же это должно появиться в Венеции, где из ста двадцати тысяч жителей – одна четверть нищие. Я забыл сказать, что два раза на переезде от вокзала до гостиницы, первый раз – когда я садился в гондолу, и второй – когда я вылезал, ко мне подходили нищие с протянутой рукой и с обычными «la carita, signor! Per amor di Dio, signor!».
>
> Синьор Инсенги отвел мне небольшую комнату, выходящую окном на улицу четырехаршинной ширины, так что можно было видеть все, что делается в противоположном доме.

же удивительно счастливо: две больших комнаты окнами на Riva, в десяти шагах от Palazzo Ducale у прекраснейшего и честнейшего старика-тирольца так дешево, как и не гадали. Теперь мы можем хвастаться, что Венецию знаем сколько-нибудь порядочно, потому что довелось посмотреть ее исподволь и всласть, смотреть, сколько хотелось и как хотелось; впрочем, нет: хотелось бы смотреть, смотреть бесцельно, только ради данной минуты еще много и много дней, месяцев, вернуться через год и смотреть еще и еще, обманывать себя, переносясь мысленно к эпохе Фальера и Тицианов» (Там же. С. 254). В этом же отеле, уже когда он назывался Albergo Aurora, жил ученик Мейерхольда режиссер Г. А. Кроль (см. его письмо к О. Синьорелли от 9 августа 1923 г. // Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция. Переписка. Т. 1. Салерно, 2011. С. 476).

[276] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. 87.

> Когда я зажег свечу и осмотрелся, то первое, что мне бросилось в глаза, это было большое объявление от хозяина гостиницы, своею суровостью и определенностью напоминающее эдикты совета Десяти. Сначала в объявлении расхваливалась гостиница, устройство и обстановка номеров, способности прислуги, отличный вид на площадь св. Марка и т. д. Затем говорилось, что в ресторане отеля можно получить всевозможные яства и напитки в свежем и вкусном состоянии и за умеренную цену; общий обед в шесть часов вечера и т. д. Затем следовало ядовитое предостережение, что всякий из путешественников, замеченный в уклонении от табельд'ота в гостинице, обязуется платить от одной до двух лир дороже за комнату[277].

Компания русских гидов, обслуживавших организованные экскурсии (подробнее см. далее), предпочитала отель Albergo Leone Bianco, которого не знает даже Бедекер. Б. Грифцов, назначавший рандеву В. Стражеву, писал: «Быть может письмо это найдет тебя лучше, чем я ища тебя на Piazza и ты найдешь нас в Albergo Leone Bianco, что сейчас же позади прокураций, camera № 9. До пятницы пребудем здесь»[278]. Там же Е. Муратова (тесно связанная с этим кругом) ждала приезда из Москвы В. Ходасевича, о чем сама вспоминала много лет спустя: «Затем встреча в Венеции на лестнице отеля „Leone Bianco“. Я „танцовщица“, Владислав лечится от туберкулеза в Нерви»[279]. Она же вспоминала о встрече с Грифцовым, который приходился ей кузеном: «Проездом я была в Венеции. Однажды утром я слышу за стеной, в соседнем номере гостиницы „Leone Bianco“, знакомый голос. Я ужасно обрадовалась. Боря приехал из Москвы в Италию. Был гидом, водил русских туристов, позднее к нему присоединился поэт Владислав Ходасевич, которого он очень ценил»[280].

Некоторые из путешественников, особенно рассчитывавших на пляжи и купание, предпочитали жить на Лидо, где был один большой и роскошный отель Exelsior[281] (с 1900 года конкуренцию ему составлял Grand Hotel Des Bains) и множество небольших и непримечательных гостиниц, расположенных вдоль береговой линии. В одной из них поселился Л. Андреев с женой и сыном, о чем в своей обычной манере рассказывал матери:

> Милая моя маточка, вот мы и в Венеции, подвинулись немножко к дому. Приехали мы вчера утром, и оказалось, что погода тут размокропогодилась, совсем ненастье, дождь и ветер в хвост. Долго мы искали гостиницу, и наконец устроил нас Господь в двух комнатках, похожих на небольшие ватерклозеты – но зато на Лидо, где кроме нас живут все остальные – тоже аристократы и графы. И хотя дождь шел главным образом наружи, в наших клозетах так сыро, что утром сегодня, когда я встал с постели, Анна меня выжимала. Кроме того, Анна вчера потеряла квитанцию от вещей, а в вагоне мы забыли машинку, но и она, дьявол, и все остальное нашлось, а то вчера под голову я клал две лиры пятьдесят чентезимов. <…> Вчера в пансионе нашем на обед давали маслины с засахаренными яблоками и сардинки со свежим апельсином, и Анне очень понравилось, я тут же за столом разрыдался и вообще долго катался по полу. Подает нам кушанья (они это так называют) сам диретторе, господин

---

[277] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 260–262.

[278] Письмо от 7/20 июня 1910 г. // РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 1. Ед. хр. 310. Л. 3. Подробнее см. с. 980–981 наст. изд.

[279] Цит. по: Андреева И. Неуловимое созданье. М., 2000. С. 123.

[280] Там же. С. 127.

[281] На принадлежавший ему корт, в частности, отправила играть героиню «современного романа» «Над любовью» Т. Краснопольская (Шенфельд), см.: Петроградские вечера. Книга третья. <Пг., 1914.> С. 140–141. Ср., кстати, более позднее замечание И. Эренбурга: «В огромном отеле „Эксельзиор“, мраморным леденцом отгородившем пляж от прохожей голытьбы, обдаваемые пеной „асти-спуманте“ и поэзией д'Аннунцио, переведенной на различные языки, двести или триста вдохновенных тел репетировали посмертное разложение» (Эренбург И. Необычайные похождения. СПб., 2001. С. 736)

> красоты неописанной, изящества невыразимого, ума необъятного; одет он в черный сюртук с талией и борода у него такая, что так бы вцепился в нее обеими руками и не выпустил. Ко мне он относится, как к младшему сыну. А сама синьора диретрисс председательствует за столом, сама говорит, а сама так и смотрит в рот, сколько взял; и слышно, как шепчет: чтобы ты подавился, сукин сын. А портье изучает языки, уже изучил семь языков, в том числе и русский по самоучителю. Знает по-русски две фразы: «Бог есть на земле» и «Скажите, казначей дома? – Нет, казначея нет дома»[282].

Конечно, приведенный список венецианских отелей не только не является исчерпывающим, но даже не приближается к нему: у нас, например, нет никаких сведений (за исключением простого упоминания) о гостинице Albergo Ferrari Bravo, где жили экскурсанты из группы И. М. Гревса[283] и Casa Kirsche, где останавливался И. Грабарь[284]; мы ничего не знаем об Hôtel Belvedere, где летом 1899 года Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал скрывались от ревнивого мужа последней[285]; очень мало нам известно об Hotel Neumann, где жили Блок с женой[286] (характерно, что в принадлежавшем им бедекере помечены две другие гостиницы[287]) и т. д.

Иные путешественники, особенно в 1950-е годы, вообще предпочитали останавливаться еще на материке – так, К. Померанцев, путешествовавший по Европе на двух колесах, выбирал себе отель в районе Местре: «Несись же, мотоцикл! Несись во въедающийся в глаза, в уши, в рот, в каждую пору венецианский блеск. Несись! Взрывай этот мир, сметай его сытое благополучье! Остановился, как прошлый раз, сразу же при выезде с автострады, за десять километров от Венеции: просто и дешево. В самой Венеции больше для благополучных: звездочки и комфорт. Горячей воды в комнате не было и мотоциклетный загар пришлось смывать химическим порошком „Омо“»[288].

Дополнительную сложность этой области придает взаимное аффилирование гостиниц и ресторанов: так, среди финансовых бумаг Брюсова хранится счет на бланке Orientale cappello nero, где отмечено трехдневное проживание в номере 41, две чашки кофе и какие-то неразборчивые мелочи[289]. Отеля такого в венецианском реестре нет, но есть кафе Capello Nero, имевшее общий вход с уже известным нам отелем Bellevue: «Хозяин кафе оказался в то же время и владельцем гостиницы, которую прежде, как говорят, держала какая-то немка из Австрии. Новый патрон хотя и был вежлив к путешественникам, но в то же время имел вид суровый и мрачный. Таковы почти все содержатели отелей, которых мне приходилось наблюдать в Северной Италии; все они мрачны, все куда-то торопятся, вследствие чего и имеют вид несостоятельных должников»[290].

---

[282] Письмо Л. Н. Андреева к матери от 27 апреля 1914 г. – «Верная, неизменная, единственная…» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь – май 1914 г.). Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Н. Кен и А. С. Вагина // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М., 2000. С. 125–126.

[283] Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. С. 285.

[284] Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 47.

[285] См. письмо Вяч. Иванова к М. М. Замятниной от 17/30 июля 1899 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 31. Л. 4 об.

[286] Бедекер характеризует его «Good second-class hotel, in the italian style with trattorie» (Baedeker K. Italy. First part: Northern Italy. P. 243) и оценивает стоимость тамошнего пансиона в 5 лир.

[287] См. с. 557 наст. изд.

[288] Померанцев К. Итальянские негативы // Мосты. 1965. № 11. С. 151. Подробнее об этом авторе и его венецианских впечатлениях см. на с. 860–862 наст. изд.

[289] См. с. 571 наст. изд.

[290] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 260. Здесь же (называя это место «комнаты „Café Negro“») останавливался по совету И. Э. Грабаря М. В. Добужинский, см.: Добужинский М. Воспоминания. М., 1987. С. 167.

21

Кстати, о ресторанах. Русский турист в массе своей гурманом совсем не был, да и Венеция (как и Италия вообще) отнюдь не воспринималась как место, располагающее к чревоугодию. По большей части приезжие столовались там же, где и жили: это считалось само собой разумеющимся, и даже предполагалось, что владелец отеля может слегка уступить в цене комнаты, чтобы наверстать упущенную прибыль за табльдотом. В тех (кажется, не слишком частых) случаях, когда путешественника это не вполне устраивало, причины скорее были социального плана, нежели гастрономического. В эпистолярных венецианских сетования З. Гиппиус нет ни слова про качество еды – а только про соседей по завтраку: «Есть и здесь, как везде, свои мрачные стороны, а именно: табльдот. Мучительнее и нелепее этой выдумки я ничего не знаю. В былое время, когда люди не сторонились так друг друга… Теперь же это ужасно. Ни одного русского. Все мучительно-гранитные англичане, которых я теперь ненавижу. Один в особенности: ест медлительно и засовывает в рот вилку до самой рукоятки»[291].

В тех случаях, когда качество провизии решительно не устраивало, можно было попробовать сменить место трапезы. А. Н. Бежецкий, в номере гостиницы которого висело особое предупреждение, обещающее штраф в 1–2 лиры тем, кто станет манкировать общими обедами, решил все-таки нарушить это предписание:

> Помня угрозу хозяина отеля, я отправился предварительно в его кафе завтракать, но там мне дали такое скверное молоко к кофе, что я поклялся более сюда ни ногой, тем более что в этом кафе, на большом столе, нагруженном провизией, рядом с земляникой стояла сырая рыба, отбивавшая своим запахом весь аппетит. Я, впрочем, скоро разыскал другой ресторан тоже поблизости, принадлежащий содержателю отеля «Italia», австрийцу Гринвальду, где питаются все иностранцы[292].

Большинство путешественников либо не упоминают еду вовсе, либо ограничиваются проходным замечанием: «Шумный ужин с неизбежными макаронами, веселые лица итальянцев, прислуживающих за столом, пение „Santa Lucia“ – все весело, все хорошо!»[293] или «Завтракали в кухмистерской средней руки с вином за 2 фр.»[294] – лишь редко снисходя до надменной похвалы: «…Я должен сказать, что богатым немцам далеко до нищих итальянцев по части кухни и, вероятно, именно потому, что последние такие нищие. Так есть, как я ел тут и за такую цену, я в Германии нигде не ел. Но и дешевизна же тут, просто невероятно»[295]. Собственно, большая часть рекомендаций по гастрономической части весьма расплывчаты и лишены имен собственных: «В центре, около Piazza S. Marco, на одной улице есть целая серия очень хороших и дешевых маленьких ресторанов. Не помню названия улицы и ни одного из ресторанов, но Вы можете справиться в каком-либо из тех многочисленных магазинов, где продаются бусы. Меня туда отправил один такой старичок-продавец»[296].

---

[291] Письмо к А. Волынскому от 7 апреля 1891 г. – Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому. Публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее. Т. 12. М.; СПб., 1993. С. 279.

[292] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 265.

[293] Е. К-ва. Венеция. Страничка из моих воспоминаний // Русские учителя за границей. Год третий. М., 1912. С. 206.

[294] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 141.

[295] Письмо И. Э. Грабаря к В. Э. Грабарю от 29 августа 1895 г. // Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 48.

[296] Письмо О. И. Ресневич-Синьорелли к Е. Д. Шору от 24 августа 1933 г. – «Я же знаю, какой Вы духовный режиссер!»: Переписка О. И. Ресневич-Синьорелли и Е. Д. Шора. Публ. Д. Сегала и Н. Сегал (Рудник) // Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция. Переписка. Т. 2. Салерно, 2011. С. 435.

Более того, достаточно частый мотив в венецианских травелогах – ощущаемое тонкой душой путешественника жгучее противоречие между многовековыми декорациями и низменной прожорливостью туристов. Иногда это встраивается в общие ламентации по поводу упадка нравов («Но времена меняются: там, где прежде жила Дездемона, теперь открыт ресторан; где жил Отелло – торгуют стеклом, на мосту Риальто и около него разбросаны дрянные балаганы, в которых торгуют всяким скарбом; дворцы патрициев испещрены крикливыми вывесками и банальными рекламами; воды, былые зеленоватые воды каналов, не исключая Большого канала, наполнены разной вонючей ветошью и отбросами…»[297]); иногда – представляется отдельным огорчением:

> Кто ходит теперь по пустым гулким залам? Кто ломает бледные руки под сказочными плафонами Тинторетто? О чем задумались усопшие дожи на почерневших холодных полотнах? Кто, опьяневший от стонов и крови, разыгрывает странные мистерии в той комнате, которая так не удовлетворила туристов? Но время ли помнить об этом в уютной каменной зале площади St. Marco, обращенной во всемирный ресторан.
>
> У тонких колонн упраздненной Прокурации рядами белые столики. Звенят венецианские рюмки, шмыгают лакеи, гудит легкомысленный улей веселых гостей. Пьют, смеются, напевают, посылают через столики цветы и немые вопросы. И в ответе качаются разноцветные страусовые перья, шуршат оборки шелковых юбок и скрещиваются на миг опьяненные взгляды, а ночь нежна и равнодушна, как продажная ласка чьих-то красивых спокойных рук[298].

Это же зрелище столиков на пьяцце возмутило другую нашу свидетельницу, дочь Л. Андреева:

> Мы спустились на площадь, являвшуюся самым большим сухим пространством города. По сторонам ее расположены были многочисленные кафе и рестораны с выставленными на панель столиками. «Все-таки в еде есть что-то безнравственное, – подумала я, – такое низменное занятие! И неужели нельзя обойтись без нее? Вокруг такая красота, а эти люди с плотоядным блеском в глазах, с лоснящимися от жира губами, жуют, глотают, обсасывают кости цыплят с единственной заботой наполнить свои бездонные желудки – какая гадость![299]

Приятным исключением на этом фоне выглядел И. Ф. Анненский, подробно описывавший в письмах домой свои гастрономические впечатления:

> Набегавшись часам к 4–5, идем в какой-нибудь скромный ресторан. Тут кормят плоховато, но сытно и дешево. На первое кушанье я беру обыкновенно суп con piselli, т<о> е<сть> с горошком и рисом, в него прибавляют еще целое блюдечко тертого сыру… На второе беру Costoletta alia Milanese или Vitello (телятина). За обедом пью местное вино с водой и заедаю скромный обед кусочком сыру. Вот и все[300].

---

[297] Попов И. И. Великая могила прошлого. Путевые заметки по Италии. М., 1912. С. 40–41.

[298] Петровская Н. Мертвый город (Письмо из Венеции) // Петровская Н. Разбитое зеркало. М., 2014. С. 397–398.

[299] Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 248. Неприязнь к праздно едящим в этом случае подпитывалась острым чувством голода: из-за дорожной неурядицы мемуаристка и ее спутники были сильно стеснены в средствах.

[300] Письмо к Н. В. Анненской от 10/22 июня 1890 г. // Анненский И. Ф. Письма. Т. 1. 1879–1905. С. 71. Эта степень подробности (вызывающая у нас восхищение своей щедростью) удручала его сына, готовившего письма к печати: «Вообще, мне несколько жаль, что именно эти, молодые, во многих своих местах нехарактерные вовсе для А-го письма идут его первыми печатающимися письмами. Все эти упоминания о ценах, завтраках, разорванных пиджаках и т. д. – все это случайное, – ах, до какой степени случайное, нехарактерное, непохожее на А-го! Во всем этом даже, если хотите, какая-то нарочитость: вот, ты

Это подтверждается записной книжкой с тщательно зафиксированными расходами, которую он вел в путешествии. Так, среди трат дня, предшествующего этому письму, значится «caffe nero» (35 чентезимо), «zuppa a piselli» (40), «filetto al Madera» (80), «formaggio parmegiano» (20), хлеб (5) и вино кьянти (75)[301].

Что касается последнего, то снисходительность туриста к местным напиткам простиралась обычно дальше, нежели к местной пище. Чрезвычайной редкостью был убежденный трезвенник, наподобие В. Р. Менжинского, будущего председателя ОГПУ, а на тот момент – скромного интеллигента, начинающего прозаика: «Петербуржцу естественно вспоминать своих и писать письма в стиле Пал Палыча <Конради>, т. е. написать целую страницу и ничего не сказать. Впрочем, я веду дневник: 30-го утром пил цитронад со льдом на площади Св. Марка, в 4 часа – на Лидо; в 8 часов – перед мостом вздохов и пр.»[302]. Другой крайностью выглядел И. Бунин, фраппировавший венецианских официантов своей требовательностью по части напитков: «Италию впервые в Венеции увидал. Почему-то на вокзале стал требовать разного вина. Принесут бутылку, а я другого хочу попробовать, получше. Бутылок двадцать принесли. А я всё говорю „ancora“. Весь стол заставили, бегают, обалдели совсем, ничего не понимают. Потом начали хохотать, как сумасшедшие»[303]. Классический же турист хоть и не без оговорок, но снисходил к продукции местных виноделов: «Сидим на веранде у моря и пьем холодное „асти“»[304]; «Читаю только итальянские газеты, пью только итальянское вино. Газеты скверные, вино – тоже. Цена вину – от 50 сент. до 1 лиры за ½ литра. Красное лучше белого»[305] и т. д. Иногда желание продегустировать аутентичные напитки встречало почти непреодолимые трудности в форме языкового барьера:

> Незнакомый сиплый голос говорил:
>
> – Русским языком я тебе говорю или нет: принеси мне лампадочку вермутцу позабористее.
>
> Голос слуги при кабинках – старого выжженного солнцем итальянца-старика в матроске (я его видел раньше) отвечал:
>
> – Нон каписко.
>
> – Не каписко! Чертова голова! Не каписко, а вермут. Ну? Русским языком я тебе, кажется, говорю: вермуту принеси, понимаешь? Винца!
>
> – Нон каписко.
>
> – Да ты с ума сошел? Кажется, русским языком я тебе говорю… и т. д.
>
> – Слушайте! – крикнул я. – Вы русский?
>
> – Да, конечно! Кажется русским языком говоришь этому ослу…
>
> – На них это не действует… Скажите ему по-итальянски…
>
> – Да я не умею.

хочешь все знать – и я пишу все до мелочей. Эти интимности как бы разжижают изумительные по своей силе и красочности описательные страницы. Этим я руководствовался, когда приводил их частично в своей работе („Литер. Мысль“). Конечно, отсылая свои „письма путешественника“ жене, А-й не ожидал, что menu завтраков попадут в печать, и особенно рядом с письмами других авторов, которые уже обмакивая перо в чернильницу, имели в далеком, отдаленном, но несомненном виду широкую публику их читающую и, в соображении с этим, обсасывающих каждый абзац!» (письмо В. И. Анненского-Кривича к Н. С. Ашукину от 5 января 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 160. Л. 4 об.).

[301] РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 8.

[302] Письмо к А. Н. Верховской от 14 сентября 1902 г. (н. ст.) // РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 1986. Л. 1.

[303] Беседа И. А. Бунина с В. М. Зензиновым 29 октября 1934 г. – Записи В. М. Зензинова // Новый журнал. Кн. 144. Нью-Йорк, 1981. С. 134. С этим легко сочетается предложение Б. Зайцева: «Иван, живы будем, заедем в Венецию, выпьем Valpolicello в узкогорлых графинах, я покажу тебе такого Тинторетто в Scuola di San Rocco, что ты… (твое словцо!)» (письмо к И. Бунину от 12 августа 1928 г. // Зайцев Б. Собрание сочинений. Т. 11. Письма. 1923–1975 гг. М., 2001. С. 59).

[304] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 141.

[305] Письмо В. Я. Брюсова к отцу от 22 мая 1902 г. (ст. ст.) // РГБ. Ф. 386. Карт. 142. Ед. хр. 8. Л. 38.

– Как-нибудь… «прего, синьоре камерьере, дате мио гляччио вермуто»… Только ударение на у ставьте. А то не поймет.

– Ага! Мерси. Эй ты смейся, паяччио! Дате мио, как говорится, вермуто. Да живо!

– Субито, синьоре, – обрадовался итальянец.

– То-то брат. Морген фри[306].

Путеводитель Лагова рекомендовал рестораны Savoy Restaurant et American Bar («С сев. – зап. стор. площ. Св. Марка. Французск. кухня. Завтр. – 3 л. Обед – 4 л.»), Bauer Grűnvald («На Calle Larga Ventidue Marzo (ряд. с гост. Италия). Веранда. Немецк. пиво») и Academia («Удобен для посещающих Академию художеств. Простой»[307]). Путеводитель Филиппова тоже советует Бауэра, а также «Пильзен, Нейман, Капелло-Нэро»[308] («Нейман» – это, вероятно, Hotel Neumann, где жил Блок, а «Капелло-Неро» – несомненно Capello Nero, где останавливался Брюсов).

Близки к этому были рекомендации В. Немировича-Данченко, который, впрочем, ресторан Бауэра не любил (выше мы приводили его отзыв): «Хотите есть хорошо, дешево и весело, идите в чисто итальянские рестораны: на Мерчерии в Capello Nero, в Vapore[309], за площадью св. Марка в Citta di Firenze. Хотите платить дороже, ступайте, тут же, под Прокурациями, к Квадри – у него на стенах кстати картины величайших мастеров!»[310]

Названное последним кафе Квадри – одно из трех знаменитых кафе, располагавшихся на пьяцце – Florian, Aurora, Quadri и единогласно рекомендуемых путеводителями. В русской литературе больше всего повезло первому из них – не считая отдельной новеллы в цикле И. Эренбурга «Условные страдания завсегдатая кафе»[311] и россыпи поэтических упоминаний, учтенных в нашей антологии, оно запечатлено – хоть и мимолетно – в десятках прозаических текстов: «Заходил ли он в кафе, шумное и ярко освещенное электричеством, он грезил, что сидит под арками кафе Флориана, о котором упоминается в записках всех путешественников по Венеции»[312]; «На открытом воздухе сидели за разноцветными столиками посетители кафе „Флориан“, ели крем карамелата, слушали маленькие струнные оркестрики и бойко раскупали у бродячих продавцов сувениров игрушечные гондолы с музыкальным ящиком и балериной в газовой юбочке, которая, стоило только слегка повернуть ключик, начинала кружиться под нехитрую мелодию»[313]; «Сижу перед кафе Флориан на площади Св. Марка, под арками. За большими полосатыми занавесками солнце милостиво – тень, пронизанная светом. Вкусна в холодном стакане малина со льдом»[314] и мн. др.

Чрезвычайно показательно в туристах было недоверие к рациону местных жителей. Лишь некоторые, особенно отважные, осмеливались попробовать какие-нибудь из классических венецианских блюд: «В 12 часов позавтракали по-итальянски: криветки <sic>, вареный омар, макароны, фрукты и вино; нагрузились в гондолу и поплыли на вокзал»[315]; обычно же и вид, и запах местных тратторий вызывали резкое отторжение:

---

[306] Аверченко А. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южанина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. С. 70–71.

[307] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 65.

[308] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. С. 87.

[309] Между прочим – любимый венецианский ресторан М. Ф. Кшесинской и в. к. Андрея Владимировича (см.: Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992. С. 221). Мы вернемся к этому сюжету через несколько глав.

[310] Немирович-Данченко В. И. Волны. <М., 1907.> С. 256.

[311] Эренбург И. Необычайные похождения. СПб., 2001. С. 734–741.

[312] Ашукин Н. Венеция // Художественное слово. 1920. № 1. С. 33.

[313] Галанов Б. Четыре года и вся жизнь. М., 1985. С. 430.

[314] Волконский С. М. Мои воспоминания. Т. 1. М., 1992. С. 370.

[315] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 145.

> Кто не знает тратторий для простонародья, тот не знает Венеции.
>
> На Виа алла поста есть одна такая траттория, мимо которой я часто проходила, торопясь за письмами с родины.
>
> Низкая проволочная сетка отделяла от улицы кухню, которая была одновременно и трактирным залом. Прямо за сеткой стояли кастрюли, тарелки и готовые порции рыбы и поленты.
>
> По дьявольскому треску, с каким в этой траттории шипели жирные сковородки, по убийственному запаху рыбьего жира и оливкового масла и, наконец, по тучности владельца можно было заключить, что это был один из самых популярных трактиров в этой части города.
>
> Посетители толпились там весь день. Одни полеживали на мосту и на берегу канала, ожидая полудня, другие вытаскивали сети и пластали рыбу, отбросы которой без всякой помехи разлагались на солнце.
>
> Чтобы войти в такой трактир, надо, по-моему, не есть со вчерашнего дня и иметь сильный насморк[316].

Особую неприязнь у заезжих экскурсантов вызывали разнообразные дары моря, употребляемые в пищу аборигенами:

> Мы шли узенькими уличками; справа и слева тянулись необычайные съестные лавки с такими кушаньями, что от них православного человека, пожалуй, только бы затошнило: пьевры, полиппо сепии, безобразные белые мешки с щупальцами и целою массою белых же, усеянных бородавками присосков, вываливающихся из мешка, рыбы, состоявшие из одной головы, с выпученными глазами, раковины, из которых выдавалась противная красная масса, мелкие ракушки, словно груда черных орехов, изредка даже торчал громадный омар, усы которого грозили перегородить улицу, так она была широка, целые груды вареной брюквы, брокколи, гирлянды чесноку и перцу, гроздья винограда и опять длинные черви, раковины, похожие на сигары, из которых высовывались, шевелясь, какие-то бесформенные, похожие на слизь тела, – вся эта роскошь, frutti di mare, собранная со дна лагун и каналов, откровенно выставлялась в открытых дверях и окнах, а то arrosteria с массою жареной рыбы – frittura. К вечеру от нее и хвостиков не останется[317].

Единственное исключение делалось для устриц, привычных для аристократического меню, – но и здесь гурманов поджидала тайная опасность. В 1887 году И. Остроухов, В. Серов и двое братьев Мамонтовых (с эпизодами путешествия которых мы уже встречались выше) жили в Венеции; Остроухов, хорошо помнивший прошлогодний холерный карантин, решительно предостерегал своих спутников от питья сырой воды и употребления свежих frutti di mare, но Серов был непреклонен: «Ты можешь мнительничать сколько хочешь, а я воду пить стану сырую и устрицы буду есть»[318]. На завтраке в отеле он потребовал устриц, которых не

---

[316] Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 161–162.

[317] Немирович-Данченко В. И. Волны. <М., 1907.> С. 248–249. Ср. описание типичного меню небогатых завсегдатаев главной площади: «И вы видите, как эти обитатели Св. Марка, вылежавшись на солнце, лениво встают со своих мраморных скамей, достают из-под них плетеные корзинки, а из них длинные узкие раковины, раскрывают их, проводят снизу вверх по их внутренности большим пальцем, собирая на него слизистое содержимое ракушки, и отправляют таковое в рот. Это – обед. А уж если очень повезет такому субъекту, то он, вместо ракушек, с наслаждением, достойным лучшей участи, смакует какие-то розовато-фиолетовые мешочки, наполненные внутри черною жидкостью и с восемью приделанными к ним длинными щупальцами с сосочками; по сторонам этого мешка торчат два мутно-белесоватых глаза, и все это имеет для непривычного человека достаточно отвратительный и уж, конечно, совершенно неаппетитный вид. Но этот моллюск с наслаждением поедается аборигенами аркад» (Светлов В. Венецианские рассказы. СПб., 1900. С. 532–533).

[318] Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 250.

нашлось. За обедом история повторилась, как повторилась она и на следующий день. Настойчивый Серов поклялся устриц все-таки раздобыть, для чего они отправились в заранее рекомендованный общим знакомым (и известный уже читателю) ресторан Al Vaporе:

> Действительно, очень мило. Садик. В укромном уголке нам накрыли стол, и Серов заказал устриц.
>
> Я не протестовал – успокоился, не видя никакой холеры: солнце такое яркое, толпа такая веселая, карболкою не пахнет, и когда слуга как-то странно, прикрывая блюдо боком фрака, принес устриц и поставил перед нами, то даже и я съел их две или три. Остальное, конечно, было скушано спутниками. Серов не преминул поиздеваться.
>
> – Эх ты! Трусишка! Что же не ешь? Прекрасные устрицы и ничего от них не будет!
>
> Наступило время идти обедать. Направились домой, и вдруг кто-то из товарищей, не доходя площади св. Марка, как-то побледнел и говорит, что чувствует себя скверно.
>
> – Резь в животе.
>
> Другой признается в том же. Наконец, что-то неладно и со мной. С трудом и в великом беспокойстве достигаем гостиницы. У входа на обычном месте сидит милый старичок Зандвирт. Мы говорим, что чувствуем себя нехорошо, так и так, мол.
>
> – Где вы завтракали?
>
> – В Al-Vaporе.
>
> – Хороший ресторан. А не ели ли вы устриц или frutti di mare?
>
> – Да.
>
> – Боже мой! Да разве можно! Как вам их дали?! Ведь холера еще совсем не кончилась, и устрицы у нас запрещены синдиком. Недавно у меня умер австрийский офицер; тоже отравился устрицами. Не подумайте, что я хочу содрать с вас что лишнее, но я сейчас пришлю вам в комнату бутылку коньяку, выпейте возможно больше, лягте в постель и укройтесь потеплее.
>
> Конечно, ввиду всех ужасов, принялись за коньяк. Кому стало лучше, кому еще хуже. Послали за доктором и дня два провалялись в постелях[319].

Сохранился редкий по выразительности документ – письмо непосредственного виновника, написанное по горячим следам после истории с устрицами и под сильным влиянием присланного отельером лекарства:

> Милая моя Лёля,
>
> прости, я пишу в несколько опьяненном состоянии.
>
> Да, да, да. Мы в Венеции, представь. В Венеции, в которой я никогда не бывал. Хорошо здесь, ох, как хорошо. Вчера были на «Отелло», новая опера Верди: чудная, прекрасная опера. Артисты чудо. Таманьо молодец – совершенство. Прости, я, действительно, несколько пьян. Видишь ли, вчера мы поели устриц, сегодня наш хозяин гостиницы докладывает, что у него был один несчастный случай, один немец съел пять дюжин этих устриц и умер в холере (здесь ведь была холера – ты это знаешь). И во избежание холеры мы достали бутылку коньяку (говорят, хорошее средство), по всем признакам холера нас миновала. Лёля милая, дорогая девочка, я люблю, очень люблю тебя. А какая славная опера «Отелло», какая страстная, кровавая. Ты

[319] Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 251–252.

любишь меня, а? Знаешь, я тебя часто, очень часто, вспоминаю. Какая здесь живопись, архитектура, хотя собственно от живописи ждал большего, но все-таки хорошо, очень хорошо. Хотел писать тебе вечерком, но сегодня какой-то дождливый северный день – мы сидим дома (ты знаешь, кто это мы? нас четверо: Остроухов, двое Мамонтовых, славные юноши). Если путешествие будет идти таким же порядком, как до сих пор – то ничего лучшего не знаю. Холера – она прошла, положительно ее больше нет. Прости, прости, моя милая, хорошая. Вот-с как, написал я свой плафон, надоел он мне до некоторой степени. Деньги за него получил, и вот я кучу. Езжу по Италии, славно. Целую тебя, моя дорогая. А все-таки другую не буду любить так, как тебя, моя, моя хорошая. Да, да, ведь ты моя. Ох, прости меня, но я люблю тебя. У меня совершенный дурман в голове, но я уверен, что все, что делалось воображением и рукой художника – все, все делалось почти в пьяном настроении, оттого они и хороши эти мастера XVI века Ренессанса. Легко им жилось, беззаботно. Я хочу таким быть – беззаботным; в нынешнем веке пишут все тяжелое, ничего отрадного. Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное. Жаль, сегодня погода дрянь, приятно здесь развалиться в гондоле и ездить по каналам и созерцать дворцы дожей.

Прощай, целую тебя без конца.

Твой без конца В. Серов[320].

Немногие воспитанники натуральной школы, с особенным вниманием относившиеся к тайной физиологии города, рисковали проснуться пораньше, чтобы отправиться на рынок к мосту Риальто:

Весь берег оцеплен особыми лодками, с прорезами для воды, обвален огромными пузырями-плетушками, – своеобразными садками для живой рыбы. На берегу везде – грязь и лужи. Вода сочится и течет отовсюду, из чанов и лотков; воду выплескивают, ничтоже сумняшеся, вам под ноги; бесчисленное множество столов, чанов, громадных железных тазов, полных свежею рыбою, расставлено на берегу. Неистощимые пучины моря щедро кормят беспечного венецианского пролетария своими драгоценными природными дарами; редко где встретите вы такое изумительное обилие и разнообразие всевозможной морской твари, как в венецианской Pescheria в базарные дни. Тут груды морских угрей и миног, длинных и вертлявых как змеи; тут целые горы омаров, краббов <sic>, лангуст, креветок, ракушек разных видов; полные чаны скользких сине-лиловых каракатиц с огромными вылупленными глазами; рыбаки ловко и проворно обдирают с них кожу и швыряют в лотки их оголенные тушки, словно куски какого-то белого студня или молочного киселя. Тут и sole, и turbot, всякие отрадные для гурмана породы камбалы, плоские как блины, с белым, будто из бумаги вырезанным брюхом; тут даже и наши осетры, и многое множество неведомых мне и невиданных мною рыб, итальянских названий которых никак не приспособишь к русским, – рыб громадных и крошечных, рыб розовых, красных, серых, черных, пестрых, рыб всяких фасонов и узоров, у которых здесь же, на ваших глазах, грязнейшие лапы торговцев обрезывают кругом поплавки <sic! – вероятно: плавники>, сдирают кожу, выковыривают пальцами внутренности, раскладывают и разрезают на куски для бесчисленных, толкающихся кругом,

[320] Письмо к О. Ф. Трубниковой от 17/29 мая 1887 г. // Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 1. Л., 1985. С. 89–90.

покупателей и покупательниц. Все эти лакомые штучки стоят гроши, ибо всего этого слишком много у всех. Море является истинною матерью-кормилицею венецианца, истинным благословением Божьим для здешнего бедняка[321].

[321] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 235.

22

В обыденной жизни Венеции особенную роль играла уличная торговля – с импровизированных лотков, выставленных перед лавками, на перекрестках оживленных улиц или на небольших площадях, а то и просто вразнос:

> В любом переулке вы встретите целый ряд крошечных лавчонок, со всевозможными товарами, начиная с новомодных шляп и включительно, до жареной мелкой рыбы и очищенных от скорлупы улиток, употребляемых для варки излюбленного простонародьем супа. Тут же шмыгают и протискиваются юркие продавцы спичек, почтовых карточек, фотографий. А вот на грязных лотках, чумазые и загорелые разносчики на все лады расхваливают сочные куски золотисто-желтой печеной тыквы, ярко красные помидоры, темно-лиловые баклажаны и немного подгнивший виноград.
>
> Здесь же, в микроскопических лавчонках, размещенных в разных углах и щелях, ютятся продавцы пищи для бедняков. И что это за пища! При одном взгляде на нее, мурашки пробегают по всему телу и под ложечкой начинает сосать… В одном месте, на невероятно грязных лотках, лежат целые груды макарон, в оливковом масле, и желтой поленты; в другом виднеются горы морских моллюсков и каких-то удивительных рыб, напоминающих змей. Когда их разрубают на части, то куски долго извиваются и шевелятся, возбуждая ужас и отвращение своею черною слизью… Тут же в грязных глиняных чашках шевелится еще какая-то зеленоватая масса. Оказывается, что это рубленые морские каракатицы, криветки <sic> и чудовищной величины раки.
>
> Все это составляет обычную и самую любимую пищу для постоянных обитателей. Масса полунагих и босых ребятишек с жадностью и наслаждением, во все скулья, уписывают эти народные лакомства, особенно моллюски и криветки с макаронами. Приходится удивляться выносливости их желудка и слишком неприхотливым вкусам[322].

Ю. Д. Новоселов, директор рижской гимназии и автор нескольких популярных книг по географии, встретившись с повседневным рационом простого венецианца, не мог поверить своим глазам:

> А это что такое? На вставленном блюде копошится какая-то бесформенная масса. Это каракатицы. Что может быть отвратительнее этих осьминогих слизняков? Неужели их продают для еды? Да! В Италии едят все, лишь бы не умереть с голода.
>
> Мне однажды венецианский разносчик предложил купить такого отвратительного моллюска, что я усомнился в его съедобности и, заплатив деньги, попросил самого продавца съесть это морское животное, что тот с удовольствием и сделал.
>
> Четверть всего населения Венеции нищие, которым приходится питаться всякой дрянью и жить в ужасных условиях: в сырых и темных помещениях, а то и прямо на улице. Благодаря таким условиям жизни венецианцы стали вырождаться нравственно и физически[323].

---

[322] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. С. 148–149.

[323] Новоселов Ю. Венеция. <СПб., 1907.> С. 15–16. Неприязнь к обитателям моря принимала порой у соотечественников слегка даже патологические формы: «<…> мы ездили на морские регаты на Лидо, где чудно провели полдня на морском

В городе, по условиям своего бытования почти лишенном обыденных шумов, основу звукового фона[324] составляли рекламные возгласы разносчиков. Несмотря на строительство водопровода в начале 1890-х годов, одной из главных фигур среди них были продавцы свежей питьевой воды – они набирали ее в городских цистернах (мраморные навершия которых, выдолбленные из античных колонн, до сих пор видны на многих campo) и разносили по городу: «Кое-где приходилось встречать бойких девушек-водоносок, в типичных черных войлочных шляпах, направляющихся к старинным, позеленевшим от времени, водоемам. <…> На плечах у водоносок прямое коромысло, а на нем медленно покачиваются круглые медные ведра. Они непременно напевают себе что-нибудь под нос»[325]. «„Aqua fresca! (холодная вода) Aqua fresca!“ – орет громче других продавец воды. В жару этот торговец не успевает наливать всем желающим освежиться его прохладительным напитком»[326]. В местах скопления туристов с ними соперничали предприниматели, ориентированные на «форестьеров» (от итальянского forestiero – чужак, иностранец): «Тут же успел примоститься продавец мозаичных безделушек и „по-русски“ убеждает купить у него что-нибудь; бойко идет продажа вееров с видами Венеции по лире штука»[327]; «Прекрасные fiorini вертятся среди гостей, которые едят мороженое или granito, наклоняются к мужчинам, расхваливая свой товар, и глядят им в лицо большими черными глазами… <…> Не успеваешь отделаться от смуглой цветочницы, как бородатый продавец засахаренных фруктов надвигается на тебя со своей серебряной корзинкой, крича во все горло: „Caramel! Caramel! Caramel!“ Следом за ним пронзительный газетчик со всей европейской политикой под левой мышкой неистово превозносит свою печатную бумагу, к которой после жаркого дня, после шепота цветочниц чувствуешь какое-то отвращение»[328].

Сходную картину торговой жизни пьяццы рисует В. Немирович-Данченко:

> Здесь начинались и обрывались песни, там продавец сладостей и нанизанных на деревянные шпильки обсахаренных фруктов выпевал однообразное: carameli, carameli; сотни мальчишек со спичками совали их в руки каждому, предлагая купить solfanelli и тем спасти несчастную семью с сорока двумя детьми, к которым принадлежал и сам продавец, от голодной смерти. В толпе шныряли оборванцы, которые, завидев туриста, моментально, одним взмахом руки, с шумом, подобным пистолетным выстрелам, развертывали перед ним целую ленту наклеенных на холст фотографий[329].

Названные последними продавцы открыток с венецианскими видами составляли наиболее мобильную и энергичную часть соответствующей публики – и именно открытки, приобретаемые у них, организовывали центральный поток экспорта венецианских образов. В отличие от классических ведут открытка (вошедшая в быт в последнюю четверть XIX века) и идущая с ней бок о бок фотографическая карточка имели славу эрзац-искусства («И это она, его Вене-

---

берегу, избивая отвратительных крабов и огромнейших медуз» (Письмо И. С. Остроухова к Е. Г. Мамонтовой от 17 мая 1887 г. // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Л., 1971. С. 255).

[324] Ср. беглый очерк акустического портрета: «Вокруг – мягкий, своеобразный шум Венеции, не знающей грохота колес по мостовой, тяжелого хлопанья бичей, шума трамваев, скрипа обозов; – нет, легкий плеск весла под ударами весел, чей-то звонкий смех, чья-то канцонетта „под тихий звон гитары“, мелодичный говор Италии – сам музыка, сам гармония…» (Щепкина-Куперник Т. Письма издалека. <Т. 1.> М., 1903. С. 378).

[325] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. С. 149–150.

[326] Новоселов Ю. Венеция. <СПб., 1907.> С. 15.

[327] Е. К-ва. Венеция. Страничка из моих воспоминаний // Русские учителя за границей. Год третий. М., 1912. С. 206.

[328] Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 162–163. Ср. в описании вечерней пьяццы в венецианском рассказе З. Н. Гиппиус: «Сильно пахло фиалками, темные пучки которых продавали надоедливые и некрасивые женщины. Площадь походила на большую бальную залу, только более прекрасную, чем всякая бальная зала, потому что над нею вместо потолка были небеса» (Гиппиус З. Н. Зеркала. Вторая книга рассказов. СПб., 1898. С. 239).

[329] Немирович-Данченко В. И. Волны. <М., 1907.> С. 259.

ция, равнодушно продает свою красоту пошлой интернациональной открытке» [330]), но именно благодаря этим бумажным эмиссарам ключевые образы города заранее оказывались знакомы большинству впервые в него приезжавших: «Вид на Б. Канал и остров S. Gorgie Maggiore показался мне до странности знакомым. Действительно, так часто приходилось видеть на картинах и фотографиях силуэт купола и башни на прозрачном небе, что кажется, будто видела все это уже не раз. Впечатление чего-то знакомого усиливалось еще и благодаря луне, которая картинно освещала края несущихся облаков»[331].

Весьма выразительный диалог с продавцом открыток описан в сатириконском травелоге:

> – Cartolina postale!
> – No, signore.
> – Cartolina postale!!
> – No, no!
> – Cartolina postale!!
> – Не надо, тебе говорят!
> – Русски! Ошень кароши cartolina… Molto bene.
> – Русски, а? Купаться! Шеловек! Берешь cartolina postale?
> – Убирайся к черту! Алевузан, пока тебе не попало.
> – Господин, купаться, а? – заискивающе лепечет этот разбойничьего вида детина, стараясь прельстить вас бессмысленными русскими словами, Бог весть, когда и где перехваченными у проезжих forestieri russo.
>
> Я сначала недоумевал – чем живут эти люди, от которых все отворачиваются, товар которых находится в полном презрении и его никто не покупает?
>
> Но скоро нашел; именно тогда, когда этот парень шел за мной несколько улиц, переходил мостики, дожидался меня у дверей магазинов, ресторана и, в конце концов, *заставил* купить эти намозолившие глаза венецианские открытки.
>
> – Ну, черт с тобой, – сердито сказал я. – Грабь меня!
> – О, руссу… очень карашо! Крапь.
> – Именно – грабь и провались в преисподнюю. Ведь ты, братец, мошенник?
> – Купаться, – подтвердил он, подмигивая[332].

Если продавцы открыток могли атаковать потенциального клиента практически по всей Венеции (хотя, конечно, число их возрастало пропорционально популярности маршрута), уличные фотографы в основном промышляли на пьяцце, причем подавляющее большинство венецианских фотографических сюжетов сводилось к кормлению объектом фотосессии легендарных голубей: «Мы сидели в кафе перед Марком; мы видели: голуби Марка летали; и местный фотограф снимал англичан, снисходительно занятых созерцанием голубей…»[333]; «Голуби св. Марка – эти последние священные птицы Европы, которых не посмели тронуть никакие политические и социальные перевороты, – чувствуют себя хозяевами лучшей в мире площади.

С туристами они уже окончательно не церемонятся и, кажется, признают за ними только два права – кормить их кукурузными зернами и сниматься с ними на пластинках „мгновенной“ фотографии. И нет такого толстого пивной толщиной Немца и худой „прерафаэлитской“ худо-

[330] Петровская Н. Мертвый город (Письмо из Венеции) // Петровская Н. Разбитое зеркало. М., 2014. С. 396.

[331] Е. К-ва. Венеция. Страничка из моих воспоминаний // Русские учителя за границей. Год третий. М., 1912. С. 207.

[332] Аверченко А. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южанина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. С. 62–63.

[333] Белый А. Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. М., <1921; на обл.: 1922>. С. 24–25.

бой Англичанки, которые не запечатлели бы своих „персон“ в этой живой рамке»[334]; «Главными же занятиями туристов было фотографирование и кормление знаменитых венецианских голубей. Голуби эти были знамениты не своим внешним видом, который был тот же, что у их сородичей на всем земном шаре, а количеством и беспримерной назойливостью. Они клевали зерна и хлебные крошки прямо под ногами людей, а самые дерзкие отваживались садиться на их плечи и головы. Воркование, треск голубиных крыльев, стук клювов о каменные плиты производили шум, почти заглушавший многоязычный говор и возгласы продавцов сувениров. Для голубей с лотков продавали пакетики с кормом»[335]; «Голубей этих кормит приходящая сюда публика продающимся тут же кукурузным зерном в небольших пакетах. Как только голуби завидят кого-нибудь с таким пакетом, они тотчас же подлетают к нему целой стаей, садятся на голову, плечи, руки. Получаются преинтересные, оригинальные картины, которые публика и оставляет себе на память при помощи тут же бродящих фотографов с ручными аппаратами»[336].

Впрочем, по некоторым версиям, в пакетике с голубиным кормом была не кукуруза, а горох[337] (хотя место действия и герои сцены не меняются): «В той же позе, как помните, тогда и тогда, всегда и ежедневно, стоит перед фотографом немецкая большеногая и крупнорукая дама и кормит голубей, привлеченных горохом (цена – пятачок за пакет)»[338]. Через двадцать один год немецкая корпулентная дама на этом же самом месте испортила снимок одному из редких советских визитеров:

> От гидов и мальчишек мы кое-как отбились, но отвязаться от голубей и фотографов оказалось невозможным. Фотографы приволокли нас к львиным столбам, как приволакивают преступников к позорным столбам. В руки нам сунули мешочки с разваренными бобами. Мгновение – и голубая туча птиц, воркуя и трепеща крыльями, опустилась на наши головы, руки и плечи.
>
> Дважды щелкнул затвор. Сняли нас вместе, потом спутницу отдельно.
>
> Но когда на следующий день в отель прислали снимки, – один из них был чудовищен. Фотограф, взволновавшийся при виде туристов, забыл вынуть из аппарата оставленную со вчерашнего дня пластинку, уже использованную. И на моей голове, просвечивая сквозь голубиную стаю, сидела огромная немка. Такой снимок мог бы разрушить самое прочное семейное счастье[339].

---

[334] Перцов П. Весенняя Венеция // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 170 (гранки невышедшей статьи).

[335] Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 248.

[336] Де-Витт М. Воспоминания о Венеции // Сборник «Литературный путь» / Сост. под руков. препод. В. А. Зыкова. Умань, 1916. С. 9.

[337] По еще одной версии, в пакетиках было просо: «В Венеции при ослепительном солнце на ослепительной пьяцце Сан-Марко расхаживали стаи белых голубей, откормленных просом, которое тут же бойко продается стаканами по два сольдо за стакан» (Лентулов А. Воспоминания. СПб., 2014. С. 87).

[338] Осоргин М. А. Венеция // Русские ведомости. 1913. № 135. 13 июня. С. 5.

[339] Лавренев Б. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1995. С. 44.

23

Классическими предметами венецианского экспорта (если не считать воспоминаний) были кружева, изделия из мозаики, муранское стекло и – как ни странно это звучит – изделия из дерева[340]. Путеводители советовали покупать это в специализированных магазинах или на фабриках, причем список рекомендованных мест существенно отличался в разных источниках. Так, известный нам В. М. С. советовал приобретать мозаичные и стеклянные предметы в Compagnia de Vetri e Mosaici di Venezia e Murano на Большом канале, а кружева – в Jesurum на пьяцце, присовокупляя: «В аркадах прокураций, на Merceria и на Sallizada San Moisè множество магазинов, где можно покупать всякие безделушки, серебряные и золотые изделия. В Венеции принято торговаться, так как продавцы очень сильно запрашивают»[341]. Филиппов не называет адресов, ограничиваясь рекомендацией: «*В магазинах* следует торговаться, как и везде в Италии: *хорошенькие венецианские безделушки* из стеклянной мозаики, золотые ажурные вещи, деревянные изделия, зеркала и кружева. Любопытно посетить школу *кружевниц*, чтобы иметь понятие о работе знаменитых венецианских кружев (адрес в гостинице). Лучшая выставка их – у *M. Jesurum*»[342].

Ассортимент сувенирных лавок многократно, хотя и пренебрежительно вскользь, описывался путешественниками: «Преобладают магазины с венецианскими сувенирами для иностранцев. Раковины с видами лагуны и Дворца дожей, резьба по камню, лев. Св. Марка во всех видах, какие-то султаны из цветных бус… Как знакомо это все по бабушкиным сундукам и горкам в обветшалых „дворянских гнездах“…»[343]; «Магазины Венеции ярко освещены, имеют нарядный вид, но товары вообще грошевые и рассчитаны на туристов, наполняющих свои чемоданы сувенирами (безделушки из стекла, стеклянная мозаика, плохие кораллы, чаще поддельные, и открытки всех видов)»[344]; «Всюду в уличках было очень много магазинов с разными хрустальными безделушками, эстампами, гравюрами, открытками, кружевами, вышивками. Всюду в витринах то и дело мелькали виды собора св. Марка, Дворца дожей, Кампаниллы, крылатого льва св. Марка. В уличках стоял полумрак, только наверху небо светилось, голубело, как тонкая нежная эмаль»[345].

На более взыскательный вкус были рассчитаны антикварные магазины, также имеющие свою градацию – от лавок древностей до роскошных салонов. Искусствовед и коллекционер И. И. Лазаревский, в недобром 1939 году вспоминавший свои венецианские прогулки в письме к Э. Ф. Голлербаху, особенно отмечал: «Кое-где чернели ниши старьевщиков, где удачливому собирателю могло встретиться сокровище, немыслимое в лавках блестящих антикваров

---

[340] Ср., кстати, неожиданное замечание Брюсова: «Венеция бедна, и как могло быть иначе! Это город-паразит, без настоящей жизни, без будущего. В былые века ее положение в лагуне давало ей стратегическое и через то торговое значение. При современной технике войны и при современном политическом строе она – ничто. Жизнь и торговля отхлынули от нее. Венеция производит только ненужные вещи: художественное стекло, мозаику, кружева, мелкие articles de Venise, которые покупаются на память. Предметы первой необходимости, мясо, овощи, плоды, ткани, металлические изделия – все привозное» (Брюсов В. Венеция (От нашего корреспондента) // Русский листок. 1902. № 169. 23 июня. С. 3 (подп.: Аврелий)).

[341] В. М. С. Первая экскурсия в Италию с маршрутом на 28 дней, записью практических сведений и дорожным словарем. С. 277.

[342] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 4-е издание. С. 87–88.

[343] Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб., 2007. С. 39.

[344] Экскурсант. Бегом по Западной Европе (Путевые впечатления) // Русские учителя за границей. Год первый. М., 1910. С. 132.

[345] Волжанин О. Венеция // Русская иллюстрация. 1915. № 18. С. 16. Ср., кстати, появление венецианских сувениров в прозе Белого: «Аполлон Аполлонович распахнул быстро дверь, опираясь рукой на хрустальную, граненую ручку; по блистающим плитам паркетиков застучал его шаг; отовсюду бросились горки фарфоровых безделушечек; безделушечки эти вывезли они из Венеции, он и Анна Петровна, тому назад – тридцать лет. Воспоминания о туманной лагуне, гондоле и арии, рыдающей в отдалении, промелькнули некстати так в сенаторской голове…» (Белый А. Петербург. М., 1981. С. 16).

с мировыми или, во всяком случае, европейскими именами на площади Марка или где-либо в ином месте левой Венеции. Но на этот раз мои коллекционерские вожделения меня не тревожили и я не задерживался около первоисточников местного антикварного рынка»[346]. Профессиональные собиратели и антиквары предпринимали специальные экспедиции в поисках образцов местной живописи, порой наводя деловые контакты заранее – так, уже упоминавшийся М. С. Щекин задолго до визита писал постоянно живущему в Венеции П. Л. Вакселю:

> Об одной пришедшей мне мысли я очень хотел бы Вашего совета. Конечно при первой же поездке в Италию я поеду в Венецию и буду искать там, но до того времени не было бы полезно условиться с Toppoli и Zanon, если эти антиквары представляются наиболее солидными, чтобы они присылали мне фотографии, хотя бы любительские, описания и цены более выдающихся и ценных вещей Trecento, которые впредь будут им попадаться[347].

Он же, добравшись наконец до предмета своих разысканий, рапортовал тому же Вакселю:

> Мне очень хочется, памятуя Ваше разрешение, сообщить Вам о первых своих впечатлениях. По части картин-образов я еще начал только обход антикваров, ближайших к гостинице, но уже вижу, что выбор во всяком случае будет большой и кой на чем можно будет сойтись[348].

Редкая собирательская удача ждала в Венеции преуспевающего адвоката и коллекционера М. Ф. Ходасевича (брата поэта); подробности – в воспоминаниях его дочери:

> Мы уже не впервые в Венеции. Я еще не взрослая, но позволяю себе в музеях кое-какие собственные суждения. Это нравится родителям, но иногда вызывает смех. Жара нестерпимая. Мама днем лежит в гостинице, а мы с отцом предпочитаем в самое пекло ходить по солнечной стороне. Папа говорит: «Запасемся теплом на зиму». Конечно, отец и в Венеции отыскивает антикваров, а в тот счастливый день мы набрели с ним на лавку барахольщика близ площади святого Марка, в каком-то закоулочке, около башни с часами.
>
> Входим. Полутьма, пыльно. Я спрашиваю:
>
> – Можно ли посмотреть?
>
> – Prego (пожалуйста), – отвечает лениво пожилой толстый хозяин и продолжает сидеть в каком-то полусломанном необычайно роскошном кресле, обмахиваясь от жары и от мух сложенной веером газетой. Он мало заинтересован в нашем посещении. Отец рыскает взглядом по стенам и полкам. Я за отцом – хвостиком, тоже вижу, что ничего красивого нет. Отец говорит:
>
> – Поддержи – вот тут у стены какие-то картины и доска. Давай посмотрим.
>
> И вот отец добирается до доски примерно в аршин высоты и чуть меньше в ширину, ни зги не видно – пыль, из которой выступает серебряный почерневший вырезной оклад нимба, очерчивающий обычно голову святых, – он с рельефами, и кое-где вставлены камни. Отец заметно волнуется, становится спиной к хозяину, подгибает ногу, опирает икону на коленку, говорит мне резко:

---

[346] Письмо от 14 июня 1939 г. – Э. Ф. Голлербах и И. И. Лазаревский. Из переписки 1930-х годов. Публ. О. С. Острой и Л. И. Юниверга // *Минувшее*. Т. 16. М.; СПб., 1994. С. 385.

[347] Письмо от 1 июня 1905 г. // РНБ. Ф. 123. Ед. хр. 474. Л. 13.

[348] Письмо от 1/14 июня 1906 г. // Там же. Л. 72.

– Поддержи, мне нужна рука, а я ведь на одной ноге… – и, освободив правую руку, плюет на палец и трет около оклада, что-то проясняется… вытаскивает из кармана носовой платок и говорит, подставляя его мне: – Плюй! – Видно, у него от волнения пересохло во рту.

Я плюю, и он еще протирает в другом месте, опускает ногу, я отпускаю доску. Отец, с равнодушным лицом поворачиваясь к спящему хозяину, говорит мне:

– Буди!

Я трясу толстяка боязливо за рукав, он, ошеломленный сном, моргает, потягивается и говорит:

– Se usi fa troppo coldo (Простите! Слишком жарко сегодня.)

Папа с равнодушнейшим видом говорит ему:

– Quato costa? (Сколько стоит?), – а мне: – Объясни, что эта черная доска нужна мне как доска, если недорого, то я ее куплю, – ведь не зря же ты изучала итальянский язык у «Данте Алигиери» (общество в Москве, где я начала изучать итальянский язык).

Не без труда я составила фразу. Хозяин хочет взять доску, папа ее цепко держит. Хозяин плюет на оклад, протирает выпуклость (что-то вроде ерундовского аметиста). Папа говорит:

– Пусть берет себе эти драгоценности – мне нужна доска. Делай вид, что уходим.

– Aspetta! (Подождите!) – И владелец лавки, к папиному изумлению, лениво называет какую-то очень маленькую сумму, объясняя, что вот если бы картины – другое дело, они денег стоят, а эту деревяшку берите, – наверное, в картинах вы не разбираетесь!..

Папа с просветленным от счастья лицом говорит:

– Кажется, что-то очень интересное попалось – идем скорее к маме хвастаться.

В гостинице отец сразу же стер с доски пыль и протер сырой ватой. Изнеможенная мама оживилась, привстала и ахнула – мы увидели прекрасный лик божьей матери, держащей на руках младенца Христа. И спокойствие и грусть выражало лицо мадонны (в натуральную величину). Скомпоновано с необычайным мастерством. В смысле цвета – трудно было разобраться. Помню, что фон оливково-зеленый. Все быстро «погасло», как только высохло. Вещь поразительная!

Вскоре надо было возвращаться в Москву. Заказали ящик, бережно уложили «Мадонну».

В Москве отец вызвал своих двух реставраторов, и они долго расчищали «Мадонну», которая засияла изумительной красотой и мастерством живописи. Фон весь был новоделом, а под ним блестело благороднейшего оттенка золото. Золотом же были написаны орнаменты на одеяниях.

К отцу начали приходить знатоки и коллекционеры икон. Сошлись на том, что «Мадонна» итало-греческого письма XIV–XV века и создана великим мастером. Многие предлагали отцу огромные деньги за эту вещь или обмен на любые картины из их коллекций, но отец благоговел перед красотой «Мадонны» и сказал, что он хочет, умирая, ее видеть. Так и было[349].

[349] Ходасевич В. Портреты словами. М., 1987. С. 54–56.

Регулярные успехи русских собирателей создали им особенную славу (впоследствии по известным причинам потускневшую): так, герой рассказа Немировича-Данченко, разыскивающий своего знакомца, оказывается в миланской антикварной лавке, где с трудом выдерживает осаду владельца:

> – Я не покупаю картин.
> – Значит, вы не любите искусства? Значит, вы…
> – Не потому вовсе… А потому, что у меня нет денег для таких покупок.
> – Эге… нет денег. – И он недоверчиво подмигнул мне глазами. – Как же это, чтобы у русского да не было денег? Где же виданы такие русские?… Ну, это уж знаете… Скажите уж просто, что вы у старика Луидже-де-Верме не хотите купить, ну я и удовольствуюсь этим. А то на-ко… Денег нет… Да вы знаете, что ни у кого нет столько денег, сколько у русских. Вот что, синьор, я вам могу и в долг поверить. Настоящий Гверчино…[350]

Как и в других туристических местах, существенная часть выставленных в антикварных лавках предметов представляла собой более или менее беззастенчивую подделку, зачастую изготовленную в непосредственной близости – не только хронологической, но и географической. Одно из такого рода производств наблюдал своими глазами Ю. Новоселов:

> На пороге своей лавченки какой-то человек стучит молотком по странного вида кольчуге – это «мастерская древностей». Где-нибудь на площади Св. Марка в шикарном магазине изделия этой мастерской продаются как древние вещи, на которые так падки приезжие иностранцы, а тут неподалеку в переулке их приготовляют «деятели древностей», оглушая прохожих стуком своих молотков[351].

В тесной симфонии с продавцами сувениров действовали гиды или чичероне. Путеводители единогласно не советовали пользоваться их услугами («*Проводникам* (чичероне) *отнюдь не следует доверяться*. Они, впрочем, в Венеции *совершенно бесполезны*»[352]) или по крайней мере критически относиться к их рекомендациям («Гиды (guide, la guida) – получают 6–10 фр. (2 р. – 3 р. 50) в день. Только никогда не надо делать покупок или торговаться с их помощью, так как везде и всюду они выгадывают кое-что и в свою пользу»[353]). Один из самых распространенных венецианских сюжетов – о том, как гид обманом заводит клиента на фабрику, рассчитывая на комиссионные:

> Нас порядочно раздосадовал, а вместе и насмешил своим не особенно хитрым плутовством один из праздношатающихся по площади св. Марка венецианских граждан. Подбежал он к нам перед самыми воротами св. Марка с предложением показать и объяснить подробно все замечательности собора, и хотя я вообще мало доверяю подобным добровольцам-чичероне, но, чтобы не отвлекать своего внимания постоянными справками с Бедекером, предоставил этому индивидууму вести нас в собор. Повертевшись немного в одном из приделов, гражданин сей заявил нам с серьезным видом, что сейчас начнется какая-то важная служба в центральном алтаре, почему неловко

---

[350] Немирович-Данченко В. И. Волны. <М., 1907.> С. 203–204.

[351] Новоселов Ю. Венеция. <СПб., 1907.> С. 14.

[352] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 4-е изд. С. 88. Немирович-Данченко особо отмечал, что любого туриста с томиком Бедекера в руках итальянский гид считал своей законной добычей: «Вас уже заметили, уже увидели в руках ваших красную книжку самые злейшие враги путешественника – гиды. Со всех сторон они несутся к вам – и в шапках с золотой надписью: „гид для туристов“, и в обыкновенных шляпах» (Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 91).

[353] Жданов Л. Г. Русский в Италии. С. 45.

будет осматривать главный храм, а мы можем тем временем увидеть другие интересные вещи, куда он нас и поведет. Воображая, что он хочет показать нам со всех сторон наружность собора и какие-нибудь неизвестные мне боковые его капеллы и памятники, мы спокойно пошли за ним; но когда увидели, что он тащит нас по каким-то темным проходцам и переулочкам через канал, что омывает сзади собор и дворец Дожей, и через который перекинут знаменитый «Ponte dei Sospiri», «мост Вздохов», – соединяющий упраздненные старые темницы дворца с огромным мрачным зданием современной тюрьмы, – то я сообразил, что тут какая-то плутня, и стал кричать бежавшему впереди прыткому чичероне нашему – вернуться сейчас назад. Но лукавый итальянец удирал себе торопливее вперед, притворяясь, что не слышит; и не успели мы переступить через мостик канала, как очутились в распахнутых дверях большой фабрики венецианских хрусталей и мозаик сеньора Паули. Агент фабрики стоял уже на пороге и приглашал нас самым радушным образом осмотреть фабрику, всучивая нам билетики на вход; чичероне же наш, сдав таким ловким образом свою добычу с рук на руки агенту фабрики, которая его очевидно высылала для ловли иностранцев, – стушевался во мгновение ока, даже не пытаясь получить с нас что-нибудь за свое путеводительство, несомненно, оплаченное заранее фабрикою, так что мы нигде не могли найти его потом…[354]

Еще в большей степени пользовались таким методом привлечения клиентов фабрики стекла на Мурано, которые почти не могли рассчитывать на туристов, забредающих самотеком. Атаке муранского комиссионера подвергся уже хорошо известный нам артиллерийский офицер Нацвалов:

Утром 11-го ноября, только что вышел на площадь, как ко мне пристал молодой, высокий итальянец, уговаривая по-французски сейчас же поехать посмотреть музей, выставку и знаменитую стеклянную фабрику в Мурано (городок на острове). Он так был настойчив, что я согласился и, сев на пароходик, мы поехали по Большому каналу вниз к железнодорожной станции. Остановившись на одной пристани, мы высадились, направились пешком по узким улицам и переулкам и подошли, наконец, к большому дому. Войдя в него, я познакомился с директором стеклянной фабрики, очень красивым, полным брюнетом, средних лет, который любезно показал мне целый ряд комнат с выставленными на столах стеклянными произведениями фабрики в Мурано. <…> Не желая связываться с дорогим стеклом, чтобы не возиться с ним в дороге, взяв лишь прейскурант и поблагодарив директора, я поехал с проводником на пароходике же на остров Мурано. Через полчаса, прокатившись по тихим водам Адриатики, доставившей мне удовольствие, я увидел самый остров. Выйдя на берег, мы направились к фабрике. Войдя в нее, там, у горнила стеклоплавильной печи, кипела работа. Стекло плавили, брали его железными прутьями-щипцами, и, вертя ими, или отрезали часть, или же, придав ту или иную форму, опять клали в печь, а затем вновь придавали полужидкому, раскаленному докрасна стеклу – вдуванием или в особых формах – тот или другой вид, и – появлялись: кувшин, графин и т. п.[355]

[354] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 257–258.

[355] Нацвалов Л. Рассказ о моем первом заграничном путешествии. Тифлис, 1916. С. 84–85.

Гораздо более устойчивым к агрессивному маркетингу оказался художник А. В. Лентулов:

> Нам хотелось прокатиться на тот берег лагуны, где стоит монастырь Св. Георгия. Мы садимся в гондолу, предупрежденные, что гондольеры все как один, куда бы вы ни захотели ехать, считают долгом непременно завезти вас на фабрику венецианского стекла. Мне же до черта не хотелось ехать на эту фабрику, о чем я предупредил гондольера. Но увы, я уж вижу, что он едет не туда, и так и привез нас все-таки на фабрику. Тогда я тоже разупрямился и не вылез из гондолы, чем, очевидно, нанес и материальный, и моральный ущерб сему упрямому гондоловожатому. Он с досадой повернул обратно и повез не к Георгию, а назад в Пьяцетту, где мы сели. Самолюбие и гордость мои разыгрались до предела. Я чувствовал, что сей гондольер считает нас не лучшими из путешественников, т. е. англичан или американцев, которые не могли бы не оказать восхищения знаменитому стеклу. Но я, по правде говоря, к тому же видеть не могу подобного рода редкости и не привез с собой в Москву ни одной из этих пошлейших реликвий вроде Сан-Марко в сталактитовой скале и пр. мерзопакостей.
>
> Выходя из гондолы, я не знал, чем бы изничтожить сего зарвавшегося мавра, и на скорую руку единственно мелькнула мысль попробовать пройти, не платя ему за проезд, т. к. он не выполнил нашего уговора. Но тут же вышел неожиданный камуфлет: сей мавр, сложив на груди довольно могучие руки, преграждая мне дорогу, заявляет по-французски: «Жё сюи венециано». Гордость и моя патриотическая спесь разыгрались до пределов. Тогда я тоже, сложив не менее могучие руки, довольно изрядно оттолкнув заградителя, к стыду своему, не знаю почему, отрекаюсь от своего отечества и заявляю: «Жё сюи англе». Эффект был неожиданным. Гондоловожатый вдруг, правда, деланно, но все же снимает свою широкую шляпу, размахнув ею широко. Тогда я, приняв позу лорда, бросаю ему лиру в эту шляпу, но кажется она в шляпу не попала, а покатилась по площади. До чего сильно развито раболепство мавров перед золотосумами-лордами[356].

Совсем другой человеческий и профессиональный тип представляла собой постоянно жившая в Италии группа русских гидов, обслуживавших учительские экскурсии в первой половине 1910-х годов. Координировал их деятельность постоянно проживавший в Риме М. А. Осоргин[357]; за венецианскую часть экскурсий в разные годы были ответственными Б. А. Грифцов и В. И. Стражев (а в качестве руководителя группы приезжал А. М. Эфрос – «высокий бородатый брюнет с презрительными глазами и высоким, матовым лбом», по словам одной из экскурсанток[358]). Летом 1910 года они встретились в Венеции, после чего Стражев там остался, а Грифцов уехал – и слал письма, звучавшие все горше по мере удаления от Адриатики: «Милый Венецианец. Сколь это ни странно, но, пожалуй, в Венеции жилось лучше, здесь много великолепнее, но тишина и черные платки незабвенны. Но как чудесна была Феррара! Но, конечно, из Флоренции никак не уедешь и думать не хочется, хотя доиг-

[356] Лентулов А. Воспоминания. СПб., 2014. С. 88–89.

[357] Ср. в его мемуарах, при воспоминании о римском кабачке, бывшем штаб-квартирой русских экскурсантов: «В последние годы моей итальянской жизни в кабачке обедали в летние месяцы русские народные учителя, приезжавшие группами по пятьдесят человек; обычно сталкивались здесь сразу две группы, было весело, суетливо, нелепо – кусок России под виноградным навесом. Это были мои дети, их проехало через Рим и другие города Италии три тысячи; мои помощники читали им лекции и показывали музеи, на мне лежала работа организаторская, трудная и отрадная» (Осоргин М. Времена. Происшествия зеленого мира. М., 2005. С. 119).

[358] Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 68.

рываемся во всякие лотереи. Про экскурсантов здесь говорят: они очарованы в Венеции Стражевым! С успехом! Хотя четвертые едва ли лучше третьих. Привет тебе и Венеции. Б. Грифцов»[359]; «Наши ясные дни так скоро кончились. О что за ужас возвращаться в Россию. Здесь так холодно, такой моросит дождь. Можно ли в один месяц так отравиться! О коварная Италия!»[360]

На следующий год Стражев вернулся в Москву, а его в Венеции сменил Грифцов, делившийся своими педагогическими впечатлениями:

> Вчера проводили вторую группу. <…> Время отнимают они, в сущности, все решительно, спрашивают, где клозет, закуривают в Академии, но даже в этих весьма тяжелых группах можно было кое-кого выловить. А, в сущности, здесь может быть совершенно все равно, кого вылавливать, с кем кататься и шататься. Дни идут, от них ничего не остается, никакого следа. Быть может, так и следует существовать на свете. И чем больше привыкаешь к Венеции, тем она все-таки становится необычнее и себя узнаешь и чувствуешь все меньше и меньше. За возможность прожить здесь можно еще много больше всяких лекций прочитать, только бы в минуту свободную выйти на пьяцетту и чтобы было рядом Pal<azzo> Duc<ale>. Правда, все складывается так странно, что где жить важнее, чем с кем, и чем что делать. Делать, наверное, ничего не придется, а вот только легко скользить. Есть, конечно, во всем этом и какая-то доля крайнего отчаяния. Но и в таком случае в Венеции лучше, ты, конечно, прав: „и для тех она и для других“. Вот только бы выиграть кое-что и подольше не думать о Москве. – Сейчас заходит солнце, стрижи носятся, пойду поискать еще какие-нибудь неизвестные уголки[361].

Уровень знаний обоих экскурсоводов был беспрецедентен для представителей этой профессии (и, увы, намного превышал перцептивный потенциал их обычной аудитории), так что свидетель мог с полным основанием сказать: «<…> на местах экскурсанты находят готовые квартиры, заботливый стол – все не слишком роскошно, но вполне достаточно, чтобы облегчить главную задачу: знакомство с тем, что может дать Италия. В этом же последнем отношении русские экскурсии поставлены в совершенно исключительные условия. Они обладают тем, чего лишены участники самых фешенебельных экскурсий англичан или немцев. Вместо бесстрастных и формальных „гидов“ – их направляют сведущие люди и подлинные художники. „Руководители“ русских экскурсантов – в большинстве знающие и талантливые люди – с истинно русской безудержностью отдаются своему трудному делу»[362].

---

[359] Письмо Б. Грифцова к В. Стражеву из Флоренции от 2 июля 1910 г. // РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 1. Ед. хр. 310. Л. 4. Контекст и подробности этой переписки см. также на с. 950–959 наст. изд.

[360] Июльское (1910 г.) письмо Б. Грифцова к В. Стражеву из Москвы // РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 1. Ед. хр. 310. Л. 5.

[361] Письмо Б. Грифцова к В. Стражеву от 12 июня 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 1. Ед. хр. 310. Л. 7–8. Ср., впрочем, наблюдение случайного встречного: «В Венеции остановились в маленьком, паршивеньком ресторане, но очень симпатичном. Встретили тут экскурсию русских, и ее руководитель – Грифцов с женой; они очень нам обрадовались. Они все время тут сидят, и им очень скучно. Смотрели в Венеции, главным образом, Тинторетто; ужасно интересно, тем более что раньше на него не обращали внимания. Кроме того, было празднество: фейерверки, масса лодок, пение, мандолины; была луна, но ее за светом и дымом не было видно. В городе много иностранцев, и все ведут себя по-разному: англичане важно и аристократично, немцы важно и грубо, а русские – как должно, и к ним относятся хорошо. Видели здесь серьезных, с животиками, в ситцевых кофточках русских учительниц; на все смотрят и ахают» (письмо В. Фаворского к родителям от 28 июня 1911 г. // В. А. Фаворский. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. М., 1991. С. 105).

[362] К. В. <Осоргин М. О.> Русские экскурсанты в Италии // Русские ведомости. 1914. № 181. 8 августа. С. 5. Ср., впрочем, не слишком добродушное изображение русской лекции во Дворце дожей: «Итак, милостивые государи и милостивые государыни, – громко гудит сочный московский голос, – Венеция, так сказать, в продолжение, так сказать, многих веков, так сказать, накопляла… <…> Это была экскурсия русских учительниц!» (Тэффи. Заметки путевые и непутевые. СПб., 1912. С. 29–30).

24

Большинство туристов, приезжавших в Венецию, обходилось без услуг гидов, ограничиваясь советами путеводителя. Степень подробности предпринимавшегося ими осмотра зависела прежде всего от продолжительности пребывания. Почти единодушно на экскурсии по городу отводилось не более трех-четырех дней: даже такой италофил, как М. Осоргин, вообще предлагал ограничиться двумя:

> Жить здесь? Ни за что! Но пробыть здесь только день – слишком мало! Двух утр и двух ночей требует Венеция. На третий день она делается надоедливой, вульгарной, скучной. Сразу испита и поглощена ее краса, ее позолота линяет, как румяна под утро. Несносным делается воздух ее каналов, пошлость проступает сквозь живую красоту синими, гнилыми пятнами. И хочется скорее домой, в неисчерпаемый Рим, любезный тем, кто дольше его знает. Выходя из гондолы перед зданием вокзала, бросьте в воду канала приставшее к платью и подошвам ощущение греха, которым полна Венеция[363].

Составитель подневной схемы «Первая экскурсия в Италию» отводил на Венецию три дня (жертвуя для любителей факультативный четвертый), предлагая обходить достопримечательности по следующей схеме:

> *Первый день.*
>
> Утренний маршрут. Собор Святого Марка. Дворец дожей.
>
> Дневной маршрут. Пьяцца. Двор дворца дожей. Пьяцетта. Моло (набережная перед дворцом). Мадонна делла Салюте. Сан Джорджио Маджоре.
>
> Вечерний маршрут. Поездка на Лидо.
>
> *Второй ден*ь.
>
> Утренний маршрут. Обзорная экскурсия по Большому Каналу. Музей в здании Фондако деи Турки.
>
> Дневной маршрут. Дворец Джиованелли. Церковь Мариа деи Мираколи. Памятник Коллеони. Усыпальница дожей. Больница. Церковь Мариа Формоза.
>
> Вечерний маршрут. Поездка в городской сад.
>
> *Третий день.*
>
> Утренний маршрут. Памятник Виктору Эммануилу. Церковь Сан-Захария. Церковь Иль Реденторе. Церковь Джезуати на Фондаменте делле Затере. Академия.
>
> Дневной маршрут. Церковь св. Себастьяна. Скуола Сан Рокко. Церковь деи Фрари. Архив. Картины, временно помещенные в церкви св. Фомы. Путь от пристани св. Фомы до площади св. Марка.
>
> Вечерний маршрут. Мерчерия. Мост Риальто. Концерт на площади св. Марка[364].

Любому, знакомому с венецианской топографией, очевидно, что буквальное исполнение этой инструкции потребовало бы сил почти нечеловеческих, так что неудивительно, что среди известных нам путешественников нет практически ни одного, кто в полной мере воспользовался бы таким планом – или хотя бы приблизился бы к нему по масштабу охвата.

---

[363] Осоргин М. А. Венеция // Русские ведомости. 1913. № 135. 13 июня. С. 5.

[364] В. М. С. Первая экскурсия в Италию с маршрутом на 28 дней, записью практических сведений и дорожным словарем. С. 44–55.

Путеводитель Лагова знал (и рекомендовал) в Венеции пять достопримечательностей – Дворец дожей, Пьяццу, собор Святого Марка, Большой канал и Академию[365]. Путеводитель Филиппова добавлял к ним набережную Скьявони, коротко перечислял дворцы по обе стороны Большого канала, останавливался на церкви Мария делла Салюте, упоминал мост Риальто, арсенал, муниципальный музей и еще несколько церквей[366]. Подавляющее большинство экскурсантов ограничивалось лишь началом этого списка.

Почти любая экскурсия начиналась с площади Святого Марка и собора – и, несмотря на регулярные уверения («В тысячный раз описать площадь св. Марка – нет…»[367]), травелоги полны описаний собора и пьяццы: «Площадь святого Марка – это самое красивое, что я видел когда-либо в каком-либо городе»[368]; «Поражен красотой площади Св. Марка, собором, Дворцом дожей. Это такая красота, такая красота, просто словами и не передать»[369]; «Здесь собор Св. Марка – нечто такое, что описать нельзя, дворец дожей и такие здания, по которым я чувствую подобно тому, как по нотам поют, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь»[370], «Площадь св. Марка точно озеро, в котором отражаются дворцы и храм. Дворец дожей это действительно непередаваемая красота, он вечно меняет свою окраску, то он белый как невеста, то нежно-розовый, то туманный, как сегодня, сквозь дождь»[371]; «Солнце так ярко, что трудно смотреть. Сан-Марко, весь белый, горит на солнце, направо знаменитая башня, на которую Наполеон въехал на лошади. За ней сейчас же Палаццо дожей. Белый мрамор смешан с розовым, это лучшее, что пока я видел по красоте и оригинальности»[372]; «Странно, что эта площадь, известная по сотням картин и гравюр, все-таки производит всегда впечатление какого-то чуда, чего-то совершенно нового и нежданного. Фасад Марка сияет и горит, как православный иконостас. И вся площадь как будто погружена в небесную лазурь»[373]; «Площадь Св. Марка безусловно самое красивое и самое опрятное место в Венеции. Ее еще недавно исправляли и она имеет теперь вид великолепной залы без потолка. Она вся вымощена широкими трахитовыми и мраморными плитами и, вследствие отсутствия езды, сохраняет очень ровную поверхность и чистоту, немыслимую при существовании лошадей. На ней можно, по восточному выражению, „есть плов“»[374]; «Целый мир мрамора и золота цветет и горит»[375]; «Он до того цветочен, цветист, стар, светел, в желтом, голубом, более всего в белом, в позолотах, почерневших в веках, – так он весь мягок и нежен, что никакое, кажется, другое здание нельзя сравнить с ним»[376].

При сравнительном единогласии описывающих внешний вид собора (из хора слегка выбивается дискант А. Белого, увезшего ощущение: «Великолепие Марка блистательно давит: религиозное чувство молчит; так и кажется: быстро рассыплется Марк в многоцветные горсти холодных стекляшек»[377]), весьма значительно различаются взгляды на его интерьер. Одна из школ склонна была гипертрофировать роскошь внутреннего убранства:

---

[365] Лагов Н. М. Рим, Венеция, Неаполь и пр. С. 68–75.

[366] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 4-е изд. С. 88–92.

[367] Белый А. Путевые заметки. I. Венеция // Речь. 1911. № 24. 25 января. С. 3.

[368] Письмо К. Д. Бальмонта к матери от 9 сентября 1897 г. – Цит. по: Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 75.

[369] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 137.

[370] Письмо А. П. Чехова к И. П. Чехову от 24 марта / 5 апреля 1891 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 4. М., 1976. С. 202.

[371] Письмо К. Ф. Богаевского К. В. Кандаурову от 29 января 1909 г. // Панорама искусств. Т. 4. М., 1981. С. 150.

[372] Письмо М. В. Нестерова к родным от 19/31 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 24.

[373] Чулков Г. Валтасарово царство. М., 1998. С. 531. Подробнее о пребывании этого автора в Венеции см. с. 1004–1008 наст. изд.

[374] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 265–266.

[375] Волконский С. М. Мои воспоминания. Т. 1. М., 1992. С. 370.

[376] Розанов В. Итальянские впечатления. СПб., 1909. С. 227–228.

[377] Белый А. Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. С. 13.

> Вы входите в храм сквозь темные аркады – и сразу теряетесь и останавливаетесь посередине… Вы – внутри золотого неба, золотых стен. Под ногами вашими, кругом вас – мраморы, яшмы, порфиры… Мраморный легион святых и ангелов встает высоко перед вами на громадной мраморной решетке, заменяющей наш иконостас…
>
> Вместо престола – храмовая гробница св. Марка-евангелиста, похищенная его наивными поклонниками из Александрии, много веков тому назад, и ставшая с тех пор патроном и государственною эмблемою венецианской республики.
>
> Золотая внутренность нашего прелестного храма св. Владимира в Киеве кажется внутренностью хорошенького золотого яйца в сравнении с охватывающим вас здесь золотым и мраморным грандиозным простором.
>
> И это золото, и колер этих яшм и мраморов, и живопись мозаик и фресков <sic>, одевающая по-византийски стены и своды, – все несколько поблекло, потускнело, стушевалось от дыхания веков, и оттого общий тон храма стал еще цельнее и гармоничнее, напоминая собою мягкие, нежно сливающиеся друг с другом тоны дорогого персидского ковра…[378]

Другая школа, напротив, настаивала на сравнительной скромности Святого Марка, особенно в сопоставлении с православной традицией:

> В соборе, несмотря на воскресный день, публики было довольно мало. Толпа молящихся сосредоточивалась главным образом близ главного алтаря. Вследствие ли значительных размеров или других причин, но внутреннее убранство храма мне не показалось очень роскошным, в особенности, если сравнить наши соборы, блистающие золотом, серебром и драгоценными каменьями[379].

Характерно, что на фоне десятков восторженных описаний (здесь дает слабину даже обычно бесстрастный путеводитель Филиппова, заключающий «Площадь С.-Марко – единственная по оригинальной красоте в целом свете»[380]) исключительно трудным представляется вопрос о цене билетов для посещения венецианских достопримечательностей. Из разных русских источников известно, что осмотр часовой башни стоил 50 чентезимо[381], посещение церкви Джованни и Паоло – 15 чентезимо (что должно дать общее представление о стоимости билетов в венецианские храмы), а вход в Академию (одновременно с покупкой каталога) обходился в 2 лиры[382], но, чтобы узнать стоимость входа в Сан-Марко, следует обратиться к безотказному бедекеру: билет стоил 30 чентезимо[383].

---

[378] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 244.

[379] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 267.

[380] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 4-е изд. С. 88.

[381] Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 4-е изд. С. 90.

[382] Две последних цены – по записям расходов И. Ф. Анненского (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 7 об., 8).

[383] Baedeker K. Italy. First part: Northern Italy. Leipsig, 1899. P. 257. Но (этого не знает и Бедекер) внутри собора можно было купить дополнительный билетик для входа в алтарную часть – и эту прозаическую деталь мы узнаем из возвышенного письма будущего пушкиниста М. Гофмана к объекту своей напрасной страсти, падчерице Вяч. Иванова В. Шварсалон: «Какое дивное, сказочное впечатление произвела на меня Венеция с площадью святого Марка, с каналами, с небом, морем, солнцем, с Академией, с палацом <sic> дожей – глубокое впечатление от гармонии природы с искусством, с людьми. Видел страшные темницы (в Пал. д.) где погибали люди, по трупам которых шла история и создавала Данте, Рафаэля, М. Анджело, Леонардо, собор св. Марка, в алтаре которого теперь стоит конторка с электрической лампочкой и продаются билеты (по лире) за вход в алтарь для осмотра великого и святого прошлого Италии. Вечером слушал на гондоле баркароллы. И грустно становится. <возможно, здесь утрачен листок>Италия живет теперь теми лирами и чентезими, которые платят иностранцы за вход для осмотра, для обнажения великого тела человечества. Всякая боль в итальянце убита лирами и чентезими – он существует для иностранцев и когда он просит 10–20 чентезими не верится, что Винчи его соотечественник, не верится, что в этом Cosa

За половину этой суммы туристы могли подняться на Кампанилу – девяностовосьмиметровую башню, возвышающуюся над площадью. Из множества описаний восхождения и вида традиционно выберем детский, хотя и ретроспективно:

> Подъем оказался крут, и наши одеревеневшие ноги с трудом ступали по узким ступенькам. Вид, открывшийся с Кампаниллы, сторицей, однако, вознаградил нас. Отсюда была видна вся Венеция. Вечерело, и низко уже стоявшее на побледневшем небе солнце бросало тени от домов на воду каналов. Разноцветные крыши яркими пятнами пестрели на солнце. На некоторых из них были даже разбиты миниатюрные садики, освежая камень своей зеленью. Пьяцца Сан-Марко прямоугольником простиралась под Кампанилой; на ней кишел народ, казавшийся отсюда скопищем хлебных жучков, деловито снующих взад и вперед на невидимых лапках. И еще одна странность этого города – не было видно ни одного автомобиля, ни одной телеги, ни одного велосипеда, вообще никакого транспорта – одни переходы![384]

Это едва ли не единственная венецианская достопримечательность, в посещении которой возник перерыв, обусловленный не внешними, но внутренними обстоятельствами – 2 июля 1902 г. (ст. ст.) колокольня обрушилась, чудом никого не задев (впрочем, наутро недосчитались кошки сторожа). Для Венеции и для ее русских почитателей это была трагедия мирового масштаба: «С падением башни навсегда испортилось единственное по красоте, значительности и воспоминаниям место на земном шаре – площадь св. Марка. Боль не в ее исчезновении, а в том, что площадь эта вдруг потеряла тысячелетний свой вид. Необходимость ее восстановить – абсолютна»[385]. Развалины кампанилы были похоронены – при большом стечении народа они были погружены на два больших судна, на одном из которых находилась городская администрация и инженеры (злая молва была склонна винить их в катастрофе). Суда отплыли на несколько километров от берега, и обломки башни были преданы воде.

Почти сразу началась работа по восстановлению кампанилы на том же месте и в почти неизмененном виде; единственной уступкой изнеженному веку был лифт, изначально заложенный в проект. Ход строительства, а уж тем более его окончание и торжественное открытие башни широко освещались в печати, в том числе и в российской[386]. Посетивший ее несколько лет спустя О. Волжанин, несмотря на некоторые колористические нюансы, остался доволен:

<sic> жил Петрарка.Что может быть несчастнее итальянца в Риме и грека в Афинах?И какое любопытство, цинизм у туристов. Только любопытство, не любознательность, не изучение и благоговение к этой священной истории человеческой культуры. Неужели Италия только священные камни, неужели только кладбище, в котором похоронено столько живых, неужели прав Достоевский и на этой земле святые тени и живы только одни мертвецы» (письмо от 21 апреля 1908 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 17. Ед. хр. 1. Л. 17 об. – 18 об.).

[384] Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 247.

[385] Розанов В. Итальянские впечатления. СПб., 1909. С. 218.

[386] См., напр.: Торжества по случаю открытия колокольни Св. Марка в Венеции // Огонек. 1912. 21 апреля. Страницы не пагинированы. Любопытные технические детали приводил М. В. Красовский, инженер и историк архитектуры: «Единственно, чем новая кампанила будет отличаться от старой – это техническими приемами, примененными к ее постройке и своим внутренним видом. А именно, старая кампанила состояла из двух башен, стоявших одна внутри другой. В пространстве между наружной и внутренней башнями вилась не лестница, а наклонная плоскость – пандус, по которому, как говорят, можно было подняться даже верхом на лошади. Существует предание, что такое рискованное путешествие проделал Наполеон I.Внутренняя башня представляла сплошной каменный массив; в новой же ее сделали из железа и соединили связями со стенами внешней башни, благодаря чему все здание имеет большую цельность и гораздо большую легкость, нежели старое.Равным образом намереваются в значительной степени облегчить конструкцию шатра, завершающего кампанилу. Прежде это была каменная пирамида с конической пустотой внутри, но с бесцельно тяжелыми, массивными углами; теперь же шатер будет исполнен из железобетона, а сверху его покроют, как и прежде, медными листами, так что разница в конструкции нисколько не будет заметна. С той же целью облегчить всю конструкцию кампанилы пьедестал ангела будет сделан внутри пустым» (Красовский М. Письмо с дороги // Зодчий. 1910. № 42. 17 октября. С. 413).

> Венеция должна была воссоздать Кампаниллу, и она это сделала. Правда, вид ее нового, свежего кирпича немного режет глаз, напоминая огромную фабричную трубу, но она все же необходима, ибо она – неотъемлемая составная часть этой площади. С высоты этой высокой башни древние венецианцы наблюдали приближение галер к Венеции, и она же служила маяком для тех, кто когда-то плыл в Венецию…
>
> Подняться теперь на самый верх Кампаниллы ничего не стоит, ибо имеется прекрасный, хорошо оборудованный лифт; он также в первый момент режет глаз и кажется здесь, в десяти шагах от собора св. Марка и его бронзовых коней и кружевных, точно выточенных из слоновой кости ар<к>ад и подоконников Дворца Дожей, неприятным диссонансом. Зато, поднявшись на самый верх, с этим миришься. Открывается такой удивительный вид на самый город, на все каналы и на далекие бледно-синие лагуны. Из амбразур Кампаниллы Венеция кажется высеченной как бы из одного куска камня[387].

Сходными ощущениями собирался поделиться (но не смог: статья не была напечатана) другой взыскательный путешественник, автор книги про Венецию и нескольких включенных в нашу антологию стихотворений П. П. Перцов:

> Площадь св. Марка, с восстановлением колокольни, приобрела своей прежний перспективный вид. Но те, кто помнят старую, подлинную Кампанилью, рухнувшую в 1902 г., не найдут, конечно, в этой репродукции полной замены прежнего. Уж очень розовой, чистенькой, свежеиспеченной выглядит новая Кампанилья! Некоторые детали выдаются слишком резко. А главное – нет на ней благородной патины времени, того налета, который необъяснимым образом сливается со старыми зданиями и составляет главную их привлекательность. Еще менее удачна реставрация лоджетты Сансовино перед колокольней, разрушенной ее падением. Свежий, алебастроподобный мрамор совсем не то, что пожелтевший, как слоновая кость, золотистый мрамор старых венецианских времен. Впрочем, все поправимо: несомненно лет так через пятьсот все это примет приблизительно прежний вид. Остается только подождать терпеливо[388].

[387] Волжанин О. Венеция // Русская иллюстрация. 1915. № 18. С. 16–17.

[388] Перцов П. Весенняя Венеция // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 171 (гранки невышедшей статьи).

25

После подъема на Кампанилу (а иногда и вместо него) шли обычно в Дворец дожей. Для путешественника рубежа веков своеобразие его архитектуры наводило на мысль, что здание перевернуто по сравнению с первоначальным замыслом: эта метафора (кажется, с трудом могущая прийти в голову нашему современнику) встречается в записках нескольких заведомо независимых друг от друга лиц: «Нельзя не изумляться смелости или наивности замысла мавританского здания Палаццо дожей, поставленного верхом вниз»[389]; «Что за диковинная необычная постройка! Два нижних этажа состоят из легких колоннад, а над ними высится тяжелый верхний этаж, редко прорезанный большими окнами. Точно дворец поставлен вверх фундаментом»[390].

Андрею Белому, напротив, архитектура дворца показалась естественной в ее соответствии эпохе, месту и окружению:

> Легкость и грация стрельчатых арок, широко летающих кружевом готики, как-то особенно здесь сочетается с воздухом; всюду розетты над мрамором пышных колонн; а цветки темноватых снаружу <sic> и ярких внутри изощренных витражей вырезывают двенадцатилистия, десятилистия в розовом, в темно-потухшем, в чернотном иль в белом источенном камне стены; дворец дожей таков; бледнорозовый он; он сквозной галлереей стоит и пленяет сквозными розеттами; расстояние окон и плоскости, точно слепые меж ними, и форма (массивный, положенный каменный куб) – все пленительно в нем; этот «стиль» не придумаешь; вырос, как дерево, он в том месте, в веках; и пленительно прорези там кружевеют над дугами арок; и две галлереи – одна над другою; изысканны вырезы острых зубцов верхних стен[391].

Из непременных венецианских экскурсий эта была самой протяженной – полный осмотр включал два этажа, балкон (с классическим видом) и внутренний двор, но опытные путешественники настойчиво советовали не растворяться в деталях:

> Не останавливайтесь подробно на этих картинах, – это невозможно и это бесполезно. Тинторетто, Павел Веронез, Марк Вечелли, Пальма Младший, Бассано и другие венецианские художники шестнадцатого столетия, расписавшие эти залы после большого пожара, истребившего прежние украшения дворца, стремились возвеличить родную республику, увековечив на этих стенах и сводах все выдающиеся моменты ее истории, портреты всех ее замечательных деятелей, и эта официальная живопись их, преследовавшая не столько художественные, сколько патриотические цели, дорога главным образом исследователям былой венецианской жизни и мало интересна в своих подробностях для любителей чистого художества. <…> Гораздо разумнее смотреть на эти расписанные потолки и стены, не вникая в частности, свободным общим взглядом, как на роскошную художественную декорацию исторического дворца, нераздельную с его архитектурными линиями, с его бронзами, позолотою и мраморами, – и тогда вы действительно вынесете полное и цельное впечатление от этого характерного места жительства

[389] Лентулов А. Воспоминания. СПб., 2014. С. 87.

[390] Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М., 2003. С. 297.

[391] Белый А. Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. С. 20.

> старых владык Венеции, еще вполне сохранившего в названиях своих зал воспоминания о протекшей роли их[392].

Маршрут по Палаццо дукале включал в себя проход по Мосту вздохов и посещение тюрьмы, оставлявшей обычно глубокий след в душе зрителя: «Осматривал темницы; они сыры, темны и полны ужаса; там видны следы орудий пыток»[393]; «Тюрьма – это нечто ужасное. Камеры для одиночного заключения без окон. Особенно ужасна тюрьма, где был заключен Марино Фальери, место, где была гильотина, три отверстия, через которые текла кровь казненных в канал, где стоял народ и смотрел на это»[394].

Впрочем, один из венецианских визитеров 1950-х годов, обладавший обширным тюремным опытом, полученным до 1917 года (и чудом избежавший сопоставительных практических занятий в 1930-х), отнесся к увиденному не без скепсиса:

> Вот и знаменитая тюрьма. Камеры верхнего этажа довольно просторны. Стены поражают циклопической кладкой. Два окна. Одно «на волю», другое в коридор. Решетки редкие с перекладинами в детскую руку толщиной. Очень толстые обитые железом двери, чудовищные задвижки и еще более чудовищные замки, очень примитивной конструкции. Такой замок без труда откроет каждый фабричный ученик. Признаюсь, что я был разочарован: какое же это средневековье, коли я при царе сидел в камере во сто раз худшей. Спустились пониже. Там помрачнее – вроде нашего Шлиссельбурга. Спустились еще ниже и вошли в узенький коридорчик, со стен которого стекала струйками вода. По ступенькам мы уходили все глубже и глубже, причем становилось все темнее и темнее. Замигала тусклая электрическая лампочка, освещая туристам сводчатый коридорчик. У кого-то вырвался «ох». Я почувствовал, как все туристы стали жаться друг к другу… По бокам коридорчика – камеры гробы. Маленькие, без окон, лишь с пробитым для бросания хлеба маленьким отверстием. Я попробовал просунуть руку и она ушла до плеча пока я достиг внутренней стороны кладки. Внутри сырость и плесень. Посредине каменный низкий столб, в который вделано железное кольцо. В стенах также железные кольца. Врага плутократии после суда в зале трех запирали в такой каменный гроб, приковывали к кольцу и он мог либо сидеть на столбе либо лежать около него. После дьявольских пыток несчастного уничтожали и труп его бросали в канал. Тут, наконец, я почувствовал настоящее дыхание средневековья[395].

В начале XX века для посещения была открыта лишь небольшая историческая часть тюрьмы – остальное же здание продолжало выполнять свои пенитенциарные функции. В 1910-е годы среди тамошних узников находились двое, поневоле входившие в круг специфических русских достопримечательностей, что на своем опыте (и, кажется, без охоты) почувствовали участники учительской экскурсии: «В Венеции, едва лишь только узнавали о нашей национальности, как считали необходимым тотчас же показать нам тюрьму, где находятся Наумов и Прилуков и которая расположена в самой главной части города, рядом с палаццо дожей»[396].

Речь идет о фигурантах знаменитого уголовного дела Марии Тарновской – киевской авантюристки, заставившей влюбленного в нее графа П. Е. Комаровского застраховать жизнь в ее

---

[392] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 247.

[393] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 140.

[394] Письмо М. В. Нестерова к родным от 19/31 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 24.

[395] <Антонов-Саратовский В. П. Венеция> // ГАРФ. Ф. 7474. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 22–23. Характеристику этого незаурядного источника см. на с. 167.

[396] Евг. П-к. Поездка в Италию // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. С. 255.

пользу, после чего организовавшей его убийство. Непосредственным исполнителем был юный Н. А. Наумов; общим руководителем – московский адвокат Д. Д. Прилуков: оба действовали скорее по зову сердца, нежели из расчета. Судебный процесс, на котором обвинялись Тарновская, ее горничная, Прилуков и Наумов, сделался одним из главных событий 1910 года – сочетание фабулы и декораций обеспечили ему беспрецедентную прессу (кстати, среди корреспондентов, освещавших его для российских газет, был и знакомый нам М. А. Осоргин). Только в этом же году и лишь на русском языке вышло пять книг, посвященных этому сюжету[397]. Сама авантюристка – «змея, голубка, кошечка, романтик» (по восторженному выражению Северянина[398]) была приговорена к восьми годам, Наумов – к трем, Прилуков – к десяти; она отбывала срок в женской тюрьме на Джудекке[399], а ее сообщники – в непосредственной близости от Дворца дожей, по соседству с тенью Казановы[400].

[397] Евлев Л. Дело Тарновской. Одесса, 1910; Крамская Н. В. Роковая женщина. М., 1910; Сорокин В. А. Преступница ли Тарновская? Одесса, 1910; Современная Клеопатра. Сенсационный роман. Вып. 1–10. М., 1910; Похождения знаменитой авантюристки Марии Тарновской или Женщина-дьявол. Вып. 1–10. Одесса, 1910.

[398] Северянин И. Трагедия Титана. Берлин, 1923. С. 81.

[399] Серпинская вспоминала впечатление, которое самая знаменитая заключенная Венеции производила на интервьюеров: «За ночь мы обрастали иностранными журналистами, приехавшими в то лето для интервью к знаменитой, настоящей мадам Тарновской, отбывающей наказание в венецианской тюрьме, артистами, скучающими туристами. Бесконечные „1001 кушанье“ в 1001 ресторане всего мира, которые описывал Немирович со вкусом и гурманством подлинного любителя, сменялись романтическими восторгами журналистов от свиданий с Тарновской: „Это роковая женщина. Она вышла после трех лет заключения – элегантная, вся в черном, величественная, как королева, tres distingue <очень утонченная>, ни слова жалобы на свою судьбу. ‚Любовь – это трагедия‘, – сказала она нам и подарила карточки с автографом. О, за такую женщину – не жаль отдать жизнь“.Они показывали портрет действительно красивой, высокой женщины. Я была совсем миниатюрной сравнительно с ней, но американцы и итальянцы считали всех интересных русских женщин похожими на m-me Тарновскую» (Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 73).

[400] О дальнейшей судьбе осужденных рассказано в воспоминаниях аргентинской гражданки Н. Д. Бахаревой (между прочим – внучки Н. С. Лескова), представлявшей на процессе газету «Петербургский листок» и с тех пор внимательно приглядывавшей за их судьбами: «Первым вышел из тюрьмы Н. А. Наумов. Он возвратился в Россию больной чахоткой, от которой и скончался.Вспыхнувшая в 1914 г. Первая мировая война освободила из тюрьмы Прилукова. Во время февральской революции он возвратился в Россию. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.Лучше всех отделалась сама Тарновская. Она отбывала наказание не в тюрьме, а в женском монастыре в Апулии, где исполняла секретарские обязанности и играла на органе. Своим примерным поведением, ровным и приветливым характером она завоевала симпатии всех монахинь монастыря. Амнистированная по случаю первой мировой войны, Тарновская возвратилась в Россию. Я встретила ее в 1917 г. на Кавказе, где она была вместе со своей камеристкой Перье. Перед большевистским переворотом М. Н. Тарновская уехала из России в Париж, где работала в ателье дамских туалетов.Умерла она во Франции в 1932 г. 58 лет» (цит. по: Орем С. Золотая пыль // НРС. 1954. № 15 398. 24 июня. С. 3).

26

Если лучшим местом для начала венецианских экскурсий безусловно считалась пьяцца, то идеальным временем для наблюдения за пьяццей – столь же единогласно – ранние сумерки:

> В тот наш первый венецианский вечер зрелище этой площади выдалось особенно прелестным и великолепным. Ноябрьское солнце уже закатилось, и лишь отблеск его догорал в ажурных, украшенных по краю, закругленных тимпанах, кое-где зажигая золотые искры на мозаиках. Весь низ базилики уже тонул в голубоватом полумраке, а рядом такая прямая, такая массивная Кампанила выделялась более темной массой, уходя острием своим в небо… Через несколько минут все померкло, потухли последние искры, зато стали зажигаться всюду огни под аркадами в магазинах и в кофейнях, а самая площадь осветилась бесчисленными фонарями. И тотчас же она стала заполняться гуляющими, говором сотен людей и шарканьем их шагов по каменным плитам. Однако и в этих шумах сказывалась опять та же деликатность и «дискретность», какая-то «общая благовоспитанность». В этой громадной «зале под открытым небом» даже люди грубые должны получать хорошие манеры. Венецианцы и изъясняются, и жестикулируют, и ступают иначе, нежели жители других, «более реальных» городов. И это без малейшего принуждения, без острастки. Нарядные и чистенькие, как куколки, карабинеры в своих черных с красным мундирах, в своих кокетливых треуголках, как будто вовсе не несут какой-либо полицейской службы, а разгуливают парочками в качестве пикантного декоративного добавления к остальному. У них тоже удивительно благородный и благовоспитанный вид, это настоящие fils de famille, служащие другим примером хорошего тона[401].

Праздничное настроение создавалось не только иллюминацией и гуляющей толпой, но и непременным музыкальным сопровождением, причем полифоническим – в разных концах площади играла разная музыка, не смешиваясь, но дополняя друг друга – и сочетаясь с природными звуками Венеции: «Где ни послушаешь – всюду музыка. Вот и сейчас, сижу пишу, а внизу кафе, масса народа, играет музыка, кричат гондольеры, плеск воды»[402]. Поскольку звуковой фон был делом муниципальной (если не государственной) важности, к его организации привлекалась армия: «В то же время на площади св. Марка играет военная музыка. Нигде в мире нет лучшего помещения для концерта. Это собственно две площади, большая и малая, piazza и piazzetta, одна почти в сто сажен длины, другая в пятьдесят. Большая со всех сторон загорожена мраморными строениями, меньшая открыта к морю, где у пристани стоит лев св. Марка и качаются гондолы. На светлом ночном небе вырисовываются контуры базилики и дворца дожей. Под звуки Моцарта, Пиччини <так!> и Верди, в свете газа и электричества, движется среди этих вековечных, почернелых дворцов современная толпа, разряженные кавалеры и дамы, словно перенесенные сюда с венской Ringstrasse или парижских бульваров. В роскошных кафэ по сторонам нет свободного столика. А железные черные люди на колокольне, поставленные там механиком XV века, аккуратно выстукивают молотом часы»[403]. Впрочем, около 1912 года они оказались сломаны, так что одному из наших свидетелей, семилетнему Де-

[401] Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн. Кн. 4, 5. М., 1980. С. 40–41.

[402] Письмо М. В. Нестерова к родным от 19/31 мая 1889 г. // Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 24.

[403] Брюсов В. Венеция (От нашего корреспондента) // Русский листок. 1902. № 149. 2 июня. С. 3 (подп.: Аврелий).

Витту из Умани, услышать их в этот раз не случилось (а учитывая дальнейший ход событий, вряд ли довелось и когда-нибудь еще).

Мы не можем сейчас восстановить в деталях музыкальный фон пьяццы[404], но, благодаря наблюдательности И. Ф. Анненского, сплошь стенографировавшего звуковые и зрительные впечатления, способны представить общий контур происходящего:

> На Piazza музык<а> духовая, на Can<al> gr<ande> перед балкон<ами> и садиками больших отелей лодки с музыкантами и певцами, к<ото>р<ые> в то же время играют на скрипках. В 8 ч. когда прозвонят часы публика вокруг и у столик<ов>, все больше, газеты, цветочницы, продавцы фрукт<ов>, сладостей, мальч<ики> ищущие окурков[405]. Grazia Buona Sera. Прямо в бутоньерку. Небо темнеет и становится настоящим южным. Мало звезд видно, но есть золотые планеты как от <нрзб>. Небо каж<ется> выше, Дворец (Palazzo ducale), Старые Прокурации, где теперь магазины, фабрики, гостиницы и Марк составляют как бы стены огромной залы. Слишк. <?> ослепительной бывает жаркой днем (еще и переделывает <?>) но вечером это настоящая зала. Особ<енно> муз<ыка> веселая, живая хотя не юркая плавная изящная толпа своб<одная> и демократич<ная>. Это рамка для неба темно-синего теплого нежного. Мальчишки, лакеи во фраках, офицеры, англичанки, дети с няньками, рабочие с трубками, белые <?> дамы со старухами[406].

Это же преображение городской площади в концертный зал поразило и Г. Г. Филянского[407], священника села Поповка Миргородского уезда Полтавской губернии, участвовавшего в одной из учительских экскурсий (очевидно, на правах преподавателя Закона Божьего):

> Первое впечатление от Венеции после тех мест, в которых перед тем проводила время наша группа (чопорного Берлина и чистенькой Швейцарии), было прямо-таки удручающее. Узкие, грязные улицы, невыносимая атмосфера, нечистоплотность итальянцев, – все это невольно заставляло думать: как бы поскорее выбраться отсюда?
>
> Но когда вечером мы пошли на площадь св. Марка, мысли приняли совсем иное направление. Громадная, залитая светом площадь с десятками тысяч зрителей – зал с величественными зданиями вместо стен и вместо потолка – звездным небом, прекрасная музыка, а главное, итальянская толпа с невидимым, но чувствуемым душою слиянием массы народа с окружающей обстановкой, – все это поднимало дух, создавало настроение, так редко посещающее нас среди обычных условий русской жизни[408].

---

[404] Ср., впрочем, наблюдение Немировича-Данченко: «Для уличных певцов здесь есть свой репертуар. Кроме того, они поют романсы Денца, Тости и Коста, а там, где много русских, как, например, во Флоренции и Неаполе, неожиданно услышишь: „Я вас люблю“, „В час роковой“, „Скажите ей“ и т. п.» (Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 60).

[405] Это занятие упоминает и Немирович-Данченко: «По вечерам – на улицах и набережных Венеции, по ночам – у запертых кофеен – бродит старая-старая крыса, вся сгорбленная, вся в лохмотьях, с фонарем на длинной палке. У пояса этого необыкновенного человека – сумка. Он держит палку перед собою, висящий на конце ее фонарь освещает тротуары, мостовые. Вот он нагнулся, поднял что-то – и в сумку. Окурки папирос, сигар – все ему годится. К утру он наберет полный мешок и – домой. Дома дочь выберет табак отдельно, бумажки, пропитанные табаком, тоже отдельно. Бумажка и вата крошится для собственного употребления. <…> Самый же табак продается на фабрику. Ремесло – довольно популярное» (Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 153).

[406] РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 55 об. – 56.

[407] См. о нем: Павловский И. Ф. Первое дополнение к «Краткому биографическому словарю ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века». Полтава, 1913. С. 47. Он отец художника (между прочим, автора издательской марки «Скорпиона»!) и поэта Н. Г. Филянского.

[408] Филянский, свящ. На площади Св. Марка // Русские учителя за границей. Год четвертый. М., 1912. С. 161. Расхожую метафору «пьяцца – зал» продолжил Л. Андреев: «Очень много хожу пешком, но до сих пор сразу еще не мог попасть

Ту же праздничную атмосферу описывает известный нам теоретик венецианских экскурсий, предлагавший оставить вечернюю пьяццу на третий, последний день насыщенного пребывания в городе:

> Особенно хорошо здесь бывает вечером. Когда мне пришлось в первый день по приезде в Венецию попасть на piazza di San Marco, я был поражен многолюдством публики, обилием света, необычностью и великолепием обстановки. Вечер был чудный. Всюду царило оживление. Сплошною массой, взад и вперед двигалась нарядно одетая публика по гладким мраморным плитам, точно по паркету, шурша ногами и шелковыми шлейфами. Между гуляющими ловко протискивались хорошенькие продавщицы живых цветов. Дивный аромат их смешивался с запахом дорогих английских и французских духов. У всех были оживленные лица и самое веселое, беззаботное и жизнерадостное настроение. Несмотря на страшную тесноту, всем чувствовалось здесь так приятно и уютно. А когда заиграл оркестр и полились прекрасные и мелодичные звуки музыки, то мне так и почудилось, что я, дальний гость сурового и угрюмого севера, как будто на ковре-самолете, сразу очутился в гигантском большом зале, где все ласкало взор и поражало воображение. Волшебная картина фантастического зала дополнялась мириадами звезд, которые то ярко горели, то слабо мерцали на черно-синем небе, а с моря долетал такой мягкий и теплый ветерок, освежавший разгоревшиеся лица гуляющих. В кристаллически-чистом воздухе висел сдержанный гул от веселого говора и смеха, похожий на жужжание колоссального улья или далекий шум моря[409].

В Венеции, где границы между морем и твердью имеют чисто умозрительный характер, музыка переливалась через набережные и продолжалась на воде: ежевечерне в широкой части Большого канала становились на якорь одна, две, три или четыре большие, особым образом иллюминированные, барки, на каждой из которых был оркестр и несколько певцов. Слушатели на гондолах подплывали поближе, переплывали от одной к другой или просто, продолжая свой путь, лишь слегка притормаживали, чтобы дослушать фиоритуры. При этом обычно гондолы со зрителями стояли настолько близко друг к другу, что время от времени один из музыкантов, собирающий добровольные взносы, перелезал или перепрыгивал с одной на другую и, сделав круг, возвращался к коллегам.

Приведем несколько описаний вечерних концертов, принадлежащих перу наших обычных респондентов (которые, кстати сказать, вполне могли оказаться в соседних гондолах).

> Но особенно хорошо вечером на Ganale Grande недалеко от начала. Тут перед одним домом устроена на барке какая-то импровизированная эстрада. Около восьми часов здесь начинается концерт, играет оркестр, поют певцы, певицы, играют солисты, а кругом сотни гондол нос к носу, и все слушают. Аплодируют едущие и гондольеры, последние громко (выражают свое одобрение фаворитам и острят над певицами, которым не протежируют). Раза два или три в вечер с гондолы на гондолу перепрыгивает один из певцов и собирает мелочь. При этом он тут же или споет что-нибудь, или отломает какое-нибудь колено, или пересыпается остротами с гондольерами и публикой,

---

домой: вместо улиц здесь запутаннейшие коридоры и похоже не на город, а на огромную незнакомую квартиру. Вертишься, вертишься, пока ноги отнимутся – а извощика-то взять нельзя, нету» (письмо к матери от 7 февраля 1914 г. – «Верная, неизменная, единственная….» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь – май 1914 г.). Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Н. Кен и А. С. Вагина // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М., 2000. С. 98).

[409] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. С. 168–169.

и должно быть очень смешно, потому что все хохочут, а таможенников как будто не видать. Все это залито светом, над головами висят бумажные фонарики, а выше луна[410].

Черно на небе. Душно. От канала нет свежести, точно он нагрет миллионами разноцветных огней на лодках, гондолах и моторах. Maria della Salute того и гляди сожгут анахроническими детскими бенгальскими огнями, теперь зеленым, малахитовым, от которого святые на фронтонах бросают испуганные черные тени. Внизу на огромном «корабле» в виде чудовищного surtout de table горящего всеми цветами радуги, столы, с аппетитной едой и певцами, дружно выливающими из себя согласные сладкие хоры, мирящие под этим небом меня с «итальянщиной» в музыке – а… все же «итальяшки»! В этой тесной колоссальной толпе гондол, черных, пестрящих высоко поднятыми, автоматическими размахами светлых рукавов гондольеров, есть и путаница ночная, и жуткость черных лодок, лезущих по теснинам в одну точку, и даже на момент мне показалось, что я присутствую на гомеровской наумахии и что сейчас треснут лодки, засвищут тысячи легких стрел и, пыжась огромным мокрым задом, пуская фонтаны воды из-под тинистых усов, вывернет дном кверху враждебную флотилию сам Посейдон![411]

По вечерам, особенно в праздники, на Большом канале бывает музыка. Каждое из четырех народных певческих обществ убирает свою гондолу китайскими фонариками и выплывает на середину канала. До одиннадцати часов ночи они играют и поют, – конечно, не Тасса, но арии из современных опер. Гондолы с туристами облепляют их со всех сторон. Приезжие гости, развалившись на черных сидениях, слушают итальянское пение, любуются ночной картиной Венеции и отражением луны в каналах. Голоса звонко разносятся по воде. Время от времени с лодки певцов в соседние гондолы перебирается человек со шляпой в руке и собирает дань «на музыку» – медяками, а иногда и лирами[412].

Съездили несколько раз на море, рейд, где плавают огромные гондолы, за которыми плывут десятки маленьких гондол с публикой и слушают, плавая по морю, серенады. Это так волшебно хорошо, что трудно в письме что-нибудь передать. Всюду на гондолах, где звучат серенады, где звучат бубны, музыка, и поют такие дивные голоса, что всякая опера перед этим пропадает. При этом берег, освещенный луной, Венеция, дворец Дожей, собор Св. Марка, все это вместе, и думаешь, что видишь волшебный сон[413].

Единодушно восторженный тон не должен обманывать читателя – как часто бывает, впечатление едва ли не больше зависело от личности наблюдающего, нежели от самого объекта: так, с обычным скепсисом отнесся к увиденному рижский педагог Ю. Новоселов:

Слушать серенаду лучше всего с гондолы. Мы садимся у Пьяцетты в одну из них и подъезжаем к ближайшей из барок, с которых слышно пение. Уже немолодая и некрасивая женщина, очень просто, даже бедно одетая, исполняет арию из «Кармен» под аккомпанемент маленького, но увлекательно играющего, оркестра. Толпа гондол окружила исполнителей.

---

[410] Письмо И. Э. Грабаря В. Э. Грабарю от 29 августа 1895 г. // Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 51.

[411] Письмо Л. С. Бакста к А. Н. Бенуа от 7 августа 1909 г. // Бакст Л. Моя душа открыта. Кн. 2. М., 2012. С. 153–154.

[412] Брюсов В. Венеция (От нашего корреспондента) // Русский листок. 1902. № 149. 2 июня. С. 3 (подп.: Аврелий).

[413] Письмо А. Д. Бугаевой к сыну (июнь 1906). – Цит. по: Воронин С. Д. Предисловие // «Люблю Тебя нежно…» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922. М., 2013. С. 8.

> Большинство слушателей, конечно, иностранцы, но и местных жителей много. Они приехали целыми семействами, забрав с собой даже маленьких детей.
>
> При громе аплодисментов оканчивает певица свою арию, и один из музыкантов со шляпой в руке, ловко перепрыгивая из одной гондолы в другую, собирает деньги.
>
> Ни от кого так щедро не летят к нему в шляпу монеты, как от англичан, которые, развалившись на подушках гондолы, казалось, слушали пение совершенно бесстрастно[414].

Сходный сардонический приступ усилием воли преодолевает лирический герой новеллы венецианского гида В. Стражева: «Потом, как следует всякому честному туристу, вы будете кататься в гондоле, слушать серенады, глядеть, как горит огнями Лидо, как несказанны вокруг призраки Венеции. И все будет вам нравиться, потому что лучше жить, когда все нравится, хотя может быть серенады – только пошлые песенки и поет их скверный хор, а гондольеры грубы и жуликоваты»[415].

В нескольких деталях, которые кажутся довольно принципиальными, свидетели противоречат друг другу: так, В. М. С., очень подробно описывая вечернюю баркаролу, датирует ее начало 10 часами вечера (а не восемью, как в приведенном выше фрагменте[416]), упоминает, что барок было две, становились они на значительном расстоянии друг от друга и, что расходится с большинством других воспоминаний, певцы и оркестр одной барки вступали лишь в тот момент, когда замолкала музыка с другой[417].

Напротив, В. Вересаев, поместивший действие своего рассказа «Паутина» в венецианские декорации, особенно отмечает полифонические наложения соперничающих музыкантов:

> На Canale Grande давали серенаду. С большой, увешанной цветными фонариками гондолы неслась струнная музыка, сильный тенор пел арию из «Трубадура»:
>
> Sconto col sangue mio
> L'amor che posi in te!
> Non ti scordar di me!
> Leonora, addio, addio!..
>
> Вокруг теснились гондолы со слушателями. Вдали, около таможни, показалась новая расцвеченная фонариками гондола; хор пел песню, и слышался припев: «Viva Venezia!» Песня становилась все слышнее, гондола быстро проплыла мимо в глубь канала, звуки песни смешались с арией тенора. С противоположной стороны показалась третья гондола… Со всех сторон неслись звуки, они мешались и покрывали друг друга. Здесь сильною нотою закончил баритон, а вдали, как эхо, звучало женское сопрано, и казалось, это пел сам воздух. И в этом трепетавшем от звуков воздухе величественно и

---

[414] Новоселов Ю. Венеция. <СПб., 1907.> С. 17.

[415] Стражев В. Лик Венеции (эскиз) // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. С. 153.

[416] Впрочем, десятичасовое начало подтверждает и И. Донской («В 10 час. взял гондолу и поехал на серенады. В разных местах Канале Гранде плавали большие иллюминированные гондолы и с них под покровом теплой душной ночи звенели серенады» и т. д. – Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 138).

[417] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. СПб., 1913. С. 184–185.

молчаливо высилась над каналом церковь della Salute, с ее круглым куполом и сбегавшими к воде широкими ступенями[418].

[418] Вересаев В. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1913. С. 29. Ср., кстати, подробнейшее описание вечернего концерта у Л. И. Веселитской-Микулич: Микулич В. Рассказы. СПб., 1911. С. 200–206.

27

Особенный размах вечернее представление приобретало в дни праздников, число которых в Венеции было намного выше, чем в любом другом европейском городе: помимо церковных и общегражданских с тем же, если не большим, пылом отмечались местные, хоть и не круглые, юбилеи, а также события из жизни царствующего дома.

Одно из главных событий венецианского годового цикла – праздник Festa del Redentore, посвященный годовщине избавления города от чумы и проводимый в третьи выходные каждого июля. В 1900 году среди десятков тысяч собравшихся зрителей был и художник С. Н. Южанин:

> Суббота.
>
> Сегодня с вечера начался праздник Реденторе в церкви на стороне Джудекки. Приблизительно от Санта Марии делла Салюте построили понтонный мост на сторону Джудекки, и к вечеру тысячные толпы муравейником потянулись через канал. Прекрасная картина получилась, когда сотни гондол и барок, освещенные разноцветными фонарями и убранные зеленью, засновали по каналу. Внутри гондол стояли накрытые скатерочками с провизией и винами столы, обставленные стульями. И итальянцы целыми фамилиями ужинали на воде в своих гондолах. Часов в 10 был устроен большой фейерверк. Целую ночь итальянцы провели на воде, распевая свои мелодии и наигрывая на гитарах и мандолинах.
>
> Воскресенье.
>
> Тысяч до 50 народу собрались к вечеру на площади Св. Марка. На площади были два оркестра – один военный и другой струнный. Большой оркестр аккомпанировал хору, который помещался перед ним на устроенной эстраде в виде лестницы. Хор оперных певцов прекрасно исполнил программу, публика усердно им аплодировала, и певцам каждый номер приходилось повторять.
>
> Сан Марко, колокольня, башня с часами и Дворец дожей освещались бенгальскими огнями. На площади и ее галереях была такая теснота, что едва-едва можно было двигаться. Праздник Реденторе продолжается три дня[419].

Он же был свидетелем праздника, устроенного по поводу прибытия в Венецию королевы Маргариты Савойской:

> В десятом часу вечера я поехал в своей гондоле по Большому каналу и в ожидании остановился недалеко от церкви Санта Мария делла Салюте. Серенада началась около моста Риальто и должна была подъехать ко дворцу, где остановилась королева Маргарита.
>
> В 16 часов зажглись вдали разноцветные бенгальские огни, сотни гондол черным плавучим островом, без шума и плеска двигались по каналу, а в середине их, как шапка Мономаха, плыла сверху донизу унизанная белыми и светло-зелеными фонарями громадная беседка, в которой помещались артисты-певцы и большой-большой оркестр. То пение чередовалось с музыкой, то пели и играли совместно, то дивный баритон, побеждая сердца иностранцев, звучал своим бархатным голосом среди абсолютной тишины. Всё замерло, казалось, всё перестало дышать, чтобы сильнее воспринять чудные звуки. А

[419] Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. Самара, 2009. С. 66.

звуки лились в воздухе, то дивной мелодией чаруя сердца, то чем-то грозным, могучим отдавались они. Гром рукоплесканий и неумолкающие бис летели в награду певцу. Он повторял – и новые победы, новые шумные овации.

Но вот послышался женский голос, раздалось божественное сопрано и… О, как досадно, что не хватает слов, которыми я мог бы выразить Вам то, что в эту минуту творилось в моей душе. Казалось, что я умер, что тела моего не существовало, а душу занесли неведомые силы в какое-то царство духов, и слышит она, и видит, что этот мир несравним с землей, что здесь свято всё, что только здесь могут появиться такие ангельские звуки. Волшебный остров двигался, унося вдаль певицу и всё… Боже, как хорошо забыться на минуту, забыться так, что не чувствовать себя, перенестись в какую-то беспредельность.

Против дворца стояли иностранные пароходы; сотни электрических лучей пускали они на Венецию, чем еще более придавали ей фантастическую окраску. Загорелись красные огни на острове Сан-Джорджо Маджоре, на углу дома и у дворца. Эффект получился замечательный. Настроение удесятерилось. Гондолы с разноцветными огнями разнесли по воде певцов, гитаристов и мандолинистов по разным концам, и предоставляю Вам судить, что была за картина! Даже луна как-то особенно улыбалась с высоты зеленоватого неба. Сколько серенад видела она на своем веку, а по ее выражению можно судить, что в данный вечер серенада была одной из лучших[420].

Когда не хватало календарного повода для веселья, предприимчивые горожане изобретали нерегулярные основания для праздника. Так, один из участников организованной экскурсии, побывавший в Венеции летом 1911 года, вспоминает «торжественный праздник огней», устроенный по поводу «избавления города в XIX <sic> веке от чумы» и объединенный с конкурсом на «лучшую иллюминацию палацев <sic> и гондол»:

С девяти часов канал мало по малу стал наполняться разноцветными украшенными гондолами; на одной из них плыл и я в маленьком, тесно сплоченном кружке некоторых экскурсантов. Мы то ныряем под огненные гирлянды цветов, свесившихся с моста Академии, то любуемся так умело освещенными фасадами палаццо и домов, раскинувшихся по обоим берегам. Вот навстречу нам несется гондола – уголок старинной Венеции, – золоченая галера с живописными гребцами и величавым дожем, восседающим на огненном троне. Впереди мчится и «Цеппелин», потрескивая мотором, шум от которого мешается с характерным жужжанием пропеллера[421]. А вот и яркая живая иллюстрация эпохи манерных, до приторности жеманных маркизов: мимо плывет гондола, посредине которой в напудренных париках сидят маркиз с маркизой, окруженные со всех сторон фантастическими фонтанами, статуями, теряющимися среди зелени, огненными каскадами…[422]

Об одной из совсем экзотических причин для народного разгула вспоминает Брюсов, присовокупляя и красочное описание праздника:

---

[420] Там же. С. 45. Другое, а может быть, и это же прибытие королевы в Венецию описывает и Конопницкая (Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 150–154).

[421] Имеется в виду моторная лодка, первое появление которой в русских травелогах замечено в 1912 году: «Быстро стучит машина моторной лодки, летим мимо еще спящих палаццо, мимо зевающих гондольеров, мимо длинных гондол с томатами и рыбой, спешим на вокзал» (Тэффи. Заметки путевые и непутевые. СПб., 1912. С. 30).

[422] Цветаев В. Из заметок экскурсанта в Италию // Прекрасное далеко. 1912. № 2. С. 23.

> Летом, кроме площади св. Марка и набережной, играют оркестры и на отдаленных площадях. В день именин королевы Маргариты было устроено большое празднество на площади ее имени. Другое такое же устроила на свой счет одна богатая синьора, вернувшаяся в свой палаццо после двадцатилетнего отсутствия. В обоих случаях не оставалось прохода от толпы. Между гладкими плитами мостовой были как-то всунуты шесты с разноцветными фонариками; через улицы перевешены разноцветные флаги. По сторонам, при свете особого гарного масла, яркого как газ (итальянское изобретение) чудовищные старики и старухи, словно сошедшие с картин Гверчино, продавали отвратительные пирожки, которые тут же варили в растопленном масле, жженый сахар и пирожное с начинкой из подслащенного клейстера. Все раскупалось нарасхват. Все шумели, пели, хохотали, заглушая музыку; было пестро и красиво. Но особой толкотни не было; не видно было также и пьяных. В кофейнях мало пили вина, а больше разные излюбленные итальянцами прохладительные – ghiacciate, bibite. Из гулявших молодые женщины почти все были красивы: все с черными волосами, в черных платьях и черных шалях; здесь любят черный цвет и даже детей одевают в черное. Среди мужчин тоже были красивые, напоминавшие профилем древние камеи, но одеты они были безвкусно, с притязанием на моду[423].

История про богатую сеньору, преподнесшую городу праздник по случаю возвращения после двадцатилетней отлучки, странным образом перекликается с семейным преданием, звучавшим в доме А. А. Трубникова – знатока и любителя старины, постоянного сотрудника «Аполлона»:

> А сидя за столом перед ведутами, кто-нибудь да и расскажет об экстравагантном поступке одной из моих тетушек, известной своими разорительными капризами. Однажды она подарила себе в Венеции великолепный дивертисмент. Прибыв к исходу сезона, она опоздала к знаменитым регатам:
>
> – Ждать целый год, чтобы их увидеть? Это невозможно! Вы плохо меня знаете! Мне это зрелище нужно сейчас!
>
> И по разукрашенному лично для нее Большому Каналу поплыли праздничные гондолы, засверкали фейерверки и полились бесконечные серенады[424].

Трудно предположить, чтобы упомянутая (и неизвестная нам по имени) экстравагантная представительница клана Трубниковых была единственной венецианкой, способной на похожий каприз, но если вдруг это оказалась бы она, то изящество реальности, пасующей перед литературой, было бы достойно декораций этого сюжета.

Некоторому числу наблюдателей исторические праздники Венеции казались безусловным анахронизмом, ориентированным исключительно на туристов и оттого насквозь фальшивым; квинтэссенция этого чувства воплощена в очерке Ходасевича:

> Времена празднеств венецианских минули безвозвратно. Нынешний венецианец забыл уже о полугодовом карнавале, которым тешились его предки. Но о том, что заезжему иностранцу нужна хоть бы тень прежних этих празднеств, он помнит. Венеция живет иностранцами. Чтобы привлечь их,

---

[423] Брюсов В. Венеция (От нашего корреспондента) // Русский листок. 1902. № 169. 23 июня. С. 3 (подп.: Аврелий).

[424] Трофимов А. (Трубников А.) От Императорского музея к Блошиному рынку. М., 1999. С. 57. См. также его изящный очерк «Две Венеции» (Трубников А. Моя Италия. <СПб.,> 1908. С. 6–14).

мало одного Лидо с его прекрасным пляжем и немыслимо-пошлым курзалом. В Венеции, осмотрев дворец дожей, каждый толстобрюхий немец хочет быть «немного венецианцем», разрешить себе это, как дома разрешает порой лишнюю кружку пива или послеобеденную сигару. Ведь он что-то слышал о Тициане и Аретине!

Va bene! Устроим ночное празднество на Canal Grande! Назначим призы за иллюминацию гондол, барок, домов. Почтенному иностранцу все представление обойдется в двенадцать лир: за эти деньги со всем семейством вместится он в гондолу, все увидит, услышит, себя покажет…

Афиши расклеены. Целую неделю идут приготовления. Жгут бенгальский огонь, примеряя световые эффекты. Вешают шкалики. В вечер праздника часов с восьми весь город в движении. Парит, нечем дышать. Иностранцы с озабоченными, деловыми лицами спешат к своим гондолам, которые все заранее наняты.

Маленькие каналы запружены барками, разубранными дико и безвкусно: какие-то дворцы фей, дирижабли, еще разные злобы дня. На барках, вокруг столов, уставленных фиасками красного вина, захватив стариков и детей, рассаживаются венецианцы.

Толпы народа черной рекой хлынули на Риальто: отсюда тронется шествие. На ближних улицах не протолкаться. Бродячий мороженщик на campo S. Bortolomeo надрывается, вопя:

– Стойте! Мороженое!

Душно…

Вот и мы в гондоле. Желтый бумажный фонарь колышется на носу. Тронулись вдоль Большого Канала, туда же, куда и все: к мосту Риальто. Налево, озаренная белым рефлектором, тяжелым рельефом лепится церковь S. Maria della Salute. Перед ней – толпа народа на набережной. Похоже на оперу. Направо – шикарные отели растянулись пестрой, бездарно иллюминированной вереницей. Все это расцвечено дико и безвкусно, главное – дешево, во вкусе купальщика-иностранца. Только вверху – темное, низкое, беззвездное небо, да внизу – вода, такая черная и ужасная, какой бывает она лишь в Венеции, в безлунные вечера. Даже бесчисленные огни гондол и барок, кажется, не отражаются в ней.

Здесь, на воде, такой же шум, как в улицах. Брянчат <так> мандолины, гудят гитары, с барок несется музыка. «Santa Lucia» смешалась с модной песенкой о jupe-culotte, «Маргарита» с «Сусанной». Парочка сантиментальных французов, обнявшись, едет в соседней гондоле. «Она» говорит:

– Я бы хотела умереть сейчас…

– О, моя кошечка, – шепчет «он».

Парит. Мигают зарницы. Шумно и скучно. Все вздор какой-то. Гондолы идут одна возле другой. Вот французскую парочку оттерла от нас компания молчаливых альпийцев с выцветшими усами, голыми коленками и зелеными шляпами. Дальше – американки, без шляп, в шелковых ярких плащах. С другой стороны – пять русских веснушчатых девиц тормошат обывателя в чесучовом пиджаке. Он вытирает потную лысину, а девицы кричат ему в уши:

– Иван Дмитрич! глядите же, как поэтично!

Боже ты мой! И это Италия! Да здесь итальянцев-то – одни гондольеры!.. А направо и налево высятся нелепо разубранные дома, старинные дворцы,

безобразно иллюминированные новыми владельцами: первый приз – 500 лир[425].

[425] Ходасевич В. Ночной праздник. Письмо из Венеции // Московская газета. 1911. № 94. 16 августа. С. 5.

28

Особенным анахронизмом выглядел на рубеже веков венецианский карнавал – формально приостановленный еще столетие назад, но год от года самоорганизующийся, хотя и в несколько травестийной форме:

> В наше время пресловутый венецианский карнавал, столько раз прославленный в стихах, прозе и музыке, потерял большую часть своего прежнего блеска и веселья. С современными сдержанными нравами уже стала несовместима былая разнузданность масленичных затей. Хотя венецианцы и надевают еще маски, хотя они еще танцуют и кутят, и ухаживают за женщинами, и гуляют в гондолах с певцами и музыкантами, – но все это делается в сравнительно скромных и приличных формах, далеко не с прежним увлечением и не в прежних баснословных размерах…[426]

Впрочем, открытому к впечатлениям свидетелю зрелище все равно могло показаться весьма внушительным:

> Едва продвигались в живой массе комические процессии с тысячами фонарей, знамен, хоругвей… Вон баркайоло с веслами, одетые ради карнавала в бархат. Перед ними на шестах – черная гондола из картона и легкого дерева. Вся она залита огнями бесчисленных плошек, а в ней – мальчик и девочка, в старых венецианских костюмах, в парче, в жемчугах, с напудренными париками… Процессия калек – слепые, хромые, горбуны, карлики и карлицы; чуть ли не полк девушек в импровизированных военных костюмах. За ними с пищалками, скалками, трещотками, сковородами и другими мусикийскими орудиями, не пользующимися правами гражданства в обыкновенное время, следуют собравшиеся со всей Венеции клоуны… Громадный деревянный слон, за ним корабль, застрявший, наконец, потому, что в этом сплошном море ему пришлось сесть на мель и сняться с нее нет никакой возможности… А отдельные типы, отдельные лица! Что за разнообразие масок, костюмов!.. Две прехорошенькие рыбачки из Киоджии, целые дюжины прелестных кружевниц из Бурано, шумная гурьба мальчиков не старше девяти лет, одетых ангелами, рыбами, бутылками, бабочками, птицами, лягушками, и над ними громадное, едва справляющееся со своими ходулями, чудовище с кабаньей головой, тюленьими лапами и гигантскими крыльями летучей мыши. А по самой середине площади – эстрада, на ней гирлянды фонарей. <…>
>
> Справа и слева ярко освещенные лавочки с маскарадными костюмами полным полны. Венецианцы и венецианки, нисколько не стесняясь, с шутками и хохотом переодевались кто во что мог, откровенно снимая с себя все до рубашки. Из дверей лавок, настежь открытых, в живые реки, стремившиеся по улицам, выбегали ежеминутно красные, желтые, синие, зеленые, фантастически закостюмированные фигуры[427].

Поздней ночью, когда заканчивался праздник, сменялись и обитатели городских улиц: как написали бы иные из наших героев (Рукавишников? Чулков?), на смену Веселью безудержному приходил Разврат беспощадный:

---

[426] Марков Е. Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу. С. 240.

[427] Немирович-Данченко В. И. Волны. <М., 1907.> С. 267–268.

Сегодня, вернувшись с серенад, я случайно засиделся на площади Св. Марка и, когда стали гаснуть огни, в разных местах стали появляться таинственные женские фигуры. Расследование показало, что это именно и есть то, что мы считали несуществующим в Венеции…

Это были погибшие создания, очень низкого качества. Тут же появилась масса темных личностей мужского пола, которая за чем-то следила, с кем-то переглядывалась. Один 17-летний мальчишка с веером в руках был особенно нахален. В переулке, отделявшем мою Луну <«Grand-Hotel Luna»> от площади, меня так энергично атаковали два сюжета, что я должен был отбиваться палкой. Ларчик открывался просто: бабочки летели не на свет, а в темноту[428].

[428] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 144.

29

Не столь серьезной, но все же ощутимой угрозой общественной нравственности многим казались и купальни на Лидо: дело в том, что, в отличие от большинства европейских и российских пляжей, леди и джентльмены не разъединялись в них насильственно ни в море, ни на суше. Вообще устройство знаменитых венецианских Stabilimento dei bagni заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Добраться на Лидо можно было тремя способами (что хорошо ведомо читателям Томаса Манна): а) на вапоретто-экспрессе от железнодорожного вокзала (2 лиры, багаж бесплатно) – им обычно пользовались те, кто собирался остановиться в одном из тамошних отелей; б) на отправляющемся раз в полчаса и стоящем 30 чентезимо рейсовом вапоретто от Riva degli Sciavoni (главный пересадочный пункт для всех городских маршрутов) или в) просто наняв гондолу – но, учитывая значительное расстояние, гондольер ради экономии усилий иногда приглашал себе напарника (по стандартной таксе). Дорога от Riva degli Sciavoni занимала от получаса до часа; у причала пассажиров встречал вагон конно-железной дороги, позже вытесненный трамваем: приятный урбанистический сюрприз для странников, отвыкших от лошадей и колесного транспорта. Впрочем, идти пешком до купален было меньше четверти часа. Такими увидел их один из наших постоянных провожатых:

> Через красивую арку мы вошли в преддверие знаменитых венецианских ванн. Перед нами открылась довольно большая площадка, украшенная тропической зеленью. С обоих боков ее были устроены кассы, где с нас взяли за право входа по 20 сант. (т. е. всего по 7½ к.[429]). Посредине площадки, под огромным зонтом, стояли стулья вокруг столба. Итальянцы, и особенно англичане, очень любят сидеть и смотреть на публику в вестибюлях отелей, пансионах и т. п. И здесь все места были заняты ими… Они довольно бесцеремонно лорнировали всех входивших, очевидно интересуясь костюмами разных национальностей. За кассами, с правой и левой стороны площадки, расположены комфортабельно обставленные кабины для раздеванья, на мужской и женской половинах. В каждой из них находится мягкий диван, стул, стол и зеркало, с безукоризненно чистым бельем. По стенам площадки были развешаны роскошные зеркала и плакаты со всевозможными объявлениями. За ванны и морское купание взимается особая, небольшая плата, как разовая, так и абонементная[430].

Напротив входа была расположена торговая галерея, где, среди предметов первой необходимости, продавались и обычные венецианские сувениры, здесь же была небольшая выставка местных художников и громадный ресторан, часть столиков которого выставлялась на крытый мол, далеко вдающийся в море. Здесь же был устроен бар, в котором главным угощением был вов («vov») – яичный ликер, изобретенный в Падуе, но быстро сделавшийся одним из венецианских специалитетов. Но главным, конечно, занятием оставалось собственно купание – причем без различения полов, что сначала казалось шоком для чопорного русского глаза: «В первый раз в своей жизни я увидел „совместное“ купанье мужчин и женщин и притом на глазах многосотенной публики. Конечно, те и другие купальщики были в костюмах, но… это ничуть не мешало не только с биноклем в руках, а и простым глазом видеть людей такими, какими

[429] Любопытно, что с А. Н. Бежецкого, бывшего на Лидо в 1890-х годах, за вход взяли 1 лиру (см.: Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 307). Ошибка памяти, каверзы кассира или действительно билет подешевел впятеро?

[430] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. СПб., 1913. С. 132.

их создал Бог. Поначалу это меня несколько смутило, а потом оказалось очень занятным зрелищем»[431].

Так же быстро освоились с подобной бесцеремонностью и другие путешественники:

> На Лидо купанье тоже для меня новость: в первый раз приходится какие-то розовые коротенькие кальсончики надевать и ходить между дамами в таких же костюмах. Сначала было как-то не по себе, но потом привык. Как-то все это очень просто, но совсем не скверно, так, как купались, вероятно, греки, с той разве только разницей, что последние купались без кальсончиков[432].
>
> На берегу и в воде на наш непривычный взгляд царила полная непринужденность. Дамы в обыкновенных платьях ходили среди полуодетых мужчин, валяющихся в песке, и снимали их. В воде шла возня.
>
> Вот кавалер и дама обнявшись выходят из воды. Здесь это никого не шокирует[433].

Писатель А. А. Луговой (Тихонов), желая бичевать нравы, поместил свою юную героиню, вынужденную наперсницу несимпатичной старой графини, в гнездо разврата – отель на Лидо. Крепкими мазками прозаик рисует нескромные сцены, происходившие на пляже:

> Дальше – графиню, по-видимому, очень заинтересовала пара: он – лет тридцати, с густыми, хотя короткими, темнорусыми волосами, с большими, майорскими усами, здоровяк, весь крупный и с крупными чертами лица, с наглыми глазами; с одной руки он совсем спустил трико, чтобы подставить голое плечо под лучи солнца; она – не моложе, если не старше его, толстуха, некрасиво сложенная, с помятым лицом, с воловьими глазами и нехорошей, вызывающей улыбкой. Она лежит на песке, опершись на локти, животом вниз, подставя под солнце спину и толстые икры раздвинутых ног. Он полулежит на одном локте и с нахальной улыбкой смотрит прямо ей в лицо[434].

Впрочем, чопорность нравов и особенно костюмов ломалась в первую четверть века прямо на глазах – уже для детей Леонида Андреева, заехавших сюда на несколько часов во время своей стремительной венецианской вылазки, бывшие вольности смотрелись полным анахронизмом:

> Мы здорово похохотали там над нелепыми фигурами купающихся иностранцев. По тогдашней моде дамы были застегнуты до самого горла в купальники с длинными рукавами и со штанами, спускавшимися ниже колен. На головах у них были шляпки, обуты в резиновые туфли. Какое удовольствие, спрашивается, недоумевали мы, могли они получить от купанья в таком наряде? Но они жеманно вскрикивали, делая вид, что напуганы крошечными волнами мелкого залива, и кавалеры в таких же закрытых купальниках успокаивали их[435].

Помимо описанных фасонов для дам были допустимы туники свободного покроя; для детей – обтягивающее трико. При необходимости купальный костюм можно было взять напрокат здесь же (что отдельно возмущало героиню позапрошлого абзаца: «Она ведь не наденет чужой купальный костюм, еще вчера прилипавший Бог знает к чьему грешному телу… Она

---

[431] В. М. С. В стране художественных настроений. Письма экскурсанта из Италии. Вып. 1. Венеция. СПб., 1913. С. 138.

[432] Грабарь И. Э. Письмо к В. Э. Грабарю от 29 августа 1895 г. // Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 51.

[433] Донской И. Н. Стихотворения. Рассказы. Дневник туриста. СПб., 1905. С. 141.

[434] Луговой А. На Лидо. Этюды plein air // Пробуждение. 1913. № 11. С. 342.

[435] Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 246–247.

воспитана чистоплотной!»[436]). После купания переодевались в халаты в отдельных кабинках, где оставляли мокрые костюмы. Служители смотрели за тем, чтобы в кабинках был запас горячей воды и чистых полотенец; они же уносили мокрое на просушку. На пляже стояли кресла, в которых было положено сидеть на солнце, почитывая газету или утешаясь беседой.

[436] Луговой А. На Лидо. Этюды plein air // Пробуждение. 1913. № 11. С. 343.

30

Если остров Лидо казался самой западной границей венецианских экскурсантов, то наиболее восточной был, вероятно, мост Риальто: по крайней мере, подавляющее большинство возможных достопримечательностей находилось в этих пределах. Так, уже известная нам образцовая путешественница М. А. Пожарова в тщательном реестре посещенных мест упоминает:

> Венеция.
> Академия искусств – 2 р<аза>
> Церкви: Фрари, С. Джиованни и Паоло, Мария делла Салюта, С. Рокко, С. Джордже Маджоре, С. Сальваторе – по 1 р.
> Собор Св. Марка – несколько раз
> С. Мария Формоза – 1 р.
> Scuola di S. Rocca – 1 р.
> Остров Лидо и море – 3 р.
> Публичный сад – 1 р.
> Дворец дожей – 1 р.
> Палаццо Рецоннико – 1 р.
> Слушала серенады вечером, в гондоле – 3 р.
> Арсенал – 1 р.
> Фабрики венец<ианского> стекла и мозаики – 2 р.
> Несколько раз каталась днем по Большому каналу в гондоле – и неск<олько> раз на пароходе[437].

Надо сказать, что набор этот – весьма редкий по полноте: большинство известных нам путешественников ограничивались лишь частью перечисленных здесь мест. С другой стороны, взгляд наш поневоле ограничен, а методика ущербна априори – не каждый бывавший в Венеции вел записки или отправлял письма; среди последних сохранилась катастрофически малая часть, да и сбереженные разысканы далеко не полностью: примерно понимая лакуны, мы можем попробовать заполнить их по иным источникам, но что делать с теми дезидератами, существование которых мы не в силах и вообразить? Таким образом, получается, что направления нашего исторического путеводителя рабски зависят не просто от состояния документальной базы, сложившегося в результате серии случайностей (это очевидно), и не только пропорциональны нашей радивости в их разысканиях – но еще и от того, что показалось нынешним нашим респондентам достойным упоминания. Сведенные вместе свидетельства включают порой единичные факты, которые мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть: так, Немирович-Данченко (цепкому взгляду которого мы много чем обязаны) упоминает в одном месте о распространенной у обитателей непарадных венецианских кварталов моде на крашеных собак и кошек и возникшей в связи с этим удивительной профессии: «В Италии у простонародья вы иногда видите совсем необыкновенную зеленую собаку с красной головой и желтым хвостом. Обладатель этой драгоценности заплатил меццолиру за удовольствие обладать подобным чудом природы»[438]. Ни в одном другом источнике подобного не встречалось – но стоит ли списать этот тавтологично яркий образ исключительно на фантазию романиста? Касаясь поневоле исключительно общих мест, мы стараемся соблюсти если не фасеточность, то хотя бы стереоскопию взгляда… впрочем, в случае крайней точки этой главы, моста Риальто,

[437] ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 217. Л. 83 об.

[438] Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 151.

предосторожность эта излишня, ибо его упоминают почти все – и с неизменным разочарованием.

> Знаменитый мост Риальто, пересекающий канал приблизительно на половине его протяжения, производит впечатление довольно жалкое; когда вы к нему подъезжаете, то у вас невольно возникает вопрос: «Так это-то ponte de Rialto!?» К сожалению, это «он» и есть. Хотя в описании и сказано, что он удивительно прочно построен и что под его устоями вбито до двенадцати тысяч свай, но это все-таки мало располагает вас в пользу моста, про который сочинено столько всяких анекдотов. Место это имеет интерес в другом смысле. Риальто место торговое, и здесь, в особенности по утрам, толпится простой народ[439].

Впрочем, именно магазины Риальто вызвали особенную неприязнь у следующего оратора: «Я сравнивал их с нашими московскими пассажами, это не лавки, а жалкие лавчонки, наполненные всевозможным хламом; только и оригинальны венецианские безделушки из стеклянной мозаики, золотые ажурные вещи, деревянные изделия, зеркала и кружева <…>»[440].

Чрезвычайно характерный диалог передает Б. Н. Ширяев, попавший в Венецию в конце 1944 года:

> – Правильно! Я его сразу по открытке узнал… Только на ней он как-то изящнее выглядел. – Риальто! – гордо указывает на горбатый мост гондольер.
>
> – Ах, как же это? – грустно изумляется жена. – Там, кажется, базар? Какое же это Риальто? Тетя Клодя всегда пела…
>
> «Я в Риальто спешу до заката.
> Отвези гондольер молодой…»
>
> и вдруг базар… А я думала…[441]

Обманутые ожидания, заключающиеся в недостаточно поэтичном виде очередной достопримечательности, – меньшая из претензий, предъявлявшихся к городу взыскательными туристами. Среди наиболее распространенных жалоб (список не только не является исчерпывающим, но, по сути, едва начат) – антисанитария в каналах («Сыростью и илом несет из обмелевшего в час отлива канала. По его усеянному консервными банками, обнаженному дну, бегают здоровенные рыжие крысы»[442]; «В грязных каналах плывет всякий сор; грязноватые итальянцы с растерзанной грудью, в проломленных шляпах, загородили канал нагруженными барками; громко бранятся; кухарка из окон палаццо ведро за ведром выливает; ручей мутно-пенных помой протекает на зелени слизью и блесками радужных пятен <…>»[443]), недостаточная презентабельность гондольеров («А насчет поцелуя, – тип, хоть и в живописном костюме, но от которого пахнет чесноком… Вряд ли соблазнительно для „молодой синьоры“»[444]), неожиданные трансъевропейские аллюзии («В Венеции в первые моменты было разочарование: закопченный, грязный вокзал и неожиданный маленький пароходик, вроде тех – „легкого финляндского пароходства“, которые бегали у нас по Фонтанке, а я хотел видеть одни гондолы»[445]),

---

[439] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 305.

[440] Путешествие по Юго-Западной Европе Ж. Альфреда. Путевые заметки. С. 76.

[441] Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб., 2007. С. 38.

[442] Там же. С. 39.

[443] Белый А. Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. С. 23.

[444] Страхова С. Венеция // Журнал Содружества (Выборг). 1937. № 6. С. 9.

[445] Добужинский М. Воспоминания. М., 1987. С. 167.

недостаточная механизация производства («Венецианские кружевные фабрики – тоже мелкие, кустарного типа мастерские, в роде наших вологодских или пензенских»[446]), невыносимые запахи («Как *пикантно* воняет где-нибудь в узенькой уличке прелыми фруктами, оливою, просто хорошо засохшим говном <…>»[447]; «Особенно плохое воспоминание оставила в нас „царица Адриатики“ – Венеция. Узкие, кривые улицы, грязь в отелях и на тротуарах, вонь от каналов – настолько сильная, что обедать противно»[448]; «<…> …в Венеции архитектура ничего себе… только воня-я-ет! – И сморщил нос пресмешным образом»[449]; «Дома здесь были со следами плесени, в воздухе „висел“ запах застойной воды и нечистот, выливаемых в те же каналы, и на фоне этого – лишенные солнца, бледные рахитичные дети»[450]; «В этом странном городе, вероятно, плохо решен возрос с канализацией. Я не берусь утверждать, что ее не было вовсе, но в воде канала плавали арбузные корки, размокшие бумажки и прочий мусор. Да и запах соответствующий, в особенности в узких канальчиках со стоячей водой»[451]; «Грязь, вонь! В мутной воде плавают всякие отбросы, дохлые крысы. Над нашей головой сушат белье»[452]) – и, конечно, самое свирепое местное животное – москит, «язва венецианского лета»[453], «которых неизвестно почему Ной забрал на свой ковчег»[454], «<…> бандиты, дикие зуавы. Они колют, рубят, ранят с яростью морских разбойников, а кровь пьют, как ростовщики»[455] etc.

Собственно, большинство венецианских разочарований (общее число которых не поддается учету) связано было с болезненным несоответствием между предварительным впечатлением от города и его реальным обликом, данным в ощущениях. Сила этого несоответствия особенно усугублялась цельностью ожиданий, порождать которые Венеция способна была сильнее любого другого европейского города (за исключением, может быть, Парижа). Об этом писал в некрологической по форме заметке, посвященной первым австрийским бомбардировкам Венеции, журналист С. В. Потресов, более известный под псевдонимом Яблоновский:

> Нужно было, чтобы на земном шаре был уголок, где люди не живут, а грезят; не трудятся, а отдыхают от трудов, забот, печалей и болезней; не ссорятся и – еще меньше – дерутся, а проводят свои дни в радостном, беззаботном веселье, шумном, но так успокоительно действующем на нервы.
>
> И чтобы существовал такой уголок, Господь Бог создал Венецию, город-сказку, город-сон, город – одно великое произведение искусства. <…>
>
> Венеция! Мы рождаемся с любовью к тебе, таинственная, манящая, может быть, действительно существующая, может быть, только приснившаяся человечеству в самую счастливую минуту. <…>
>
> Из какого бы уголка земного шара ни отправлялся в нее путешественник, – он отправлялся в свою собственную страну[456].

---

[446] Экскурсант. Бегом по Западной Европе (Путевые впечатления) // Русские учителя за границей. Год первый. М., 1910. С. 132.

[447] Письмо Л. Бакста к А. Н. Бенуа от 18 июля 1909 г. – Лев Бакст. Письма из Венеции. Публ. Ю. Демиденко // Русско-итальянский архив VII. Салерно, 2011. С. 105.

[448] Экскурсант. Бегом по Западной Европе (Путевые впечатления) // Русские учителя за границей. Год первый. М., 1910. С. 132.

[449] Реплика С. Есенина, переданная А. Мариенгофом: Мариенгоф А. Собрание сочинений в трех томах. Т. 2. Кн. 1. М., 2013. С. 618.

[450] Слова А. Р. Беляева, переданные его дочерью: Беляева С. А. Семейная сага фантаста Беляева. М., 2014. С. 34–35.

[451] Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 244.

[452] Новоселов Ю. Венеция. <СПб., 1907.> С. 8.

[453] Брюсов В. Венеция (От нашего корреспондента) // Русский листок. 1902. № 149. 2 июня. С. 3 (подп.: Аврелий).

[454] Бежецкий А. Н. Медвежьи углы. Под небом голубым. С. 264.

[455] Конопницкая М. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1959. С. 174.

[456] Яблоновский С. Венеция // Русское слово. 1915. № 113. 19 мая. С. 4. Сходные мысли по поводу австрийских бомбардировок высказывала М. С. Шагинян: «Ни одно из событий последних полутора лет не выставляет так ясно нелепости

войны, как это. И вовсе не потому, что Венеция несравненна, единственна, гениальна; не потому, что рука не поднимается на такую красоту, – а потому, что Венеция уже *общечеловечна*, она не принадлежит никому и принадлежит всем» (Шагинян М. Венеция под бомбами // Баку. 1915. № 256. 15 ноября. С. 5). Ср. также ее краткие воспоминания о Венеции в 1914 году: Шагинян М. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 459.

31

К моменту, когда были написаны эти проницательные строки, туристический поток в Венецию обмелел почти полностью. Собственно говоря, эвакуация российских граждан, застигнутых войной, началась в последние дни июля 1914-го – и основную трудность представляли пять групп экскурсий народных учителей, бывшие в этот момент в Италии:

> Кроме двух экскурсантских групп в Риме, в моем ведении еще одна в Неаполе, одна во Флоренции и одна сегодня приезжает в Венецию, – всего двести пятьдесят русских граждан, которых мобилизация и война может задержать за границей. Надо им это объяснить, надо огорчить их вестью, что кровные деньги, скопленные ими на поездку за границу, наполовину пропали, так как необходимо немедленно собираться домой. Но как я их отправлю? Чеки и аккредитивы уже недействительны, в собственных их тощих карманах не наскребется и на выезд, а обычный путь возврата лежит через Берлин. Как я пошлю их в Германию, которая завтра может оказаться в войне с Россией? Главное, – чтобы не было паники и чтобы последние дни и часы их пребывания в «стране сказки» не омрачились тревогой. С небольшой эстрады читаю им телеграммы и даю разъяснения: «пока ничего особенно страшного нет, Россия в войну не втянута». Сам уверен, что это случится не сегодня – завтра.
>
> С руководителями условились: показать экскурсантам как можно больше, отвлечь их от беспокойных мыслей. Днем позже – телеграфный приказ по частям: всех спешно направить в Венецию, откуда есть пароходы на Константинополь и Одессу. Мой помощник, студент, летит в Берлин – вывезти экскурсантов в Италию, которая в войну пока, конечно, не ввяжется. Найти в Швейцарии и доставить сюда же тамошние группы, – они у нас по всей Европе. Венеция. Два отеля набиты русскими. По памяти о прежних годах, – кредит имеем неограниченный; шесть лет русские учительские экскурсии разъезжают по Италии, к ним привыкли. Вступаю на авантюрную дорогу, – нужно спасать соотечественников. Банки по аккредитивам не платят, в кармане ни копейки, – и все-таки иду в пароходное бюро, приодевшись получше, приняв вид самый независимый. – Когда идет «Сардиния»? – Через пять дней. – Сколько пассажирских мест? Прекрасно, оставьте за мной все места второго и третьего класса. Почтительное внимание! – Нужен залог? Или вам достаточно консульского заверения? Знаю, что плата золотом. С венецианским консулом договорились: в такой момент он не может отказать в гарантии, но, конечно, в долг, с тем, что экскурсанты заплатят по приезде на родину. Это отмечается в паспортах. Но половину платы за проезд я должен достать сам, то есть внести несколько тысяч рублей золотом. Произношу горячие речи, убеждаю тех, у кого есть деньги, вносить в «фонд отъезда». Кто посостоятельнее, – дают, но много бедноты, не имеющей ничего. Собрав, что можно, объявляю, что поедут либо все, либо никто; нельзя оставлять в чужой земле товарищей по экскурсиям. Убеждаю двое суток, – и, наконец, вычерпаны все деньги из всех кошельков. Старосты собирают, подсчитывают, записывают. С консульским обеспечением – хватает для уплаты за весь пароход. Теперь уже уверенно прошу оставить за мной и все места на следующий рейс – пароход «Сицилия». В Венеции мы все заметны: иностранцы успели выехать, маячат на площади только русские. Ко мне подбегают какие-то дамы в туалетах, показывают аккредитивы и бриллианты, умоляют дать им место на палубе

> парохода. Но палуба и так будет занята нашими. С бриллиантами можно и подождать развития событий, – и приходится всем отказывать. Помню отъезд – и страшный и трогательный. Слова, слезы и прощальные приветствия[457].

Сложнее приходилось неорганизованным туристам – но, благодаря налаженному пароходному сообщению, большей части российских граждан удалось, хотя и кружным путем, вернуться на родину. В 1914 году Министерство иностранных дел издавало пофамильный «Список русских подданных, застигнутых войною за границей» (всего вышло пять выпусков) – с целью дать известие встревоженным родственникам и подготовить дипломатов к эвакуации пострадавших. Италия по числу застрявших соотечественников – в явных аутсайдерах, а в Венеции их отмечено меньше пятидесяти: графиня Надежда Апраксина, Секкаржи, Блан, Болотова, Мария Большакова, Роман Борнштейн с дочерьми, Ядвига Боскевидра, Бояновская с семьей, Мария Карега, Жозефина Кублицкая-Пиоттух, Анна Линц, Ванда и Константин Разван, Леокадия Сорна, Седлевская, Вера Фельдгаузен с семьей, София Чельцова, Екатерина Шведе, Мария Шмидт, Владислав Щеденцович[458], Марианна Шмидт, Ольга Ивановна Мец, Раиса Лопо-Старевская[459], а также выехавшие на родину доктор Арбузов, Элеонора Шмидт, князь Волконский, жена директора варшавской гимназии Игнатенко с дочерью Анной («выезжает из Венеции в Константинополь»), доктор Фромшильд («едет из Венеции в Константинополь»)[460], Александра, Анна и Елена Аристовы (однотипные пометы «уехала из Венеции в Россию через Одессу»), Александр Борисов («из „Hotel Exceltior“ на Лидо уехал в Прагу»), княгиня Надежда Вадбольская («из „Hotel Monaco“ в Венеции уехала в Петроград»), madame Anatole Закс («из Лидо уехала 1 сентября нового стиля в Цюрих»), Анна Зданович («из „Hotel San Giorgio“ на Лидо, уехала 31 июля нового стиля по неизвестному адресу»), Екатерина Калантурова («из „Grand Hotel des Bains“ на Лидо, где жила с 1 по 31 июля нового стиля, уехала неизвестно куда»), Сергей Корочкин («выехал из Венеции 15 августа нового стиля»), Гельма Круминг («жила с 1 по 31 июля нового стиля в „Hotel Ungaria“ на Лидо, откуда уехала неизвестно куда), Наталия Маевская («из „Villa Vittoria“ на Лидо, где жила с 31 июля по 16 августа, нового стиля, уехала пароходом «Сардиния» через Константинополь в Одессу», Павел Морозов («выехал из Венеции в Россию через Одессу»), Николай Непорожнев («выехал из Венеции в Россию через Одессу»), Павел Павлов («отбыл из Венеции по неизвестному назначению»), Александр Ромм[461] («выехал из Венеции в Россию через Одессу»), Ксения Слуцкая («до 1 октября нового стиля находилась в Chioggia, около Венеции, „Hotel Luna“, выехала по неизвестному назначению»), Мария Шмидт («отбыла из Венеции по неизвестному назначению») – и венчает список невозмутимая Ядвига Ягурская («проживает в Венеции, „Hotel Vittoria“»)[462].

Конечно, не подлежали эвакуации представители русской колонии в Венеции – небольшой численно, разобщенной социально и описываемой оттого не без труда. Проще всего, как и в большинстве подобных случаев, поддаются выявлению те, кто пребывал там по долгу службы. Так, с 1890-х годов должность русского консула в Венеции исполнял «талантливый,

---

[457] Осоргин М. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М., 2007. С. 543–545.

[458] Список русских подданных, застигнутых войною за границей. Выпуск 1 (с 26 июля по 19 августа 1914 года). Пг., 1914. С. 48, 50–51.

[459] Список русских подданных, застигнутых войною за границей. Выпуск II (с 20 августа по 4 сентября 1914 года). Пг., 1914. С. 68–69.

[460] Список русских подданных, застигнутых войною за границей. Выпуск 1 (с 26 июля по 19 августа 1914 года). Пг., 1914. С. 51–53.

[461] Это художник Александр Григорьевич Ромм (1887–1952); см. о его итальянском путешествии: Подлипский А. Евреи в Витебске. Т. 1. Витебск, 2004. С. 77–78.

[462] Список русских подданных, застигнутых войною за границей. Выпуск V (с 19 сентября по 13 октября 1914 года). Пг., 1914. С. 23–24.

деятельный и неутомимый» (по слову Немировича-Данченко[463]) Илья Анастасьевич Сунди, бывший таможенный чиновник, цензор Одесской пограничной почтовой конторы[464], гомеопат и член Императорского Палестинского общества. Волею судьбы ему пришлось сыграть короткую, но запоминающуюся роль в биографии Вячеслава Иванова: летом 1899 года он, благодаря своей неуступчивости, помешал заключению брака между Ивановым и Зиновьевой-Аннибал – бумаги обоих были не в полном порядке, но в его силах было разрешить венчание. «[Б]лагодаря притеснительному формализму консула мы должны бежать ни с чем и отсюда, понапрасну разгласив здесь свое опасное дело»[465], – горестно сформулировал поэт. Впрочем, засвидетельствовать французский перевод русских документов Сунди согласился. Помогал ему в должности консульского агента Г. Дзедзо, о котором у нас нет никаких сведений[466].

В 1910 году Сунди умер (и был похоронен на Сан-Микеле[467]), а на смену ему был назначен венецианец граф Чезаре Фоскари, при котором состоял вице-консул П. П. Гарновский[468]. В конце 1913 или начале 1914 года на смену графу был прислан новый консул Протопопов – по крайней мере, один из венецианских завсегдатаев встречал его в этом качестве уже в апреле 1914 года: «Радуюсь перспективе скоро с Вами обоими вновь встретиться в Венеции. Из Русских в настоящее время никого кроме Консула Протопопова с женою нет, но скоро надеюсь увидеть Ф. Г. Бернштама»[469]. Год или два спустя автор этого письма, художник Петр Васильевич Безродный, герой эпиграммы одного из наших авторов («Читаешь по утрам усердно „Фигаро“ / По вечерам сидишь у Флориана. / Известно всем – талантом ты „зеро“ / А мордой – обезьяна»[470]) сам становится венецианским консулом, в каковом качестве и пребывает до советской ревизии дипломатического корпуса, когда консульство было упразднено[471].

Значительную часть русской диаспоры составляли художники, наиболее заметным среди которых был А. Н. Волков-Муромцев, живший в Венеции с 1880-х годов[472], причем с 1883-го – в собственном доме, сделавшемся одной из локальных достопримечательностей:

---

[463] Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 72.

[464] См.: Антонов В. В., Гринченко Н. А., Измозик В. С., Патрушева Н. Г., Эльяшевич Д. А. Цензоры Малороссии, Новороссии и Слободской Украины в XIX – начале XX века // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. Вып. 13. СПб., 2008. С. 234. В современных исследованиях он временами именуется «Де Сюнди (De Sundy)» (см., напр.: http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=20), кажется, без особенных на то оснований.

[465] Письмо к М. М. Замятниной от 17/30 июля 1899 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 31. Л. 4.

[466] Ежегодник Министерства иностранных дел. 1907. СПб., 1907. С. 48. Ср., впрочем, в письме М. С. Щекина к П. Л. Вакселю от 1/14 июня 1906 года: «Заходил в Консульство: И. А. Сунди только что уехал в отпуск в Смоленскую губ. и я был любезно принят Беццо» (РНБ. Ф. 123. Ед. хр. 474. Л. 72) – не один ли это и тот же человек?

[467] См.: Талалай М. Г. Вдохновительница наших успокоений. Российский некрополь в Венеции. М., 2013. С. 37. Между прочим, это не худший источник для того, чтобы представить себе примерный абрис русской диаспоры.

[468] В. М. С. Первая экскурсия в Италию с маршрутом на 28 дней, записью практических сведений и дорожным словарем. С. 275.

[469] Письмо П. В. Безродного к П. Л. Вакселю от 4 апреля 1914 г. // РГБ. Ф. 123. Ед. хр. 96. Л. 25. Ср. также титулование его консулом в мартовской газете: Сибирь. 1914. № 87. 23 марта. С. 3. В литературе утвердилось мнение, что П. В. Безродный впервые попал в Венецию в 1914 году – это не так, его первые письма из Венеции к тому же Вакселю датированы осенью 1911 года. Федор Густавович Бернштам (1862–1937) – художник, архитектор, участвовавший в работе российского павильона на венецианской биеннале 1914 года.

[470] См. с. 482 наст. изд.

[471] Кстати сказать, с точки зрения официальных публикаций история венецианского консульства выглядит немного иначе. В 1911 году в справочнике значатся: консул – граф Фоскари (нешт.). Вице-консул (нешт.) – отставной подполковник Гарновский. Конс. агент – Г. Дзедзо (нешт.) (Ежегодник Министерства иностранных дел. 1911. Сорок восьмой год. Пг., 1911. С. 49). В следующем – та же комбинация, только у Гарновского появляется имя и отчество (Павел Павлович; см.: Ежегодник Министерства иностранных дел. 1912. Сорок девятый год. Пг., 1912. С. 50). В 1913-м: консул – прочерк. Вице-консул Гарновский откомандирован в Геную для усиления личного состава генерального консульства (Ежегодник Министерства иностранных дел. 1913. Пятидесятый год. Пг., 1913. С. 53). В 1914-м венецанское консульство, судя по этому источнику, упразднено вовсе, а на Венецию распространено действие генуэзского (ген. консул. А. А. Гагарин): Ежегодник Министерства иностранных дел. 1914. Пятьдесят первый год. Пг., 1914. С. 52. То же продолжается в 1915 и 1916 годах, только Гагарина в Генуе сменяет Н. Ф. Бруннер.

[472] См. чрезвычайно удачную его биографию на сайте «Русские в Италии» (http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=256).

Раз я обратил внимание на маленький изящный дворец.

– Этот палаццо купил русский художник! – указал на него гондольер.

Маленький, видимо обновлявшийся. Вновь пристроены золоченые балконы; громадное окно второго этажа захвачено желтым атласом колоссального занавеса. Оказывается, что здесь поместился бывший профессор одесского университета Волков. Это действительно талант и талант недюжинный. Его акварели создали ему почетное имя в Англии и продаются там по таким высоким ценам, о которых нашему русскому пейзажисту и не мечтать у себя дома. Волков влюблен в Венецию, – и ему удалось у ее солнца похитить тайну мягкого южного освещения и передать ее на своих картинах[473].

Волков покровительствовал молодым русским художникам, приезжавшим в Венецию. В частности, его расположением пользовался С. Южанин, которого мы много цитировали выше:

Сегодня я встретился с Александром Николаевичем Волковым во дворике бывшего аббатства Св. Георгия. Я делал там рисунок, и он пришел туда работать. Радушно поздоровавшись, он стал расспрашивать, что я делаю в Венеции и как вообще мои дела, попенял, что я не был еще у них. Действительно, я глупо поступил, что не зашел к нему ранее, тем более что меня приглашала его дочь. <…> Дом его стоит на Большом канале, недалеко от церкви Санта Мария делла Салюте. Купил он его полуразрушенным и сам привел в порядок. Гостиная очень интересно обставлена. В ней мы выпили сначала по рюмочке, а затем по стакану чая из самовара, сделанного из венецианского ведра. Он показал мне кое-какие комнаты, но рассматривать подряд было нельзя, так как был уже девятый час вечера, и я направился домой[474].

Долгие годы в Венеции жил художник К. П. Степанов:

Мы знали, что в Венеции проживает близкий приятель моего брата Леонтия, очень известный в те времена русский художник К. П. Степанов, однако я не слишком горел к встрече с ним, опасаясь, как бы этот русский знакомый не испортил нам венецианского настроения. Но вот, вбегая как-то по ступеням мостика где-то около San Moise, я нос к носу встречаюсь с другим русским художником – с А. А. Карелиным. Откровенно говоря, я и ему не обрадовался, я не очень доверял «вечному энтузиазму» Андрея Андреевича и его никчемному прожектерству. Но в те декабрьские сумерки, под медленно падающими хлопьями снега, на ступенях венецианского мостика эта удивительная «расейская образина», представшая предо мной в развевающемся плаще, под широкополой, «чисто художественной» шляпой, показалась мне «фантастичной», а всякая фантастика в те времена пленяла меня в сильнейшей степени. Поэтому я не подумал от него улизнуть, а отдался в руки судьбы. И вот оказалось, что Степанов, с которым Карелин видается ежедневно, уже предупрежден из Петербурга о нашем прибытии, что он нас ждет и даже тревожится, почему нас все еще нет. Тут же мы сели в гондолу и поплыли вниз по Каналу Гранде к тому несколько запущенному палаццо, рядом с великолепным Palazzo Pezaro, в котором поселился Клавдий Петрович со своей семьей.

---

[473] Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 76–77.

[474] Володин В. И. Возвращение С. Н. Южанина. Самара, 2009. С. 56–57.

> Степанов встретил меня как родного и стал даже требовать, чтобы мы к ним перебрались, когда же я решительно отказался, то он настоял, чтобы мы «по крайней мере» к ним приходили обедать, обещая нас кормить самыми отборными и притом чисто венецианскими блюдами. Последнее показалось уж слишком соблазнительным, так как у Клавдия Петровича была заслуженная репутация изысканного гастронома и превосходного повара. Сколько раз я его видел у Леонтия или у бабушки Кавос с бумажным колпаком на голове и повязанного белым фартуком, когда он священнодействовал в кухне, готовя на разные лады макароны или ризотто…[475]

Ежегодно проводил в Венеции половину года известный пейзажист К. К. Первухин, встреченный там (в компании с Немировичем-Данченко) Ниной Серпинской: «В неизменном синем берете парижских художников (в России тогда еще редком), этот, буквально „одержимый“ Венецией человек каждый год тратил все сбережения на летнее, весеннее или осеннее паломничество в Венецию. Его мягкие, мечтательные акварели передавали Венецию такой, какой она стала теперь, в сумерках своего бытия»[476]. Его же видел в Венеции и Б. Зайцев: «Позже на той же Пьяцце встречали мы художника, приятеля нашего по Москве. Его жизнь в том состояла, что зимой он преподавал в Училище Живописи и Ваяния, жил с женой скромнейше, к лету подкапливал деньжонок и все их проживал в Венеции. Милый человек Константин Константинович Первухин!»[477]

При этом, конечно, большая часть художественной колонии, особенно из числа лиц, склонных к мизантропии, никак не может быть выявлена без обращения к местным архивам. Среди потенциально восстановимых дезидерат – художница Лаврова, встречу с которой описывает Немирович-Данченко:

> – Вы русская?
>
> – Русская. Даже московская, если хотите.
>
> – А мы вас с приятелем принимали за несомненную итальянку. Он только стоял за ваш тициановский тип, а я за оригинал Паоло Веронезе.
>
> – Я также рада вас увидеть… поболтать. Так мало здесь русских встречается!
>
> – Вы здесь давно?
>
> – Три года. Два года я жила во Флоренции и Риме, а этот здесь в Венеции. Учусь. Старинные мастера и южное солнце – великая школа. Ее не заменишь ничем. Тут видны и понятны настоящие краски…[478]

Еще в меньшей степени поддаются учету лица, проживавшие в Венеции достаточно долго, но на постоянное место жительства не перебиравшиеся: помимо собственных писем или воспоминаний свидетельствовать их присутствие могут только случайные встречи. Так, Б. М. Кустодиев, приехавший в Венецию в 1907 году ради участия в Международной выставке, замечал в письме к жене: «Русских здесь масса – вчера Сергей Дягилев приехал, но я с ним не виделся, так как не особенно его долюбливаю»[479]. Два года спустя на то же изобилие соотече-

---

[475] Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн. Книги 4, 5. М., 1980. С. 41.

[476] Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 73.

[477] Зайцев Б. Собрание сочинений. Т. 9. М., 2000. С. 432. Много лет спустя Зайцев в беседе с Немировичем-Данченко вспоминал тот же вечер: «Наша вторая встреча была на Пьяцетте в Венеции, через двадцать лет после первой. Василий Иванович жил на Лидо в „Эксцельсиоре“. Он и эту встречу вспомнил отлично. – И еще пошли ужинать с Первухиным, пили асти, как же не помнить» (Зайцев Б. Собрание сочинений. Т. 11. М., 2001. С. 318).

[478] Немирович-Данченко В. Лазурный край. СПб., 1896. С. 181.

[479] Письмо от 21 июня 1907 г. // Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967. С. 87. Тема «Дягилев и Венеция», даже в своем практическом аспекте, слишком громоздка, чтобы обсуждать ее здесь, но ср., впрочем, парадоксальное, хотя и неотменяемое суждение: «Вечером попал к Сереже. Он был очень рад меня видеть, полон новых проектов, довольно сумасшедших. Но я не

ственников жаловался Бакст: «Приехал Дягилев, Фокин с семьей, Нижинский, конечно, Дункан с детьми; русских такая гибель – ни дать ни взять Биарриц!» [480]

Еще в меньшей степени поддается учету аристократическая ветвь диаспоры, жившая в сословной изоляции от компатриотов. Так, в биографии Волкова упоминается венецианский кружок княгини Долгоруковой, князь Лев Гагарин, князь Четвертинский и многие другие люди, среди которых единственное хорошо знакомое историкам литературы лицо – баронесса В. Икскуль фон Гильденбандт[481].

Одно из последних пополнений этой компании – и одновременно, кажется, последний рейс из исторической России в Венецию – случилось поздней зимой 1920 года, когда из сопротивлявшегося, но готового пасть перед большевиками Новороссийска вышел итальянский пароход «Семирамида» с небольшой группой беглецов на борту. Среди них была балерина М. Кшесинская, подробно описавшая это долгое плавание – через Константинополь и Пирей – и его благополучное завершение:

> Десятого (23) марта, когда солнце уже начало заходить, вдали мы увидели первые очертания Венеции, верхушку Кампанильи и других церквей. Колокола зазвонили к вечерней молитве, и мало-помалу Венеция стала показываться во всем своем величии и блеске. Те, кто любит Венецию, поймут, что чувствуешь, когда подходишь к ней. Мы это ощущали еще сильнее после всего пережитого. Ровно в восемь вечера наш пароход бросил якорь против Дворца Дожей[482].

рад тому, что он здесь. Это мучительный человек. Ей-богу, из-за беседы с ним у меня возобновилось расстройство… Он лезет со своими рассказами о победах его <над?> всякими дрянными дилетантами. Я не так возмущен его пороком, сколько его отношением к нему, его купанием в нем, его фанатизмом и совершенно неуместной пошлостью. Его рассказ на эту тему также скучен и противен, как хвастанье какого-нибудь <Г.> Бартельса. Между тем я не удерживаю его – мне хочется все разузнать. Довольно мне вранья и от меня скрываемого. Да и весь Сережа грандиозен, но по существу пошл и пуст. Его восторг от Венеции портит мне впечатление. Что он во всем этом понимает? Вот теперь в утреннем свете все свежо, так божественно весело» (Бенуа А. Н. Дневник. 1908–1916. М., 2011. С. 22–23).

[480] Письмо к Л. П. Гриценко-Бакст от 20 августа 1909 г. // Бакст Л. Моя душа открыта. Кн. 2. М., 2012. С. 156. Ср. кстати у Тэффи: «Центральное место Венеции – площадь святого Марка – напоминает русскую гостиную средней руки. Сидят, сплетничают, пьют чай, едят мороженное» (Тэффи. Заметки путевые и непутевые. СПб., 1912. С. 12).

[481] См. о ней: Бокова В. Баронесса Икскуль // Лица: Биографический альманах. Вып. 4. М.; СПб., 1994. С. 95–123.

[482] Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992. С. 221.

32

Набранная до событий 1917 года инерция русско-итальянских культурных связей не успела полностью заглохнуть даже к началу 1920-х годов: после 12-й венецианской биеннале 1920 года, на которой русский павильон был составлен уже известным нам П. Безродным исключительно из произведений эмигрантов[483], при подготовке к следующей выставке, назначенной на 1922 год, активизировалась и советская сторона. Первые документы, связанные с ее подготовкой, либо утрачены, либо скрыты в темных недрах архива Наркомпроса, но несомненно, что роль инициатора участия с советской стороны принял на себя мельком упомянутый выше Ф. Г. Бернштам. Основная проблема была в отсутствии необходимых для этого валютных средств, но ее предполагалось решить довольно экстравагантным (впоследствии ставшим привычным) способом – извлечь из музейного фонда какие-нибудь произведения искусства, продать их за валюту и вырученные деньги пустить на организацию павильона. Об этом – хронологически первый из подшитых в дело об организации венецианской выставки документов – служебное письмо из Наркомпроса к Замнаркомвнешторгу А. М. Лежаве:

> В ответ на Ваше отношение от 2/II с. г. согласно распоряжения тов. ЛУНАЧАРСКОГО сообщаем, что для технической передачи Наркомвнешторгу произведений искусства и роскоши на предмет реализации их для оплаты организационных расходов по устройству русского Отдела на XII Международной выставке в ВЕНЕЦИИ в сумме 25 000 золотых рублей, а также на создание постоянного выставочного фонда Наркомпроса, не превышающего в общей сложности 100 000 зол<отых> рублей, будет организована специальная комиссия, которая совместно с Вашими представителями произведет экспертизу, оценку и фактическую передачу означенных предметов. В виду особой срочности выставки просим Вас, в счет указанного фонда, предоставить для нужд выставки 15 000 итальянских лир для немедленной командировки т. БЕРНШТ<АМА> в Венецию, а также 10 000 000 сов. рублей, необходимых на неотложные организационные расходы по сбору в Москве и Петрограде экспонатов.
>
> По всем вопросам связанным с выставкой просим непосредственно сноситься с уполномоченным К<омите>та Русск<ого> Отд<ела> Выставки т. Ф. Г. Бернштамом и секретарем К<омите>та т. М. Я. Гинзбургом которым поручена Наркомпросом вся организационная работа по делам Выставки[484].

Два месяца спустя наркому Луначарскому, вероятно, показалось, что в этой идее есть нечто сомнительное, и он своей депешей от 22 апреля предложил считать ее небывшей:

> Взвесив все обстоятельства, касающиеся Венецианской выставки, я прихожу к выводу, что сейчас организация ее нам не по средствам и повлечет за собой большие убытки.
>
> Прошу Вас те 60 000 золотом рублей, которые Вы должны были выдать на это дело в обмен на получение Вами от музеев экспортных ценностей, передать в распоряжение Главмузея на разного рода неотложные нужды, главным образом в связи с изъятием церковных ценностей, где необходимо

[483] См.: Bertelé M. From Stateless Pavillion to Abandoned Pavilion. Russia and the Soviet Union in Venice, 1920–1942 // Russian Artists at the Venice Biennale. <Venice, 2013.> P. 44.

[484] Письмо от 5 февраля 1922 г. // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 10. Листы в деле подшиты в порядке, обратном хронологическому.

внимательно оберечь ценности художественного порядка и культурного значения от поступления в металлический лом[485].

Но тут уже в свою очередь возмутился Наркомат внешней торговли – и отказался запущенный уже механизм останавливать:

Наркомвнешторг сим сообщает, что он не считает возможным в настоящее время отказаться от участия в Венецианской выставке, так как расходы на эту выставку уже произведены, с другой стороны венецианская выставка может иметь для нас благоприятные результаты.

НКВТ не может в данное время передать в распоряжение Главнауки 60 000 зол. рублей, так как до сих пор не передан отделу Художественных ценностей – обещанный из Главмузея художественный экспортный товар.

По приеме из Главмузея вышеупомянутого художественного товара, согласно присланного списка и его реализации НКВТ выплатит Главмузею в счет этих 60 000 зол. рублей соответствующую сумму[486].

Луначарский, несмотря на это неповиновение (или даже благодаря ему), от проекта отстранился, передав его в ведомство Главнауки – что не остановило Бернштама, который, уже официально титулуясь «комиссаром Русского отдела Международной художественной выставки в Венеции», отправил 25 июля 1922 года большую докладную записку руководителю Главнауки И. И. Гливенко:

Сегодня, при личном свидании Нарком А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, который, за неимением времени, моего доклада выслушать не мог, подтвердил мне свое распоряжение по всем вопросам выставки обращаться к Вам, а потому, прилагая при сем мой письменный доклад, который я представлял вчера, прошу Вас, если возможно, сегодня же дать мне дальнейшие директивы. <…>

1. Открытие русского отдела в Венеции необходимо во что бы то ни стало, так как теперь уже это вопрос чести. Италия сделала все авансы и много материальных затрат. Враги Советской России уже говорят в печати о том, что русский павильон «вырван», что лучшие силы русского искусства, живущие за границей художники лишены возможности выступить на международное состязание – конкурс, как это было 2 года тому назад, а Советская Россия не сможет ничего наладить.

2. Открытие Русского Отдела дольше откладывать нельзя, т. к. до конца выставки остается всего 3 месяца из них август и сентябрь самые боевые месяцы выставки, а закрывается выставка в конце декабря.

3. Для финансирования Отдела по мнению Замнаркома Внешторга М. И. ФРУМКИНА можно было бы сейчас использовать заимообразно необходимые из отпущенных Наркомпросу 19-го сего июля 200 т. рублей с тем, что субсидируемая сумма будет возвращаться частями из продажи отобранных весною гранильных изделий фонда Оружейной Палаты. Отобрано было на сумму свыше 70 т. рублей.

4. Из административных лиц для Венеции необходимы, по крайне мере: специальный, самостоятельный комиссар и секретарь-делопроизводитель, знающие технику выставочного дела, Италию и итальянский язык, что весьма

[485] Письмо Луначарского к А. М. Лежаве от 22 апреля 1922 г. // Там же. Л. 6.

[486] Официальное письмо члена коллегии Наркомвнешторга Сорокина к А. В. Луначарскому от 12 мая 1922 г. // ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 5.

существенно по вопросам переговоров, устройства экспонатов, справок, регистрации, продажи, отчетности и проч.

5. Во избежание каких бы то ни было недоразумений, функции заведующего устройством выставок русского искусства за границей тов. Д. П. Штернберга, так и комиссара Русского Отдела в Венеции должны теперь же быть строго определены и разграничены[487].

Советское участие в следующей венецианской выставке, состоявшейся в 1924 году, готовилось заранее, на фоне потепления межгосударственных отношений – и документировано гораздо лучше[488]. Как минимум двое из ее участников с советской стороны были, вероятно, обязаны ей жизнью – ибо, будучи официально командированными в Венецию, назад не вернулись. Речь идет о художнике Юрии Анненкове и поэте Вячеславе Иванове – и, благодаря хорошо сохранившимся бумагам последнего, мы можем увидеть, насколько усложнился путь, казавшийся еще 10 лет назад столь гладким.

Командировка для посещения венецианской биеннале была выписана Иванову по ходатайству Азербайджанского университета в середине июня 1924 года. 4 июля в Москве ему был выдан заграничный паспорт, сроком действия в один год. 31 июля итальянским посольством в Москве в него была поставлена виза, 20 августа получена транзитная литовская, 22-го – транзитная латвийская, в тот же день – транзитная немецкая, на следующий день – чешская. 28 августа Иванов вместе с сыном и дочерью выехал из Москвы поездом в сторону Риги – и только 30-го пересек итальянскую границу[489].

[487] ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 184. Листы не фолиированы.

[488] См., напр.: Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. М., 1975. С. 199–200; Культурное строительство в РСФСР. Т. 1. Ч. 2. М., 1984. С. 335 и др. Исключительно важные подробности о ней содержатся в письме П. С. Когана к А. А. Сидорову от 6 июня 1924 г. // РГБ. Ф. 776. Карт. 82. Ед. хр. 38.

[489] Подробности см. на с. 681–682 наст. изд.

33

Изменившиеся формальности в области заграничных путешествий зафиксированы в книге 1926 года под названием «Заграничные поездки. Справочник», изданной за свой счет в 1926 году Янисом Репсоном, сотрудником бюро путешествий при «Агентстве германско-русского складочного и транспортного товарищества „Дерутра“». Напечатанная на излете НЭПа, она фиксирует положение, которое продлится менее двух лет – до конца 1927 года, когда правила выезда будут резко и безмолвно устрожены[490], – но при этом предъявленный там алгоритм заграничного путешествия достаточно показателен.

Заграничный паспорт выдавался в административном отделе местного губисполкома. Для этого нужно было подать заявление с приложением опросного листа (анкеты) и двух фотографических карточек, а также приложить к ним:

> Рабочие и служащие: а) справку домоуправления о месте проживания; б) членский билет профсоюза со всеми отметками об уплате членских взносов полностью; в) справку от администрации службы о том, что препятствий к выезду за границу не имеется, причем лица, состоящие на специальном учете, представляют разрешение на выезд за границу от того учреждения, где они состоят на учете.
>
> Батраки и крестьяне – удостоверение местного сельсовета, заверенное волисполкомом о том, что они являются трудящимися и не эксплуатируют наемного труда.
>
> Лица свободных профессий, кустари, ремесленники и лица, живущие на нетрудовые доходы, – справку домоуправления, заверенную милицией, о роде занятий и категорий по исчислению квартирной платы. Лица означенной категории, живущие в сельских местностях, представляют упомянутые справки от волисполкомов. В случае неясности определения Административные отделы требуют представления документов, выдаваемых финорганами (патентов и проч.). <…>
>
> Лица, командируемые государственными или общественными учреждениями, предприятиями или организациями, помимо вышеуказанных справок, – копию командировочного удостоверения, подписанного Народным Комиссаром или его заместителем (на местах начальником учреждения, имеющим право командировки сотрудников за границу). Все заявители представляют также справку <на>длежащего уездного, окружного или губернского финансового органа о том, что за ними не имеется никаких недоимок как по налогам и сборам, так и по обязательному государственному страхованию[491].

Получение заграничного паспорта обходилось гражданину в 200 рублей, но те, кто жил на нетрудовой доход, равно как и члены их семей, платили 300 – плюс 10 % в пользу российского общества Красного Креста (неожиданный реликт дореволюционной процедуры). Паспорт был действителен один год, выехать по нему можно было в течение трех месяцев со дня выдачи.

Получив паспорт, можно было отправляться за визой: большинство государств к этому времени установили дипломатические отношения с Советским Союзом, так что проситель мог выбрать консульства непосредственно тех стран, в которые он направляется. Соответственно,

---

[490] См. об этом на примере несостоявшейся поездки В. Каменского в Америку: http://lucas-v-leyden.livejournal.com/168189.html.

[491] Заграничные поездки. Справочник. Под редакцией Я. Репсон. М., 1926. С. 95–96.

для того, чтобы поехать в Венецию классическим маршрутом, соискатель должен был получить транзитные польскую и австрийскую визу и итальянское разрешение на въезд. Польское консульство располагалось в Москве на ул. Гражданской; к заявлению нужно было приложить две фотографические карточки; документы отправлялись в Варшаву, откуда и приходил ответ – положительный или отрицательный. Въездная виза стоила 20 рублей, транзитная – 10, плюс за обработку анкеты нужно было отдать консульский сбор в 2 рубля 80 копеек.

Австрийская миссия квартировала на Садовой-Кудринской; въездная и транзитная виза стоили одинаково по 5 рублей 80 копеек. Итальянское Королевское посольство находилось в Денежном переулке. Италия строже многих других стран относилась к приезжающим из Советского Союза:

> Граждане СССР, желающие въехать в Италию по личным делам на продолжительное время или временное пребывание, должны получить соответствующее разрешение от Королевских Властей из Рима. Для этого необходимо заполнить специальные анкеты, с указанием на рекомендации от лиц, проживающих в Италии, а также дать гарантию в том, что они обладают достаточными средствами как для проживания, так и на обратный проезд и не имеют надобности искать себе заработок. Получение въездной визы может продлиться от одного до двух месяцев[492].

Итальянская виза обходилась в 5 рублей 50 копеек.

Заметно ужесточились по сравнению с российскими и таможенные правила: теперь требовались отдельные разрешения на вывоз книг, изданных до 1918 года, музыкальных инструментов, ковров, картин, икон, бронзы, фарфора, монет и всяких археологических находок, причем на книги медицинского содержания – дополнительное разрешение от Народных комиссариатов просвещения и здравоохранения. Чрезвычайно жестко регламентировался и вывоз денежных средств – один пассажир мог иметь с собой денег, чеков, валюты и драгоценностей на сумму не более 300 рублей – плюс по 150 на каждого члена семьи, вписанного в его паспорт. Дополнительно можно было вывезти одно обручальное кольцо и одни золотые часы – все остальное требовало разрешения Особого валютного совещания при Наркомфине.

Билеты для заграничных поездок приобретались в той же «Дерутре», где работал автор справочника, – в ее отделениях в Москве (Петровка, д. 4), Ленинграде (гост. «Европейская»), Одессе (ул. Лассаля, 12) и Харькове (ул. Карла Либкнехта, 17/19).

[492] Там же. С. 101–102.

34

Несмотря на все эти логистические и финансовые трудности, в 1920-х годах туристический поток хоть и уменьшился, но не иссяк вовсе. Так, летом 1925 года в Венеции был драматург Н. Эрдман, проведший перед этим около месяца в Берлине:

> Родные мои, какая изумительная и беспощадная красота Венеция. Ни разу в жизни я не испытывал такой грусти, такой печали. Я всегда переносил прекрасное очень тоскливо, но я никогда не думал, что можно тосковать до такой степени. Площадь Св. Марка. На ней можно сидеть часами без слов и движения. Вообще в Венеции хочется говорить шепотом, как на кладбище. Прямо перед нашими окнами залив, и вечером видно, как зажигаются огни на Лидо. Но самое прекрасное – это гондолы, мне почему-то они больше всего напоминают скрипку, хотя на нее совсем не похожи. Когда лежишь в гондоле и едешь маленькими каналами, чувствуешь, до чего страшна и великолепна была та эпоха, когда каким-то безумцам запало в голову выстроить этот фантастический город. У Анри де-Рени <sic!> в одном из романов есть человек, который, приехав в Венецию, собирался из нее уезжать. Собирался он весной, потом летом, потом осенью, потом зимой и так и не мог уехать. Я этого человека вполне понимаю[493].

Там же (что хорошо иллюстрирует плотность русской речи в венецианском воздухе) он был встречен Софьей Гиацинтовой, в недавнем прошлом – предметом безнадежной страсти Сергея Соловьева, на тот момент – преуспевающей советской актрисой:

> А в Венеции получили встречу-сюрприз. Набегавшись по музеям, возбужденные, мы заняли в ресторане столик близко от воды. Стояла уже темная тишина, слышались далекие всплески весел, откуда-то доносился чуть разбитый приятный тенор.
>
> Смотри, кого нам бог послал! – Голос был замечательно русский и знакомый.
>
> И тут же мы соединились с Павлом Марковым и Николаем Эрдманом, человеком редкого таланта и очарования. Мы разговаривали хором, перебивая друг друга, как будто бы не видались сто лет. Только Чехов был задумчив, тих.
>
> Невозможно уйти, – сказал он, когда стали собираться, – особенно сейчас – все так примолкло…[494]

Гиацинтова и ее спутники в Италии уже бывали, но Эрдман был впервые – и не мог за отсутствием образцов для сравнения отметить произошедшие в ней изменения. Это сделал другой визитер в 1929 году, но приехал он не из СССР, а из Берлина:

> Войны, революции прошли вдалеке от этого, единственного в мире города.
>
> Расцвет Венеции – дела давно минувших дней. Теперь она лежит спящей красавицей в своем прозрачном гробу.
>
> Туристы со всех концов земного шара стекаются в этот город-музей; здесь все то же – башня Часов, на которой гиганты выбивают свои часы,

[493] Письмо к родным от 3 августа 1925 г. // Николай Эрдман. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 234–235.

[494] Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1985. С. 274–275. Чехов – конечно, М. А.

мрачный Мост Вздохов, ширь Большого канала и тухлая тишина узких водных уличек.

Но из суеты деловой жизни приезжают сюда «американские дядюшки», чтобы вдохнуть непонятный им аромат минувших веков.

Надо, однако, сказать: прежнего столь известного навязчивого приставания разных гидов, проводников, попрошайничества под разными соусами – больше нет. Туриста не пугают. Турист заметно обмельчал. Всюду такса, распорядок, твердые цены и десять процентов какого-то налога.

И магазины цены запрашивают божеские.

Однако, подальше от центра не считаются с новыми порядками и берут с иностранца, смотря по акценту. Наибольший почет, конечно, американцу, обладателю его величества полновесного доллара.

И самодовольно поглядывают приезжие американцы, ни бельмеса не смыслящие в искусстве, поглядывают на Паоло Веронезе, разрисовавшего потолки Дворца Дожей, и спрашивают:

– А скажите, пожалуйста, почему здесь так дует?[495]

[495] Дымов О. Венеция // Прожектор. 1928. № 34. С. 17.

35

Осенью 1927 года в большое путешествие по Италии отправился Н. Асеев. Его путевые заметки, составившие книгу «Разгримированная красавица», очевидным образом сконструированы как реплика в диалоге с предшествующей традицией травелогов – не случайно целая глава, озаглавленная «Споры с Муратовым», посвящена советской ревизии классических русских взглядов на предмет. Соответственно выстроен и широкий зачин повествования, хотя рукотворные трудности, которые приходится преодолевать путешественнику в новую эпоху, описаны на всякий случай довольно скупо:

> Первые впечатления начинаются с той минуты, как, окончив хлопоты с паспортом и визами и получив чек на Берлин или Рим, выйдешь с Неглинного на Кузнецкий. <…> Билеты Дерутры вытесняют, выталкивают тебя из привычной жизни, из каждодневной, деловой обычной спешки, сознание скорого отъезда выносит тебя из обычного состояния, как пробковый пояс из воды[496].

В этой части пути бытовых подробностей довольно мало, но те, что есть, весьма любопытны: автор упоминает «широкобокий пульмановский вагон» – то есть хорошо знакомый читателю шедевр Общества спальных вагонов и скорых поездов, национализированный государством; в наследство от бывшего владельца остался и уровень сервиса: «Объявление на трех языках, форма проводников, теплая вода в уборной, все говорит о подтянутости, о желании не ударить лицом в грязь перед отбывающими за рубеж пассажирами»[497]. В соседних купе едет английская делегация, возвращающаяся с торжеств, посвященных юбилею революции, и советская компания на конференцию в Женеву – А. И. Угаров, А. Ф. Горкин и Б. Е. Штейн (у первого годы жизни ожидаемо замыкаются 1939-м, двое остальных уцелели). Подробно описано пересечение советско-польской границы и обмен валюты в Негорелом:

> На таможне, кроме военного блеска, виден уже и штатский шик: кассир в будке международных спальных вагонов настолько толст, настолько франтовски одет и настолько величав, что прямо язык не поворачивается сказать ему, что он ошибся в сдаче, меняя английские фунты на польские злоты. Шикарный кассир тут же явно откладывает себе в жилетный карман и на галстук, и на туфли, и на вежеталь, обильно лоснящийся на его ослепительном проборе. Но ведь это «уже Европа» и жаловаться некогда, да и некому[498].

Тот же обидчивый фатализм звучит и при описании неурядиц с варшавскими отелями:

> Отношение к русским нагловатое. Вас меряют взглядом, разводят руками и с удовольствием сообщают, что комнат свободных нет. И тут же на ваших глазах, раскланиваясь перед внушительным немцем, записывают его, предлагая комнату на выбор. Мы объездили пять гостиниц типа отель «Полонья» и отель «Еуроп», и нигде для нас не нашлось места. Не знаю, – может быть, и действительно они были так переполнены, но у меня создалось

[496] Асеев Н. Разгримированная красавица. Путевые записки. М., <1928>. С. 5.

[497] Там же. С. 6.

[498] Асеев Н. Разгримированная красавица. Путевые записки. С. 15.

> впечатление, что наш с женой русский разговор имел в глазах портье очень невыгодную для нас цену[499].

На следующий день в половине второго ночи Асеев и его спутница сели в поезд до Вены, без труда выдержали пограничные формальности («на австрийской границе таможенные чиновники тихи и унылы») – и уже с утра, в ожидании римского поезда, коротали время в беседах с лучшими представителями местного передового класса: «Но стоит вам дать понять, что вы русский, что у вас советский паспорт, что едете вы как полноправный гражданин и – резкие складки суровости и нужды разглаживаются в неожиданно приветливую улыбку <… >»[500].

Дальше их ждал круговой маршрут – через Рим и Неаполь в Сорренто, где они долгое время гостили у Горького, ведя с ним нескончаемые (но тщательно фиксируемые) разговоры. Затем обратный путь – Рим, Флоренция и наконец Венеция, где они оказались в последних числах декабря, рапортуя недавнему гостеприимному хозяину: «Сидим в Венеции, очарованные ее неправдоподобной кружевной красотой. Езжу на водяном трамвае и на водяном такси по каналам и не могу насмотреться. Богатый город! И совершенно потрясает отсутствие шума»[501].

В отличие от большинства других наших респондентов супруги Асеевы пошли от вокзала пешком – но все равно две страницы спустя внутренняя логика сюжета вывела на классический маршрут:

> Вокзальное крыльцо опускается прямо в воду. К нему подкатывают древние водяные «ваньки» – гондольеры: высоко поднятые корма и нос, длинные очертания, темный цвет окраски и фигура на корме, наваливающаяся, стоя, на длинное, в бок отставленное весло – вот характерный вид венецианского «извозчика». Автомобилям соответствуют моторные гондолы-такси. Они чище и щеголеватее, у них есть застекленная кабинка на 4–6 человек. Собственные моторные и весельные гондолы также повторяют эти два типа городских экипажей, но кроме этого есть еще и водяной трамвай. За восемь копеек вы можете проехать чуть ли не весь Большой канал, по размерам соответствующий нашей Тверской с Ямской и Ленинградским шоссе до Петровского парка. Пароходы-трамваи подходят к остановкам, пристаням, расположенным то по одной, то по другой стороне канала через каждые три – пять минут ходу. Таким образом этот водяной трамвай все время идет зигзагами от одного берега к другому. Канал извилист и круто заворачивает от центральной площади к центру. Ширина его – с среднюю ширину Оки. Окраска воды морская, ярко-зеленого цвета, и вода прозрачная, не заплеванная и не замасленная, как это может представиться. По крайней мере, я всегда думал, представляя себе Венецию, что вода каналов мутная и черная. Это представление совершенно ошибочно: вода каналов веселая и чистая на вид, нигде в ней нет ни мусора, ни пены. Зеленая малахитовая неизнашивающаяся водяная мостовая[502].

Описанная часть экскурсионной программы была более чем традиционна – собор Святого Марка (с ритуальным припоминанием карикатур Д. Моора в «Безбожнике»), пьяцца, Дворец дожей, кампанила – и обратный путь к вокзалу.

---

[499] Там же. С. 21.

[500] Там же. С. 25.

[501] Письмо к М. Горькому от 28 декабря 1927 г. // Асеев Н. Родословная поэзии. М., 1990. С. 389.

[502] Асеев Н. Разгримированная красавица. Путевые записки. М., <1928>. С. 212–213.

36

Сведения о советских визитах в Венецию 1930-х годов более чем отрывочны, и причины этого очевидны. С одной стороны, резко снизилось их число: организованный зарубежный туризм почти отсутствовал, а служебные надобности в этом маршруте почти иссякли: ощетинивавшийся Советский Союз, в частности, прекратил с 1934 года участие в международных выставках. С другой стороны, вырождался и сам жанр травелога, малоуместный в сгущающейся литературной атмосфере. Оставались визиты частного характера – но и их можно пересчитать по пальцам. Так, осенью 1931 года в Венеции был Луначарский, о чем известно, по сути, по двум документам – хвастливому зачину его письма Горькому («Дорогой Алексей Максимович, во-первых, пользуюсь случаем, чтобы послать Вам привет из Венеции»[503]) и полному сдержанной ретивости запросу издательства «Время»: «Академику А. В. Луначарскому Венеция Отель Бюллер <sic!>. У нас возникло два вопроса, которые мы не считаем возможным разрешить, не запросив Вас как Председателя нашего Редакционного Совета, что и вынуждает нас беспокоить Вас даже за границей»[504] (надо ли говорить, что следующий далее вопрос, касающийся реализации «Занимательной минералогии», трудно счесть неотложным даже при исключительной преданности делу).

Лучше прочих документирована состоявшаяся в конце 1933 – начале 1934 года продолжительная европейская поездка бывшего эгофутуриста, а на тот момент правоверного советского писателя Б. А. Лавренева, захватившая Польшу, Австрию, Чехословакию, Италию, Швейцарию, Германию и Францию. С дороги он писал оставленным соратникам длинные письма, где, в частности, мельком похвалил и Венецию: «Без сомнения, хороша Италия. Неповторимо обаяние Венеции, плеск зеленой воды и плеск голубиных крыльев на площади Св. Марка, тишина узких каналов, горбатые мостики, купающиеся в воде истоптанные ступеньки»[505]. По возвращении он напечатал серию путевых очерков, один из которых был специально посвящен венецианским впечатлениям. В соответствии со структурой момента начинался он с обличения:

> Меньше всего нам хотелось ездить в гондоле. Эта унылая обезьянья клетка выглядит поэтически только на романтизированных гравюрах и акварелях и в сахаринных стихах. Вблизи это – орудие пытки, пригодное и удобное только для одной цели – в ней хорошо душить или прикалывать пассажиров.
>
> Но еще хуже гондолы моторная лодка – бич Венеции за последние годы[506].

В дальнейшем, впрочем, тон менялся – и традиционные венецианские маршруты описывались автором с большей теплотой: мимо моста Риальто он, слегка не совладав с картой, вышел к пьяцце, посетил Дворец дожей (с обычным для советских визитеров тщанием оглядев тюрьму) и прогулялся по стекольной фабрике, ничего не купив.

В 1936 году на пьяцце, за столиком кафе, озарение настигло другого советского гостя, полпреда СССР в Болгарии Федора Раскольникова. Этот момент хорошо запомнила его жена:

---

[503] Письмо начала сентября 1931 г. // Горький М. Неизданная переписка. М., 1976. С. 114 (Архив А. М. Горького. Т. 14). Здесь же в комментариях приводится примерный маршрут и приблизительные даты его поездки.

[504] Письмо Я. Г. Раскина и Г. П. Блока от 4 сентября 1931 г. – Панченко Н. Автографы А. В. Луначарского в Пушкинском Доме // РЛ. 1966. № 2. С. 216.

[505] Письмо к А. М. Дмитриеву от 2 декабря 1933 г. – Цит. по: Полякова Г. Г. Архив А. М. Дмитриева // *ЕРОПД* на 1972 г. Л., 1974. С. 51.

[506] Лавренев Б. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1995. С 42.

> Настал роковой день. Против нашего обыкновения, утром мы не пошли на пляж (мы жили на Лидо), но сразу отправились в Венецию. Около полудня мы сидели у Флориана. Федя просматривал несколько французских и итальянских газет, а я рассеянно следила за толпой веселых туристов, слушая шелест голубиных крыльев. Вдруг Федя протягивает мне газету: французская газета объявляла о начавшемся в Москве процессе Зиновьева, Каменева и еще 14 видных большевиков. Они обвинялись в убийстве Кирова, подготовке убийства Сталина, в измене родине и т. п. Все подсудимые сознавались в невероятных преступлениях. Раскольников купил еще несколько газет, на всех языках, но и в них мы нашли те же известия. Сомнений не было, в Москве открылся «процесс ведьм». Тут же на площади Святого Марка Раскольников заявил мне: „Муза, ни одному слову обвинения я не верю. Все это наглая ложь, нужная Сталину для его личных целей. Я никогда не поверю, что подсудимые совершили то, в чем их обвиняют и в чем они сознаются. Но почему они сознаются?..“
>
> В одно мгновение зловещая тень затмила светлый облик Венеции и на долгие годы тяжкий гнет лег на наши сердца[507].

Как известно, природная осторожность, дар предвидения и умение складывать простые числа в уме подарили ему еще несколько лет жизни: уже возвращаясь в СССР по срочному вызову, он увидел в купленной на берлинском вокзале газете сведения о своем смещении с поста и счел нелишним опоздать на московский поезд.

[507] Канивез М. Моя жизнь с Раскольниковым // *Минувшее*. Т. 7. М., 1992. С. 100.

37

Относительно регулярные поездки советских граждан в Венецию возобновились в середине 1950-х годов; среди отчетов о них (довольно немногочисленных) выделяется необщим тоном и обилием подробностей один ненапечатанный документ. Он сохранился в архиве В. П. Антонова-Саратовского – выпускника историко-филологического факультета МГУ, профессионального революционера, сделавшегося после 1917 года одним из жерновов советской юридической машины – членом коллегии НКВД, ректором Коммунистического университета, заседателем Верховного суда в самые мрачные годы его существования. В 1940-х годах он слегка стушевался – будучи персональным пенсионером, оставался работать в штате Министерства юстиции РСФСР, принимал участие в съездах КПСС и даже – заслужив от Солженицына титул «долгожителя»[508] – подписывал в 1962 году некрологи жертвам репрессий. В 1930-х годах он был исключительно пылким теоретиком и практиком туризма – естественно, сообразно моменту – внутреннего, хотя порой задумывался и о зарубежном: «В настоящее время затруднены наши сношения с заграницей. Но „ничто не вечно под луною“, отпадут эти затруднения, и наш туризм проложит себе дорогу к трудящимся по ту сторону границы» [509].

В его слегка хаотичном фонде в ГАРФ отложились машинописные воспоминания о венецианской поездке, совершенной в 1940-х или 1950-х годаз[510] автором и его спутницей; простая логика требует признать их принадлежащими его перу, хотя полной убежденности в этом у нас нет.

> – Венеция, – указывая пальцем в синеватую темень ночи, бросил мне итальянец, с которым мы курили у открытого окна вагона.
>
> Я порывисто высунулся и увидел ночь, опоясанную бусами электрических точек. Эти бусы были световым контуром «морской жемчужины» – Венеции. Поезд шел по мосту через лагуну; по обеим сторонам моста, соединяющего материк с островами, металлически поблескивала водная поверхность, все больше и больше отражая электрические бусы и световые снопы лучей; они мчались к нам с быстротою 60 километров в час.
>
> Еще несколько минут, и стены вокзала, отразив дьявольский грохот поезда, приняли его у перрона. Пассажиры засуетились и стали выдираться через узенький коридор вагона со своими чемоданами, чемоданчиками, баулами и баульчиками. Вызвав фокино (носильщика), мы пошли к выходу, где по обыкновению нас облепила орава комиссионеров, расхваливавшая наперебой качество своих отелей. Друзья нас наделили адресом: отель Италия – Бауэра Грюнвальда. Агенту этого отеля мы передали свой багаж, и он нас проводил до гондолы, услужливо подготовленной для встречи клиентов. По ступеням вокзального плато, уходящим в черно-зеленую зыбь. Нищий, промышляющий специфически венецианской профессией, – придерживанием

[508] Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 270.

[509] Антонов-Саратовский В. П. Основные задачи советского туризма. <М.,> 1929. С. 9. См. также его весьма любопытные работы: Антонов-Саратовский В. Рабочий туризм при капитализме. М.; Л., 1932; Антонов-Саратовский В. П. Как вести туристскую работу среди иностранцев, работающих на предприятиях Союза ССР. <М.,> 1932; Антонов-Саратовский В. Беседы о туризме. М.; Л., 1930 и др.

[510] Единственное основание для датировки – цены, но, судя по ним, поездка могла относиться даже к довоенному времени, что, в свою очередь, кажется не слишком вероятным по контексту: мог ли в 1930-х годах высокопоставленный советский юрист отправиться в увеселительную поездку по Италии? В биографии его (Барков Б. Жизнь, избранная сердцем. Саратов, 1968) зарубежные путешествия не упоминаются вовсе, но зато мы можем предположить, что компанию ему составляла упомянутая там его жена Н. М. Маркова. Архивисты, описывавшие его фонд, также датируют рукопись 1950-ми годами.

багром гондолы у спуска – помог нам сесть и тотчас же снял шляпу для вознаграждения. Я сперва возмутился, но потом пришел в юмористическое настроение и бросил на дно шляпы лиру.

«Мольто бенэ, сеньоре, бениссимо… грациэ», – отвесил он мне поклон, каким кланялись его предки 15 века.

Мы в гондоле.

Это довольно большая лодка, обычно окрашенная в черный цвет и покрытая лаком. Нос гондолы сохранил в несколько стилизованном виде форму «ростры» венецианских судов 9–10 века. Посредине гондолы расположена, как общее правило, беседка со шторами или нечто вроде паланкина. Внутри беседки два мягких кресла с высокими спинками (оба по направлению к «ростре») и два стула или скамьи по бокам. Мы уселись в эти кресла, причем я вытянулся и полулежа опирался головой на мягкую спинку кресла. Это было удобно. Кроме нас гондола приняла еще двух пассажиров – немецкую семью – и отошла от причала. Гондольер стал на корме гондолы и длинным, широколопастным веслом правил своим ленивым суденышком. Ритмически покачиваясь и остро впиваясь в окружающую нас панораму ночной Венеции, мы плыли по сложной сети водяных улиц – каналов. На перекрестках гондольер издавал ряд предупредительных звуков, состоящих, как мне казалось, из одних только гласных, делал чрезвычайно ловкие повороты и удивительно легко лавировал среди многочисленных встречных гондол. В одних гондолах полулежали парочки, положив друг другу руку на руку, в других – целые компании то поющих, то весело болтающих на разных языках «форестьери» (иностранцев).

В каналах было довольно темно, и порой казалось, что они освещаются только скованной ими Адриатикой. По обеим сторонам каналов высились фантастические фасады громадных зданий, как бы выросших из воды. Из закрытых деревянными, очень часто железными, решетками окон раздавалась певучая итальянская речь, смех, а иногда женский или мужской голос, под аккомпанемент рояля, дарил тишину канала «тремолой» меццо-сопрано или тенора…

На весле гондольера переливалась волна…

Недурно, черт возьми.

Через полчаса мы остановились у блистающего электрическими солнцами дворца. Это и был наш отель. На световой белизне входа, как из-под земли, выросли три «джентльмена», по виду из тех, которые у нас при царе играли роль шаферов на дворянских свадьбах. С видом величайшего почтения, почти священнодействуя, они извлекли нас из гондолы и «прияли» во дворце. Наша жизнь почти вытравила этот тип холуев, и потому у нас шевельнулось к ним (хотя они и не виноваты) изрядное отвращение. И кроме того, умеют же служащие германских отелей сохранять известный минимум человеческого достоинства.

«Кванто коста?» – спросил я гондольера. – «Диэчи лире». Значит – плати рупь. Выпустив из тощего кошелька рубль и получив в спину традиционную «грацию», я вошел в отель. Что и говорить, очень, очень шикарный отель. В вестибюле – изящная мебель, удобные, обитые кожей американские кресла, столики для писанья писем, ковры, цветы, картины, какие-то «античные» скульптуры и свет… свет… свет. Море света.

Ох, лучше бы похуже. Попали. Обдерут как липку. Да замучаются икотой советчики, давшие адрес. Прошу дать мне комнату, приличную, но не дорогую, не дороже 30 лир в сутки. «Таких нет, – последовал ответ. – Есть лишь в 60 лир». Караул, грабят! Но ничего не поделаешь. Куда пойдешь, да еще в час ночи… кругом вода и неизвестность. Вот уж именно в озеро головой. – Не может быть, чтобы у вас не было комнат подешевле. – Нет, сеньор. И величественное пожимание плеч. Для доказательства даже была показана карточка с перечеркнутыми номерами за исключением двух, одного в 60 лир и другого в 85 лир. (Я потом узнал, что все они на один покрой: все показывают карточку с якобы занятыми номерами, хотя в отеле жильцов полтора человека.) Покажите оба, – уныло потребовал я. Нас повели на второй этаж. Лестница уходила в комнату похожую на столовую. В ней был стол и на столе банка с пальмой (финик реклината). Меня заинтересовала «декорация». Когда с лестницы смотришь в эту столовую, то кажется, что лестница упирается в зеркало, которое отражает в себе стол и пальму. Рама двери сделана под раму зеркальную. В эту комнату выходит ряд номеров. Наши номера здесь. Осмотрев оба номера, мы пришли к заключению, что дешевый номер лучше дорогого. Лишь на следующий день мы узнали, почему это так. Оказалось, что окно шестидесятилирного номера выходило во двор дворца и как раз над кухонным фонарем. Вся гарь и вонь скверной итальянской кухни как по трубе поднималась в окно и отравляла воздух в комнате нестерпимыми миазмами.

С внешней же стороны номер был очень хороший, «исторический». Стены его были обиты какой-то штофной материей; на очень удобных, низеньких креслицах были разбросаны четырехугольники венецианских кружев, но сильнее всего поражали кровати. Огромные, деревянные с вычурами, под кисейным балдахином, какой можно видеть в наших бытовых музеях или на картинах итальянских художников. На изголовных спинках кроватей замысловатые гербы и сочетание букв «Н» и «I», если читать по-русски, то получишь вензель Николая I-го. Ну как в такой «истории» спать? Ни руки, ни ноги не найдешь. Жуть одна.

Все же, утомленные, мы не могли удержаться и с юмором отчаяния нырнули в пасть этих чудищ. Мягки они необычайно. Непривыкший спать на такой «мякоти», я долго не мог заснуть, а когда все-таки уснул, тело мое попало на пир москитам, и встал я искусанный этой «песьей мухой» вдоль и поперек[511].

Следующий день был посвящен осмотру достопримечательностей. Доплыв на гондоле до пьяццы (пятиминутная поездка обошлась в 20 лир, о чем автор, не знавший сухопутной дороги, горько пожалел), путешественники осмотрели собор, Дворец дожей (с попутным сопоставлением венецианских и российских тюрем, приведенным нами выше) и обширным экскурсом в венецианскую историю, степень глубины которого явно выдавала изрядное знакомство с предметом. Впрочем, его не хватило, чтобы избежать очередного потрясения для скудных финансов:

Спасаясь (и страдая) от голубей, мы забежали в ресторан и кафе «Флориан». Было время обеда, и мы поели, отдав за довольно неважный обед в этом знаменитом ресторане 52 лиры на двоих. Это был первый и последний наш обед в фешенебельном ресторане. В дальнейшем мы

[511] ГАРФ. Ф. 7474. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1–7.

> столовались в небольшом немецком ресторанчике, помещавшемся в одном из ближайших переулков к площади Марка. Там обед стоил 20–25 лир на двоих и выгодно отличался как сытностью, так и свежестью продуктов и вкусностью приготовления[512].

В тот же день путешественники отправились на Мурано, причем гондольер, ангажированный ими за 30 лир, проложил путь узкими каналами, через непарадную часть города – по предположению автора, ради безмолвной жалобы на невыносимые условия: «По-видимому, гондольер повез нас здесь лишь потому, что мы русские из легендарного рабочего государства»[513]. Увиденное поразило:

> Вода в канальчиках мутная, грязная и вонючая. Объедки арбузов, дынь, разные отбросы, рваная обувь, какие-то тряпки, мусор, все это плывет жирно вонючим салом по каналам, превращая их в клоаку. По бокам высокие дома, грязные, облупленные, с обвалившимися кирпичами, с ржавыми железными решетками в нижних этажах, с покосившимися дверями и разбитыми стеклами в окнах; очень часто окна совсем без стекол. Заглядывая внутрь домов, я видел ту же грязь, чувствовал заплесневелую сырость; отвратительная вонь дышала из окон и дверей, словно из гнилого рта. Всюду на окнах и на веревочках, иногда перетянутых через весь канальчик, сушилось белье, редко крепкое, все больше какая-то рвань. Бедность, граничащая с нищетой, глядела печальными глазами из нижних этажей жилищ. На крылечках и выступах суши кучками толклись черноглазые и черноволосые ребятишки. Многие из них купались в клоаке. К нашей гондоле подплывали они группами и просили бросить монетку. За брошенным чентезимом они кидались в перегонку, ныряли, дрались друг с другом. Говорят, не было случая, чтобы ребята упустили чентезим и он пошел ко дну. Пловцы они великолепные. Нищета отложила на их телах свою окаянную печать худосочия. Кожа да кости. Больные глаза… Порой видишь изможденные лица ремесленников… Из окон выглядывают женщины, в рубище, косматые, грязные, с болезненно одутловатыми лицами… Вот она дневная «морская жемчужина», вот ее оборотная сторона, ее бедные кварталы и каналы, ее бедное население…[514]

[512] ГАРФ. Ф. 7474. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 26.

[513] Там же. Л. 28.

[514] Там же. Л. 27–28.

38

Начиная с середины 1950-х годов разорванные научные и культурные связи с заграницей неуклонно восстанавливались, о чем можно судить даже по сухой статистике: так, в 1956 году из СССР в Италию было отправлено 180 туристов; на 1957 год запланировано 200, а выпущено 228 и т. д.[515] Конечно, подавляющее большинство путешественников не оставляло воспоминаний, заметок и иных вещественных свидетельств, но некоторые из визитов оказались документированы. Так, искусствоведы В. Н. Лазарев и Д. В. Сарабьянов, посетив в 1955 году конгресс по византиноведению в Стамбуле, отправились оттуда в Венецию на выставку «Джорджоне и джорджонески»; в печатном отчете несколько слов было посвящено и впечатлениям от города: «Нам очень повезло с погодой – стояли чудные солнечные дни, позволяющие в полной мере наслаждаться красотами Венеции. Солнечные лучи делали особенно прекрасными нежные оттенки разноцветных мраморов, которыми облицованы фасады зданий, яркие, как драгоценные каменья, краски ранних венецианских картин, золотистые и серебристые тона палитры Тициана и Веронезе. Покидая Венецию, этот подлинный город-музей, навсегда уносишь воспоминание о чем-то радостном и светлом»[516].

С 1956 года Советский Союз возобновил участие в венецианских биеннале: первый советский павильон после перерыва организовывал В. Прокофьев. Дневниковые записи и впечатления, накопленные им за полугодовую командировку в Италию (он также курировал советские экспозиции на Международной промышленной выставке в Милане и Флорентийской выставке кустарно-художественных изделий), легли в основу обширного труда, представляющего собой довольно схоластический опыт путеводителя по стране, принципиально недоступной для читателя[517]. В немалочисленных отчетах посетителей и участников биеннале 1956 года царит известный дуализм: каждому из авторов требовалось проскользнуть между требованиями цензуры, правилами вежливости и здоровой чуткостью на порицаемый авангард. Так, В. С. Иванов, плодовитый плакатист, лауреат двух Сталинских премий, был прямолинеен:

> Осенью прошлого года мне с группой советских туристов довелось побывать в Италии. Не буду описывать то незабываемое и чудесное чувство эстетической радости и наслаждения, которое испытываешь при встрече с давно знакомыми по репродукциям шедеврами мировой живописи, скульптуры и архитектуры. <…> На первых порах ничего не предвещало разочарования. Выставка оказалась расположенной на территории великолепного тенистого парка, где вдали друг от друга раскинулись павильоны отдельных стран. Зелень в Венеции – большая редкость, и в жаркий день она была вдвойне желанной. Однако в парке мы не заметили людей. Кругом было тихо и пустынно…
>
> Так началось наше знакомство с современным буржуазным искусством[518].

Далее автор подробно и недружелюбно описывает особенно раздражающие произведения, сопровождая свою критику не репродукциями их (чтобы не осквернить приютившие его страницы), но собственноручными шаржированными набросками, выполненными в походном блокноте (что, в свою очередь, приводит на ум старинный анекдот о Карузо, известном прота-

[515] Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». М., 2016. С. 331.

[516] Лазарев В. Стамбул – Венеция // Новое время. 1956. № 5. С. 24.

[517] Прокофьев В. По Италии. М., 1960.

[518] Иванов В. Абстракционизм и прочее… // Творчество. 1957. № 1. С. 22.

гонисту через посредника). Галерею копий открывает скульптура Линна Чедвика, завоевавшая высший приз: «Вот нашумевшее „Внутреннее око“ <…> „Око“ получило наивысшую оценку жюри выставки. Не будь этого обстоятельства, его можно было бы и не заметить – бессмысленное металлическое сооружение грубой кузнечной выделки. Но высокая оценка заставила остановиться и пристально осмотреть это „чудо“ двадцатого века. Оказалось, что им не только можно „любоваться“, но и… поиграть: если толкнуть пальцем, то полупрозрачное „око“ и какая-то кривая лесенка крутятся!» [519]

Менее непосредственным был отзыв входившего в советскую делегацию Б. Иогансона. Ритуально исполнив обязанности, диктуемые учтивостью («Ослепительно яркое для наших северных глаз солнце с расточительной щедростью заливает Венецию своими лучами, подчеркивает пышную красоту ее дворцов, храмов, вычурных горбатых мостов»[520]), вице-президент Академии художеств переходит к художественной критике:

> Но уже первые расставленные в парке уродливые изваяния заставляют поморщиться. Невольно убыстряя шаг, мы торопимся в залы Центрального дворца, занятые экспонатами Италии и некоторых стран, не имеющих собственных павильонов. Проходим один, другой, третий, пятый, десятый, двадцатый залы, переходим в национальные павильоны… Чувство досады не исчезает. В большинстве залов преобладают произведения, которые трудно назвать картинами, и предметы, которые лишь условно можно назвать скульптурой[521].

В 1957 году в Италию отправилась крупная группа советских писателей – Микола Бажан, Вера Инбер, Александр Твардовский, Николай Заболоцкий, Михаил Исаковский, Леонид Мартынов, Александр Прокофьев, Борис Слуцкий, Сергей Смирнов; благодаря счастливому стечению обстоятельств ее маршрут и детали путешествия документированы с исключительными подробностями. Жили они в не встречавшемся нам до этого отеле Albergo patria tre rose и пробыли в Венеции всего два дня[522].

В 1958 году в Венеции проводилось заседание Европейского общества культуры; советская делегация состояла из четырех участников – М. Алпатова, К. Федина, Б. Полевого и неочевидного Володина – как минимум двое из них оставили воспоминания об этой поездке. Некоторый (вряд ли, впрочем, сознательный) намек на восстановление прервавшихся традиций чувствовался в том, что гостей поселили в отеле Luna, спокойно выдержавшем чуть не полувековую разлуку с русской речью:

> Венеция нас встретила замарашкой. Моросил мелкий дождь, ветер бил в лицо. Мы увидали город как бы в черновом чертеже, лишенным всякого красочного очарования. И все же, когда мы очутились на катере и он двинулся прямо по залитой водой улице среди вереницы дворцов и домов, которые потянулись за нами, – это было удивительно.
>
> К решеткам хлынули каналы —
> И всплыл Петрополь, как тритон,
> По пояс в воду погружен…

[519] Там же.

[520] Иогансон Б. Венецианская биеннале // Новое время. 1956. № 34. С. 22.

[521] Там же.

[522] Подробности этой поездки изложены нами на с. 659–665 наст. изд.

> Нам отвели комнаты в старинном здании отеля «Луна». Мраморная доска на стене возвещала, что здесь проживал немецкий живописец Фейербах (и это лишний раз напомнило нам о том, что мы до сих пор не позаботились об увековечении памяти нашего великого Иванова).
>
> Окна наших комнат выходили на тесную улочку, по камням которой звонко отдавались каблуки редких прохожих. В нишах напротив окон тихо ворковали голуби – в дождливые дни им нечего было делать на площади Св. Марка[523].

Некоторые подробности поездки выясняются из травелога Б. Полевого, написанного сразу по возвращении в Москву:

> Поезд из Австрии подходил к городу по неширокой дамбе, и издали показалось, что тут случилось невиданной силы половодье: закопченные здания окраин поднимались прямо из воды, и вода плескалась у самых стен. Потом мы вышли из большого красивого вокзала и тут же убедились, что никакого половодья нет. Широкая лестница спускалась к воде, волны омывали нижние ее ступени. Как троллейбусы, деловито и буднично двигались по каналу маршрутные катера. Точно такси, толпились у причалов на специальных стоянках черные гондолы, красиво выгибая тонкие лебединые шеи. <…>
>
> Расторопные продавцы бойко продавали туристам открытки с видами, пестрые бусы, изготовлением которых славятся местные мастера-кустари, пакетики с кукурузой, которые тут приобретают для кормления голубей. Загорелые женщины из пригородов с грубыми, обветренными лицами выгружали из гондолы на берег большие корзины с букетиками белых и синих подснежников[524].

Следуя классическому канону, Полевой особенное внимание уделяет непарадной Венеции, скрытой от менее проницательного туриста за глянцевым фасадом. Отдельно его сочувствием пользовались рыбаки, описание безрадостной жизни которых занимает добрую половину очерка:

> Вообще венецианскому рыбаку не до красивых парусов. Все его имущество – это лодка, которую он унаследовал иногда даже не от отца, а от деда. В ней он и живет вместе с женой и старшими детьми, оставив младших на попечении стариков где-нибудь в хижине на отдаленном острове. Здесь же, вернувшись с лова, заведя лодку в один из окраинных каналов, причалив где-нибудь под мостом, рыбак готовит себе пищу. Это густо сваренная кукурузная каша, кусок хлеба, иногда бутылка вина да две-три рыбки похуже, отобранные из улова. Даже в самые удачные годы рыбаку едва хватает денег, чтобы расплатиться с долгами, починить суденышко, подлатать парус, пополнить снасть. Но венецианский рыбак не унывает[525].

Далее следует опущенная нами (по недостатку места) сцена совместного возлияния советского писателя-орденоносца и неунывающего рыбака – вино из «заветной бутылочки, оплетенной соломкой», алюминиевые кружки.

---

[523] Алпатов М. Воспоминания. М., 1994. С. 153.

[524] Полевой Б. Венеция – город тружеников // Огонек. 1956. № 26. С. 23.

[525] Полевой Б. Венеция – город тружеников // Огонек. 1956. № 26. С. 23.

За полгода до этого поблизости от того же причала дегустировала блюда местной кухни писательница З. А. Гусева, работающая в смежном жанре советской агиографии («Светлый путь работницы», «Партизан Владимир» etc):

> Цены на продовольствие в Венеции значительно выше, чем в других городах. На рынке возле Большого канала мы видели, как, отсчитав лиры, женщины бережно клали в корзины каких-то покрытых зеленоватой слизью каракатиц, водянистых скользких осьминогов, что-то вроде задних лап лягушек, рогатых, хвостатых моллюсков – все, что здесь красиво именуется «фрутти ди маре» – плоды моря. Когда их подавали в ресторане красиво подготовленными, они не показались нам вкусными. Итальянцы же ели их с аппетитом и несколько разочарованно смотрели на наши сомневающиеся лица[526].

Описание ее венецианских дней, в общем вполне традиционное (если вычесть экзальтированную реакцию на внутреннее убранство отеля: «Глянешь на стены – и оторопь берет. В приемной, залах, коридорах, на лестничных клетках и в комнатах – всюду развешены картины современных художников-абстракционистов»[527]), заканчивается довольно необычной, но весьма художественной кодой:

> У причала нас ждала группа портовых грузчиков. Они подбежали к нам и, протягивая руки, помогли вылезти из гондол, потом окружили нас, стали показывать свежие номера газет.
>
> Один, вероятно, не зная, как лучше выразить свои чувства, хлопал меня по плечу, а потом поднимал руку и показывал на небо, где несся наш первый спутник. Другой держал развернутую газету «Унита» и, улыбаясь, кивая головой в знак согласия, показывал пальцем то место, где было написано: «Мы испытываем великую, чистую и полную радость оттого, что к этому историческому этапу человечества страна социализма подошла первой…»[528]

[526] Гусева З. Венеция (из записной книжки туриста) // Вокруг света. 1958. № 8. С. 35–36.

[527] Там же. С. 33.

[528] Там же. С. 37. Впечатления от ее довольно продолжительного путешествия были собраны в книге: Гусева З. Итальянский дневник. М., 1958.

39

Три значительные по объему советские делегации побывали в Венеции в 1960 году. Первая из них традиционно посещала биеннале, где был открыт советский павильон с выставкой двадцати двух художников. У карикатуриста Б. Ефимова, подробно описывавшего итальянский маршрут своей группы, не нашлось добрых слов ни для мероприятия, ни для города в целом: «<…> выставка, с которой наши художники и искусствоведы расстались без всякого нажима и, более того, весьма охотно, была венецианская „Биеннале“, где в светлых, с большим вкусом оформленных павильонах кривлялись и выворачивались наизнанку бессмысленные абстракционистские экспонаты-уроды»[529]. Единственным светлым пятном этой части поездки оказалась всеобщая забастовка венецианцев, оставившая группу советских искусствоведов и художников запертыми на Лидо:

> …Огромные афиши на стенах венецианских домов и старинных палаццо призывают к всеобщей десятичасовой забастовке солидарности. Они расклеены в утро последнего дня нашего пребывания в изумительном городе и лишают нас возможности посетить ряд исторических памятников и галерей, так как весь персонал прибрежных пароходств, команды катеров и даже живописные гондольеры прекратили работу.
>
> Мы отрезаны от города, но нам и в голову не приходит огорчиться – настолько волнует и трогает до глубины души зрелище могучей и дисциплинированной солидарности трудящихся перед лицом наступающей реакции[530].

Сходными интонациями окрашены дневниковые записи Э. Казакевича, побывавшего в Италии весной этого же года (у нас нет сведений ни о его попутчиках, ни об организаторах экскурсии):

> Палаццо Дожей. Львиный зев для доносов.
>
> Город Венеция ночью. Не город, а очень большой дом с узкими коридорами.
>
> Гондолы. Гондольеры.
>
> Засратое Мурано. После Гуся-Хрустального это просто дерьмо. Зато венецианское.
>
> Русская хозяйка стекольной фабрики. Глупая и ничтожная. Муж – прелесть, участник Сопротивления. Его женитьба на русской идейное действие, а она оказалась столь ординарной мелкой хищницей-хозяйкой[531].

---

[529] Ефимов Бор. Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 140. Мы не приводим однотипные сочинения советских искусствоведов, появлявшиеся после каждой следующей выставки и выделанные по одному образцу: «Агония абстракционизма развертывается со всей неотвратимой очевидностью» etc (Кузьмина М. Агонизирующее безумие // Художник. 1964. № 12. С. 58).

[530] Ефимов Бор. Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 142. Ср. менее восторженный взгляд на политическую активность венецианцев: «<…> автобус, везший нас в Венецию, застрял перед самым городом, на длинном мосту. Застрял весь транспорт, все встало, неизвестно почему, неизвестно насколько, текли драгоценные минуты, уходило время, гибло утро, надо за сегодня столько успеть, а мы сидим в этом проклятом душном автобусе, и смотреть не на что, кроме как на залив, слева и справа! Во всем виновато общество потребления с уродливо разросшейся цивилизацией, с миллионами автомобилей, этим бичом современности, – как он сердился, как он ворчал, мой бедный друг! Наконец вскочил: идем пешком! От встречных пешеходов я узнала, что транспортная пробка вызвана демонстрацией коммунистов, догнала моего друга, унесенного вперед волной раздражения, и добрым голосом поделилась с ним полученными сведениями: дескать, не нам с ним на это роптать!» (Ильина Н. Дороги и судьбы. Автобиографическая проза. М., 1985. С. 267).

[531] Казакевич Э. Слушая время. М., 1990. С. 176.

Не в пример лучше документировано самое многолюдное из советско-венецианских мероприятий 1960 года – Толстовский конгресс. Бумаги о подготовке к нему (естественно, с советской стороны) сохранились в составе архива Союза писателей, что позволяет проследить некоторые тайные пружины отечественной литературной дипломатии.

Архивная тетрадь открывается кратким резюме о предстоящем событии:

> Встреча устраивается в Венеции, на острове Сан-Джорджо Маджоре, с 29 июня по 3 июля 1960 года. В качестве ее устроителя, финансирующего встречу, выступает итальянская организация «Фонд Чини», существующая преимущественно на средства графа Чини, одного из крупнейших итальянских монополистов, председателя акционерного совета компании САДЕ («Сочьета адриатика ди элеттричита» – Адриатическая компания по производству электроэнергии)[532].

Здесь же приводится список организаторов (У. Оден, И. Берлин, Дос Пассос и др.), причем две из фамилий вызывают особенное смятение: «Особо необходимо отметить, что в состав комитета входит известный организатор антисоветской пропаганды в Италии ренегат Иньяцио Силоне <…> и такой известный своими антисоветскими выступлениями журналист и критик, как И. Берлин, проживающий в Оксфорде, но сотрудничающий в изданиях ряда европейских стран»[533].

Итальянская сторона приложила список лиц, которых было бы желательно видеть среди гостей: К. А. Федин, М. П. Алексеев, проф. Эйхенбаум (против этой фамилии сделана пометка «скончался»), А. Б. Гольденвейзер, Н. К. Гудзий, В. Ф. Булгаков, Н. Н. Гусев, К. Н. Ломунов (заместитель директора Дома-музея Толстого в Москве), Д. В. Никитин (бывший врач Толстого, помечено «недавно умер»), П. С. Попов (профессор философии МГУ), Н. О. Пузин (научный сотрудник дома-усадьбы «Ясная Поляна»), А. И. Поповкин (директор дома-усадьбы «Ясная Поляна»), Н. С. Родионов (редактор нескольких томов юбилейного собрания), И. И. Толстой, В. И. Толстой, Б. Л. Пастернак.

Из приглашенных лиц, не считая потомков Толстого, в окончательный состав советской делегации попал один-единственный человек – Н. К. Гудзий. Это обстоятельство вызвало известное волнение принимающей стороны, ловко потушенное остальными членами делегации:

> Еще до открытия встречи нашей делегации, в которую входили секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков (руководитель делегации), профессора В. В. Ермилов и Н. К. Гудзий и консультант Инокомиссии СП СССР Г. С. Брейтбурд (секретарь-переводчик делегации) пришлось столкнуться с попыткой дискредитации ее состава. На состоявшейся за день до открытия встречи пресс-конференции Сергей Толстой зачитал список из 16-ти человек приглашенных участвовать во встрече из Советского Союза и заявил, что лишь один из приглашенных, а именно проф. Гудзий приехал в Венецию. Что же касается отсутствия остальных приглашенных, то причины его ему, якобы, неизвестны. Наш ответ на это заявление Сергея Толстого, содержавший ссылку на официальные переговоры по поводу состава нашей делегации с послом Италии в Москве Пьетромарки, прозвучал вполне убедительно для прессы и для участников встречи, поскольку мы отметили, что большинство

[532] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1804. Л. 1.

[533] Там же. Л. 3.

> приглашенных из Советского Союза лиц находится в возрасте от 70 до 90 лет и не могли принять участие в поездке заграницу[534].

Г. М. Марков, автор отчета, отложившегося в бумагах Союза писателей, сетует и на иные примеры недоброжелательства, скопившиеся за дни конгресса: «Из Толстых в Венецию приехали Татьяна Альбертини-Толстая, Сергей Толстой, Александра Толстая (внучка) и Илья Толстой, причем ведущую и далеко не всегда дружественную по отношению к нам роль играла Татьяна Толстая <…>»[535]. Там же кратко упомянуто о присутствии на конгрессе нескольких русских эмигрантов и периодически возникавших дискуссиях с их участием. Одну из них упоминает хроникер «Граней» – когда Г. Адамович (выступавший в качестве манчестерского профессора) противопоставил Толстого Достоевскому («Для западного мира, в течение последнего пятидесятилетия, скорее влияние Достоевского оказалось преимущественным, но это несомненно не так для русских, к какому бы политическому направлению они ни принадлежали»[536]), ему возражал В. Ермилов, «сказав, что в Советском Союзе и Достоевский и Толстой считаются великими писателями и что не следует и неправильно противопоставлять одного другому»[537].

Адамович, едва вернувшись домой, описывал детали мероприятия – и в газетной хронике[538], и в частных письмах:

> Все было интересно, венецианский «конгресс» был пышен до крайности, но я устал от него и от обозревания красот так, что теперь буду лежать дня три. Остаюсь, впрочем, при своем мнении, что очаровательнее Венеции нет, вероятно, ничего на свете. <…> В Венеции была советская делегация, и в ней – проф<ессор> Гудзий, тамошняя знаменитость и душка (правда), помешанный на поэзии. Знает все и всех, а когда я назвал Ваше имя, сказал: «Ну, как же – „Двор чудес“! Где она и что она?» Я Вас описал, как мог[539];
>
> Вы спрашиваете о Венеции. Было очень пышно, нарядно, многолюдно, вроде какого-то парламента. Но по существу довольно сумбурно, «кто в лес, кто по дрова». Советские делегаты держались вежливо и любезно до крайности, хотя Слоним устроил маленькую перепалку из-за доклада Ермилова, по духу, конечно, вполне советского. Меня очаровал проф.

---

[534] Отчет Г. М. Маркова об участии советской делегации в чествовании памяти Л. Н. Толстого в Венеции // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1793. Л. 2. Ср. цитату из речи С. М. Толстого, зафиксированную в печатном отчете: «Было приглашено 16 человек; все они дали принципиальное согласие. С тех пор трое из них написали мне лично, чтобы поблагодарить еще раз за наше приглашение и выразить сожаление по случаю невозможности приезда по причинам возраста и здоровья. Это были 85-летний А. Гольденвейзер, профессор музыки и друг Толстого; Николай Родионов, один из главных редакторов юбилейного издания, и Н. Н. Гусев, секретарь Толстого, замечательный доклад которого я имел честь прочесть на открытии нашего конгресса» (Раевский Н. Впечатления от Венецианского конгресса // Грани. 1960. № 47. С. 148).

[535] Отчет Г. М. Маркова об участии советской делегации в чествовании памяти Л. Н. Толстого в Венеции // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1793. Л. 1.

[536] Раевский Н. Впечатления от Венецианского конгресса // Грани. 1960. № 47. С. 150.

[537] Там же. Ср., кстати, несколько гипертрофированный ретроспективный восторг от риторической победы: «Помню, с каким горячим интересом расспрашивал меня Константин Александрович <Федин> о поездке в Венецию на международную конференцию, посвященную Л. Н. Толстому. В нашей делегации кроме меня были тогда Н. К. Гудзий, В. В. Ермилов, Г. С. Брейтбурд. Глубоко интересовался К. А. Федин всеми деталями организации конгресса, выступлениями наиболее известных зарубежных деятелей, их взглядами на жизнь и творчество великого русского писателя.С радостным возбуждением он слушал мое сообщение о том, как делегация Союза писателей в острой полемике отстояла художественный гений Л. Н. Толстого, его неувядающее художественное творчество от тенденциозных попыток буржуазных оппонентов исказить, сузить значение творчества Толстого, представив великого писателя земли русской не гениальным художником, глубоко уходящим корнями в живую жизнь народа, а лишь религиозным проповедником и моралистом» (Марков Г. Снова о Константине Федине // Воспоминания о Константине Федине. М., 1981. С. 15).

[538] Адамович Г. В. По поводу Толстовского съезда в Венеции // РМ., 1960. № 1566. 18 августа. С. 4–5.

[539] Письмо к И. Одоевцевой от 9 июля 1960 г. – «Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965). Публ. Ф. А. Черкасовой // Диаспора: Новые материалы. Т. 5. Париж; СПб., 2003. С. 580–581.

> Гудзий, – кажется, Вы его знаете или с ним были в переписке? Умный, скромный, милый, и много рассказавший интересного. Было немало Толстых: мой доктор, Сергей, Татьяна Альбертини и Никита (не знаю, чей он сын) из Стокгольма, болтавший совершенную чепуху. Зато Сергей, доктор, прочел доклад хороший, с защитой Софьи Андреевны, правда, вскользь, но верной. Говорили на всех языках мира, но переводчики из кабинок тут же все переводили, так что люди сидели в наушниках. К моему большому удовольствию Глеб Струве к прениям приглашен не был и сидел в публике, в компании с Лоллием Львовым[540].

Несмотря на сравнительное изобилие источников, единственная деталь, касающаяся бытовой стороны поездки, скорее символична, чем обстоятельна, – много лет спустя Гудзий вспоминал, что они с Ермиловым плавали по Венеции в одной гондоле[541].

[540] Письмо к В. Н. Буниной от 12 июля 1960 г. – Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961). Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С. 159.

[541] Кулешов В. И. «Он между нами жил…» (МИФЛИ и МГУ) // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 53.

40

Официальные материалы о выезде советских писателей за рубеж сохранились в крайне фрагментарном и неупорядоченном виде. Так, наряду с неплохо документированным визитом на Толстовский конгресс, в официальных списках Союза писателей СССП 1960 года значатся еще четыре итальянских визита мастеров слова: в феврале Б. Н. Полевой, Г. М. Мусрепов и Г. С. Брейтбурд ездили на неделю ради участия «во встрече европейских и негритянских деятелей культуры»[542]; в июле М. П. Бажан, А. Б. Чаковский, М. И. Алигер, М. Танк и тот же Г. С. Брейтбурд (главный по советско-итальянским культурным связям[543]) посещали 2-й конгресс Европейского сообщества писателей[544]; в сентябре с таинственной формулировкой «по плану „Литературной газеты“» путешествовали Л. А. Кассиль и С. С. Смирнов, и, наконец, в сентябре А. А. Сурков, М. П. Бажан и (конечно) Г. С. Брейтбурд участвовали в работе руководящего Совета Европейского сообщества писателей[545]. Относительно следующих лет подобные сводки не сохранились или пока не найдены. Это же касается и документов Союза кинематографистов, в которых могли бы оказаться целые комплексы переписки, касающиеся участия в Венецианских кинофестивалях, традиционно расположенных к советским фильмам. Пока же приходится поневоле довольствоваться документами разысканными или очевидными. Так, неплохо известны обстоятельства поездки девятнадцати советских писателей осенью 1962 года – в основном благодаря тому, что по пути они сговорились сочинить коллективный травелог, причем каждому члену делегации отводился один день[546]. Венеция досталась Я. Хелемскому:

> У отеля «Принчипе», как и у большинства венецианских зданий, два фасада: один – парадный, отраженный в воде, другой – сухопутный. Парадный выходит не больше не меньше, как на Канале Гранде. Сухопутный – на привокзальную улочку.
>
> Я спустился в холл. В дверях справа зеленела вода, подступающая к террасе летнего ресторана. Слева, в доме через улицу, посверкивала витрина магазинчика с венецианским стеклом.
>
> Вооруженный кинокамерой «Ако-8» и фотоаппаратом «Зоркий», я сперва пошел направо.
>
> На террасе меня обдало резкой сыростью и ослепительным светом. Канале Гранде сам по себе не слишком широк, во всяком случае в этом месте. Если смотреть его не в перспективе, а взять маленький отрезок, о величии и говорить нечего. Облупившееся здание напротив, вода, которая вблизи отнюдь

---

[542] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 95. Л. 3.

[543] Иногда итальянские контрагенты обращались к нему напрямую, минуя официальные каналы: ср. в письме П. Крига от 31 марта 1967 года: «Я организую фестиваль в Сполето в этом году и пишу Вам потому что мы решили пригласить русского поэта, а если возможно, то двух. Мне называли некоторые имена, включая Окуджаву и Юнну Мориц среди молодых, Твардовского и Мартынова среди давно утвердившихся. Но я предпочел бы повторить то приглашение, которое мной было сделано в прошлом году. Если б Вы могли прислать к нам Вознесенского, это как всегда заинтересовало бы публику и все было бы очень хорошо. Но мы хотели бы услышать и нового русского поэта. Поэтому я предлагаю, чтобы Вы направили и другого поэта по Вашему усмотрению, просто лучшего из тех, кого Вы сможете найти, но такого поэта, который еще не имел возможности приобрести себе известность здесь на Западе» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Ед. хр. 315. Л. 13). А. Т. Твардовский, вернувшийся в 1968 году из очередной поездки в компании Брейтбурда, жаловался встречающим: «Что-то он плохо себя чувствует. Утром принял какую-то смесь. А у него печень. Ох, как любит поесть! Едем, уже спать пора. Можно где-нибудь остановиться, поужинать. Нет, он будет тянуть еще сорок километров до какой-нибудь траттории, а там разведет такой торг. Есть ли это, и есть ли то. А вообще знающий человек и отличный помощник. Без него в Италии мы бы пропали» (Кондратович А. Новомирский дневник. 1967–1970. М., 1991. С. 244).

[544] Подробности об этой поездке см. на с. 531 наст. изд.

[545] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 95. Л. 1, 3, 4.

[546] Подробности см. на с. 585–586 наст. изд.

> не прозрачна. Начинаешь замечать подробности. К полосатому причальному столбу прилип большой краб, он неуклюже шевелится в мутной влаге. Плывут окурки, кожура банана, пустая консервная банка, какие-то подозрительные отбросы. Фундамент нашего красностенного отеля, выступающий из воды, весь в плесени, он влажно поблескивает, облепленный илом и тиной. Грязновато и запущено.
>
> Но если поднять глаза, общий план канала прекрасен[547].

В длинный венецианский день вместились наблюдения за бытовой жизнью города, прогулка по набережной, осмотр вокзала (!), плавание на гондолах с товарищами по делегации («Старик, будь человеком, щелкни нас»[548]), посещение собора Святого Марка и Дворца дожей и даже распропагандированный американец, случайно подвернувшийся под руку («– Хиросима тоже была красивым городом». – «Кристофер вздохнул и сокрушенно развел руками»[549]). Тем же вечером делегация покинула Венецию.

Документы, касающиеся писательской поездки следующего, 1963 года, сохранились не полностью, но зато представляют собой черновые персональные списки с вычеркиваниями и маргиналиями, позволяющими наблюдать (хотя и в заведомой неполноте) особенности работы механизма, регулирующего советские зарубежные экскурсии. Так, первая версия списка туристов, собирающихся в Италию в октябре 1963 года по линии Союза писателей, открывается именем филолога К. С. Айни, снабженным карандашной пометкой «ЦК Таджикистана». Далее следуют искусствовед М. М. Ашрафи, поэт и депутат Верховного Совета Литовской ССР К. П. Корсакас, прозаик и бывший нарком государственной безопасности той же Литовской ССР А. А. Гузявичюс, вычеркнутый карандашом Д. А. Юделевичюс, потом поэты М. А. Дудин[550], Н. М. Полякова (вычеркнутая на одном из этапов), В. В. Торопыгин[551] и О. Н. Шестинский. Далее следуют писатель В. Н. Собко, филолог В. Д. Войтушенко и неизвестная нам Я. В. Собко (вероятно, родственница другого соискателя); трое последних объединены фигурной скобкой и пояснением «Киевский промышленный обком»[552].

Насколько можно понимать логику вычеркивания из списков (судим по нескольким образцам, подшитым в том же деле), «иностранная комиссия» Союза писателей старалась не пускать никого дважды в одну и ту же страну: так, из поездки 1963 года именно по этой причине были выброшены М. В. Исаковский и его жена. О самом путешествии сведений у нас немного; главными из них мы обязаны сложившейся традиции ретроспективного отчета, который писал – скорее не по велению сердца, а по заданию организаторов – один из путешественников. В этом случае летописцем был П. А. Сажин, прозаик-маринист. В итоговом тексте он хвалил подбор попутчиков («Поездка прошла отлично: группа оказалась хорошей и дружной (были мелкие издержки за счет особенностей характера некоторых чересчур ярких творческих индивидуальностей. Но под воздействием коллектива эти особенности не успевали приобрести устойчивости)»[553]), мягко сетовал на недостаточную проработку экскурсий («Мне кажется, что в программу итальянских маршрутов следовало бы включить поездки на некоторые итальянские предприятия, посещение рабочих клубов. Неплохо было бы ввести в программу и прием в редакции „Унита“») и радовался щедрости благодетелей: «Между прочим, Союз писа-

---

[547] Хелемский Я. Сто первая Венеция. Третий день // Знамя. 1963. № 8. С. 180.

[548] Там же. С. 182.

[549] Там же. С. 186.

[550] О его венецианских впечатлениях см. с. 650–652 наст. изд.

[551] См. также с. 966–968 наст. изд.

[552] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 17. Л. 48.

[553] Отчет П. А. Сажина о поездке в Италию группы советских писателей в октябре 1963 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1880. Л. 1.

телей правильно сделал, что добился выделения для писателей-туристов специальной суммы в инвалюте на кино и театры. К сожалению, сумма эта очень незначительна (2.500 лир) по сравнению со стоимостью билетов <…>». Впрочем, конечный бенефициарий отчета (или, по крайней мере, один из них) виден из последней его части: «Из нашей группы личные контакты были лишь у Н. К. Чуковского с Гидашами (Будапешт) и у Камала Айни с итальянским профессором, видным иранистом, участнико<м> 25 Московского конгресса востоковедов синьором Скерча»[554].

[554] Там же. Л. 2, 4.

41

Не хуже сохранились документы о подготовке двух писательских поездок в Италию в 1964 году – в апреле-мае и ноябре. Отчет о первой писал литературовед М. Р. Шкерин:

> Докладываю: туристская группа писателей, бывшая в Италии с 22 апреля по 4 мая, благополучно вернулась 5.5.64 г. в Москву. В соответствии с планом «Интуриста» мы посетили: Турин, Милан, Геную, Флоренцию, Рим, Неаполь и Капри. На пути в Италию мимолетно осмотрели Париж, а на обратном пути в Москву осмотрели Будапешт.
>
> Я не перечисляю по фамилиям тех, кто входил в группу – они известны Правлению, – скажу только, что коллектив подобрался хороший, взаимоотношения сразу же установились товарищеские, и за все время путешествия не произошло ни малейшего инцидента[555].

Организация поездки не обошлась без досадных недочетов – так, на Капри желающие не смогли увидеть здание, где располагалась ленинская партийная школа («Ни бывший с нами представитель „Интуриста“ <А. П.> Муратова, ни итальянский гид не знали этих достопримечательностей»), а советник посольства по культуре Г. В. Горшков не смог организовать автобус, чтобы доставить делегацию на первомайский вечер. Но главный ее недостаток был в ее маршруте:

«Все мы очень жалели, что в программе не было Венеции. Это исключение решительно ничем не оправдано. На будущее Венецию непременно надо включить в программу взамен Турина, где нет никаких достопримечательностей»[556].

Это удалось исправить при подготовке второй экскурсии, состоявшейся зимой того же года. В документах иностранной комиссии СП СССР сохранились рекомендации ее будущим участникам – так, Комиссия по выездам за границу при Башкирском обкоме КПСС рекомендовала включить в ее состав Мустая Карима и его жену, Правление Союза писателей Украинской ССР в симфонии с Киевским промышленным обкомом советовали отправить в Италию И. А. Цюпу, М. С. Цюпу и Л. И. Кравец. Союз советских писателей Азербайджана настоятельно рекомендовал прозаика и сценариста Э. К. Мамедханлы, поэта М. Г. Сеидзадэ и фантаста Е. Л. Войскунского. Затем Союз писателей передавал список (пополнившийся лицами из неизвестных нам источников) в МИД, который, кажется, часть соискателей вычеркнул – так, из списка, несмотря на рекомендацию киевских партийных властей, выбыла М. С. Цюпа. Отдельными путями двигался еще один список, подшитый к делу с визой «Решение МГКПСС», – в нем значилась писательская чета М. З. Дальцева и Н. С. Атаров, литературовед Б. Я. Брайнина, переводчица Е. Д. Калашникова, филолог С. А. Макашин с женой Т. М. Велембовской, прозаик О. Н. Писаржевский, автор учебника по истории марксистско-ленинской философии А. П. Петрашик, Н. К. и М. Н. Чуковские, Д. Д. Благой, драматург А. П. Штейн и неизвестная нам Л. Я. Бутневская[557]. Старостой и летописцем группы был назначен Н. С. Атаров, на первой странице отчета которого приведен итоговый список экскурсантов:

> В декабре 1964 года, в течение тринадцати дней, в туристской поездке по Италии находилась группа писателей – москвичей и киевлян – в составе семнадцати человек. Группа первоначально была сформирована

[555] Отчет М. Р. Шкерина о пребывании в Италии группы советских писателей с 22 апр. по 4 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1890. Л. 1.

[556] Отчет М. Р. Шкерина о пребывании в Италии группы советских писателей с 22 апр. по 4 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1890. Л. 2, 1.

[557] Материалы о выезде советских писателей… в Италию в декабре 1964 года // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 220.

> в большом составе, но за пять дней до отъезда скоропостижно скончался О. Писаржевский, не смогли прибыть бакинские и эстонские писатели. Поехали: писатели с женами – Н. Атаров, С. Макашин, Д. Павлычко, Н. Чуковский, а также Д. Благой, Б. Брайнина, Е. Калашникова, О. Иваненко, театровед А. Богуславский, преподаватель по кафедре эстетики музыкального училища им. Гнесиных Г. Ермаш, киевская журналистка Л. Кравець <так>, сотрудница одного из украинских издательств В. Осмак, жена писателя А. Штейна (драматург А. Штейн вынужден был остаться в Москве ввиду подготовки премьеры его пьесы о Ленине).
>
> Обязанности старосты группы Секретариат возложил на Н. Атарова.
>
> Группу встретил в Милане представитель «Интуриста» Э. Я. Козлов.
>
> В автобусе, – что, по мнению участников поездки, так хорошо способствовало поэтическому восприятию страны – группа проехала по намеченному маршруту: Милан – Венеция – Флоренция – Рим – Неаполь с Помпеей <так> – Рим. Погода в декабре была отличная, солнечная, и писатели остались довольны как избранным маршрутом и организацией поездки, так и самой атмосферой поездки: москвичи познакомились, подружились с киевлянами, критики-литературоведы с прозаиками[558].

В отличие от большинства образцов жанра отчет Атарова выглядел скорее не как служебная записка, а был больше похож на травелог, готовый к публикации:

> Думалось и о том, как мучительно и страшно обкрадывают себя буржуазно-декадентские деятели искусств, эти бедные «дети своего времени», которые, по словам Андрэ Моруа, «не хотят и слышать о сюжете или литературных образах…» <…> С удовольствием вся группа вспоминала об импровизированной встрече с коммунистами-активистами мэрии из маленького местечка Рокка-Горда <…> Пели песни – «Катюшу», «Подмосковные вечера», итальянские и советские партизанские, под конец грянули «Интернационал», обменивались значками, открытками, рабочие надписывали свои фамилии на номерах газеты «Унита», высыпали на улицу – проводить автобус друзей.

Впрочем, несмотря на расширившиеся границы жанра, сведения о сомнительных контактах путешественников содержатся и здесь: «Во Флоренции профессор Д. Благой был приглашен преподавательницей русской литературы флорентийского университета Марией Лупорини к студентам-славистам педагогического факультета. В этой встрече участвовали также Н. Атаров и А. Богуславский»[559].

---

[558] Отчет Н. С. Атарова о поездке в Италию группы советских писателей в декабре 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1891. Л. 1–2.

[559] Там же. Л. 2–3.

42

Вероятно, небезынтересным мог бы быть и обзор последующих поездок, продолжавшихся во второй половине 1960-х и начале 1970-х годов, но здесь в дело вмешиваются обстоятельства непреодолимой силы: в архиве Союза писателей этих документов нет либо они подшиты так, что выявлению не поддаются[560]. Попавшие в печать отчеты этого времени сводятся или к подробнейшему, буквально пошаговому описанию поездки на остров Святого Лазаря[561] или к краткому травелогу, исполненному тревоги за стойкость венецианских фундаментов:

> Старинные здания красивы, но давно уже перестали подходить для нормальной жизни. Шестнадцать тысяч квартир, расположенных на первых этажах, постоянно заливает вода. Дома эти, как правило, лишены системы отопления, санузлов. Венеция принадлежит к тем немногим городам Италии, где смертность превышает рождаемость. «Не менее безотлагательная проблема для Венеции, чем борьба с наводнениями и загрязнением, – пишет „Стампа“, – это выжить как населенному центру».
>
> Вместе с сохранением памятников и ценностей искусства должны решаться и проблемы создания нормальных условий жизни для трудящихся Венеции[562].

Таким образом получается, что следующим заметным венецианским гостем был Бродский, – и здесь неожиданно гондола нашего повествования вплывает в ярко освещенную историческим солнцем область.

---

[560] Ср., впрочем, краткий рассказ А. Т. Твардовского о венецианской поездке 1968 года: «Поехали в Венецию. Обслуживание и забота такая, что когда мы с Брейтбурдом вышли на вокзале, то первое, что услышали: „Синьоры Твардовский и Брейтбурд, ваш катер стоит там-то…“ Венеция ни на что не похожа. Но лучше ее видеть ночью. Днем по каналам плавает бог знает что. Но вода вот такая, какой ее описывают, – неправдоподобно голубая и чем-то светится изнутри. Говорят, там дно особое. И множество катеров. Гондолы остались только для иностранцев. Американцы их обожают. Но плавать на них как-то даже глупо. Видно, что это уже ушедшее, вчерашнее. А в самой Венеции запах какой-то особенный, и к нему надо привыкнуть, – сырости, замшелости, гниения. И все равно прекрасно. Я даже боюсь найти точное определение этого города: его, наверно, просто нет. Старина, оставшаяся совершенно нетронутой. Только катера, да люди одеты по-другому» (Кондратович А. Новомирский дневник. 1967–1970. М., 1991. С. 243–244).

[561] Тигранян С. Венеция, остров Святого Лазаря // Литературная Армения. 1971. № 7/8. С. 101–105.

[562] Ардатовский В. Судьба Венеции // Новое время. 1971. № 46. С. 29.

Стихотворения

Николай Агнивцев

Венецианские кружева

В самой подлинной Венеции,
Под балконом у Лукреции,
В позе дьявольски-картинной,
Этак – боком, с мандолиной
Целый час себе стою
И – пою, пою, пою:
– «Под балконом, о, синьора,
Врос я в землю, словно куст!
Жду я огненного взора
И таких же самых уст!..
И палаццо, и каналы,
И фискалы, и кинжалы
Задремали до зари!..
И на бархат ночи южной —
Нитью трепетно-жемчужной —
Опустились фонари!
Посмотрите, посмотрите,
Как обвились эти нити —
Сладострастным ожерельем —
Вкруг каналов и дворцов!
Посмотрите
Как дворцы те
Ночь пьянит любовным зельем —
Пряной сказкой грешных снов!
Эта сказка пьяной Дремы
Разлита, волной истомы,
И – на звездном небосклоне,
И – на кручах мощных гор.
И – на крошечных букашках!»…
…….
Но… тут на балконе
Показался какой-то синьор
В сиреневых подтяжках!..
…Прошла минута —
E tutto caputto!..
Для тех, кто это не поймут,
Вот перевод:
– И тут – капут!

Всеволод Азаров

Венеция

Над черным, как деготь, каналом
Мерцают гирлянды огней.
Гондолы прижали к причалам
Поникшие крылья коней.

Спят портики, спят парапеты,
Стихает людская молва,
И город, туманом одетый,
Похож на уснувшего льва.

От старости выпали зубы,
Оборвана с временем нить.
Не грянут архангелов трубы
Его мертвецов разбудить.

Сиянием льнет к небосводу
Размытый узор позолот.
Дворцы погружаются в воду,
В них больше никто не живет.

Венеции странное чудо,
Быть может, скрывается в том,
Что в мире извечно, повсюду
Витает сказанье о нем.

Не Китеж и не Атлантида,
Ведь нам и сегодня дано
Земными глазами увидеть
Ее не ушедшей на дно.

Жемчужина черного цвета,
Ты створки едва приоткрой —
И тусклая радуга эта
Останется вечно с тобой.

Пока не утро

Нам помахал рукою гондольер,
Уже не молодой и смуглолицый.
Вот лестница Гигантов, сумрак сер,

Где, кажется, всегда вода струится.

Отсюда Марко Поло вел суда,
Там, где сегодня, ночью или ранью,
Под черными мостами спит вода,
Оправленная тонкой филигранью.

Все отгорело – дожи, львы и Марк,
Ушло в багрово-черный холст картины,
И прямо без помарок, без причины
Каналов темнота штрихует мрак.

Но здесь еще живет огромный зал,
Без потолка, у славной базилики,
Где остается прошлое великим,
Где праздничный кружится карнавал.

Жаль только, что он создан для зевак,
Ты хочешь превратиться в каплю света,
Что ж, уличный, безвестный Тинторетто
Мгновенно наведет невечный лак.

Час музыкантам спать, статистам спать,
Художники свои уносят кисти,
Тогда-то естество глубоких истин
В том зале возрождается опять.

Достойное искусство мастеров,
Творцов, что возводили эти стены,
К лазури прибавляя блеск сиены
Для ярких мозаичных куполов.

Уже перед рассветом тает мрак.
Гиганты вновь взбираются на башню.
Соединив грядущее с вчерашним,
Часы бьют: «Так! Да будет только так!»

Над городом куранты нараспев
Пробили, пробудилась площадь Марка,
И вновь под голубой небесной аркой
Два золотых крыла расправил лев.

Нет дожей, не осталось их врагов,
Убийца и святой почили в бозе,
Лишь не боится времени коррозий
Великое искусство мастеров!

Лидия Алексеева

На Адриатике

На молу и ветрено, и ярко,
Пеной стынет моря влажный пыл.
В давний день здесь лев святого Марка
Омочил концы державных крыл.

С той поры плывут волнами годы,
Трепет волн всё так же чист и синь,
Так же о дарах святой свободы
Возвещает стройная латынь.

Этот звон – и этот камень серый…
Если ж взгляд на Локрум подниму —
Вижу в дымке царственной галеры
Плавно уходящую корму.

Маргарита Алигер

Гондольеры

Ах, гондольеры на Пьяцетте!
Они как птицы на рассвете,
как голуби или скворцы.
Они на все лады щебечут, —
орел иль решка, чет иль нечет?
А утро размывает дали,
и отражаются в канале
венецианские дворцы.

Ах, гондольеры на Пьяцетте!
Они как птицы на рассвете,
как ласточки или дрозды,
на солнцепеке у воды,
трещат себе на все лады.
О чем?
Не стоит ждать ответа.
Проходит мимо вапаретто <sic>.
И это вам не оперетта,
а просто догорает лето,
как трубка или сигарета,
и затянуть его нельзя.
А вапаретто <sic> – род трамвая,
проходит, волны поднимая,
осадкой цоколям грозя.

Все выше солнце. Будет жарко.
Все многолюдней у Сан-Марко.
И музыка и жизнь – ключом.
И гондольеры на Пьяцетте
шумят и возятся, как дети,
галдят, как птицы на рассвете.
О чем?
А птицы-то о чем?

И то сказать, мне что за дело?!
Ну, побыла. Ну, поглядела.
Достаточно. Пора домой.
А гондольеры на Пьяцетте,
они как птицы на рассвете.
Но лето гаснет.
А зимой?

Ах, незнакомое наречье!
Ах, любопытство человечье!
О чем так голуби воркуют?
С чего так ласточки ликуют?
Ликуют или негодуют?
Ну что за важность, боже мой!

Тинторетто

Одиноко выйти в час рассвета,
растворяясь в ощущеньях новых,
и пойти туда, где Тинторетто
с кистью шел путем Страстей Христовых.
Благовест.
Кусок цветного штофа.
Яркий луч.
Дырявый стул треногий.
Бог рожден.
А вот его Голгофа.
Близко как!
Крутой виток дороги.
На переднем плане крупным планом
крест несет неведомый бродяга,
а Христос повыше, за туманом…
Странный ракурс. Странная отвага.
В верхнем зале Скуола ди Сан Рокко
малолюдно, глухо, нет ответа.
Жадно, упоенно и жестоко
пишет путь Христовый Тинторетто.
Ненависть, предательство, измену
пишет, задыхаясь от презренья.
Доводилось. Видел. Знает цену.
И горят вокруг его прозренья.
Терпкое питье – земная слава.
Правда оглушительнее чуда.
Был ли, нет Христос,
но был Варрава.
Был ли, нет Христос,
но был Иуда.
Вековая торная дорога.
Ты стоял у каждого порога.
Ты испил из каждого истока.
Ты судил бесстрастно и жестоко.
…Крупным планом за столом Иуда,
а Христос в тумане и далеко.
Так всегда.
Тебе видней отсюда,

Тинторетто,
Скуола ди Сан Рокко.

Вадим Андреев

«Венеция! Наемный браво…»

Венеция! Наемный браво!
Романтика и плащ, и шпага,
Лагун зеленая отрава —
Век восемнадцатый – отвага!

Венеция, невеста, вашим
Быть постоянным кавалером.
Адриатическая чаша
И теплый ветр над Лидо серым.

И бегство, – бегство Казановы,
Свинцовых крыш покатый холод.
Венеция! Последним словом,
Как ночь к плащу, – я к вам приколот.

Посвящение

Пред Вами полтораста лет,
Послушные, сгибают спины.
Лагун и дней тогдашних свет
Знаком в глазах Марины
Цветаевой.

Неугомонный плащ и пистолетов пара
И снежной пылью пудренный парик.
Душа – несвоевременный подарок
И времени понятный всем язык.

Сквозь жизнь, сквозь ветер,
Сквозь пепел встреч
Единственную в свете
Не сметь
И не суметь сберечь.

Так, так, – вон там, из глубины зеркальной
Мелькнувшее, в последний раз, – прощай.
Полсотни лет! Полет первоначальный
Его неугомонного плаща.

Сквозь жизнь, сквозь ветер,

Сквозь пепел встреч
Единственную в свете
Не сметь
И не суметь сберечь.

Полсотни лет! Там, в воздухе, недвижен,
Там, на стекле, чуть уловимый след.
Воспоминание! Что день, то ближе
Неумолимых дней великолепный бред.

Сквозь смерть, сквозь ночи,
Сквозь пепел лет
Все тот же почерк —
Oh, tu oublieras Henriette.

Невольник памяти! Он тот, кто верен
Сквозь жизнь и смерть – бессмертнейшей Henriette.
Что эта жизнь? Легчайшая потеря
Старинного плаща, и мира нет.

—

Это имя знакомо всякому,
Кто в мире, как он, – иностранец.
Джакомо
Казанова —
Венецианец.

Мария Анисимова

Венеция

Не знаю – во сне ли то было:
Над нами светила луна,
Гондола бесшумно скользила
По спящим каналам темна.

И где-то играли и пели,
И звуки росли в тишине.
Дворцы на нас строго глядели.
Не знаю – то было ль во сне.

«Венеция вдали, как странный сон…»

Венеция вдали, как странный сон,
Виднеется в предутреннем тумане.
А в сердце боль, как в незажившей ране
И просится на губы стон.

Моя душа уж прежде здесь была
И здесь мучительно страдала.
Когда скольжу по зеркалу канала
И слышу мерный всплеск весла, —

Я что-то узнаю, но что не знаю
И все, что вспомнить не могу переживаю,
И тяжкая рука ложится мне на грудь,
И ночью не могу заснуть…

Вот день блеснул за гладью водяной
И вспыхнул ангел золотой на колокольне…
Не то, не то, здесь все не то – и больно
Пред этой чуждой красотой.

Вера Аренс

Фонтанка

Вечереет… И в Фонтанке
Отраженные огни,
Как лукавые приманки,
Соблазняют нас они.

Под мостом тягучей лентой
Тихо плещется река,
Огоньки, как позументы,
И манят издалека.

Не Венеция, я знаю,
Эта серая вода,
Но тоской по ней сгораю,
Полюбила навсегда.

И усталыми глазами
Провожаю здесь в тиши
Нагруженные дровами
Тупоносые баржи…

Анна Ахматова

Венеция

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое,
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

Август 1912 г.

Из цикла «В пути»

Совсем вдали висел какой-то мост,
И в темноте декабрьской влажной, грязной
Предстала ты как будто во весь рост…
Чудовищной, преступной, безобразной.
Во мраке та, а завтра расцветет
Венецией – сокровищницей мира —
Я крикнула: Бери все, твой черед,
Мне больше не нужны ни лавр, ни лира.

17 янв<аря> 1965 г.

Николай Ашукин

Смутное воспоминанье

Чем в сердце горечь неизбывней,
Тем глуше ночь, тревожней день,
Тем все чудесней, все призывней
Твоя задумчивая тень.

Еще храня в душе истому,
Но, не ревнуя, не любя,
Я тихо погружаюсь в дрему
И вижу, дальнюю, тебя.

Твои рассказы, как преданья,
Владеют сонною душой,
И ты во мгле воспоминанья
Опять проходишь предо мной.

Проходишь светлою и юной,
В глазах – любовь, мечта, печаль,
И ветер веющий – с лагуны
Колеблет кружевную шаль.

И, замедляя шаг спокойный,
В невольной, сладостной тоске
Певучих струн и песни стройной
Ты слышишь звуки вдалеке.

И там, на площади соборной,
Где лев крылатый на столбе,
Все с той же думою упорной
Ты смутно грезишь о судьбе.

И все печальней, все нежнее
Твой взгляд мерцает синей мглой,
И вьются голуби дружнее,
Взлетая плавно над тобой.

И может, в плеске крыл веселом,
Сквозь лепет ласковой волны,
Спускаясь к медленным гондолам,
Ты обо мне лелеешь сны.

И, преклоняя взор смущенный,
Всегда ты видишь – вновь и вновь —

И город, снегом занесенный,
И наши встречи, и любовь…

Я верю смутному виденью, —
Как сны, исчезнули года,
Но этой венецейской тенью
В душе моей ты навсегда!

Вадим Баян

Венеция

Истерично забилось паровозово сердце.
Приближалась Венеция. Воскресал Веронэз.
К легендарному городу в легендарных инерциях
Лихорадочно ринулся вдохновенный экспресс.

Перепутались в памяти Тинторетты с Лоренцами,
Закружились под музыку кружевные дворцы.
Все обычные кажутся вдохновенными Денцами,
А душа так и мечется в голубые концы.

Гондольеры с гондолами… мандольеры с мандолами…
Базилики с пьяцеттами… Монументы… мосты…
Все звенит канцонеттами, все поет баркаролами,
Все полно изумляющей голубой красоты.

Хорошо после бешеных утомительных Лондонов
Приласкаться к Венеции, заглядеться в простор!
Сколько слышится музыки, когда плещется «гондола»!
Сколько прелести в шелесте шаловливых синьор!

Почему-то все веселы, почему-то все молоды,
Почему-то все ласковы, ничего не тая,
Все синьоры изморфлены, все сердца их исколоты,
Все мошенники – милые, все мальчишки – друзья!

Побывал в академии утонченной поэции,
Зафиксировал кодаком разновидность красот;
Под Риальто красавицу целовал для коллекции
И прощался с Венецией с кампанильских высот.

Истерично забилось паровозово сердце…
Изменил я Венеции. Оскорблен Веронэз.
И с мечтами о будущем в голубую Флоренцию
Уносил меня пламенно вдохновенный экспресс…

Нонна Белавина

Венеции

Я не хочу тебя, сверкающую ярко
Цветными бусами и вазами Мурано,
Ту, что на площади Святого Марка
Все продает настойчиво и рьяно.

Что, старину на вынос разбазарив,
Устало хрипнет от рекламных криков,
Где в знойном туристическом угаре
Воистину «смешение языков».

Трещат моторы быстрых «вапоретто»
И мрачно дремлют старые гондолы…
Нет, не такой была ты для поэтов
В былых веках, и гордых и веселых.

И я бегу, спасаясь от туристов,
Стадами совершающих прогулки,
Чтоб отыскать твой лик, спокойно-чистый,
В каком-нибудь далеком переулке.

И вот ты здесь. Глицинией увита
Стена. И окна, словно привиденья.
В канал, налитый мутным хризолитом,
Спускаются тяжелые ступени.

Они былые тайны сохранили,
По ним ступали долгими веками…
И всех твоих церквей и кампанилий
Дороже мне вот этот старый камень.

Яков Бергер

Венеция, 1966

создали когда-то город
подобный сказке?

нет, опустилась на белых крылах
Лебедь

на поверхность зеркальных вод – Венеция
Венеция

на закате солнца
вдыхающая как амфибия

тревоги
Северной Адриатики…

и галеры у галерей
и нерукотворных – в порту – кораблей

желто-голубые ромбы
и дожди, о Каналетто, времен дожей

изумрудами рассыпанные над
каналами…

и кажется, что не только Лагуна
но и вся ширь

успокоенного уже сегодня
Средиземноморского мира

плещется о площадь Святого
Марка

«Св. Марк – гондольеры тут грезили…»

Св. Марк – гондольеры тут грезили
провозившие по Лагуне гортензии

здесь загорелые видны хребты матросов,
торсы микеланджеловских мук – торосов

но этому городу нечем вздохнуть жабрами
выпученными судорожно глотать жабами

хоть желтым вздохнуть бы асфальтом с хлором
хоть с Томасом Манном рыдать по холере хором

бесспорно хочется быть даже спорам
строительным сором по порам

гниющим в лагуне опорам

безбожно и в воздухе даже Меркуриевом
накурили уже хмурым куревом

так и в нашем ряду мы колышемся
от якобинцев до мелких кубистов

и до совсем уж тут лишних
помнящих все об убийствах

Николай Бернер

«Затихающий голос кварталов…»

Затихающий голос кварталов,
Полузнойный вечерний туман,
Зеркала неподвижных каналов,
Легкий ветер серебряных стран,
И Твое легендарное имя
И звучащие глухо шаги.
Так недавно мы были чужими
И встречались, как будто враги.
Ни за что не нарушу истому
Отзвучавшего знойного дня…
Если смеешь, отдайся другому,
Все равно не покинешь меня.

Венеция, 1913 г.

Сонет

Я нежности не ведал без шипов,
И терниями лёт мечты овеян.
Еще я помню: перегар кофеен,
Мадонны уличной пропевший зов.

О, ветер феерических голгоф, —
Где под аркадой древнего палаццо
Подруга лет не устает смеяться
Над огненными россыпями строф.

Как Ариосто, я страданье пел.
(Канцона лени – лишь слепых удел.)
Мне в пламени благоухала роза.
И вот поник от осмоленных стрел…
А все-таки еще бы я хотел
Адриатической звезды наркоза.

Венеция

Закат веницейской судьбы вспоминать не забуду.
По-прежнему строен прибой католических месс,
Размеренный голос кварталов, – и верится чуду,

Свидетелем коего был и певцом Веронез.

Свисают ночных площадей колонадные своды, —
Я чувствую долгую жизнь величавых святынь,
Где Гоци <sic> на старости зрит неподвижные воды,
Где падает медью на камень святая латынь.

1923 г.

Колдунья в Венеции

Я запомнил тонкий рот колдуньи,
Выраженье льстивое лица.
В первый день морского новолунья
Легкий челн с чугунного кольца
Я спустил на глубину канала,
И адриатическая ночь
Образ твой тогда нарисовала,
Но не мог я ревности помочь.
Голая и пышная, и злая
И любимая до немоты —
Ничего уж больше не желаю
В звездных коридорах темноты.
Кто же ты, – Мадонна, Догаресса,
Дароносица глухих веков
Или дочь Гоморры!? Твой повеса
Рядом – на подушках облаков!

Александр Блок

«Сплетались времена, сплетались страны…»

Сплетались времена, сплетались страны.
Мы из Венеции на север шли,
Мы видели дождливые туманы.
Оторвались, – и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось времен изображенье.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? кто заглянул в туманы?
Игру, мечту – кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли.

2 июня 1902 г.

«Мы шли на Лидо в час рассвета…»

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка – птица, чайка – дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

С.-Петербург, 11 декабря 1903 г.

Венеция

1.
С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких…

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови…
Христос, уставший крест нести…

Адриатической любови —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909 г. (16 января 1914 г.)

2.

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь – больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит – дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август – октябрь 1909 г.

3.
Слабеет жизни гул упорный,
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне – велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, – живо!
Мечты, виденья, думы – прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

Август – сентябрь 1909 г.

Петр Бобринский

«Латинским парусом погас…»

Латинским парусом погас
Закат на взморье и затеплил
Венеции иконостас,
Венеции остывший пепел.

И стали воды глубоки,
Неизреченны и бездонны:
С небес, по выгибу реки,
Плывут гондолы и мадонны.

Та с яслями, та со стены,
Где зреют розовые гроздья,
Та в синем, праздника весны
Беллини благостная гостья.

Их много, много протекло,
Покуда не замкнулись своды…
И тяжело стучит весло
О поглотившие их воды.

Torcello

Тут мастера из дальней Византии.
Сожженный солнцем остров мирно спит,
И потемнели ризы золотые
Над алтарем мерцающих абсид.

Но строги неулыбчивые лики
Святых, и свеж, как новозданный храм,
И корабли воздушной базелики <sic>
К восточным нас уносят берегам.

Венеция

Морей жемчужина, давно ли
Мой взор восторженный ловил
Знакомый ряд у старой воли
На страже гордых компанилл, <sic>

Я снова твой – мечты крылаты, —
И мне – каналов мерный плеск.
И весел шум, и зданий блеск,
Как в небе радуга, богатый,
И возникающий вдвойне
Излом уже забытых линий,
Джудекка в зоревом огне,
И узких улиц сумрак синий.
Все будит старую любовь —
Лагуны ширь и моря ласка,
И красный парус, точно кровь
На зыби светлого дамаска.

Ольга Бодневская

Из Венеции

И спит Венеция, и будто бы не спит
В сияньи лунной ночи:
Безмолвье там царит в той сказочной стране…
…Преодолеть мечты охоты нет, нет мочи;
Как будто грезишь все в забвеньи, в полусне…
Вот, словно птица, вдруг скользнет вдали гондола…
А там еще одна; их много: целый ряд,
Так нежно прозвучит оттуда баркарола…
Сверкнули фонари, как светляки горят…
Недвижим будто сфинкс, загадочный, как море,
На гондоле стоит красавец гондольер;
Поет он про любовь, про счастье, негу, горе,
Про красоту поет, склонившись на барьер…
И слушают ту песнь блистающие воды,
И звезды в небесах, и бледная луна…
Отдавшись чарам тем, внимает вся природа…
В ответ вздыхает ей синьора у окна…

Николай Брандт

Венецианская ночь

Как нимф играющих любви настигнул сны
Безжалостный сатир – могильный час разлуки.
Ты подошла к окну, вдыхая свет луны,
И в диком ужасе вдруг заломила руки.

Внизу, у выхода, скрывая под плащами
Сердца из дерева и злую сталь клинка,
Чернели облики, недвижные пока,
Подосланных убийц. Безумной мысли пламя

Взметнулося в мозгу: «Предупредить, помочь!»
Но тщетно о стекло нагие бились груди…
И жаркие уста, безбожные всю ночь,
Про Бога вспомнивши, взмолилися о чуде.

Но нет случайности, когда вся жизнь случайна!
Беспечный, как дитя, он ступит на крыльцо.
Дыханье гибели пахнет ему в лицо,
И над поверженным сольются мрак и тайна.

Александр Брумберг

«По водам Риальто гондола скользила…»

По водам Риальто гондола скользила,
Вперед ее гнал гондольер молодой.
«Потише, Джузеппе, ведь дама просила,
Чтоб ты не будил ее быстрой волной».
Прекрасная дама ужасно устала,
В гондолу вошла вся объятая сном:
В роскошном палаццо всю ночь танцевала
С прелестным и милым французским послом.
Ей чудится шепот таинственно нежный
И говор чуть в нос молодого посла,
И кончик манишки его белоснежной,
И хвостики фрака, как ушки осла.
Какие смешные и узкие плечи
У этих комичных французских послов,
Зато как пленительно страстны их речи
Под чувственный запах японских духов.
Так юная дама мечтала в дремоте,
А юный Джузеппе стоял на корме
И песню мурлыкал в тоске и заботе
О сером и будничном завтрашнем дне.

Валерий Брюсов

Анатолий в Венеции XVIII в

Я видела в окно: на маленькой гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком желтофиоли.

Как плавно, как легко, как смело – Анатолий
Скользил веслом по брызгам янтаря,
Но всплески волн чуть долетали с воли,
И покрывали их напевом псалтыря.

Я отошла смущенно и тревожно…
С толпой подруг спустилась в церковь я,
Но жить казалось мне смешно и невозможно.

О Господи! да будет власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не вправе…
О сердце, замолчи… Expectans expectavi…

1894 г.

Данте в Венеции

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.

Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,

И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.

И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет…

В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.

Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица…
И помыслы разгадывал я всех.

Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
– Так иногда с утеса глянут птицы —

То был суровый, опаленный лик.
Не мертвый лик, но просветленно-страстный.
Без возраста, не мальчик, не старик.

И жалким нашим нуждам не причастный,
Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как властный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.

Но тотчас понял: Данте Алигьери.

1900 г.

Лев святого Марка

Pax tibi, Marce, evangelista meus.
(Надпись на книге, которую держит в лапах лев святого Марка)

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века – державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей».
И на книгу лев крылатый
Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей царица
Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,

Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.

И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.

Я – неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;

Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев.

Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

Венеция, 1902 г.

Венеция

Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах,
В формах выпукло-прекрасных представал пред взором прах?

Здесь – пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гóндол черные тела.

Это понял, повторяя Юга полные слова,
Это понял, лишь увидел моего святого Льва!

От условий повседневных жизнь свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.

И доныне неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет.

Венеция, 1902 г.

Опять в Венеции

Опять встречаю с дрожью прежней,
Венеция, твой пышный прах!
Он величавей, безмятежней
Всего, что создано в веках!

Что наших робких дерзновений
Полет, лишенный крыльев! Здесь
Посмел желать народный гений
И замысл свой исчерпать весь.

Где грезят древние палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мне не сжатый
Посев моей былой весны,

И над руиной Кампаниле,
Венчавшей прежде облик твой,
О всем прекрасном, что в могиле,
Мечтать с поникшей головой.

Пусть гибнет все, в чем время вольно,
И в краткой жизни, и в веках!
Я вновь целую богомольно
Венеции бессмертный прах!

Венеция, 1908 г.

Екатерина Бунге

«Качались гондолы, как черные звери…»

Качались гондолы, как черные звери,
Вокруг разноцветно мелькавших огней.
Казалось, раскрылись вдруг тайные двери
В волшебное царство прозрачных теней.
Вставали виденья из темной лагуны,
Дворцов отражался таинственный ряд,
Звенели вдали серебристые струны,
И вздохи дрожали ночных серенад.
Мы плыли в гондоле, как бледные тени,
К неведомо дальним, манящим огням,
И, полная сонно-задумчивой лени,
Гондола скользила по мрачным волнам.
Не знаю, на землю ли грезы спустились,
Иль мы приближалися к царству мечты,
Но призраки с жизнью в душе нашей слились,
Мы были за гранью волшебной черты.

Венеция

Иван Бунин

Венеция

Восемь лет в Венеции я не был…
Всякий раз, когда вокзал минуешь
И на пристань выйдешь, удивляет
Тишина Венеции, пьянеешь
От морского воздуха каналов.
Эти лодки, барки, маслянистый
Блеск воды, огнями озаренной,
А за нею низкий ряд фасадов
Как бы из слоновой грязной кости,
А над ними синий южный вечер,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, —
Радостно все это было видеть!

Восемь лет… Я спал в давно знакомой
Низкой, старой комнате, под белым
Потолком, расписанным цветами.
Утром слышу, – колокол: и звонко
И певуче, но не к нам взывает
Этот чистый одинокий голос,
Голос давней жизни, от которой
Только красота одна осталась!
Утром косо розовое солнце
Заглянуло в узкий переулок,
Озаряя отблеском от дома,
От стены напротив – и опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутил, увидевши над крышей,
Над бельем, что по ветру трепалось,
Облаков сиреневые клочья
В жидком, влажно-бирюзовом небе.
А потом на крышу прибежала
И белье снимала, напевая,
Девушка с раскрытой головою,
Стройная и тонкая… Я вспомнил
Капри, Грациэллу Ламартина…
Восемь лет назад я был моложе,
Но не сердцем, нет, совсем не сердцем!

В полдень, возле Марка, что казался
Патриархом Сирии и Смирны,
Солнце, улыбаясь в светлой дымке,

Перламутром розовым слепило.
Солнце пригревало стены Дожей,
Площадь и воркующих, кипящих
Сизых голубей, клевавших зерна
Под ногами щедрых форестьеров.
Все блестело – шляпы, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы,
Женщины, весну напоминая
Светлыми нарядами, раскрыли
Шелковые зонтики, чтоб шелком
Озаряло лица… В галерее
Я сидел, спросил газету, кофе
И о чем-то думал… Тот, кто молод,
Знает, что он любит. Мы не знаем —
Целый мир мы любим… И далеко,
За каналы, за лежавший плоско
И сиявший в тусклом блеске город,
За лагуны Адрии зеленой,
В голубой простор глядел крылатый
Лев с колонны. В ясную погоду
Он на юге видит Апеннины,
А на сизом севере – тройные
Волны Альп, мерцающих над синью
Платиной горбов своих ледяных…

Вечером – туман, молочно-серый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленеют в нем огни, столбами
Фонари отбрасывают тени.
Траурно Большой канал чернеет
В россыпи огней, туманно-красных,
Марк тяжел и древен. В переулках —
Слякоть, грязь. Идут посередине, —
В опере как будто. Сладко пахнут
Крепкие сигары. И уютно
В светлых галереях – ярко блещут
Их кафе, витрины. Англичане
Покупают кружево и книжки
С толстыми шершавыми листами,
В переплетах с золоченой вязью,
С грубыми застежками… За мною
Девочка пристряла – все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: «Mi d’un soldo!»
Долго я сидел потом в таверне,
Долго вспоминал ее прелестный
Жаркий взгляд, лучистые ресницы
И лохмотья… Может быть, арабка?

Ночью, в час, я вышел. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьяцетте
Камни мокры. Нежно пахнет морем,
Холодно и сыро вонью скользких
Темных переулков, от канала —
Свежестью арбуза. В светлом небе
Над пьяцеттой, против папских статуй
На фасаде церкви – бледный месяц:

То сияет, то за дымом тает,
За осенней мглой, бегущей с моря.
«Не заснул, Энрико?» – Он беззвучно,
Медленно на лунный свет выводит
Длинный черный катафалк гондолы,
Чуть склоняет стан – и вырастает,
Стоя на корме ее… Мы долго
Плыли в узких коридорах улиц,
Между стен высоких и тяжелых…

В этих коридорах – баржи с лесом,
Барки с солью: стали и ночуют.
Под стенами – сваи и ступени,
В плесени и слизи. Сверху – небо,
Лента неба в мелких бледных звездах…
В полночь спит Венеция, – быть может,
Лишь в притонах для воров и пьяниц,
За вокзалом, светят щели в ставнях,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохот, споры и удары
По столам и столикам, залитым
Марсалой и вермутом… Есть прелесть
В этой поздней, в этой чадной жизни
Пьяниц, проституток и матросов!

«Ho amato, amo, Desdemona», —
Говорит Энрико, напевая,
И, быть может, слышит эту песню
Кто-нибудь вот в этом темном доме —
Та душа, что любит… За оградой
Вижу садик; в чистом небосклоне —
Голые, прозрачные деревья,
И стеклом блестят они, и пахнет
Сад вином и медом… Этот винный
Запах листьев тоньше, чем весенний!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знает счастья – видеть
Слезы на ресницах Дездемоны,
Любящей другого…

Вот и светлый
Выход в небо, в лунный блеск и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный месяц,
Перелив зеркальных вод и тонкий
Голубой туман, в котором сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!
Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млеющего взморья
И огни чуть видного экспресса,
Золотой бегущие цепочкой
По лагунам к югу!

30. VIII.13

Венеция

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времен,
И счастье жизни вечно новой,
И о былом счастливый сон.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утешенье: все пройдет!
И золотые отраженья
Дворцов в лазурном глянце вод.

И дымка млечного опала,
И солнце, смешанное с ним,
И встречный взор, и опахало,
И ожерелье из коралла
Под катафалком водяным.

28. VIII.22

Виктор Буренин

Венеция

Венеция! Когда среди твоей волны
Громады гордые стен мраморных потонут,
Над их руинами в тот день твои сыны,
Быть может, в ужасе отчаянья застонут!
Но ныне плачет здесь пришлец родной страны,
А слезы их не льются на обломки
Веселья твоего минувшего! Потомки
Могучих прадедов, они подобны им,
Как тина грязная у берегов залива
Подобна тине, по хребтам морским
Вослед пловцу стремящейся бурливо!
Смотрите: вот они средь улиц водяных
Как раки ползают… О Боже неужели
Прошли столетия за тем, чтобы созрели
Столь жалкие плоды, – чтоб длинный ряд веков
Богатства, славы – обратили тленьем?
Здесь каждый памятник – печаль; среди дворцов,
Средь храмов, веет все тоской и разрушеньем!
И символ вольности и гордой власти – лев,
Теперь стоит как будто присмирев.
Презренным громом звуков барабана
Могил нарушена святая тишина
И будто эхо голоса тирана <?>
Им вторит обмелевшая <?> волна!..
Таким ли звукам вторила она
В те дни, когда, дробясь под светом лунным
Вслед за гондолою катилась, серебрясь,
Журча под лад напевам тихоструйным <?>
С толпой веселой дружно веселясь!
С толпой, которой преступленье было
Лишь только в том, что у нее в груди
Живое сердце слишком скоро било
И слишком счастие стояло <?> впереди!

<Из поэмы «Бианка Капелло»>

Затихли похоронные гимны…
Но еще лежит роковое проклятье
На моем бледном челе…
Я изгнана из моей родины…

Меня бы презирали, преследовали,
Я бы погибла здесь на чужбине,
Но любовь властелина Флоренции
Охраняет и защищает меня…
О если бы я могла примириться
С моим отцом, с моей матерью,
О если бы я могла вернуться на родину!
Венеция, милая Венеция!
Ты встаешь передо мною из синих волн
В чудном обаянии твоей красоты!
Увижу ли тебя вновь, дворец Дожей!
Увижу ли тебя вновь, Riva de Sciavoni?
Увижу ли вас, колонны Пьяцетты,
И тебя, бронзовый лев св. Марка,
Уносящийся в голубую высь небес?
Увижу ли я вновь золототканые знамена,
Развевающиеся с высоких-высоких мачт,
И на них три герба трех королевств;
Гербы Кипра, Мореи и Кандии?
Услышу ли я в тишине лунной ночи
Плеск весла, говор серебряных вод,
Разрезанных плавною гондолою,
Несущейся точно черногрудый лебедь
Под сладкий напев сладкой песни
Моей Венеции, моей милой родины!

Иван Быковский

Из воспоминаний о Венеции

Так на закате дней суровых,
Посеребренный сединой,
Я жажду впечатлений новых
И ласки и любви святой.

Как ни скорблю, как ни страдаю,
Всегда печален и угрюм,
Я вновь о счастии мечтаю
В минуты невеселых дум…

И верю: рок мой беспощадный
Мне даст душою отдохнуть:
Проглянет солнца луч отрадный
И озарит тернистый путь.

«Я в Риальто спешу на гондоле…»

Я в Риальто спешу на гондоле,
Предо мной «Маргарита» сидит,
Но мой взор утомлен поневоле,
И печально он в воды глядит…

Мне мерещится наша отчизна
И далекий родной *идеал*,
По приятелям шумная тризна
И токайским налитый бокал.

Я в России тоски не страшуся
И не знаю докучливых бед —
Предо мной дорогая Ануся
Тихо шепчет: мой милый *Альфред*.

Лет шестнадцать живя одиноко,
Ласки женщины ты не встречал…
– Но поверь, тебя любит глубоко
Твой духовный земной идеал.

В. В – С

В Венеции

И я там был над тем холмом,
Остатков жалких и разбитых!
Народ, в отчаянии немом,
Теснился на церковных плитах.

Свидетель славы мировой,
Стояла гордо Кампанилла;
Века прошли над головой —
И в миг один – ее склонила!

Звонили в лад колокола,
Когда венчались дожи с морем;
К ее подножию текла
Толпа, – с веселием иль горем…

В ней несся в высь хвалебный хор
Процессий, песней многогласной;
И узник слал прощальный взор
Твердыне стройной и прекрасной.

Ей в дар свой гений посвящал
Благословенный сын отчизны.
И ангел светлый шпиц венчал —
Как верный страж достойной жизни.

Все те же блещущие дни,
Такой же негой ночи полны,
Гондол и звезд все те ж огни,
И тихо плещут в сваи волны.

Лазурны так же небеса…
Но рок свершил глухое дело:
Величья прошлого краса —
Ты в прахе розовое тело!

Сергей Вавилов

Венеция в полдень

Беспощадно солнце светит
И палит и ослепляет
Воздух жаркий напояет
Золотым своим туманом
Эй вы бронзовые кони!
Слуги верные San Marco
Вам конечно тоже жарко
Там высоко на фронтоне
Кондотьеру Коллеони
Верно тоже очень тяжко
Восседать в тяжелой брони:
Вот вспотел-то чай бедняжка!
На каналах так пустынно
Дремлют в лодках гондольеры
Только храбрый кондотьеро
На коне сидит так чинно
И покрова путник ищет
У San Rocco, Тицианом
Замалеван где Джорджоне
Иль у San Pantaleone,
По палаццо старым рыщет.

Константин Вагинов

Венеция

Влажная луна появилась над Венецией.
Бледно-лимонная луна закачалась в ее водах.
Напрасно она употребляла всевозможные специи —
Ей не вернуть утраченные и милые года,

Ведь она встает над огромным трупом,
Ведь она светит червяком в мертвеце.
Ведь она видит, как ходят с лупой
Бледные люди с печалью на лице.

Ведь она знает, что все погибло,
Что нет пурпура и драгоценных камней…
И только в море, как в месте гиблом,
Хранятся золотые кольца дожей.

О Венеция! Моя грустная подруга,
Плачет горько увядшая луна,
Нет теперь у нас ни любовника, ни друга,
Скоро окутает саваном тишина.

И только в шкафу у какого-нибудь синьора
Будут храниться твои ткани и жемчуга,
И, скрытая от чуждых, холодных взоров,
Воплотясь в них, ты переживешь века.

Сергей Васильев

Гондольер поет страданье

Голубой Канале-Гранде
не сказать чтобы широк.
Но вы
вдоль канала
гляньте —
не сыскать под стать дорог.
Это вам не в оперетте,
а взаправду —
не зевай! —
мчит проворный вапоретто,
то бишь лодочка-трамвай.
Тянет малый транспорт водный,
а на нем,
на нем,
на нем,
как вчера,
так и сегодня,
утром,
вечером
и днем —
пассажиры,
пассажиры,
не пытайся – не сочтешь,
горожане-старожилы,
старики
и молодежь.
Винт клокочет под водою,
а за ним,
за ним,
за ним
лебединой чередою,
гладким строем расписным,
снявшись
с тихого прикола,
словно
встав
с морского дна,
за гондолою
гондола,
за принцессою
княжна.
Та —

стройней виолончели,
эта —
с модою в ладу,
с нарисованным на теле
попугаем какаду.
А у этой,
а у этой
стан
струит
голубизну,
как у грации,
одетой
в набежавшую волну.
Правда,
если дымку снимем,
то почуем —
боже мой! —
та —
пропахла керосином,
эта —
рыбьей чешуей.
А на этой,
а на этой,
форс держащей с давних пор,
под соломой,
под газетой —
полный рыночный набор:
крабы,
устрицы,
лангусты,
перец – красные бока,
кочаны цветной капусты,
баклажаны,
лук,
мука…
Ну еще бы: непрестанно
ждут провизию с утра
всех отелей рестораны,
всех альберго повара.
Вот тебе и роскошь тяги!
Нет
гондол – морских богинь,
есть
гондолы-работяги,
грузовые, как ни кинь…
Но зачем же зря лукавить —
я плыву на легковой.
Гондольер
умеет

править,
видно, парень с головой.
Как большим смычком
крылатым,
он орудует веслом.
Мол,
почтенье демократам,
старый мир пора на слом!
Шляпа
сдвинута бедово,
в воду скатится вот-вот.
То по-русски вставит слово,
то по-аглицки ввернет.
А палаццо,
а палаццо,
стройных портиков ряды
так вплотную и толпятся
возле вспененной воды.
Знаменитых зодчих слава,
что ни дом —
фасад со львом.
Вот, к примеру, этот справа,
вдоль которого плывем.
Пришвартованный к поверью,
он распахнут в два крыла,
с кружевной парадной дверью
из латуни и стекла.
Дверь бананово-лимонна,
из нее,
того гляди,
выйдет краля Дездемона
с белой розой на груди…
Кто ж плывет со мной в гондоле,
взор соседством веселя?
Человек пять-шесть, не боле,
не считая кобеля.
Два монаха-тугодума,
как бы скованных во сне,
да два явных толстосума
с пестрым догом на ремне.
Два лощеных иностранца,
по всему видать, туза,
оба два американца,
спеси полные глаза.
Намекают гондольеру:
дескать, жми,
да меру знай,
а коль скоро знаешь меру,
нас

с другими
не равняй,
дескать,
ты не очень с нами…
Захотим лишь – и адью! —
купим вместе с потрохами
всю Венецию твою!
Вот один из толстосумов
«стоп!»
презрительно сказал
и, за борт со смаком сплюнув,
плыть к причалу приказал.
И вот тут-то,
и вот тут-то,
в пику
спеси мировой,
в украшение маршрута
выдал на кон рулевой.
Подвернув ладью к приколу,
он помог сойти тузам
и запел…
не баркароллу,
а вот так (я слышал сам!):
«Ох, страданье,
ты, страданье!» —
раздалось вдруг над кормой.
«Выйди, милка,
на свиданье!» —
как у нас под Костромой.
Толстосумы обомлели,
чуть не тронувшись в уме,
а монахи еле-еле
усидели на скамье.
Как чумной,
кобель залаял,
на задок, рыча, присел.
Только,
будто против правил,
я один повеселел:
– Слышь, дружище!
Ты откуда?
– Я в России был в плену…
– То-то, вижу, чудо-юдо!
Был в России! Ну и ну!
И опять пошла гондола
гладким днищем по волне,
ходом спорым и веселым
с вапоретто наравне.
И опять

монахи стыли,
пустотелые до дна,
как порожние бутыли
из-под кислого вина.

Венеция, 1962 г.

Владимир Вейдле

Баллада о Венеции

Первый голос
Болтовня, беготня; беготня, болтовня
От зари до полуночи, день изо дня.

Скольких ты приютила незваных гостей,
Лицемерных, неверных друзей-не-друзей!

Твой убор многоцветный с узорной каймой
Поистерт, поизмят их нечистой рукой.

Когда вольной была и привольной слыла,
И когда умирала, когда умерла,

Все то бражничали, пировали они,
О красе твоей жребий бросали они,

Продавали ее, подновляли ее,
Мишурою своей приправляли ее.

И росла суета; становилась возня
Безобразней, назойливей день ото дня…

Второй голос
Не спеши, не суди; потерпи, погоди;
Тишину не зови, в темноту не гляди:

Для живых, неживых, грубых, нежных сердец
Все равно тот же самый настанет конец,

Все равно подойдет тысяча девятьсот
Девяносто девятый обещанный год —

Ослепляющий луч, леденящий огонь,
А потом непробудная серая сонь.

Только пепел летит, только ветер свистит,
Погребальным псалмом над лагуной гудит,

В переулках кривых, на горбатых мостах,
Вдоль церквей и палат развевает он прах.

Пощадил их, хоть был и свиреп, и могуч,

Черепицы не сдвинул мертвящий тот луч.

Первый голос
Что здесь было весной, погубило весну,
Да и лето, и осень склонило ко сну,

Но теперь, в день всех мертвых, ноябрьский день,
В королевском саду зацветает сирень,

Обвиваются розы, с утра заалев,
Вкруг высоких столбов, где Феодор и лев,

А на площади – тешилась ею молва —
Вместо мраморных плит зеленеет трава

И гуляют по ней и летают над ней
Сонмы кротких и белых как лен голубей.

Предзакатный сияет над городом свет —
Здесь такого не видели тысячу лет —

И мерцают и гаснут в закатных венцах
Все хоромы и храмы на всех островах.

Второй голос
Слышу звон колокольный всех звонов звончей,
Вижу – в храмах зажглись сотни тысяч свечей.

Разорделся их стен драгоценный убор,
Загремел в низ воскресших ликующий хор,

Из далеких и ближних восстали могил
Все, кто город сей создал, украсил, любил,

Дожи, старцы седые, сто двадцать числом —
Голоса их у Марка грохочат <sic>, как гром —

Все сыны его славные славу поют,
Робко вторит им путников набожный люд,

И слагатель сих строк, недостойный пиит,
Рядом с милой женой на коленях стоит

Перед дверью – не раз тут бывали они —
Церкви Santa Maria Mater Domini.

Оба голоса
До зари ярким воском те свечи горят,
До зари песнопенья к Пречистой летят,

И Пречистая жаркой молитве вняла,
Со плечей своих плат златотканый сняла

И покрыла им город, сокрыла его,
В высоте-глубине схоронила его,

А поющих и славящих всех собрала,
Ко престолу Всевышнего их вознесла.

И сейчас, когда в Местре сирена ревет
И в Маргере, ревя, на работу зовет,

Ты оттуда взгляни на восток: тишь да гладь,
Колоколен тех стройных вдали не видать,

Вся лагуна, как зеркало, реет над ней
Только веянье легких жемчужных зыбей.

1966 г.

Riva Degli Schiavoni

Золотисто здесь стало и розово:
Ветерок. Он под осень бывает.
Ветерок, ветерок, от которого
Сердце ослабевает.

Да и биться зачем ему? Незачем.
Заслужило оно благодать
Под крыльцом у цырюльника Чéзаре
Розовым камнем спать.

Нет

Четыреста мостиков и мостов
Со ступеньками вверх и вниз.
Я по ним до утра ходить готов,
К ним спешу и лечу – зовет их зов —
Как лунатик на свой карниз.

А под ними чуть слышный зыбкий плеск,
Потускневших огней неверный блеск,
Исчерна зеленая муть,
Где мерещится мне затонувший лес
Кораблей, потерявших путь.

Хворый говор домов, воркованье веков,
Перебор приглушенный – слышь:
Порча пудренных париков,
Червоточина челноков,
Пришепетывающая тишь.

Разговор-перебор, перегар, – пустоцвет
Нескончаемых прошлых лет,
Суховей пролетевших дней.
Нет, нет, нет. Нет в домах людей,
Нет на Площади голубей,
И не я, тень моя
С мостика на мост
До предутренних звезд —
По ступенькам скользит,
Вдоль каналов летит…
Нет!
Нет меня. Нет меня.
Нет.

Там же еще раз

Темнеет жизнь. Но тут
Милосердный не меркнет свет.
Тут, где не сеют, не жнут,
Внятен зыбкий завет
Всех улетевших лет, —
Всех минувших милых минут
Неисследимый след.

Жгучих, жгучих минут…
Камни о них поют,
Ветры возврата их ждут,
Воды им плещут в ответ.
Тут, где не сеют, не жнут,
Небо – нежнее нет.

Говорит Венеция:

«Забудь свой век, свою заботу,
Себя и всех и все забудь,
Сквозь предрассветную дремоту
Скользи, плыви – куда-нибудь,

Под крутобокими мостами,
Вдоль мраморов и позолот,
Туда, где светлыми шелками
Расшит янтарный небосвод.

Ты в гондоле без гондольера,
Во власти ветреной волны
Тебе неверие и вера
В двойном их трепете даны.

И помни не внутри: снаружи
Душа всего, чем ты живешь,
В узоре тех нездешних кружев,
В улыбке уст, чья ложь – не ложь.

Правдивей злата позолота,
Жемчужней жемчуга заря,
С тех нор, как опустил в болото
Безвестный кормчий якоря.

И воссиял над синевою
Сон, что тебе приснился вновь.
Не просыпайся: я с тобою;
Проснешься – разметет грозою,
Зальет соленою волною
Твою последнюю любовь».

Мансур Векилов

Дождь в Венеции

Моросит заурядnейший серый дождик,
А за дождиком – смутное что-то виднеется…
Вот это и есть – Дворец дожей?
Вот это все и есть – Венеция?

Я стою на мостике. Холодно и сыро…
Может быть, от старости мостик горбат?
От канала тянет плесенью и сыром…
Извини, Венеция, виноват.

Ты ведь не такая, совсем не такая.
Утром на канале – голубо, светло,
И гондола, будто тетива тугая,
Целит в глубь канала тонкое весло.

А вокруг не камни – кружева сквозные!
Светлые, как свечи, колонны дворцов…
Почему же в памяти снова возникло
Серое, в дождинках, как в слезах, лицо?

У тебя, Венеция, не жизнь, а малина.
Круглый год – туристы, песни, гульба…
Прокатиться в лодке, в храме помолиться —
Вот и вся забота…
Чао!.. Гуд бай!..

Правда, не задаром достаются лиры.
За день их не много нагребешь веслом.
Я стою на мостике. Холодно и сыро.
То ли гондольеру – угрелся…
под мостом!

Дмитрий Вергун

В Венеции

Венеция! О, диво сочетанья
Восточной красоты и западного знанья!..

Послушная ума перунам
Славянских удальцов,
Ты распростерлась по лагунам
На зыбкой ткани островов,
Узором кружев и твоих мозаик…
Едва ль на свете явится прозаик,
Что смел бы не понять поэзию стихов
Твоих из мрамора рифмованных дворцов!..
Кому же не постигнуть чар,
Под серебристый звон гитар,
Неслышно реющих гондол,
С распевом страстных баркарол,
Или толпою «лаццарон»
Импровизованных канцон?
Кого же может не пленить
Огней мерцающая нить,
Сиянье нежащих ночей,
Сверканье девичьих очей,
Улыбка дня, услада сна,
Румянец пьяного вина,
Иль пряность крабов и поленты,
И прелесть «dolce far niente»?!

Кто позабудет площадь Марка
И воркованье голубей,
Резные арки, где так ярко
Сказался гений рыбарей?
И дом, где выливал Петрарка
В сонеты яд своих скорбей?
Палату дожей, мостик вздохов
И многолюдный «брег славян»,
Где слышно столько томных охов
От восхищенных англичан,
Приехавших лечить свой сплин
Под нежный рокот мандолин?!

Нет, нет! Перед твоей красой
Не устоять, о город кружевной!
Венеция, «невеста моря»!

Трагикомедия утех и горя,
Ты вся – элегия из камня и воды,
Из барской роскоши и нищенской нужды…

1905 г.

Александр Вержбицкий

Фальеро – дож Венеции

Томится в своем заключеньи
Фальеро Венеции дож.
Заутро над гордой главою
Сверкнет правосудия нож.
Спасения нет. Ему судьи
Уж вынесли свой приговор.
Предстанет он, дож, пред народом
Как клятвопреступник и вор.
Хотел у республики дерзко
Похитить священную власть.
Попрал дерзновенно присягу,
И должен позорно он пасть.
Одиннадцать славных вельможей
Вчера поутру казнены,
Спасения нет для Фальеро.
Минуты его сочтены.
Вся жизнь перед взором проходит,
И юности светлой пора,
И слава, и звание дожа,
И приговор страшный вчера.
И вот он, могучий и гордый,
Не может тоски превозмочь.
Меж тем на Венецию мирно
Спустилась волшебная ночь.
Все смолкло; безмолвна Пьяцетта.
Луной серебрится волна.
А ночь вся полна обаянья
И сказочной неги полна.
Серебряным светом залита
Вся площадь, и башня, и храм,
И мост – этот вечный свидетель
Житейских страданий и драм.
«О ночь, проходи же скорее.
Я жду тебя, страшный конец.
Скорей пусть главу увенчает
Последний терновый венец».
И раннее утро настало,
Уж тени ночные бегут.
Венецья от сна пробудилась.
Ладьи и гондолы плывут.
Пьяццетта – что бурное море.
Шум, говор, волненье кругом.

И только лишь дож в заключеньи
Забылся предутренним сном.
И вдруг ему снится победа.
Он слышит восторженный крик,
Народ ему скипетр вручает.
О славный, о радостный миг!..
Оковы разбиты… свобода!
«Я твой, дорогой мой народ»…
Сейчас на ступени он выйдет
И хлынет толпа из ворот…
Проснулся Фальеро – оковы
И мрачная сырость кругом.
Зловещие слышит он крики
Под узким тюремным окном.
И говор вдруг смолк на Пьяцетте.
Объяла всех жуткая дрожь.
Раскрылася дверь – на ступенях
Предстал пред толпой ее дож.
Весь бледный, с тоскою во взоре,
Но с поднятым гордо челом
Стоял пред народом Фальеро,
И дрогнула площадь кругом.
Все жадным окинул он взором,
Главу пред распятьем склонил.
И ловко привычной рукою
Палач свой топор опустил.
Глава по ступенькам скатилась.
Палач ее в полог поймал.
И полог кровавый высоко
Для взоров толпы он поднял.

* * *

Года протекли… и поныне
В Венеции, в дожей дворце
Среди их портретов найдете
Вы надпись на черном столбце:
«Здесь место Фальеро. Мятежный
Чтоб заговор сразу пресечь,
Над дерзкой главой опустился
Святой правосудия меч».

Венеция, 1913 г.

Татьяна Вечорка

Талисман

Венецианская работа
Теперь забытых мастеров.
Как нежно вьется позолота
У голубеющих краев.
Хранит упорно камень древний
Сказанья темные свои,
И служит только той царевне,
Чье сердце сохнет без любви.
В минуту радости победной
Забудь неласковый значок:
Зеленый камень будет бледный,
Как потухающий зрачок.
Но в час мучительно-бессонный
Гляди на камень иногда.
Пылает талисман зеленый,
Как раскаленная звезда.

Карло Гоцци

Ты помнишь низкую ступень
Венецианского канала
И наклоненную устало
Седую, старческую тень.

Во тьме кого-то дразнит шаль,
Играют в карты гондольеры,
Но в детском сердце старовера
Неиссякаема печаль.

Ему увидеть суждено,
Как за руинами аркады
Кружатся снова домино
Великолепной буффонады.

И в темной зелени плюща
На фантастичных паутинах
Пестреют лоскуты плаща
Освистанного Арлекина.

Николай Вильде

Венеция

Сонет

О, как мне памятен из Местре краткий путь
К тебе, Венеция… Какое ожиданье,
Какая музыка – одно твое названье,
Какие образы способна ты вдохнуть.

Дорога берегом… почти совсем темно,
Неясно стелется изменчивое лоно…
Какою влагою живительно-соленой
К нам Адриатика врывается в окно!

Заснувший город, теплой ночи лень,
И что-то черное, скользящее, как тень,
Каким-то влажным, узким коридором…
Дворцы заглохшие… величие и пыль…

Какой-то сон пред упоенным взором,
Из тьмы веков лепечущая быль…

Ирина Волобуева

«В воде каналов тени от приколов…»

В воде каналов тени от приколов.
Как ночь венецианская густа…
…Я помню акварельную гондолу
Под аркой акварельного моста.

Ведь столько лет в уютном доме мамы
Она недвижна на стене была…
И вдруг скользнула рыбкою из рамы
И по каналу плавно поплыла!

И облака поплыли в небосводе,
И ожила под веслами вода.
…Растет мой мир, подвижный по природе,
И чаще все из рам своих выходят
Мосты, гондолы, волны, города…

Максимилиан Волошин

Венеция

Резные фасады, узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья, —
Горят перламутром в отливах тумана…

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья…
Вечернее солнце, как алая рана…
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторето… и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана…

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают… Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья…

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

Вольтерьянец

Воспоминание о Венеции

Я был в Венеции недавно.
Дворцов не мало обошел;
И, как туристу достославно,
И на Мост Вздохов я взошел.

Взойдя туда, я вспомнил Нину —
Она предстала в полный рост!
И я воскликнул, сделав мину:
– Так вот какой он, «Вздохов мост»!

Нет, Нина, дорогая Нина!
Нет, Нина милая моя —
Ничтожна здесь была картина
В сравненьи с тем, что вспомнил я!

Когда ты трепетно дышала,
Вздыхая сладко и любя,
И воздух речью оглашала,
Не помня в счастии себя —

Когда со вздохами твоими
Я на мосту сливал свой вздох,
Когда под ласками моими
Казалось, весь бы мир иссох, —

То я, скажу без всяких «охов»,
И буду прав, хотя и прост:
Что там… там было больше вздохов
И много лучше был там мост!

Варвара Вольтман

Муссолини и шут

На площади святого Марка,
Где мажордомом птицевод,
Всплывает прошлое, как барка,
На золотых ладонях вод.

Плюясь, как ведьма, черной кровью,
По лишаям священных плит
Еще Италия влачит
Тяжелый шлейф Средневековья.

Парит сегодня, как вчера,
Над адом Данте диадема,
Но не от нашего эдема
Ключи апостола Петра!

О, до чего ж, старик, ты дожил, —
Мы оборванцы! Мы не чтим
Серебряных камзолов дожей
И папе верить не хотим!

Пусть лобызает Муссолини
Христу кровавое ребро,
Парламентарной Мессалине
Даря любовь и серебро.

Пусть под фиалковою тканью,
Как сенью распростертых крыл,
Останки Борджиа сокрыл
Небесный шулер в Ватикане —

Но Пульчинелло – тут как тут,
Он не заботится о троне,
И перст полиции не тронет
Шутом задуманный маршрут.

Какой вельможа устрашится,
Что горб лукавый невзначай
По ходу пьесы облачится
В традиционный горностай?

И, внемля пафосу спектакля,
Какой премьер сожмет висок,

Когда брызгучей клюквы сок
Подмочит ореол из пакли?

Министров тешит этот бум
На улице и на гитаре,
А между тем – седой горбун
Речист, как юный карбонари!

О папа, Лютер и левит,
Из моды вышли ваши платья
И гриф гитары, как распятье,
Толпу на бунт благословит!

29 марта 1928 г.

Анна Волынцева

Vorrei baciar'

Венеция!.. Луна… бесшумная гондола
У мраморных ступень старинного дворца.
Над сонною водой – канцона, баркарола…
На голос мы плывем незримого певца.

Случайный спутник мой, веселый и красивый,
С улыбкой мне сказал: «Здесь хорошо вдвоем!»,
Зачем нарушил он покой мой горделивый?
Зачем былая страсть в душе зажглась огнем?

Зачем забыла я всю прелесть южной ночи?
И унеслась к тебе я силой прежних чар?
Мне вспомнились твои тоскующие очи, —
А сладкий голос пел вдали «Vorrei baciar'…».

Заброшена сюда капризною судьбою,
Мечтой погружена в красу былых времен,
Пленилась морем я и далью голубою;
Мне снился наяву какой-то дивный сон.

«Здесь хорошо вдвоем!»… Тоска мне сердце сжала.
Волшебной сказкой спал завороженный мир.
Но греза таяла, тоска же нарастала,
А сладкий голос пел вдали: «Vorrei morir»…

Анатолий Гейнцельман

Сумерки на лагуне

Небо все – расплавленный жемчуг,
Море все – зыбящийся топаз.
Храмы выплыли из волн вокруг,
Паруса горят, как солнца глаз.

Черные гондолы пашут луг,
С длинных весел капает алмаз.
Замирает жизненный испуг,
Возрождается в душе экстаз.

Все – неслышный, все – беззвучный сон.
Даже стих – муранское стекло.
Тени меж коралловых колонн.

Всякое исчезло в мире зло,
Все как облачный вверху виссон,
Все как чайки белое крыло.

Венецейские цехины

Слава венецейскому цехину,
Выстроившему волшебный сон,
Слава и купеческому сыну,
Полюбившему леса колонн,

И готическую паутину,
И державных дожей славный трон,
И великолепную картину,
И художников родных сторон.

Никогда еще полезней злато
Не было истрачено никем,
Никогда прелестнее заката

Мир не видел, изумлен и нем.
Нет лучистей на земле броката,
Что скрывал бы немощь и ярем.

Школа Сан Рокко

Тяжелый с позолотой потолок.
В овалах много величавых драм:
Змий Медный, брызжущий в толпу поток,
Жезл Моисея, бьющий по скалам.

А рядом где-то слышен молоток:
Там распинают жертвы по крестам…
Уже висит, склонясь челом, Пророк,
И два разбойника по сторонам.

Вокруг толпа безмолвная. Лишь кони
Центурионов беспокойно ржут.
Марии в обмороке. Кто-то стонет,

И кто-то плачет. Молнии и жуть.
Трагический аккорд на небосклоне,
И гений Тинторетто грозен тут.

Torcello

Средь шпажных трав и низкорослых ив
Есть островок покинутый в лагуне.
Чуть виден он меж волнами в прилив.
Но там спасались при свирепых гуннах,

Там выстроили храмы среди нив,
Где Богоматерь, синяя в трибуне
На фоне золотом, как вещий див,
Стоит на каменной в болоте шкуне. <sic>

Теперь там бродят на ходулях цапли,
И кулики гнездятся в камышах,
Теперь там чайки белые, как грабли,

Клювами рыбок скородят в волнах.
И слезы у меня текут по капле:
Я вижу Понт родимый мой в мечтах.

Голуби св. Марка

Лес колонн. Изящные аркады.

Золотой на фоне Божий храм.
Голуби служить в нем мессу рады,
С башни красной рея по утрам.

Крылья, крылья, крылья от услады
Нас уносят прямо к небесам.
Крылья солнечной полны отрады,
Сродны полудневным облакам.

Крылья, крылья, теплые как щеки
Девушки любимой, как венки,
Ангел будто подле темноокий,

Ласка мертвой матери руки.
Слез горючих катятся потоки,
Медные поют в лазури языки…

Евгений Геркен

В Венеции

Луна Венеции ничуть не лучше
Луны Москвы, Тамбова или Тулы,
И корки апельсинные в Фонтанке
Такие же, как и в канале Grande.

Но если в полночь ты пойдешь с Пьяцетты
По узким улицам, таинственным и темным,
Шаги замедли у моста Риальто:
И ты услышишь эхо песни дальней,

И чей-то вздох и чей-то робкий шепот,
И Дездемоной брошенную розу
Поднимешь ты у стен палаццо Ферри.
Былых столетий летопись живая,

Прощай, Венеция, прощай, о город-призрак,
Прощайте, голуби «святого Марка»,
Прощай, Лоренцо, гондольер кудрявый!
В моей стране далекой и холодной

Тебя не раз я вспомню, день счастливый,
И станут влажными мои ресницы,
Как влажны стены в подземельях Дожей.

Венеция, 1925 г.

Эммануил Герман

Северная Венеция

I
У входа на мост – грек из бронзы, голый.
Канал закован – в лед, гранит, чугун.
А кто-то лжет, что видел край веселый,
Где голые любовники с гондолы
Глядятся в зеркало лагун.

Не верю! Верю в скованные реки,
В жестокой жизни злую красоту
И – в родину, единственную, ту,
Где вечно зябнут радости, как греки
На скользком северном мосту.

II
Невской ночи мрак тяжелый
Сотрясен ознобом струн.
Вижу легкие гондолы,
Звезд серебряные пчелы
В зыбком зеркале лагун.

Вижу утро: блеск запястий,
Смуглых грузчиков возня,
Перепутанные снасти;
Отраженье знойной пасти
Синькой крашенного дня.

Над вздремнувшим гондольером
В вышине – крылатый лев…
Брось! Начни другим размером:
Дождь. Фонтанка. В небе сером
Стынет «Барыни» припев.

III
Разлюбишь? Отвечу просто:
Пройду только пять шагов.
В Венеции бросали с моста
Соперников и врагов.

Я долго буду виднеться —
Пока не дойду до дна.
Наш город совсем Венеция,
Только – волна холодна!

Казанова

В заложенном шестеркою возке,
В чужой молве не смыслящий ни слова,
Приехал Джиакомо Казанова
В холодную Россию налегке.

Был чопорен французский разговор
Придворных дам, жиреющих жеманниц,
Насмешливый, бывалый итальянец,
С улыбкой созерцал царицын двор,

Чужой мороз, чужие злость и веру,
Харит в мехах, Венеру в зипуне.
Он мысленно докладывал Вольтеру
О варварских царице и стране.

Здесь холод груб, гуляки скорбно пьяны,
Здесь мрамор наг, а женщины в меху.
Широкие проспекты и кафтаны,
Но тесно человеку и стиху.

На площади казнимый в жалкой позе,
Мужик палач ведет ударам счет.
Раздетый щеголь дрогнет на морозе —
И пудрой с кос осыпан эшафот.

За будкой степь сияет незнакомо.
Катят возки, – и скорбен долгий гул
Их бубенцов. И думал Джиакомо:
«Я королей и женщин обманул.

На троне те, а эти на постели
Равно слабели, лесть мою ценя.
Нет, не тебе, страна степной метели,
Припудренным обманом взять меня.

Твоих цариц, твоих печальных пьяниц,
Мне не понять»… И вот уж по полям
Катит сквозь снег беспечный чужестранец
К веселым европейским королям.

Голливуд в Венеции

Именовать венецианским
Сей праздник – правильно едва ль,
Но был вполне американским
«Международный» фестиваль.
Он шел по Маршаллову плану:
Нахально вторгшись в край чужой,
Как на Бродвее, по экрану
Гуляли гангстеры толпой.
Шло дело к свалке…
Лев святого Марка
Рычал, косясь на пришлый люд.
Пред ним, как фирменная марка,
Светились буквы: ГОЛЛИВУД.
Свое «искусство» ввозит нынче
Американский капитал
В страну, в которой жил да Винчи
И Тинторетто обитал…

Татьяна Глаголева

В Венеции

Льются звуки баркаролы,
Тихо гондолы скользят;
Вдоль Скьявоне и вдоль Моло
Огоньков мерцает ряд.
Полны тайнами каналы,
Грезит Пьяцца о былом;
Много видевший, усталый,
Лев поник своим крылом.
Смотрит, мудрый, так спокойно
На толпу пришельцев он,
Что дерзают недостойно
Нарушать царицы сон.
Все равно ей не проснуться,
Не вернуть далеких дней,
Слуха гордой не коснутся
Толки пошлые о ней.
Тихи трепетные всплески
Темных вод ее лагун.
Вспоминают время блеска
Старый лев да рокот струн…

16.07.<1913>

Анна Глебова-Михайловская

«Венеции благословенной дожи…»

Венеции благословенной дожи
Обручены таинственно с волной.
Так Родина обручена со мной
В изгнан<ь>и мне роднее и дороже.

И пели вдохновенные поэты
Союз счастливый дожа и волны.
Мне о грядущей славе снятся сны
И Русь свободная в сиянии рассвета.

Но умер дож. От мрамора гробницы
Звала его, звала бессмертная волна.
Настанет час, и позовет она
Домой меня из плена заграницы.

Братислава, 1933 г.

Василиск Гнедов

«Перед моим окном Венеция…»

Перед моим окном Венеция
Горят огни в палаццо дожей
Играющий в воде венец их я
Люблю в голубоватой дрожи
Гондолы нет но где-то слышится
Призывный звон гитарный
И замирает сердце тише все
Рассыпан сон янтарный

Григорий Гнесин

Баркарола

Аделаиде дель К.

Плещет о берег гранитный волна,
Мчится по волнам гондола,
Слышишь – вдали зазвучала струна,
Льется со струн баркарола…

Ночь… Воцарилась кругом тишина,
На душу грусть навевая….
Только вдали не смолкает струна,
Песню любви напевая.

Март 1904 г., Венеция

Венеция

М. В. Гнесиной

Крылатый лев святого Марка,
Отверзши пасть, глядит вперед.
Здесь солнце ласково, не ярко,
Не слепит глаз, души не жжет.
Над паутиною каналов
Вспорхнули легкие мосты.
Лишь здесь душа моя узнала
Про непробудный сон мечты.
В часы вечерние я слышу
Лишь только плеск весла гондол;
Но вот и он все дальше… тише…
Молчанье… Жуть… Куда зашел?
Куда проник я? Запах влажный
В мой мозг впивается, как бич…
Нет! Мне – Венеции миражной
Великой тайны не постичь!
Боюсь тебя! В твоем молчаньи
Мне зрится скрытым страшный маг!..
Вот шаг ступил… И вдруг все зданья
Громовым эхом вторят шаг…
Еще шагнул… И вновь сердито
Родятся тысячи шагов…
Ступив на каменные плиты,

Я разбудил толпу врагов…
Бегу, бегу… А грохот, хохот,
За мной в погоню мчат войска.
И силы нет для крика, вздоха!..
И я бегу, бегу пока.
Вдруг, среди тьмы, в одном оконце
Мелькнула тень… Она, она!..
И вновь из сердца льется солнце,
И песен требует струна…
И я пою, пою для тени,
Пою для призрака – мечты…
И на подводные ступени
Из окон падают цветы…

Николай Година

Венецианский ноктюрн

Реклама – как электросварка.
Хохочет истеричный джаз.
На площади святого Марка
Два мавра прозвонили час.
В тени блаженно млеют пары,
Коты глазеют из углов.
И пустота, заполнив бары,
Беспечно дремлет у столов.
За гулкой набережной, тесно
Прижавшись, будто для тепла,
Чернеют глянцево-помпезны
Гондол летящие тела.
Созвездья медленно качая,
В лагуне морщится вода.
А я отчаянно скучаю
Вдали от дома, как всегда!
Брожу, рисуя время оно
По книжным фразам…
Семеня,
Куда-то спешно Дездемона
Прошла, плечом задев меня.

Венеция

Мурано

Вопя надсаженным сопрано,
Роняя скрип, как старый шкаф,
В Мурано нас доставил рано
Вертлявый катер – мотоскаф.

Тягучий дым стального цвета
Из труб клубился тяжело.
Мурано, между прочим, – это
Венецианское стекло.

Но про стекло расскажут книжки.
Я речь о людях поведу.
Меня тревожат те мальчишки,
Что задыхаются в чаду.

Им за двенадцать только-только,
Им только брюки в играх рвать,
А не потеть у адской топки
И легкие не выдувать.

О, как легко и убежденно
Их выдавал огонь зрачков,
Когда в ладонях обожженных
Блестели ромбики значков!

Когда за яркую матрешку
Трясли друг друга, теребя,
Что даже нам, чужим, немножко
Досадно было за себя.

Все одинаковые дети.
Гагарин?! – лезут напролом,
Забыв про постные спагетти
В дешевом баре за углом.

И сквозь нахлынувшую жалость,
В какой-то миг, со стороны,
До умиления казалось:
Играют мирно пацаны,

Из камышинок выдувая
Прозрачно-мыльные шары…
Звонком далекого трамвая —
К ногам осколки. Нет игры!

Пузатый тип, жуя сигару,
Уходит с модной вазой прочь,
Чтоб подарить для будуара
Своей любовнице за ночь.

Он никогда не вспомнит даже
Про запыленный неуют,
В котором черные от сажи
Мальчишки детство продают.

Стою, прищурившись от света,
Смотрю на дивный город зло…
Мурано, между прочим, – это
Венецианское стекло.

Мост вздохов

Мост вздохов.
День за стенкой замер.
Отстала где-то суетня.
В холодный мрак
Свинцовых камер
Ведут, как смертника, меня.

Гудят загробной тишиною
Проходы, давит теснота.
Огромной пастью предо мною
Тоннель зловещего моста.

Сквозь вязь решетки, торопливо,
С тоской идущего на смерть,
Гляжу на солнечное диво,
О коем думать мне не сметь:

На облака, на позолоту
Лагуны с крохотной волной…
Вдруг померещилось, что кто-то
Вздохнул печально за спиной.

А может, это просто камень,
Видавший ненависть и зло,
Всего наслушавшись веками,
Теперь вздыхает тяжело.

И в этом вздохе – стон эпохи
Над черным пламенем костра.
И боль Джордано в этом вздохе,
Живьем сожженного вчера…

Мост вздохов. Понте дей Соспири.
Музей далекой старины.
А где-то рядом, в шумном мире
Те вздохи до сих пор слышны.

Венеция

Арсений Голенищев-Кутузов

На лагунах Венеции

Нас волшебница даль в свой чертог позвала.
Мы услышали зов, мы пришли – и ввела
Нас она в сказку волн и сияний;
С неба месяца тихие льются лучи;
Тихо плещет волна, и несутся в ночи´
Песни сбывшихся, тихих желаний.

Милый друг, предадимся певучим мечтам!
Предадимся сребристым лучам и волнам!
Пусть летит за мгновеньем мгновенье;
Пусть гондола плывет при луне и звездах.
В этих светлых водах, в этих вечных лучах
Нашей вечной любви отраженье!

Илья Голенищев-Кутузов

«Голубая дымка окарино…»

Голубая дымка окарино
Тает в венецейской тишине,
Или улыбнулся Палестрина
Траурной гондоле, и весне,

И случайным, робким, нищим звукам
У благословенных берегов,
Чтоб на миг невоплощенным мукам
Даровать бессмертие богов.

1929 г.

Сергей Головачевский

Догаресса

«В голубом эфира поле
Блещет месяц золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой…»[563]

Словно яркий жемчуг в море,
Красотой горит она.
Адриатика во взоре
У нее отражена.

Станом девственным Диана
Не могла бы спорить с ней,
Краской нежной Тициана
Золотится шелк кудрей.

В серебре лагуны зыбкой
Сквозь туман плывут они
И приветствуют с улыбкой
Их небесные огни.

И таинственным светилам
Все внимает, присмирев,
И Феодор с крокодилом,
И святого Марка лев.

Догаресса негой ночи,
Лаской звезд утомлена
И смыкает тихо очи,
Уступая власти сна.

Сон лелея безмятежный,
Дож любуется женой
И, обняв с заботой нежной,
Сторожит ее покой.

Гладит локон ароматный
Он дряхлеющей рукой,
Шепот страстный и невнятный
Ловит с уст ее порой.

[563] Этот куплет, как известно, найден в черновых бумагах Пушкина. По примеру Майкова, я взял на себя смелость продолжить его. (*Прим. автора.*)

Что же вздрогнул он смущенный
И бледнеет отчего?
Имя назвал шепот сонный:
Это имя – не его!

И мгновенно в сердце дожа
Подозрение встает
И, суровый дух встревожа,
Муки ревности зовет.

Знает он, кого случайно
Выдает беспечный сон;
Перед ним раскрылась тайна, —
Убежден в измене он…

И, простясь навек с покоем,
Он обдумывает месть,
Казнь кровавую обоим
За поруганную честь.

Страсть в нем разум поборола, —
Приговор уже готов…
По волнам скользит гондола
Мимо храмов и дворцов…

Спят каналы и палаты
В серебристой полутьме…
Яд, оковы, казематы
Дожу грезятся в уме…

Разгорается все боле
Сердце местью роковой…
Тихо все… в небесном поле
Блещет месяц золотой…

На разрушение колокольни Св. Марка в Венеции

Адриатика плачет… Из дальней страны
Донеслась ко мне жалоба бледной волны:
«Умерла, умерла Кампанила!»
И я вижу, как город тоскою объят,
Как печальны каналы и мрамор палат,
Как волшебница моря уныла. —
И гондолы грустнее, чем прежде, скользят
По каналам немым, как могила,
Словно черные лебеди горя и зол…

Отуманены образы мрачных гондол…
Все твердит: «Умерла Кампанила!»

Над столицею дожей, как дума морей,
Окруженная стаей ручных голубей,
Возносилась она и царила; —
И витали вокруг нее голуби-сны,
Легкокрылые тайны седой старины,
И небесная билась в ней сила:
Повесть долгую лет, дивных дел и побед
И злодейства и бед заколдованный след
Своим звоном она разносила.
Серенады любви, упоительный сон,
Из свинцовых темниц умирающих стон,
Все хранил и твердил обо всем ее звон…
Но теперь умерла Кампанила!

И пучина морская возлюбленный прах
Под лазурью своей схоронила.
Там уснула навек Кампанила. —
И достойна ее в безмятежных водах,
В мавзолее хрустальном могила.
Ей родная стихия осталась верна,
Ее сон сторожит голубая волна,
А с небес повторяют светила:
«Умерла, умерла Кампанила!»

Но, как стройная мысль, рассыпая мечты,
Возродишься ты снова, дитя Красоты; —
Не погибнет небесная Сила; —
И незримо ты вновь зазвонишь с высоты…
Возродись, возродись, Кампанила!
И в душе вдохновенной Поэтов живи,
Призывая во храм Красоты и Любви!..
Как ты, полная дум, нам звонила,
Как звонила ты дожам, в те давние дни,
Так звони во все дни, о звони и звони!
Возродись, возродись, Кампанила!

Лев Горнунг

Наводнение

Мы как в Венеции в своей Москве живем,
В окно любуемся и воду созерцаем,
И струи шумные за отпертым окном —
Глухую музыку – пустой душой черпаем.

И пусть незыблемый, как каменный ковчег,
Недосягаемый, в спокойствии и в силе,
Не Кремль красуется – досужий человек
Скликает голубей, чтоб музыки испили.

Здесь город борется, но мало силы в нем,
А волны цепкие подобны хищным стаям,
Здесь – мы в Венеции, а не в Москве живем,
В окно любуемся и воду созерцаем.

1926 г.

Сергей Городецкий

Венеция ночью

Как напуганная птица,
В белом меховом боа,
В шляпе с перьями, блудница
Мечется, едва жива.

Бьются гондолы о камень
И стучат, как скорлупа.
Солнечный забывши пламень,
Твердь нема, черна, тупа.

Кружево Палаццо Дожей
Нежится на черноте.
Старый Марк сияет строже,
Чем в полдневной суете.

На колоннах, меж которых
Объявляли казнь живым,
Кровь жестоких приговоров
Светит заревом ночным.

Кампанилла острой крышей
Будет в небо до зари
Улетать все выше, выше…
На часах пробило три.

Венеция

Мощны твердыни упорной Специи,
Грозен у крепости рокот волны.
Но голубая лагуна Венеции, —
Сказка нежнейшая, сон тишины —

Ей ли под силу смятенье войны?
Так, убаюкан каналами алыми,
В думах вечерних пытал я судьбу,
Все вспоминая мечтами усталыми

Розовый мрамор дворцов над каналами
И голубей голубую гурьбу.
В городе вздохов, в селенье единственном,

Где лишь о счастье мечтала мольба,

Можно ли думать – родиться воинственным?
Мне отвечала глаголом таинственным
Жизни владычица, матерь Судьба:
Силы, овеянной сказками старыми,

Много сокрыто в певучей стране.
Слабые крепнут в бою под ударами,
Самые тихие самыми ярыми
В праведной будут войне!

Лев Венеции

Над зеленою лагуной,
Вечно светлой, вечно юной,
Словно пестрые птенцы,
Дремлют древние дворцы.

Весь молчит, глядясь в каналы,
Город призраков усталый,
Упиваясь тишиной,
Беспечальной, неземной.

О, Венеция! Ты дышишь?
Плеск весла в тебе услышишь,
И опять в тиши веков
Город вздохов и мостов.

Легок отдых твой блаженный,
Храм твой нерукотворенный,
Золотого Марка храм —
Гимн сладчайший небесам.

Всем, кто мог в нем помолиться,
Будут сны о рае сниться
И о жизни голубой
С голубиною судьбой.

Город женственный, любимый,
Марком исстари хранимый!
Слышишь: грянул в мире гром,
Мир в бореньи огневом!

О, Венеция, царица!
В красоте ты голубица,
Но в борьбе велик твой гнев:

У тебя есть грозный лев!

Он взлетит – ведь он крылатый —
Защищать твои палаты,
Смоет он врага волной
Адриатики родной!

Ирина Грицкат

Марко Поло

В каналах дома, дрожа, отражаются:
Миндальный пряник-фасад в водяной борозде,
Кровли, как лесенки, в небе и в сизой воде.
А к горизонту город дымливый смягчается.
Вот, на квадратах площади люд прохлаждается:
Капуцины в капюшоне, торговка, маклак…
Чей-то длинный башмак.
На баркасах скрипом вздыхают уключины
И голубь твердит свой бормот заученный.
Бродит Марко скучный по родине скученной.
А там… где-то там,
Куда плыл он и брел, по морям, по хребтам,
Куда шел он и ехал те годы долгие
Через пески и снега и мочаги волглые…
Там бамбуки, сады раскидные и пагоды,
Кочевник свой лук прячет в сайдак,
И манящие взоры
– Косые ягоды —
Качаясь навстречу ему, замедляют шаг.
Снятся Марко – хоть он и не спит —
Друзья далекие:
Кубилай могучий и дети его узкоокие;
И славы монгольской дикий зенит.
Ведь был всемирный захват
Кубилая причудою!
…На круглых подножьях с улыбкой сидит
Божество полногрудое:
Бог их улыбчивый,
Бог необидчивый…
Друзья его там, беспредельно отважные,
Разложив пред собою свитки бумажные,
Гадают свой рок по звездам.
…Все то, что он полюбил, – то не здесь, а там.
Мысли его беспрестанно в тот край отлучаются.
А езды туда – уже не года, а века.
Ложатся на город мгла и тоска.
Последний отблеск на шпиле кончается.
В каналах оконные свечи чуть-чуть отражаются.
Никто не поверил ему. Ничего не случается.
И никто, до скончанья веков, не узрит, не узнает
Тех стран,
Где дух его пребывает.

Леонид Гуляев

Венеция

Лунный луч волшебно,
Вешними ночами,
Храм святого Марка
Серебрит лучами.
У палаца <sic> дожей,
Тенью величавой,
Прячется во мраке
Вздохов мост кровавый…
Много слез и муки
Видел он когда-то,
Но былого тайны
Бережет он свято.
И ему каналы,
Словно в подражанье,
Под покровом ночи
Все хранят молчанье.
Ряд дворцов старинных,
И зимой, и летом,
Смотрится в каналы
Темным силуэтом.
Бойкие гондолы
Тут и там несутся…
И из окон звучно
Серенады льются.
То они затихнут,
Замирая страстно,
То безмолвьем ночи
Овладеют властно.
И луна спокойно
Вешними ночами
Чудную картину
Серебрит лучами…

Ницца, 17 марта

Николай Гумилев

«Этот город воды, колоннад и мостов…»

Этот город воды, колоннад и мостов,
Верно, снился тому, кто, сжимая виски,
Упоительный опиум странных стихов,
Задыхаясь, вдыхал после ночи тоски.

В освещенных витринах горят зеркала,
Но по улицам крадется тихая темь,
А колонна крылатого льва подняла,
И гиганты на башне ударили семь.

На соборе прохожий еще различит
Византийских мозаик торжественный блеск
И услышит, как с темной лагуны звучит
Возвращаемый медленно волнами плеск.

Венеция

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашней.
Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол
Там, где огни на лагуне
– Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы крылат.

А на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу, голубиного хора

Вздох, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг… никого, ничего?

Крикнул. Его не слыхали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.

Юрий Данцигер

Джакомо Казанова

Сонет

В сухом гербарии морали, словно розу,
Лелял дружбу ты под пылью всех дорог,
И свой побег из Пьомби угадать ты мог
По вещей строчке из «Orlando Furioso».

Теченью следуя, в фатальном зная позу,
Аббат, вельможа, мот, иерофант, игрок,
Распутник пламенный, – ты вечности в залог
Чудесней всех поэм дал мемуаров прозу!

Но добрый Бог простит греховную весну
Тому, кто жизнь любил до ненависти к сну,
Кто сам избрал свой ад и не хотел другого!

Ты, плача, счастлив был, и ты страдал, шутя,
Блестящий де-Сейнгальт – беспечный Казанова,
Беспокоянный <sic> мой!.. Авантюрист – дитя!

Александр Дехтерев

Венеция

Канал меж высоких домов
С нависшими грозно мостами,
Как крови струя от оков,
С плывущими роем ладьями.

Давно уже город стоит,
И стар стал, почти развалился…
Но все же он гордо глядит
И этим, как прежде, гордится.

Анатолий Доброхотов

Венеция

Венецию я не забуду,
Как первой любви поцелуй…
Умчимся к прекрасному чуду,
К журчанью тоскующих струй:
Вот в черной, высокой гондоле
Плыву я с мечтою своей;
Мой слух отдался Баркаролле —
Не слышал я песни звучней.
О, звуки чарующих песен
Среди итальянских лагун,
Вам мир этот радостный тесен,
Слаба для вас музыка струн.
Вдали рисовалась Пьяцета <sic>
И ряд ее стройных колонн,
И волнами лунного света
Был дожей дворец озарен;
За аркой сверкающей арка…
Аркады нависли кругом,
А площадь печальная Марка
Облита луны серебром.
Музеи, дворцы, арсеналы,
В них роскошь далеких времен…
Картин Возрождения залы…
О, сладкий, единственный сон!
Волна мелодично шептала
О города славном былом,
А сонные воды Канала
Дремали задумчивым сном.
Венеция, долго слыла ты
Великой «царицей морей»,
Соседи же, страхом объяты,
Дрожали пред мощью твоей.
Но слава твоя миновала,
Как цепь золотых облаков —
Ты городом прошлого стала
Руин, мавзолеев, дворцов…
Лишь женщин пленительность взора,
Как прежде, разбудит любовь…
Скажите, шепните, сеньора,
Когда мы увидимся вновь?

Евгений Долматовский

Венеция

И вот Венеция. Скажу вам прямо,
Большая робость овладела мной:
Здесь побывали Блок с Прекрасной Дамой
И современный лирик Н. с женой.

Ну что сумею написать теперь я,
В гостинице прожив четыре дня,
Когда такие избранные перья
В каналы окунались до меня?

Я подтверждаю: этот город – чудо,
Он поражает странной красотой.
Но я себя здесь чувствую так худо,
Как будто мальчик с отнятой мечтой.

Сменилась рок-н-роллом баркарола,
Не всплеск весла – моторов нудный зуд.
Проходит полицейская гондола,
В наручниках преступника везут.

Клубится сырость, и воняют свалки,
Покойник проплывает в катафалке.
День, словно перегруженная барка,
Вздыхая и ворча, вплывает в ночь.

…Виденье площади Святого Марка
Все горести отбрасывает прочь.
Но вы к виденью этому прибавьте,
Что перечеркивает всю красу:

На близком рейде крейсер «Гарибальди»
С ракетной установкой на носу.
Вот до чего ты дожил, город дожей,
На сказку детства больше не похожий!

Ослабли на гитарах старых струны.
Облачена в прозрачный плащ дождя,
Ползет Венеция на дно лагуны,
Как Китеж-град, под воду уходя.

1963 г.

И. Донской

Слова к вальсу «Венеция»

Тихая звездная ночь опустилась.
Дремлющей негой мир весь объят;
Теплой росою кругом все покрылось,
Всюду разлит от цветов аромат.

Моя милая, ненаглядная,
Я люблю тебя до безумия.

Ночь, ночь волшебница!.. Ночь упоенья!
Ночь, ночь восторгов, желанья любви,
Ночь грез мечтания, ночь вдохновения…
Ночь, ночь пожара и бури в крови…

Моя милая, ненаглядная,
Я люблю тебя до безумия.

Василий Дряхлов

Грезы об Италии

Чудная ночь!.. темно-синее небо,
Освещенное полной луной,
Веет дыханьем влюбленной красотки,
Венецианки молодой.

Тихо плывет по каналу гондола,
Мандолина звучит в стороне,
Струйки от весел сверкают, как искры,
В меланхолической луне.

Южные звезды! вы право целуете,
Как возлюбленной глазки в тиши,
Само море-то дышит как нежно! —
Кругом, миленок, ни души.

Свеж гондольер и красавец собою,
Как он мил и любезен для нас!
Звук его голоса ласков и силен,
Приятен блеск красивых глаз.

Мы очарованы, счастливы, милая!
Трудно выразить нежности чувств,
Здесь и любовь, и поэзия, прелесть —
Здесь царство роскоши, искусств.

Южное солнце с чарующим блеском,
Утро нежное, воздух морской…
Розовый вечер… пахучие рощи… —
Да на земле ли мы с тобой?..

Михаил Дудин

Прощаясь с Венецией

В. Н. Орлову

Венеция уходит. Не тревожь
Венеции дождей и старых дожей,
Смущавшей оборванцев и вельмож
Осанкою и золотистой кожей.

Венеция уходит в глубину,
Венеция скрывается из виду,
Перечеркнув старинную вину
И позабыв последнюю обиду.

Венеция уходит навсегда.
Уходят тротуары и подмостки.
И куполом смыкается вода
Над рыжим завихрением прически.

Там в изумрудном забытьи воды
Ее кольцо колышется неярко,
И медленно смываются следы
Моей любви с камней Святого Марка.

Венеция! Уходит страсть и стать.
Сестра моя, а мне куда податься?
Венеции положено блистать,
Венеция устала торговаться.

Венеция уходит. На канал
От железнодорожного вокзала
Оплакивать последний карнавал
Последняя гондола опоздала.

Парада нет, и пушки не палят.
Обманутая временем жестоко,
Венеция уходит в Китеж-град,
Как женщина, легко и одиноко.

Горит ее пленительная прядь,
Прочесанная солнцем над волною.
…О чем ты призадумалась? Присядь.
Когда мы снова встретимся с тобою?

Бенедикт Дукельский

Bleue-Marine

Сверкает мрамором даль тихого канала.
В Венето вешние ласкающие дни
Играют водами лазурного зерцала,
И тени, гордые величьем искони,
Нисходят легкие по ступеням гигантов.
Им в позднем сумраке ночные адаманты
Горят, как вышние извечного огни.

Мерцают звезды яркие в спадающей тени
Над бездной с издавна минувшим ритуалом,
Где в празднестве Венеции не гаснули огни,
Когда без страстного моленьем кардинала
Дож перстень свой вручал и море – гименей
Свершало брак священный перед ней
Венецией, где даль все уплывала.

Волной, воспринявшей блеск брачного металла,
Порфирно-бархатный увенчан моря князь.
Глубоким таинством верховная настала
Из Адриатики лазурной дожу связь;
К стихии праздничным отъездом Буцентавра
Приветствен берегов победный нежный лавр.
В ней, брачно-голубой, песнь волнами неслась.

В ней участь мрачная на мраморе сбылась
Фальеро пред минующею далью.
Сан-Марко из-за вод священным ипостась
Чудилась кормчему под вышнею эмалью;
И медленно стихал напевный звук гондол;
И пурпур, за морем – вечернего посол,
Тонул за днем с закатною печалью.

Виднелся лишь неясной тусклой сталью
Остывший диск, где пенилась волна,
И с ней плыла мечта под сумрачной вуалью;
Стихией вечному она обречена.
В поющем вод далекого мотива,
В просторе голубом бегущих горделиво
Им лютни звучная вторит еще струна.

Стихая слышится мелодия одна
За морем ропщущим у мраморов устало.

С душистой влагою истомная весна
Сменяет вечером цветное опахало
И дали волн, пока взойдет луна;
Из сумрака она уже грустна
Пред гаснущим в лучах собой закатно вялых.

В лучах, склонившихся над глубиной устало,
Кончаются задумчиво ласкающие дни,
Когда еще прощальное начало
С заходом солнечно величьем искони,
Где слышалась звуча у волн эпиталама
Для моря венчанного. Купол яркий храма
Не виден здесь из сумрачной тени.

И бархатом полей темнело все в тени
В Венето радостном, где небо излучало
Весенне-ясные ласкающие дни,
Играющие водами прозрачного зерцала.
И старым гордая чеканенным гербом
Пред таинством венчанного в извечном голубом
Венеция была, где даль все уплывала.

Венецианский герб

Морям у берегов мечом грозящий лев…
Адриатической столицы друг старинный…
Как гордо прошлое пред грозною пучиной
Он защищал у вод, сменивших бурный гнев.

Свободы старый герб, где мраморы дворцов
Лобзает днем лазурь, где брак с стихией дожа
Ввергает золото на обручальном ложе
Бегущих волн, – хранит предания отцов.

Победоносный, смерть являющий мечом,
На рыцарском щите чеканен он для славы.
Пред ним морской вулкан шлет голубую лаву,
Сверкая пламенно в волнах лазурным днем.

Хранитель чести вновь, лишь звонкою гурьбой
В пылу несутся шумные порывы боевые, —
Средь мирных дней – здесь волны громовые,
Готов грозить оружием средь бури пред собой.

Морям у берегов мечом грозящий лев,
Адриатической столицы друг старинный;
Он гордо прошлое являет пред пучиной,

Где отражал грозивший в водах гнев.

Венеция

Et Venise élevée à l'hymen de Neptune
A. Chenier. Aux fréres de Pange

В каналы падают зеркальные дворцы,
Красиво гордые у вод, где утро сонно.
И виды – старые. И кисти – Скиавоне,
Каналэ, Тьеполо. Там ранни багрецы.

И медленно плывут еще во все концы
Пурпуры древние для солнца-Аполлона.
И предсказания – для мглы далекодонной…
Здесь перстни бросили с короною жрецы.

И перстни падали венечные давно,
Волну красивую священно обручая;
Их ярких – несколько опущенных на дно.

И гаснуть золоту из бездны суждено,
Когда меж пенами дож брачно отличая
Плыл, в первенстве стихий торжественно встречая.

Владимир Дукельский

Venice, Calif

Жил здесь богатый чудак, что в Венецию крепко влюбился,
Делать там деньги не мог – и решил возвратиться к себе.
Вновь Калифорния? Вздор! На судьбу человек ополчился —
Будет Венеция тут, вопреки этой самой судьбе.
Начали строить, пилить, разрушать и дома и лачуги,
Мрамор, гранит привезли – даже дюжину старых гондол.
«Спятил безумный старик!» – завопили соседи в испуге;
Он и соседей купил, и дома им другие нашел.
Выжгли бурьян и кусты – и прорыли кривые каналы,
Плохо подделали их, над подделкой воздвигли мосты.
Чем не Венеция, сэр? Но зоилы плечами пожали:
«Нас дураками назвал, в дураках же останешься ты:
Выстроил плохонький сквер, а написано: площадь Сан Марко.
Джо – гондольер? Не шали – под одеждой он тот же ковбой;
Дожем оделся чудак, – но не холодно нам и не жарко,
Лозунг – America First, – нам Европы не нужно второй».
Сей предприимчивый маг, именованный Абботом Кинни,
Тут же наладил театр и театру пожаловал дар:
Доллар был богом его, не хватало одной лишь богини —
Плох театральный Олимп без божественной Сары Бернар.
Золота много ушло – но на золото падки актрисы;
Вот вам и Сара Бернар. . На премьеру никто не пришел.
Лишь за кулисами шум – это шмыгали злобные крысы.
Где-то залаяли псы – и пронзительно крикнул осел.
. . . . . .
Дело забыто давно. Все иссохло – и рвы и каналы.
Самый блистательный мост лопухом безобразным зацвел.
Мнимой Венеции нет; мексиканцы под вечер скандалят,
А на Сан Марко – увы! – негритята играют в футбол.

Любимому городу

Здесь все поют. По-своему – певец и я,
Но голос мой не звонок, невысок:
Таким ли воспевать тебя, Венеция?
Прими взамен присягу верных строк.

Твоими я не очарован дожами,
И кардиналов мне не мил наряд,
Не восхищен богами нежнокожими,

Что в галереях царствуют подряд.

Венецию не выявишь портретами
Иль вереницей окрыленных книг,
Иль чудом перспективы Каналетто: мы
Нетронутую любим Венедиг.

Гнусаво гондольеры баркароллами
Туристов зазывают. Друг мой, ты
Поедешь с итальянками веселыми
Глазеть, как Пьетро Лонги, на мосты,

На простенькую церковь Сан-Грегорио,
На страшную процессию веков —
Тут смерть – обыкновенная история,
Тут мертв и тот, кто молод и здоров.

О, Сереniссима! От маск и факелов,
От кладбищ, от церквей мне не уйти,
Как не ушел и петербуржец Дягилев,
Свернув к тебе, для отдыха, в пути.

1961 г.

Маргарита Дьяконова

Венеция

Не слушайте разноязычный крик
И голубям не сыпьте кукурузы,
Тогда Венеции забытый лик,
Но на один всего короткий миг
Покажут вам воспоминанья музы.
Внимательно вглядитеся в канал;
И вот гондолы черной отраженье,
В которой Казанова проезжал,
Спеша на масок пестрый карнавал,
Увидите, призвав воображенье,
За ним Пьеро, Тарталья – весь парад
Знакомцев по Commedia dell'Arte,
Здесь риск, любовь, интрига и азарт —
Таков Венецианский маскарад,
Где рядом шпага, домино и карта.

Лев Жданов

«За аркой арка на пьяцетте…»

За аркой арка на пьяцетте
Бежит со смелостью вперед.
На гладком старом парапете,
За аркой арка на пьяцетте

Веселый пляшет хоровод.
И мнится там в палаццо старых,
Среди зеркал, средь пустоты,
Толпа вельмож в беретах алых,

И мнится там в палаццо старых,
Проходят молча, как мечты.
И залы странно оживают,
Горят огнями алтари,

И тени латами бряцают.
И залы странно оживают
До бледно-розовой зари.
И тихо в зеркале потонут

Черты бесплотного лица.
До серебра перстами тронут.
И тихо в зеркале потонут,
До солнца красного конца.

Карнавал

На пьяццо С. Марко дрожит карнавал,
Зажглись все лампьоны и волны цветов,
Синьоры и донны пришли как на бал,
В античных костюмах и разных цветов.

Вот здесь Арлекин братается с дожем,
Джоконда с Барнабою вновь говорит.
И в говоре шумном, на драку похожем,
И смех, и острота к каналу летит.

Все пляшет, хохочет, ревнует, поет.
Толпа все забыла, поднявши забрало,
Все здесь отрицает, волнуется, рвет,

Все здесь позабыла, что будет, бывало.

В палаццо покинутом тут тишина.
Дремлят <sic!> портали, <sic!> уснули дворцы,
Мистической грусти зала полна,
Что здесь посещали, вернувшись, бойцы.

Лишь призрак усталый, главу опустивши,
Задумался в кресле, в зале своей,
Не хочет и видеть, руки скрестивши,
Ни возгласов громких, ни ярких огней.

Насмешка ли это над жизнью теней?
Игра ли народа? Невинные шутки?
Видит <sic!> Джиоконда под маской своей,
В дешевом костюме – лицо проститутки.

«Сильфиды сказка днем…»

Сильфиды сказка днем,
А ночью гроб ужасный,
Ты рядишься лучом,
А ночью ты опасен.
Ты пахнешь скверно очень,
И летом, и зимой,
Культурой ты испорчен,
Тебя люблю, ты мой.
Я далеко родился,
И не в твоих стенах,
Страдать я научился,
И не в одних мечтах.
Ты нервы не исправил,
И слезы лил я тут,
Цветы любви оставил,
И здесь они цветут.

Венеция, 1913 г.

Николай Заболоцкий

Венеция

Покуда на солнце не жарко
И город доступен ветрам,
Войдем по ступеням Сан-Марко
В его перламутровый храм.

Когда-то, ограбив полмира,
Свозили сюда корабли
Из золота, перла, порфира
Различные дива земли.

Покинув собор Соломона,
Египет и пышный Царьград,
С тех пор за колонной колонна
На цоколях этих стоят.

И точно в большие литавры,
Считая теченье минут,
Над ними железные мавры
В торжественный колокол бьют.

И лев на столбе из гранита
Глядит, распростерший крыла,
И черная книга, раскрыта,
Под лапой его замерла.

Молчит громоносная книга,
Владычица древних морей.
Столица, темна и двулика,
Молчит, уподобившись ей.

Лишь голуби мечутся тучей,
Да толпы чужих заправил
Ленивой слоняются кучей
Среди позабытых могил.

Шагают огромные доги,
И в тонком дыму сигарет
Живые богини и боги
За догами движутся вслед.

Венеция! Сказка вселенной!
Ужель ты средь моря одна

Их власти, тупой и надменной,
Навеки теперь отдана?

Пленяя сердца красотою,
В сомнительный веря барыш,
Ужель ты служанкой простою
У собственной двери стоишь?

А где твои прежние лавры?
И вечно ли время утрат?
И скоро ли древние мавры
В последний ударят набат?

Случай на Большом канале

На этот раз не для миллионеров,
На этот раз не ради баркарол
Четыреста красавцев-гондольеров
Вошли в свои четыреста гондол.
Был день как день. Шныряли вапоретто.
Заваленная грудами стекла,
Венеция, опущенная в лето,
По всем своим артериям текла.
И вдруг, подняв большие горловины,
Зубчатые и острые, как нож,
Громада лодок двинулась в теснины
Домов, дворцов, туристов и святош.
Сверкая бронзой, бархатом и лаком,
Всем опереньем ветхой красоты,
Она несла по городским клоакам
Подкрашенное знамя нищеты.
Пугая престарелых ротозеев,
Шокируя величественных дам,
Здесь плыл на них бесшумный бунт музеев,
Уже не подчиненных господам.
Здесь всплыл вопрос о скудости зарплаты,
О хлебе, о жилище, и вблизи
Пятисотлетней древности палаты,
Узнав его, спускали жалюзи.
Венеция, еще ты спишь покуда,
Еще ты дремлешь в облаке химер.
Но мир не спит, он друг простого люда,
Он за рулем, как этот гондольер!

Сергей Заяицкий

Легенда о венецианском дворце

Часть первая

I.

«Эй, синьор, плывите с нами,
Мы помчимся вдоль канала,
Вы споете с нами песню
О безумье карнавала».

«Нет, синьоры, не поеду».
«Дерзкий, он же и не хочет!»
И гондола мчится дальше,
И красавицы хохочут.

«Эй, синьора, что вы спите,
Подымите ваши глазки,
Я за это»… – уж промчались…
Всюду крики, всюду маски.

Мчатся пестрые гондолы,
Все шумит, горит, клокочет,
Всякий должен веселиться,
Тот, кто хочет и не хочет.

«Осторожнее!» «Смелее!»
«Все равно ведь не потонем!»
«Эй, идите к нам, синьора,
Вмиг мы вашу грусть разгоним!»

На Лагуне, у Пьяццеты
Ад веселого безумья,
Нет здесь места для печали,
Нет здесь места для раздумья.

И дворец венчанных дожей
Весь горит, как от пожара,
И несутся серенады
Под аккордный звон гитары.

Но далеко от Лагуны, но вдали от ликований,
В темных замерзших каналах так уныло и темно;

Дремлют илистые стены опустелых древних зданий;
Все здесь кажется заснувшим беспробудно и давно.

Небо с яркими звездами полосой вверху сверкает,
У железной темной двери дремлет мертвая волна.
Далеко отсюда месяц… он над жизнию сияет,
Здесь – холодный запах ила и покой и тишина.

Но под черной аркой моста раздается плеск гондолы,
Кто осмелился проникнуть в царство дремлющих теней?
Гладь свинцового канала рябью дрогнула тяжелой,
И волна плеснула глухо у гранитных ступеней.

Неподвижно и спокойно гондольер гондолу правит,
Черный нос ее безмолвно режет темную волну,
Прорезает сумрак влажный, и уж мгла кругом не давит.
И уж мрак кругом с улыбкой обнимает тишину.

Если прежде было страшно, если прежде было мрачно,
То теперь примчались тени без тоски и без забот,
Ложе смерти, ложе муки дышит лаской новобрачной,
Жизнь проснулась, сердце бьется, – то любовь во мне плывет.

Обнимая Догарессу,
Шепчет страстный Джиованни:
«Здесь темно, никто не видит,
Слепы стены древних зданий.

Здесь с тобою мы далеко
От веселья карнавала,
Не расслышат поцелуя
Воды темного канала.

Гондольер на нас не смотрит,
И ему какое дело,
Только были бы червонцы,
А тогда целуйтесь смело!

Право, некого стыдиться,
Догаресса, будь смелее,
Видишь, все кругом спокойно,
Догаресса, будь моею!»

И плывет, плывет гондола,
Воды носом рассекая,
И кругом все так же тихо
И клубится мгла ночная…

Луч луны мелькнет-исчезнет,

Гладь воды плеснет и стихнет:
Пусть – в тиши, во мгле полночной
Пламя страсти ярче вспыхнет.

Пусть же мрак не поднимает
Свою темную завесу,
Пусть – во мгле обнимет крепче
Джиованни Догарессу.

И плывет, плывет гондола, носом воды рассекая.
Тени счастья мчатся следом, тени счастья и любви.
Джиованни, бойся мрака, тишина страшна ночная,
Джиованни, Догарессу ты своею не зови…

На мосту стоит безмолвно кто-то грозный и суровый
И глядит на рябь канала, пробужденную веслом,
Бойтесь все, кто ждет объятий, бойтесь сумрака ночного,
Лучше ждите, чтоб сверкнуло солнце в небе голубом.

Но плывет, плывет гондола, носом воды рассекая,
Неподвижно дремлют стены ветхих каменных домов,
Все, что видят, все запомнят, никому не открывая,
Все, что видят, все запомнят и умчат в туман веков.

II.

«Синьоры, песню не повторим?»
«Довольно!» Мчится на покой
Пьерро и ведьм усталый рой,
А уж восток вдали над морем
Горит предзорней белизной!
Звенящий скрежет мандолины
Замолк внезапно, и везде
Плывут венки и серпантины
По засыпающей воде.
Готова ночь с землей расстаться,
Бледнеет темный небосклон,
В великолепные палаццо
Вошел забытый ночью сон.
Упали сброшенные маски,
И опьяненные сердца
Ждут неги полусонной ласки
И поцелуев без конца.
……
Под говорливый звон курантов
Блеснул на небе первый день,
Но не ушла ночная тень
С широкой Лестницы Гигантов.
Там, преклонив свои главы,

Смотря и ничего не видя,
Дремали каменные львы
На славу гневной Немезиде!
И в этот час любви и грез
В прозрачном утреннем тумане
Во львиный зев упал донос
На поцелуи Джиованни…
Суров венецианский дож,
Суровы тайные советы,
Они хотят изгнать и ложь,
И страсть преступную со света.
В плащах и в масках по ночам
Верховный суд они вершают
И что-то долго рассуждают.
Замолкли, участь решена,
В подземной мгле звенят оковы,
Открылась дверь, закрылась снова,
И тьма молчанием полна.

III.

«Сладкими, долгими муками
Сердце трепещет, любя,
Знаю, аккордными звуками
Мне не утешить себя!
Звезды горят над Лагуною,
В волнах купая лучи,
Ночью весенней и лунною
Ласки твои горячи…
Тихо под темною аркою,
Свет не проникнет сюда,
О, если б ласкою жаркою
Был я согрет, как всегда!
Нет, я один, молчаливая
Спит вереница дворцов,
Дремлет Лагуна тоскливая,
Дремлет без грез и без слов».

—

«Эй, кто поет, кто смеет петь?
Все люди спят давно!»
Он смотрит, нет, не разглядеть,
Кругом совсем темно.
«Эй, гондольер, ударь веслом,
Плыви скорей на свет!»
«Постой, постой, мы не о том!
Ответишь или нет?
Ты кто?» «А вы кто?» «Хочешь знать? —

Мы сторожим закон!
Да что тут долго рассуждать,
Хватай!» «А вдруг не он?»
«Ты сын Антоньо?» «Ну, так что ж?»
«Ты Джиованни?» «Да».
«Тебя схватить велели!» «Ложь!»
«Сдаешься?» «Никогда!»
Сверкнули в воздухе клинки,
Раздался звонкий лязг,
Короткий быстрый взмах руки —
Он сшиб одну из маск.
«А, это ты, мой вечный враг!
Я узнаю тебя!
Ты на меня донес никак,
Ревнуя и любя?»
«Молчи, проклятый!» «Не боюсь!»
Миг – крепкая рука
Клинок схватила. «Жалкий трус,
Пусти»… О, месть сладка!..
Волна плеснула… шпаги нет,
Она уж под водой.
Миг – и исчез из взора свет,
Смененный душной тьмой…
«Пустите»… крепко плащ обвит.
«Издохнет!» «Не беда!»
Беззвучно бьется о гранит
Тяжелая вода.
Плывет гондола… Мирным сном
Овеян мрак ночной,
И блещут звезды над дворцом
Любовью и весной.

IV.

В тишине и во мгле под гранитным дворцом,
Под тяжелыми, гулкими сводами
Спят темницы одним нескончаемым сном,
Позабытые днями и годами.

Солнца нет, света нет, нет ни звезд, ни луны,
Только мгла, только ночь бесконечная,
В мраке падает капля с гранитной стены
И стучит среди смерти, беспечная…

«Тюремщик, отпусти меня,
Я все тебе отдам,
Есть много денег у отца,
Ты это знаешь сам.
Я не хочу остаться здесь,

Я не могу, пусти,
Пойми, мне надо ждать ее,
Она должна прийти!
Ты сам когда-нибудь любил,
Ты ждал кого-нибудь?
О, если да, ты должен знать,
Что мне терзает грудь.
Ты должен знать, куда я рвусь,
О чем тебя молю,
Пойми, я знаю, ты поймешь,
Ведь я ее люблю!..
Я не могу остаться здесь,
Открой, открой мне дверь,
Открой, никто не будет знать,
Ведь стража спит теперь!»

Все молчит… никого… только капля стучит,
Тишина не проснется могильная;
Разбиваются гулко о скользкий гранит
И мольбы и проклятья бессильные.
И идут и идут вереницею дни,
И уносятся годы за годами,
И, как тысячи лет, бесконечны они
Под безмолвными, древними сводами…

V.

Люблю венецианский день
С его горячими лучами,
Люблю задумчивую тень
Под молчаливыми мостами.
Все отдыхает в мирном сне,
В послеобеденном покое,
И спит Лагуна, в глубине
Купая небо голубое.
Не слышно плеска на воде,
Замолк повсюду шум недавний,
Все мирно дремлет, и везде
На окнах зеленеют ставни.
А там, далеко, у скалы,
С небесною лазурью споря,
Сверкают синие валы
Адриатического моря.
Сверкает блещущий гранит,
И, вся зажженная лучами,
Венеция над морем спит,
С ним обрученная веками…
Но я люблю уйти туда,
Где солнце вечно не сверкало,

Где стены холоднее льда
Под синим уровнем канала.
Люблю я трепетной рукой
Листать забытые страницы,
Смотря с безмолвною тоской
На опустелые темницы.
Здесь все молчит, здесь все темно,
Растрескались куски гранита,
И все, что здесь погребено,
Людьми уже давно забыто.
Здесь камни сплошь испещрены
Теперь ненужными словами,
Почти уж стертыми годами
И влажной плесенью стены.
Но на одной стене безмолвной
Я прочитал: «люблю», «люблю»,
Здесь бедный узник, муки полный,
Поведал мраку скорбь свою.
О, Догаресса, не тебе ли
«Люблю» на камне он чертил
И не с тобой ли говорил
Во мгле гранитных подземелий?..
Не ты ли снилась здесь ему
Под нависающею мглою,
Не от разлуки ли с тобою
Он проклинал свою тюрьму?..
О, бедный узник, только в снах
Ласкал ты нежно Догарессу,
И мрак лишь в призрачных мечтах
Приподнимал свою завесу…
И много муки, много слез
Несло с собою пробужденье,
И много слышал мрак угроз
Без состраданья, без сожаленья…

Часть вторая

Он мир увидел в дивный час,
В час золотистого заката,
Когда последний луч погас
В тумане дали синеватой.
Спала Лагуна, кое-где
Темнели черные гондолы
И раздавался смех веселый
Приветом вспыхнувшей звезде.
Он все узнал, все было то же,
И этот ряд огней вдали,

На нить алмазную похожий,
И звезды, что лучи зажгли
Над головами спящих Дожей.
По гладким белым ступеням
Сошел он, медленно ступая,
Вода плескалась по камням,
В волнах созвездия купая,
И он взглянул в лицо волны.
Что это? Сморщенные щеки,
Холодный отблеск седины,
Старик, кто ты? А мир стоокий
Над ним по-прежнему сверкал,
И воды в море нес канал,
Холодный, темный и глубокий.
……
Так час прошел. Уж мрак ночной
Обвил собор святого Марка,
И плыл над темною водой,
И засыпал под гулкой аркой…
Он все смотрел, уже в волнах
Он не видал лица седого,
И вдруг необъяснимый страх
Им овладел… он оглянулся —
Ни звука, все кругом молчит,
Безмолвный город крепко спит,
Зачем же он в него вернулся?
Зачем? Гондола подплыла,
Он сел. «Куда везти?» «Не знаю».
Едва заметный взмах весла,
Гондола тихо отплыла,
Во мраке площадь оставляя…
И вдруг под этот тихий плеск
В волнах заснувшего канала
Пред ним предстал забытый блеск
Веселия и карнавала.

—

Луч луны мелькнет, исчезнет,
Гладь воды плеснет и стихнет,
Пусть – в тиши во мраке ночи
Пламя страсти ярче вспыхнет.
Пусть же мрак не поднимает
Свою темную завесу,
Пусть – во мгле обнимет крепче
Джиованни Догарессу.

—

И понял он. Туда скорей,
К той двери, некогда столь милой,
Где прежде он встречался с ней,
Любя ее с такою силой!
И милый образ в мраке встал,
Такой любимый и прекрасный,
И ожил вдруг глухой канал,
И стало в нем тепло и ясно!
Вот старый дом безмолвно спит,
Закрыты ставни, мрачный холод
Из-под сырых ворот бежит,
На двери тот же ржавый молот…
Схвативши трепетной рукой,
Его он поднял; часто прежде
Он этот молот поднимал
И в окрыляющей надежде
И верил, и любил, и ждал.
…….
Глухой удар, другой и третий…
Все тихо… все молчит кругом,
Спокойно дремлет старый дом,
Хранитель пасмурных столетий…
На окнах ставни… все молчит,
Волна плеснула о гранит,
Еще удар, опять молчанье
И плеск, похожий на рыданье…
Да ведь недавно же она
Его за дверью ожидала…
Недавно! Вспомни, как темна
Тюрьма под водами канала.
Ты позабыл, что лишь в тюрьме
Дни тонут в беспросветной тьме,
Ты позабыл, что дни и годы,
Гонимы властною судьбой,
Для тех, кто не лишен свободы,
Несут забвение с собой…
«Кто там?» И стукнуло окно
В соседнем доме. «Кто стучится?
Что надо там? Кому не спится?»
Лучом луны озарено
Лицо старушечье… «Скажите…»
И голос странно задрожал…
Луна блеснула на канал,
Ведя серебряные нити…
«Скажите… В доме кто живет?»
«Никто!» «А где же те, кто жили?»
«Все умерли… Уж пятый год,
Как этот дом заколотили».
«А Догаресса?» «Та давно!..

Лет восемь»… И опять темно,
И затворилося окно,
И облака луну закрыли.

И плывет, плывет гондола, воды
носом рассекая,
Неподвижно дремлют стены темных
каменных домов,
Все, что видят, все запомнят, никому
не открывая,
Все, что видят, все запомнят и умчат
в туман веков.

И вспомнил он тот мрак тюрьмы,
Где тишина во мгле бродила…
Где под покровом черной тьмы
Она к нему во мгле сходила…
И вспомнил он свои мечты,
Свои надежды и желанья
Среди могильной темноты,
Среди могильного молчанья…
Зачем он вновь увидел свет?
Зачем он вышел из могилы,
Чтобы узнать, что жизни нет,
Что та, которая любила, —
Червями сгложенный скелет!
И вспомнил он тюрьму глухую,
Где он так долго, долго жил
И где в неведеньи любил
Ее, веселую, живую.
И вот Лагуна перед ним
И ряд огней, на нить похожий,
И, в мраке ночи недвижим,
Молчит дворец венчанных дожей.
И долго он глядел с тоской,
Томимый неутешным горем,
А уж восток вдали над морем
Горел предзорней белизной!
Под говорливый звон курантов
Блеснул на небе первый день,
Но не сошла ночная тень
С широкой Лестницы Гигантов.
Там, преклонив свои главы,
Смотря и ничего не видя,
Дремали каменные львы
На славу гневной Немезиде.
И в этот час любви и грез
В прозрачном утреннем тумане
Во львиный зев упал донос

На преступленье Джиованни.
Там говорилось, что убить
Он хочет избранного дожа
И что, Венецию тревожа,
Законы хочет изменить…
Но не наемный хитрый «браво»
И не ревнивый клеветник,
Не льстец коварный и лукавый
В погоне за слепою славой
В тот час на лестницу проник.
То в первый раз своей рукою,
И ложью не врага губя,
Донес осмеянный судьбою,
Донес на самого себя.
То в первый раз рукой водили
Не гнев, не пролитая кровь,
А жажда, жажда грезить вновь
Любовью в каменной могиле.

Суров Венецианский дож,
Суровы тайные советы,
Они хотят изгнать и ложь
И заговорщиков со света.
В плащах и в масках по ночам
Верховный суд они вершают
И что-то долго шепчут там,
О чем-то долго рассуждают.
Замолкли, участь решена,
В подземной мгле звенят оковы,
Открылся люк, закрылся снова,
И кровью пенится волна.

Эпилог

При блеске солнечных лучей
В лазури неба голубого
Ты дремлешь, правнук славных дней,
И молчаливо и сурово.

Исполнен несказанных грез,
В душе порвав былые струны,
Как мертвый каменный утес,
Ты стал над волнами Лагуны.

Укрыв за мраморной стеной
Все то, что видел ты на свете,
Ты мирно дремлешь над водой,
Любимец пасмурных столетий.

Кругом тебя сверкает день,
Кругом шумит толпа людская
И блещет влажная ступень,
Весенним солнцем залитая.

Но лишь ночная тишина
Сойдет на темные каналы,
Ты пробуждаешься от сна,
В своем величьи небывалый.

Ты полон вновь волшебных дум,
Былые грезы прилетели,
И слышен леденящий шум
Цепей во мраке подземелий.

Убийца тайный вновь плывет
Во мгле извилистых каналов,
И вновь Венеция встает
И<з> баркарол и карнавалов.

И небо дышит тишиной,
Горя весенними звездами,
И страшный Шейлок в мгле ночной
Томим кровавыми мечтами.

Сияет белая луна,
Блестя на мраморе балкона,
И чудится, что у окна,
Любовью девственной полна,
Спокойно дремлет Дездемона.

«Спасибо за письмо. Я очень был доволен…»

Спасибо за письмо. Я очень был доволен, —
Ты первый, кто меня посланьем одарил.
Я мирно здесь живу, не умер и не болен.

На сбор плодов наук не трачу много сил.
Звучнее лирных струн звенит моя ракета,
И не угас во мне один любовный пыл.

Я сознаю всегда, что глупо трачу лето,
Что летом я бы мог свободнее читать
И забавлять себя забавою поэта —

Во фронт выстраивать рифмованную рать
И, ей командуя, над нею издеваться

И только распустив, сзывать на бой опять.

И что ж! начну читать, до первого абзаца
Читаю – ничего! Потом в глазах рябит —
Лагуна грезится, и мраморная Piazza,

И вымытый в воде сверкающий гранит,
И сонная вода, как в глубине колодца!
Вот тут бы и писал всяк истинный пиит,

А я лишь вспомню все, что видеть не придется,
И тотчас на меня находит мрачный сплин
И я бегу гулять с усердьем иноходца

Среди болот, лесов и вспаханных равнин,
Считая в небесах огни ночных созвездий,
Влюбленный, как всегда, а главное – один!

Я очень мрачен был, и при своем отъезде
Теперь и вовсе я хожу мрачнее туч
И жду себе с небес жестокое возмездье.

Конечно! Все дано: и солнца ясный луч,
И воздух, и трава, еще чего мне надо?
Чего-то знает Зевс, коль вправду он могуч!

Но вот уже мычит докучливое стадо.
Пора кончать письмо и отправлять его,
К тому же в воздухе чувствительна прохлада.

Коль не имеешь, друг, ты против ничего,
Я навещу тебя, прибыв к тебе в Быково!..
Где Элефант теперь? что слышно про него?

P. S. Надеюсь, мой привет ты передашь Стрелкову.

Владимир Злобин

«По вечерам гостей толпа…»

По вечерам гостей толпа
Калякала у Флориана.
Был Репин, говоривший: А-а-а,
И уходивший очень рано,
Эрнест Петрович ел и пил
И брюки вверх тянул усердно,
А Excellence немилосердно
Курорт Виши опять бранил.
В углу Вещилов лиловел
С одним прекрасным бакинбардом <sic>,
И «Ваня» сумрачно сидел
Необитаемым мансардом,
А рядом с ним, преклонных лет
Княгини Затбольской скелет,
Посыпанный изрядно пудрой,
Как сыпят в лавках мармелад,
Мадам Щекин со шляпой мудрой
(Ведь дело в шляпе, говорят),
Затем еще немножко дам,
Разбросанных и тут и там,
И я с касторкою в кармане
Сидел и дохнул на диване
И пил холодный гренадин,
И в ужасе Monsier Щекин.
Кругом Безродный где-то бродит,
Как раздраженный таракан,
А Персианин-великан
Его шептаться все отводит.
Вот вам вечерний наш синклит…
Пищит какой-нибудь Карпетто,
Оркестр яростно трубит
Четвертый акт из Риголетто.

Lido, 1914 г.

Воспоминание о Венеции

Колонны мраморные и кружевные,
Собор прозрачный Святого Марка,
На арке арка, на арке арка…

И бродят люди полунемые
В палаццо Дожей по галереям,
И поклоняются гранитной пене и поклоняются застывшим змеям,
И преклоняют свои колени пред этой грезою в архитектуре,

Они приходят сюда из Индии, они приходят сюда с Миссури,
Чтоб посмотреть на изваяния, такие нежные, как вдох Эола,
Чтоб посмотреть, как пенит воды легкоскользящая гондола.
А ночью мраморной, когда застынет под Лаской Лунною палац <?> Палацо <sic>
Я прохожу весь зачарованный, весь заколдованный по плитам Пьяццо <sic>
Сажусь в гондолу и уплываю, и уплываю и уплываю
Куда-то к замкам, куда-то к храмам, <куда-то> к башням, куда? не знаю,
Плыву направо – дворец заснувший, плыву налево – колонн громада,
И надо всеми – луны улыбки, и тем улыбкам все серенады
все серенады, все серенады…

Баллада

Не дослушав плачущей виолы
и забыв, что продолжалась месса,
из собора выйдя, догаресса
опустилась на скамью гондолы.
Праздник был томительно-хвалебен,
ей хотелось зарева заката,
свежего, как зрелая граната,
яркого, как петушиный гребень.
И в порыве дикого каприза,
потеряв трех юношей из свиты,
отдавала шею и ланиты
поцелуям женственного бриза…
Вдалеке раскинулись лагуны,
а до слез влюбленные поэты
сочиняли скучные сонеты,
ударяя яростно о струны.
А потом, вернувшись слишком рано
во дворец извивами канала,
принести велела два бокала
тонко отшлифованных в Мурано.
И под звук далекой серенады,
запретив улыбки и вопросы,
распустила вьющиеся косы,
темные, как ночь Шахерезады.
И вином наполнила до края

два бокала, легкие, как пена…
Было тихо… Лишь у гобелена
раздавался шепот попугая.
И с неясной сказкою во взоре
Говорила, чувствуя румянец:
«Не придешь, о гордый иностранец,
Любоваться мною, как в соборе?»

Из венецианского альбома

Однажды вечером, в кафе у Флориана,
Мы встретились по странной воле рока.
С улыбкою затравленного Пана,
Пропитанный удушливым Сирокко,
Напомнивший мне чем-то робость лани;
И, опустив бровей густые арки,
Он слушал, полулежа на диване,
Звучавший вдалеке сонет Петрарки.

Вторично мы увиделись у дожей.
В толпе туристов прибыльного лета,
Томящийся, на прочих непохожий,
Он замер перед Вакхом Тинторетта.
Впивая до последней капли пота,
До вскриков, заглушенных сиплым лаем,
Восторги самоцельного полета,
Который навсегда неповторяем…

Мы вскоре познакомились на Лидо,
Спасаясь от жары в стабилименто…
Сверкала наготой, как Энеида,
Прибрежья исчезающая лента…
На фоне полновластного прибоя,
Окутанного рвущеюся пылью,
Я понял глубину его покоя
И волю, обреченную бессилью.

А вечером, когда по пятнам мелей
Прошла луна, рожденная недавно,
И в зелени пирамидальных елей
Стал бледен обнаженный профиль фавна,
Мой спутник, изнывающий, бескрылый,
Вернувшийся, как собственное эхо,
Смеялся утомительно и хило
Остатком недосмеянного смеха.

Мне кажется, в безумии исканья

Еще никто так не любил контрасты,
Как души, в глубине всеотрицанья
Построившие замкнутые касты.
Судьба, не отвечающая стону —
(Кто б мир не раздробил на казематы!),
С настойчивостью, родственной закону,
Ломает недокованные латы.

С тех пор я не слыхал его походки
Ни в гулкости холодного базальта,
Ни там, где проплывающие лодки
Ласкают переброшенный Риальто.

Венеция

Уже длинней и легче стали тени,
Мосты упруго изогнули спины,
Прошел мошенник с шапкой на бекрени,
И чудаки одели пелерины.

И все сильней античные дурманы,
Холодный мрак безжалостно расколот,
На мертвой башне быстрые Вулканы
Приподняли и опустили молот.

И ты так строго, так неуловимо
Хранишь на всем старинные печати,
А помнишь, как ты отняла у Рима
Литых коней монументальной рати,

И как потом, благословив стихию,
Во времена крестового разгула,
Твои купцы уплыли в Византию,
Где их хранила золотая булла.

Когда же пальцы тонкого Беллини
Сжимали кисти бережно и плотно, —
Какой восторг рождающихся линий
Узнали обнаженные полотна.

И сколько муз непознанных и граций
Открыли чьи-то бешеные пытки —
Теперь под колоннадой прокураций
Не верят в ядовитые напитки.

Но я люблю сквозь старые атласы
И сквозь давно не ношенные цепи

Смотреть на искривленные гримасы
И на разврат твоих великолепий

И опускать в исчерпанные бездны
Своих корней извилистые ткани,
Пока дракон, ревущий и железный,
Не оборвет моих очарований…

Венеция

Сонет

Посвящается Л. Р.

Любовница случайных королей,
Аркадами дрожавшая над ними,
Рожденная Лукавым и Святыми
И вскормленная грудью кораблей —

Сегодня я по прихоти твоей
Был Тассо, Тицианом и другими,
Пока усталый день, приблизясь к схиме,
Не бросил в воду зарево кудрей.

Теперь сквозь ночь бесцельна и понятна
Резьба колонн, похожая на пятна,
И над дверями ласка львиных лап,

Как будто мир в тончайших нитях хмеля!
И рыцари широкополых шляп
Идут в альков к Мадоннам Рафаэля.

Борис Зубакин

Венецианские ночи. Ночь первая

Вновь запах моря веет от алькова,
Неповторимо радости тая,
Как будто волосы ты выжимаешь снова —
Ундина вечная, Венеция моя.

Глаза смежу – и ты мне будешь сниться,
Плывя в стекле застывшего зрачка,
Рыжеволосая и пышная блудница
С полночным стуком каблучка.

Какими тайнами твои владели дожи,
Чтоб столько сладости и мук,
Века, волнующие дрожью, —
Включить в твой каменный сундук.

Ты спишь, Роскошная, как и в былые годы —
Земных владычица сердец,
И ночью зеркало наводит
Луна на спящий твой Дворец.

Венеция, 1927 г.

Венеция

Морская пленная царица,
С которой кто б сравниться мог,
Кидаешь в море из темницы
Свой пенный кружевной платок.

И племя скучное туристов
В гондолах вслед ему плывет,
Но тот рисунок серебристый
Оно вовек не разберет.

Твое лицо покрылось дрожью —
С лагуны ветер шлет волну.
Тебя лишь лев постигнуть может,
Глядящий с башни в глубину.

Июль 1927–1930 гг. Мост вздохов

Сергей Зубов

«Скукой нежною скучаю…»

1.
Скукой нежною скучаю
Я всю ночь, часы считая,
О, Венеция, немая…

Где-то песня оборвалась
И весло в воде ласкалось,
Что-то тщетно вспоминалось.

Что-то плачет, что-то гложет,
Тишина мне не поможет,
Сердце вспомнить все не может.

У San Giorgio Maggiore,
Где не так далеко море,
Потерял я свое горе.

«На гондоле уплывали…»

2.
На гондоле уплывали
И печали вспоминали,
Говорили, говорили —
Солнце с песней проводили…

Солнце в море утонуло,
Ты усталая уснула,
А Венеция сияла
И меня в себя влюбляла…

И когда ты вдруг проснулась,
Когда мы домой вернулись,
Я не знал, зачем с тобою
Плыл я долго под луною…

Вячеслав Иванов

Собор Св. Марка

Царьградских солнц замкнув в себе лучи,
Ты на порфирах темных и агатах
Стоишь, согбен, как патриарх в богатых
И тяжких ризах кованой парчи,

В деснице три и в левой две свечи
Подъемлющий во свещниках рогатых, —
Меж тем как на галерах и фрегатах
Сокровищниц початки и ключи

В дарохранительный ковчежец Божий
Вселенная несет, служа жезлам
Фригийскою скуфьей венчанных дожей,

По изумрудным Адрии валам;
И роза Византии червленеет,
Где с книгой лев крылатый каменеет.

Баркарола

Над лунной негой волн, в ладье, под тайной маски,
Моя Печаль поет при плеске баркарол,
И лютни звон струит свой палевый Пактол
В опаловую даль, где, млея, тонут краски…

Моя Печаль молчит, бледна от нег и пляски;
Ей плещет буйный хор с ликующих гондол;
Жестокость в кудри ей, с извивом жадной ласки,
Вплетает алых роз стожалый ореол.

Но Жалость юная с подругой делит розы,
Багрит венец лилей и льет с улыбкой слезы…
А с брега, мертвый взор вперив на дальний челн,

Тень, погребальные влачащая одежды,
Белеет, – и на зов покинутой Надежды
«Прости!» – звучит ответ над лунной дремой волн.

Колыбельная Баркарола

В ладье крутолукой луна
Осенней лазурью плыла,
И трепет серебряных струн
Текучая влага влекла —
Порою… Порою, темна,
Глядела пустынная мгла
Под нашей ладьей в зеркала
Стесненных дворцами лагун.

Не руша старинного сна,
Нас го́ндола тихо несла
Под арками черных мостов;
И в узких каналах со дна
Глядела другая луна,
И шелестом мертвых листов
С кормою шепталась волна.

И Та, что в тебе и во мне
И розой меж нами цвела,
Сияла, как месяц, светла,
Порою в ночной вышине,
Порою в глубокой волне;
Таилась порою, и мгла,
Казалось, ее стерегла;
Порою лучилась, бела,
В небесном, воскресном огне.

Лагуна

Над бледным саваном недвижимой лагуны,
Мрача покой небес и млечный кругозор,
На брег отчаянья дерев нагой позор
Зовет уснувший гром и летних гроз перуны.

Угрозой черною над краем черной дюны
Стоит зима дубов, и в страхе ловит взор
Окостенелых мышц чудовищный узор,
Ожесточения страдальческие руны…

Чуть плещет низкий вал в прибрежном тростнике.
Вися над бездной, челн колеблет вдалеке
Свой образ, вод стеклом незримым отраженный.

И, тенью царственной означив небосклон,
Встает туманный град в дали завороженной,
Как гордой памяти неусыпимый сон…

Димитрий Иванов

«В голубом эфира поле…»

[В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой, —
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.]

Догаресса молодая
И печальна, и бледна,
На лагуны взор бросая,
Смутно думает она:
«Пусть в любви немало горя, —
Без нее не красен свет,
И с самим супругом моря
В пышном блеске счастья нет»,
И грустит, еще не зная,
Чем ей мрачный рок грозит,
Догаресса молодая,
И угрюмый дож молчит.

Юрий Иваск

Святой Марк

Змеино-зелено и львино-золотисто,
И по-фазаньему, павлиньему пестро,
Но все притушено и лиловато-мглисто,
И вдруг из сумрака колонное ребро.

Не утро и не день, не ночь, а вечный вечер:
Последние лучи и первая свеча.

Июль 1960 г.

Венеция

Выдумываю, например, убийство
На улице Убийц.
Запомнилось лицо убийцы —
Оно родных роднее лиц:
Испуганное, нежное, веснушки
И рыжая упрямая макушка.

Рыдания наемной итальянки
В гондоле гробовой.
Мои же смертные останки
Укачиваемы волной.
Прощайте, разноцветные блудницы,
Еще Венеция мне снится – длится…

Мерцанье дымчатое, голубое
В разбитых зеркалах.
Все призрачное, неживое,
И только тени на стенах:
Колеблемое пламя в шандельерах,
Незримые движенья гондольеров.

Октябрь 1960 г.

Венеция

Пестрая, но неяркая —
Даже в сказке Сан Марко.
Дымка голубоватая,

Розовые палаты.

Незабвенное, нищее
Вычурное кладбище.
Море – бледно-зеленое
До вечернего звона.

Золотисто-волшебное
Меркнет медленно небо.
Меркнем и мы, кончаемся,
В люльке-гробу качаясь.

И, откинувшись на спину,
Мы вспоминаем наспех:
Льва и коней, мозаики,
Музыку и музеи.

Март 1961 г.

Зеленая живопись Венеции

Зеленый змий из зелена́ вина,
А то, что молодо, иначе зелено,
И мне у узкого ее окна
Немедленно озелениться велено.

Дремлю Адриатической волной,
Свисаю виноградинами, грушами,
И осыпаюсь ивовой листвой,
Шепча-вдыхая с родственными душами.
Кривелли и Карпачьо: вы со мной.
И Тинторетто с птицами-кликушами.

Живопись Франческо Гварди

Дамский скрипичный концерт в честь графов Северных – в. к. Павла Петровича и в. к. Марии Феодоровны (1782 г.)

Не разглядите ни одной фигуры.
Рассеянный запечатлелся взгляд.
Пятнисто-бело, приглушенно-буро.
Мерцающие люстры серебрят.

Скрипели виолинные девицы.
Не зрится северный курносый граф.
Венеция, любая, зыбко снится

И у-ле-ту-чи-ва-ет-ся стремглав.

Венеция. «Любовь к трем апельсинам» Карло Гоцци

Мантии меловые,
Водоросли узора,
Дожей свиные выи,
Зеленна́я простора.

Ларцы львиного Марка,
Улица Ассасинов,
Срезаны для подарка
Головы апельсинов.

Сердце, играя, рвется
С нитями серпантина.
Околесица Гоцци
И разлюли-малина[564].

[564] Зеленое шитье на белом облачении дожа (картина Джованни Беллини). (*Прим. автора.*)

Олег Ильинский

Музеи

И кошельки играющих гуляк
Опустошались в кабаках у мола,
И плавали медузы в хрусталях,
И грузовые двигались гондолы.
И, убедившись, что мошна пуста,
Пропировав последние дукаты,
Венеция, ты поднесла к устам
Зеленой влаги трезвые раскаты.
Но Тинторетто кисти покорял
Твои дворцы, и бархат, и галеры,
И оживлял налетом янтаря
Из пен твоих рожденную Венеру.
Голубоватый двигался фронтон,
Качалась кладь, и зеркала сверкали,
Отбрасывая персиковый тон
Твоей щеки в магическом овале.
Музейная густая тишина,
Озвученная сухостью паркета,
Казалось шумом волн поражена,
Затоплена меняющимся светом.
И в жирном блеске бронзовых скульптур,
В тугом клубке Гераклов и кентавров
Затихли сгустки мыслей и культур,
Как дальний гром и дальние литавры.
Проносится охота на лося,
И славит шелк прекрасную Елену,
А мы домой уходим, унося
В глазах лиловый отблеск гобелена.
Дожди не в силах красок погасить,
И вся венецианская палитра
Пойдет со мной. Пусть желтые такси
Ее о шины рубчатые вытрут.
Пусть световые властвуют куски,
Пусть станет город праздничным базаром,
Пусть заблестит, пусть влажные мазки
Пойдут по мостовым и тротуарам:
Запомнятся рембрандтовы глаза,
Роденовский невоплощенный вылеп,
Замрет венецианская слеза
На ветровом стекле автомобиля.
И вечер, разгоняя облака,
Очистится, как ясная лагуна,

И тучи погрозят издалека,
Как полчища покрытых пылью гуннов.
А в дом заглянет синее окно,
И виноград в хрусталь уронит зелень;
На ужин будет красное вино
И выдох флейты – память о музее.

1964 г.

Венецианские полотна

Здесь плеск весла, как стук кареты,
Весна наядой на волне.
Веселым старцам Тинторетто
Привольно жить на полотне.
Пусть нрав у старцев неразумен,
Зато румянец детски свеж…
Здесь Возрожденье, как Везувий,
Клубится складками одежд.
Переглянувшись с хрусталями,
Помчался в пляске хоровод,
Лозою Вакха заслоняясь
От всех напастей и невзгод.
Стекло дрожит прозрачной дрожью,
Зеленым отблеском горя.
Резвятся подданные дожа —
Большие рыбы на морях.

1962 г.

Венецианская тема

Латерна Магика – о золотистый свет,
Карманный рай, танцующий миражик,
Из бархатного сумрака кассет
Рождающий веселых персонажей.
Сквозных теней китайская игра,
Италия на золотой ладони,
Венеции живые вечера,
Алмазные фантазии Гольдони.
Волшебника пьянил базарный гул,
Он засыпал на пристани туманной,
И ежилась от сырости лагун
Мартышка на плече у шарлатана.

1971 г.

Вера Инбер

Венеция

Упоены волшебным Чимарозой,
Поникли крылья черных пелерин.
Кто там вошел, в сутане, с белой розой,
И в ложе сел один?

Его уста, как алая заплата
На смуглом бархате его лица.
За сценой голос сладостный кастрата
Баюкает сердца.

Не убежать, не вырваться из плена
Его ресниц и стрельчатых бровей.
Течет, томит и тает кантилена,
Как жаркий воск свечей.

Таись, монах, за спущенною шторой.
Ласкай цветок прикушенной губой.
Я появлюся набожной синьорой
В антракте пред тобой.

Тогда забудь молитвы, и чертозу,
И авантюры карнавальных дней.
С тобою вместе зацелую розу
Соперницы моей.

Л. И. И-ст-м

Венеция

Посвящ. сестре моей А. И.

Слышишь?! – В канале уже раздается
Звук равномерный весла,
Воздуха струйка аккорд донесла,
Песнь гондольера оттуда несется:
Звук то слабеет, то вновь разольется
В страстной мелодьи его.

Между церквей и высоких дворцов
Тихо гондолы плывут по каналу;
Некогда здесь по ночному сигналу[565]
Сколько невинных погибло голов!..
Сколько здесь темных и мрачных домов,
Сколько решетчатых окон!..

Плиты ступенек, спускаясь к воде,
Лунным лучом озарились;
Волны, плескаясь о них, оживились;
Слышатся говор и песни везде;
Весело все: нет печали нигде…
Звезды спокойно сияют.

Осень 1893 г.

Опять Венеция

Посвящ. моей матери

Тихо качаются группы гондол;
Стоя, гребут гондольеры.
Слышится пенье ночных баркаролл
В теплой струе атмосферы.

Низко спустились ступени к воде;
Волны шумят о их плиты;
Мрачные зданья и церкви – везде
Лунным сияньем облиты.

[565] В Венеции существовал закон, по которому в полночь, по особому сигналу, совершали все казни над преступниками, причем отрубленные их головы клались в гондолы и увозились в открытое море, где их и бросали. И теперь за полночь в Венеции раздается заунывный и зловещий звон колоколов, напоминающий ужасное прошлое. (*Прим. автора*.)

Мирно покоится город чудес,
В волнах родимых купаясь;
Звездочки смотрят с прозрачных небес,
В темной воде отражаясь.

Еще Венеция

Плывут задумчиво гондолы
Под звуки томной баркароллы;
Гребцы привычною рукой
Спокойно борются с волной
И меж собою разговоры
Ведут, встречаясь на пути.
То громкий смех, то брань и споры
Им не препятствуют грести.
Скользя под арками, мостами,
Гондолы массами плывут;
Дома высокими рядами
Как будто мимо их идут.
И что-то тихо напевая,
Одним работая веслом,
Наш гондольер глядит кругом,
Гондолу мерно направляя.
И мы плывем, плывем вперед,
И вся Венеция идет
Навстречу нам с ее дворцами,
С ее старинными церквами.
Отвсюду веет стариной.
Какой-то сладостный покой
И лень душой овладевают,
И как-то дышится легко…
И где-то здесь, недалеко,
Мандолинату напевают…
Страна беспечного мечтанья!
Здесь люди весело живут:
Не зная будто испытанья,
С утра до вечера поют.
Farniente dolce здесь царит,
И человек поет иль спит!
Лишь звезды на небе блеснут,
Они уж снова отдыхают
И песни новые поют!

Ноябрь 1894 г., Двинск

Вивиан Итин

Догаресса (подражание Пушкину)

«В голубом эфира поле
Блещет месяц золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой»[566].
Догаресса молодая
Беспокойна и бледна.
Старый дож, ее лаская,
Говорит: «Моя жена,
Отчего же ты грустна?
Отчего же без участья
Смотришь ты в мое лицо,
Или ты не знаешь счастья,
От меня приняв кольцо?..»
Догаресса молодая
Беспокойна и бледна.
Вдруг сверкнул клинок. Блистая
Труп скрывает глубина.
Догаресса молодая
С гондольером молодым.
Ночь, луна и ширь без края,
Хорошо им быть одним!
– Я неволей догаресса,
Я не знатна, не принцесса, —
Дожу силой отдана.
Но почет не стоит счастья
Молодого сладострастья.
Лучше буду я бедна,
Но любимому верна.
……..
«В голубом эфира поле
Блещет месяц золотой».
Гондольер плывет в гондоле
С догарессой молодой.

[566] Начало стихотворения взято из неоконченных черновиков А. С. Пушкина. (*Прим. автора*.)

Михаил Казмичев

Гоцци

В темном халате, с зарею на бледных щеках,
В комнатах темных скитаться с тяжелым шандалом.
Бешенство сказок нести на печальных руках,
Нежить огромное в детском и малом.

Дикое горе романтики пало в окно
Каменным грифом, совой и виденьем полночным.
Желтой арабской хламидой оно взметено
В городе старческом, пестром, сыром и порочном.

В темном халате блуждать, и шандал тяжело
Тянет холодную и благородную руку.
Лучше не буду смотреть в расписное стекло.
Бегать по радугам, верить небесному звуку!

Гоцци!.. Ты кутался в бурю, но ты подарил
Хохот Италии, три золотых апельсина…
Ветром задуло огонь, и подсвечник остыл.
Свищут обои, и слабо звенит мандолина…

Июнь 1926 г.

Василий Каменский

Венеция (глава из поэмы «Иван Болотников»)

В зеркальных мастерских
Зеркальный блеск
Тускнее <sic> дум
Рабов – пора б
Туда,
Где волн морских
Шумящий плеск,
Туда зовет
Восставший раб.
К галерникам – туда б.
Там слышен бунт.
Венеция в тревоге.
Иль это мнится?
Шум морей?
Молчит свинцовый
Свод-горбун.
Охрана – на пороге.
И мастерские,
Как темница:
В решетках окна,
Пыль веков,
Молчанье,
Гулкий звон оков.
В жаре, раздеты
Догола́,
Рабы шлифуют зеркала,
Рабы муранского стекла.
Жара.
В горячий вечер
В горле зной
Стоит
Тупым куском:
Африканский ветер
Гонит в окна
Зной с песком.
Жара.
В венецианских зеркалах
Мельканье рабских рук, —
Вся жуть
В бесчисленных телах
Отражена вокруг
На всю Венецию

Палаццо, островов
(их более чем сто),
Сплошных каналов.
Двух сотен площадей,
Четыреста мостов.
На всю республику
Святого Марка
Папской веры,
Где ныне стало
Слишком жарко:
Торговые галеры
Объяты
Рабским бунтом
На море и в порту.
Венеция живет
И спит будто
С ножом во рту.
Мятежный дух,
Как африканский ветер,
По узким улицам домов
Снует десятый
Знойный вечер
И будоражит гладь умов.
Снует
По мастерским изделий
Мозаики, муранского стекла,
Слоновой кости,
Мрамора,
Шелков,
Свирелей,
Железа, кож, свинца.
Рычит,
Где кровь текла
Рабов,
Как слезы
Смертного конца.
Мчит
По каналам
К гондольерам,
Стучит
По тюрьмам,
По мостам,
Бежит
По трепетным
Галерам,
По всем
Обиженным
Местам,
Где только раб,

Бедняк
Иль нищий
Отрады
В бунте
Жадно ищет.
И всюду
В пестроте названий
Зачинщиков,
Кто дерзок и умен,
Несется
Имя
«Джиованни»
Среди
Волнующих
Имен.
Героями
Толпа не обеднела:
В часы восстаний,
Памятью горя,
Вспоминаются
Томазо Кампанелла
И лик Дольчино —
Сердце бунтаря.
Десятый вечер
В дрожи
Дожи,
Совет патрициев,
Суд инквизиции,
Сенат.
Папская Венеция
Потрясена!
Монахов
Яростная арка
Кишит
В негодованьи:
В республике
Святого Марка
Рабский бунт.
И кто он,
Джиованни?
Раб —
Дьявольская лапа!
Спаси, Христос!
Мадонна!
Папа!
Проклятие рабам!
Проклятие!
И всем,
Кто к ним пристал!

С мольбой монахи
Взирали на распятие.
На золотое
Изваяние Христа.
Проклятие!
В палаццо дожей ли
Не скрежетали:
– Дожили!
Неблагодарный раб!
Какой-то московит,
В Стамбуле
Купленный купцами,
На подлость
Смел и мозговит,
Затеял
Бунт с гребцами.
Чума Руси!
Взбесившийся пират!
Разбойник!
Сатана морей!
Удава сын!
Гиены брат!
Дикарь из дикарей!
Бунтарь из бунтарей!
Послать войска
Сегодня же, скорей.
Схватить всех
Рабских главарей.
Иначе бунт
Не в меру разгорится и
От клыков рабов
Первыми падут
Купцы, патриции.
Меч у виска.
Послать войска!
Рука
Инквизиции вольна —
Венеция
Еще сильна!
Memento mori!
Горе!
Дышать от бунта нечем. —
Десятый вечер
Трибунал
Рабов с галер
По тюрьмам гнал,
Пытал, казнил.
Железом жег,
Сажал

В отравленный мешок.
Memento mori!
Кольцо купцов,
Совет патрициев,
Монашество, сенат
Мстили
Бунтарям сторицею.
Венеция потрясена!
Во всех углах
Тоской
Светила броско
Мадонна-дева.
В муранских зеркалах
Кривилась роскошь
Страстью гнева:
Хотелось
В гибели рабов
Увидеть вновь
Игру каналов,
Вино
Мессинских погребов
И блеск любовных
Карнавалов.
Хотелось оргий, —
После крови
Забыться
В шелковых лучах.
Патриций зоркий.
Вскинув брови,
Победы ждал
От палача.
Не в первый раз
Рабы вскипали,
Как пена
Штормовых морей.
И те рабы
На плаху пали —
Скосила сила
Бунтарей.
Memento mori!
Силы в споре —
В смертной встрече
Двух злых врагов.
Десятый вечер
Мечет море
У венецианских берегов
Галеры в пасти,
Рвутся снасти,
Как бьются

В волнах голоса.
Галеры в куче
На зыбкой круче
Пластают
В драке паруса.
Галеры стаей,
Вдруг вырастая.
Как кони,
Лезут на дыбы.
Галеры с боем
Гремят прибоем,
И тонут с воем
Войска, рабы.
И каждый гибнет
В вихре-гимне,
И вместе —
Смешанным огулом.
По-зверски шторм
Обильный корм
Швыряет
Бешеным акулам.
Кто – где.
В воде?
Не всё ль
Одно.
Кто – где.
В беде?
Идет
На дно.
Расправы шторм
Клыки оскалил —
Дрались
Отчаянно гребцы,
И там,
Где волю лет искали,
Нашли
Мгновенные концы.
Кто – где.
В воде?
Крутая
Тьма.
Кто – где.
В беде?
Кругом
Тюрьма.
Во тьме,
В тюрьме,
В ночном ряду
Промокших тел

Горячий гул
Гудел
В бреду
Огня желаний:
– Эй, Джиованни,
Бунт не кончен.
Рабы во тьме,
В тюрьме,
На дне морском,
В земле ползком,
В клещах
Смертельной боли,
Рабы
Останутся всегда
Гребцами воли.
Эй, Джиованни!
Шторм вокруг.
Кто – где.
В беде?
Ты где,
Наш кровный друг?
Ночь тень несла,
Гондолы тень,
Да блеск весла
И зла.
Гондолы тень
В тюрьму везла
Тень черного посла.
Высок он
Был,
Когда входил
В железные врата.
Из окон пыл
Очей следил —
Что дверь не заперта,
Что страж один
У страшных врат.
И страж был
Тих и тайно рад,
Когда к нему
Тень тех очей
Припала
Для речей:
– Ты знаешь сам —
Люблю его.
И жизнь
Ему дарю.
И ты люби.
И вместе мы

Поможем
Бунтарю.
Ты знаешь сам,
Что через час
Он будет
Здесь казнен.
Он ждет меня,
Он верит в нас —
И мы его
Возьмем.
Вода черна,
Как я – верна,
Ты нашим
Счастьем будь,
И мы, как
Легкая волна,
Уйдем
В далекий путь.
Ты видишь сам —
Слепая ночь
Не зря
В крови молчала.
И мы должны
Спасти, помочь.
Гондола
У причала.
Смотри:
Под мантией я – страж.
Останусь
Я у врат.
Ты форму стража
Ему дашь —
Он выйдет
Без преград.
Иди, наш
Верный друг, молчи.
Останусь,
Чуть дыша.
Пускай
Тяжелые ключи
Хранят
Ваш каждый шаг.
Иди, скажи:
Мария тут
Дрожит,
Как гонга медь.
Когда на казнь
За ним придут,
Мы будем

Звездам петь
И плыть
В ночной тиши.
Иди. Спеши. —
И страж ушел.
Мария-Коломба
Скинула черную
Мантию прочь,
Стала каменным
Стражем у врат,
Где фонарь караулил
Тюремную ночь.
Чу! Гондола к темнице —
Плещут волны канала.
Тень за тенью таится:
Это судьи
Ползут —
Инквизиторский
Суд —
Это судьи
Идут трибунала.
Мария тяжелым ключом
Отворила железную дверцу,
Надавила холодным плечом,
Как мечом
Провела
По холодному сердцу.
Трибунал миновал —
Ушагали, шурша
Алым шелком
Палаческих мантий.
Трепетала душа —
Колебались весы
На груди бытия,
На приколотом банте.
Надеждами
Били в башне часы.
Здесь минуты —
Как счастье подарка.
Удары часов
Улетали, как голуби
С площади Марка.
Время, спаси!
Чу! Стук шагов.
Это – они!
У Марии глаза —
Золотые огни,
И сердце, как птица
В апрельские дни.

Откройся, темница!
Это – они!
– Джиованни!
– Мария! —
Два возгласа вдруг
Замерли счастьем
В сплетении рук.
Скорей же, скорей
От тюремных дверей,
От зверей.
Гондола легка.
Звезды – вместо огней
Сил горячих не жаль.
А ты, ночь, ты
Укутай плотней гондольеров
В широкую шаль.
Воля —
Жгучая власть,
Беспредельная высь,
Солнцем сыплет
Заботы иным.
И гондола неслась,
Как счастливая мысль,
По каналам,
Рабами сработанным.
– Кто тут гонит? Эй, стой! —
Орали с мостов
Караульные псы с фонарями.
Джиованни кричал:
– Видишь, стража
Походных крестов
Занята бунтарями!
От них
Некуда деться и
Некуда деть их:
Ныне в рабской Венеции
Бунтари —
Даже дети.
Пахнет бунтом
У каждых дверей.
Эй, сеньоры, нет ли у вас
Из таких главарей? —
Караульные
Лаяли в тьму:
– Их свалили,
Как рыбу, в тюрьму —
Судьи их потрошат.
У раба Джиованни,
Наверно, душа

От клещей
Пошла
К дьяволу в гости,
Где жизнь
Для рабов хороша.
Будет он
Помнить Венецию
Дожей! —
Джиованни смеялся:
– И Венеция – тоже. —
Гондола неслась.
Воля —
Жгучая власть.
Только брызги
Алмазным хвостом
Сверкали в канале
Под каждым мостом.
Молчали да гнали.
И только потом,
На разливе в порту.
Стало легче
Ретивому рту.
Иван небом,
Как хлебом, вздохнул:
– Ххо, пираты на воле,
На море! А звезды?
Как зерна посеяны в поле.
Ой, хорошо бы
Домой
Полететь
Соколом бы! —
Иван – ну
Как земля на луну —
Посмотрел на любовь,
На Марию-Коломба:
– Мария, ты – радуга,
Спасенье мое!
Вижу – ты рада.
Рад и друг Онорато.
А я уж так рад,
Как в саду виноград.
А в саду винограду
По горло полно.
Не жизнь —
Золотое вино.
Не море качает,
А сам я весь пьян:
От казни спасли вы!
Я самый

Счастливый
На свете Иван.
И светел мой след
От весла.
Я снова
Родился на свет —
Ты, Мария,
Меня принесла,
Будто мать.
Мы на воле,
На море,
Нас не догнать,
Не поймать.
Уплывем на размашку,
Как ветер в степях.
Жаль только Пашку —
Сидит он в цепях.
Ну, авось да сорвет пелену —
Бывалое дело
В татарском плену.
А я вот
В раздольи, на воле.
Мария – любовь,
И ты, друг Онорато,
Мы – в гондоле,
На вольной воде,
В красной доле.
Пора-то,
Пора!
Жизнь острей топора.
Вчера – раб под купцом,
Вчера – конь под дугой,
А теперь – молодцом:
Я родился другой
Да с мозгами но пуду.
Пропаду,
Но рабом
Никогда я не буду.
Клянусь!
Пылью неси
Меня в дали!
Ветер,
Башку мне сорви!
Волны морские,
Вы сами видали:
Девять дней мы
Пластались в крови,
Девять дней мы
Тонули гробами.

Дрались,
Помирали
С рубцами на теле, —
Мы не хотели
Жить больше рабами.
Не будем – клянусь!
Прям и ясен
Путь мой,
Думы
Волей болят:
Полетел бы домой
На родные поля.
Клянусь!
Я бы поднял
Холопскую Русь
На дыбы,
Запалил мятежом.
И у нас там – рабы,
Мужики под ножом,
И у нас от беды
Крови ало:
На Руси все
Бунтуют немало.
Эх, домой бы,
Домой сгоряча —
Не жалел бы
Крутого плеча,
Не гулял бы,
Где горе-трава,
А колол бы
Бояр на дрова.
А бояр у нас
Да патрициев с сечкой.
Как тараканов
За печкой.
Сам жил
У князя псарем,
Знаю, как жить
Под царем.
На Русь
И погоним мы
Быстрее птицы —
Скорей бы
Добраться
До русской границы.
Домой!
А дом мой,
Ой-й-й,
Палаццо!

Дворец!
Ой, штаны мои
В латцах,
Ой, еда – огурец.
Мария!
Смотри – я,
Ой, буйная волна.
Мария!
Смотри – я,
Ой, пьян я да без вина.
Ишь, она, ночь-то,
Прочно бережет.
Очи-то точно
Целуют бережок.
Ищут нам дорогу,
Счастливую для ног.
Чтоб горькую тревогу
Берег скрыть помог.
Авось, да не догонит
Камень из праща.
Морские гривы-кони,
Галеры, порт,
Прощай.
Пришел рабу
Конец, и я
Уйду
В приволье дней.
Прощай,
Страна Венеция —
Тюрьма
Слепых огней.
Прощай. —
И ночь
В густую шаль тепла
Окутала троих,
Дорогой
Тайной повела
Легко и мудро их.
И ночь
Им стала дня ярчей.
Сердца – остры мечи.
И небо
Звездами очей
Бросало им лучи.
Жизнь на мечах!
Мчи!
На рабских плечах
Палачи.
Жизнь, мчи.

Федор Касаткин-Ростовский

Звезда лагун

Сцена-монолог в I действии в стихах
(по сюжету Ю. Д. Беляева)

Василию Пантелеймоновичу
ДАЛМАТОВУ
посвящаю этот этюд,
написанный по его просьбе.
Автор

(«Лагуны» посреди моря около Венеции. Вдали освещенный огнями город. На авансцене на сваях среди воды часовня-капличка со статуей Богоматери. Ночь, луна. Вдали шум карнавала. Слева показывается гондола, на ней без парика с безумными глазами актер, старый и усталый, схватывает руками статую и полубезумно шепчет.)

Из толпы, что безумна в часы карнавала,
Из толпы полумасок шутов и плащей
Я пришел помолиться к Тебе, как бывало,
Как когда-то средь детства умчавшихся дней.
Я бежал от веселья безумного чада,
Поцелуев, ругательств и песен вдали
В твою тишь, где нисходит нам в душу отрада,
Чтоб забыться в молитве от горя земли…
Там, Мадонна… Далеко… Блистая огнями,
Средь Венеции нынче шумит карнавал,
Здесь спокойное море плескает волнами,
И сюда от людей я к тебе прибежал!
Я актер, о, Мадонна! Меня освистали
Средь театра сейчас… О! какой то был срам!
Я бежал из театра… Подвязки упали,
И парик где-то верно оставил я там!
Как смеялась толпа!.. Какой ужас, Святая!
Я бежал от людей, жребий грустный кляня,
А один негодяй ударял, догоняя,
С злобным смехом и свистом хлопушкой меня.
Сам не знаю, куда я бежал… А за мною
Разда<ва>лись насмешки и крики вдали.
В челн рыбачий я прыгнул, томимый тоскою,
И к тебе меня волны во тьме принесли.
Утомленный от криков и дикой погони,
Головою усталой к тебе я приник…

– Меня сделал, Мадонна, актером – Гольдони,
Я Гольдони великого был ученик!
Он был другом отца… Помню, в детстве, бывало, —
О, Мадонны!.. Рассказ этот ты мне прости, —
Говорил он: «Джованни… Темно уже стало,
Из „Обманщика“ ты монолог мне прочти».
Я читал перед ним… Нежным ласковым взором
Он глядел мне в глаза, улыбаясь порой.
Умер скоро отец… Я потом стал актером.
В то тяжелое время… вечерней порой
Часто ездил к тебе я молиться, Мадонна.
Научила молиться тебе – моя мать.
Ты слыхала молитвы, Святая… Но стона
И мой ропот тогда не могла ты слыхать!
Я ребенком тебе поверял все печали,
И теперь я души приношу тебе боль —
Мне уже пятьдесят… А меня освистали,
И ты знаешь, за что… Я забыл свою роль!
Я сегодня играл, и толпа мне внимала.
Я играл всей душою и сердцем, как мог,
А сквозь стены, ласкающий гул карнавала
Мой знакомый, порой, прерывал монолог.
И читая… я слушал… Средь сцен и явлений
Вспоминался другой карнавал мне тогда.
Тридцать лет пролетело… Но счастья видений
Не забыть мне, Мадонна, с тех пор никогда.
Помнишь ты Коломбину… она проплывала
Здесь, в те чудные дни, раз, в гондоле со мной,
И тебе поцелуй, улыбаясь, послала,
И цветы тебе бросила нежной рукой.
О, Мадонна… Как счастливы были мы вместе,
Сколько было лишений и радости дней…
Она скоро ушла… И пропала без вести.
Но сегодня… Зачем-то я вспомнил о ней!
Говорят, один старый развратник богатый
Захотел Коломбину мою соблазнить.
Долго я убивался… тоскою объятый,
Бросил сцену… И даже, Мадонна, стал пить!
После в жалкой таверне, терпя испытанья,
Песни те, что я слышал, как пела мне мать,
Чтоб сыскать себе угол… лишь для пропитанья,
Для насущного хлеба я стал распевать!..
Мне судьба улыбнулась в таверне не скоро.
Там унылые дни мои грустно текли,
Пока раз не зашли два знакомых актера
И меня из таверны в театр увели!..
Знаешь, что представляли в тот вечер забытый!
Шел «Обманщик» Гольдони… И я услыхал
Те слова, что когда-то маэстро великий

Меня часто ребенком читать заставлял…
Как я плакал в тот вечер!.. И слезы о прошлом
И теперь мой туманят измученный взор.

(Плачет, утирая глаза.)

Снова стал я актером… И честным, не пошлым,
Хоть и был я плохой и отсталый актер!
Вот меня освистали… Мадонна Святая,
Успокой мое сердце… Ослаб я… Устал,
Но уйти из театра нет силы… Играя,
Я всю жизнь ему душу свою отдавал…
Вспомнил я Коломбину сегодня, невольно,
Как прекрасна была и нежна, и стройна,
Как звенел ее голос и смех своевольный,
Как в театре играла порою она!
Помнишь… раз в сцене смерти как всех испугала
Она верной, естественной, чудной игрой.
Нет, с тех пор, как моя Коломбина пропала,
Нет в Венеции больше актрисы такой.
О, Мадонна… театр без актрисы прекрасной
Существо без души, что наверно умрет.
Я молюсь тебе в вечер безоблачно-ясный:
Пусть в Венецию снова актриса придет.
Оглянись ты на город… залитый огнями,
Как красив он… Своей красотой он зовет.
Видишь, лодки скользят по каналам рядами,
Слушай, голос невидимый где-то поет.

(Песня вдали.)

Море гладью безмятежной
Нас зовет в лазури даль,
О любви моей мятежной
Говорит моя печаль.

Звезды в небе, звезды в море,
Льет луна свой яркий свет…
В волн таинственном просторе
Жду тебя плащом одет.

Нежной страстию волнуем,
Жду тебя один в тиши;
О, скорее поцелуем
Муки сердца заглуши!..

Я спою тебе о воле.
Голос мой зовет любя:
У Saint-Marco на гондоле

Ожидаю я тебя.

Карнавал покинь ты шумный,
Жду тебя с тоской в груди.
Я люблю… люблю безумно.
Жду тебя я… Приходи.

(Голос замолкает вдали.)

О, Мадонна… Ты слышишь тот голос безвестный,
Ведь напевы те к счастью и ласкам зовут.
Здесь родятся под песнь, умирают под песню,
Жизнь прекрасна Венецьи… и все здесь поют…
А какие театры… Ты там… не бывала?
Боже… грешные мысли мутятся мои.
Ты, Мадонна… молитву мою ты слыхала,
Дай же нам Коломбину… Актрису пошли…
Дай актрису ты нам, чтоб от сердца смеялась,
Чтоб на сцене театра могла умирать,
Я молю… Ты одна мне надеждой осталась,
Я к тебе прибежал, как в дни детства, опять…
Ты одна, как и я… Ведь меня освистали…
Здесь у ног твоих море дробится в тиши.
Ты ведь любишь людей! Тебе ясны печали
И страданья измученной жизнью души…

(Рыдая в экстазе полубезумья.)

Ты ведь знаешь страданья, как знают их только актеры.
О, Мадонна, пойдем же со мною скорее, пойдем!
Мы наполним слезами беспечно-веселые взоры,
А тому, кто страдал, утешенье с собой принесем.
Дай актрису ты нам… В деревнях, городах и на поле
Мы покажем всем людям, как надо любить и страдать.
Боже, что говорю я… Родятся слова против воли.
О, пошли нам актрису, Мадонна… Пошли нам актрису опять.
Пусть нежна и прекрасна, порою с улыбкою страстной
Она будет ревниво-задумчива в темные дни,
Как Венеция наша… С душою и нежной и ясной,
Как тот город, где нынче лишь серые камни одни…
Пусть темны и тихи, точно спящие ночью лагуны,
Будут очи актрисы, сокрыты ресниц полосой,
А чарующий смех пусть души задевает все струны,
Точно ласточки песня, что будит нас чудной весной…
Дай ты нам Коломбину… Ужели не слышишь ты стона?
Вся душа совместилась в безумной молитве одной:
Дай актрису ты нам… Стань для нас Коломбиной, Мадонна.
В мир бездушный и злобный уйду я без страха с тобой.
Ты молчишь, о, Мадонна… Взгляни, уже солнце восходит,

Там на лодке вдали показались уже рыбаки.
Неужели ж с молитвой моею к тебе не доходит
Вопль безумный актера… вопль полный любви и тоски…

(Совершенно безумный.)

Среди грешного мира, что дремлет средь мук и лишенья,
Твой талант засверкает, как тихой лагуны звезда,
Я пойду за тобой… И я верю, ты слышишь моленья,
Ты вновь явишься в мир… Коломбиной моей, как тогда!

(Бросается в море.)

Борис Каховский

Венеция

Молчит Венеция сурово,
Ответа не дает она;
Ей чуждо все, что в жизни ново:
Она в былое влюблена.
Что ей до наших идеалов,
Сердечных грез и нежных слов…
Она на зеркале каналов
Качает отблески дворцов.

Софья Киндякова

«Черны, как ночь, на землю пали тени…»

Черны, как ночь, на землю пали тени,
Что бросил свет колдующей луны,
И мрамором одетые ступени
В густую тьму уже погружены.

И волны тихо край их омывают…
Трепещет зыбью дремлющий канал,
Улыбку звезд приветно отражает
В немом дворце паркет пустынных зал.

Решетки окон в кружеве ажура
Минувших жизней повести хранят.
Спит кипарис… И, грезя, льет датура
Из чаши белой благовонный яд.

Скользит в саду полотен Тициана
Знакомый образ – в локонах лицо,
И у перил, при лепете фонтана
Гондолу ждет зацветшее кольцо.

Сквозит резьба на стрельчатом балконе,
Тяжелой страстью дышит старый лавр,
И чудится, навстречу Дездемоне
Спешит любовью опьяненный мавр.

Венеция, ты спишь на водном ложе,
Ползут века, меняются пути,
Но шепчет Вздохов Мост, Палаццо Дожей
Про львиный зев Совета Десяти;

Про догаресс, пиры и договоры,
Колоколов лепантских гордый звон,
И про небес лазурнейшие взоры
В жемчуг и яхонт убранных мадонн.

И вечная канцона гондольера,
Времен сразив завистливый черед,
Про forza dell’ amore, dell’ altiera,
До наших дней восторженно поет.

В гондоле

Тебе, Венеция, жемчужина морей,
Я шлю привет мой тихий запоздалый…
Прими его, как стон души моей,
Души измученной, и скорбной, и усталой.
О, как ты хороша! Волшебный, странный сон
Истомой сладостной мое чело объемлет.
В прозрачном сумраке, в тиши, со всех сторон
Громада пышная дворцов зубчатых дремлет,
И негой дышет ночь… Недвижная луна
Лагуны спящие спокойно озаряет,
Чуть веет ветерок, и зыбкая волна
Лучом серебряным капризно колыхает.
На темном бархате канала свежих вод
Бесшумна и легка скользит моя гондола.
Rialto белого прохладный, мшистый свод
Играет звуками чуть слышной баркаролы,
И длинного весла ей вторит влажный всплеск,
Палаццо старого обросшие ступени,
Свидетели времен, когда роскошный блеск
Былых патрициев не знал досадной тени,
Манят взойти опять на звонкий мрамор плит.
Узорных фонарей цветное отраженье
На лоне призрачном причудливо дрожит,
И цепью тянется в бессчетном повтореньи…
Все замерло вокруг, все тонет в ясном мире —
И слышится вдали: «Vorrei merire…»

Семен Кирсанов

Дорога в Венецию

Мы пять часов спускались с Альп.
Вид из гранита вылит.
Давал туннель за залпом залп
вагонами навылет.

За нами следом шла метель,
и голубой, как глобус,
пейзаж отелями летел
и провожал автобус.

Пейзаж рекламой убеждал:
пить воду Пелегрино!
Но путь в Венецию не ждал,
он несся по долинам.

Он несся к Золотому Льву,
к лагуне синесонной,
сквозь буквы надписей «Belvue»
на стенах пансионов.

И каждый дом стоял сквозной
от трехметровых стекол,
желтел налаченной сосной,
поставленной на цоколь.

С плющом, заползшим под карниз,
на стенах белоголых,
а между штор – сюрреализм
столов и кресел в холлах.

И все ж Италия бедна —
ей не хватает лака —
вдруг поворачивается стена
кирпичного барака

и обнаруживает гниль
стропил и старых балок,
где быт, как сваленный утиль,
так безнадежно жалок.

Здесь голь и нищь живет одна,
ни галстуков, ни глянца,

одна лишь запонка видна
на горле итальянца.

Жена – за варкой макарон,
но и в семье рабочей
пригодны кудри для корон
и не глаза, а очи!

Потом с холстами старых зал
сопоставляя это,
я вспомнил тех, кого писал
с натуры Тинторетто…

Автобус, здесь остановись.
Во мне возник прозаик.
Вторгаться я обязан в жизнь,
она важней мозаик!

Но строг маршрут, и мы должны
принять культуры порцию,
взирать на древние ножны,
на Цезаря, на Порцию,

спешить к гостинице в обед,
смотреть сквозь окна влажные
на отдалившийся хребет,
на чудеса пейзажные.

Пейзаж равнинней и ровней,
и, как удар по струнам,
под нами мост и в стороне —
дуга воды —
лагуна!

Большой канал

И вот к гондолам нас ведут,
лагуною обглоданным.
Гондолы называют тут
по-итальянски – «го́ндолы».
Мы сели в го́ндолу, и вот
толчок, – и по инерции
навстречу с двух сторон плывет
Большой Канал Венеции.
Вздымает вверх скрипичный гриф
ладья резного дерева,
держусь за бронзу львиных грив —

беда для сердца нервного.
Наклонно гондольер стоит —
артист своей профессии!
Не декорации ль свои
театры здесь развесили?
Плывет галерка мимо нас
в три яруса и ложи.
Как зал театра, накренясь,
плывет Палаццо Дожей.
Все задники известных пьес —
и Гоцци, и Гольдони —
мы, проплывая, видим здесь,
качаясь на гондóле.
На этих пьесах я бывал
как друг одной актрисы…
Вплываем в боковой канал,
как ходят за кулисы.
А между двух старинных стен
объедки, в кучу смятые,
на них торжественная тень
какой-то дивной статуи.
Затем ступеньки лижет плеск,
и пристань волны облили, —
сюда бы шляпы, бархат, блеск
в глазах надменных нобилей.
Но там – в беретах пареньки,
бровасты и румяны,
стоят, засунув кулаки
в бездонные карманы.
Они их вынули, когда б
подобралась работа —
кули таскать бы на корабль,
сгружать товары с борта.
И вдруг, когда мы рядом шли,
к стене почти прижатые,
причину пареньки нашли,
чтоб вынуть руки сжатые.
И мы увидели салют,
известный всем рабочим,
а дальше
новые встают
палаццо, между прочим.

«Флориан»

Мир голубей покрыл квадрат
камней Святого Марка.

Брожу я с самого утра
от арок к новым аркам.

И вот кофейня «Флориан»,
и вспомнить ты успеешь,
что здесь садился на диван
синьор Адам Мицкевич

смотреть на разноцветный грим
и ленты карнавала…
Чего ж, о польский пилигрим,
тебе недоставало?

Недоставало с вышины
холмов – смотреть на села?
Недоставало тишины
далекого костела?

Хоть тут и небо голубей
и в лавках звон богатства,
хотелось этих голубей
послать на Старе Място…

Рука поэта оперлась
на темно-красный бархат.
Вокруг Венеция неслась
на карнавальных барках.

Помпоны, длинные носы,
арлекинады краски
и фантастической красы
ресницы из-под маски.

Но вспоминает он корчму,
где, по цимбалам грянув,
мой прадед раскрывал ему
страну Ядвиг и Янов,

где ураганный этот звон
остался жить в «Тадеуше»,
и потому не смотрит он
на чернокудрых девушек,

на золотого, в звездах Льва,
и в бархатной неволе
он шепчет про себя слова
тоски, обиды, боли.

Рассвет в Венеции

Я в шесть часов утра
шел утренней Венецией.
Еще туман устлал
серебряный венец ее.

И кампанилы стан
тянулся в небо млечное,
одел ее туман,
как платье подвенечное.

Из сводчатых ворот
по уличке <sic> Спаддариа
шел заспанный народ
в серебряное марево.

Шел, думая про стол,
шел с брюками <sic> опухшими,
вперед, не глядя, шел,
шел с головой опущенной.

Шел, ящики неся
в тратторию, к хозяину,
шел, зная, спать нельзя,
и не заснуть нельзя ему.

На солнечных часах
еще и тени не было,
и сырость, как роса,
закрыться шарфом требовала.

Ночные дамы шли,
с недосыпа осипшие,
металл незвонких лир
в свои карманы ссыпавши.

Шла бедность, шла нужда
на полдороге к голоду,
которой не нужда
экскурсия по городу.

А с каменных перил
смотрели птичьи головы,
то в пух своих перин,
уткнувшись, спали голуби.

На них садился снег,
как пух, еще не узнанный,
являлись к ним во сне
кулечки кукурузные[567].

Все это в стороне
я вижу из тумана.
Вставать в чужой стране
рекомендую – рано.

Флаги

Венеция, красив твой флаг,
где Лев на синем поле!

У стен со львами на углах
я двигаюсь в гондоле.

Канал или ладья сама
мой разум укачала,
но мне причудилось: дома
привязаны к причалам.

И эти – рядом, на мели,
дворцовые громады —
в действительности корабли
таинственной армады.

Чья тень мелькнула на носу?
Кто искру в воду бросил?
А окна круглые внизу —
что, разве не для весел?

Но из бойниц наискоски
протянуты не пушки —
здесь на древке висят носки
и простыни для сушки,
гирлянды мокрого белья,
трусов, сорочек разных,
от корабля до корабля
развешаны, как в праздник.

И лепкой дивною богат
дворец над гнутым мостом —
стоит, как парусный фрегат

[567] На площади св. Марии <sic! вероятно, Марка> продают кулечки с кукурузой для голубей. (*Прим. автора.*)

надутых ветром простынь!

Но вот блеснула и рука,
нет, ручка, из оконца,
флажок батистовый платка
повесила на солнце.

И я увидел вензель «R»,
исполненный умело.
О, все понятно мне теперь:
он вышит для Ромео!

Я разгадал дворцовый быт,
проник в секрет фамильный —
в палаццо этом бак кипит
с водой и пеной мыльной.

И там спиною к площадям
с туманного рассвета
стирает, ручек не щадя,
на всю семью Джульетта.

Я ей желаю всяких благ,
плывя в своей гондоле,
пока на солнечных часах
спит Лев на синем поле.

Палаццо Дожей

В Палаццо Дожей входим мы.
Но я осмыслил позже,
что значит эта фраза: «Мы
вошли в Палаццо Дожей».

А это – в живопись войти,
где вздыбленные кони,
поверить в старые холсты
с Венецией на троне;

поверить в утреннюю синь,
в корабль под парусами
и в женщин с лицами богинь
и с рыбьими хвостами;

поверить в бронзовых рабов
перед узорной дверцей;
поверить в грозную любовь

с кинжалом возле сердца;

в Мост вздохов, в горестную дрожь
в предсмертном коридоре,
и в перстень, что бросает дож
в сверкающее море.

Узнав дельфина по хребту,
когда ладьи трясутся,
суметь поверить, что Нептун
трясет своим трезубцем;

поверить в умиленный взгляд
Мадонны на младенца,
в волхвов молящихся, в козлят,
упавших на коленца;

поверить в воинов, что тут
стоят в сплошном железе,
но верить не в господень суд,
а в гений Веронезе.

И не в тюремный сумрак дел,
рассказанных о дожах,
а в то поверить, что сумел
вообразить художник.

И в нашу сказку о Садко,
и в гофмановы сказки,
во все поверить здесь легко!
Так убеждают краски.

Долгий дождь

Дождь идет, дождь идет.
Молодую догарессу
старый дож ведет.
Через душную Одессу,
полумертвый порт,
молодую догарессу
старый дож ведет.

Через дымную завесу
(где разбитый дот)
в тыл, к расстрелянному лесу,
мокрый Додж идет,
парень держит пулемет,

дождь идет, дорога к лесу.
Молодую догарессу
старый дож ведет.

Он прижал к лицу ладони,
мокрые от слез.
Донна Лючия – в короне
солнечных волос!
По разбитым бомбой рельсам
Пулковских высот
в гимнастерке догаресса
через дождь идет.

Боже, свадебное ложе
тот же эшафот!
Додж идет. В Палаццо Дожей
хлещет пулемет.
Парни в вымокшей одеже
Додж ведут на дот.
В золотой собор на мессу
молодую догарессу
старый дож ведет.

Это с ними или с нами
долгий дождь идет,
беспорядочными снами
войн и непогод,
с Моста Вздохов по дороге,
оскользясь об лед,
поседевший, одинокий,
старый дож идет.

1972 г.

Александр Китаев

Отъезд в Венецию

Александр Китаев! Вы
В золотой Венеции
О величии Невы
Прочитайте лекции,

И под легкою фатой
Итальянку с веером
Очаруйте красотой —
Грустным снежным севером!

Очаруйте санками!
И с венецианками
Приезжайте вы
К берегам Невы!

2 апреля 1914 г.

Дмитрий Кобяков

«Фонарных решеток узоры на стенах…»

Фонарных решеток узоры на стенах
Пестрят закоптелые своды таверн,
И красны блестящие камни ступенек,
Ведущие к устью канала Марен.

Упругие ряби живого агата
Податливо брыжжут под черным веслом.
«В таверну, в таверну! Сегодня богатым
И щедрым, signori, я буду послом!»

Спешащая тень остроносой гондолы
Мелькает на зелени мокнувших стен,
И капает гулко сочащийся холод —
Замерзшая кровь обессилевших вен.

На черной воде окровавленный кокон —
Краснеет, как сгусток крови, полоса, —
И светят гондоле из огненных окон
Таверны раскрытой ночные глаза.

Борис Ковынев

Песня гондольера [568]

Синьорита подзывает гондольера
И тихонько говорит ему во тьму:
– Гондольер,
Я полюбила кавалера.
Отвези меня немедленно к нему.

И ответил гондольер:
– Чего же проще!
Вот гондола,
Вот гитара,
Вот луна! —
Задремали апельсиновые рощи.
Над Венецией простерлась тишина.

Синьорита отодвинула портьеру.
Показалось ей, что близится гроза.
И случайно заглянула гондольеру
В молодые и влюбленные глаза.

Страсть и ревность бушевали в них открыто.
Так не любит даже страстный кавалер.
И сказала гондольеру синьорита:
– Я люблю тебя, прекрасный гондольер.

И ответил гондольер:
– Чего же проще!
Вот гондола,
Вот гитара,
Вот луна! —
Задремали апельсиновые рощи.
Над Венецией простерлась тишина.

1942 г.

[568] Интермедия к спектаклю «Слуга двух господ» в постановке Театра имени Вахтангова в 1942 году. (*Прим. автора.*)

Сергей Козеко

Венеция

Все спит в лазури голубой…
Венеция, ты вся передо мной:
Вот дожей древних дивный дом,
За ним собор Святого Марка
И башни в небе голубом,
И мрамор, блещущий так ярко!
Гондолы мрачные скользят
И плеском тихим говорят:
О славе дней минувших,
О жизни замерших дворцов,
Теперь в тиши уснувших!
Все тихо… лишь напев гребцов
Молчанье нарушает,
Да звон от башенных часов
Далеко где-то замирает…

Венеция, 1912 г.

Венеция

Над Венецией тихо всплывает луна,
Серебря неподвижные воды, —
Не плещет по мраморам больше волна
И замерли грустные своды!
Над Марком святым в вышине голубой,
Вдохновенный Апостол сияет;
Облитый поднявшейся в небе луной,
Он храм красотою венчает!
Нельзя оторваться от этих картин,
Мозаик чарующих очи;
Часами готов я стоять здесь один
В этой сказочно блещущей ночи!

Венеция, 1912 г.

Лидия Кологривова

«Под тихий плеск каналов…»

Под тихий плеск каналов
В величии немом
Венеция заснула,
Спит непробудным сном.
Дворцы глядят угрюмо,
Средь мрачной тишины,
О временах минувших
Порой им снятся сны.
Победы слышны клики
И лязг цепей и стон,
И пенье стройных лютней
И кубков полных звон.
В застенке пыток муки
И черный Трибунал,
Цветы, гондолы, маски,
Веселый Карнавал,
На старом Буцентавре,
В кругу своих вельмож,
Кольцо бросает в море,
С ним обручаясь, Дож.
На лестнице Гигантов
Раздался вопль и плач,
Стоит над черной плахой
С секирою палач,
На белые ступени
Кровь хлынула волной,
И голову седую
Подъемлет он рукой:
«Смотрите! вот изменник
Фальеро!» Кличет он.
«Венецию он предал
И был за то казнен!»
Вот колокола звуки
С Сан-Марко потекли,
То Мавров показались
На море корабли.
Республика к защите
Набатом всех зовет;
Галера за галерой
Под знаком Льва плывет.
Кругом краснеют волны,
Потоком льется кровь,

Враги то отступают,
То подплывают вновь.
«Венеция! Сан-Марко!»
Несется славный клич,
Неверным над Царицей
Победы не достичь!
Сильна ее держава
Владычицы морей,
Ни Генуа <sic>, ни Турки
Не могут спорить с ней.
Бег времени стремится
Вперед, движенья полн
Венеция уснула
Под шум зеленых волн.
Молчат дворцы немые,
Нет в гавани галер,
И будит тишь каналов
Лишь песней гондольер.
Да гордо возвышаясь,
Сан-Марко все стоит,
И в море зорким оком
По-прежнему глядит.

Венеция

1.

Город чудный, город странный
Спит до утренней зари,
Тут и там во мгле туманной
Чуть мерцают фонари.
Всюду говор смолк веселый,
Тишь сменила шум дневной,
Дремлют чудные гондолы,
Словно птицы над волной.
И стоят, как привиденья,
Дней минувших мертвецы,
Чуть белея в отдаленье,
Над каналами дворцы.
Я гляжу на них, и, мнится,
Оживает тишина,
Будто прошлое мне снится,
Ночь виденьями полна.
Слышен тихий скрип балкона,
Шелест… шепот над водой —
Это с Мавром Дездемона
Снова шепчет в час ночной.

Вот, как луч мелькая лунный,
Тень неясная встает,
И аккорд доносит струнный
Ветра легкого полет.
Крик ревнивый, всплеск канала,
Всколыхнулася волна,
И, замолкнув, застонала
Прозвеневшая струна.
И опять передо мною,
И безлюдна и мертва,
Спит, окутанная мглою,
Адриатики вдова.

2.

От былых побед усталый,
Словно присмирев,
Смотрит в мутные каналы
Окрыленный лев.
Он своей блестящей славы
Время пережил,
Не вернуть былой забавы
И угасших сил.
Уж ему набегом боле
Не грозит сосед,
Нет врагов на бранном поле,
Но и нет побед.
И застыл он бесполезный,
Тихой грусти полн,
Опустив свой взгляд железный
В глубь зеленых волн.

Василий Комаровский

Je montai l'escalier d'un pas lourd et pesant.
Théophile Gautier

«Пылают лестницы и мраморы нагреты…»

Пылают лестницы и мраморы нагреты,
Но в церковь и дворец иди, где Тинторетты
С багровым золотом мешают желтый лак
И сизым ладаном напитан полумрак.
Там в нише расцвела хрустальная долина
И с книгой, на скале, Мария Магдалина.
Лучи Спасителя и стол стеклянных блюд.
Несут белеющее тело, ждет верблюд:
Разрушила гроза последнюю преграду,
Язычники бегут от бури в колоннаду
И блеск магический небесного огня
Зияет в воздухе насыщенного дня.

1912 г.

Мария Комиссарова

Венеция

Чем меня Венеция встречала?
Плеском волн
И взмахами весла.
На волнах как на руках качала,
И по узким улочкам вела,
И по переулочкам, как щели…
Чем еще? —
Улыбками друзей,
Что сказать по-русски не умели
Те слова, что мне всего нужней.

А еще она меня встречала
Праздничной, как сказка, пестротой,
Алый парус в море высылала,
Возводила купол золотой,
Раскрывала книгу доброй славы,
Где что ни страница —
Чудеса.
Лев шагал навстречу златоглавый,
Разбудив столетий голоса.

Всю тебя
С твоею далью дальней,
Поселю я в памяти своей:
Все огни гондол твоих печальных,
Все рукопожатия друзей,
Все созвучья линий,
Тени,
Света,
Красок, что не встретятся нигде —
Всё, что ты явила на рассвете,
Как в волшебном зеркале,
В воде.

1962 г.

Александр Кондратьев

Венеция (из путевого альбома)

Воды канала светло-зеленые
В сладкой истоме и лени
Нежно целуют, словно влюбленные,
Старых палаццо ступени.

Солнце… Гондолы скользят, как видения.
Струйки беззвучные блещут.
Темных, старинных дворцов отражения
В зеркале светлом трепещут…

Наталья Кончаловская

Стеклодувы в Мурано

Он резал стекло, этот мастер,
как тесто иль глину,
расплавленный, огненный шар
превращая в кувшин.
Пунцовые змейки-обрезки
ложились у ног, извиваясь,
тускнея, меняя цвета
и в стеклянный грильяж превращаясь.
А мы, обступив стеклодува,
за ним наблюдали,
немым восхищеньем его мастерство одобряя.
И несколько пар
недоверчивых глаз наблюдали
за каждым движением нашим,
за каждым подарком,
что мы привезли из России
муранским рабочим – потомкам
великих искусников в деле стекольном.
Потомкам умельцев, артистов,
что знали секрет, – их за это
хозяин Мурано приковывал
цепью навечно…
А ныне потомки умельцев, украдкой,
для русских туристов
отлили конька.
И глядели мы все в удивленье,
как мастер щипцами вытягивал
красные ножки лошадке,
и хвост закрутил ей игриво,
и гриву, и ушки у ней на макушке
поставил торчком…
Лошадка остыла. Из красной
она превратилась в прозрачную,
бледную, хрупкую – вся на ладони!..
Но в этой игрушке стеклянной
остались дыханье и отблеск
священного пламени дружбы,
что сплавит любые породы,
как пламя печей стеклодувных.

Пьяцетта

На площади Сан Марко белый лев,
взобравшись на колонну, озирает
лазурь лагуны, зыблющейся вечно,
и черные, печальные, как скрипки,
гондолы у расцвеченных шестов.
И каменное кружево палаццо,
и бусами увешанных торговцев,
и мост, изогнутый над водяным проулком,
и онемевших в изумленье – нас.

Пьяцетта – площадь – зал без потолка.
И в зале том сокровище хранится —
оправленная в золото мозаика,
Венеции и Византии чудо —
собор святого Марка.
А вокруг живет народ.
Шаги по плитам гулки,
и смех, и быстрый говор итальянцев,
и жесты, подкрепляющие речь.
Стоят красиво, движутся красиво,
красивы жесты, голоса и лица.
И голуби на площади Сан Марко
шныряют меж людьми, выпрашивая зерен.

За полдень час восьмой.
На розовой, на стройной Кампанилле
ударил колокол. И, крыльями шурша
взметнулись голуби на крыши,
в ниши и завитки колонн.
А белый голубь,
взлетев, уселся вдруг
над пастью льва, с торчащими усами.
Спокойно чистить перышки он стал,
доверив символ мира – льву из камня.

Лестница Гигантов

Вошли во двор Палаццо Дожей,
к подножью Лестницы Гигантов.
Задрали головы – глядим
на двух античных обнаженных,
что вход в палаццо стерегут.

А под палаццо тыщу лет
вода лагуны плещет в сваи
и голубым смеется смехом,
резьбу на камне отразив,
в рябой улыбке исказив.
Там, под палаццо, были тюрьмы,
где заключенные сгнивали
в мохнатой плесени и слизи
холодных, каменных мешков.

А над палаццо тыщу лет
трепещет голубая дымка,
и сквозь нее, беспечно, дерзко
в свинцовой крыше отражаясь,
смеется солнце в ясный день.
Под крышей тоже были тюрьмы,
те тюрьмы назывались – «пьомби»[569].
Свинцовой крышей раскаленной,
что день и ночь не остывали,
сжигали в пьомби заключенных,
им солнце распаляло мозг.
А в середине жили дожи —
зимой – в тепле, а прохладе – летом:
любуясь живописью дивной,
ступая по коврам бесценным,
из окон глядя на лагуну
и слушая лазурный смех.
Вернемся к лестнице.
Когда-то на этой мраморной площадке,
меж мраморных гигантов стоя,
избранники венчались – дожи,
республике венецианской
давая верности обет.
Потом спускались вниз, к лагуне,
чтоб в голубые волны бросить
в честь обручения с царицей —
с Венецией – свое кольцо.
Ей все они служили верно.
С почетом их изображенья
венецианки помещали
под потолком, в парадном зале
Палаццо Дожей – там они.
И лишь один из тех портретов
завешен пыльной тканью черной.
То изменивший дож Фальеро.

Давно забылась бы измена

[569] *Пьомби* – свинец. (*Прим. автора*.)

и распылилась бы в веках,
когда б не черная завеса.
Зловеще всем напоминает
она, что Марино Фальеро
один из всей плеяды дожей
попрал закон республиканцев,
сам посягнувши на престол…

Он был за это обезглавлен
на белой мраморной площадке,
меж двух гигантов обнаженных,
где венчан был тиарой дожа.
И голова его седая,
обрызгав мрамор темной кровью,
кружась, катилась по ступеням
и, мертвый взгляд уставя в небо,
легла на каменные плиты
сюда… Где мы стоим сейчас…

Юрий Кос

Венеция

М. И. Травчетову

Как сладко вспоминать в безжизненных стенах,
В объятьях скучного, немого заключенья,
Венеция, твой пышный, твой волшебный прах,
Твои дворцы, напевы и волненья;
Вновь унестись к тебе скорбящею мечтой,
Вновь чувствовать тебя так близко пред собою,
Быть полоненным вновь твоею красотой
И с нею слиться грустною душою.
Вот ночь, благая ночь так тихо низошла;
Дворцы загадочны; как призраки гондолы;
Безмолвен легкий всплеск послушного весла;
Волшебны звуки дальней баркаролы…
И замолчала песнь… и снова тишина…
На безграничном небе звездное свеченье;
В водах струящихся колеблется луна
И фонарей змеятся отраженья…
Прекрасный, чудный миг! Загадочен, как сон,
Его живой восторг, святой и углубленный,
И кажется, что я случайно занесен
В надзвездный мир, в эфире затаенный.
Ни злобы, ни вражды. На сердце, как весной
Проснулись и цветут мечтательные розы, —
И тает, как мираж неволя предо мной
В живых волнах зовущей душу грезы.

Александра Костомарова

Путешествие в Венецию в 1895 г

Стихает вечер ясный.
Мелких сосен ряд
Давно узором путь каймят,
И желтенький песок прекрасный
Не даром мимо промелькнет,
То детских игр милый гнет.
Вот на полях маис растет,
И солнце жаркое печет.
Но не тревожь того, что было.
За днями многое уплыло,
Или оставило свой след,
Который скажет Божий Свет.
На дне морском амуры пляшут.
Ах! что-то волны нам расскажут.
Они нас в город привезли,
Потом в костюмчик облекли
Для погружения в теплом море,
Где босиком гуляют на просторе.
Под солнцем юга дивный сад
Шлет благовонный аромат.
Искусство здесь нашло приют:
Скульптура, живопись вас ждут.
Но звуки музыки нежней
Передают нам южных мир страстей.
Мандолины звук блестящий,
Голос душевно-простой,
Все – как гимн настоящий
Души непритворно живой.
Оттенки желаний земных
Найдут выразителей в них.

Догаресса

И красива, и слышна
В сердце каждая струна.
Убаюкана волной,
Звезд не чует над собой,
Мы в Божественном плену,
Где любовь всегда живет.
Все знакомо лишь Ему.

Посторонний не поймет,
Так любви предел не нам
Полагать, стремясь к мечтам.

Старый дож с своей женой
Едут мирно; над волной
Тихо гондола скользит,
Открывая чудный вид
На дворцы и на мосты,
На прибрежные сады.

Догаресса – молода
И красива, и стройна.
Щеки матово-бледны.
Брови тонко сведены.
Очи весело глядят
И таинственно манят.
Взгляд спокойный их, как сталь,
Знает страсти пылкой даль.
Губы тонки и одни
Вашу страсть могли вспугнуть
Или ласкою вернуть
Восхитительные дни.

Константин Краевский

В Венеции

Гаснут в море последние отблески дня,
засыпают-мечтают лагуны —
и рождается грусть. Колебаясь, звеня,
робко плачут далекие струны.

Мы плывем, мы плывем в находящую ночь,
в глубину, где сполохи заката
спорят с зыбкой волной, что сбегает к ним прочь,
пенным блеском прибоя объята.

Гаснет в море последний закатный пожар,
загораются звезды – лампады
и слышнее, слышнее напевы гитар
и смелее мотив серенады.

Выплыл месяц, в безоблачном небе повис,
над огнями далекого мола,
глубже в волны уходит «пьяцетты» карниз.
Колыхается сонно гондола.

Пусть чутка тишина, – любопытна волна.
Взгляд чужой на себе не лови —
гондольеру скучна и любовь и луна.
Ночь для нас, для тебя – для любви.

Мы плывем, мы плывем мимо сонных лагун,
мимо Лидо, на море, туда,
где пенится в прибое серебряных рун
всплеском волн – седая гряда.

Далеко-далеко, где певучих огней,
в тихой ночи чуть слышно звенят, —
там, вдали под гирляндой цветных фонарей
отголоски гитар-серенад.

Венеция, 1910 г.

Александр Красносельский

Сан-Марко

Луна на небе бледно-лиловатом
Повисла точно праздничный фонарь…
Чудесный силуэт Сан-Марко – мой алтарь;
Молюсь – раздавленный, ничтожный жалкий атом.

И чужд я воркотне и трепетам пернатым,
Журчащим голосам и шелесту гитар…
Взношусь к ажурам сребротканых чар,
К фронтонам, башням, статуям крылатым.

Кто из камней и бронз сумел создать сонет, —
Сплел вычуры колонн, тимпанов, капителей
Со вздохами виол и всплеском кастаньет?

Кого глаза восторгом не блестели,
Впивая радугу осуществленных грез,
Где гений красоту превыше звезд вознес?

Дмитрий Крачковский

Венеция

Простора шумного сверкающей пьяцетты
Милее улиц мне забытых тишина.
В них столько прелести! – и вновь покорена
Их лаской тихою печаль души поэта.

Их тень зовет меня, и в мягком полусвете
По плитам скошенным и узким ступеням
Иду, иду вперед, куда? – не знаю сам,
И радость тихая звучит в моем ответе.

Вот улица одна окончилась. Подъем
На стройный мост. Минутный свет кругом;
Внизу – зеленых вод канала плеск печальный.

Один… И в тишине так ласково звенит
И этот тихий плеск о дремлющий гранит,
И монотонный крик гребцов гондолы дальней.

«Для ваз, тончайших ваз чудесного Челлини…»

Для ваз, тончайших ваз чудесного Челлини,
Венчавших славою печаль его чела,
Сама Италия с улыбкою дала
Живую красоту своих волшебных линий:

Изгиб стены, рисунок стройных пиний,
Неясный силуэт забытого дворца
И трепетный узор садов, где без конца
Горит орнамент роз, азалий и глициний.

Ему подарены, и в блеске ваз живут
От Комо – аметист, от Капри – изумруд,
А пурпурный закат на зеркале Канала,

На rio спутанных Венеции моей —
В изгибах легких ваз, среди других камней
Горит созвучием рубина и опала.

«Асимметрия окон во дворце…»

Асимметрия окон во дворце
Венецианских дожей, искаженье
Пропорций тел у Греко, на лице
Возлюбленной – гримаса наслажденья;

Челиниевский бронзовый Персей
В зеленоватой плесени патины,
Засилье лебеды в густом овсе,
Пруд, удушенный бархатистой тиной;

Античный торс с отбитою рукой,
Рыбачий парус с пестрою заплатой,
Осенней ночью век кончая свой —
Звезда, срывающаяся куда-то…

Всё это чья-то, в сущности, беда,
Изъян, порок, увечье, гибель, тленье…
Но всматриваемся мы в них всегда
С каким-то тайным восхищеньем!

1968 г.

«Те очень нежные слова…»

Те очень нежные слова,
Что ты когда-то мне сказала,
Не все, а иногда едва
Скупая память удержала.

Их было много. Столько есть
На площади Святого Марка
Ленивых горлиц, и не счесть
Участниц этого подарка.

Вот так же не пересказать
И не запомнить без ошибки
То, что успела ты сказать
Сквозь смех, сквозь слезы, сквозь улыбки.

И все-таки порой еще
Меня твой голос догоняет,
Венецианской на плечо
Внезапно горлицей взлетает.

И слышу снова, что едва
Еще возможным мне казалось,
Те очень нежные слова,
Что ты когда-то мне сказала.

Кристина Кроткова

В Венеции

Мечтам не отогнать видений хор
В Венеции. Здесь улочки все те же.
На них в средневековый сумрак прежде
Мадонны белокурой падал взор.

Свидетель давнего в палаццо Дожей двор,
Где прошлое ползет травой из трещин.
Как странно жжет, встречаемый все реже,
Под черным веером печальный взор.

На влажный мрамор пала тень-монах
Под издавна ветшавшей позолотой.
Чуть спотыкаясь в медленных волнах,

Гондола около колышет воды.
Былые образы в опять ожившем чувстве
Возводят жизнь в таинственном искусстве.

Ночь в Венеции

Тревожат волны лунные лагуны,
В слепые окна бьет голубизна.
Играя парусом уснувшей шхуны,
Остаток ночи жадно пьет весна.

Угадывая будущего гунна
И метя перекрестки и мосты,
Срываясь вниз из-за перил чугунных,
Скрывался ветер вдаль из темноты.

И облаков седеющие руна
Развеиваются на высотах,
И плавятся разбившиеся луны
На черных неустойчивых волнах.

И, слыша ветра рвущиеся струны,
Глушит ночной прохожий звонкий шаг,
Не видя над собою рог Фортуны,
С карниза счастье сыплющей во мрак.

На воды замутившейся лагуны
Предутренняя льнет голубизна.
Стучат в порту разбуженные шхуны,
Встает морская сонная весна.

Михаил Кузмин

Новый Ролла (неоконченный роман в отрывках) (фрагмент)

I ГЛАВА

ВЕНЕЦИЯ

1.
Ты помнишь комнату и свечи,
Открытое окно,
И песню на воде далече,
И светлое вино?
Ты помнишь первой встречи трепет,
Пожатье робких рук,
Неловких слов несмелый лепет
И взгляд безмолвных мук?
Навес мостов в дали каналов,
Желтеющий залив,
Зарю туманнее опалов
И строгих губ извив?
Вечерний ветер, вея мерно,
Змеил зеркальность вод,
И Веспер выплывает верно
На влажный небосвод.

2.
О поцелуй, божественный подарок,
Кто изобрел тебя – великим был.
Будь холоден, жесток, печален, жарок, —
Любви не знал, кто про тебя забыл!
Но слаще всех минут в сей жизни краткой
Твой поцелуй, похищенный украдкой.

Кем ты была: Дездемоной, Розиной,
Когда ты в зал блистающий вошла?
А я стоял за мраморной корзиной,
Не смея глаз свести с того чела.
Казалось, музыка с уст сладких не слетела!
Улыбкой, поступью ты молча пела.

Была ль та песня о печальной иве,
Туманной Англии глухой ручей,

Иль ты письмо писала Альмавиве,
От опекунских скрытая очей?
Какие небеса ты отражала?
Но в сердце мне любви вонзилось жало.

Всё вдруг померкло, люстр блестящих свечи,
Дымясь, угасли пред твоим лицом,
Красавиц гордых мраморные плечи
Затменным отодвинулись кольцом.
И вся толпа, вздыхая, замолчала,
Моей любви приветствуя начало.

3.
По струнам лунного тумана
Любви напев летит.
Опять, опять открылась рана,
Душа горит.

В сияньи мутном томно тает
Призывно-нежный звук.
Нет, тот не любит, кто не знает
Ревнивых мук!

Колдует песня крепким кругом,
Моей любви полна.
Ревную я тебя к подругам,
Будь ты одна.

Душа моя полна тревоги
И рвется пополам.
Ревную к камням на дороге
И к зеркалам.

Ревную к ветру, снам, к прохожим
И к душной темноте,
Ко вздохам, на мои похожим,
К самой тебе.

4.
Собор был темен и печален
При свете стекол расписных,
И с шепотом исповедален
Мешался шум шагов глухих.
Ты опустилась на колени,
Пред алтарем простерлась ниц.
О, как забыть мне эти тени
Полуопущенных ресниц!
Незрим тобой, я удалился,
На площадь выйдя, как слепой,

А с хоров сладостно струился
Напев забытый и родной.
Скорей заставьте окна ставней,
Скорей спустите жалюзи!
О друг давнишний и недавний,
Разгул, мне в сердце нож вонзи!

5.
Нос твой вздернут, губы свежи,
О, целуй меня пореже,
Крепче, крепче прижимай,
Обнимай, ах, обнимай!
А та, любимая…
Пусть твои помяты груди,
Что для нас, что скажут люди!?
Слов пустых не прибирай,
Что нам небо, что нам рай!
А та, любимая…
Вижу, знаю эти пятна…
Смерть несешь мне? презанятно!
Скинь скорей смешной наряд,
Лей мне в жилы, лей твой яд!
А та, любимая…

6.
Лишь прощаясь, ты меня поцеловала
И сказала мне: «Теперь прощай навек!»
О, под век твоих надежное забрало
Ни один не мог проникнуть человек.
Светел образ твой, но что за ним таится?
Рай нам снится за небесной синевой.
Если твой я весь, простится, о, простится,
Что когда-то я не знал, что весь я твой.
Вот душа моя ужалена загадкой,
И не знаю я, любим иль не любим,
Но одним копьем, одной стрелою сладкой
Мы, пронзенные, любви принадлежим.
Лишь одно узнал, что ты поцеловала
И сказала мне: «Теперь прощай навек».
Но под век твоих надежное забрало
Ни один не мог проникнуть человек.

7. Письмо
Я тронута письмом, что вы прислали,
Печали голос так понятен в нем,
Огнем любви те строки трепетали.
О, если б ваша ночь вновь стала днем!
Вы пишете, что снова власть разгула,
Как дуло пистолета, метит в Вас,

Чтоб в час ужасный к вам я протянула
Улыбку кротких и прохладных глаз.
Вы обманулись званием доступным,
Преступным было бы ответить «да».
Когда объяты вы тем ядом трупным,
Молюсь за вас сильнее, чем всегда.
Я скрыть могу, но вот я не скрываю:
Страдаю не любя, но не люблю,
Внемлю мольбам, но их не понимаю,
Пусть судит Бог, когда я вас гублю.
Вам недостаточно того, я вижу
(Обижу ль вас, я не могу решить).
Просить не стану, тем себя обижу,
Но в ваших мыслях я б хотела жить.
В моей пустыне было бы отрадой
Оградой вам служить на злом пути.
Найти звезду так сладостно, так надо,
Что я не смею вам сказать: «Прости».

8.
В ранний утра час покидал я землю,
Где любовь моя не нашла награды,
Шуму волн морских равнодушно внемлю,
Парус направлен!

Твой последний взгляд, он сильней ограды,
Твой последний взгляд, он прочней кольчуги,
Пусть встают теперь на пути преграды,
Пусть я отравлен!

Вот иду от вас, дорогие други,
Ваших игр, забав соучастник давний;
Вдаль влекут меня неудержно дуги
Радуг обетных.

Знаю, видел я, что за плотной ставней
Взор ее следил, затуманен дремой,
Но тоска моя, ах, не обрела в ней
Взоров ответных.

О, прощай навек! кораблем влекомый,
Уезжаю я, беглеца печальней,
Песне я внемлю, так давно знакомой,
Милое море!
Что я встречу там, за лазурью дальней:
Гроб ли я найду иль ключи от рая?

Что мне даст судьба своей наковальней,
Счастье иль горе?

III ГЛАВА

ОПЯТЬ ВЕНЕЦИЯ

1.
Лишь здесь душой могу согреться я,
Здесь пристань жизни кочевой:
Приветствую тебя, Венеция,
Опять я твой, надолго твой!
Забыть услады края жаркого
Душе признательной легко ль?
Но ты, о колокольня Маркова,
Залечишь скоро злую боль!
Пройдут, как тени, дни страдания,
Взлетит, как сокол, новый день!
Целую вас, родные здания,
Простор лагун, каналов тень.
Вот дом и герб мой: над лужайкою
Вознесся темный кипарис, —
Сегодня полною хозяйкою
Войдет в тот дом моя Фотис.
Привыкнет робою тяжелою
Смирять походки вольный бег.
Влекомы траурной гондолою,
Забудем ночью дальний брег.
Как воздух полн морскими травами!
Луна взошла на свой зенит,
А даль старинными октавами,
Что Тассо пел еще, звенит.
Когда ж, от ласк устал, я падаю
И сон махнет тебе крылом,
Зачем будить нас серенадою,
Зачем нам помнить о былом?
Здесь каждый день нам будет праздником,
Печаль отгоним рядом шлюз,
С амуром, радостным проказником,
Тройной мы заключим союз!

Св<ятой> Марко

Морское марево,
Золотое зарево,
Крась жарко

Узор глыб!
Святой Марко,
Святой Марко,
Пошли рыб!

Венеция

Обезьяна распростерла
Побрякушку над Ридотто,
Кристалличной сонатиной
Стонет дьявол из Казотта.
Синьорина, что случилось?
Отчего вы так надуты?
Рассмешитесь: словно гуси,
Выступают две бауты.
Надушенные сонеты,
Мадригалы, триолеты,
Как из рога изобилья
Упадут к ногам Нинеты…
А Нинета в треуголке,
С вырезным, лимонным лифом, —
Обещая и лукавя,
Смотрит выдуманным мифом.
Словно Тьеполо расплавил
Теплым облаком атласы…
На террасе Клеопатры
Золотеют ананасы.
Кофей стынет, тонкий месяц
В небе лодочкой ныряет,
Под стрекозьи серенады
Сердце легкое зевает.
Треск цехинов, смех проезжих,
Трепет свечки нагоревшей.
Не бренча стряхает полночь
Блестки с шали надоевшей.
Молоточки бьют часочки…
Нина – розочка, не роза…
И секретно, и любовно
Тараторит Чимароза.

Сны

– Спишь ли? – Сплю; а ты? – Молчи!
– Что там видно с каланчи?
– Византийская парча

Ниспадает со плеча.
– Слышишь? – Сквозь густую лень
Звонко белый ржет олень.
И зелена, и вольна,
Мнет волокна льна волна!
– Видишь? – вижу: вымпела
Нам мадонна привела.
Корабли, корабли
Из далекой из земли!
На высокое крыльцо
Покажи свое лицо.
Чтоб сподобиться венца,
Удостоиться конца,
Золотое брось кольцо.

Венецианская Луна

Вожделенья полнолуний,
Дездемонина светлица…
И протяжно, и влюбленно
Дух лимонный вдоль лагун…

Заигралась зеркалами
Полусонная царевна,
Лунных зайчиков пускает
На зардевшее стекло.

Словно Да́ндоло, я славен
Под навесом погребальным.
О, лазоревые плечи!
О, лаванда в волосах!

Не смеемся, только дышим,
Обнимаем да целуем…
Каждый лодочник у лодки
В эту ночь – Эндимион.

1921

Иван Кукарников

Серенада

из старых венецианских песен

Догоресса <sic> молодая,
Спит Венеция седая —
Выйди поскорей!
Здесь я, у дверей.
Длинный плащ да ночь немая
Скроют нас. О, дорогая,
Выйди поскорей!
Здесь я, у дверей.
Под плащем есть нож как жало,
А у ночи глубь канала —
Выйди поскорей!
Здесь я, у дверей.
Утро вместе нас разбудит,
А за утром будь, что будет…
Выйди поскорей!
Здесь я, у дверей.

Александр Кушнер

Венеция

Венеция, когда ты так блестишь,
Как будто я тебя и вправду вижу,
И дохлую в твоем канале мышь,
И статую, упрятанную в нишу, —

Мне кажется, во дворик захожу.
Свисает с галереи коврик. Лето.
Стоит монах. К второму этажу
С тряпьем веревку поднял Каналетто.

Нет, Тютчев это мне тебя напел,
Наплел. Нет, это Блок тебя навеял.
Нет, это сам я фильм такой смотрел:
Француз вояж в Италию затеял,

Дурак-француз, в двубортном пиджачке.
Плеск голубей. Собор Святого Марка.
О, как светло! Крутись на каблучке.
О, как светло, о, смилуйся, как ярко!

Лидия Лебедева

Венеция

Мне снился чудный сон… Над гладью вод царила
Мечта – Венеция, поэта идеал…
Гондолы траурной тень призрачно скользила,
И в нежных сумерках храм золотой сиял.
Вокруг него дворцы безмолвно утопали
В неугасаемых, ликующих лучах…
Потоки музыки над площадью дрожали,
Росли, могучие… терялись в небесах!..
Чу! голос прозвучал… Поет, не умолкая,
Зовет в надзвездный край, про идеал поет —
Сулит восторги он, сулит блаженство рая
В стране, где рай земной нас неизменно ждет;
Где камни говорят о славе невозвратной;
Где сказкой кажется весь жизненный обман;
Поэзия горит зарею незакатной;
Где сном бессмертных спят Канова, Тициан;
Где ночь-волшебница над сонною водою
И над царицей вод торжественно плывет…
Укутан гордый лев прозрачной синевою,
Он в прошлое глядит, он в даль времен зовет!..
……..
……..
Ты можешь воскресить усталого душою,
Навек приворожить того, кто рвется в даль,
Венеция! Сияй и властвуй красотою —
О, Идеал, вернись… Torni, bel Ideal!..

Борис Лейтин

Весна

Весна. И голуби воркуют жарко.
Венеция приснилась в Соловках.
Венеция. Сверкающий Сан-Марко.
Видения, застывшие в веках.

Но синь небес так трогательно марка —
Взгляни: уже пятнится, в облаках.
Какой безумец – Данте ли, Петрарка
Расцвет, любовь размерит здесь в строках.

Нет! Лишь на миг мечте поэта просто,
Игрой пленившись нежной голубей,
Взнестись в лазурь, что выше, голубей,
Забыть дыханье жгучее норд-оста.

Чу! Севера пронзительный язык —
То будит к жизни чайки резкий вскрик.

Владимир Лехно

Венеция

Кто ж не писал о Марке дивном
И о таинственных дворцах Дожей?
Возможно ль передать словами,
Что будет вечно жить в душе моей!..

Стоял в немом я созерцаньи,
Подавленный всей древней красотой…
Прискорбно видеть храм священный
Соседом с инквизиторской тюрьмой.

Склеп человеческих страданий,
Как прошлое, забыт уж навсегда;
А над измученной страною
Взошла свободы яркая звезда!

Иду по площади широкой.
Вот стая голубей летит ко мне:
Уселись на руки, воркуя. —
Свободу сознают они вполне!..

Скользит гондола по каналу;
В ней «он», «она» и черный гондольер…
Она прекрасна, как Венера;
Он словно – Аполлон из Бельведер…

Уста порою их сливались;
Но взгляд был у обоих не живой.
Как будто кто мешал их счастью,
В их светской жизни скучной и пустой.

А дальше – узкие каналы;
Над ними арками висят мосты.
Здесь мрачно, сыро и пустынно,
Лишь на балконах яркие цветы.

Под звон гитар и звуки пенья,
Уходит солнце от людских страстей.
Засеребрился диск на небе,
Как спутник всех таинственных ночей.

Кто ж любит красоту природы,
Тот в сумерках, когда спадает зной,

Помчится птицей на гондоле
Искать уединенья и покой.

И на заливе, близ утеса,
Откуда вся Венеция видна,
Слетят, как призрак, чары-грезы,
И будет убаюкивать волна,

И, опьянев от чар волшебных,
В немом забытьи я назад плыву,
Обвеянный покоем неги…
Казалось, жил во сне – не на яву!..

Оскар Лещинский

Венеция

По каналам
Бледно-алым
Я движением усталым
Направляю лодку в море
К лиловатым островам…
Замок Дожей
Непохожий
На дворцы, что знал прохожий,
Промелькнул подобный тонким
И воздушным кружевам.
Желто-синий
Город линий —
Храм Джиовани Беллини,
Храм великого Беллини
Серебристого творца.
По каналам
Бледно-алым
Я с желанием усталым,
Наслаждаясь ровным бегом,
Плыл и плыл бы без конца.

Магда Ливен

Баркаролла

Не мешай, не буди, я так сладко спала…
На гондоле вдвоем уплывали они,
и светился закат, и гондола плыла,
и в Риальто зажглись золотые огни.
Он был молод и смел; из-под темных бровей
его взор полный неги и страсти пылал;
на берете сверкал драгоценный камей,
и блестел в полутьме изумрудный кинжал.
Отливались в ее волосах жемчуга,
ниспадали на лоб волны светлых волос.
Догорающий день золотил берега,
за гондолой плыло ожерелье из роз.
И скользило весло, и молчали они…
Ароматная ночь до зари их ждала…
Сквозь весенний туман отдалялись огни…
Не буди, не мешай, я так сладко спала.

Константин Липскеров

Воришка

Под мостом прощальных вздохов
Иностранец завздыхал.
За собой следил он плохо,
Кошелек его я взял.

Видя чудные картины,
Для чего вздыхать о том?
Вот теперь не без причины
Он вздыхает под мостом.

Венеция

Ты, Венеция прекрасная,
Всем отрада мореходам.
О моя лагуна ясная,
Золотая тишина.

Адриатика лазурная
Принесла тебя народам,
И дворцы твои безбурная
Повторила глубина.

Дни людские здесь гондолами
Проплывают в зыбкой пляске.
Тут заботы невеселые
Забывают по годам.

Пью беспечности отраву я,
Город шутки, город маски.
Не в тебе ль звенят лукавые
Все развязки легких драм.

Венеция

Венеция, Венеция,
Лазурных вод венец.
Проникнул, наконец, и я
В твой мраморный ларец.

Как легкие долматики
Раздолье облаков.
Над пеной Адриатики
Царица городов
Стоит и улыбается
Веселием полна,
Здесь нежно колыхается
Певучая волна.
Здесь легкими гондолами
Плывут людские дни,
И встречами веселыми
Исполнены они.
Здесь мореходу дальнему
Все радостно кругом,
Изгнаннику опальному
Родной найдется дом.

Венеция, Венеция,
Лазурных вод венец.
Проникнул наконец и я
В твой мраморный ларец.

Здесь все летят за масками,
Здесь даже лев крылат,
Здесь легкими развязками,
Трагедии звенят.

Венеция, Венеция,
Лазурных вод венец.
Проникнул, наконец, и я
В твой мраморный ларец.

Серенада о Луне

Золотая гондола всплывает
В бездорожье сапфирной волны.
Этот свет в пенах облака тает, тает
Венецианской луны.
Это ночь к облакам поднимает
Наши сны
В синей глуби ночной тишины.

Все что днями томит многозвонно,
Все что трудно тебе превозмочь,
Все смывает спокойно и сонно, сонно
Венецианская ночь.

Все заботы твои неуклонно
Канут прочь,
Все отступят волнения прочь.

Если губы прелестные лгали,
Если очи играли тобой —
Унесутся все горести в дали, в дали
Венецианской волной.
Хочет милая в лунном канале
Плыть с тобой,
Плыть с тобой в этой тьме голубой.

Марк Лисянский

Венеция

Рим – вечный город, – говорим,
И тут добавить нечего.
О, Рим, конечно, это Рим,
Но мне милей Венеция.
Ее морская синева
В любом окне колышется,
И чуть кружится голова,
И облегченно дышится.
Горят созвездия цветов
Кострами ярко-алыми.
Сплелись четыреста мостов,
Как руки, над каналами.
И острова в ее простор
Непринужденно вписаны,
И улочка лишь коридор,
Ведущий прямо к пристани.
Со всех сторон дома-дворцы
Над самою лагуною,
Спят в храмах папы и творцы
Под тяжестью чугунною.
В лихой тельняшке гондольер
Одним веслом орудует,
Он курс науки одолел
За этим вот орудием.
И без руля и без ветрил
Ведет гондолу черную…
Он к мачте розу прикрепил,
С любовью обрученную.
Отбрасывают фонари
Свой желтый свет таинственный.
И он не гаснет до зари
На площади единственной.
И постарев, и одряхлев,
Под лунною ковригою
Венеции крылатый лев
Стоит с открытой книгою.
Над темно-мраморной водой
Несет собор прославленный
Равновеликий крест святой,
Ночной звездой расплавленный.
Здесь отвоеван рай земной
Людьми у моря светлого,

И море в берег бьет волной,
Им не прощает этого.
Я вижу, как вода кипит
На знаменитой площади
И падают с граненых плит
И ангелы, и лошади.
Темнеет зарево зари,
Как будто небо в проруби,
И не воркуют сизари,
А стоном стонут голуби.
Я вижу, как за домом дом
Влечет на дно инерция
И оседает с каждым днем
Великая Венеция.
Я слышу сквозь церковный звон,
Сквозь влажный сумрак полночи
Ее тысячелетний стон,
Ее мольбу о помощи.
– О люди! – слышу зов земли, —
Одной судьбой мы связаны.
Когда-то гуси Рим спасли,
А вы меня – обязаны!

На площади Святого Марка

В лучах готическая арка,
Колонны в мраморном строю.
На площади Святого Марка
Я – грешный Марк – в толпе стою.
Собор уходит в сумрак ранний
Над средиземною водой,
И столики, как в ресторане,
Стоят на площади святой.
Поет толпа, играют скрипки,
Вокруг зевак полным-полно.
Венецианские улыбки,
Венецианское вино.
У стен дворца, где только дожи
Священнодействовать могли,
Мы дружно хлопаем в ладоши
В такт песне нашенской земли.
Сметая пыль тысячелетий,
Сдувая пену облаков.
Переворачивает ветер
Страницы каменных веков.
На башне бьют часы. Суббота
Уже сдает свои права.

А матросня Шестого флота
Горланит пьяные слова.
Звенит на башне век двадцатый,
А под старинный этот свод
Американец фатоватый
Ночную девочку ведет.
Италия!
О, как нелепо
Все это здесь, где над водой
Твое божественное небо
И храм на площади святой!

Николай Лихтерман

Венеция (фантазия)

Сказка-греза: мы в гондоле, —
Гондольер и ты, и я…
Позабыв о горькой доле,
Мчимся к звучной баркаролле.
Ты мне шепчешь: «я твоя»…
Промелькнули пьяцца Марка,
Дожей царственный дворец,
И огней далеких арка
В темноте сверкнула ярко.
Как я счастлив, о Творец!
Зазвучала серенада…
Я люблю, и любишь ты,
А пьянящая рулада,
С дивной мощью водопада, —
Навевает нам мечты…
Вот «Лючия» льется плавно,
Баркароллу заглуша.
Сердцу мило, сердцу славно,
И в влюбленности бесправно
Рвусь обнять тебя, спеша…

27 ноября 1916 г.

Павел Ловинский

Баркаролла

Льются привольные, льются широкие
Звуки страстные лютен над нами.
В море лазурное небо глубокое
Смотрит нежно златыми очами.
В воздухе тихо, прохладно, не жарко,
Плещут плавно о портики волны,
Дремлют колонны священного Марка,
Прошлой славы величия полны.
Медленно, стройно, каналы минуя,
Вся в цветах проплывает гондолла <sic>…
Томный донесся мне звук поцелуя,
И вдали она скрылась у мола.
С песней моею к тебе долетает
Ветерок полный струй ароматных.
Локоном нежно твоим он играет,
Полон звуков любви он невнятных.
Выйди скорее, не мучай томлением,
Жду с надеждой тебя и мольбою!
Зыбь поднялась по каналу, в волненьи
Твой приход ожидая со мною.
Всходит над морем луна золотая,
Светом чудным все вкруг озаряет,
Луч ее нежный к тебе проникая,
С неземной тебя страстью лобзает.
Если бы в месяца луч обратился,
К твоему б я приник изголовью.
В песнях страданья тогда б я излился,
Я б рыдал над моею любовью…
В душу твою я тогда бы проникнул,
И чтоб лед растопить ее хладный,
Солнце на помощь себе бы я кликнул,
Он пришел бы, товарищ мой славный…
Нет, ведь не месяца луч я печальный,
А товарищ мой солнце высоко…
Море зовет меня песней прощальной,
В него верю – оно так глубоко…

Алексей Лозина-Лозинский

В Венеции

I.
Кто молчаливей и скромней
Послушника Джордано?
Он над Писаньем много дней
Не разгибает стана,
Пред юной девой капюшон
Он опускает низко,
Уставу всех вернее он
Блаженного Франциска.
Но ночь… и ряса спала,
Под бархатом камзола
Кинжал хороший скрыт;
В тьме узкого канала
Неслышная гондола
По черни вод скользит.

II.
Несчастна, но горда жена
Богатого сеньора.
Как долго молится она
Под сводами собора!
А дома, на окна гранит
Облокотясь лениво,
По целым дням она молчит,
Одна, грустна, красива…
Но ночь… и ждет гондолы
И ловит каждый лепет
Канала об уступ…
Чьи это баркаролы,
Изящный стан и трепет
Упорных, наглых губ…

Михаил Лопатто

«Две тени мы души одной…»

Две тени мы души одной,
Томим друг друга и тревожим.
Как сумрак твой и хмель и зной
На четкий день мой не похожи!
Мне сладок пестрый порта гул,
Блеск солнца, шорох толп на пьяцце,
И в жизни сдержанный разгул
Люблю я мирно погружаться.
Люблю друзей, мой кабачок,
Прогулки в гондоле на Лидо.
Мне раздвоений чужд клубок,
Где нежность спутана с обидой.
Порою лишь твой мутный срыв
Влечет меня и, очарован,
Над краем острых скал застыв,
Я взглядом к пропасти прикован.
Я жду, что хлынет вот в меня
Весь хаос, вызванный тобою.
Но в свете брежжущего дня
Ты вновь становишься дневною.
И сухо я прощусь с тобой,
Твоим терзаем тайно жалом,
Чтоб долго в гондоле сырой
Скитаться по кривым каналам.

Венеция

О незнакомые салоны,
Куда вас вводят первый раз!
Из всех углов тайком влюбленно
Косится на хозяйку глаз.

Дымится кофе, лампы глухо
Горят меж чашек и гвоздик,
И друг нашептывает в ухо
Чуть переперченный дневник.

Ах, в сердце жизни есть запасы,
Остроты рвутся с языка,
А геммы, кружева, атласы

Кружат мне голову слегка.

Окно раскрыто на каналы,
Дрожит бродячий гондол свет,
И баркароле запоздалой
Гитары вторит жаркий бред.

Чудесно все, что незнакомо,
В любви мы любим узнавать.
И трепет пальцев, жар, истома
Привычкою не могут стать.

Взгляд любопытный не устанет
В чужих глазах искать до дна,
И рот целованный не вянет,
Лишь обновляясь, как луна.

«Голубки Марка, вечер осиян…»

Голубки Марка, вечер осиян,
С кампаной слился робко вальс под аркой.
Ложится солнце в сеть каналов жарко.
Окрай лагуны плоской сиз и рдян.
Насмешница, и ты – голубка Марка.

Все тот же он – задор венециан,
Дворцов линялых плесень, рис, пулярка,
Аббат-атей, родосского стакан,
Голубки Марка.

Но полночь уж. Сгорели без огарка
Гитары, маски, жирный лоск румян,
Вся в пестрых платьях золотая барка.
Стал шалью черной радужный тюльпан.
Но рокот ваш как радостный пеан,
Голубки Марка!

Байрон в Венеции

Кто так надменно, так покорно,
Так упоительно любя,
Сквозь гамму ласк и примирений,
Обид и долгих опьянений,
Тереза, нежный, хищный, вздорный,
Другой кто мог вести тебя?

Где блеск другой, на мой похожий?
Мой хмель и жар, моя любовь
Создали профиль злой камеи,
И эти локоны у шеи,
И мушку в матовости кожи,
И чуть приподнятую бровь.

«Густое черное вино…»

Густое черное вино
Прилило к щекам терпким жаром.
Мне ненавистно казино,
Скитание по ярким барам.

В тебе есть странная черта,
Противочувствий дрожь и сила.
Мучительно вдруг складка рта
Небесный облик исказила.

Пойдем на воздух, ты бледна
От карт и давки, ламп и дыма.
Смотри: лагунная луна
Влияньем древних чар томима.

Лепечет плоско у крыльца
Волна отрады запоздалой,
И хрипло окрики гребца
Несутся в темные каналы.

Мосты горбятся, фонари
Тускнеют, и набухло платье.
Тоскливо тени ждут зари
В угаре хилого зачатья.

Я стал блаженно нем и тих,
И словно растворилось тело,
Волос каштановых твоих
Рука коснуться не посмела.

Яков Лурье

<Пародия> на Гумилева

Меж двух каналов венецианских
На островке стоит дворец,
Реликвий старых, патрицианских
Седой хранитель и отец.
Струится серый свет из окон,
Бросает блики на портреты,
Осветит крест, там, дальше, локон,
Оружье, платье, амулеты…
Тут целый мир изобразил
Наивный мастер примитива,
И я невольно взор вперил
В его сияющее диво.
Здесь каждый штрих понятен, ясен,
Неуловимо прост и мил,
И так спокойно-безучастен,
Что мир в душе моей вселил.
Но есть картины здесь другие,
Что сильно возбуждают страсть:
На них – красавицы нагие,
Которым в рай уж не попасть.
Увидишь – дух замрет в груди,
Как будто взнесся на качели…
Таких пред смертью, впереди,
Едва предвидел Боттичелли…
Почтенный фра Филиппо Липпи,
Благочестивый старый мастер,
Создав задумчивые лики
Мадонн, не знал еще о страсти.
О страсти той, что исказила
Черты красавицы Милана.
Рука художника скользила,
Творя в мистическом тумане.
Мария Ченчи из Милана,
Любя, покончила с тоскою,
Отраву выпив из стакана
С ажурной, тонкою резьбою.
Ее черты еще прекрасны,
Хотя измучены борьбою…
Здесь не глядит уже бесстрастно
Искусство, гордое собою.

Павел Лыжин

Закат Казановы

Октавы

Замок Дукс

I.

20 октября 1797 года

Претит мне этот край и целый свет не мил!
Раскашлялся опять средь вечной книжной пыли.
А все же эту жизнь, как я ее любил,
И бурно, и легко, немногие любили!..
Ах, вырваться, бежать, коль только хватит сил…
Куда? – Не все ль равно: в Париж, в Севилью, в Чили?
Нет, лучше на восток: ex Oriente lux!
Мечта!.. Но где же я? Октябрь… туманы… Дукс!..

II.
Богемские леса и варварские нравы!
Опять в отъезде граф, и снова я один
Средь наглой челяди, не чтящей громкой славы,
Ни подвигов моих высоких, ни седин.
Вечор я вслух читал Торкватовы октавы
И строфы медные божественных терцин,
А слуги фыркали. Мерзавцы! Вот я вас-то!..
Хоть, впрочем, трости жаль. Но со стихами – basta!

III.
И в мрачной сей дыре тянуть остаток дней!
Мошенники кругом, лентяи или сони;
То сцена, то скандал. Комедия, ей-ей,
С утра до вечера, но только не Гольдони.
Сегодня, например, мертвецки пьян лакей,
А повар мне назло испортил макароны.
В хоромах холодно; весь день дымит камин.
Беда, коль мажордом дурак и якобин!

IV.

26 октября

С визитом местный ксендз. Как речь его елейна!
Как ограничен ум! Чтоб черт его побрал!
Ушел, отдавши честь графинчику портвейна…
Ах, сколь мне надоел библиотечный зал,
И глобус, и портрет пожухлый Валленштейна!

Сел в кресла, снял парик и два часа дремал
Под хриплый стук часов с фигуркою Амура.
Нет, право, тяжела мне эта синекура!

V.
Венеция моя! Хоть, правда, я не дож,
Но средь сынов твоих, быть может, не последний:
Вольтер меня ценил, Руссо, Шамфор… и что ж? —
На склоне лет своих, как нищий в богадельне,
Из милости живу, на чучело похож…
Нет, нет: то лишь кошмар иль старческие бредни.
А новый мой роман? – Ведь не дописан он.
Засяду-ка скорей за «Икосамерон».

VI.

1 ноября

Чудовищную весть прочел сейчас в газете:
Мир в Кампо-Формио… Позор! Ну, времена!
Конец Венеции, конец всему на свете…
Иль чашу горестей я не испил до дна?
Иль это все брехня и ложны слухи эти?
Иль мозг мой помутнел? Иль я схожу с ума?
Но путь французских войск следил я по ландкарте…
Нет, видно, это так… Проклятый Буонапарте!

VII.
Снотворный порошок и рюмочка «Клико»;
Почти исчез озноб, в ногах утихли боли,
И смутно грезится: куда-то далеко
Скользнул я сквозь туман в таинственной гондоле
Блаженным призраком, беззвучно и легко,
Без горьких помыслов, без силы и без воли.
Но память дивная, мой вечный гондольер,
Поет, избрав октав чарующий размер.

VIII.
Скользим, скользим, скользим… Однако что же это? —
Как будто бы туман рассеялся, и вот
(Видение иль холст волшебный Каналетто,
Или действительность?) – среди оживших вод
Мой город сказочный: Сан-Марко и Пьяцетта…

И все ликует здесь, и любит, и поет!
Полгода без преград, без званий, без опаски
Справляют Карнавал бесчисленные маски.

IX.
Хрусталь, и зеркала, и теплый свет свечей —
Ридотто! Но сейчас понтировать не стану.
Смешался дивно тут патриций и плебей;
Сменяет менуэт развязную фурлану.
Под маскою глядит маркизом брадобрей;
Сенатор в домино подобен шарлатану.
Монахиня, купец, носильщик, сводня, сбир…
О, сумасбродный мой венецианский мир!

X.
Но не до звуков мне Скарлатти и Тартини;
С лорнетом я стою средь ряженой толпы,
Но бархатом личин, увы, мои богини
Скрывают от меня любимые черты…
Нанетта и Мартон, скажите, где вы ныне?
Где та Лукреция? Где Анриетта та?
Но кто ж там в зеркале? – До ужаса, до боли
Знаком мне тот старик в поношенном камзоле…

XI.
Очнулся. Глупый сон! Пустая дребедень!
Но, право, сам себе несносен я и гадок.
Под нудный шум дождя поднять мне штору лень.
Денечек новый, знать, не будет слишком сладок,
Суля одну тоску, иль острую мигрень,
Иль сердца старого мучительный припадок…
А под моим окном опять уже орет
То графский водовоз, то конюх-санкюлот…

Прага, 10–18 сентября 1958 г.

Константин Льдов

«И мне сверкали вы бывало…»

И мне сверкали вы бывало,
Душе восторженной сродни,
Венецианского канала
Завороженные огни.

Как переброшенная арка
Из светлых снов в мир хмурых слов,
Сиял мне храм святого Марка
Венцами древних куполов.

Угасла пламенная вера,
Умолк аккорд сердечных струн…
Мой стих – как песня гондольера
В туманном сумраке лагун!

Напевы неги и печали —
Псалом заката моего…
Что в нем звучит, поймет едва ли
Мое земное божество.

Сергей Маковский

Венецианские ночи (сонеты)

I.
Всю ночь – о, бред! – в серебролунных залах
Венеции я ворожу, колдун.
И дышит мгла отравленных лагун,
и спят дворцы в решетчатых забралах.

Всю ночь внимаю звук шагов усталых, —
в колодцах улиц камни – как чугун,
и головы отрубленные лун
всплывают вдруг внизу, в пустых каналах.

Иду, шатаясь, нелюдим и дик,
упорной страстью растравляю рану
и заклинаю бедную Диану.
А по стенам, подобен великану,
плащом крылатым закрывая лик,
за мною следом лунный мой двойник.

II.
Ленивый плеск, серебряная тишь,
дома – как сны. И отражают воды
повисшие над ними переходы
и вырезы остроконечных ниш.

И кажется, что это длится годы…
То мгла, то свет, – блеснет железо крыш,
и где-то песнь. И водяная мышь
шмыгнет в нору под мраморные своды.

У пристани заветной, не спеша,
в кольцо я продеваю цепь. Гондола,
покачиваясь, дремлет, – чуть дыша
прислушиваюсь: вот, как вздох Эола,
прошелестит ко мне ее виола…
И в ожиданье падает душа.

III.
Ленивый плеск, серебряная гладь,
дурманы отцветающих магнолий…
Кто перескажет – ночь! – твоих раздолий
и лунных ароматов благодать?

Ночь! Я безумствую, не в силах боле
изнемогающей души унять,
и все, что звуки могут передать,
вверяю – ночь! – разбуженной виоле.

И все, что не сказала б никому, —
ночь! – я досказываю в полутьму,
в мерцающую тишину лагуны,
и трепещу, перебирая струны:
вон там, у пристани, любовник юный
взывает – ночь! – к безумью моему.

«Неверия и веры слепота…»

Неверия и веры слепота.
Монахи в рубищах. Венцы, тиары.
Надменный пурпур, медные удары
колоколов, и Божья нагота…

Не ты ли, Рим? Надежнее щита
не мыслил водрузить апостол ярый.
Флоренция, – о, мраморные чары, —
и ты, венецианская мечта!

Крылатый Марк. У пристани гондола.
Выходит дож, внимает сбиру он, —
литая цепь на бархате камзола.
А в храме золото стенных икон
мерцает призрачно, уводит в сон,
в даль запредельную святого дола.

«На веницейском кладбище когда-то…»

На веницейском кладбище когда-то
прочел я надпись: – Здесь почиет прах
Лукреции и Гвидо, в небесах
соедини, Господь, любивших свято.

«Любовь, синьоре! – пояснил монах.
– Жил Гвидо вольной птицей, да она-то
была за герцогом ди Сан-Донато.
Их тайну выдало письмо. В сердцах

обоих заточил супруг: был зорок
ревнивый герцог и душой кремень.

А умерли они, спустя лет сорок,
хоть жили врозь, да чудом – в тот же день».
Монах умолк. И набегала тень…
И древний ночь договорила морок.

Варвара Малахиева-Мирович

«На мраморную балюстраду…»

На мраморную балюстраду
И на засохший водоем
В квадрате крохотного сада
Под хризолитовым плющом

Гляжу я так же, как бывало
В те обольстительные дни,
Когда душа припоминала,
Что в мире значили они.

И вижу черную гондолу,
Мостов венецианский взлет,
И голос сладостной виолы
Меня томительно зовет.

Сквозь шелк дворцовой занавески,
Как нож, блистает чей-то взор,
А весел радостные всплески
Звучат, как поцелуев хор.

И знаю, в этом же канале
На мягком и тенистом дне
Я буду спать с твоим кинжалом
В груди, в непробудимом сне.

Сергиев Посад

«Цикламена бабочки застыли на столе…»

А. К. Тарасовой

Цикламена бабочки застыли на столе.
Под алым одеялом Алла
Спит в темно-синей утра мгле.
И снятся ей Венеции каналы,
И мавр возлюбленный с нахмуренным челом,
И роковой платок, и песня Дездемоны.
Но в коридоре крик: «Беги за кипятком!» —
И ярый топот ног ее из грезы сонной
В советскую действительность влекут.
И уж обводит ясными очами

Она свой тесный каземат-приют:
Вот чемоданы, ставшие столами,
Вот пол измызганный, вот чайник с кипятком,
Тюфяк, под ним два бревнушка хромые.
. . . . . .
Венеция и мавр – все оказалось сном.
Я – Алла Кузьмина. Я дома. Я в России.

12 декабря 1924 г., Москва

Сергей Мамонтов

Жемчужина морей

Солнце льет потоком пламень
На пустую площадь Марка,
И под солнцем жаркий камень
Белизною блещет ярко.

Залиты полдневным зноем
Спят лагуны голубые,
Лишь у мачты сизым роем
Вьются голуби ручные.

Пестрый, вычурный и яркий
Мирно спит собор старинный,
И дворец, склонясь на арки,
Свой фасад покоит длинный.

В созерцанье погруженный,
Я стою в тени собора,
От Пьяцетты раскаленной
Оторвать не в силах взора.

И в очах моих усталых
Грезы пышные клубятся:
Жизнь воскресла на каналах
И пред герцогским палаццо…

Волны гулкие народа,
Эхо гомоном тревожа,
Собираются у входа,
Ждут сиятельного дожа.

Гладь лагуны отражает
Золоченые галеры,
И, теснясь, их окружают
На гондолах гондольеры.

Дож явился. Влево, вправо,
Он идет, толпе кивая,
И сияет величаво
Диадема золотая.

За вождем роскошной свитой,
Разодетые богато,

Выступают сановито
Представители сената.

Зажигает солнце блеском
Пурпур, злато и каменья,
И гремит вся площадь плеском, —
Стонет гулом одобренья.

Потрясая воздух знойный,
Звон несется колокольный…
Флот плывет водой спокойной
К Адриатике привольной.

Там, в лазоревом просторе,
Гордым взмахом с возвышенья
Дож кольцо бросает в море,
С ним свершая обрученье.

Море томно негой дышит,
Как невеста молодая,
И избранника колышит,
Дни блаженства обещая.

Осип Мандельштам

«Веницейской жизни мрачной и бесплодной…»

Веницейской жизни мрачной и бесплодной
Для меня значение светло.
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.

Тонкий воздух кожи. Синие прожилки,
Белый снег. Зеленая парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных теплых вынимают из плаща.

И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег.
На театре и на праздном вече
Умирает человек.

Ибо нет спасенья от любви и страха:
Тяжелее платины сатурново кольцо!
Черным бархатом завешанная плаха
И прекрасное лицо.

Тяжелы твои, Венеция, уборы.
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой граненый. В спальнях тают горы
Голубого, дряхлого стекла.

Только в пальцах роза или склянка —
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?

Черный Веспер в зеркале мерцает,
Все проходит. Истина темна.
Человек родится. Жемчуг умирает,
И Сусанна старцев ждать должна.

1920 г.

Нина Манухина

L'heure mauve à Venise

Мы встретились с тобой в лиловый час,
Когда расплывчаты и смутны были тени,
Когда закат опаловый погас
И сумеречно брезжили в воде ступени…
И, словно призраки зловещие тая,
Гондолы черные, над дремлющей водою
Бесшумно и таинственно скользя,
Пред нами проплывали чередою…
Действительность суровую забыв,
Как поцелуем – взглядами мы опьянялись,
Но… час лиловый неуклонно плыл, —
И мы расстались…

1917 г.

Мария Мара

Баркаролла

Спой мне песню, певец молодой,
Ты гитару свою подыми,
И над этой падучей звездой
Золотую ты зорю зажги!
Спой мне песню! Гитара твоя
Струной нежной к ногам опустилась…
И в тебя загляделась луна,
И она твоим взглядом смутилась…
Спой мне песню, любимец гондол,
Пой о том, как тебя они носят
Средь хрустальных Венеции волн
И они как о песне лишь просят!
Спой мне песню, красавец ты южной весны,
В колыбели волшебной заснувший цветов,
Расскажи, как от солнца скрывали они
Ее крыльями легких, как свет, мотыльков!
Что же кудри твои черной ночи темней
Взгляд глубокий к земле опустили
И на лире разбитой толпою людей
Вдоль струны слезы быстро проплыли?..

Владимир Марков

Мост вздохов

По мрачному Палаццо Дожей
Мы шли гурьбой за гидом вслед.
Все слушали, я слушал тоже
Об ужасах минувших лет.

Гид сырость каменной темницы
Нам на минуту показал,
Где прежде, узник бледнолицый,
Ты смерти месяцами ждал.

Когда б ты жил еще на свете,
Ты убедился бы сейчас,
Насколько вы пред нами дети,
Насколько мы несчастней вас.

И если б перед нашим адом
Случайно ты теперь предстал,
Каким бы жалким маскарадом
Свое столетье ты признал!

Ты умирал всегда красиво
Под гул легенды иль молвы,
А мы без славы, молчаливо,
Как стебли скошенной травы…

Печальный гость в веселом пире,
Я шел, молчание храня,
И даже Понте деи Соспири
Не вырвал вздоха у меня.

«Трудно пробыть полчаса в церкви Scalza на Grande Canale…»

Трудно пробыть полчаса в церкви Scalza на Grande Canale.
Все ты там можешь найти, нет только голой стены:
Фрески, витражи, картины, колонны, плафоны и ниши,
Склепы, карнизы, кресты, статуи и алтари.
Наша религия – свечка, а их – огнедышащий факел;
Там – благодатная тишь, здесь – исступленный порыв.
Нет у католиков кротости нашей, умильности, ласки —
Бьется в истерике все, вьется, стремится, кричит.

Кажется, даже мадонны хотят оторваться от камня,
Чтобы греховно начать буйный вакхический пляс.

«Рада гондола, покинув каналов сырых паутину…»

Рада гондола, покинув каналов сырых паутину,
Где обрамляют дворцы затхлую зелень воды.
Синюю влагу лагуны колеблет ласкающий ветер,
Спутал на собственный вкус волосы на голове.
– Дай мне весло, гондольер, я в море направлю гондолу!
Выдержит черный твой челн волн озорную игру?
Но гондольер не ответил, он смотрит на Санта-Микеле:
Остров-кладбище собой к морю нам путь преградил;
Странный, как вымысел Беклина, как очарованный замок,
Каменной красной стеной смотрит сурово на нас.
– Кто там? Живые? Назад! окликают меня кипарисы,
К небу, как пики, подняв конусы темных вершин.
Но неприступное – пусть даже в смерти – влечет человека.
Я бы хотел умереть, чтобы проникнуть туда.
Я бы хотел умереть недалеко от паперти Фрари,
Чтоб отпевали меня там, где лежит Тициан,
Чтобы священник над трупом долго читал по-латыни,
Плакали чтоб под орган статуи грустных мадонн,
Чтоб по каналам везли меня, чтоб гондольер беззаботный
На поворотах кричал грустно-протяжное «Ой»,
Чтобы следы сладковатого тленья от пышного гроба
Ветер морской разогнал, синей лагуной скользя,
Чтобы причалить нарядной гондолой у острова мертвых,
В крепость попасть наконец, от любопытства дрожа,
И у корней кипариса, в болотистой вязкой могиле,
В важном торжественном сне жизни иной ожидать.

Мальвина Марьянова

«Венеция влечет твои взоры…»

П. С. К.

Венеция влечет твои взоры,
И Флоренция, и синий Рим. —
Русские любишь просторы,

Закатные янтари.
Где тихий Блок в своей келье
Озаримые поет слова —

Ах, там зачарованные ели,
И с ними поет синева.
Их станет двое в незримом саду:

Один мыслитель, другой – поэт.
Оттого тебе я несу звезду,
Оттого ты мною воспет.

Алексей Масаинов

Венеция

Привет твоей священной седине,
Венеция, любимица столетий,
Грустящая в вечерней тишине!

Владычица морей, в чьем гордом свете
Горела страсть средь синих волн морских,
Где цвел народ твой, радостный, как дети, —

Тебе восторг, тебе мой бедный стих,
Тебе мое раздумье и отрада,
Венеция, усопшая в живых!

Не в полночь ли сильнее запах сада?
И не в тоске ли память о тебе
В душе звучит, как старая баллада, —

О, верная таинственной судьбе,
Прекрасный лик свой, женственный и юный,
Хранившая в невзгодах и борьбе!

Звенят, звенят немолкнущие струны
Твоих певцов и славят жизнь твою,
Бурливую, как гневные буруны!

Отчаливай же быструю ладью,
Ладью поэтов, Светлая – с тобою
И я дерзну и вслед им запою.

С твоею одинокою судьбою
Отныне сплетена моя судьба,
Как верный плющ сплетается с листвою!

Не отвергай влюбленного раба —
О, Госпожа, грустящая в лагунах,
В домах, в дворцах, у Львиного Столба,

И в старости юнейшая из юных,
Венеция, почившая средь вод,
Как древний сфинкс, заснувший в мертвых дюнах!

Но светел сон твой, ясен небосвод,
Ясна печаль, безгневен лик усталый,

И плавно над тобою свой полет

Свершает Время. Тихо спят каналы,
Беззвучны всплески гондол в тишине,
Бездумны дни и пышно грезят залы

Твоих дворцов. И в солнечном огне,
Блестя над Марком, так же дремлют кони,
Как бронзовый на бронзовом коне

Хранит молчанье старый Каллеони!
О, город запустения и снов,
Когда-то смелый в гневе и в законе!

О, город душ, поэтов и певцов,
Чья грусть – чиста, раздумие – напевно,
Венеция, мечта иных миров,

Венеция, заснувшая царевна!

Весна, 1913 г.

Франческа

Покинутая смуглянка,
Благословенно имя твое!
Она была итальянка,
И звали Франческой ее.

Проносились годы, как птицы,
И пели колокола.
На тихом канале Альбрицци
Она жила и цвела.

Ты, солнце в славе и блеске,
Украситель, зиждитель дней,
Сравнишься ль с глазами Франчески,
Смелой Франчески моей?

Как радовался я, влюбленный,
Как глаза ее целовал!
Помню нежно-зеленый
Полусонный канал…

Помню, как гордо-покорно,
С розой в смуглой руке,
Приезжала в гóндоле черной
Франческа в черном платке…

Франческа, пусть знают люди!
Франческа, чудесный цветок!
Не твои ли нежные груди
Целовал я, сбросив платок?

И не твой ли отец затаенно
Смотрел на наше окно
На Calle della Madonna,
Где нам было так пряно-грешно?

О, бросившая смело и дерзко
В сердце храбрых свое копье,
Одалиска, безумка, Франческа, —
Благословенно имя твое!

1915 г.

Дмитрий Мережковский

Венеция

Прощай, Венеция! Твой Ангел блещет ярко
На башне городской, и отдаленный звон
Колоколов Святого Марка
Несется по воде, как чей-то тихий стон.

Люблю твой золотой, твой мраморный собор,
На сон, на волшебство, на вымысел похожий,
Народной площади величье и простор
И сумрак галерей в палаццо древних Дожей,
Каналы узкие под арками мостов
И ночью в улице порою звук несмелый
Ускоренных шагов;
Люблю я мрамор почернелый
Твоих покинутых дворцов,
Мадонны образок с лампадой одинокой
Над сваями, в немых лагунах Маломокко,
Где легче воздуха – прозрачная вода:
Она живет, горит, и дышит, и синеет,
И, словно птица, в ней гондола, без следа,
Без звука, – черная, таинственная реет.

1891 г.

Николай Митрофанов

Венеция

Венеция, Пьяцца Сан Марко,
Хаос бушующих вод…
Вслед за босою весталкой —
Иду я по площади вброд.
Кто она? Беатриче, маркиза —
В красном плаще до колена,
А может, сама «Мона Лиза» —
Пришла из французского плена.
Вода прибывает… О Боже —
Веди нас, весталка, быстрей…
Пред нами судилище Дожей,
Тюрьма и спасение в ней.
На башне пробили куранты,
И чайки охрипли от клича…
Слышу – тоскующий Данте —
Снова зовет Беатриче.

Ольга Можайская

Венеция

I.
По Пьяцетте бродят эфиопы.
Потускнел лагуны изумруд…

Все ограды мнимые Европы
Беспокойных демонов приют.

Черным лебедем скользит гондола.
Низкое с решеткою окно.
Чудится предательство, крамола…
Все, что в тех стенах погребено,

Плесневеет цветом ядовитым,
Точит и незыблемый гранит,
Прячется под мраморные плиты
И зловонным пламенем горит.

Но твоим неодолимым чарам
Уступает жадная волна…
О любимица богов! недаром
Именем Венеры названа.

С новым не померишься Аттилой,
Дряхлая Владычица морей.
Старишься над влажною могилой
В приглушенном блеске фонарей.

Нежишься на солнечном просторе,
Плещешься средь радужных зыбей,
Раковина розовая моря,
Город самых мирных голубей.

II.
Когда в голубое лоно
Тебе велят погрузиться
И рухнут твои колонны
И стены морской столицы, —

Вернешься в родные глуби
Ты в кружеве легкой пены.
Но тот, кто навек полюбит,
Капризом зовет измены.

И в час золотой отлива,
Сияя красою прежней,
Ты царствуешь горделиво
У низкого побережья.

Быть может, не ты – другая
Ступает по глади водной,
Бестрепетная, нагая
В зеркальности первородной,

Чтоб снова на камне голом
Сушить золотые пряди,
Вступить в хоровод веселый,
Как подобает наяде.

Александр Моргулис

«А если ты жгла меня…»

А если ты жгла меня
И тешиться мной хотела,
Копытом стучу коня
В тяжелую тину тела.

Взвевайся и развевай,
Как по морю пленный парус,
Меж балок и синих свай
Мерцающую Тамару.

Так – рея на высоте,
Не в тусклом чернильном блеске,
Лишь ангел слететь хотел
Ко мне с венцианской фрески.

Андрей Муравьев

Муравиада (отрывок из моей биографии) (фрагмент)

Италия – мой первый выезд с братом
И очертания Швейцарских снежных гор,
И в этом мире, ярком и богатом,
Искал найти ответ мой жадный юный взор…
Милан, Венеция, заснувшие дворцы,
Моста причудливая арка,
Каналы тихие и храм святого Марка —
Завесы вечности приподнял я концы.

Людмила Мухина

Венеция

Всплёски.
Пересекающиеся весла.
В каждой волне —
Губы хохочущего солнца.
Кадр за кадром —
Прямо ко мне!
Плещутся, бьются краски.
В той волне – мазки черепиц.
Эта – лазурь неба в клочья рвет запросто,
А эта – поникшее дерево
Топит, повергнув ниц.
Вьются угрями верткими
В воде столбов отражения,
Расклеванные гондолами
Под стенами замшелыми.
Гондола черным лебедем
Летит послушно.
Подбросит веер влажный
У самой суши.
Подставят гондольеры
Любезно руки —
И выползут на берег
Богатые старухи.
Пойдут, сутулясь важно,
К святому Марку,
Струится ветер влажный
Светло и ярко.
Трепещут низко голуби,
Как блестки в волнах.
Все словно рукоплещет
Легко и вольно.
А где венецианцы?
Как им работается?
Туристы-иностранцы,
Узнать вам хочется?
Плывите на Мурано!
В цеху старинном,
Под отсветом багряным
И с трубкой длинной
Над месивом расплавленным
Стоят, колдуют,
В стекло живую душу

Из трубки вдуют.
В затейливой оправе
Пурпурный кубок,
Под масками лукавыми
Изгибы губок.
Но стенки легких сделаны
Не из волшебной ткани.
Уходят раньше времени
Из жизни парни.
Пойдите к кружевницам!
Старинный промысел.
Весь инструмент: иголочка, рука и домысел,
Творит рука-волшебница
Извивы пенные.
Сплетают кружевницы
Узор отменный.
Пять лет четыре девушки,
Потупив взоры,
Для драгоценной скатерти
Плетут узоры.
В игре тончайшей пены
Русалок танцы.
Вот так они работают – венецианцы!

Владимир Мятлев

Гондолонера

Моя Маделена, с тобой обвенчаться
Мы в храме не можем, нам надо из плена
Отчизны жестокой далеко умчаться
В широкое море, моя Маделена!

Моя Маделена, в канале зеркальном
На глади недвижной гондола готова,
Скорее, скорее в наряде венчальном
Сойди по ступенькам палаццо родного.

Гондолу качнуло, мелькнуло виденье,
Княжна гондольеру в объятья упала.
Уста повстречались в немом упоеньи.
Гондола скользила по глади канала…

И синие волны, и ветер прибрежный
Всю ночь доносили до места их встречи
Под звуки лобзанья и шепот их нежный
Безумную песню: «Моя Маделена».

Наутро на берег, где дети плескались,
Пригнала два трупа сребристая пена…
Объятья сливались, уста прикасались
И словно шептали: «Моя Маделена!»

Баркаролла
(слова на собств. мелодию)

Ты плыви, моя гондола,
Ночью лунною вперед,
Раздавайся, баркарола,
Далеко по лону вод.

В золотом палаццо дожей,
При звездах и при луне,
Та, кто мне всего дороже,
Будет грезить обо мне.

Ты плыви, моя гондола,
Ночью лунною вперед,

Раздавайся, баркарола,
Далеко по лону вод.

Об условном помня часе
И обет любви храня,
На порфировой террасе
Будет ждать она меня!

Ты плыви, моя гондола,
Ночью лунною вперед,
Раздавайся, баркарола,
Далеко по лону вод!

Спят отец и мать, и братья,
Нелюбимый мертв жених,
Для меня ее объятья,
Скоро, скоро буду в них.

Ты плыви, моя гондола,
Ночью лунною вперед,
Раздавайся, баркарола,
Далеко по лону вод!

7 декабря <1906 г.>, Орел

Владимир Набоков

Итальянке

К тебе, в минувшее, к иной, чудесной доле,
душа моя плывет в зазубристой гондоле;
осталось горе за кормой.
Я рад, что до конца молчали мы упрямо,
что в пышный, страшный сад не вышли мы из храма
любви глубокой и немой:
на каменных устах прекрасного былого
улыбкою горит несказанное слово,
невоплощенная мечта, —
как световой двойник стоцветной, вечной зыби,
дрожащий, над водой, на внутреннем изгибе
венецианского моста…

© Vladimir Nabokov, 1920, 1923, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946, 1950, 1951, 1952, 1953, 1955, 1956, 1957, 1966, 1970, 1991, used by permission of The Wylie Agency (UK) Limited

Евдокия Нагродская

«Лагуна спит, ночь дышит томной лаской…»

Лагуна спит, ночь дышит томной лаской,
Приди ко мне, тебя лагуна ждет,
Плывем туда, где мраморною сказкой
Сан-Джорджио встает, встает из сонных вод.

На мрамор ступеней с тобой мы сядем рядом,
Твой нежный гибкий стан рукой я обовью,
Букет из тубероз пусть дышит сладким ядом,
И где-то стон гитар поет любовь мою.

Мы призраки… Мы бред прекрасной ночи,
Серебряный туман, что над водой дрожит,
Увидеть могут нас влюбленных только очи,
И то в волшебный час, когда лагуна спит.

Неизвестный

«Плывя по каналам молчащих Венеций…»

Плывя по каналам молчащих Венеций,
Любовью забытой горю.
И в небо всплывает кровавый венец.
И воды звенят, горюя.

И струны звенят, горюя.
Струны двух сердец,
Кто ты, забытая? С кем говорю
Под небом гордых Венеций.

Под небом тихих Венеций
Гудит черный конец.
Кому ж я скорбь мою дарю,
Забытая, со мной горюющая.

Максим Нетропов

Венецианская ночь

Над мягкими водами плеск раздается,
И слышится смеха кристалл,
В мерцании ночи ракета несется,
Искрясь приглашает на бал,
На бал челнострельный цветистых огней,
Пылающих блеском бенгала,
На праздник лучистых и знойных очей,
Влекущих под звоном бокала.

Вот вспыхнули искры
Челнов разукрашенных,
Стремительно пущенных вдаль,
И кажется близкой
Немного подкрашенных
Оков лицевая эмаль.
Бесшумно скользим мы
Над озером бархатным,
Внимая стихии своей.
Мы оба любимы,
Мерещится крохотным
Весь мир нам в покрове ночей.
Осоки купава
Тихонько колышется,
Звенит соловьиная трель.
Там – ждет меня слава,
А здесь – уже слышится,
Горя страстью новой, свирель.
И парк, стариною
Глубокой обвеянный,
Молчаньем своим говорит.
Волна за волною
Камыш залелеянный
Колеблет и радость творит.
С тобою все цветно
В тиши огнедышащей
Под звуками дальнего бала,
И сладко, приветно,
В глазах полумыслящих
Читать бледнолучность опала.
Оркестры играют
В зигзагах заглушенных,
Встает, разливаясь, луна,

И медленно тают
На кудрях раздушенных
Любви поцелуи и сна.

Над мягкими водами плеск раздается,
И слышится смеха кристалл,
В мерцании ночи ракета несется,
Искрясь приглашает на бал,
На бал челнострельный цветистых огней,
Пылающих блеском бенгала,
На праздник лучистых и знойных очей,
Влекущих под звоном бокала.

Александр Никитин

Под звуки баркароллы

Посв. Н. В. Касьяновой

Играйте, милый друг! Пусть звуки баркароллы
Перенесут меня в ту светлую страну,
Где смуглый гондольер с кормы своей гондолы
Купает грань весла в заснувшую волну.

И от весла его, как лента огневая,
Бежит, воспламенясь, канала полоса,
И зноем дышит ночь, истому навевая
На эти берега, на эти небеса…

Полна соблазнов ночь! Как страстная гитана,
Раскинулась она над морем и землей,
Смущая грешный мир сквозь пелену тумана
Пленительной своей, бесстыдной красотой…

И на призыв ее к любви свободной, к счастью
С гондолы льется песнь под звуки мандолин.
Та песня рождена безумной южной страстью
Венецианских дев, ласкающих мужчин…

Я слышу лепет их беспечный и веселый,
Я слышу плеск волны и весел мерный стук…
Играйте, милый друг! Пусть звуки баркароллы
Перенесут меня в страну любви – на юг!

Лев Никулин

В Венеции

I.
В стенах прохладной Базилики
С гербами рода на щите,
Как прежде недвижим, великий
Один, на бронзовой плите…
И, не пронзая взором арки,
Он не увидит в облаках,
Над куполом святого Марка,
Борьбы невиданной в веках…
Века он стережет гробницу,
Недвижен мантии узор,
И металлическую птицу
Во мгле не различает взор.
И грохот пушек арсенала
Не нарушает сон эпох, —
Он не расслышит у канала
Орудия тяжелый вздох;
Он в небе не увидит боя…
Еще намеченный удар —
И в волны тихого прибоя
Воздушный падает корсар…
Но чуждый бою за каналом
Креста не двинет он рукой,
И над усопшим кардиналом
Недвижен мертвенный покой…

II.
Вы, сочетавшие в сердце
Хитрость, отвагу и пыл, —
Я постучался у дверцы
Ваших гранитных могил…
В склепы купца и вельможи
Пусть возвращаются сны, —
Слышите, мертвые дожи,
Трубы великой войны?..
Воин, епископ и герцог…
Вспыхнуло пламя зарниц, —
Внуки стучатся у дверцы
Ваших гранитных гробниц…

Венеция

Вуаль от бешеных москитов,
Улыбка, утомленный рот,
О, милая… Любовь не скрыта,
И сколько юношей убито
У ваших бронзовых ворот…

Лепные окна над каналом,
К воде склоненные столбы,
Как грустно вам с лицом усталым
Бродить по опустевшим залам
И слушать оклики судьбы…

Уже витрины антикваров
Грустят по книгам и гербам
И вечер заревом пожаров
От фонарей кафе и баров
Нисходит к бронзовым гробам…

Иван Новиков

Монастырь в Венеции

О, как тих монастырь,
Как спокойна широкая паперть!
Заросший зеленый пустырь,
А она бела, как скатерть.

И монахини к ранней обедне
Как темные на ней, четкие четки;
И одна всегда идет последней
И медлит, медлит у чугунной решетки.

Подошла; прильнула; застыла.
Или все томит неутомный грех?
Или ничего сестра еще не забыла?
Или просто она моложе всех?

Кто знает! Разве лишь ты, одинокая келья,
Ты, молчаливый и ветхий псалтырь!
Отзвенело земное веселье,
Звонит – монастырь.

Венеция

Венецианский бокал

Цявловским

Картины, полки, книги, книги…
И всюду запечатлены
События, лица, даты, миги:
Миниатюры старины.

Но вот на волнах корректуры —
И золот и закатно-ал
(С улыбкою глядят авгуры!)
Блеснул Венеции бокал.

Он прост и ясен, и прозрачен,
Ко влаге жаден, влагой щедр,
И вязью кружевной охвачен,
Как пеною вскипевших недр.

Недаром днем и ночью каждой
Здесь выплывают кружева:
Знать в утоленье страстной жажды —
Вот старина: как сон жива!

И ве́ка вдруг – как не бывало,
Все живо явью давних дней:
В лучах заветного бокала
Как стало все видней, родней!

Любовь, поэзия и слава —
Не тень ли Пушкина меж нас?
И голос дрогнул у Мстислава,
И ночи плыл безмолвный час…

Душа забвения искала —
И сжала трепетно рука
Венецианского бокала
Чуть отпотевшие бока.

8 мая 1935 г., М<осква>

Ирина Одоевцева

«Ни дни, ни часы, а столетья…»

Ни дни, ни часы, а столетья
В разлуке дотла сгорев…
И вот наконец Венеция,
Дворцы и Крылатый лев.

Стеклянные воды канала,
Голубизна голубей.
Ты плакала: – «Мне этого мало.
Убей меня лучше. Убей!..»

Казалось, что даже и смертью
Ничем уж тебе не помочь.
Не в первую, нет, а в третью
Венецианскую ночь…

– Послушай, поедем в Венецию!..

Владимир Орлов

Венеция

1. Воспоминание о первом утре

Вдруг колокол – и все уяснено…
Фет

Каких еще мне ждать подарков,
Когда надежд давно вобрез,
Средь дряхлых мраморов Сан-Марко,
Где бродят тени догаресс?

Покуда жив, не позабуду:
Из незапамятных времен
Дошел ко мне, подобно чуду,
Колоколов хрустальный звон.

Из мглы с отливом перламутра
Он все призывнее звучал…
Кончалась ночь. Рождалось утро.
Гондолы бились о причал.

И я нашел… В подземном храме,
Мерцая пурпуром шелков,
Молились, сидя пред дарами,
Двенадцать дряхлых стариков.

2. Прощание

Восемь лет в Венеции я не был…
Бунин

Нет, не восемь, а уже двенадцать!
Только время снова расставаться —
И теперь, конечно, навсегда…
Провожает перезвон хрустальный,
Облетает первоцвет миндальный,
Плещется зеленая вода.

Что ж, пройтись в последний по Скьявони,
Отыскать дорогу к Коллеони,
Улочек распутывая сеть,
Поглядеть на купола Сан-Марко,

Молча постоять возле тетрархов,
Под конец у «Гарри» посидеть…

Сам не знаю, по какой причине
Загостился я у графа Чини,
А пора, давно пора назад —
Из волшебной сказки венецейской
В задремавший под водой летейской,
Грозно замолчавший Ленинград.

Алексей Охрименко

Отелло

Венецианский мавр Отелло
Один домишко посещал,
Шекспир узнал про это дело
И водевильчик накропал.

Да, посещал он тот домишко,
А кто не знает почему,
То почитать Шекспира книжку
Мы посоветуем ему.

Девчонку звали Дездемона,
Собой, что белая луна,
На генеральские погоны
Ах, соблазнилася она.

Он вел с ней часто разговоры,
Бедняга мавр лишился сна,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Лишь им владела бы она!

Сказала раз она стыдливо,
Ах, это было ей к лицу:
«Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу…»

Папаша – дож венецианский —
Большой любитель был пожрать,
Любил папаша сыр голландский
Московским пивом запивать.

Любил он спеть романс цыганский,
Свой, компанейский парень был,
Но только дож венецианский
Проклятых мавров не любил.

А не любил он их законно —
Ведь мавр на дьявола похож,
И увлеченье Дездемоны
Ему что в сердце финский нож!

Но убедил Отелло дожа,
Что мавр отнюдь не Асмодей,

И дал добро на брак вельможа,
И стало все как у людей.

Оно бы так, но подчиненный
Отелло – Яшка-лейтенант
На горе бедной Дездемоны
Был страшно вредный интригант.

Исчез платок! Обман и драма!
Подвоха мавр не уловил,
И, не считаясь с тем, что дама,
Он Дездемону удавил.

Кончиной потрясен супруги,
Вошел Отелло в жуткий раж —
Всех перебил, кто был в округе,
А под конец пырнул себя ж!

Пусть поступил Отелло смело
Или трусливо – вам судить,
Но мавр – он сделал свое дело,
А значит, может уходить…

Девки, девки, взгляд кидайте
Своево дале носа вы
И никому не доверяйте
Свои платочки носовы!

Николай Павлов

«Слышишь, играет виола…»

Слышишь, играет виола
Грустный, до боли мотив?
Плавно скользнула гондола
– В узкий пролив.

Слышишь, звенят мандолины?
Давит величьем портал…
Вкован в немые теснины
– Мутный канал.

Близится лоно лагуны…
Строги громады дворцов.
Сердца откликнулись струны
– Песней без слов.

О, эти тайные ласки,
Страсть, и любовь, и обман!..
Чудился в тающих красках
– Тициан…

Валентин Парнах

«Иду в улыбки и в толпу беспечных…»

Иду в улыбки и в толпу беспечных,
Когда на площади оркестр и тьма.
Цепляется за пуговицы встречных
Венецианских шалей бахрома.

Но волн хочу. О ветр и мол,
И столкновения гондол!

1913 г.

«Аравитянки иль индуски…»

Аравитянки иль индуски
О смуглые цвета,
Лица родимый очерк узкий
И дикие уста!

Легчайших кружев плеск, белея,
К ее руке приник.
Ей нежно открывает шею
Кастильский воротник.

Вот ночью черной и веселой
На вековом молу
Она стоит перед гондолой,
Чтоб долго плыть во мглу.

Венеция и бред Востока,
И музык древний час
Исторгли жадно и жестоко
Мой стон по Вас!

1913–1917 гг.

София Парнок

«Я не люблю церквей, где зодчий…»

Я не люблю церквей, где зодчий
Слышнее Бога говорит,
Где гений в споре с волей Отчей
В ней не затерян, с ней не слит.

Где человечий дух тщеславный
Как бы возносится над ней, —
Мне византийский купол плавный
Колючей готики родней.

Собор Миланский! Мне чужая
Краса! – Дивлюсь ему и я. —
Он, точно небу угрожая,
Свои вздымает острия.

Но оттого ли, что так мирно
Сияет небо, он – как крик?
Под небом, мудростью надмирной,
Он суетливо так велик.

Вы, башни! В высоте орлиной
Мятежным духом взнесены,
Как мысли вы, когда единой
Они не объединены!

И вот другой собор… Был смуглый
Закат и желтоват и ал,
Когда впервые очерк круглый
Мне куполов твоих предстал.

Как упоительно неярко
На плавном небе, плавный, ты
Блеснул мне, благостный Сан-Марко,
Подъемля тонкие кресты!

Ложился, как налет загара,
На мрамор твой – закатный свет…
Мне думалось: какою чарой
Одушевлен ты и согрет?

Что есть в тебе, что инокиней
Готова я пред Богом пасть?

– Господней воли плавность линий
Святую знаменует власть.

Пять куполов твоих – как волны…
Их плавной силой поднята,
Душа моя, как кубок полный,
До края Богом налита.

Борис Пастернак

Piazza S. Marco

Я лежу с моей жизнью неслышною,
С облаками, которых не смять.
Море встало и вышло, как мать,
Колыбельная чья – уже лишняя.

Потому что водою вдовиц
Приоделися рифы и россыпи.
Говор дна – это скрип половиц
Под его похоронною поступью.

В серый месяц, как в старые латы,
Не вмещается лай собак,
Отекают туманом телята,
И уходит в степь рыбак.

О какой он рослый в споре
С облаками. Как – он рослый?
Вскоре ты услышишь: море
Перевесят его весла.

Венеция <редакция 1913 г.>

А. Л. Ш.

Я был разбужен спозаранку
Бряцаньем мутного стекла.
Повисло сонною стоянкой,
Безлюдье висло от весла.

Висел созвучьем Скорпиона
Трезубец вымерших гитар,
Еще морского небосклона
Чадяший не касался шар;

В краях, подвластных зодиакам,
Был громко одинок аккорд.
Трехжалым не встревожен знаком,
Вершил свои туманы порт.

Земля когда-то оторвалась,

Дворцов развернутых тесьма,
Планетой всплыли арсеналы,
Планетой понеслись дома.

И тайну бытия без корня
Постиг я в час рожденья дня:
Очам и снам моим просторней
Сновать в туманах без меня.

И пеной бешеных цветений,
И пеною взбешенных морд
Срывался в брезжущие тени
Руки не ведавший аккорд.

Венеция <редакция 1928 г.>

Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.
Размокшей каменной баранкой
В воде Венеция плыла.

Все было тихо, и, однако,
Во сне я слышал крик, и он
Подобьем смолкнувшего знака
Еще тревожил небосклон.

Он вис трезубцем скорпиона
Над гладью стихших мандолин
И женщиною оскорбленной,
Быть может, издан был вдали.

Теперь он стих и черной вилкой
Торчал по черенок во мгле.
Большой канал с косой ухмылкой
Оглядывался, как беглец.

Туда, голодные, противясь,
Шли волны, шлендая с тоски,
И го́ндолы[570] рубили привязь,
Точа о пристань тесаки.

Вдали за лодочной стоянкой
В остатках сна рождалась явь.
Венеция венецианкой
Бросалась с набережных вплавь.

[570] В отступление от обычая восстанавливаю итальянское ударение. (*Прим. автора.*)

1913–1928 гг.

Петр Перцов

Венеция

Ты дорог мне, реликвия святая,
Крылатый лев на мраморном столбе!
О, сколько раз, на севере мечтая,
Венеция, вздыхал я о тебе!

Твоя краса, твоя печаль немая,
Твоя покорность тихая судьбе,
Весь жребий твой в изменчивой борьбе, —
Весь этот сон и блеск былого рая.

Твоих дворцов узорных вереница,
Твоих каналов черных тишина,
Где тайною, как тень, окружена,
Скользит гондола, легкая как птица, —
Еще ты вся бессмертных чар полна,
Бессмертного волшебная гробница.

Венеция. Дворец дожей ночью

В этой мраморной аллее,
В арках стройного окна,
Ночью лунной реют феи,
Веют духи-чародеи,
Чарованье веет сна.
И за ним в немые сени
Чудной жизни входит строй —
Чей-то призрак, чьи-то тени
На широкие ступени
Подымаются толпой.
Веют перья, блещут латы
В смутных месяца лучах…
Чей убор мелькнул богатый,
Чей мерцает пурпур смятый
В этих сумрачных рядах?
То ли дож с своею свитой,
Дож Венеции былой —
Он, веками позабытый,
Он, легендою повитый,
Входит снова в город свой?
И чертог его старинный

Ожиданием объят…
Снова шумен двор пустынный,
Снова ожил портик длинный
Почернелых колоннад.
Веют перья, блещут латы,
В глубине горят огни…
Чей-то шлем сверкнул крылатый,
И пылает пурпур смятый
В убегающей тени.

1897 г.

Дмитрий Петровский

Венеция в природе

Мариечке

То, что вверху, то и внизу.
Леонардо

I.
Каждый вечер, дышавший прохладой,
Нес я лестницею сады, —
Ставил, лез и метал синий факел
Дискоболом первой звезды.

И первому шагу в прохладе
Кидал под ноги ночи цветы,
Палисадник в бежавших оградах
Кидал недр ископаемых синь.

И, в кобальт погружая стопы,
Ослеплялись песками пустынь,
И, во сне раскачавшись, кусты
Целовали укусом босых.

За миражем зажмурясь мечты,
Умирали как те без воды,
Замирали во влаге следы,
Замирали в пространстве весы и часы,
Как в укусе змеи ослы (по ночам)

На распятьях слоновой кости
Замирали Христы…
Все в мерцаньи в пробеге звезды
Останавливалось, светясь…

И листы, что возжаждав росы,
Лепетали «Или, или»
И качались

В них отражались
Как в мираже пруды
В опрокинутой чаше земли
Весь сводчатый мир

Зеркалами сменялись, летят

И взгляды сошлись как бойцы
В рукопашной схватясь
И бились и бились
И долго волною война шла на башне.

—

И башни дыбились
И падали в чащу ночного канала
Качалась вода, шла
И лестницей сада несла через чашу ограды
Вершины и их окунала в каналы
Гондолой и дальше
И пальмы и мальвы и пихты и сосны
Как галлюцинанты,
Как в трансе – в канале

И были балластом
Белые сальные плошки иллюминаций
В себя окунавшие ночь и
Их пламя лизавшая ночь
Глядела им в очи
Как галлюцинантка.

И в головокруженьи туда же
В блестящий катилась канал…

Дискобол запускал синий факел
В лазурную чашу
Звезды и смеялся
Смеялся сам Бог довольный,
И в сон придвигал
Канцоною сосен и пальм
Сам венцом и венцами венцов
И пел.

Венцы и венцы.
О венцов и вверху и внизу
Без конца: мы в пловучем лесу,
Мы в Венеции ночи и мачт
Плывем и весло не мутит
И весла

И не будит и мель и киль
Мелка ведь во сне синева.

Это – звезды мелькают,
Рукой достаю в них поуды. <sic>
Это – звезда.

И это седьмая в воде.
И это покой.

Куда же рукой запустил дискобол
Мое солнце ночное?
Кто он?
Я ль с тобой иль с собой…

II.
О земля, каждый шаг тех ристаний
Как признанья растений красив,
И в кристаллы изрезаны камни
И вводились стволами в порыв.

Порыванье светились цветы
Их кусали ресницы крапив
Но во имя своей красоты
Каждый ствол свою цвель выпивал.

Допивал и, бросая листы —
Обращаясь в кусты, каменел
Можжевельником, мхом, чтоб олень
Из-под камня опять добывал

И опять бы свой сон допивал
Камень рвущийся в жизнь,
как кристалл…

Кидал недр ископаемых синь
В разметавшиеся моря
Растворяясь.

Достигал, развиваясь, всех сил
И дыхания рыбьих жабр
И синел в небесах, как орел,
И сложась разбивался
– Немыслимо мыслить в течении
ночи себя.

И опять отражался бокал
Вечно полным светящимся дном
И опять окунал в океан
Неистощаемым днем
Бога жаждущие глаза.

Он в ночах отражал свой полет
И казалось вверху и внизу
Все одно, как в одном глазу
И поет как и я об одном

И задумано сном одним
И навеки запета <sic> в одном
Верх и дно, воз и низ
И витает лишь воздух над ним.

И казалось,
поднимет и бросит.
И, казалось, он спит…

Но он помнил, что в праздник любви
Испытал он ту самую горечь,
Что и творческий день
Что субботы и что тех семи
Нет чудесных, нет зовущихся ОТДЫХ
Чисел в небе ни на земле.

III.
И под каждым кустом и над каждым
Кубки чокались звезд за одно
Выпивалась вся темная осинь <sic>
И светилось вновь синее дно

Выпивалось за Темное Око
И доснилось виденье одно
Уже прояснившимся днем
Мне казалось: нет Бога, – есть Бог
И двойственность дана мной.

И под каждым окном и над каждым
Каждый вечер Ромео ль звездой ли
Серенаду своей Джульетте
Допевал подъезжая в гондоле

И Венецией арки, каналы
Зажигались на небе и меркли
Различим был Овен их и Лебедь
Замок дожей небесных и Марк их.

В этих сводах сова на огарок
Свечи заглядясь задремала
С ума было можно сойти
Над бездонным небесным каналом.

И коснувшись губами прохлады
Я не знаю, в каком окне
Садом, лестницею ли в лианах
Я с Джульеттой на свете вдвоем.

О Венеция. Так и надо

Саду, месяцу, галлюцинанту —
Так и надо и им и мне (чтобы
заслужить венец
на ристалищах звездных Олимпов)
Всю ночь твою в серенадах
Сменяясь лишь в соловье
Синеть в двух бездонных каналах,
Синеть в двух бездонных началах.

По-венециански в природе —
Вверху и внизу огни,
По-венециански мы оба
И там и тут – в любви…

Так пусть дискобол метает
Еще одно солнце в небо
Новой болью мерцающий город
Пью за Венецию – воздух.

Нестор Петровский

Pax Tibi Marce!

Прощай, Венеция гнилая!
В последний раз передо мной,
На сотню верст, благоухая,
Ты блещешь «сказочной» красой!

К тебе стремился я издавна;
Ты в дивном блеске снилась мне,
И в красоте самодержавной,
И в неприступной вышине…

И день настал… и рок безбожный,
Неутомимый реалист,
Умчал навек тот призрак ложный,
Как вихрь уносит желтый лист.

Там, где по лживому ученью,
Искусство, роскошь, вкус царят —
Повсюду мерзость запустенья
Встречает изумленный взгляд.

Где жил художник, к славе пылкой,
Велик, и сердцем, и умом —
Корпят бездарные «мазилки»
Над загрязненным полотном.

Там, где великие маэстро
Гармонией ласкали слух, —
Теперь военные оркестры
Пленяют маршем швабский дух.

Где ослепляя зренье блеском,
Сверкали мрамор и гранит —
Теперь, под грязным арабеском,
Кирпич ободранный торчит.

Где прежде расписные флаги
Смотрели в зеркало волны —
Теперь над лужей грязной влаги
Висят дырявые штаны.

Прощай же, чудо отставное!
Заросши тиною и мхом,

Лежа в торжественном покое,
Во сне мечтая о былом.

И пусть малюют нам маралы,
Пусть воспевают нам певцы
Твои вонючие каналы,
Твои облезлые дворцы —

В серьезность этих увлечений
Я – скептик – верить не могу
И из лагун, без сожалений
В курьерском поезде бегу.

Июнь 1900 г.

Сергей Поварнин

Дандоло

С византийцами был у Венеции спор.
К императору их, заключить договор,
Послан был знаменитый Венеции сын,
Дандоло. Призывает его властелин.

Он вошел. Договор уж готовый лежит.
«Подпиши!» – император ему говорит.
Он прочел – и вскричал вне себя: «Подписать!
Обесчестить отчизну, себя запятнать?

Никогда!» Император во гневе встает,
Но посол его взглядом пылающим жжет.
Тот дары обещает – посол оскорблен,
Речь заводит про казнь – улыбается он.

От стыда император взбешенный горит.
«Если ты не подпишешь, ему говорит,
Я сейчас позову моих верных рабов.
Они свяжут тебя, и, под гнетом оков,

Прут железный в огне раскалив до красна,
Тебе выжгут глаза!.. Отвечай!.. казнь страшна!»
Он молчит!.. Вот каленые прутья несут.
Он молчит!.. Вот к глазам приближается прут…

Он молчит!.. Вот из глаз, где железо шипит,
Льется кровь… Он молчит!.. Дым идет. Он молчит!
И, когда была страшная казнь свершена,
Он промолвил: «Отчизна теперь спасена!»

Константин Подревский

Чичисбей

Было мне в Венеции жарко и смешно кормить голубей,
И на площади святого Марка был бамбино мой чичисбей.
Вид ваш синьора мне приятней
Самой высокой голубятни
Вы всех голубок мне милее
Сердце сжимается больнее, больнее…
Ах, у меня на сердце стужа
Больше всего боюсь я мужа,
Кротости в нем нет голубиной,
Спросит он: что за бамбино, бамбино,
Но я отвечу не робея
Даме нельзя без чичисбея
Бродят по городу фашисты
К дамам они пристают.

Часто он в закрытой гондоле пылко мне шептал: «Убей»
И сжимал мне руки до боли, мой бамбино, мой чичисбей
Жаль мне сеньора вы так юны,
Но холоднее вы лагуны
Да, вы лагуны холоднее
Сердце жмется больнее, больнее!
Ах у меня на сердце стужа
Больше всего боюсь я мужа,
Он на меня посмотрит грозно
Спросит он: «с кем ты так поздно, так поздно»
Но я отвечу не робея
Даме нельзя без чичисбея
Бродят по городу фашисты
К дамам они пристают.

Кирилл Померанцев

Опять на дорогах Италии

Опять на дорогах Италии, —
Порывисто дышит мотор,
Венеция, Рим и т. д.,
Помпеи, Миланский собор…

Блаженствует вечер каштановый,
Над Лидо в *полнеба* закат,
Совсем, как в стихах у Иванова,
Сгорает и рвется назад.

Но мне ли теперь до Венеции,
До кружев ее базилик,
Когда, оборвавшись с трапеции
В бессмыслицу, в старость, в тупик,

Я вижу: в конце траектории,
Над стыком дорог и орбит,
Огромное небо Истории
Последним закатом горит.

Венеция

Ну вот, я в Венеции снова,
Хотя и неведомо мне,
Зачем прикоснулся Канова
К ее запрещенной весне.

Зачем захотелось Беллини
Тосканские ночи забыть,
И музыкой красок и линий
Неверье свое подменить.

Зачем покачнулись каналы,
Зачем?.. Но не все ли равно? —
Потухли старинные залы,
Как перед сеансом кино.

И буря прошла по Парижу,
И где-то запели в трубу…
Так я сквозь Венецию вижу

Свою и чужую судьбу.

И нет ни каналов, ни зданий,
Ни снов, ни видений… И вот
По лунным волнам, на экране
Ночная гондола плывет.

Александр Попов

В Венеции

Нежные, синие воды канала
Тихо плескались с улыбкой печальной…
Ласковый ветер из церкви недальной
Чуть доносил ко мне звуки хорала.

Борис Попов

Догаресса [571]

В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой,
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой…

Белой дымкою смягченный,
Месяц золотом кропит;
С морем синим обрученный
Двоеженец старый спит…

Адриатика ж не дремлет,
В тонкий пар погружена…
И великой тайне внемлет
Дожа юная жена…

Нет властителя сильнее,
Нежли он – старик седой.
Нет красавицы яснее
Догарессы молодой!..

Баркароллы отдаленной
Ветром звуки донесло,
И, как будто утомленный,
Гондольер поднял весло…

Но гондола темной рыбкой
Не замедлила свой бег,
Оставляя след свой зыбкий,
Белый, белый, будто снег…

Догаресса молодая
Наклонилася к борту,
Грудью к доскам припадая
Погруженная в мечту…

Опустила ручку в струи,
Ощущая на руке
Свежей влаги поцелуи
В полусне, в полутоске…

[571] Первые четыре строки А. Пушкина. (*Прим. автора*.)

Ей мерещится красавец,
Что под Пломбами сидит;
Дож – изведанный лукавец
Над его неволей бдит…

Отчего ж тревогой странной
Расцвело его лицо?!..
Ей на палец безымянный
Вдруг наделося кольцо…

Слышен голос ей подводный:
«Отдаю твое тебе —
С Догарессой благородной
Не хочу я быть в борьбе»…

«Ты отдай колечко это,
Да не Дожу, а тому,
Кто теперь тоскует где-то
По тебе в твоем дому…

Кто теперь в оковах плена,
Кто под Пломбами теперь,
Для изменника измена —
Кара лучшая поверь…

Пусть узнает Дож-изменник
Муки ревности, любя,
Пусть увидит бедный пленник
Догарессу у себя…

Он пролил ведь слез не мало,
И от них моя волна,
Что дворец ваш омывала,
Стала боле солона…

От тюрьмы ключи у Дожа…
На ночь дай ему питье…
И с супружеского ложа
Уходи, – там все твое…

В этот миг он все забудет;
Будет мука прощена;
Адриатика же будет
В этот миг отомщена»…

В мир нисходят простодушно
С неба свет и красота…
Догарессе страшно… душно…
Обняла ее мечта…

И таинственным разливом
Подымается волна,
И далеким переливом
Баркаролла чуть слышна…

В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой,
Старый Дож плывет в гондоле
С Догарессой молодой…

Петр Потемкин

Песнь Казановы

В чужих краях блуждая,
Во поле черных дней,
Все видел города я,
Но сердцу всех милей
Венеция златая,
Жемчужина морей.

Искал вдали тебя я,
И жемчугов и роз
Любви, не отдыхая,
Но горький рок принес,
Венеция златая,
Мне только жемчуг слез.

И вот вотще сгорая,
Горением любви,
Я мчусь к тебе, родная,
Яви же мне, яви,
Венеция златая,
Жемчужину любви!

Николай Поярков

Венеция

I.

Борису Зайцеву

Венеция! Венеция! Нестройный, длинный ряд
Надежд забытых, образов уснувших,
Тревог и снов из дней давно минувших
В моей душе проснулись властно, внятно говорят.
Царица вод морских, моя единая любовь,
Прекрасная, таинственная сказка, —
Венеция, Венеция, ты мне смеешься вновь,
Меня, как встарь, чарует твоя ласка.
Лагуны, гондолы, из мрамора дворцы,
Окаменевшие страницы древней жизни,
Статуи, фрески. Смотрят с стен борцы,
Всю жизнь отдавшие отчизне.
Венеция любимая. Блеск солнца, звонкий шум —
Прибой Адриатического моря
В его безмерно-роковом просторе…
А в сердце грусть от несказанных дум
И жажда жить, и страх, и горе.

Остров Лидо

II.

М. М. Ковалевскому

Гондолы без шума, как большие птицы,
По воде уснувшей медленно скользят.
Догорают ярко быстрые зарницы,
И заката краски пламенно горят.
Умирает день невыносимо-знойный.
Колокольня Марка скрылась за углом.
В одеяньи белом, загорелый, стройный
Гондольер лениво шевелит веслом.
Тянутся палаццо в мраморных одеждах —
Лепестки живые ярких прошлых дней.
Ближе ночи трепет… День смежает вежды.
Засверкало небо россыпью огней.
Как возможно счастье, как далеки муки.
Грезится, что жизни новый путь начат.

Тишину ночную разбудили звуки;
Робко баркароллы нежные звучат.
Заповедных мыслей веют вереницы.
Сердца струны нежно, ласково дрожат,
Гондолы без шума, как большие птицы,
По воде спокойно, медленно скользят.

Софья Прегель

Венеция

Во дворце, где суровые дожи
Размышляли над сонной водой,
На посланника странно похожий
Антиквар поселился седой.

Сняли пыль. Многолетние щели
Заложили. Воскресло стекло,
И фарфором столы запестрели,
И хрустальные люстры запели
Переливчато и светло.

И пришел покупатель, неистов,
Беспорядочен, жаден и скор,
И тяжелая поступь туристов
Омрачила сиреневый двор.

И, единственно, луч над камином,
Где румяный огонь не трещит,
Озаривший подсвечник с дельфином,
Кружева, полумаску, плащи, —
Только луч показался старинным,
Бледный луч из небесной пращи.

«Смолистый воздух и тяжелый…»

Смолистый воздух и тяжелый
Еще мучительнее днем.
Скользят высокие гондолы
В старинном трауре своем.

Сквозь водяную пыль не сразу
Проходит солнца бахрома.
Дворцы Венеции безглазы,
Ее изранены дома.

По вечерам в каналах пленный
Фонарный свет. Печальный лавр
Под колоннадой неизменной.
Тепло от музыки военной,
От барабанов и литавр

На белой площади атласной,
Где ходят важно, не спеша,
Где вижу в синеве неясной
С венецианкою прекрасной
Приземистого торгаша.

Александр Радченко

В Венеции

Привет Венеции, владычице морей,
Царице прошлого, волшебной сказке чудной!
Подножия твоих дворцов и алтарей
Окаймлены волною изумрудной.
Среди воскресших грез, откинувши печаль
И длинный ряд тревог, недавно пережитых,
С гондолы вырезной, скользившей тихо вдаль,
Глядел я на дворцы патрициев забытых.
Кругом кипела жизнь, спеша, бежал народ.
Под ярким солнцем дня все искрилось, сверкало:
Кресты, балконы, башни. Пароход
На Лидо шел, и плавно колыхала
Пологая волна гондолы и суда.
Блестели в стороне свинцовые лагуны,
Звучали голоса, и робко иногда
Звенели трепетно гитар примолкших струны.
На шумной площади от солнечных лучей
Пестрели, как узор, мелькающие блики.
С каналов и мостов все ждали, чтоб скорей
Играла музыка. Вдали смолкали крики,
И говор заглуша, широкою волной
Из медных труб вдруг вырвалися звуки,
А в небе, с высоты, над стихшею толпой,
Казалось, хлопали бесчисленные руки.
То Марка голуби взлетели сразу ввысь.
Кружат над площадью встревоженные птицы.
А звуки медные гудели и неслись,
И гасли бледные в волнах лучи денницы.
Лазурный неба свод, туманясь, розовел,
Мечты в минувшее неслышно улетали.
На барке баритон из «Паяцев» запел,
И огоньки на мачтах заблистали.

На Лидо

Адриатические волны
Бегут, шутя, к моим ногам.
И, шумом волн завороженный,
Стремлюсь я к дальним берегам.

Вокруг морской простор сверкает,
На солнце золотом горя.
И море тихо колыхает
Вдали громаду корабля.

Прозрачны воды голубые,
Ясна небес лазурных высь.
В душе порывы молодые…
Но пред неведомым смирись.

Вот тучка в небе показалась
И пала тень ее на пляж.
Все потемнело, все смешалось
И в миг исчезло, как мираж.

А в небесах раскаты грома,
Обрывки туч то тут, то там…
И волны, полные разгрома,
Бегут, грозя, к моим ногам.

Всеволод Рождественский

Венеция

Не счесть в ночи колец ее,
Ласкаемых волной.
Причаль сюда, Венеция,
Под маской кружевной!

В монастырях церковники
С распятием в руках,
На лестницах любовники,
Зеваки на мостах

Поют тебе, красавица,
Канцоны при луне,
Пока лагуна плавится
В серебряном огне.

Не для тебя ль, Венеция,
Затеял карнавал
Читающий Лукреция
Столетний кардинал?

Он не поладил с папою,
Невыбрит и сердит,
Но лев когтистой лапою
Республику хранит.

Пускай над баптистерием
Повис аэроплан,
Пускай назло остериям
Сверкает ресторан,

Пускай пестрят окурками
Проходы темных лож, —
Здесь договоры с турками
Подписывает дож.

За рощею лимонною
У мраморной волны
Отелло с Дездемоною
Рассказывают сны.

И разве бросишь камень ты,
Посмеешь не уйти

В истлевшие пергаменты
«Совета десяти»?

Душа, – какой бы край она
Ни пела в этот час,
Я слышу стансы Байрона
Или Мюссе рассказ.

А где-то – инквизиция
Скрепляет протокол,
В театре репетиция,
Гольдони хмур и зол,

Цветет улыбка девичья
Под лентами баут,
И Павла-цесаревича
«Граф Северный» зовут.

Здесь бьют десяткой заново
Серебряный улов,
Княжною Таракановой
Пленяется Орлов.

Гори, былое зодчество, —
Весь мир на острие.
Уходят в одиночество
Все томики Ренье!

Не повернуть мне руль никак
От шелка ветхих карт.
«Севильского цирульника»
Здесь слушал бы Моцáрт.

Скользит гондола длинная
По бархатной гряде,
А корка апельсинная
Качается в воде…

Между 1923 и 1926 гг.

Лунатик (фрагмент)

Спит столица дожей, и в окно
Тянет ветер горным виноградом.
В хрустале янтарное вино —
Как луна, встающая над садом.

Бархатистей персика плечо

И смуглей оранжевого лета.
Как она прижалась горячо.
Молодость? Венеция? Джульетта?

Вот он сад, луною налитой,
Жизнь пестра, лукава на приманки.
Опусти ее, как золотой
За корсаж хорошенькой служанки!

Вы легки с подругой, как стрижи.
Что вам муж? Досаднейшее слово.
Пой, люби. А сердце расскажи
Год спустя сеньору Казанова.

Вот и осень… Сердце у меня
Тяжелее кисти винограда;
Дилижанс в косом багрянце дня
Протрубил за яблонями сада.

Запах супа, стук шагов и лай.
По прилавку катится монета….
Где мой плащ? Италия, прощай,
Девушка, ты горячее лета!

Посети мой страннический бред,
Там, на Рейне, улыбнись лукаво.
Я забуду университет —
Доктор философии и права.

Потащусь в карете почтовой
К тарантелле, солнцу, балаганам…
– Что, старик, ты смотришь,
как слепой?
Что ты шепчешь над моим стаканом?

– Я пришел из-за далеких гор,
Я назойлив, извинюсь заранее,
Может быть, угодно вам, синьор,
Прочитать судьбу свою в стакане? —

По спине струится холодок,
Я сажусь, отстегивая шпагу…
Вот щепоткой белый порошок
Брошен в золотистую малагу,

Вот качнулось облако, платан,
Мой парик, дымок за черепицей,
Вот редеет вогнутый туман,
Пахнущий сушеною корицей…

Роберт Рождественский

Венеция

К. Ваншенкину

И когда, казалось бы,
уже придумать
нечего —
Все видано-перевидано,
думано-передумано,
даже как-то слишком…
И – на тебе! —
Венеция.
Будто ветром
брызнуло.
Будто светом
дунуло…
На тебе!
Прохаживайся,
учи досконально.
На тебе!
Глуши ее
восторгами увесистыми!..
А она помалкивает
в улочки-каналы.
Очень
театральная.
Очень
человеческая…
Можешь притворяться
бдительным и зорким.
Требовать от гида
политической ясности.
Пожимать плечами:
«Глупая экзотика…»
Глупая.
А все же хороша
дьявольски!
Глупая.
А нам ее все мало,
мало!
Глупая.
Но лезут слова
высокопарные!
Мы теперь матросы

знаменитого мавра,
и под нами площади
покачиваются,
как палубы…
Мы ложимся за полночь,
разомлев от нежности.
Дремлем,
улыбаясь красоте по-доброму.
В кубриках ворочаемся,
слушая Венецию.
И плывем с Венецией
к дому.
К дому.

Александр Ротштейн

В гондоле

Как дышится легко. Жара дневная спала.
Щитом серебряным, светясь, луна взошла…
Скорее в гондолу!.. Пусть робкий плеск весла
Разбудит тишину заснувшего канала.

Мечтой встают дворцы. На окнах – блеск опала;
Под аркой стрельчатой, в углах густится мгла.
И грезится дворцам все то, чего не стало, —
Та жизнь, что некогда восторгом здесь цвела.

Душой усталою уйдем в их сон безмолвный…
О счастье дней былых пускай нам шепчут волны…
Поток кудрей твоих, сверкая и клубясь,

Парчевой мантией пусть падает вкруг стана;
Пусть буду думать я, в глаза твои глядясь,
Что Догаресса ты с картины Тициана.

Венеция

Догаресса

М. П.

Я разгадал давно: твоя душа когда-то
Горела радостно, и ярко, и светло,
В одной из Догаресс, чьи образы так свято
Хранит Венеция слепым векам назло.

Вот почему тебя всегда к себе влекло
Все то, что красочно, нарядно и богато:
Стихи, и кружево, и шелк, и блеск заката,
И золотистое Венеции стекло.

Когда перед тобой я говорю свой стих,
Мне кажется, я – паж – сижу у ног твоих
И нежу чуткий слух певучею канцоной.

И если в глаз твоих глубоких синеву
Я пристально вгляжусь – мне мнится, я плыву
Лагуной дремлющей, лазорево-зеленой.

Петербург

Венецианский хрусталь

Я так люблю тебя, Венеции хрусталь,
Слегка подернутый отливами опала,
Прозрачно-дымчатый, расплывчатый, как даль,
Крапленный золотом, как лезвие кинжала.

Как отблеск жемчуга меж отблесков корала, <sic!>
Слезой дрожит в тебе неясная печаль;
И как на одалиск, что заперты в сераль,
Из кружев на тебя одето покрывало.

Неясный идеал, и радужные грезы,
И золотые сны, и радость юных сил
В стекле расплавленном художник растворил.

И в искрометный сплав, блестя, скатились слезы —
Отвергнутой любви безмолвная печаль…
Душа художника живет в тебе, хрусталь.

Мурано

Неол Рубин

Преступление [572]

Гра-стройнофиня вы не смели
Дууша со специей
И с вами муж
Плы-сонно-лыли вы в гондо-ночелле
В ка-глубоналах Веневодеции
А меж квиритом и вашим обликом
Вы уже уже
Там там вы-трестрелы
Заря и тьма
Тогда пиччикато оркестрово
Нежилая тюрьма
Сосе-милодка объясняала ж вам
К такому-то часу
Гри-сфинксо-масы.

[572] С разрывными словами. См. также «Подъезже-» и Обрученные». (*Прим. автора*.)

Алина Рубинская

Венеция

Ване

Венеция! Все красочно и ярко,
И все величьем прошлого живет;
На площади собор святого Марка
И целый день толпа людей снует.

Мозаика, и роспись, и иконы —
Все сохранилось здесь до наших дней.
Их древних храмов взятые колонны,
И группа чудных, бронзовых коней.

А ближе к морю, здесь, Палаццо
Дожей —
Как необычен нам его фасад,
И на дворцы другие не похожи,
Построенный так много лет назад:

Какие залы, потолки, картины,
Идешь, идешь и нету им конца —
И оживают прошлого картины
Величия прекрасного дворца.

Под арками – базар венецианский:
Стеклянные изделья, красота!
И два оркестра, тут же, итальянских,
И публики несметной пестрота…

Приятно здесь, за чашкой капучино
Часок, другой, спокойно посидеть,
Не чувствуя толпы снующей мимо,
Под музыку в былое улететь…

А голуби? О них-то я забыла!
Они летают всюду и везде
И забавляют публику, и мило
Воркуют по карнизам в высоте.

Вот колокольня старая с часами,
А вот другая – с этой вышины
Лазурные лагуны с островами
При заходящем солнышке видны.

Шумит мотор, вокруг волнует воду
И к пристани подходит пароход.
Моторные вошли здесь лодки в моду
И по каналам возят здесь народ.

Но все же есть, конечно, и гондолы,
И над каналом ночью, в поздний час
Несутся к звездам звуки баркароллы —
И восхищают, и волнуют нас…

Иван Рукавишников

Ponte Dei Sospiri

Легкая песня звенит над лагуною
Между водой и луной.
Вьется, как ласточка, песня веселая,
Машет крылом надо мной.
Стройно гондолу, послушную, легкую,
Гонит он длинным веслом;
Струйка за нею. Так гладь темно-синюю
Ласточка режет крылом.
Мимо дворцов он направо, до площади
С песней веселой скользил.
Колокол Марка под бронзовым молотом
Полночь в то время звонил.
Быстро гондола из глаз моих спряталась
В узкий и темный канал.
Голос еще веселей, беззаботнее
Между камней зазвучал.
Слушал я песню. За легкой гондолою
Быстрою мыслью следил.
Колокол Марка под бронзовым молотом
Все еще полночь звонил.
Чутко ловил я сквозь песню веселую
Мерные всплески весла.
Вот уж, должно быть, гондола спокойная
Мимо дворца проплыла.
Справа тюрьма, а вверху перекинулся
Каменный крытый проход;
Грузно висит он над гладью бесстрастною
Кровью пропитанных вод.
Песня несется волной беззаботною
Пошлых желаний и грез…
Что же не смолкла ты, песня бесстыдная,
В месте страданий и слез?
Ты пронеслась жизнерадостной птицею
Между проклятых камней.
В этих камнях плачет злоба предсмертная:
Ты не поплакала с ней.
Здесь раздирали тела беззащитные,
Здесь, в этой черной тюрьме.
Здесь, без надежды на тень сострадания,
Люди кричали во тьме.
Здесь из людей вырывали признания,
Чтобы вести во дворец;

Там получали страдальцы бессчетные
Вести про скорый конец.
Снова вели их в тюрьму безысходную,
В стены, где муки и тьма.
С дивным дворцом, где весь мрамор как кружево,
Связана мостом тюрьма.
Это дорога несчастных. От времени
Кровь с этих стен не сошла;
В трещинах стен доживают чудовища
Прошлого гордого зла.
Память прошедшему! Песня веселая
Гасла в дали голубой,
Гасла, как дни, что с слепою покорностью
Тихо идут за судьбой.

San Marco (отрывок)

Площадь спит, пустая, темная,
Вся из камня и огромная.
Ни огней, ни голосов;
Сторожат ее семь львов.
Первый лев, крылатый медный,
На столбе перед дворцом.
И, играя, отблеск бледный,
Лунный блеск лежит на нем.
С двухэтажной колоннадою
Для республики оградою,
Чтоб, господствуя, служил,
Тот дворец построен был.
Но со всей своею славою
Он страницею кровавою
В книгу жизни занесен,
В том обширный, всем богатый.
Справа лев второй, крылатый,
Весь в раздумье погружен,
Над собором дремлет он.
Третий смотрит за часами,
Что с луной и со звездами
В башню вделаны под ним.
Он спокойствием своим
Всем, и бедным и богатым,
И товарищам крылатым
Говорит, что все пройдет,
Говорит, что смерть не ждет.
Лев четвертый с пятым рядом
На камнях своих лежат,
Вход на площадь сторожат

И глядят унылым взглядом.
Лев шестой и лев седьмой,
Мрамор белый и немой,
Опираясь на скрижали,
Взор теряя в смутной дали,
Львы крылатые стоят,
Со стены дворца глядят
Взглядом строгим, взглядом властным,
И покойным и бесстрастным.
Ни огней, ни голосов.
Вся из камня и огромная,
Площадь спит пустая, темная.
Сторожат ее семь львов.

Владимир Саводник

Гондольер (фантазия)

Далеко во мгле потонули огни.
Беззвучно гондола скользит. Мы – одни…
Не шепчутся волны… простор… тишина…
И кротко нам светит луна.

Но, словно в тоске, ты припала к плечу,
И взор твой как будто погас… Я молчу…
Я чую, в моей твоя стынет рука,
А в сердце рыдает тоска!

Как будто бы сердце устало для грез,
Как будто их день отшумевший унес,
Как будто бы юного счастия дни
Погасли, как в море огни…

А ночь так ясна!.. – Гондольер молодой,
Ты песню, веселую песню нам спой! —
«Извольте, синьор, я готов, и спою
Вам лучшую песню свою!»

Не шепчутся волны, дробясь серебром,
И песня звучит в полумраке ночном
Так чисто, так ясно, как будто она
Ночной тишиной рождена.

Поет гондольер о далеком былом,
О славных победах над грозным врагом,
О пышных пирах средь покорных зыбей
Роскошной царицы морей.

Поет гондольер про красавиц былых,
Про знойные грозы страстей молодых,
Про негу лобзаний, про ревности яд,
Про мщенья кровавый булат.

Поет гондольер: «Весела и светла
Роскошная жизнь здесь когда-то цвела,
И многих красавиц и славных вождей
Возил я в гондоле своей.

Гондола скользила по сонной волне;
Я пел им про счастье в далекой стране,

Про роскошь Востока, про давние дни, —
И песне внимали они.

Я пел им про счастье заветной мечты,
Про вечную славу земной красоты,
Я в песне сулил им блаженные дни, —
И песне внимали они.

Я пел им о темных решеньях судьбы,
Я пел им про тщетность безумной борьбы,
Про смерть, стерегущую их в тишине, —
И сердце смеялось во мне!

В гондоле своей Дездемону я вез:
Я пел ей про счастье несбыточных грез,
Про ласки и слезы в ночной тишине, —
И сердце смеялось во мне!..»

Не шепчутся волны, дробясь серебром,
И песня звучит в полумраке ночном
Так гордо, так властно, как будто она
Нездешней мечтой рождена.

«И минет веков утомительный бред,
И смоется морем затерянный след
От жизни, когда-то кипевшей кругом —
Роскошным, пленительным сном.

И новые люди придут, и, со мной
По взморью плывя, в час дремоты ночной,
О жизни отцветшей вздохнут – и опять
О будущем станут мечтать.

И песню спою я в ночной тишине:
Спою им про счастье в далекой стране,
Про вечную юность, про светлые дни —
И песне поверят они.

Послушной мечтой убаюканы вновь,
Поверят они, что бессмертна любовь,
Что счастье и радость их ждут впереди,
И сердце взыграет в груди.

Но, в сердце взглянув темнотой моих глаз,
Я встану виденьем в полуночный час,
И смех мой раздастся, над морем звеня, —
И люди узнают меня!»

Не плещутся волны, дробясь серебром,

А хохот несется в молчанье ночном
Над водным простором, над гладью немой,
Над сонной пучиной морской.

И в дымчатой тучке исчезла луна…
Туманным покровом оделась волна… —
Смотри, на корме гондольера уж нет, —
Там голый белеет скелет!

И череп, осклабясь, взирает на нас…
Что в свете страшней темноты его глаз!
И слыша, как хохот звучит в тишине,
Ты с криком припала ко мне…

И чары ночные прогнал этот крик, —
Как жизни призыв, он мне в душу проник,
И в мир обольщений и призрачных грез
Он слово живое донес!

И призрак исчез, как видение сна, —
И снова все смолкло… Простор… тишина…
А там, на корме, озаренный луной,
Стоит гондольер молодой.

Глеб Сазонов

Пиранези

От улыбок на Риальто, от лагун святого Марка
Без цехина и без друга увезет мальчишку барка
Далеко, в края чужие – к храмам Весты и Кибелы,
К обелискам и фонтанам, к башне царственной Метэлы.

Полный смутных ожиданий удивительных видений,
Тихо, тихо по лагуне проплывает юный гений…
И узнают в гордом Риме и народ и властелины,
Что прекраснейшее в мире – позабытые руины!

Марк Самаев

«Где-то с детства Венеция есть…»

Где-то с детства Венеция есть.
И в гондолу, качнув ее, прямо
из постели я мог перелезть
через позолоченную раму.

В годы, вычитанные из книг,
уходить уже дальше старался,
под случайными взглядами тих,
в закоулках блаженно терялся.

Выйдет девушка из-за угла,
светом выхвачена напряженно,
и шепчу: «Подожди, ты могла,
ты любила, ты знала Джорджоне,

ты…» Но здесь, в этой общеземной
духоте и бензинной пылище,
я постиг, что везде под луной
только Кунцево, только Мытищи.

1966 г.

Сергей Сафонов

«Странно на душе, тоскливо отчего-то…»

Странно на душе, тоскливо отчего-то,
Несмотря на праздник радостного дня…
Точно я сегодня хоронил кого-то,
Точно кто-то близкий умер у меня…
Вижу из окна, как белые ступени
Мраморной террасы обдает прибой,
Как колышат волны прорезные тени
На груди залива бледно-голубой…
И сдается мне, что вечно так продлится:
Вечно будет море жалобно роптать,
Вечно будет сердце так же все томиться —
И прибоя всплески глухо повторять…

Венеция, 1893 г.

Венецианские грезы

Целый день к земле залив ласкался
С тихим плеском, с ропотом влюбленным…
Целый день пересказать старался
Страсть свою он плитам раскаленным.

К берегам послушно, терпеливо
Приносил он, млея от истомы,
Светлых брызг цветные переливы
И волны лазурные изломы.

Но молчали мраморные плиты
На призыв любви святой и нежной,
Блеском дня согреты и облиты,
Позабывшись в дреме безмятежной…

А когда на землю мрак спустился,
Видел я, как тот залив влюбленный
Трепетал, в бессильной страсти бился,
И стонал, и рвался, исступленный…

И рыдали волны, и метались,
Небесам тоску свою вверяя,
И тревожно тучи откликались,
Рокот моря грозно повторяя….

Не стони так жалобно, о море!
Не взметай так пену, непогода!
До зари твое продлится горе,
До зари – до ясного восхода:

Только день сияющий проглянет —
Волн гряда, утомлена грозою.
Вновь ласкать холодный берег станет
С прежней страстью, с прежнею слезою!

Из «венецианского альбома»

Сегодня тих, но сумрачен залив;
Мой старый друг мне показался новым:
Спокойных волн лазоревый отлив
Вдруг потускнел – и сделался свинцовым.

Идет ли то гроза издалека,
Иль в небе чересчур светло и знойно? —
Все так же даль ясна и широка,
Но что-то в ней тоскует беспокойно…

Венеция безмолвна, как всегда,
Ее дворцы и холодны, и строги…
Огонь небес, угрюмая вода —
И жаркий трепет сдержанной тревоги…

«Создана наша ночь не для радостных встреч…»

Создана наша ночь не для радостных встреч,
Не для шумных торжеств создана:
В тишине как-то странно разносится речь, —
Негодует в ответ тишина…
Так и кажется мне в час разлуки с тобой:
Для печали немой рождены
Эти тени дворцов в полумгле голубой,
Эти робкие всплески волны…
Как прекрасно, как жутко! расстаться – и плыть,
И отдаться на волю волне,
И о том, что нельзя ни вернуть, ни забыть,
Тихо грезить в томительном сне!

«Вчера я до зари не мог забыться сном…»

Вчера я до зари не мог забыться сном;
В тоске моя душа стонала и томилась…
А трепетная ночь плыла перед окном, —
Плыла как в забытьи, – и пела, и молилась…

Венеция спала. Спокоен и ленив,
У мрамора дворцов ласкаясь и сверкая,
На полосе луны в истоме лег залив,
Как чаша, серебром до верху налитая.

И так прозрачен был, так строен неба свод,
Что, кажется, одним волны случайным всплёском
Нарушился бы сон небес и тихих вод
И даль отозвалась тревожным отголоском.

Быть может, я один подслушал в этот час,
Чего хотела ночь в таинственном волненьи,
Кому она мечтой безгрешной отдалась,
Кого звала к себе в восторженном томленьи…

Манила ночь в тоске покой иных миров,
Властительницу-смерть, что глубь небес объемлет…
Молилась, чтоб земле заснуть без грез и снов,
Как звездный караван в прозрачной бездне дремлет.

Но это был лишь бред… Мир снова оживет:
Невольник или трус – он умереть не смеет…
Я слышал, как рассвет, предтеча дня, идет, —
Я чувствовал, как ночь тоскует и бледнеет…

Виссарион Саянов

Венеция

В холодный день светлы твои каналы,
С утра мелькают весла по волне…
Я видел это, кажется, во сне…
И в наступившей сразу тишине

Летит в волну цветное покрывало…
Да, это ты зовешь, венецианка,
Да, это ты зовешь из полусна!
Невидимая, все же ты видна,

Неслышимая, все же ты слышна…
Зовешь меня сегодня спозаранку,
Зовешь меня, и в звонкой тишине
Твое лицо обращено ко мне.

Идешь сквозь гул осенней непогоды,
По всем путям, что вечер озарил, —
И вспомнились немеркнущие годы,
Когда Россию Грамши полюбил.

М. Свентицкая

Венеция

Потухли в небесах зари вечерней краски,
На темный небосклон взошла луна,
Скользит гондола, словно лебедь в сказке…
А в ней… она…

Сверкают белизной во мраке звездном плечи,
Гирлянды роз за лодкою скользят,
И слышны страстные ликующие речи,
Блестит их взгляд…

Как на крылах вперед летят гондолы
И спит Венеция, как чудный – яркий сон,
И слышен смех вечерней баркароллы,
И арфы стон…

Владимир Святловский

Венеция

Наверно, вы не раз блуждали
По Пиацетте, вдоль аркад,
И гондольера подзывали:
«Проехать Гранде – и назад!»

Купая мраморы подножий
В струе цветистой, как опал,
Палаццо позабытых дожей
Там смотрит сумрачно в канал.

Минуем плац, где Коллионэ, —
Суров таинственный бандит, —
И вот на изумрудном фоне —
Лазурный неба монолит.

То – Адриатики безбрежной
Вечерний радостный простор,
Он чист, как запрестольный, нежный
Монахинь покаянный хор.

Когда же солнце заходило
За синей Лидо полосой
И огоньки паникадила
Сверкали в ризе золотой, —

Багрянцем вспыхнув, оживали
Червонноокие дворцы
И будто плавились эмали,
Иль тлели медные ларцы.

Вальс «Венеция» (весенний сон)

За кручами альпийских гор, —
У Адриатики ленивой,
Хранит свой царственный убор
Святого Марка Град счастливый.

В столице дожей горделивой
Я жил давно, в рассвете лет.
Любил дворцов немые залы.

И мой заносчивый берет
Видали сонные каналы…

Я помню вечер, в день приезда,
Отель, балкончик на Пьяцетту,
Шум гидов около подъезда,
Тебя, лукавую Лизетту,
Когда ты, ставни приоткрыв,
Смотрела томно на залив…

Я был взволнован, был счастлив…
День догорал. Утихли шумы,
Умолк рокочущий прилив,
Угасли молодые думы,
Рой впечатлений пережив.

Подкрался вечер. Я лениво
Уселся в кресле у окна.
Залив колышется, как нива,
Одевшись в мутные тона.
И женщин, разодетых ярко,

По узким мостикам и аркам
Шаги становятся звончей.
Не слышно взлета голубей,
Которых днем кормили гиды.
Мост «Вздохов» кажется светлей

От ярких фонарей на Лидо.
Уже луна, уже не жарко…
Чуть видны отблески огней
На сонных львах святого Марка…
Прильнувшие к столбам гондолы

Не бороздят седой воды,
Лишь пароход бурлит у мола,
Роняя искры из трубы.
Да, нарушая сон ленивый,
Вдали оркестр играет струнный
Мотив задумчивый, игривый,
Так подходящий к ночи лунной…
И, звуком нежным усыплен,
Я видел сон.

О, сладкий сон!..
В страну любви им унесен,
В края немолкнущих созвучий,
Где я, как юноша, влюблен,
Как солнце, – светлый и могучий…

И вижу я, – стою над кручей,
Сверкает море меж колонн,
Плющами мраморы увиты,
А небеса, – как божий трон,
Как из лазури монолиты.

А там, где небо с морем слито,
Жемчужные искрятся дали,
Звенит полуденный простор…
В цветах из света и эмали
Начертан неземной узор
И сил незримых слышен хор.

Я был любви и неги полон,
Горел огнем безбрежной ласки,
И видел: парус между волн,
Одежд ладьи седые краски.
В ней плыть хотел на Остров Сказки,
В который был уже влюблен.

Но вдаль ушел неверный челн…
И вот – закатом ослеплен,
Я видел только гребни волн
И слышал, как прилив вечерний
Гудел грозней и равномерней…

И, будто вещая Ундина,
Меня влекла к себе пучина
Неотразимой глубиной.
И я внезапно, как лавина,
Рванулся к пропасти седой…

Раздался всплеск, и я… проснулся…
Когда, затем, я оглянулся, —
Нависли бархаты ночи
И звезд дрожащие лучи
На них уж выткали узоры…

Растаял сон, остыла кровь,
Невидимые смолкли хоры,
И песню взволновавших снов
Сменили буден разговоры…

О, милый, незабвенный сон!..
Люблю я тех, кто был влюблен
В простор воды и гимн созвучий…
В стране любви прекрасен сон,
А юный сон – как вальс певучий…

1912 г.

Дмитрий Святополк-Мирский

Венеция

Серебро луны на зеркале лагуны.
Черные тени дворцов тянутся в глубину.
Звенит в воздухе «Santa Lucia».
Город Джорджоне и Тьеполо!
Англичане и американцы качаются в черных гондолах, и, как готические колокольни, высятся черные силуэты гребцов.
Англичане и американцы…
Чужие звуки слышатся… «Addio mia bello Napoli».
Чужая это, новая песня.
Union Jack плавает над белой яхтой.
Addio… Addio… Прощай, прощай, Венеция былого!..
Стихла песня. Медные сольди летят в протянутую руку певца.
И снова звуки слышатся. Не твои, оскверненная Царица.
Не твои, жемчужина мира, Венеция, краса вселенной, камея, на которую, в прозрачные ночи прошлого, месяц глядел дрожа и томился по тебе, Пеннорожденная!
Во дворце Дожа толкутся черные чужеземцы, и бритые лица их нахально смеются в свете электрических ламп.
Они за лиру входят туда, куда послы Султана шли как на страшный Суд Божий.
Осквернена, обесчещена, терпеливо сносишь ты позор свой. Без ропота.
Но каждый камень шепчет тебе о прошлой славе.
Серебро луны на зеркале лагуны.
Черные тени дворцов тянутся в глубину.
Черные гондолы скользят по глади канала, в белом озарении месяца.
Страстные, безудержные песни колышут полночный воздух.
Белые фигуры венецианок, белее, чем луч влюбленного месяца, выделяются на погребальном фоне гондол.

Плещется лагуна. И напевает песнь свою, близкую сердцу твоему, Венеция.
Серенады струятся. И тихий шепот любви, и женский смех, и полночный бой часов, и звон шпаги, и блеск воды – сливаются в один стройный хор. И он поет хвалу Пеннорожденной и дочери ее – царице морей, Венеции. И струится, струится сладкая песня.
О, город Тьеполо и Джорджоне!

Игорь Северянин

«Где грацией блещут гондолы…»

Где грацией блещут гондолы,
Лавируя гладью лагун;
Где знойно стрекочут мандолы;
Где каждый возлюбленный – лгун;
Где страсть беззаботна, как люди;
А люди свободны, как страсть;
Где гении столько прелюдий
Напели потомству; где пасть
Умеют победно и славно;
Где скрашена бедность огнем;
Где чувствуют смело, – недавно
Я думал о крае таком…

Июнь, <1909 г.>

Анатолий Секретев

Венеция

Посв. Поэту – Георгию Иванову

Дочь Адриатики златая,
Печально видеть Твой закат,
Волнующая неземная,
Первоплощенный Мифов Град…

Венеция – Ты, как Старушка,
В морщинах, с прошлой Красотой!
Турист – Ей милостиво в кружку
Бросает грош, как «золотой»…

О, Ты, красавица былая,
Отвергнешь, в гневе, дар грошей!
В канал зеленый, умирая,
Сойдешь, рыдая, Тень Дожжей…

Турист. О, Варвары-Столетья!
Души Твоей далек, как он.
Один Поэт лишь в Лихолетье,
С Тобой узрит минутный Сон…

1971

Н. Селиванов

Венеция

Дремлет Лев святого Марка
И царица моря спит

А. Фет

Спит мертвым сном жемчужина морей,
О прошлых славных днях храня воспоминанье.
Но и в развалинах полна так обаянья,
Что оторвать от них я не могу очей.
В седое прошлое волной воображенья
Я унесен. Мне мнится, что в окне
Дворца забытого я вижу привиденье:
В уборах дорогих, в узорчатой парче
Стоит красавица с кудрями золотыми
И грустно смотрит в даль очами голубыми,
И жадно слушает, как плачет серенада
Ей в клетке золотой – и мука, и отрада.

Александр Семенов-Тян-Шанский

Венецианские строфы

I.

1.
И вдруг Венеция! Она,
Вся как невеста убрана,
Предстала мне в красе венчальной,
И в глади вод своей зеркальной,
В красе той радостно-печальной
Она была отражена.

2.
И отражалась, и двоилась,
И то являлась, то таилась.
Да кто она? И сон, и явь…
Мудрец, ты мудрость здесь оставь,
Земные строки переплавь,
Что есть, что будет… здесь свершилось.

3.
Гляди – лагуна будто спит,
Томясь в былом и в небывалом,
И отливает, и горит,
То перламутром, то опалом,
И солнце чуть лучом усталым
Ее воскрылья золотит.

4.
Туда, туда к далеким зорям
Тут отходили корабли,
Туда… не видно их за морем,
И возвращались и несли
Добычу для своей земли
Чужим уплаченную горем.

5.
Давно под сводами дворцов
Умолкли струны, отзвенели
И звоны чаш, и глас певцов
И нет там кованых ларцов
Для самоцветных ожерелий.

6.

Умчалась празднеств вереница,
Едва найдешь их легкий след,
Но дивный Праздник длится, длится…
Ты – Адриатики Царица,
Ты – Праздник тот, другого нет.

7.
Над зачарованным каналом
Дворцы торжественным хоралом
Здесь воздымаются, зовут
Все к новым встречам и причалам.
Не здесь ли камни вопиют?

8.
Красуйся, зодчества держава!
Здесь власть твоя легка, светла,
Здесь из причудливого сплава
Камней, металла и стекла
Творцу возносится хвала;
Ему хвала и слава, слава;

9.
Зане, что славе той причастный
И человек и раб и тварь
От века призван Им, как царь
Творить свободно, самовластно;
И вот искусства на алтарь
Несет он жертвы ежечасно.

10.
Но, бедный путник, ты затерян —
Доколе здесь тебе бродить?
Красы той пестрой не испить…
Иди, не бойся, город верен
Творцу, что дал ему здесь быть,
Он весь молитвою измерен.

11.
Твой взор блуждает здесь не тщетно,
Очарований новых ждет;
От храма к храму незаметно
Тебя здесь верный путь ведет.

12.
Сосредоточие строений,
Сосредоточие души,
Здесь каждый храм взимает пени
С разнообразных впечатлений;
В его торжественной тиши

И ты, о путник, заглуши
Огни разнузданных стремлений —

13.
Иль всех соедини в одно
Молитвой дышащее пламя…
Так все вокруг – здесь в каждом храме
Каналы, площади с дворцами,
Гляди – воссоединено
И к небу вдруг вознесено.

14.
Колонны все возносят ввысь,
А выше, видишь, вознеслись
Там куполы над куполами
И крест над ними и над нами.
Какая высь!.. Перекрестись!..

15.
Благословенная минута!
Жалеть ли, что порвалась круто
Дворцов прибрежная кайма
И встал в пространстве разомкнутом
Марии храм della Salute,
Ведь Ею попрана чума?

16.
Как позолоченный цветок,
Что с неба брошен в мир наш грешный,
Сияет Марк красою вешней,
Пасхальной радостью утешной,
Но там внутри он тих и строг.

17.
Внутри священная дремота,
Внутри святая позолота
Вечерней гаснущей зари,
Свечей зажженных янтари
И мед молитв и слез без счета
Веками собранных, что в соты.

18.
Но полно, Муза, не перечь,
Пора закончить нашу речь.
Не мы одни – другие вправе
Пером и кистью право править
И могут лучше нас сберечь,
Что в сердце нам дано прославить,

19.
Печаль и прелесть увяданья
В надежде скорого свиданья…
Рассвет, а в нем уже прощанье,
Закат, а в нем иной рассвет,
Противоречий сочетанье,
Былых веков безлетний след
И скрытой вечности сиянье.

20.
Давно то Гуарди усмотрел
И Тернер то запечатлел,
Воздушным светом упоенный,
А ныне Вейдле то воспел
В стихах и прозе просветленной.

21.
Да, много тех, кто здесь бродил,
Пером и кистию водил,
Чьи стих и кисть здесь просияли,
Красы Венеции лобзали,
Кто радость пил в ее печали
И с нею радуясь грустил.

II.

1.
Довольно, Муза, не перечь!..
Но ты, ослушница поэтов,
Уже со мной на вапоретто…
Куда же хочешь ты увлечь?
Причал! Ужели остров этот?
Тут бы охотнику залечь
Стрелять по уткам в час рассвета…

2.
Полуболото, полулуг,
Кусты, кусты, а там осока,
Ну что ж – идем… Пришли и вдруг,
Как на дворе, в траве… вот сбоку
Гляди – как будто полукруг
Какой-то церкви невысокой.

3.
Все просто в ней. О кроткий зов
Былых, совсем иных веков;
Колонны тонкие, как свечи,
Над ними кровля в поперечьи
Из черепиц, как у домов;

Чуть выше выступы, что плечи,
И снова черепичный кров…

4.
Еще повыше выступ строгий…
Но разве может мой убогий,
Мой робкий стих то передать,
Как этот купол смог пологий
Едва приметно увенчать
И будто неба свод обнять.

5.
Вот этот розовато-серый
Из кирпича сложенный храм?
В нем все повымерено верой,
И мера стала верой там,
То вера в мир, то вера в меру
И в то, что Бог снисходит к нам.

6.
Здесь так же просто, и мгновенно
Как перед нами вдруг возник
Ты – милый Божий дом смиренный,
Что некий гений безыменный
В честь Santa Foska здесь воздвиг.

7.
Но мы уж рядом в базилике —
Таких не много на земле;
Святых торжественные лики,
А за престолом – погляди-ка —
Что угли в тлеющей золе
Сиянье неба в полумгле!

8.
Ведь это небо не простое,
Не голубое – золотое,
То вечность золотом горит —
И в небе том высоко стоя
На нас Владычица глядит.

9.
О добрый путник незнакомый,
Остановись, смирись, застынь,
Вглядись в одежды этой синь
И взглядом взгляд тот не покинь —
В нем тайн предвечных водоемы.

III.

1.
Тут подошел ко мне один
Приличный очень господин,
Искусствовед, знаток отменный
И Византии паладин…
Как проповедник вдохновенный
Хвалил он этот храм бесценный.

2.
Он говорил мне, что одна
Мадонна эта, что видна
На этом небе золоченом,
Ему дороже, чем милльоны
Сокровищ разных, чем полна
Венеция и чем славна.

3.
«Здесь дух, тут святость, здесь святое,
А там лишь плоть и все такое,
Чем приукрасить, чем облечь
Хотят все бренное, пустое…
Все это можно даже сжечь,
Уничтожению обречь…»

4.
Люблю внимать Савонаролам,
И этот новый был мне мил,
Своим суровым протоколом
Меня совсем он убедил.
Но вот в абсиде – за Престолом
Я снова взгляд тот уловил.
Он был ни грустным, ни веселым,
Но он прощал и не судил…

5.
Благословенна и светла
Искусства чистая основа —
Нам Богом данная хвала;
В ней луч божественного Слова…
И если та хвала была
Порою с примесью бедовой

6.
Чувств человеческих земных,
Влетев на крыльях золотых
Хвалы той радостной, – не те ли
Земные чувства просветлели,
Как просветлели песни их?

7.
Так пусть художник за свой страх
Святых своих приукрашает,
И пусть их свита выступает
В парче тяжелой и шелках
И ангелочки там играют
В кудрявых этих облаках.

8.
Хвалы затейливым приправам,
Аллегорическим забавам,
Времен минувших пестрым нравам
Ты, путник мудрый, улыбнись,
Но вспять бросаться к переправам
На древний берег берегись.

9.
С тех пор, что Слово воплотилось
И то последнее «свершилось»
Слетело к нам с Его креста,
Другое сердце в нас забилось,
Иною стала красота.

10.
Краса былая стала пресной,
Теперь, омыта силой крестной,
Она не тешит, но горит
В сердцах, как зов страны небесной;
Лишь он искусство сохранит.

IV

1.
Уже смеркалось, вечерело
И вапоретто дал гудок,
Но долго взор искал Торчелло,
Зеленый этот островок.
А тот, чье сердце сиротело,
Он был теперь не одинок.

2.
Он знал, и Муза то узнала:
Кто там на небе золотом
Блюдет без устали о том,
Чтоб здесь Венеция сияла.

3.
Метнулась чайка второпях…

За нами волны разбегались
И колыхались в камышах
И утки дикие качались
На тех смолкающих волнах.

1968–1969 гг.

Нина Серпинская

О чудесном

Сияли закатно знамена Венеции,
В лагунах тонко зеленела вода.
Шептал он: «С такими губами Лукреции
Не станете монахиней – никогда».

Качались слова, как фонарики желтые,
В тягучую топь погружая глаза,
Прежде любившие, ввертывали мертвые
Желание тончей острия ножа.

Куда-то проваливалось «я» Московское,
Чертящие жизнь на углы, круги,
И будто запела арию из «Тоски» я,
В которой качание итальянской любви.

Алексей Сидоров

Венецианский сонет

Небесный шелк неумолимо ал.
Ты позвала – прекрасная подруга.
Под ветром, надвигающимся с юга,
Нахмурился мечтательный канал.

Чью маску отеняет <sic> там портал?
То черный евнух твоего супруга.
Блеснула сталь – и зазвенел упруго
Отточенный предательский кинжал.

За поворотом, у палаццо Дожей,
Следят замаскированные тоже —
За чернобархатным плащом моим.

Последнее я шлю тебе прощанье —
Твой друг пропустит жданное свиданье.
– Я погибаю – пусть: я был любим.

«Нет луны на свете яркой…»

Нет луны на свете яркой
Как луна святого Марка,
И такого не бывало
Веселее карнавала.
Из-под каждой полумаски
Приключений ищут глазки.
Опасаться вечно надо —
Ожидает Бастонада.
Только мне не страшно фурий:
Я – Венеции Меркурий,
Знаю я как на ладони
Город славного Гольдони:
Каждой ночью вечно новы
Похожденья Казановы.

«Венеция, звезда морей…»

Венеция, звезда морей,

Тебе я буду песню петь,
Прекрасней нет страны моей,
Чтоб жить и сладко умереть.
Здесь золотая борозда
Отрадных дней, часов, ночей
– Венеция, морей звезда,
Венеция, звезда морей!

Теперь пора любить и петь,
Ответить зову ласки «да»;
Мы будем пламенно хотеть,
Чтоб длился карнавал всегда, —
Наш праздник станет веселей,
И счастьем озарит года
Венеция, звезда морей,
Венеция, морей звезда!

Моисей Скороходов

Баркаролла

Бьются волны в борт гондолы,
Освещенные луной,
И под звуки баркароллы
Мы плывем в тиши ночной.
Всюду ряд волшебных зданий
На гранитных берегах,
И неясность очертаний
В тихо блещущих волнах.
Сколько сказочных видений
В бледном сумраке ночном!
Только ты в немом томленьи
Вся склонилась над веслом.
Только ты не веришь сказкам
Этих радостных ночей,
И моим не веришь ласкам,
И тоске моих очей…

Максим Славинский

Догаресса

«В голубом эфира поле
Блещет месяц золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой»[573].

Убаюканный волнами,
Утомленный трудным днем,
В ложе, убранном коврами,
Дож заснул глубоким сном.

Тихо плещет о гондолу
Светло-синяя волна, —
И челом поникла долу
Дожа старого жена.

Звезды ясными лучами
С неба ласково глядят, —
Затуманился слезами
Догарессы светлый взгляд.

Ночь полна благоуханьем.
Ночь и нежит и томит, —
И тоскою и рыданьем
Догарессы грудь кипит.

Дож, проснись, – жена рыдает,
Обласкай, уговори!
Слезы, что из глаз роняет,
Поцелуями сотри!

Не тобой, властитель старый,
Догаресса занята, —
Ей иные снятся чары,
Снится юность-красота.

Невозвратное былое
Перед ней воскресло вдруг, —
Сжалось сердце молодое
От забытых раньше мук…

[573] Этот отрывок найден в бумагах Пушкина; продолжения не нашли. (*Прим. автора*.)

Свет и блеск. Толпой шумящей,
Улыбаясь и смеясь,
Во дворец на пир блестящий
Вся Венеция сошлась.

Бархат мягкий и тяжелый,
Море шелка и цветов…
Молодежи смех веселый,
Важный говор стариков…

Догаресса всех встречает,
Всех улыбками дарит,
На поклоны отвечает,
Но тревогой взор горит.

И страданье, и забота
Залегли в груди у ней,
Очи светлые кого-то
Робко ищут средь гостей.

Вот он, вот красавец стройный
С бледным вдумчивым челом;
Дышит взгляд любовью знойной,
Светит ласковым огнем.

Он спокойно и с улыбкой
К догарессе подошел
И, склонивши стан свой гибкий,
Речь безумную повел, —

И слова его звучали
То надеждой молодой,
То отчаяньем печали,
То безбрежною тоской:

«Завтра утром, ранним-рано,
В час, как солнце лишь взойдет
И осветит из тумана
Гладь лазурных, сонных вод,

Уезжаю навсегда я,
И тоскуя, и любя, —
Но поверь мне, дорогая,
Не забуду я тебя.

Пусть опасности и битвы
Ждут меня в стране чужой, —
Будут мне твои молитвы
И кольчугой, и броней.

О, взгляни же на прощанье
Взглядом ласковой любви,
На разлуку и страданье,
На тоску благослови!»

И внимала, замирая,
Бедным сердцем смущена,
Догаресса молодая,
Дожа старого жена…

«В голубом эфира поле
Блещет месяц золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой».

В. Сладкопевцев

Венецианское предание

По зыбкому лону холодной волны
Лениво гондола скользит,
В ней паж молодой, полный жизни красы,
С догарессой-красоткой сидит.

Лаской жгучей глаза голубые горят,
Ручки гибкие друга ласкают;
И не чует никто, что за ними следят,
Что гондолу их две нагоняют.

И уж близко совсем. Вот и рядом уж с ней.
«Стой» с передней сурово звучит.
Вздрогнул паж. Стала снега красотка белей.
«То отец мой», – она говорит.

Крепче девушку обнял красавец молодой,
Пред собою кинжал положил,
И лишь только что дож на гондолу ногой,
Он кинжалом красотку пронзил.

После в волны морские он бросился сам,
И с тех пор, как преданье гласит,
В эту ночь по холодным и зыбким волнам,
Как и прежде, гондола скользит.

Борис Смиренский

«Свернулись синие волокна…»

Свернулись синие волокна
Ночных блистающих плащей,
И блики трепетных свечей
Проникли в стрельчатые окна.

С прощальным отблеском зари
Угас на дремлющих руинах
Горячий день, и фонари
Зажглись на утлых субмаринах.

Тянулись в призрачную тьму
Зубцы соборного портала;
Луна накинула тесьму
На ленту синего канала;

И, перевязанный каймой,
Он спал, волнующе и жарко…
И мерен был курантов бой
На площади святого Марка.

Владимир Смиренский

Казанова

Тысяча любовниц целовала
Эти потускневшие глаза.
Что же делать, если жизни мало,
Если смерть перед порогом встала,
Разве можно повернуть назад?
Ведь для тысячи любовниц милым
Было это сердце, что теперь
Бьется без желаний и без силы,
Сердце, что и мне теперь постыло,
Потому что у порога – смерть.
Правда, я могу еще смеяться,
И недаром мне сказал Вольтер:
«Умный Вы, и Вам бы надо взяться
За греховный подвиг святотатца,
Дабы показать другим пример».
Но смешным уделом богослова
Не меня Вольтеру соблазнять:
Ведь еще не умер Казанова,
Неужель я не заставлю снова
Сердце девичье затрепетать?
Быть не может! Что с того, что зубы
Пожелтели, как у старика.
Разве разучились эти губы
Целовать насмешливо и грубо
Медный кубок и цветной стакан?
Снова в путь, чтоб в грохоте и гуле
Встретить уходящую весну,
Чтоб во тьме венецианских улиц
Так же, как и церкви потонули,
Самому навеки потонуть.
Но пути – тревожны и пустынны
(Вот оно, глубокое окно!)
В этой ночи, сумрачной и длинной,
Молча, с недоступной Марколиной
Прошлое мне вспомнить суждено.
А наутро в узеньком мундире
Робкий, точно мальчик, офицер.
Кто ж из нас подумает о мире,
Если солнце блещет на рапире,
А вдали ехидствует Вольтер?
Никому и ни о чем ни слова
(Надо молча отходить ко сну).

Кто сказал, что умер Казанова?
Он живет и – вот глядите – снова
Через теплый труп перешагнул…

Алексей Смирнов

В альбом Э. Ю<ргенсону>

В лунном сиянии дожей аркады;
Море в серебряном сне…
Чу! от Salute плывут серенады:
Звуки скользят по волне…

В зыбкой гондоле, дремотно мечтая,
Сладко внимать в тишине
Песням, где плачет любовь молодая
Об улетевшей весне…

Венеция, 30 июля 1908 г.

«Садик бедной траттории на Джюдекке отдаленной…»

Садик бедной траттории на Джюдекке отдаленной,
После ряда темных комнат, знойным солнцем озаренный…
Под листвою винограда как там ярки пятна света!
Как красива там хозяйка, шалью черною одета!
Вот на стол она вскочила, кисти зрелые срезая.
Как она смеется звонко, их товарищу бросая!
Стройный, юный, белокурый, весь он полон к ней участья…
И в глазах у двух влюбленных блещет молодость и счастье…

Gallo Rosso. Венеция, 1911 г.

Ирина Снегова

«Я слыхала, что упорно и давно…»

Я слыхала, что упорно и давно
Опускается Венеция на дно.
В Адриатику, в прозрачность, в синеву,
Опускается не в дреме – наяву.
Слишком людным стало море, и оно
Раскачало тишь лагун. Уйдут на дно
Колоннады, серенады, мгла времен,
Ярость мавров и безвинность Дездемон…
Ваша правда, в мире все на срок дано
И всему идти когда-нибудь на дно,
Но должны ж мы что спасаемо – спасти,
Может, можно где-то денег наскрести?
Может, можно. Хрупкий город!.. Жизнь моя
Не пускала меня в странные края.
Не видала я Венеции в глаза.
Что мне в ней!.. Спасти ее нельзя?
В доме тихо. Дождь. В окне почти темно.
Опускается Венеция на дно.

1970 г.

Леонид Собинов

Венеция (в закоулках)

Вечером узкими, темными каналами
Плыли мы, как призраки, в гóндоле,
Знакомясь с местными анналами,
Колокольный слыша звон в дали.

Мерный скрип весла всплесками
Разбил мертвую тишину пережитого;
Льется вода с весла блестками,
Как цветы на могилу забытого.

Перед нами окно светится картиною:
Внутри старец тешится скрипкою;
Ваш дворик с темно-зеленой куртиною
Подарил нас своею улыбкою.

Вдруг очаг вспыхнул в окне булочной,
Внутри тенью кто-то мелькнул спокойною.
За углом смехом рассыпался гул ночной,
Воздух пахнет водою застойною…

Еще утром был в музеях, в соборе я
Взволновался чудесными красотами,
Но и в переулках, как и там, история,
Наверно, чьими-то сохранена заботами.

7–8 октября 1933 г., Венеция

Венеция (на площади)

Длинная лысинка на небе обозначилась,
Небо такое темное, небо такое синее:
Это луна, протестуя против безбрачия,
Растаяла в облаке инеем.

И вдруг снова лунноблинная
Бледная половинка в небе катится,
А полоска лысинки длинная
Уж не полоса, а каракатица.

Гуляют по площади Марка жители,
Гуляют важно и с убеждением:

Раньше здесь были всякие дожи да правители,
На которых глядели с угождением.

Куда же пропала красота бывалая,
Достойная редких образов творчества?
Хотя бы одна полоска зари нежно-алая
Среди безрадостного богоборчества!!

И впрямь, как из луны каракатицы
Из былой красоты растет безобразие…
А люди думают, что демократия,
Иначе их назовут: «Азия»!!!

7–8 окт. 1933 г., Venezia

Николай Соколов

«В сумрак безмолвной лагуны…»

В сумрак безмолвной лагуны
Чья-то гондола плывет,
Плачут печальные струны,
Кто-то в тумане поет…

Прошлого светлые грезы
Новой печали полны…
Вянут весенние розы,
Гаснут весенние сны…

1897 г.

Сергей Соловьев

Венеция

Лазурь и свет. Зима забыта.
Канал открылся предо мной,
О край прибрежного гранита
Плеща зеленою волной.
Плыву лагуною пустынной.
Проходят женщины с корзиной
По перекинутым мостам.
Над головою, здесь и там,
Нависли дряхлые балконы,
И пожелтевшую ступень
Ласкает влага. Реет тень
И Порции, и Дездемоны.
Всё глухо и мертво теперь,
И ржавая забита дверь.

Где прежних лет моряк отважный
Спускал веселые суда,
Всё спит. На мрамор, вечно влажный,
Сбегает сонная вода.
И, призрак славы не тревожа,
Угрюмо спят чертоги дожа;
Их окон черные кресты,
Как мертвые глаза, пусты.
А здесь блистал на шумном пире
Великолепный, гордый дож,
И укрывалась молодежь
На тайном Ponte di Sospiri[574];
И раздавался томный вздох,
Где ныне плесень лишь да мох.

Венецианская лагуна
Как будто умерла давно.
Причалил я. В отеле Luna
И днем все тихо и темно,
Как под водой. Но солнце ярко
Блестит на площади Сан Марко:
И изумрудный блеск зыбей,
И воркованье голубей,
И, грезой дивною и дикой,
Родного велелепья полн,

[574] Здесь допущена историческая ошибка. (*Прим. автора*.)

Как сон, поднявшийся из волн,
Златой и синей мозаикой
Сияет византийский храм…
Ужели правда был я там?

Здесь, с Генуей коварной в споре,
Невеста дожей вознесла
Свой трон, господствуя на море
Могучей силою весла.
Здесь колыбель святой науки!
Здесь Греции златые звуки
Впервые преданы станкам.
Здесь по роскошным потолкам
Блистает нега Тинторетто.
Без тонких чувств и без идей,
Здесь создавалась жизнь людей
Из волн и солнечного света,
И несся гул ее молвы
В пустыни снежные Москвы.

Я полюбил бесповоротно
Твоих старинных мастеров.
Их побледневшие полотна
Сияют золотом ковров,
Корон, кафтанов. Полны ласки
Воздушные, сухие краски
Карпаччио. Как понял он
Урсулы непорочный сон:
Рука, прижатая к ланите…
Невольно веришь, что досель
Безбрачна брачная постель…
А море, скалы Базаити!
Роскошный фон Ломбардских стран
И юный, нежный Иоанн.

О город мертвый, погребенный!
Каналы темные твои
И ныне кроют вздох влюбленный
И слезы первые любви.
В тебе какая скрыта чара?
Давно канцона и гитара
Не будят сонные мосты,
Но так же всех сзываешь ты
Для чистых грез и неги страстной.
Твой ветер освежил мне грудь,
Он шепчет мне: «Забудь, забудь
Виденья родины ужасной
И вновь на лире оживи
Преданья нежные любви».

Венеция

Былое, словно сон тяжелый,
Рассеялось. Рожденный вновь,
У ног твоих, под плеск гондолы,
Я видел небо и любовь.
И ты как будто узнавала
Тебе знакомую страну,
Зеленоструйного канала
Следя блестящую волну,
Заливши грудь – белее снега —
Ручьями кудрей золотых…
И неожиданная нега
Восторгов, первых и святых,
Блаженно искрила зеницы.
Поверив невозможным снам,
Я целовал твои ресницы
И к влажно-рдеющим устам
Склонялся жадными устами,
И пил из них в ночной тиши
И опаляющее пламя,
И весь эфир твоей души.
Жизнь отходила, замирала…
Казалось, мы с тобой давно
В лесу подводного коралла
И тихо зеленеет дно.
Весь мир мучительных видений
Как будто навсегда исчез,
И над струями – точно тени —
Карпаччио и Веронез.
И в этом царственном затоне
Ты ощутила ночью той
В усталом от восторгов лоне
Биенье жизни молодой.
Одна, сама того не зная,
Покинув светлый горний мир,
Душа спустилась нам родная
На наших упоений пир.
О нет! Недаром ты со мною
Упала на глухое дно!
Все, все мятежное, земное
Искуплено, воплощено.
Из темно-жгучего желанья,
Из вечной ночи без лучей
Восходит новое созданье
И новая лазурь очей.

И богомольно я не смею
Твоих коснуться милых ног,
И той не назову моею,
Которую отметил Бог.

Валентин Сонгайлло

Баркаролла (песнь венецианских лодочников)

Над пучиной морской
Тихо блещет луна…
Ночь волшебства полна,
И незыблем покой.

Над волной голубой
Тихо лодка скользит, —
Гондольер молодой
Одинок в ней сидит.

Он нахмурил чело,
Затуманился взор…
«Что, иль жить тяжело,
Или давит простор?

Или сердце в груди
Стало биться сильней,
Или нету пути
К сердцу милой твоей?»

Гондольер тут запел…
По сребристым водам
Песни звук полетел,
Эхо вторит мечтам.

Песнь его не сложна,
Песнь не блещет красой,
Тихой грусти полна,
Обливаясь слезой.

Баркароллы слова
Нежной страстью звучат,
Как морская волна
Над пучиной кипят.

«Где то донна моя,
Что в гондоле катал,
Точно птица летя
Через спящий канал.

Ночь была как сейчас:
Тот же звезд хоровод,

Тот же вечера час
Усыплял говор вод.

И она предо мной
Как богиня сидит,
И небесной красой
Образ дивный блестит.

Цвет златистых кудрей
И при звездах горит,
Блеск прелестных очей
Легкой дымкой покрыт.

Как немой я сижу,
Очарован я ей
И очей не свожу
С девы чудной моей.

А гондола, скользя,
Мчаться вдаль не спешит;
Точно счастье деля,
Миг свидания длит.

Как ни силюсь тянуть
Час любви дорогой,
Но окончен наш путь,
Этот путь роковой.

И с тех пор в час ночной
Выезжаю сюда,
И мечтаю о той,
Кто ушла без следа».

А над гладью морской
Так же светит луна, —
Ночь волшебства полна
И незыблем покой.

А. Степной

На венецианском канале

Воды тихого канала
Чуть-чуть плещут о ступени,
Тишиною всюду веет,
Всюду нега, много лени.
Не звенят напевно весла —
Днем гондолы без работы —
И пока царят повсюду
Повседневные заботы.
Но на миг венецианка
Замерла в мечтах мятежных,
Позабыла труд докучный
С рядом скорбей неизбежных.
В каждом сердце – тайна жизни,
В каждом сердце есть загадка.
И к любимому, быть может,
Грезы рвутся с негой сладкой.
Может быть… А гладь канала
Дремлет тихо и спокойно,
Воздух солнечный и жгучий
Обвевает тело знойно…

Виктор Стражев

«Мерной зыбью закачала…»

Мерной зыбью закачала
В черной гондоле волна.
В глуби сонного канала
Тихо плещется луна.

Спит Ca d'Oro. Трепет лунный
Лег на мрамор кружевной.
За Риальто – рокот струнный,
На пьяцетте – гул ночной.

А над гондолой – сверканье
Белоснежного крыла.
– Милый! Милый! – И молчанье…
Плеск размеренный весла.

Вся укрыта шалью черной.
Вся – как тихая свеча.
Сердце клонится покорно…
Очи страсти – два меча.

Слов не надо. Вся – во взоре.
Тишина души хрупка.
– Дальше! К Лидо! – Близко море.
И плывут, плывут века.

Firenze, 8 июля 1907 г.
Москва, 19 июля

Венецианские ночи

Едва Гигантов звон чугунный
Замрет, на piazza, в вышине —
Как снова полночь в зыби лунной
Струит свой яд – и горе мне!

Я жду в томленьи необорном
И тот же ясно вижу сон…
-- —
Идет, идет, под маской, в черном,
Она идет из-за колонн.

Дает мне – тайно – знак условный.
Проходит. Ждет. И мы – идем.
Украдкой – поцелуй бескровный…
Piazzetta. Гондола. Плывем.

Опять колышет веер звездный
Волну и черную любовь.
И мы плывем – плывем над бездной,
И сердце слышит – смерть и кровь!

Глядит безумными глазами
Ее безумная мольба.
И гондольер стоит над нами,
И нем, и властен, как судьба.

Как гробы – мертвые palazzo.
Канал – в забвенье вечный путь.
О, сладко, сладко целоваться
И тихо никнуть к ней на грудь!

—

«Скорей! скорей!» В железной дверце
Ключа чуть звучен легкий щелк.
«О милый! милый!» Слышу в сердце
Ее шуршащий черный шелк.

Ступени. Зал. И лунных прядей
В холодном мраморе игра.
Подвески люстр горят в мириаде
Лучистых искр из серебра.

Опять! «О, нет! не бойся, милый!»
В пустынном зале – черный гроб.
Целует нежно и уныло
Луна высокий строгий лоб.

В груди – я вижу ясно-ясно! —
Мерцает сталью рукоять.
И он, мертвец, одетый в красном,
Он дышит, медленно… опять!

«О, нет! его не бойся, милый!
Он будет мертвым до утра».
Влечет. Нейти за ней – нет силы!
А в белом мраморе игра.

И холодней, чем мрамор белый,
Ее влекущая рука.

Пылай, мой сон оледенелый!
Сжигай, ты, смертная тоска!

—

За дверью – спальня, в черном крепе.
В окне – луна и тишина.
И тишина душна, как в склепе.
И смерть со страстью сплетена.

Ах, знаю: вновь не снимут маски
Любовь и тайна до утра!
И вновь в холодном теле ласки
Как пламя ярое костра.

Ах, знаю! знаю! длится то же,
И сердце слышит – смерть и кровь.
На пышном красном лунном ложе
Пылает черная любовь.

А рядом, в зале, за стеною,
В гробу, и в красном – он, мертвец.
«Нет! нет! Не встанет под луною!»
И смутно брезжит наконец!

Но лишь последнему объятью
Я отдаю последний стон —
В дверях, с погрудной рукоятью,
Стоит – из гроба красный сон!

О, кто-то слышит, верно, где-то
Тогда двойной мгновенный крик!
-- —
Лежу. На piazza. Муть рассвета.
День подымает синий лик.

2–28 декабря 1910 г.

Василий Сумбатов

Венецийский вечер

Золотой Буцентавр зари
Затонул среди синей лагуны.
В древний колокол бьют звонари.
Волны шепчут старинные руны.

Много дожеских перстней на дно
Встарь упало в лагунном просторе,
Но теперь овдовело давно
Венецийское яркое море.

А на набережной толпа
Наслаждается вечером ясным,
Для былого глуха и слепа,
К сказу волн, как всегда, безучастна.

Все пропитано солнцем кругом, —
От прогретого мрамора жарко.
Голубиная стая ковром
Застелила всю площадь Сан-Марко, —

Подвижной сине-сизый узор
С серебристо-зеленым налетом,
Резкий звук – и взметнулся ковер
Настоящим ковром-самолетом.

Снова бронзовые звонари
В старый колокол бьют молотками.
Засветились вокруг фонари,
Поползли по воде светляками.

Под колоннами – музыки гул,
Там все гуще толпа засновала.
Яркий месяц на площадь взглянул,
Будто выплыл с Большого канала,

Ярче, выше, – и, вот, по углам,
Посинев, разбегаются тени,
Луч скользит по крутым куполам
И считает у лестниц ступени.

Все зажег его пристальный взгляд —
Колокольню, узоры порталов,

Черных гондол у пристани ряд
И столбы разноцветных причалов.

Раззолочен и рассеребрен
Весь дворец ослепительных дожей…
Этот вечер запомню, как сон —
На волшебную сказку похожий!

Голуби Св. Марка

Голуби, голуби, голуби —
На золоченых конях,
В нишах, на мраморном желобе,
На капительных цветах,

И на задумчивом ангеле,
И у святых на главах
И на раскрытом Евангелии
У нимбоносного льва.

К щедрому корму приучены,
Тысячи птиц на заре
Носятся сизыми тучами,
Будто в воздушной игре.

Днем они ждут подаяния
От венецийских гостей,
Вьются вкруг них с воркованием,
Зерна клюют из горстей.

К ночи на крыши соборные,
В ниши и на фонари,
На балюстрады узорные
Сядут до новой зари.

Сизые, тихие, чинные,
Спят среди мраморных снов,
Как изваянья старинные
На архитравах дворцов.

Мост вздохов

Как мрачен в кровавом закате
Тяжелый тюремный карниз!
Мост вздохов, молитв и проклятий

Над черным каналом повис.

Налево – дворец лучезарный,
Ряды раззолоченных зал, —
В них где-то таился коварный
Всесильный паук – Трибунал;

Под крышей свинцовой направо —
Ряд каменных узких мешков…
От блеска, почета и славы
До гибели – двадцать шагов.

Алексей Сурков

Венеция

Крылатый лев Сан-Марко с высоты
Кивает нам кудлатой головой.
Здесь Каналетто старые холсты
Бледнеют перед красотой живой.

Венеция все та же до сих пор —
Вместилище находок и чудес.
Палаццо дожей, сказочный собор,
Гондолы, чайки, мачт ажурный лес.

У горизонта силуэты шхун
За маревом осеннего тепла.
И малахитовая гладь лагун
Лучистее муранского стекла.

Где прикрывает старый особняк
Канала своенравный поворот,
Старик Гольдони над толпой гуляк
Кривит улыбкой тонкогубый рот.

Тут в самый раз и размечтаться мне б.
Но возле свай, реальные вполне,
Огрызки яблок и зеленый хлеб
Качаются в лазурной глубине.

Тут унестись бы в высь подзвездных сфер.
Но, распознав мою страну и род,
«Бандьера росса» юный гондольер
Под скрип весла вполголоса поет.

Венеция! Как в пору дожей, ты
Живешь под плеск волны и скрип весла,
Но жизнь уже на старые холсты
Мазки иной эпохи нанесла.

Прошли века. Еще пойдут века.
И нас столкнут в водоворот года.
Но в море у подножья маяка
Для наших внуков будет петь вода.

П. Тайна

Венеция

Ах, не во сне же это было!
Минуя спящие palazzo,
Гондола тихая скользила…
И я глядел – глазам не верил!
……
На воде огней цветы…
Очарован… в созерцаньи…
Чую тайну красоты,
Тайну чую я в молчаньи!
……
Тьма голубая над сонной водою…
Мерцание звезд золотистых надо мною…
Тихие воды… Огни по агату змеятся…
Хочется плакать и хочется страстно смеяться!

Михаил Тамаров

«Ты помнишь, как плыли в гондоле с тобою…»

Ты помнишь, как плыли в гондоле с тобою
По сонной лагуне… Как в зеркале вод
Купалися звезды волшебной толпою,
И мнилось, что неба под нами был свод.
Подернуты дымкой тумана эфирной
Виднелись вдали силуэты дворцов
И будто, объятые дремою мирной,
Шептали о жизни минувших веков…
Мы тихо скользили, в немом упоеньи
Любуясь игрой серебристой волны…
И в этом неясном, но чудном волненьи
Мы были блаженства и счастья полны…
Ты помнишь, как вдруг над водами лагуны,
Спокойно блиставшей своей красотой,
Раздалися звуки… Как нежные струны
Сливалися с песней в аккорд неземной…
Ты помнишь ли эти волшебные звуки
И песнь бесконечной, безумной любви?..
В ней слышалось счастье, блаженство и муки,
И трепет страстей, и волненье в крови.
В них слышались светлые, юные грезы,
Надежда и вера в грядущие дни…
И звуки той песни в нас вызвали слезы —
Так были правдивы и страстны они.
С последним аккордом замолкнули струны…
Уж звезды бледнели пред светом зари…
А мы не спешили покинуть лагуны,
Как будто все слушали песню любви.

Владимир Торопыгин

«Вода вдоль колоннады немо…»

Вода вдоль колоннады немо
на площадь хлынула опять…
Венеция – одна, как небо,
другой такой не отыскать

с каналом Гранде в камне сером
дворцов, уснувших вечным сном,
с певучим криком гондольеров
и криком чаек под окном…

Но и в таком необычайном
сосредоточье красоты
я нахожу – как бы случайно —
давно знакомые черты.

Канал, мерцающий и дымный,
мост и вода, как тетива,
мне кажутся канавкой Зимней,
а вся лагуна – как Нева.

Венецианка-длинноножка
над зеленеющей волной
идет в резиновых сапожках,
как ты по лесу
в дождь грибной.

Александра Тулунова

Венеция

В Венеции мы не были с тобой.
Но, может быть, в каком-то сновиденьи
На набережной в час уже ночной
Мы, юные, шептались в упоеньи?
Сверкнув улыбкой, лодочник простой
Нас пригласил уплыть с ним по теченью.
И о любви он пел с такой тоской,
Что душу нам перевернуло пенье.
«Ой! ой!» – на повороте он взывал.
Канал дворцы жилые отражал…
Не помнится, где плыли мы потом?
Причалив там – куда ушли вдвоем?
В Венеции ты был со мной иль не был —
Об этом знают только сны и небо…

Петр Успенский

Венеция (из путевых набросков)

Быстро несутся гондолы,
Мягко скользя по волне.
Чудный напев баркаролы
Издали слышится мне.
Там, где уснувший Риальто
Мрачно навис над водой,
Чей-то прелестный контральто
Мягкою льется волной.
Вот под мостом показалась
Барка с оркестром певцов;
Чудное пенье раздалось…
Все это мне рисовалось
Грезой чарующих снов.
Рядом огней разноцветных
Барка кругом убрана;
Массою блесток несметных
В море дробится луна.
Бледным мерцаньем одета,
Площадь Соборная спит;
Дремлет во мраке Piazetta;
Полночь на башне звучит.
Замер Palazzo Ducale —
Памятник злой старины;
Вот, отражаясь в канале,
Окна темницы видны;
Мрачные, темные своды,
Страшно тяжелая дверь…
Это – могила свободы…
Лучше ль, однако, теперь?!..
Спят боковые каналы,
Мрачно чернея меж стен;
Тайной полны их анналы[575],
Пытками, рядом измен…
Кровью полны их страницы!..
Дальше! Теперь нас зовут
Чудные трели певицы —
Там, где гондол вереницы
К барке с оркестром плывут.
Здесь по волнам озаренным
Весело радостно плыть;

[575] Летопись. (*Прим. автора.*)

Хочется быть здесь влюбленным, —
Да и нельзя им не быть:
Негой любви и отрады
Южная ночь так полна;
Страстно звучат серенады;
В море дробится луна…

Венеция, 1899 г.

Александр Федоров

Венеция

Как черный призрак, медленно, беззвучно
Скользит гондола. Тонкое весло
Вздымается, как легкое крыло,
И движется, с водою неразлучно.

Блестит волны бездушное стекло
И отражает замкнуто и скучно
Небесный свод, сияющий докучно,
Безжизненный, как мертвое чело,

И ряд дворцов, где вечный мрамор жарко
Дыханьем бурь и солнца опален.
Венеция! Где блеск былых времен?

Твой лев заснул на площади Сан-Марко.
Сквозят мосты. Висит над аркой – арка.
Скользит гондола, черная, как сон.

Татьяна Филановская

Осенняя Венеция

Я иду вдоль Канала
По Венеции Дожей,
На Васильевский остров
Щемяще похожей.
Словно тронуты струны
Чьей-то легкой рукой,
Влажный ветер с лагуны
И туман над рекой,
И гранит этот мокрый,
Те же мостики, львы —
У Фонтанки, у Мойки
И в разливе Невы.
Но нельзя обернуться
И потрогать нельзя,
На речном пароходе,
По Каналу скользя.
Я на площадь Сан-Марко
Выхожу не спеша.
По-сентябрьски не жарко,
И томится душа.
И в тоске этой острой
Слиты радость и грусть, —
На Васильевский остров
Больше я не вернусь.

Борис Филиппов

«Тиной и рыбой несет от каналов…»

Тиной и рыбой несет от каналов,
и коты здесь не дикие, как в Риме,
а сытые, очевидно, одним запахом
густой и едкой ухи Венеции.
Полосатые тельняшки гондольеров
облегают торсы обрюзгших атлетов,
и вода полощется повсюду, —
зеленый навар злато-бурой отставной царицы,
нежащейся на изумрудном ковре Адриатики.
На площади Святого Марка оркестрики ресторанов
играют вальсы Штрауса и Грека Зорбу,
и скрипач вдвое складывается в поклоне
публике, лакающей пиво и кока-колу.
А официанты с лицами Сенек и Платонов
на лету подхватывают грошовые чаевые,
и даровые слушатели-венецианцы
толпятся поодаль,
хлопая музыкантам оглушительно-дружно.
За день набегаешься по хоромам и храмам
до мозолей кровавых и кровавого пота,
а вечером слушаешь на каналах гармошку
и хрипотцу певца, уставшего за день.

«Глоток вина, горбушка хлеба, винограда кисть…»

Глоток вина, горбушка хлеба, винограда кисть —
и облака над дремлющим Торчелло…
Все зелено. И старый гондольер,
зевая, крестит рот над тинистым каналом.
А ящериц! – не счесть их средь камней
и даже в придорожной траттории.
А в храме солнечном на небе золотом
синеют Богоматери одежды.
И черти синие беззлобно и слегка
терзают грешников —
по долгу службы только:
ведь грех на Адриатике необорим,
а жизнь так сладостна под твердью изумрудной…
И снова небо, Адриатика, земля
обильная, любимая…

Нина Харкевич

«Венеция, видавшая все виды…»

Венеция, видавшая все виды
И Дожей, и Австрийцев, и Склавон,
Из-за приезда Fräulein Doctor Лиды
Вдруг поняла, что все летит вверх дном.

Сыскать в Музеях невозможно гидов,
Хранилища искусства опустели,
На пароходике удрали все на Лидо
(Уж очень все купаться захотели!).

И по ночам напрасно хочет немчура,
Чтоб при луне их в гондолах возили.
Исчезли гондольеры… но куда?
Увы! И те на Лидо все уплыли.

И кто в медовую луну
Сюда приехал, без оглядки
Жену бросает на плацу,
На Лидо мчит во все лопатки —

--

Среди пустующих домов
Одна лишь тень безмолвно ходит…
Она без шляпы, без очков —
Покоя ищет – не находит! —

Шлет нижайший всем поклон
Ядовитый ваш Скорпион.

Владислав Ходасевич

«„Вот в этом палаццо жила Дездемона…“»

«Вот в этом палаццо жила Дездемона…»
Все это неправда, но стыдно смеяться.
Смотри, как стоят за колонной колонна
Вот в этом палаццо.

Вдали затихает вечерняя Пьяцца,
Беззвучно вращается свод небосклона,
Расшитый звездами, как шапка паяца.

Минувшее – мальчик, упавший с балкона…
Того, что настанет, не нужно касаться…
Быть может, и правда – жила Дездемона
Вот в этом палаццо?..

Полдень

Как на бульваре тихо, ясно, сонно!
Подхвачен ветром, побежал песок
И на траву плеснул сыпучим гребнем…
Теперь мне любо приходить сюда
И долго так сидеть, полузабывшись.
Мне нравится, почти не глядя, слушать
То смех, то плач детей, то по дорожке
За обручем их бег отчетливый. Прекрасно!
Вот шум, такой же вечный и правдивый.
Как шум дождя, прибоя или ветра.

Никто меня не знает. Здесь я просто
Прохожий, обыватель, «господин»
В коричневом пальто и круглой шляпе,
Ничем не замечательный. Вот рядом
Присела барышня с раскрытой книгой. Мальчик
С ведерком и совочком примостился
У самых ног моих. Насупив брови,
Он возится в песке, и я таким огромным
Себе кажусь от этого соседства,
Что вспоминаю,
Как сам я сиживал у львиного столпа
В Венеции. Над этой жизнью малой,
Над головой в картузике зеленом,

Я возвышаюсь, как тяжелый камень,
Многовековый, переживший много
Людей и царств, предательств и геройств.
А мальчик деловито наполняет
Ведерышко песком и, опрокинув, сыплет
Мне на ноги, на башмаки… Прекрасно!

И с легким сердцем я припоминаю,
Как жарок был венецианский полдень,
Как надо мною реял недвижимо
Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах,
А надо львом, круглясь и розовея,
Бежало облачко. А выше, выше —
Темно-густая синь, и в ней катились
Незримые, но пламенные звезды,
Сейчас они пылают над бульваром,
Над мальчиком и надо мной. Безумно
Лучи их борются с лучами солнца…

Ветер
Всё шелестит песчаными волнами,
Листает книгу барышни. И всё, что слышу,
Преображенное каким-то мудрым чудом,
Так полновесно западает в сердце,
Что уж ни слов, ни мыслей мне не надо,
И я смотрю как бы обратным взором
В себя.
И так пленительна души живая влага,
Что, как Нарцисс, я с берега земного
Срываюсь и лечу туда, где я один,
В моем родном, первоначальном мире,
Лицом к лицу с собой, потерянным когда-то —
И обретенным вновь… И еле внятно
Мне слышен голос барышни: «Простите,
Который час?»

Встреча

В час утренний у Santa Margherita
Я повстречал ее. Она стояла
На мостике, спиной к перилам. Пальцы
На сером камне, точно лепестки,
Легко лежали. Сжатые колени
Под белым платьем проступали слабо.
Она ждала. Кого? В шестнадцать лет
Кто грезится прекрасной англичанке
В Венеции? Не знаю – и не должно

Мне знать того. Не для пустых догадок
Ту девушку припомнил я сегодня.
Она стояла, залитая солнцем,
Но мягкие поля панамской шляпы
Касались плеч приподнятых – и тенью
Прохладною лицо покрыли. Синий
И чистый взор лился оттуда, словно
Те воды свежие, что пробегают
По каменному ложу горной речки,
Певучие и быстрые… Тогда-то
Увидел я тот взор невыразимый,
Который нам, поэтам, суждено
Увидеть раз и после помнить вечно.
Всего на миг является пред нами
Он на земле, божественно вселяясь
В случайные лазурные глаза.
Но плещут в нем те пламенные бури,
Но вьются в нем те голубые вихри,
Которые потом звучали мне
В сияньи солнца, в плеске черных гондол,
В летучей тени голубя и в красной
Струе вина.
И поздним вечером, когда я шел
К себе домой, о том же мне шептали
Певучие шаги венецианок,
И собственный мой шаг казался звонче,
Стремительней и легче. Ах, куда,
Куда в тот миг мое вспорхнуло сердце,
Когда тяжелый ключ с пружинным звоном
Я повернул в замке? И отчего,
Переступив порог сеней холодных,
Я в темноте у каменной цистерны
Стоял так долго? Ощупью взбираясь
По лестнице, влюбленностью назвал я
Свое волненье. Но теперь я знаю,
Что крепкого вина в тот день вкусил я —
И чувствовал еще в устах моих
Его минутный вкус. А вечный хмель
Пришел потом.

«Брента, рыжая речонка…»

Адриатические волны!
О, Брента!..

Евгений Онегин

Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,
Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.

С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья,
Частого дождя кропанье
Да на согнутых плечах
Плащ из мокрого брезента.
С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах.

1920 г.

«Интриги бирж, потуги наций…»

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А всё под сводом Прокураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив туфельки рядком,
Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И не без горечи сокрытой
Хожу и мыслю иногда,
Что Некто, мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда,

Нечаянно развеселится,
Весь мир улыбкой озаря,
На шаль красотки заглядится,
Забудется, как нынче я, —

И всё исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто – в легкой и приятной
Венецианской болтовне.

Романс [576]

«В голубом Эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый Дож плывет в гондоле
С Догарессой молодой.

Догаресса молодая»
На супруга не глядит,
Белой грудью не вздыхая,
Ничего не говорит.

Тяжко долгое молчанье,
Но, осмелясь наконец,
Про высокое преданье
Запевает им гребец.

И под Тассову октаву
Старец сызнова живет,
И супругу он по праву
Томно за руку берет.

Но супруга молодая
В море дальнее глядит.
Не ропща и не вздыхая,
Ничего не говорит.

Охлаждаясь поневоле,
Дож поникнул головой.
Ночь тиха. В небесном поле
Ходит Веспер золотой.

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указует
Возвращаться ко дворцу.

20 марта 1924 г., Венеция

[576] Окончание пушкинского наброска. Первые пять стихов написаны Пушкиным в 1822 г. (*Прим. автора.*).

«Нет ничего прекрасней и привольней…»

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному.
По-новому тогда перед тобою
Дворцы венецианские предстанут.
Помедли на ступенях, а потом
Сядь в гондолу. К Риальто подплывая,
Вдохни свободно запах рыбы, масла
Прогорклого и овощей лежалых
И вспомни без раскаянья, что поезд
Уж Мэстре, вероятно, миновал.
Потом зайди в лавчонку banco lotto,
Поставь на семь, четырнадцать и сорок,
Пройдись по Мерчерии, пообедай
С бутылкою Вальполичелла. В девять
Переоденься, и явись на Пьяцце,
И под финал волшебной увертюры
Тангейзера – подумай: «Уж теперь
Она проехала Понтеббу». Как привольно!
На сердце и свежо и горьковато.

Варвара Холодковская

Ночь в Венеции

Тихо спускается ночь ароматная
С горних далеких высот,
Синих небес глубина необъятная
Блещет миллионами звезд.
Диском серебряным в бледном сиянии
Тихо всплывает луна,
Плещется робко в приветном журчании
В берег канала волна.
В сумраке ночи белеют колонны
Герцога мрачных дворцов,
Блещет холодный мрамор балконов
В благоуханьи цветов.
Звук мандолины и нежный и сладостный
Слышен в ночной тишине.
С легкой улыбкой привета и радости
Тень промелькнула в окне.
Ближе доносится звук мандолины,
Точно кого-то зовет…
И под окно молодой синьорины
Тихо гондола встает.
И баркаролою страстной и знойной
Даль оглашается вод…
Юный красавец, высокий и стройный,
Ту баркаролу поет.
«Выйди, желанная, выйди, прекрасная,
Дай мне взглянуть на тебя.
Свет моей жизни, солнышко ясное,
Я умираю, любя.
Выйди скорей, дорогая Инеса <sic>,
Жду я с гондолой моей,
Скроет от мира нас ночи завеса
Легкою тенью своей».
Тихо открылась окна половина,
И средь ночной тишины
В ней показалася вдруг синьорина,
Облита светом луны.
«Рыцарь прекрасный мой, любим мы оба:
Бдительна стража отца,
Верной тебе я останусь до гроба,
Но не покину дворца.
Зоркие очи сердитой дуэньи
Бодрствуют даже во сне.

Так призови же, мой рыцарь, терпенье,
Или забудь обо мне».
– «Так посмотри же, как я умираю», —
Рыцарь печально сказал.
Острый клинок дорогого кинжала
В твердой руке не дрожал.
И, засверкавши, глубоко вонзилась
В сердце холодная сталь…
Выплыв из облак, луна озарила
Светом зеркальную даль.
С криком отчаянья вдруг распахнулась
Рама широких окон,
Тень синьорины безумно метнулась
Через высокий балкон.
Волны канала бесшумно раскрыли
Черные бездны свои,
Тело красавицы в них погрузилось
С криком последним: «прости!»
Волны канала безгласное тело
Прочь унесли от дворца,
Быстро за ними гондола летела
С трупом красавца-певца.

1913 г.

Гурий Хронусов

Венецианская мелодия

Над сонною владычицей морей
Спустилась ночь!
Но загорелся блеск твоих очей —
– И тени прочь!
Как светлое виденье на балкон
Явилась ты!
Волшебных грез повеял сладкий сон!
Летят мечты!
И пышная колышет грудь волну
Любовных мук!
Твоя перчатка скрыла белизну
Лилейных рук!
В спираль крутясь, к щекам твоих кудрей
Припал фонтан!
И кудри шелку мягкого нежней!
Их цвет – каштан!
Не долго тонкий шарф красу твоей
Груди таил —
– И легкий ветер мрамора белей
Плечо открыл!
И шлет луна, играя и блестя,
Лучей обман!
И платье, страстно шелком шелестя,
Схватило стан!
Спустись скорей ко мне! Давно уж нас
Гондола ждет!
Давно и лунной ночи тихий час
К любви зовет!
Вон там вдали сверкает и блестит
Волна морей!
И нежно так, лаская, говорит:
«Ко мне скорей!»
Умчимся мы, и заиграет кровь —
– Я песнь спою!
И в песне той открою всю любовь
Тебе мою!
К гранатам влажных губ прильну, горя,
Я много раз!
И в розы утренних небес заря
Оденет нас!

Георгий Цагарели

Венеция

Вечерний ярко-алый шелк
Украсил свод небес просторный.
Ты проплыла в гондоле черной,
И золотой канал умолк…

А я слежу огней игру,
Моя любовь неутолима.
Прощай!.. у стен Иерусалима
Твоим я рыцарем умру!

На закате

Венеция горит, изящные палаты
В каналах отразив, как в глубине зеркал.
Вечерний небосклон в рубинах засверкал,
Осыпав золотом старинных стен заплаты.

Спокойно шли века… И Марка лев крылатый,
На книгу наступив, к мечтам надменно звал…
Корабль морских бродяг в лагуну приплывал,
И грабили дворцы веселые пираты.

По зыби алых вод тяжелые гондолы
Скользили, торопясь. Смолкал напев веселый
Влюбленных рыцарей и уличных певцов.

Вставало зарево в густеющем тумане,
И доносился стон из дымных окон зданий,
И принимал канал остывших мертвецов.

Николай Цветков

Ночью в Венеции

Сергею Николаевичу Цветкову

Тихая песнь несется с гондолы,
светлая в небе сияет луна,
тихо – кругом… лишь волна плещет робко,
нежно гондолу качает она…
Думы несутся одна за другою,
но на душе нет печали, тревог:
чудная ночь успокоила сердце, —
нежный ласкает лицо ветерок.
Звезды на небе блистают, играют —
вдруг оборвется одна, упадет,
с неба высокого, темного неба
в море глубокое быстро уйдет.
Вот проплывает другая гондола.
Слышатся тихие звуки на ней:
чудную кто-то поет серенаду,
– звуки все льются нежней…
Ночь безмятежная! ночь восхищенья!
сколько в тебе красоты,
сколько покоя в тебе, упоенья!
Ты – создана для мечты!

Венеция, 30 июля 1906 г.

Лидия Чарская

Дож и Адриатика

Синь небес… Лучи восхода,
Клики праздного народа…
И цветы… цветы!

Сколько красок, жизни, света,
Сколько радости, привета,
Блеска красоты!

Слышны сладостные звуки —
Чьи-то трепетные руки
Струны шевелят.

Всюду говор, оживленье…
Лодки в праздничном смятенье
По морю скользят.

Под жемчужною фатою,
Вся покорная прибою
Голубых валов,

Ждет невеста, замирая,
Южным солнцем залитая,
Ждет у берегов.

Папа дожа Себастьяна
С дщерью мощной океана
Обручить решил.

Чтоб над бездною морскою
Как над верною женою
Человек царил…

Вот зачем венециане,
Горожанки, горожане
К морю собрались.

Разукрашены гондолы,
Сладкозвучные виолы
Нежно раздались.

В лодке, розами увитой,
Дож Циани именитый

С музыкой плывет.

Отпрыск царственного рода,
На глазах всего народа
Себастьян встает.

Перстень с папскою буллою
Высоко над головою
Поднимает он.

Кротко море голубое,
Притаилось не живое…
Стих виолы звон.

В знак покорности стихии
Дож алмазы дорогие
Морю отдает.

И бросает перстень в волны,
Что порою злобы полны,
Так страшат народ.

И опять виолы сладкой
Звуки слышатся украдкой
В славу красоты.

И горят лучи восхода…
Громче возгласы народа…
И цветы… цветы…

Степан Чахотин

«Мне снится вновь и призрачность каналов…»

Мне снится вновь и призрачность каналов,
И тихая печаль гондол,
И дружный звон изысканных бокалов,
И убранный цветами стол.

Я помню: в спальне – старая икона,
В гостиной – бабушкин портрет.
А у раскрытого, в цветах, балкона
Знакомый стройный силуэт.

Я легкий жест руки надменной знаю,
Печаль в улыбке узнаю.
Вновь сладкие часы переживаю,
Вновь яд воспоминаний пью.

Усталым золотом лучи заката
Венчают купол и портал.
Под поцелуем алого граната
Амур влюбленный задремал.

Но в небесах, лагуной отраженных,
Являет лик мне свой любовь.
Как эхо дней забытых, отдаленных, —
Венеция мне снится вновь.

«Позднею ночью, при белой луне…»

Позднею ночью, при белой луне,
Лик твой, Венеция, нравится мне.

Мрачный и ветхий каналов убор
Тайной столетий чарует мой взор.

В окна покинутых, гордых дворцов
Призраки смотрят, и слышен их зов.

И по балконам, крестам, куполам,
Звонким ступеням и сонным мостам

Тени и вздохи чуть внятно скользят,

Шепотом мне о любви говорят.

Музыка грустных и пламенных слов
С масок снимает оковы веков.

Музыке смерти мне сладко внимать.
Мертвых любовь я желаю узнать.

Много ночей напролет я не сплю.
Призраки! призраки! вас лишь люблю.

«Кружится сладко голова…»

Кружится сладко голова.
Ясней пылает ум.
Идут беспечные слова
Навстречу вместо дум.
Играет искрами вино.
Звеня, пьянит бокал.
«Откроем, Арлекин, окно
На темный наш канал.
Смотрите, тишина кругом…
Как сонный страж, – луна.
Лагуна томным, лунным сном
И негою полна.
Умолкло эхо серенад,
Толпы нарядной гул.
Осенней влагой дышет сад,
В саду Амур уснул».
«– О, маска! я не Арлекин.
Я – тень забытых снов.
Из снежных голубых равнин
На твой пришел я зов».
«От вас исходит свет луча» —
В ответ раздался смех.
Коснулись две руки плеча.
И бог любви утех
В саду проснулся и стрелой
Два сердца вмиг пронзил.
Дыханьем, пламенной игрой
Он двух соединил.
Идут бессвязные слова.
В тумане алом ум.
Кружится сладко голова,
А в сердце странный шум.

«Тобою я не встречен…»

Тобою я не встречен.
Сжимает сердце жуть.
Я весел был, беспечен…
Теперь пустынен путь.
Плывут ночные тени.
Летают злые сны.
Ночь, полная сомнений,
Без звезд и без луны!
Над водами лагуны
Туман повис седой.
Натянутые струны
Нарушат ли покой?
Встают и где-то тают
Старинные мосты,
И страхи замирают
Во мраке пустоты.
Гондола к дальней цели
Ни медлит, ни спешит.
О сердце, не во сне ли
Тоска меня томит?
Ответ я слышу ясный:
– Ты к пристани причаль,
Твой путь, как ночь, опасный
Сулит одну печаль.

Венеция, лето 1911 г.

«Miracoli! с высокого дворца…»

Miracoli! с высокого дворца,
Из окон я библиотеки
Твой вижу силуэт, как тень лица,
Уснувшего, любя, навеки.
И мост, и призрачный канал,
Молитвы старых колоколен,
И ряд пустынных, сонных зал,
Где я брожу, любовью болен.
Колонны, мраморный балкон,
Молчат аккорды клавесина.
Вот маска, веер и роброн,
Часы – у черного камина.
Портреты предков и дожей,
Парчи великолепной складки,
Старинных кружев, фонарей

И люстры бронзовой остатки…
Всё это жило для любви,
Дыша канцонами и страстью.
Miracoli! в моей крови
Почти уж нет ее, к несчастью…

«Последний день приходит карнавала…»

Последний день приходит карнавала,
Я с каждым часом становлюсь грустней,
Любовь меня к балкону приковала,
Любовь меня пытает много дней.

В вечернем небе зарево пожара.
Последний луч на мраморе дворцов.
Я сердцем жду безропотно удара
И слышу тихий и упорный зов.

Гондолы след – серебряная лента,
С лиловой шляпы улетает <sic!> вуаль.
Как вор, урочного я жду момента,
Как страж, свой взор я устремляю вдаль.

Но нет и нет! тревожней миг за мигом!
Пишу письмо, безумное, как бред,
Начало лжи, таинственным интригам,
Предчувствие возможных близких бед.

Последняя, в объятьях карнавала,
Нисходит ночь, на ухо шепчет мне:
«Вынь роковой любви из сердца жало,
Чтоб не гореть на медленном огне».

Но я отверг совет. Смеясь и плача,
Я принял вызов смелый и слепой.
Победа ли, позор ли, неудача? —
Мне все равно: молясь, вступлю я в бой.

Венеция

«Опять в palazzo Morosini…»

Опять в palazzo Morosini,
По темной лестнице, за мной,
В плаще и в маске, бледно-синий
Восходит тихо призрак твой!

Тяжелый ключ имеет каждый.
В замке старинном ржавый звук
В глухую полночь слышен дважды,
Как эхо в сердце, полном мук.

Твой звонкий шаг в просторных залах
Почти сливается с моим.
Свинец в плечах, в ногах усталых,
И жест руки неуловим.

Идем туда: к последней двери.
Я приглашаю. Я зову.
В любовь, как в грех прекрасный, верю,
Любя во сне, как наяву…

Вот кресло и камин. Я сяду
На мраморном полу у ног
Того, кто дал мне выпить яду,
Кто был со мной суров и строг.

Мне слов не надо. Не забуду
Святых и пламенных речей,
Звучавших раз в угоду чуду,
Исторгших слезы из очей.

Позволь обнять твои колени.
Склонись, о предок мой, ко мне…
Соединятся наши тени
В последней, вечной Тишине.

Венеция, осень 1912 г.

Венеция

Лагуна спит. В лучах заката
Висят недвижно паруса
И цепью золотых дукатов
Дворцов сверкает полоса.

Скользит бесшумная гондола,
Качаясь мерно в такт весла,
Бренчит, поет вдали мандола.
Без меры город, без числа…

Люблю, Венеция, твой облик,
Твоих каналов аромат,
Гортанный гондольера окрик,

Забытый у палаццо сад.

Твоих старинных закоулков
Замысловатый лабиринт,
Мостов, каналов, переулков,
Зеленных лавок, бочек вин…

Оторван здесь от жизни были,
Умчавшись сотни лет назад,
Я розово-душистой пыли
Веков вдыхаю аромат.

1925

Федор Червинский

В Венеции

Будут мне грезиться многие годы
Узких каналов зеленые воды,
Мрамор твоих почерневших дворцов,
Тихого Лидо пески золотые,
Теплого моря валы голубые,
Белые крылья его парусов…

Будут мне грезиться многие годы
В серых туманах отчизны моей
Старой темницы подземные своды
Рядом с волшебным дворцом палачей,
Песни вечерние в гондолах сонных
Под светозарным покровом небес,
Куполы храмов, в водах отраженных,
Мачт отдаленных желтеющий лес…

Многие годы, о, многие годы,
В серых туманах отчизны скорбя,
Буду я жаждать, как узник – свободы,
Снова увидеть тебя…

Колау Чернявский

Удине

Со старой гравюры

И Удине, и Пьяцца Контарена.
Шатры купцов цыганские на ней.
На площади – латинская арена,
– Смиряют резвых, бьющихся коней.

Здесь лавочник, на нищего похожий.
Как римлянка, просящий величав.
Ему подать склоняется прохожий,
А он сидит, надменно замолчав.

Над чашею фонтана, сенью лоджий
Крылатый лев на острие меча
Напоминает нам столицу дожей,
Как отблеском далекого луча.

И в плесени, как в черни горностая,
Тая убранство белое свое,
Венеция румяно золотая,
Жеманная, желанная встает.

Игорь Чиннов

«Задуматься, забыться, замечтаться…»

Задуматься, забыться, замечтаться,
Заслушаться ночной тоски.
Венеция, весна, и ночь, и пьяцца.

Вот – хризантемы, видишь – орхидеи
(Обрывки дыма и туман).
Что ж, посидим, друг другу руки грея.

Нет, волшебство едва ли возвратится.
От лунных чар болят виски
(Платить по счету: кьянти, асти, пицца).

И мы идем, и в луже грязной роза,
А музыка один обман,
Как постаревшая Принцесса Греза.

«И по Дворцу венецианских дожей…»

И по Дворцу венецианских дожей,
Среди парчи и бархатов кровавых,
Мечей, кинжалов, воинов суровых,
Я шел, не воин – беженец, прохожий,
И щерился Отелло темнокожий,
Испытанный в воинственных забавах.

В тяжелой мрачности Эскориала,
Где ожидалась дивная победа,
Плыла Непобедимая Армада
(Она непоправимо затонула) —
И здание суровое дрожало
От грозных кликов смертного парада.

И тот миланский грузный замок Сфорца.
Как много битв, и стонов, и проклятий!
(Там со Христом, убитым, Богоматерь —
Работа Микеланджело – и Смерти.)
…Я слушал кровь слабеющего сердца,
Беглец, усталый от кровопролитий.

Георгий Чулков

Сон в Венеции

Per occulta virtù che da lei mosse,
D'antico amor senti la gran potenza.

Dante

Венеция прекрасная!
Святого Марка возлюбленная дочь!
Я ночью дивною тебя увидел —
Каналы томные, волшебные дворцы…
И траур гондолы,
И сон твоих лагун,
И звон твоих часов на башне —
Весь мир твой стал понятен мне.

И сказка древняя казалась мне вчерашней былью:
И вновь с зеленым морем дож венчался твой;
В палаццо Тинторетто вновь писал
Плафоны пышные;
Фасады прокураций венчались розами;
А там, на пьяцце белой,
Восточную колонну, с львом крылатым Марка,
Надменно ставила, как дар богатый,
Толпа венецианцев…
Яркий сон веков!

Великолепная Венеция!
Твоей одежды коснуться жаркими устами, —
Тайной страстью питая сердце,
Тайную надежду лелея,
Что будет миг —
И нагота священной плоти откроется,
И ты на ложе золотом томиться будешь
В знойной новой неге.

Так верить… Боже!
И ночью, в час свиданья,
К палаццо дожей
Робко, тихо прийти и ждать.
И там, внутри, по темным коридорам, искать тебя,
И шорохам внимать пугливо;
Стыдливую любовь сменить безумствами;
И влагу страсти пить…

Так снилось мне.
Но сны пришли иные.
Морей зеленых диво! Венеция! Прости!
Родных полей я чую тишину…
И вновь я ваш, желтеющие нивы!
И вы, леса…
Кровь ранней осени на бледных листьях ваших
Милее мне, чем царственный и пышный багрянец
Красавицы заморской.

Странная Россия!
Твою я песню слышу.
Сердце верит песне…
Чудесней мир вокруг:
Ты улыбнулась мне таинственной улыбкой;
Стан твой нежно-гибкий склонился над криницей;
Вон дикой вереницей проплыли журавли;
Вон в небе облак сизый…
Как зыбок путь мой!
Пусть… Люблю…

Венеция

Как близко та, чье имя тайна!
Как близок мой последний день…
Но вот, я знаю, неслучайно
Венеции мне снится тень.

То тихий плеск ее лагуны,
То пьяццы блеск и белый свет,
Лепечут, шепчут нежно струны,
И лепет их – любовный бред.

Она, закутанная в шали,
А он? Не я ли этот он?
И в сердце страсти и печали
Смешал венецианский сон.

Так этот мир – как берег Леты —
Очарования и сны:
Любви таинственной обеты,
Дыханье неземной весны.

И тишина – как укоризна
Хмельной душе – во мне поет:
Узнай, поэт, твоя отчизна

У берегов Летейских вод.

8 февраля 1920 г.

Воспоминание

Венеция почила в тихом сне,
И тихий лепет струн – как шепот сонный, —
И лунный свет подобен пелене,
Раскинутой над ночью благовонной…

Таинственная! Ты – со мной вдвоем —
Нам суждено изведать страх забвенья.
И кажется, что вот сейчас умрем
От нежного, как сон, прикосновенья…

Ада Чумаченко

Венеция

Какой Венецией, – смотри!
Москва прикинулась сегодня.
На поле розовой зари
Мосток, как брошенная сходня,
И зыбко пляшут фонари
В разливах темных луж сегодня.

И вечер в зеркале канав,
Совсем как в зеркале лагуны,
Считает, крылья разметав,
Огней натянутые струны
И смотрит в зыбкий блеск канав,
Совсем как в зеркало лагуны.

А здесь, под аркой, у ворот,
В платке, накинутом на плечи,
Весна, как девушка, поет,
Поет и ждет желанной встречи,
А ветер ей целует рот,
И шаль с волос ползет на плечи…

1925 г.

Николай Шатров

«Я положил себе за правило…»

Я положил себе за правило:
Не вмешиваться ни во что!
Хотя б всю землю окровавило,
Лишь полы подколю пальто.

Земля… Приветствую конец ее,
Чуть шляпу приподняв на миг.
Моя любовница – Венеция!
Бог к Адриатике приник.

Любыми прохожу каналами,
Дробящими кристалл звезды.
За всеми флагами линялыми
Цветут подводные сады.

Где музыка (не ваша грузная)
Хрустальной люстрою звенит.
А люстры светятся медузами,
Всплывая во дворцах в зенит.

Я встречусь, наконец, не с жалкими
Рабынями ночных минут,
Холоднокровными русалками,
Что так позорно к людям льнут.

Но, переполненный терпением,
Не зная в вечности преград,
Усну, завороженный пением
Душ, ввергнутых страстями в Ад.

Дмитрий Шаховской

Венеция

Страна, где голуби некрылы,
А сторожит их пленный лев,
С брегов младенческого Нила
На крыльях тяжких прилетев, —

Я мерно плыл в твоем канале,
Когда у узкого крыльца
Меня, в гондолах двух, нагнали
Четыре маски… Их лица

Лицом нагим не привлекая,
Следить я начал скорый ход
Гондол упругих. Так за Каем,
Вдруг, Кая легкая идет.

Гондолы шли… У поворота
(Опять у узкого крыльца)
Мелькнуло в черных лицах что-то —
Без глаз, без света, без лица.

Приостановлен в созерцаньи,
Поэму новую творя, —
Я бросил взор на тихий, ранний
Лимонный отсвет фонаря.

И там увидел, что пустое
Вокруг и – мертвое лицо;
Нет ни поэтов, ни героев, —
Ни бесноватых, ни слепцов, —

Одни лишь хладные провалы,
Провалы вниз, провалы вдоль,
На гондольерах, на каналах,
На буквах огненных: «Бристоль».

Георгий Шенгели

«В голубом эфира поле…»

В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Догаресса молодая [577],
Призадумавшись, глядит,
Как звезда любви, играя,
Мутны волны золотит.

Глянул дож и поникает,
Думой сумрачной томим:
Ах, опять красой сверкает
Тот патриций перед ним,

Тот прелестник и повеса…
Вдруг донесся дальний крик,
И пугливо догаресса
Обратила бледный лик.

Молвил дож, помедлив мало,
Указуя на волну:
– «То спустили в глубь канала
Долг забывшую жену».

Догаресса поневоле
Прикрывает взор живой.
В голубом эфира поле
Никнет Веспер золотой.

1925 г.

[577] Первые пять стихов принадлежат Пушкину. (*Прим. автора.*)

Вячеслав Шене

«Прядут безжалостные Парки…»

Прядут безжалостные Парки
…….
Созвездий многоокий хор
Над площадью Святого Марка
Согласный выводил узор.

Был день веселый карнавала.
Среди задумчивых лагун
Весну Венеция встречала
И пеньем, и бренчаньем струн.
Поблекли радужные краски
Дворцами огражденных вод.
Со смехом в пестрый хоровод
Стекались отовсюду маски.
Дурманил праздничный угар,
Влекли нарядные уборы,
И сердца возбуждали жар
Красавиц пламенные взоры.
Очарования полна,
Ночной владычица природы,
Смотрелась южная луна
В Адриатические воды;
Под звуки нежных баркарол
И грохот шумной сарабанды
Ряды таинственных гондол
Скользили по Canale Grande;
И над зеркальной гладью струй
Ладьям вдогонку посылали
Венецианки поцелуй
С мостов Риальто и Кавалли.
Аккорды сладких серенад
Мешались с музыкой бравурной;
Певцы Италии лазурной
Уже сошлись на маскарад.
И каждый раз, как песня спета,
Они при звоне мандолин
Сбирали piccola moneta
У разодетых синьорин.
Вокруг полуденное море
Свои раскинуло красы,
И били медленно на Torre
Del Orologio часы.

В ту ночь, залив пересекая,
Под равномерный шум весла,
От Лидо, золотом сверкая,
Гондола тихая плыла.
В ней путник ехал одинокий,
Глаза в пространство устремив,
И элегантный, и высокий,
Лицом задумчив и красив.
Среди подушек он парчовых
Сидел, исполнен тайных грез.
Его поспешно в город вез
Каналов житель бирюзовых.
Сирены выли тут и там;
Искрясь цветными фонарями.
От берегов и к берегам
Ладьи тянулись за ладьями;
Мигали тысячами глаз
Небес полночные светила,
Но ничего не веселило,
Казалось, путника сейчас.
Печальным созерцая взглядом
Лагуны царственный простор,
Веселый смех он слышал рядом.
Но ни девиц наивный взор,
Ни серпантина дождь без меры,
Ни вапоретто ход вдали,
Ни песни жгучие гетеры
Его от дум не отвлекли.

Сергей Шервинский

Венеция

(*секстина*)

«Поедемте, друзья, на гладь лагун!
Лазурь веслом сверкающим встревожим!
Ведь не любить, пока наш голос юн,
Венеции и песен мы не можем.
Настройте строи виолинных струн.
Без струн я не хочу быть даже дожем!

Без струн я не хочу быть даже дожем!
Подальше от Сан Марко! До лагун
Недалеко! – не то бряцаньем струн
Мы строгие мозаики встревожим…
Я взял цветов. Кидать их в волны можем.
Фиалки тем, кто белокур и юн!

Фиалки тем, кто белокур и юн!
Пусть Тициан сидит со старым дожем. —
Но с нами Виоланта; песней можем
Прославить нежный взор, – сапфир лагун! —
Клянусь, сердца сегодня мы встревожим:
Ее слова как серенады струн.

Ее слова как серенады струн,
Парча и смех. О, кто из нас не юн?
Мы будущим веселья не встревожим!..
Мой будет бучентавр! Я буду дожем!
Под гром литавр помчусь я вдоль лагун!
Мы о судьбе загадывать не можем!

Мы о судьбе загадывать не можем!
Мы любим мессы, как и пенье струн.
Наш круг благочестив, о, пусть он юн.
Мы честь твоя, владычица лагун!
И, правые пред папой и пред дожем,
Сомненьями мы гладь небес встревожим!

Сомненьями мы гладь небес встревожим!
Не всё ль равно? Мы „завтра“ знать не можем,
Кем будем мы, кто крючником, кто дожем!
Но нам – Венеция и звоны струн!

Люби любовь и музыку, кто юн!
Поедемте, друзья, на гладь лагун!»

«Старки». 18 августа 1913 г.

В Венеции

[Взошел посев, – пришлось нам жать…
От этой глупости житейской
Порой так хочется бежать,
Бежать к лагуне венецейской.

То было счастье, что ее
Успел увидеть я, хоть кратко,
Когда казалось грустным всё,
А сердце так сжималось сладко…

Той невеселою весной,
Российские покинув долы,
Зеленоватою волной
Баюкал я корму гондолы.

Какое наслажденье мне
Мое безлюдье доставляло.
Ничто, как в мимолетном сне,
Печаль души не отравляло…

Закончив вечером обед
В гостинице американской,
Менял я ресторанный свет
На полумрак венецианский,]

О, теплый полумрак ночной…
На Riva dei Schiavoni
Стоял я и дышал волной
Морских соленых благовоний,

И ветер прикасаньем крыл
Ласкал мне волосы и шляпу…
А лев безмолвный возносил
Над морем бронзовую лапу.

И было хорошо молчать…
Лишь я, Венеция да море…
Иль черную ладью качать
Туда, к San Giorgio Maggiore,

Где песни давних серенад

Поют измученные девы,
А путешествующий рад
Внимать их скорбные напевы…

Ему ль, пришельцу, не прощу?
Он пьян от воздуха лагуны…
Я сам так сладостно грущу,
Заслышав голоса и струны!

[В них что-то пламенное есть,
И песня кажется веселой,
И пестрых фонарей не счесть
Над слишком громоздкой гондолой…

Одни и те же лодки тут
Звучат от музыки продажной,
А утром мертвецов везут
На остров под псалом протяжный…]

Лежи, облокотясь на край
Не накренив его налево,
Безмолвствуй, слушай и вздыхай
От венецейского напева…

Вдали в огнях piazzetta… Там
Звучит – вздымаясь – гул оркестра.
Взнесен там Верди к небесам
Бесалиеровским маэстро…

Сливаются в единый гул
Оркестр вдали и серенада…
И я в них канул, утонул,
И лучшего душе не надо…

Я не один в ладье ночной…
Я чувствую над сердцем узы
И, одинокие, с тоской
Уста целую призрак Музы.

21 мая 1917 г.

Четыре города

Сергею Соловьеву

Нет места на земле, к которому любовней
Я был бы, чем к тебе, родимая Москва,
Твоя мне дорога седая голова,

Всегда к тебе иду с любовию сыновней…
Подругой детства мне Флоренция была,
Больная, чуткая и строже, чем другие.
Она, как лилия, в моей душе цвела,
Ей покровительствовала с небес Мария…
Когда же юношеский пыл зажег мне кровь
Мятежным праздников любви, страстей, мученья,
К тебе, Венеция, о, первая любовь,
Я уносил души безумные влеченья…
Теперь, переходя срединный свой порог,
Когда столь многое избыто и знакомо,
С благоговением тебя я жду, о, Рома,
О, Рим… Надежная ты пристань всех дорог,
К вину минувшего привычному устами.
На землю скорбную, не чуждый пилигрим,
Но словно в дом родной, вступлю в твой мир, о, Рим,
Шумящий водами, глаголящий крестами,
Проливший мирру роз на мрамор алтарей,
И вам я поклонюсь, проникнув в вечный улей,
О, Юлий[578] древности, и ты, о новый Юлий[579], —
В печальном золоте кампанских ноябрей…

1917 г.

Гондола

Когда по Сухоне я плыл и по Двине,
Где лиственниц леса и рек разливных дюны,
Пузатые баржи там понравились мне, —
Но более люблю я гондолу лагуны…
Моей Венеции бесшумная ладья!
О тихая стрела! Словно скорбью, одета
Черной ты бахромой. Люблю твой траур я.
Нарочно создана, чтоб баюкать поэта,
Немая гондола, под арками мостов
Скользящая своим серебрящимся носом.
С нее внимать легко звукам многоголосым,
Житейской музыке каналов и домов,
Где сопрани звучат под певучую скрипку.
Как мило с гондолы в вечерний миг улыбку
Красавице дарить!.. В поворотах, где сор
И мшист нагих дворцов угол заплесневелый,
Мой гондольер, слегка склонясь в рубахе белой,
Гулкий крик подает, и встречный гондольер
Ему ответствует, и, рядом проплывая,

[578] Юлий Цезарь. (*Прим. автора.*)
[579] Папа Юлий II. (*Прим. автора.*)

Проходят гондолы, не задевая края…
…….
Май благодатный был, когда я одиноко
Томился от лучей венецианских звезд.
В воду текли цветы из-за стены высокой,
И тени с говором скользили через мост,
Одеты в белое… Сомненьями не мучим,
В накрененной ладье, южной ночью дыша,
Я мира пил красу, и в городе певучем
Цвела так сладостно влюбленная душа!

Язык Венеции

Нет музыки нежней, чем говор человечий,
Но в повседневности шумливых наших дней
Мы в четырех стенах людские слышим речи,
То крик оратора, то диалог друзей…
Но в странном городе на берегу лагуны,
Где с морем венчаны, медлительные луны
Баюкают в ладьях благоуханный май, —
Там говору людей на воле ты внимай.
Где тихие мосты, где до морских окраин
Доносится удар гигантовых часов,
Где каждый стройный миг из тишины изваян,
Услышишь пенье, крик, брань, ропот голосов, —
Их гулко отдают зеленые глубины…
Язык Венеции, как рокот голубиный,
Тех смирных голубей, чей легкий трепет мил
Плечу туриста… Я и каждый их кормил
На знойной площади у Марковых подножий,
Где, виден издали, исконный Вены враг,
На мачте треплется красно-зеленый флаг
Турина юного над ветхим градом дожей…

К сторожу церкви Сан-Джорджо Дэи Скьявони

Еще ты жив ли, мой единственный приятель
В Венеции? Ужель роковая война
Тебя оторвала от твоего окна,
Не для того, чтобы пополнить, – мой создатель! —
Смелых колонн ряды, что альпийскую грудь
Дробят, предведены седовласым Кадорной, —
Ты был уж слишком стар, – но смерть могла спугнуть
Тебя, и, может быть, уже на лодке черной
По лагуне твой прах увезли в тишину

Морского кладбища твои внучата, дети
И семейные все… Я помню: в ту весну
Я любил посмотреть, как ты рыбачьи сети
Сшиваешь сморщенной и узлистой рукой,
По подоконнику протягивая ногу,
Которую томят ревматизмы в пустой,
Но славной церкви. Здесь уже не служат богу
Давно… Алый шарф повязав, одиноко
Небритый здесь сидишь… Ты рассказывал мне,
Как жил художник тут из России далекой,
Что чай обильно пил, что только по весне
Уехал, что с тобой распростился как с другом…
Я в болтовне твоей всего не понимал,
Но полнилась душа блаженнейшим недугом…
Сан-Джорджо! Милый храм, и уютен, и мал,
Полутемный, блестит вековой позолотой…
Карпаччо на стенах прилежною работою
По фризу нам явил простодушный рассказ:
Там братья прах несут почившего в восторге,
А там, копьем разя, проносится Георгий
На фоне города в передвечерний час.

Венецианская дева

С. С. Заяицкому

Я знаю: позы ты не принял иезуитской,
С негодованьем ты не станешь отвергать
Нестрогие стихи, мой милый Заяицкий,
Где только памяти хочу я помогать…
Ты помнишь милых дев Венеции любезной?
Ах, лунным вечером иль лучше ночью звездной,
Невольно юношу таинственно влечет
Под арку темную гигантовых ворот,
Где извивается шумливо Мерчериа.
В ней движется толпа, а в окнах кисти бус,
Мозаик пестрота пленяют чуждый вкус,
Со львом апостольским тисненья дорогие
И слава поздняя муранского стекла…
А там стоит она, таясь из-за угла,
Мещанка по лицу, по стану королева,
Венецианская пленительная дева,
Которая меж нас своей добычи ждет…
Иль страстью на тебя уста их не дышали?
Ты помнишь беглый взгляд и траур длинной шали,
И в переулок вдруг нежданный поворот,
И смех заманчивый, и низкий тэмбр альта, —

И здесь у Сан-Дзулиан иль около Риальто
Идет к ней юноша и предлагает сесть
В немую гондолу, чтоб вместе ночь провесть.
Вот отданы пути случайной Ариадне…
Нет города нежней, но нет и беспощадней
Венеции! Ее причудливая сеть,
Где триста мостиков не устают висеть
Над бездной роковой канальца иль канала,
Таит до наших дней и Шейлоков немало,
И всяких нор, куда полночная краса.
Увозит юношей, – храни их небеса!..
Ладья, накренена, скользит стрелою; скоро
Уж пройден Вендрамин и золотой Ка д'Оро,
Но вот красавицы корыстный произвол
В ущелье мшистое любовный пыл увел,
Уж гондола скользит по темным переулкам.
Вот церковь проплыла, мелькнув во мраке гулком
Сырой стеной. Кругом безлюдно и темно,
Лишь ругань сыплется в открытое окно,
Крик женский иногда пронзает воздух влажный,
Да изредка удар иль поцелуй продажный…
Ах, страшно!.. Что ему прелестный шепчет рот
На языке чужом? Вот новый поворот,
И приоткрыла дверь им грязная трущоба…
Здесь вместо ложа ты найдешь… не крышку гроба, —
А смерть безвестную, бескровной раны боль
И для нетления лагунной влаги соль…
А этот кто такой, стоит, в кармане роясь?
Наверно, у него кинжал заткнут за пояс?!
Решетка для чего у черного окна?
И в доме почему такая тишина?
О, бедный юноша! Промолвив «buona sera»,
Уже красавице он кинул кошелек,
Из лодки не встает и молит гондольера,
Чтоб поскорей его отсюда он извлек…
Отелло, Джессика, ридотто, Казанова!..
Проклятый романтизм! Нет, на пьяцетту снова,
Где плавная толпа, где шумные кафэ,
Где речь звучна, как стих в Торкватовой строфе,
Где гондолы толпой бескрылой присмирели,
Где чопорно царит роскошный Даниэли
И, с лошади следя беспечные часы,
Взмывают короля крученые усы…
Так, Заяицкий мой, ты жив, и я доволен,
И даже ни душой, ни телом ты не болен,
И ныне легкий нрав исправить собрался…
Увы, проглочен крюк, натянута леса.
Пропитан Фолькельтом, сигарой и рейнвейном,
Предвижу, будешь ты почтенным и семейным,

И скоро, скоро уж на свадебных пирах,
Наверно, у тебя я буду в шаферах…
Но, верю я, тебя семейные обузы
Не вовсе отвлекут от дружественных уз,
И поэтический наш сохранят союз
Навек любимые и праведные музы!..

У моста вздохов

Однажды, обратясь к Понтэ дэи Соспири,
Я склонился на мост, чей влажный парапет
Стал блестящим от рук за четыреста лет,
И за спиной моей волна лагунной шири
Плескалась тихо… Миг тот черный помню я,
В Венеции, где мы так редко брови хмурим!..
Исполняя закон, зеленая ладья
В этот миг подплыла ко входу древних тюрем,
И на лодке сидел меж сабель наголо
Преступник в кандалах, большой, красноволосый,
В разорванном холсте. Страдание свело
Ему конвульсией скулу и нос курносый…
Им убит человек? Чужой расхищен скарб?
Обесчещена ль им на Мурано невеста?
Иль с моря негодяй босой агенобарб,
Завернувший сюда из гавани Триеста,
Чтоб по Венеции звон разнести оков?..
Был прочитан приказ. Слова звучали четко.
И гулко звякнула тюремная решетка,
И промозглую пасть на миг открыл засов, —
И зверь вдруг заревел, и мускулы надули
Белесые бугры… Кусал он цепь свою,
Завопил, зарыдал и грохнулся в ладью, —
Но тут три пары рук солдатских протолкнули
Его в колодезь тьмы… И томительный вздох
Меж нами пролетел, стоявшими на сгибе
Изящного моста… Гранит, одетый в мох,
Вдруг призраком возник из молчаливой зыби
Веков и вод. Тюрьмой неизбывной стоит
Любимица любви и томных дилеттантов!
Явью чудится нам согревший мрамор плит,
Труп обезглавленный на Лестнице Гигантов…

Дитя Венеции

На плитах каменных, соседствующих с влагой,

Где днем и ночью спит слепой старик с багром,
Где часто ветреник проходит с тонкой шпагой,
Сопровождаемый всегда ростовщиком, —
Ты свет увидела, и знала ты измала
Прикосновенье лишь к ногам горящих плит,
И жалась, смуглая, к подножью пьедестала,
Где мнится путнику звон вычурный копыт
Коня роскошного, на коем рыцарь бритый
С лицом Нечистого и панцырем покрытый
Жезл в бронзовой руке налево повернул.
Здесь у кирпичных стен ты вслушивалась в гул
Томивших радостью тебя богослужений,
Месс с причтом золотым у дожеских гробниц,
Здесь лет в четырнадцать ты припадала ниц,
Молясь: боялась ты соседских осуждений
За мимолетный грех, приплывший на корме
С веслом плескающим, свершенный в сладкой тьме
Апрельской полночи у храмовой абсиды…
Ты из объятий тех гроша не унесла, —
Лишь сладострастный плеск влюбленного весла
Да сердце полное младенческой обидой.
А после в кружевном большом воротнике
Сияла во дворцах, окружена рабами,
Виолам праздничным внимала вдалеке,
Томилась и цвела беспутными ночами,
И золото волос твоих пленяло кисть,
И славили твою беспечную корысть…
Когда же ты была застигнута нежданно
Болезнью, старостью, забвеньем, нищетой,
Перевезли тебя на лодке безуханной
Под алым рубищем лагуной голубой,
И дочь твоя, дитя, которой ты не знала,
На плитах каменных под ливнями дрожала,
Похожа на тебя, курчава, как и ты,
Дитя лагунное красы и нищеты…
Дитя Венеции! Тебя я знаю ныне.
Когда с Бедекером исписанным к картине
Прославленной я путь причудливый ищу,
Среди убожества о прошлом не грущу,
Хотя и не забыв совсем о Чайльд Гарольде,
Склоняюсь, проходя, под влажное белье,
Из переулка вдруг мне личико твое
Мелькнет, и слышу я привычный возглас «Soldi!»,
Как легкий ветерок по струнам тростника…
Но, помня издавна все наставленья гидов,
Пристрастья к нищенке улыбкою не выдав,
Вхожу в прохладный храм, – взволнованный слегка, —
И прямо к алтарю иду без колебанья,
Где фра-Антонио уж обещает стать

Мне на день идолом научного мечтанья, —
Так изумительно умел он птиц писать…

Байрон в Венеции

Любимый из певцов, и ты пронесся здесь!
В сих переулках ты бродил, как демон, – весь
Истерзан грозами весенними… Приметил
Лишь чистый глаз детей, как взор поэта светел…
Через Италию должны вести певцов
Камены. Ты прошел среди ее сынов,
Как луч из мрака туч, с улыбкой сладострастья,
Любовник пламени и дольнего несчастья! —
Меж тем как там вдали тебя уже звала
Эллада, милая для гениев… Свобода
Сама у плеч твоих взрастила два крыла
И сына лучшего как жертву отдала
Воспоминанию мятежному народа!..
И здесь, в Венеции, меж гондол и гитар
Ты юность жег. Богов завистливая кара
Ждала тебя, – а ты лелеял путь Икара,
Когда мелькал в плаще во мраке звездных чар
И призраком смутил безумие Эдгара…

Анатолий Штейгер

«Здесь мы могли бродить с тобою вместе…»

Здесь мы могли бродить с тобою вместе,
Но я – один и, как слепой во тьме,
Закрыв глаза и вдруг застыв на месте,
Стою часы, – и лишь одно в уме…

Пока плечом толкнет в сердцах прохожий,
И я проснусь и, содрогаясь весь,
Увижу пред собой Палаццо Дожей,
И Марк мне скажет: – Почему ты здесь?..

Абрам Штейнберг

Венецианский дож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.